НА ЛИНИИ ФРОНТА

ПРАВДА О ВОЙНЕ

Электрон Приклонский

ДНЕВНИК САМОХОДЧИКА

БОЕВОЙ ПУТЬ
МЕХАНИКА-ВОДИТЕЛЯ ИСУ-152

1942—1945

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Дневники Электрона Приклонского, кавалера нескольких орденов Отечественной войны, – увлекательный и честный рассказ о военных буднях механика-водителя тяжелой самоходной установки ИСУ-152. Молодой офицер принимал участие в боевых действиях на территории России, Украины, Латвии, Эстонии, Польши, сменил несколько боевых машин, каждый раз оставаясь в живых лишь чудом. Самоходка стала его верной боевой подругой и родным домом. Но тяжелая машина была исключительно трудна в вождении и требовала ежедневного технического обслуживания. Технику-лейтенанту Э. Е. Приклонскому не раз приходилось вызволять ее из болот и проталин, вытаскивать из кюветов, восстанавливать узлы и агрегаты буквально из обломков. Фронтовые хроники содержат массу тактических примеров использования тяжелой самоходной артиллерии в различных видах боя.

- Дневник самоходчика: Боевой путь механика-водителя ИСУ-152
  -
  - От издательства
  - 1942 год
  - 1943 год
  - 1944 год
  - 1945 год
  - Иллюстрации

Дневник самоходчика: Боевой путь механика-водителя ИСУ-152

От издательства

«И охота тебе мучиться? – спрашивают друзья, опять застав меня за этим бесплодным, с их точки зрения, времяпровождением. Может быть, они и правы, не знаю, но не писать не могу: так много потрясающих событий, человеческих страданий и смертей прошло перед моими глазами – нет, сквозь самое сердце – и запечатлелось глубоко в памяти, подобно следу, оставшемуся на броне после крепкого удара болванки...» Такую запись оставил в своем дневнике 28 октября 1943 года техник-лейтенант, водитель тяжелой самоходной артиллерийской установки СУ-152 Электрон Евгеньевич Приклонский.

Дневник Э. Е. Приклонского (род. в 1924 году) замечателен не только экзотическим именем его автора (впрочем, для человека, рожденного в романтические двадцатые годы, это имя не столь необычно), но и захватывающим повествованием. Кавалер двух орденов Отечественной войны и ордена Красной Звезды, несколько раз горевший в своей очень грозной для любого немецкого танка, но и очень уязвимой неповоротливой самоходке, переписывал свои дневники несколько раз – после того, как оригиналы который раз сгорали в очередной боевой машине. И снова терял боевых друзей, менял экипажи, полки и фронты...

Тяжело в ученье, тяжело в бою, тяжело вытаскивать застрявшую в болоте машину, еще тяжелее – эвакуировать ее же, сломавшуюся или подбитую в чистом поле, под обстрелом. Вообще, эпизоды с поломками занимают немалую часть книги. И борьба с болотами, зыбучими песками, изношенными двигателями и ходовой частью была не менее тяжела и изнурительна, и, как увидит читатель, занимала значительно больше места, чем атаки на врага и огневой бой. Изнуряющая, монотонная работа по выкапыванию пятидесятитонной машины из болотной жижи, вытаскиванию из коварных весенних проталин и кюветов – в грязи, холоде, всегда с пустым желудком, оставленным наступающим полком в полном одиночестве. Вот когда проходящая мимо пехота ощущала, что она – «царица полей».

К чести автора надо сказать, что молодость не оставляла места тоске и унынию и вся книга пронизана тонким, здоровым чувством юмора. Точно так же не покидала Э. Е. Приклонского и уверенность в неизбежной победе, которую автор встретил на переформировке в Москве, потеряв очередную боевую машину уже в Германии, в январе 1945 года.

Дневники Э. Е. Приклонского представляют несомненный интерес не только для простого читателя, но и для военного историка, поскольку содержат массу тактических примеров использования тяжелой самоходной артиллерии в различных видах боя. Автору приходилось вести свою СУ-152 (в дальнейшем он пересел на ИСУ-152) в атаку без поддержки танков и пехоты, ходить в передовой дозор, освобождать населенные пункты и даже захватывать плацдармы.

Весьма интересна и первая часть книги, подробно рассказывающая о месяцах напряженной учебы вчерашних школьников в Челябинском танково-техническом училище в 1942 – начале 1943 года. Автор отмечает не только тяжелые бытовые условия и, нередко, полуголодное существование, но и высокий профессионализм преподавателей, чрезвычайную насыщенность учебной программы, что позволило в короткие сроки воспитать из вчерашних школьников высоких профессионалов, которые на равных боролись с немецкими танковыми асами.

Разумеется, у Э. Е. Приклонского было не так много свободного времени и возможностей для ежедневных подробных дневниковых записей. Хорошая память и отличные литературные способности позволили автору уже после войны «развернуть» короткие дневниковые заметки в большое цельное повествование. Данная книга – увлекательный и честный рассказ о войне ветерана Великой войны.

1942 год

3 июня

Вечером принесли повестку. В ней значилось, что завтра в 8.00 мне надлежит явиться в военкомат (указан адрес) с документами и вещами. Наконец-то! Уже десять месяцев я сижу в эвакуации в Магнитогорске, куда прибыл вместе с несколькими смоленскими детскими домами. Ребята, мои одногодки, тоже получили повестки. Я не сирота, но семья моя разбросана сейчас по всей стране: отец, старший батальонный комиссар, пропал без вести где-то под Вязьмой; мать с сестренками в хаосе эвакуации оказалась в городе Сампуре Тамбовской области.

4 июня

В военкомате призывников быстро разбили на команды. К великому изумлению и к искренней радости моей, здесь, в эвакуации, на Урале, встречаю вдруг в толчее посреди двора школьного друга Володю Стефанова. Он все такой же тихий и задумчивый, как и в родном Смоленске, и мне почему-то даже жалко его стало. Мы с ним в одной команде. Наверное, и учиться будем вместе.

Во второй половине дня нас отвели на вокзал. Состав под будущих курсантов уже подан. На перроне замечаю среди шевелящейся толпы моих новых друзей по эвакуации – маленькую, подтянутую Марию Михайловну и Катю. Это меня так растрогало, что даже слезы на глазах навернулись. Они передали мне объемистый сверток с провиантом, как будто ехать нам предстоит не в Челябинск, а прямым сообщением на фронт. Поэтому одну из двух буханок хлеба и еще что-то в пакете возвращаю женщинам обратно. Торопливо попрощавшись со мною (уже раздалась громкая команда: «По вагонам!»), они стали напротив нашего вагона: Мария Михайловна с круглым хлебом под мышкой и с поджатыми узкими губами и зеленоглазая Катя в ватной стеганке и в простеньком платочке. Спасибо вам, дорогие! Все-таки как хорошо, когда кто-нибудь тебя провожает...

Поезд тронулся после того, как паровоз насвистелся вдоволь; дрогнул и медленно поплыл мимо перрон, переполненный провожающими; замелькали поднятые руки, платочки и кепки, лица с открытыми ртами, но разобрать в общем гаме нельзя было

почти ничего.

Возбужденные прощанием, а иные еще и водкой, парни начали рассортировываться по полкам жесткого пассажирского вагона, а я все смотрел в окно. Вдали, подпирая небо, словно сказочные атланты, прощально протягивали до самого горизонта свои черные дымы шесть магнитогорских домен. Сколько же упорства, сил и искусства потребовалось строителям для того, чтобы за каких-то одиннадцать месяцев (если считать, что пятую домну заложили в конце июня прошлого года) возвести, обсушить и задуть еще две, самые крупные в Союзе, доменные печи. А ведь кладка, вопреки всем правилам, велась даже во время самых сильных морозов, днем и ночью. Раза три старшеклассники нашей и других школ работали на воскресниках возле этих гигантских сооружений, убирая территорию стройки. И если у подножия печей нас пробирало до животиков дикими сквозняками и леденящей стужей, то совсем нетрудно представить себе, каково было людям там, на самом верху.

Поезд наш неторопливо пересчитывал стыки, поднимаясь на север. Все. «Гражданке» конец.

5 июня

Поезд прибыл в Челябинск утром. И вот мы «строем», разномастные, пестря одеждой, являемся в ЧВАШМ – Челябинскую военную авиационную школу механиков.

Быстрая и четкая процедура приема, во время которой выясняется, что школа авиамехаников – это не авиационное училище (в Челябинске есть еще и ЧВАУ – Челябинское военное авиационное училище), – и нас отправляют в карантин. На лицах многих ребят разочарование, но изменить уже ничего нельзя.

Ночуем в малых палатках, строго расставленных в два длинных ряда по дну какого-то рва, должно быть открытого тира, а днем работаем. Ров вылизан до того чисто, что ни на дне его, ни на склонах не отыщешь и травинки. Вокруг серо и уныло.

Смешно: мы – карантинники, а нас в штатской одежде водят кормить в курсантскую столовую. А одежда на нас грязная: в ней работаем, в ней и спим прямо на земле, если не учитывать жиденького слоя соломы, поистертой боками наших предшественников. Мысленно благодарю отца за то, что с малых лет приучал меня к холоду и жесткой постели.

Курсанты настоящие, что дежурят по столовой, торопливо убирают со столов хлеб, не доеденный новичками во время

очередного приема пищи. Поначалу мы не придавали этому никакого значения, так как у многих из нас в палатках еще не перевелись кое-какие «гражданские» припасы и мы были сыты.

Сразу сдружились с Дорошенко, соседом по палатке. Он из Донбасса, и фамилия у него историческая. Мой новый товарищ нежно любит свою Украину и подолгу, с увлечением рассказывает о ней, благо у нас, карантинников, свободного времени гораздо больше, чем у курсантов. Так узнал я много интересного о казачьем гетмане Дорошенко и его трагической судьбе, и об Устине Кармалюке, и про Наливайку, и Гонту, и Железняка, и Богдана Хмеля, и про многих других тоже славных казаков. А товарищ мой не просто рассказывал, он еще сопровождал диковинные запорожские истории пением: прервет повествование в самом захватывающем месте и, полузакрыв глаза, затянет по-украински вполголоса про старину. Очень люблю песни и запоминаю слова сразу, если песня стоящая. Гораздо хуже дело обстоит с мотивом, но в этом не моя вина. Первыми украинскими песнями, которым научил меня Дорошенко, были «Ой, на гори тай женци жнуть», «За Сыбиром сонце сходэ» и жизнерадостная «Ой, за гаем, гаем...». С особым удовольствием спивал Дорошенко «Ой, на гори...» Может быть, потому, что там упоминается его однофамилец или даже родич средневековый.

Здесь, в карантине, мне стукнуло восемнадцать. Вспомнил об этом только после отбоя, так как целый день работали и очень устали. Дорошенко, мой единственный сосед в не полностью заселенной палатке, сонным голосом поздравил меня и, желая сделать мне приятное, встряхнулся и грянул было: «Гей, козаче!» – но некстати возникший возле нашего «шатра» штатный командир взвода, сержант, помешал.

Все-таки чудесные у хохлов песни и так же крепко берут за сердце и тревожат душу, как и наши. Ваши – наши... Ерунда какая-то... Все мы – одного поля ягоды – русичи, русские.

14 июня

Наконец мы – полноправные курсанты. После подъема нас прогнали сквозь санпропускник, где тщательно «санобработали», потом нарядили в старое обмундирование, сокращенно называемое «б/у», и перевели в двухэтажное кирпичное здание казармы. Наша учебная рота – на втором этаже. Койки здесь двухъярусные, металлические.

За нас немедленно крепко взялись: надо быстрей повытрясти «гражданскую» дурь, то есть некоторые штатские привычки.

Много гоняют строевой и посылают на различные работы, главным образом «землеройные», очень трудоемкие. А это после зимы в Магнитке что-нибудь да значит. Хотя приемная комиссия и определила (нечаянно подсмотрел в медкарте), что упитанность у меня – средняя. Слово «упитанность» вызывает недоумение: мы же не сельскохозяйственные животные!

22 июня

Год, как бушует война, а у нас в батальоне лишь недавно начались занятия. Время так уплотнено, что даже оправиться разрешается только по команде. Однако постепенно привыкаем к военному порядку. Авиационному – как многозначительно подчеркивает это ротный старшина. Без этого никак нельзя, когда множество незнакомых и разных людей собираются вместе, чтобы делать одно общее и очень важное дело.

В период «привыкания» не обходилось, особенно поначалу, без курьезов. Идем как-то утром на занятия. Запевала повел «Тачанку». Звонко разливается песня в свежем утреннем воздухе, бодро топает взвод, чутко прислушиваясь и готовый – дружно подхватить припев.

– «Видишь, облако клубится – кони мчатся впереди...» – закончил куплет запевала.

Тридцать молодых голосов грянули:

– «И-эх, тачанка, да ростовчанка, наша гордость и краса-а...» – но не успел взвод сделать четырех шагов, чтобы набрать воздуха в легкие, как кто-то из ребят, должно быть сбившись с ноги, торопливо выпалил, опередив всех: «Пу!..» – и тут же осекся испуганно. Неблагозвучный слог взвился высоко вверх и одиноко повис над строем, но через мгновение утонул в раскатах гомерического хохота, сотрясающего весь взвод.

Беловолосый толстогубый сержант, ведущий нас, от неожиданности отшатнулся в сторону, потом и сам прыснул в ладонь. Однако через несколько секунд он взял себя в руки и, вытирая выступившие слезы, еще не совсем окрепшим голосом скомандовал:

– Отставить, гы-гы... смех! Взво-од, стой!

Затем, повернув нас лицом к себе, кратко, но выразительно разъяснил, что «пукать» в центре расположения школы, да еще и находясь в строю, не положено... А тем курсантам, кто не чувствует ритма, посоветовал подхватывать песню вслед за всеми, главное же – срочно научиться отличать собственную левую ногу от правой.

– А сейчас повторим песню в ходьбе на месте. Напра-во! На месте шаго-ом марш! З-запевай!

Сегодня в батальонах прошли митинги, посвященные годовщине начала освободительной священной войны нашего народа против немецко-фашистских захватчиков, а вечером, в так называемое личное время, наша ротная самодеятельность сотворила концерт.

Сценой послужило дно того самого рва, где недавно был карантин. Зрители расселись на склонах. Большой успех выпал на долю двух курсантов, исполнивших ядовитые сатирические частушки про фрицев, наглядно воспроизведя поэтапно затянувшийся «блицкриг».

А Совинформбюро сегодня снова сообщило о напряженных боях под Севастополем, и концерт мы слушаем в каком-то напряжении, хотя и смеемся весело удачной шутке и меткому, острому словцу.

В один из последних дней июня, когда учебные занятия уже шли полным ходом, случилась неожиданная встреча. Во время короткого перерыва старательно надраиваю успевшие запылиться здоровенные солдатские ботинки с верхом из свиной кожи. Это было возле нашей казармы, в специально отведенном месте. Вдруг сзади кто-то окликает меня молодым, неокрепшим, но приятным баритоном, с удивительно знакомыми нотками в голосе. Окликает по-домашнему! Оглядываюсь: Юра! Мы крепко обнялись, чуть было не расцеловались на радостях, но, блюдя мужское достоинство, только потискали друг другу бока и похлопали по спинам: перед казармой приводило себя в порядок все мое отделение. Отстранившись немного, во все глаза разглядываем друг друга, не в силах заговорить от переполняющих нас чувств: друзья встречаются вновь! Передо мной стоял не тот, прежний смоленский Юрочка, хилый девятиклассник с тоненьким дискантом, а крепкий, плечистый и статный юноша, с коричневым от загара лицом и выпуклым умным лбом. Аккуратный свитер плотно облегал раздавшуюся грудь. Торопливо перебрасываемся короткими фразами. Юрка прибыл сюда из Свердловской авиаспецшколы, куда поступил в десятый класс. Жизнь в спецшколе великолепно подтянула его и изменила к лучшему. В Свердловск он был эвакуирован вместе с матерью (она медсестра). За две-три минуты мы успели коротко сообщить друг другу о матерях, вспомнить Смоленск, нашу 4-ю школу, одноклассников и учителей. Юра так и просиял, узнав, что Володя Стефанов тоже здесь, в ЧВАШМ. И каким все показалось нам тогда невыносимо далеким, а потому невыразимо прекрасным и бесконечно дорогим...

– Ста-ановись!

И больше нам с Юрой встретиться в ЧВАШМ ни разу не удалось: карантин у вновь прибывшей партии ребят закончился, и мой школьный товарищ и друг попал в другой батальон.

А фашисты все настойчивее рвутся к Севастополю – последнему оплоту нашему в Крыму, все теснее смыкается вражеское кольцо, и все упорней и яростней бои у самых стен героического города – города русской морской славы.

28 июня

Немцы начали новое наступление на Воронежском направлении. Без прошлогодней прыти, разумеется, но все-таки прут вперед. Тяжелые мысли одолевают только после отбоя, потому что днем раскисать некогда: он заполнен до отказа и расписан по минутам. Да так оно и лучше.

Занимаюсь полурассеянно, как и в десятом классе, но все равно иду хорошо по всем дисциплинам, несмотря на то что с техникой столкнулся впервые (трактор не в счет). И с какой техникой! На доску показателей соцсоревнования между отделениями смотреть не стыдно.

Немножко смешно повторять азы алгебры после бинома Ньютона, извлечения корней разных степеней и прочих математических премудростей. Неужели нельзя пересмотреть учебные программы, имея в виду курсантов с десятилеткой, чтобы использовать высвободившееся время на что-то более важное? Или просто сократить сроки обучения? Но в армии не задают вопросов, а выполняют приказы.

В теории-то мы почти все сильны – труднее приходится в учебных цехах, где нас знакомят с кузнечным, слесарным, столярным и тросозаплетным делом. В тросозаплетном цехе я заработал первую (правда, она оказалась, к моей гордости, и последней) двойку за указательный палец, который проколол проволокой при сплеснивании двух обрывков стального тросика. Работа была выполнена по всем правилам, и на мой недоуменный вопрос (штатское любопытство!) по поводу столь низкой оценки преподаватель строго ответил, что исколотыми и побитыми пальцами хорошо работы не выполнишь, а кое-как делать в авиации не положено: самолет – не телега. Кроме того, добавил он, для ремонта машины в боевых условиях время в вашем распоряжении может быть самое ограниченное. Выводы он предоставил мне сделать самому.

Выводы, конечно, мы делали, но все равно на первых порах

стукали молотками по пальцам, кололи и обжигали их, пока не выработались необходимые навыки. Мы долго вспоминали с улыбкой, как однажды Ефим Аронович из нашего учебного отделения, обрабатывая толстую железную заготовку зубилом, от души хватил тяжеленным слесарным молотком по большому пальцу левой руки и стоически даже не крякнул при этом, дабы не привлечь внимания преподавателя. Однако, принимая работу, опытный техник-лейтенант догадался, почему курсант прячет левую руку за спиной. В назидание всему отделению, построенному для перехода в другую аудиторию, был продемонстрирован посиневший и распухший пальчик, а пострадавший чвашмовец пострадал еще раз...

После неудавшегося нашего наступления на Харьков там, на юге – от среднего течения Дона и по всему Донбассу, – немцы снова полезли вперед: все лето не затихают тяжелые бои на Керченском, Харьковском, Лисичанском, Ворошиловградском направлениях.

3 июля

Наши войска по приказу Верховного командования оставили Севастополь. 250 суток бились в осажденном городе бойцы и моряки, защищая его с невиданным мужеством и героизмом, отвлекая на себя значительные силы противника. Севастопольцам нечего стыдиться: они сделали все, что было в их силах, и даже гораздо больше, чем снискали себе вечную славу и приумножили славу русских воинов, что защищали бастионы Севастополя во время Крымской войны 1853-1855 годов.

Вслед за сдачей Севастополя появились в сводках одно за другим Ростовское, затем Батайское, Краснодарское направления. Фронт с упорнейшими боями отодвигается все дальше за Дон – на юго-восток и юг.

Первый наряд вне очереди в нашем отделении, несмотря на мою, как мне казалось, сознательность, отхватил все-таки я. Виновницей была симпатичная спиралеобразная стружечка, неведомо как затаившаяся в ящике верстака. Мы занимались в столярном цехе. Минут за пять до окончания работы всегда подается команда, по которой курсанты начинают тщательно убирать свои рабочие места. Отделение уже построилось в две шеренги фронтом к цеху, ожидая своего командира, проверяющего приборку. Вскоре командир отделения четким шагом вышел из широких дверей. Скомандовал: «Смирно!» – и вызвал меня из строя:

– Товарищ курсант! За оставленную в верстаке стружку объявляю вам наряд вне очереди!

– Есть наряд вне очереди! – автоматически подтвердил я и тут же вспомнил, что не могло ни одной стружки остаться ни на верстаке, ни в ящике под верстаком, перед которым я даже присел на корточки, старательно выковыривая и выметая мелкий пыльный сор, понабивавшийся в темные уголки. О полах и говорить нечего. «Так какого же черта...» – с досадой размышляю я, всматриваясь в красивое лицо нашего отделенного Иванова, но взгляд его непроницаем. У моего непосредственного начальника резко очерченные губы, энергичный подбородок и не остриженная, как у всех, а выбритая до блеска голова. В голубых петлицах его алеет по два новеньких красных треугольничка: недавно Иванову присвоено звание младшего сержанта. Отделенный очень гордится этим, держит себя с большим достоинством и посматривает на товарищей свысока.

– Становитесь в строй! – заметя краску стыда и возмущения на моем лице, поспешно приказал Иванов, отработанным движением вскинув руку к пилотке. – Отделение! Напра-во! Шагом арш!

Первую учебную тревогу нам сыграли неожиданно среди ночи. Я сплю на верхней койке. Дотянувшись до своих брюк, аккуратно сложенных на тумбочке, встряхнул их, расправляя, и торопливо спрыгнул вниз. Привычно попал ногами сразу в обе штанины, но, к своему изумлению, не почувствовал под босыми ступнями холодного цементного пола, так как оказался верхом на пружинящей спине своего нижнего соседа, который в этот момент как раз наклонился, нащупывая под койкой ботинки. Чертыхнувшись, он пригнулся к самому полу. А я сполз ему на шею и, наконец, стал на ноги. Дальше все шло как по маслу. Лихорадочно обвернув ноги портянками, быстро натягиваю ботинки, затем двумя движениями затягиваю шнурки из сыромятной кожи, влезаю в просторную гимнастерку, нахлобучиваю пилотку и наспех подпоясываюсь. Уже в разных концах казармы начали нервно покрикивать на нерасторопных отделенные командиры и помкомвзводы, а я еще только закончил «крутить спирали» (так в шутку называют здесь процесс накручивания обмоток) вокруг правой ноги.

Сосед, одевшийся раньше, ринулся как угорелый из прохода между койками к пирамиде с винтовками и выбил у меня из рук скрученную в тугой цилиндр вторую обмотку – она покатилась к дверям, распластываясь длинной лентой по полу. Возвратить «беглянку» не было никакой возможности: на нее то и дело наступали ноги курсантов, бегущих на выход. С проклятиями

отчаянно дергаю обмотку обеими руками к себе и вдруг, потеряв равновесие, прикладываюсь затылком к железной спинке койки, а в дверях кто-то растягивается во весь рост, гремя винтовкой. Но медлить нельзя. С обмоткой в левой, с винтовкой в правой руке вылетаю все же не самый последний из казармы и становлюсь в строй. К счастью, мое место во второй шеренге, так что, пока подавались команды и шла перекличка, успеваю привести свой внешний вид в относительный порядок.

В общем-то наш батальон показал неплохое время и на плац, где было назначено общее построение, прибыл даже первым. Случаются же чудеса!

Нам сделали прививки против брюшного тифа и еще каких-то болезней. Так как эта процедура проводилась в этом году уже второй раз и притом с разрывом всего в два месяца, то уколы воспринимались очень тяжело. Двум-трем курсантам даже дурно сделалось. Думается, что больше от излишней впечатлительности, чем от боли. Но доза в шприце действительно плескалась лошадиная, и гораздо хуже самого вливания под кожу было состояние общее, которое начинаешь испытывать на следующий день. Поэтому иные из ребят тайком от эскулапов выдавливали друг другу по очереди «лишнюю» вакцину из здоровенного желвака, который уродливо вздувался на спине после укола и долго не рассасывался. Большинство же из нас молча терпели, потому что никакие ссылки на то, что прививка была сделана в школе, во внимание не принимались: соответствующей справки ни у кого из курсантов на руках не имелось. Однако раскисать нам не давали, а, вручив увесистые ломы, кирки-мотыги, лопаты и носилки, отправляли для разминки что-нибудь рыть. Это хорошо помогает.

Август

Фашисты, преодолев сопротивление наших войск, которые оборонялись на рубеже Дона, двинулись, вопреки предсказаниям наших ротных стратегов, не на север, к Москве, а к Волге. Завязались затяжные, упорные бои на Сталинградском направлении. Мы больше не поем лихой казачьей песни «Шли по степи полки со славой громкой...». Это звучит как насмешка. Грустно... Но все-таки, черт возьми, говоря словами той же песни, «твоих лугов и пашен, край родимый, мы никогда врагу не отдадим!».

Первый раз привели нас к моторному классу. Отделенный доложил по форме преподавателю. Старший техник-лейтенант

оказался человеком требовательным и строгим. Поздоровавшись, он неторопливо прошелся перед строем, придирчиво проверяя внешний вид курсантов. В душе я с ним совершенно согласен: неряшливого, а следовательно, «разболтанного» человека к авиационному двигателю допускать опасно. Так повторялось перед каждым занятием.

Однажды, обойдя строй и сделав замечания по поводу незастегнутой пуговицы и неровно пришитого подворотничка, преподаватель возвратился к центру шеренги и кивнул в сторону коренастого саратовца, единственного среди нас «старика», которому едва перевалило за двадцать. На широкоскулом лице парня буйно пробивалась рыжая щетина, предательски сверкая в лучах утреннего солнца.

– Вы, товарищ курсант... – указал на него командир.

– Курсант В., товарищ старший техник-лейтенант!

– И вы тоже... – взглянул преподаватель на меня.

– Курсант П., товарищ старший техник-лейтенант!

– Извольте немедля привести себя в порядок.

– Да он еще не бреется! – нарушает дисциплину кто-то из ребят, заступившись за меня.

– Отставить разговоры в строю! А вам обоим даю сроку десять минут. Выполняйте.

– Есть!

И мы с рыжим помчались: он – в парикмахерскую при училище, я – в расположение своей роты. Дневальный выдал мне ножницы и маленькое круглое зеркальце, перед которым в течение минуты я состриг легкий темный пушок над верхней губой. Через пять минут докладываю о выполнении приказания.

– Поздравляю с пострижением в козаки, – незаметно пожав мне локоть, шепнул Дорошенко, когда я уселся на свободный стул рядом.

Много занимаемся строевой подготовкой начиная с самого карантина. Кроме специально отведенных на нее часов, все передвижения по территории училища и вне его – только в строю. Ежедневно перед отбоем – вечерняя прогулка с песнями.

Словом, ко дню принятия присяги большими стараниями взводных командиров-сержантов, обоих наших старшин и самого командира роты мы уже изрядно пообтесались, повыветрился из нас «гражданский дух» с его слабостями, то есть штатскими привычками, и мы почувствовали себя военными, с присущей этой категории людей подтянутостью и товарищеской сплоченностью. Правда, выправка наша оставляла еще желать лучшего, и выглядели мы со стороны, должно быть, комично в своем непригнанном обмундировании и в обмотках.

Каждый раз, когда вспоминаю наши первые строевые занятия на плацу, мне становится немного смешно. Как-то наше отделение отрабатывало приветствие на ходу. Курсанты после подводящих упражнений задвигались по кругу, на противоположных сторонах которого заняли позиции помкомвзвода и командир отделения. На подступах к начальству мы переходили на строевой шаг, затем четко бросали прямую пятерню правой руки к виску и, держа равнение направо, лихо «рубили» мимо, высекая подкованными башмаками искры из камешков, крепко втоптанных в песчаную почву предыдущими поколениями курсантов, с замиранием сердца ожидали оценки и критических замечаний командира взвода. Сержант наш – сама подтянутость и вышколенность – стоял, как картинка, в некотором отдалении, как будто совершенно равнодушный к нашему бесконечному кружению по облитому полуденным зноем плацу. Описав очередной круг и незаметно смахнув с бровей пот, провожаю взглядом вышагивающих впереди товарищей, старательно блюдущих заданную дистанцию в десять шагов. Ну в точности крупные цыплята зеленого цвета, не вполне еще оформившиеся в петухов. Вот Володя Стефанов, земляк, выставив из-под пилотки-гребешка нос, выпятив грудь и отставив зад, над которым задорно топорщатся, наподобие птичьего хвоста, складки просторной, туго стянутой ремнем гимнастерки, усердно топает запеленутыми в зеленые обмотки ногами, которые тоже смахивают на куриные лапы из-за большущих, неуклюжих ботинок.

Однажды вечером, во время какого-то общего построения на главном плацу, когда после трудного дня каждое лишнее движение в тягость, мне вздумалось покритиковать неумелые команды старшины Бычкова, курсанта из сверхсрочников. Интересно, зачем он здесь, в ЧВАШМ, если выпускникам этой школы присваивается всего лишь сержантское звание? По его команде нам пришлось несколько раз поворачиваться, бестолково передвигаться с места на место, смыкаться и размыкаться – и я стал возмущаться вполголоса. В результате на следующее утро меня вызвал к себе командир роты. Шагая в ротную канцелярию, мучительно размышляю, почему меня удостоили такой чести. С успеваемостью все в порядке; на стрелковой подготовке трижды поразил круглую мишень из боевой винтовки, не выйдя из девятки, хотя у нас в отделении есть стрелки и получше; нарядов вне очереди не получал новых... Но путь до канцелярии очень короток: она находится на нашем этаже, поэтому ни к какому выводу я прийти не успел. Проверив перед дверью заправку, стучусь и докладываю по форме.

Командир роты, лейтенант Н., – очень выдержанный и культурный человек. За все время своего пребывания здесь я только два раза (до чего же мы мастера засекать чужие промахи) видел его возмущенным. Один раз, когда я «замечтался» в ротном строю, командир, проходя мимо, молниеносным движением идеально надраенного сапога подровнял носки моих ботинок, нахально выступивших на треть своей длины за общую линию, а в другой раз сделал резкое замечание курсанту Вавилову, который имел обыкновение слишком широко, не по-уставному, раздвигать носки: «Товарищ курсант! У вас что, яйца болят?»

С Вавиловым произошел и еще один смешной случай, но уже в курсантской столовой. К обеду там подавалась приправа – горчица. Понемногу на каждый стол. Вавилов, боясь быть обделенным, первый зачерпнул ложкой изрядную долю горчицы и положил ложку в тарелку. Кто-то из курсантов с помощью «разводящего», то есть черпака, разлил по тарелкам дымящиеся щи. Все принялись было за трапезу, но она была прервана самым неожиданным образом: Вавилов, со смаком и хлюпом сделав первый глоток, замер вдруг с широко разинутым ртом и по-карабасовски выпученными глазами, из которых по щекам катились крупные частые слезы. Остальные девятеро ребят, низко пригнувшись к столу, тщетно пытались ржать потише, но это было сверх всяких сил человеческих. Впрочем, к тому времени, когда к нашему столу неторопливо приблизился командир взвода, намереваясь сделать соответствующее внушение, наш жадноватый товарищ кое-как сумел произвести глубокий вдох и уже поспешно обрабатывал несвежим носовым платком сильно увлажненные щеки, а мы, не поднимая смеющихся глаз от тарелок, как ни в чем не бывало загребали ложками.

Комроты, выслушав мой доклад о прибытии, велел мне выйти и повторить все сначала. Затем внимательно изучил меня с фронта, повернул несколько раз налево, направо, кругом, после чего приказал мне привести себя в порядок и заставил ходить строевым шагом. Все это время лицо его оставалось совершенно непроницаемым, и я недоумевал… В заключение нашей встречи лейтенант сказал: «Так. Будем считать, что мне ничего не известно. Доносчиков не терплю. Но запомните навсегда одну простую истину: умничать куда легче, чем самому делать. Можете идти».

Только после того как за моей спиной закрылась дверь канцелярии и я вытер испарину со лба, всплыл в памяти укоризненный взгляд кротких, бараньих глаз курсанта – командира второго отделения нашего взвода. Во время тех вечерних «маневров» на плацу он чересчур внимательно

вслушивался в мое ворчание. Ну и гусь, если не сказать хуже...

И вот наступил день принятия присяги. Это произошло в День военно-воздушного флота. Занятий у нас не было. Накануне вечером все начищено до блеска, начиная с личного оружия и кончая последней пуговицей, обмундирование тщательно отутюжено, подшиты белоснежные подворотнички.

После завтрака на плацу в торжественной обстановке, при развернутом знамени школы, курсанты, вызываемые один за другим к красному столику, поворачивались лицом к неподвижному четкому строю и произносили слова воинской присяги. Короткая, но какая весомая и емкая клятва! Каждый из нас знает ее наизусть и давно уже дал ее в своем сердце. А сейчас низкие и высокие, хрипловатые или звенящие, сурово сдержанные или прерывающиеся от волнения молодые голоса моих товарищей отчетливо звучат над площадью: «Я... гражданин Союза Советских Социалистических Республик... готов по первому приказу Советского правительства выступить на защиту своего Социалистического Отечества и защищать его... не щадя своей крови... и самой жизни для достижения полной победы над врагами...»

Подошла и моя очередь. Не берусь передать словами всех тех чувств, которые обуревали меня в те минуты... Помню только, как у меня перехватывало дыхание и закипали на глазах слезы от великой гордости и радостного восторга, переполнявших все мое существо.

После приведения к присяге начальник школы поздравил нас с присвоением высокого звания бойца Рабоче-Крестьянской Красной Армии и пожелал нам всегда носить это звание с гордостью, достоинством и честью. Итак, с этого дня мы полноправные члены боевого товарищества и спрос с каждого из нас станет соответственно строже.

Закончились выступления – раздались команды: «К торжественному маршу... поротно... дистанция... Первая рота – прямо, остальные – напра-во! Ша-агом марш!» Грянула медь оркестра. Роты проходили одна за другой безукоризненным плотным строем, четко чеканя шаг и держа равнение на Красное знамя.

Вечером к нам с концертом приезжали челябинские артисты, но, к сожалению, я заступал дневальным. Ребятам концерт понравился: обсуждение его продолжалось даже после отбоя – шепотом.

23 августа

Совинформбюро сообщило о напряженных боях северо-восточнее Котельникова, где немцам ценою больших потерь удалось на отдельных участках продвинуться вперед.

В сводках часто упоминается об успешных действиях партизан на оккупированной и истерзанной врагом моей Смоленщине. Да разве на ней одной? Везде пылает земля под ногами ненавистных захватчиков.

30 августа

На закате солнца наш 1-й батальон вдруг собран по тревоге на плацу, и мы с удивлением выслушиваем приказ по УралВО о нашем переводе (и даже «старых» курсантов) в Челябинское танково-техническое училище (ЧТТУ). И снова, уже второй раз, расстаюсь, не попрощавшись, с Юркой: батальон моего друга в полном составе оставлен здесь.

31 августа

Последний раз нас накормили завтраком в чвашмовской столовой, после чего миниатюрный, в сияющих хромовых сапожках, старшина Бычков привел нас к казарме и распахнул перед нами обитую железом дверь каптерки, где на длинных дюралевых стеллажах в идеальном порядке покоились наши гражданские вещички. Повзводно, в считаные минуты мы разобрали котомки и чемоданчики и снова построились на плацу.

Комиссар школы, прощаясь с батальоном, выразил надежду, что курсанты ЧВАШМ и на новом месте службы не подведут своих первых командиров и не уронят чести Военно-Воздушного Флота ни при каких, даже самых тяжелых обстоятельствах. На душе у меня как-то тревожно и грустно, но вот раздались громкие привычные команды, и рота за ротой мы двинулись к воротам; запевалы затянули песню, мы подхватили дружно – и прочь тоска, прочь печаль.

Увели нас на другой конец города, в район вокзала.

Когда бодрым шагом, окрыленные авиаторской песней, мы втянулись под арку ворот танкового училища и замаршировали мимо одинаковых двухэтажных кирпичных казарм к своему новому расположению, нас несколько покоробило при виде чумазых лиц и замасленных шинелей тамошних ребят: примерно взвод курсантов находился почему-то в этот час (может быть, был перерыв между занятиями) перед одним из зданий. Танкисты, в

свою очередь, с пренебрежительным любопытством разглядывали наши чистенькие шеренги, голубеющие авиационными петлицами, и с откровенной насмешкой косились на наши «спирали».

Сентябрь

Через пару дней мы начали убеждаться в справедливости слов, сказанных нам на прощание щеголеватым командиром нашего учебного взвода в ЧВАШМ: «Где кончается авиация – там кончается порядок». Тогда я не придал этой фразе особого значения, считая, что сержант сделал это заявление из чувства местного, если так можно выразиться, патриотизма.

Пять дней мы провели в новом училище, постепенно знакомясь с ним и привыкая к новым порядкам, усиленно занимаясь уставами и, конечно, строевой подготовкой.

Северные ворота, через которые мы вступили 31 августа на территорию ЧТТУ, имеют КПП и являются главным входом. Южные находятся в противоположном конце училища, на задворках, рядом с большим свинарником, и выводят в поле.

От Северных ворот начинается ряд двухэтажных зданий из красного кирпича. В первом из них – штаб и прочие службы, в четвертом, последнем по счету, располагается наш 3-й батальон. От самых ворот вдоль казарм тянется мощеная аллея без единого дерева – линейка. Она упирается в училищный клуб. По правую сторону линейки – санчасть и учебные классы. В центре училища – караульное помещение с гауптвахтой (губой). Напротив нашей казармы холодный деревянный туалет, а левее и дальше его – курсантская столовая. В одном ряду с нею – вышеупомянутый поросячий хлев. В глубине расположения – тиры, парки боевых и прочих машин, склады и мастерские.

Наша рота – тринадцатая, что служит постоянной пищей для шуточек со стороны курсантов, особенно из других рот. Комроты, старший лейтенант, – фронтовик. Он потерял в бою левую руку, но не пожелал оставить строй и вот теперь обучает будущих танкистов. Мы не можем не чувствовать к нему глубокого и самого искреннего уважения.

Наш взвод – второй. Взводы сформированы с учетом роста курсантов, так что я очутился в «золотой серединке». В третьем взводе – самые короткие, или «штифты», как свысока называет их «длинный» первый взвод, именуемый в отместку «карандашами».

Мне сразу понравился и командир нашего взвода лейтенант Гусев. Это хороший человек, всегда ровный в обращении с

курсантами, никогда не унижающий их человеческого достоинства, но вместе с тем и настоящий командир, который прекрасно знает свое дело и требователен не только к нам, но и к себе. Он сам воспитанник ЧТТУ первого выпуска. Фамилию мою произносит почему-то по-сибирски: на «их».

5 сентября

Утром наш батальон построили и объявили об отправке на уборку картофеля. С собой приказано взять только туалетные принадлежности, которые состояли из вафельного полотенца да куска простого мыла, и, разумеется, ложку («главное оружие бойца», по выражению армейских остряков). Старшина выдал нам на двоих по круглому котелку. И через пять минут поротно, с песнями мы уже выходили на улицы Челябинска.

Подсобное хозяйство училища находилось, как нам сказали, километрах в сорока от города, и мы строем прибыли на место лишь под вечер. Еще издали наши носы почувствовали благоухание, аппетитные запахи горячей пищи. Нас ожидали дымящие полевые кухни на колесах, установленные под брезентовым навесом. Отяжелев от съеденного в один присест «обеда-ужина», мы едва дождались отбоя, забрались в свои большие палатки и сразу крепко уснули.

Трудились в поле с рассветало наступления темноты, с часовым перерывом на обед. Впрочем, дни постепенно укорачивались.

День наш начинался с пробежки до какого-то пруда, служившего летом для водопоя. Берега у пруда вязкие, с глубокими следами копыт. Здесь мы ежедневно, в любую погоду, совершаем утреннее омовение.

Пока стояла сухая погода, работать было даже приятно, но скоро начались осенние дожди, и нам приходилось выковыривать мелкую картошку из холодной и скользкой глинистой земли. Руки опухали: кожа на них покрылась цыпками, потрескалась.

В 24-местной палатке спало по пятидесяти курсантов, поэтому мы вынуждены были укладываться все на один бок, да так плотно, что невозможно было вздохнуть полной грудью. Зато было тепло. Если поднимешься ночью по нужде, то потом будешь коротать остаток ночи, сидя в узком проходе между двумя низкими настилами на соломе, свалившейся с нар, и сиротливо подпирая спиной палаточную стойку. «Зазор», оставленный на общем ложе курсантом, который «восстал ото сна», сразу же заполнялся спящими соседями, стоило им только чуть-чуть

пошевелиться и вздохнуть поглубже.

Изредка сюда привозят газеты.

Сентябрь приближается к концу, а фашисты – к Волге. Уже идут упорные бои на улицах Сталинграда, но, как говорят в народе, «не все коту масленица» или – еще крепче и точней – «нашла коса на камень». И так же безнадежно застряли хваленые, но уже не единожды битые «солдаты фюрера» у подножия Главного Кавказского хребта.

Осень здесь, на Урале, непривычная, как-то по-особому промозглая, с тяжелыми, холодными туманами, приглушающими звуки. Теперь, ближе к октябрю, бросает в дрожь при одной только мысли о пробежке в нательной рубашке по пронизывающему утреннему холоду к пруду, вода в котором посветлела, а порывистый ветер гоняет по ее поверхности сорванные с прибрежных лозин покоробленные желто-коричневые листья, точно маленькие парусники. После водных «процедур» и завтрака – опять осточертевшая работа под нудным, моросящим порою весь день дождем. Шинель пропиталась влагой, сделалась тяжелой, жесткий сгиб ворота дерет шею, словно наждак. Ночью от тяжелых испарений в переполненной палатке трудно дышать. Утром поднимаемся совершенно разбитыми, словно бы и не спали вовсе. Днем единственная отрада – костер (если работаем на отдаленном участке и если удается собрать хоть каких-нибудь дров) и испеченная наспех в угольях, полусырая картошка. Для этой цели мы тайно выделяли «дневального», когда поблизости не было младших командиров из усердных.

Один курсант из нашей роты (не знаю его) помешался. По-видимому, слишком нежного воспитания человек. Здесь же не фронт еще, а просто трудновато. Тихий, с бессмысленно блуждающим взором, он постоянно кружил около походных кухонь, бережно прижимая к груди свой котелок. Поварихи жалели его, и кто-то из ребят попробовал сострить по этому поводу, но дурацкую шутку никто не поддержал, а другой курсант, невидимый в темноте, с глубоким, непритворным вздохом не то посочувствовал, не то позавидовал товарищу, которого, вполне возможно, комиссуют. Остальные угрюмо молчали. Дня через два заболевшего курсанта действительно увезли в город, и больше в училище мы его не видели.

Жили мы дружно. Несмотря на трудные, особенно для горожан, условия, никто из ребят не «сачковал» и не ныл. Вместе мокли и мерзли в поле, а потом согревали спины друг другу в холодной палатке.

Вечером (завтракали и ужинали мы всегда в темноте) произошел смешной случай у нас с Сулимовым, моим

напарником по котелку. Принеся с кухни котелок с пшенной кашей, он предложил съесть ее с сахарным песком, чтобы не надуваться на ночь чаю. Высыпали сахар в кашу, а когда начали размешивать, на ее поверхности показались кусочки жирного мяса. Повара приготовили на ужин добротный кулеш! Снимаем пробу – меня едва не стошнило, и я с сожалением отказался есть, а Сулимыч, как ни в чем не бывало работая ложкой и поминутно смахивая капельки с оттаявшего над горячим паром носа, наставительно бурчит: «Подумаш, каки нежности... интеллигентски... Солдат должен... рубать все». Полностью признавая правоту товарища, молча ужинаю куском хлеба с солью и кружкой горячего кипятку. Ложась спать, с горечью чувствую свою «неполноценность», о которой назойливо напоминает полупустой желудок. Сулимыч за моей спиной тяжело и сытно вздыхает.

Особенно неприятны нам наряды по кухне, потому что от работы в поле они не избавляли. Требовалось только приготовить с вечера на весь следующий день запас дров для кухонь и начистить две двухсотлитровые бочки картофеля. Он отнимал очень много времени, так как был мелок и чистили его в темноте, сидя вокруг дымного костра, почти не дающего света. Дым нещадно ел глаза, и несчастные чистильщики плакали горькими, неподдельными слезами, то и дело утирая их грязными рукавами шинелей. Попавшие в такой наряд выходили утром на работу не выспавшись.

В последних числах сентября почву на поверхности все чаще стало прихватывать морозцем, и темпы уборки были ускорены, чтобы не дать пропасть добру.

Октябрь – декабрь

К вечеру 3 октября уборка картофеля была полностью закончена.

4 октября

Утром в пешем строю мы двинулись в Челябинск. Задувал вовсю пронзительный, студеный ветер, трепля полы шинелей и подгоняя курсантов, пробираясь даже под затянутыми ремнями до самых спин. Сперва мы кое-как держали строй, затем зашагали быстро и вразброд, растягиваясь с каждым новым километром все больше, и наконец побежали тяжелой рысью, перегоняя

училищные тракторы с длинными прицепами-волокушами, на которых ехали горы картошки.

5 октября

Наконец приступили к занятиям.

Наш день начинается в 6.00 с крика дневальных «Подъем!» и заканчивается хриплой командой старшины «Отбой!».

На зарядку выбегаем с обнаженными торсами, поэтому все упражнения выполняются даже самыми ленивыми курсантами с большим усердием: оно находится в обратно пропорциональной зависимости от наружной температуры. С наступлением зимы разрешалось надевать нательную рубаху, но только в случае крепкого мороза или сильной метели.

Занимаемся, считая и самоподготовку, по 12-14 часов в сутки, старательно изучая и осваивая все, что положено знать и уметь будущему технику-лейтенанту, водителю тяжелого танка. Судя по тому, как за нас взялись, едва мы возвратились с «подсобки», и с какой скоростью повели по программе, в этом училище учли все: и наши десять классов, и три месяца обучения в ЧВАШМ.

Казарменное здание наше состоит из двух половин, соединенных широким дверным проемом. В левой половине, если смотреть на казарму с линейки, – наш батальон. Две роты размещаются на первом, третья – на втором этаже. Лестница на второй этаж в правом крыле. Там, на лестничной площадке между этажами, – знамя батальона, круглосуточно охраняемое часовым, – пост номер 1. Наша рота на самом виду, против входа в казарму. Сразу за наружными дверями, слева и справа, – узкие тамбуры с умывальниками. Вода к кранам поступает из железных прямоугольных баков, укрепленных на стене. Наполнять эти резервуары – одна из обязанностей дневальных, так как водопровода в казармах нет. Нет и центрального отопления. С наступлением морозов вода в трубах и баках замерзла и умываться стало можно только снегом. Хорошо еще, если пороша выпадет, но чаще всего мы безуспешно старались стереть (именно стереть, потому что при сильном морозе снег почти не таял в ладонях) грязь с рук, лица и шеи жестким, царапающимся, потемневшим от заводской копоти снегом. По-настоящему отмыться удавалось раз в десять дней в бане, да и то когда вода бывала достаточно горячей.

Почти всю казарму занимает грандиозное сооружение, напоминающее огромную клетку, – длинные трехэтажные нары в два ряда со множеством вертикальных стоек. Человек, усевшийся

на верхних нарах, почти достает головой до потолка. Поэтому, наверное, спят на верхотуре во всех ротах третьи взводы. Наш взвод вкушает сон на нижних нарах, ногами к задней стене; сквозь окна ее виден только высокий деревянный забор с колючкой поверху. Между нашими нарами и этой стеной оставлен узкий, меньше метра, проход. Расположение наше относительно спокойное, не то что у ребят из 14-й роты, которые лежат головой к нам, а ногами к широкому проходу, или «прешпекту», где всегда происходят разные построения и вечерние поверки. Вдоль того главного прохода почти во всю его длину тянутся пирамиды с винтовками. Пирамида прерывается в одном месте дверью ротной канцелярии. В правом углу казармы отгорожена фанерной переборкой каптерка с двумя койками для наших старшин. Напротив каптерки – вход в Ленинскую комнату. Наша тройка (Аронович, Сулимов и я) живет на правом краю нар. Со своего тюфяка я дотягиваюсь рукой до стенки каптерки. Из-за недостатка места на нарах курсанты спят по трое на двух соломенных тюфяках. Правда, остальные постельные принадлежности у каждого свои. Живем в тесноте, да не в обиде.

С заправкой «коек» первое время мы подолгу мучились, так как большие наволочки с соломой, как их ни взбивай и ни укутывай в одеяла, все равно расползаются, словно оладьи, и не имеют никакого вида. Старшинам это не нравилось, и нам самим, а потом еще и дневальным приходилось без конца перестилать постели. Так продолжалось до той поры, пока кто-то из наших ребят не увидел случайно, как курсанты – «старики» на другой половине казармы подсовывают под одеяло вдоль боков тюфяка деревянные рейки, затем туго обтягивают одеялом постель – и в результате получается аккуратная заправка, радующая глаз начальства четкими прямыми линиями и углами.

В казарме есть печи, но их нечем топить. Когда все курсанты, кроме дневальных, находятся на занятиях, температура в зимнее время у нас в помещении снижается до плюс 4-5 градусов, а ночью от дыхания сотен людей переваливает за двадцать, при этом воздух становится таким влажным и спертым, что вокруг лампочки, которая висит над выходом и освещает стенные часы, образуется расплывчатый ореол.

Вскорости после возвращения с сельхозработ нам выдали, ко всеобщей великой радости, кирзовые сапоги. Командиры отделений предварительно выяснили размер обуви каждого курсанта, отмечая в списке против его фамилии, затем суммировали количество пар сапог по размерам и подали рапортички старшему старшине.

И вот долгожданный день наступил! Юные щеголи в

шинелях, которые уже начинали лосниться от тесного общения с техникой и терять свой первозданный цвет, напоминающий цвет песков Сахары (шинели были английского производства), с удовлетворением притопывали сапогами, заказанными, разумеется, точно по ноге. Только немногие из нашего брата, либо более сообразительные от природы, либо умудренные житейским опытом, взяли себе обувь на один-два номера просторнее.

Через несколько дней от грязи и воды (стояла самая отвратительная пора осени) наши обновки так разбухли (сушить их было негде), что уже с трудом налезали на ноги, обвернутые одной только тонкой летней портянкой. И вот по ночам тесные сапоги начали самым загадочным образом меняться местами с более просторными. Сперва это явление происходило внутри взвода, потом сапоги стали гулять из взвода во взвод и даже из роты в роту. Видимо, дневальные нерадиво несли вахту. Так продолжалось с неделю, с шумной неразберихой и поисками «беглецов» при подъеме. Наконец настало одно прекрасное утро, когда у отдельных курсантов сапоги вообще не захотели налезать на ногу.

Старшина приказал роте построиться, отобрал незадачливых франтиков (среди них оказался и я), сделал длинное ворчливое внушение (к сожалению, запоздалое), после чего отвел прихрамывающую команду в батальонную каптерку, где предоставил нам выбирать на свой вкус обувь из огромной кучи старых ботинок, сданных нами же около двух недель назад. На этот раз никто не ошибся. И мы снова щеголяем в башмаках, разношенных, удобных и таких свободных, что хоть трое портянок накручивай, а старшина, проходя перед строем роты, косит глаз на наши обмотки и при этом неизменно ворчит: «Танкист без сапог – что невеста без жениха. Никакого вида у роты из-за отдельных разгильдяев... Срамота!»

В декабре нам все-таки заменили ботинки сапогами «б/у».

ЧТТУ создано в 1941 году на базе здешнего кавалерийского училища, когда стало совершенно ясно, что давно пора переходить с копыт на гусеницы. Конюшни были спешно переделаны в парки боевых машин. Учебные классы (количество их резко увеличилось) – тоже бывшие конюшни, но кое-как утепленные, и в них поставлены буржуйки, накормить которые нечем, да и некогда. Дощатые стенки классов очень плохо, особенно в ветреную погоду, защищают от холода, так что высидеть в таком помещении даже самое короткое, двухчасовое, занятие – сущая мука. Но мы не только терпеливо дрогнем, надеясь после перерыва попасть в более теплое место, но и как-то

исхитряемся непослушными пальцами делать кое-какие записи, самые важные, в тонких школьных тетрадках, которые сильно поистрепались из-за того, что их приходится носить, скрутив в трубку, либо за голенищем сапога, либо во внутреннем кармане шинели: полевых кирзовых сумок у курсантов-танкистов – в отличие от ЧВАШМ – здесь нет.

Мы-то прибыли сюда на все готовое, утешает нас командир взвода. А вот у них, курсантов первого выпуска, столовая находилась под открытым небом до самой зимы сорок второго года, потому что в первую голову необходимо было приспособить для занятий старые помещения, то есть конюшни, построить крытые парки для танков и прочей техники; надо было готовить сотни схем и плакатов, снимать с разбитых танков и других машин, доставленных в училище, целые узлы для оборудования специальных классов, механизмы, отдельные детали и различные приборы. И при этом требовалось ускоренно пройти учебную программу, а рук курсантов и преподавателей и особенно времени на все сразу не хватало.

Никогда не приходилось мне так дико мерзнуть. Не страшен был бы мороз (еще раз спасибо отцу, который, не обращая внимания на причитания женщин, неуклонно и систематически приучал меня сызмальства к холоду), если б поплотней была кормежка да потеплей одежда. С наступлением зимы нас «утеплили» только шапкой-ушанкой, рукавицами, подбитыми байкой, и второй парой портянок, тоже байковых. Словом, в мороз, особенно сопровождаемый ветром, чувствовали мы себя, сказать правду, не на высоте положения, но нытья не раздалось ни разу: каждый из нас прекрасно понимал, как тяжело сейчас всем.

Разглядывая свою октябрьскую фотографию, снятую на фоне какой-то рассохшейся деревянной будки с оконцем (должно быть, это был упраздненный КПП возле тыловых, Южных ворот), я был неприятно поражен жалким видом «воина», грустно смотревшего на меня: из широкого воротника гимнастерки торчит цыплячья шея. На похудевшем лице рельефно выделяются нос и обветренные, потемневшие, припухлые губы. Сперва не хотелось посылать карточку матери, но потом, поразмыслив, махнул рукой и отправил все-таки в очередном письме: хоть какая память останется в случае чего...

Слушаем с жадным вниманием, боясь пропустить хоть словечко, каждую новую сводку о положении на фронтах. Октябрь уж на исходе, а немцы все еще «берут» Сталинград, несмотря на то что сконцентрировали у волжской излучины огромные силы. В самом городе давно уже идут ожесточенные уличные бои за

каждый дом, этаж, даже за отдельную комнату или подвал, за любую развалину. Да там все в развалинах: врагом обрушено на неприступный и гордый город и его героических защитников начиная с августа бессчетное количество бомб, снарядов и мин. Там каждый камень полит кровью и под ногами солдат при каждом шаге глухо звякают осколки. С осажденным городом сообщение только через Волгу, под прямым огнем противника. Оборонительные порядки наших 64-й и 62-й армий, окруженных в городе, рассечены врагом на три части, однако, вопреки всем законам войны, сопротивление обороняющихся сделалось после этого еще более упорным: они не только отбивают все атаки фашистов, но и сами успешно контратакуют.

Волжская твердыня, дважды прославившаяся стойкой обороной в годы гражданской войны, не дрогнула и теперь перед лицом неизмеримо более сильного, страшного и злобного врага. Героизм защитников Царицына-Сталинграда потрясающ...

«За Волгой для нас земли нет!» – эта лаконичная клятва-присяга воинов-сталинградцев быстро облетела всю нашу страну. И весь мир затаив дыхание следит за ходом смертельной битвы советских людей с современным каннибализмом – за борьбой жизни против смерти.

Всем курсантам хорошо знакома по военным сводкам непробиваемая 62-я армия и ее энергичный командующий генерал Чуйков, и знаменитая дивизия Родимцева, и дом, превращенный в неприступную крепость сержантом Павловым и его боевыми друзьями. Там, у берегов Волги, беспримерное мужество нашего солдата преградило путь ненавистному захватчику. И огонь, и металл оказались бессильными перед советским человеком, защищающим свою родную землю, свою великую правду и свое священное право на свободу и жизнь. Там сейчас решается все.

Когда в Ленкомнате, щелкнув, смолк репродуктор, А. Ютель негромко заметил:

– Паулюс, по-моему, влип. Ни Сталинграда взять, ни на Волгу выйти не смог. И не возьмет: опять зима на носу, а главное, и дух у Гансов уже не тот. Короче: от арийского духа явный душок пошел.

Курсант Ютель – наш товарищ по взводу и единственный в нашей роте фронтовик. Воевал в пехоте, был тяжело ранен, а после госпиталя его направили в танковое училище. О фронтовой жизни вспоминать не любит. Если ребята в свободную минуту пристанут с расспросами, ответ у него всегда один: «Да что рассказывать? Скоро сами узнаете». И больше из него даже слова не вытянешь. Всего один раз он разговорился. Это случилось

после ужина, который нам показался легким из-за того, что добрую половину дня мы провели в открытом поле на занятиях по тактике, сильно продрогли и устали. Коротая личное время, все с нетерпением ожидали приятной команды: «На вечернюю поверку – становись!»

– А как там у вас было насчет заправки? – спросил кто-то, обратившись к Ютелю.

– О, там совсем другое дело! К примеру, перебьют половину твоей роты или, бывает, даже больше, а старшина, не будь дурак, по-прежнему харч на всех выписывает и все в котел закладывать велит. Притащат в темноте в окоп к тебе термосы – подходи и накладывай сам, сколько душа пожелает.

– Здорово! – мечтательно вздохнул спросивший, затягивая поясной ремень на одну дырочку.

Глаза Ютеля насмешливо прищурились.

– Что – здорово?

Наступило неловкое молчание.

– А еще есть на свете, ученые говорят, моллюски, ну слизняки такие, по названию брюхоногие... Ползает по дну морскому этакое брюхо на ножках, и голова ему вовсе ни к чему, – задумчиво обронил, словно про себя, интеллигентный Бородин, откусывая нитку на аккуратно пришитом подворотничке.

Курсанты заулыбались, а Ютель, потупясь, продолжал, будто ничего не слышал:

– Однако раз на раз не приходится. Как-то в прошлую зиму, во время нашего контрнаступления, оторвались мы вчетвером от своих. Темнота застала нас в чистом поле, снежок мягкий вьется. Ни огонька, ни избы. И тихо. В животе кишка кишке кукиш кажет, а кухня неизвестно где, и даже полки, на беду, с собой у нас нет...

– Какой такой полки?

– Да обыкновенной, на которую зубы кладут, когда грызть нечего.

Посмеялись, и разохотившийся Ютель начал было рассказ о том, как на третьи сутки пришлось им варить суп из найденного случайно на дороге под снегом конского копыта с обломком бабки, – по казарме раскатился знакомый хриплый бас:

– Р-рота-а! Ста-ановись!

Еще о товарищах по взводу.

Симпатичнейший человек – Володя Гончаренко из Днепропетровска, чернявый, с едва пробивающимся пушком над верхней губой, с красивыми карими глазами, в которых застыла какая-то затаенная тоска. Володя – живая совесть роты. Его всегда призывают помочь рассудить, кто прав, кто виноват, в самых щекотливых случаях. Он почти на год моложе меня.

Анатолий Платонов – земляк и друг Гончаренко. У него бледное, словно бы припухлое лицо, проницательный взгляд и барственно спокойные движения. Володя – сама доброжелательность. Умный Анатолий бывает порою ядовито-насмешлив. Его лаконичных реплик-характеристик во взводе немного побаивались. Вайсберга, например, который вечно ежился и трубно сморкался, с его уныло опущенным большим носом, сделавшимся от холода похожим на спелую сливу, Платонов окрестил как-то «сыном украинского народа». От этого хотя и смешного, но ехидного прозвища попахивает «жовто-блакытной самостийностью», как отметил скромный и молчаливый курсант Кожемякин, шахтерский парень из Донбасса.

С Виктором Кожемякиным мы очень подружились, так же как и с Володей Стефановым, земляком, которого я встретил еще в Магнитке, в военкомате, среди большой толпы остриженных наголо призывников, явившихся для прохождения медкомиссии.

Румянощекий Аржанухин, по прозвищу Уралец-Сибиряк, или Мы-Уральцы, у которого имелось больше всего теплых вещей, присланных или привезенных заботливыми родителями, но который все равно ужасно боялся мороза. В письме своей однокласснице он весьма красочно описывал, как трудно и с какими мучениями переносят челябинскую зиму те ребята, кого сюда забросила война с Украины, особенно Южной, да и вообще все, кто жил западнее Волги. «Но мы, уральцы и сибиряки...» – патетически продолжал далее наш свердловчанин, собираясь, очевидно, скромно намекнуть на свои львиные качества. Эти роковые слова случайно попали на глаза Платонову, когда тот протискивался между нашими нарами и спиной Аржанухина, пристроившегося писать на подоконнике. С того же дня Мы-Уральцы сделалось вторым именем нашего «морозостойкого» товарища. Под английской шинелкой, тонкого сукна и греющей только летом, истинно африканской шинелью, он носил ватник, который, выбиваясь из-под поясного ремня, вечно торчал смешным горбом на спине. Тесемки на ушанке наш уралец завязывал всегда с таким расчетом, чтобы шапку можно было в случае необходимости без труда напялить на атакованные морозом уши. Рукавицы были у него на меху, но он стыдливо прятал их внутри армейских, более просторных. Свои двойные рукавички Мы-Уральцы носил, стянув с пальцев примерно на треть, поэтому руки его, удлиненные таким способом, напоминали, в сочетании с согбенной спиной, передние конечности орангутанга. Уморительно выглядела фигура Аржанухина на фоне строя. Если наш взвод отправлялся, согласно расписанию, на самоподготовку в такой класс, где

имелась возможность подтопить буржуйку, он с непостижимой проворностью успевал пристроиться у самой печки. Когда она раскалялась докрасна, излучая живительное тепло, Уралец-Сибиряк, блаженствуя, начинал клевать носом. Однажды он заснул так крепко, что прожег насквозь правую полу шинели. Курсанты все были заняты своими делами, то есть «замыкались на массу» (на танкистском жаргоне это означает «дремали») или при тусклом свете слабенькой электролампочки составляли «конспекты на родину», так что «пожар» замечен был лишь тогда, когда в помещении сногсшибательно завоняло жженым аглицким сукном.

При этой небольшой своей слабости наш взводный запевала был сердечным и покладистым парнем и очень любил песню. Не любят петь, если даже и умеют, только злые и завистливые, словом, нехорошие люди.

Звучный и крепкий, как у молодого бычка, голос Аржанухина конечно же сильно уступал в артистичности бархатному драматическому тенору ротного запевалы Радченко, чернобрового красавца, у которого, хотя увольнительных в училище нашем не полагалось, разве что в исключительных случаях, и несмотря на строгие нравы уралочек, все-таки появились в городе поклонницы. Это обнаружилось чисто случайно: однажды наш батальон, маршируя через город, задержался у перекрестка, и там у Радченко произошла короткая, но очень трогательная перекличка с некоей Валюшей.

Пели мы часто и с большим желанием. Песня всегда была нашим другом и помощником. И наверное, получалось у нас неплохо, потому что когда рота, «рубившая» вниз по улице Цвиллинга, главной городской магистрали Челябинска, направляясь в баню или на воскресник, запевала «Таню-Танюшу», то ножки девушек, идущих по тротуарам, сами сбивались на фокстрот.

Ефим Аронович из нашей тюфячной тройки, полненький и тоже «утепленный», обычно что-то жующий втихомолку, когда уляжется на свои две трети тюфяка, задумчиво уставясь в доски нар второго яруса.

Никодим Филинских, попросту Кодя, невысокий, широкоскулый и курносый, восхитительно конопатый.

Костя Стельмах – скромнейший паренек, очень выдержанный, исполнительный и всегда подтянутый. Судя по его виду, служба как будто ему не в тягость, хотя юноша этот вовсе не богатырского сложения. Просто Костя готовится к предстоящим нам делам не за страх, а за совесть. Таких людей нельзя не уважать.

Жилистый, сердитый, весь какой-то колючий Бострем, с которым однажды мы подрались не помню из-за чего. Легкий, ниже среднего роста, он смело навязывает противнику ближний бой, мастерски бодаясь головой. До призыва работал шофером, и многое из того, что нам приходится здесь постигать впервые, ему не в новинку.

Павел Снегирев – прекрасный человек. И это не только мое личное мнение. Мы называем его любовно, как Корчагина, – Павка.

22 ноября

Сегодня услышали по радио долгожданную радостную весть: наши войска, расположенные на подступах к Сталинграду, перешли в наступление северо-западнее и южнее города. Они наступают уже три дня и за это время продвинулись вперед на 60-70 километров. Здорово!

23 ноября

Войска Юго-Западного и Сталинградского фронтов, разгромив несколько фашистских дивизий, пытавшихся помешать сомкнуться нашим «клещам», соединились в районе городов Советский и Калач. Немецкое окружение Сталинграда в результате само оказалось в окружении!

Очень запомнились нам декабрьские занятия по тактике, особенно такой прием обучения, как «пеший по-танковому», да еще и по снежной целине. Руководитель занятий капитан Мельников, человек строгий и сухой, не давал курсантам никакой потачки. Сам он, производя разбор учения, мог подолгу невозмутимо стоять в хромовых сапогах на лютом морозе, даже не переминаясь с ноги на ногу. Тесемки на его шапке, по-видимому, никогда не развязывались и были так аккуратно заправлены наверху, что их вообще не было видно. А нам на время полевых занятий выдавались валенки, обычно не успевшие просохнуть как следует, но все-таки в них, когда ты в движении, ногам теплее, чем в сапогах, даже если за голенище набивается снег. И наушники у шапки разрешалось опустить. Но все равно после долгого лазания по оврагам, в которые нынче намело целую пропасть снегу, вспотев даже в «союзных» шинелях, мы тряслись потом, после «взятия высоты», где-нибудь наверху, на сквозном ветру. И как ни стыдно бывало нам перед капитаном,

мы плохо слышали его очень дельные выкладки, когда он подбивал итоги занятия, строго и педантично анализируя и оценивая действия каждого экипажа и танковой роты в целом. В эти минуты мы думали лишь о том, как бы не обморозиться. Позже, во второй половине зимы, наш преподаватель тактики уехал стажироваться в действующую армию, и мы облегченно вздохнули.

Продолжил эти занятия с нами майор Бойцов (удивительно подходят некоторым людям их фамилии), молодой, рослый и веселый. Таких людей, как он, встречаешь нечасто, и они запоминаются навсегда. Те же тактические задачи, и снега по пояс и даже по грудь, и пот по спине, а затем озноб на пронизывающем ветру – и все казалось не таким уж и трудным, потому что умел человек-командир и пошутить, ободряя курсанта, и пристыдить, и приструнить вовремя и строго, но как-то необидно. Выходил он в поле не в дубленом «романовском» полушубке, а в шинели и дрог наравне с нами или на заброшенном мусульманском кладбище, среди уныло торчащих из глубокого снега, покосившихся плоских надгробных камней, или в каком-нибудь логу, под нависшим гребнем сугроба, либо в лесном урочище. И уже от этого одного становилось легче терпеть мороз и ветер.

Однажды на занятии в классе, не теплом, но и не очень холодном, задремал, верный своей привычке, Аржанухин, который из тактических соображений уселся где-то в задних рядах, подальше от преподавательского стола. Ряды состояли из фанерных стульев с откидными сиденьями и откидными же, большей частью поломанными, столиками на задней стороне спинки. Мебель эту свезли сюда не иначе как из пустующих залов заседаний за ненадобностью: заседаниями фронту не поможешь.

Майор, как обычно, давал неожиданные и трудные вводные, проверяя сообразительность будущих механиков-водителей и командиров машин. Он и в учебной аудитории умело создавал атмосферу танкового боя, то и дело изменяя ситуацию, держа нас в постоянном напряжении, заставляя все время мыслить, не поддаваясь первому душевному порыву, при решении той или иной тактической задачи. Нет, наш наставник отнюдь не отрицал ни смелости, ни риска при принятии решения (бой есть бой!), но всячески добивался, чтобы и то и другое было по возможности разумно. «Умереть в бою – нетрудно, победить и остаться живым – значительно трудней, – охлаждал он горячие стриженые головы. – Тут одним «ура» не возьмешь. Да и кто тебя услышит за броней сквозь грохот и скрежет?»

Так же поступал преподаватель и в поле. На тактических

занятиях он не только обучал нас взаимодействию в составе танкового экипажа, взвода и роты, но и давал нам прочувствовать состояние бойцов танкового десанта. Для этого на одном из учений всех курсантов, кроме назначенных членами экипажей легких танков, он усадил на броню. И вот взвод Т-26 по условному сигналу ринулся на штурм высоты, занятой «противником». Окутанные снежными облачками, мчались по белому полю юркие машины, хлопая на ходу холостыми патронами. Снежные вихри залепляют глаза десантникам, которые словно прилипли к башням, изо всех сил вцепившись в десантные скобы и крепко прижав к себе винтовки, чтобы не выронить, чего доброго, на каком-нибудь ухабе или при резком повороте. Танки несутся быстро, часто меняя курс, потому что «противник» ведет интенсивный противотанковый огонь (условный). За рычагами – опытные водители-инструкторы. Встречный ветер пронизывает тебя насквозь, мешает дышать и так и норовит сбросить тебя с брони. Сквозь его посвист и рев двигателей доносится трескотня пулеметов «неприятеля», засевшего в деревне. И ты чувствуешь себя привлекательной живой мишенью, в которую целят одновременно все огневые точки.

Скорей бы сигнал на развертывание десанта: уже не ощущаешь рук от близости жгучего на морозе металла. Вот она – зеленая ракета! Танки чуть сбавляют ход, и мы кубарем ссыпаемся в мягкий снег, тотчас же подхватываемся и изо всех сил торопимся за танками, увязая в глубоком снегу. Протоптанные гусеницами узкие дорожки тянутся к окраинным домикам. Кто-то сообразительный выскочил на гусеничный след, и вот уже почти все наше отделение атакует не по уставу: двумя извивающимися вереницами. Ур-ра-а! Боевой клич нарастает как шквал и гремит над широким полем: и слева и справа тоже накатываются на высоту неровные цепи десантников. Быстрей, быстрей! Лица наши горят от быстрого бега и резкого на просторе ветра. Совсем немного осталось...

Уже три танка, шедшие перед нами, похоже, замедляют ход и один за другим останавливаются наверху, почти у самых изб. И когда мы, с подкатившимся к самому горлу сердцем, поравнялись наконец с боевыми машинами – над нашими головами круто взмыли две красные ракеты, возвещая о взятии высоты. «Бой» окончен. Майор, высунувшись из командирского люка головного танка выше пояса, с удовольствием поглядывает на разгоряченную удачной атакой пехоту, а из кривых деревенских улочек, обозначенных глубокими пешеходными тропками, сбегается возбужденная ребятня. Мальки до глаз закутаны кто в

теплый бабий платок, кто в отцовский башлык. Дотошный ребячий народец с восхищением глазеет на танки, над которыми курится белый пар, словно над остывающими после долгой скачки конями, на водителей в черных танкошлемах, шныряет между толпящимися там и сям группами курсантов. Наши учебные винтовки и деревянные гранаты, утяжеленные железными рубашками, дети принимают за всамделишное оружие, а мальчишки, что побойчей, выпрашивают у безусых дядей «патрончик», то есть стреляную гильзу, но у нас ее нет. Кто-то объясняет ребятам, что поживиться они могут там, где были установлены пулеметы... Но мне пора уже вернуться в тактический класс.

После очередной вводной: «Вы в атаке. Противник ведет сильный артогонь. У вашего танка вдруг заглох двигатель. Ваши действия как механика-водителя?» – преподаватель выждал несколько секунд и громко вызвал:

– Курсант Аржанухин!

Сосед слева незаметно толкнул спящего локтем в бок, а сзади кто-то торопливо шепнул:

– Открыть люк-лаз и срочно оставить машину.

Испуганно вскочивший соня добросовестно и даже не без лихости отбарабанил ответ. Великолепные брови Бойцова вопросительно выгнулись вверх, а курсанты судорожно корчились от душившего их смеха, стараясь не очень скрипеть рассохшимися сиденьями. После короткого замешательства майор, рубанув воздух рукой, обескураженно воскликнул:

– А ведь опять спал... Эх, русское офицерье! – и захохотал вместе со взводом.

Изумительно скучного, должно быть, не вполне здорового и поэтому сильно уставшего преподавателя ГСМ (горюче-смазочных материалов) мы называли между собой Водомаслозаправщиком. Глупо, конечно, тем более что кому-нибудь из нас, технарей, в будущем, вполне возможно, придется заниматься этим архиважным в автобронетанковых войсках делом.

26 декабря

Наши войска на внешнем кольце окружения Сталинграда продвинулись на 15-20 километров вперед.

27 декабря

Наступающие части Красной Армии вышли в район Среднего Дона.

28 декабря

Количество пленных немцев в районе Сталинграда превысило 35 тысяч.

Сводки очень выразительные.

30 декабря

На одном из участков, должно быть, внутреннего кольца перешел линию фронта командир батальона противника и сдался в плен – допекло! Ему предложили вернуться к своим, он снова пришел и привел в плен свой батальон.

31 декабря

Выбегая на построение, краем уха услышал знакомый звучный голос из Ленкомнаты: «Ломая сопротивление противника, войска... фронтов продолжают упорно продвигаться вперед... Захвачен эшелон самолетов...» У нас сегодня вождение.

* * *

Декабрь ТАМ прошел нормально: группа войск Манштейна, как ни пыталась разорвать кольцо окружения, которое намертво замкнулось вокруг фашистских армий под Сталинградом, в конце концов отброшена на юг, понеся при этом большие потери, и теперь откатывается к Ростову-на-Дону. Под угрозой быть отрезанными оказались немцы и на Северном Кавказе: Южный фронт и Северная группа Закавказского фронта перешли в наступление против северокавказской группировки гитлеровских войск, а Юго-Западный фронт продолжает наступать в восточной части Донбасса.

1943 год

1 января

Новый год наступил в самый разгар битвы в Сталинграде, на обоих «кольцах» – внутреннем и внешнем. Тщетно пытается немецкое командование любой ценой спасти 6-ю общевойсковую и 4-ю танковую армии из советского капкана. Как прав Ютель! Веселенькое, ничего не скажешь, Рождество у фрицев, с «хлопушками» и «фейерверками»...

Встречаю новогодие в полнейшем одиночестве на танкодроме, в лесу, недалеко от опушки, в остывающей землянке, которую меня оставили отапливать, чтобы очередная группа курсантов, прибыв рано утром на вождение, не выбивала на морозе дробь зубами и ногами.

Добросовестно прокочегарив до позднего вечера, смены так и не дождался. Уже брошено в широкий зев прожорливой кирпичной печи последнее полено, а ни топора, ни пилы нет. Подтаскиваю дверь, сбитую из промерзлых толстых досок и сорвавшуюся из-за своей тяжести с петель, к самой топке и от нечего делать пробую сидя дремать, устроившись на двери. Из печи в лицо веет жаром, а спину так и прихватывает холодом: мороз ночью усилился. Уже потускнели и покрылись серым пеплом угли, рдеют только две-три крупные головешки; «уж полночь близится», а сменщиков «все нет». Что они там? Забыли, что ли, про меня? Не может быть. Наверное, просто поздно спохватились и не рискнули ночью да в мороз послать курсанта в сколько-то там километровую даль от города: запросто можно заблудиться и замерзнуть. Однако терпеть стужу, которая постепенно заполнила землянку от стылого и скользкого земляного пола до самой крыши, сделалось невмоготу. Нужно было что-то предпринимать. Выйдя из землянки, задумчиво бреду к опушке, откуда сквозь стволы деревьев видел днем в отдалении несколько домиков. Остановившись под сосной, с надеждой всматриваюсь в реденькие огоньки небольшой деревушки. На сердце сразу как-то легче стало: все же ты не один на свете. Сквозь скрип снега под моими сапогами почудился мне звук пилы. Прекращаю на минуту пританцовывать на месте: точно! Проваливаясь в снег выше голенищ, спешу туда через нетронутое белое поле, синевато отливающее под луной, останавливаюсь время от времени, чтобы прислушаться. Визжит! Визг пилы словно песня. Кто-то среди ночи пилит дрова. Войдя,

запыхавшись, во двор, кратко объясняю ничуть не удивившимся хозяевам причину столь позднего визита. Пилу двуручную мне доверили, и я, воротясь к своей землянке, кое-как разделал на метровые поленья верхнюю половину высокой сосны, нечаянно поваленной тяжелым КВ. Пила оказалась очень острой, и промерзшая древесина хорошо поддавалась. Разогрелся. Зарядив пятью поленьями печь, отнес инструмент обратно, преисполненный самой теплой благодарности к совершенно незнакомым людям. Пожелав мужчине, коловшему звонкие дрова у крыльца, и его семье здоровья и счастья в новом году, возвращаюсь по своему следу назад, затаскиваю все дрова в землянку, пристраиваю увесистую дверь на место, чтобы сберечь тепло. Теперь можно поудобнее усесться на толстый кругляш перед печью, в которой, весело пощелкивая, уже разгорается подтопка – мелкие сосновые сучья. Спать расхотелось, да и не на чем. Чтобы скоротать как-нибудь длинную ночь, начинаю перечитывать полученные в декабре письма.

Вот треугольничек от мамы из Сампура – райцентра в Тамбовской области, куда она эвакуировалась с сестренками из Смоленска. У них по-прежнему трудно: в морозы Майка вынуждена пропускать уроки из-за плохой одежонки, с питанием тоже неважно. А мать накануне Нового года вместе с теплыми длинными вязаными носками додумалась послать мне, словно маленькому, круглых бледно-розовых пряников, из которых в посылке уцелел лишь один в паре с обломком ржаного сухаря, запутавшегося в обшивке. Небольшая посылочка оказалась бессовестно выпотрошенной. Уж лучше бы сестренки эти пряники съели! Растерянно ощупав полупустой мешочек, обратился было с претензией к работнице почты, но она только плечами передернула и в сердцах, как будто не меня, а ее ограбили, отрезала, что почта не отвечает за сохранность посылок в мягкой упаковке. Странное какое-то установление…

Следующим в пачке лежало письмо с фронта от дяди Миши. Он мобилизован летом 41-го, хотя ему тогда уже перевалило за пятьдесят, служит при штабе армии (судя по адресу), и должность его мне, понятно, неизвестна. В первую империалистическую войну был начальником штаба батальона. Воевал и в гражданскую.

А вот треугольничек дяди Бори. Агроном, влюбленный в свое дело, добродушнейший человек, он после нападения Германии стал зенитчиком. Это превращение мне кажется символичным: труженик, лелеющий землю, работающий на ней не покладая рук, теперь этими самыми руками уничтожает самый зловредный и отвратительный сорняк на ниве человеческой истории –

фашистскую нечисть, наглых захватчиков, что распахивают чужие земли бомбами и снарядами, сея смерть всему живому и сводя на нет плоды долгого и упорного труда многих поколений.

Двоюродная сестра Иринка (Борисовна) сообщает из Калинина о больших разрушениях, сделанных фашистами за короткое время хозяйничанья в оккупированном городе, о смерти многих тверичей. Погибла и наша бабушка. Она вместе со своей старинной подругой, тоже учительницей, покинула родной город, не желая очутиться под одной крышей с каким-нибудь баварским громилой или белобрысым потомком тевтонского рыцаря из Орденской (ныне Восточной) Пруссии. Морозной ночью старушек застала в открытом поле сильная метель. Бредя по глубокому снегу и борясь с ветром, они совершенно выбились из сил, присели передохнуть в придорожном ельничке (там было потише) и заснули навсегда... Тела их нашли колхозники, вышедшие на расчистку прифронтовой дороги от снежных заносов. Кто-то из работавших возле обочины случайно обратил внимание на черный лоскут, торчавший из свежего сугроба под елкой. Лоскут этот оказался краем полы бабушкиной шубы. Первым погиб ее средний сын, как и должно мужчине, а месяцем позже и она сама, вечная хлопотунья и заботница, мать шестерых детей, давно уже вышедших в люди. И дедовский дом, где родились и выросли ее дети, – скромный домик из красного кирпича на берегу Волги, немного повыше впадения Тверцы, – разрушен немецким снарядом...

Только о ленинградцах наших ничего пока не знаю. Мама не имеет о них никаких сведений. Представляю, как маме тревожно и тяжело: там осталась ее старая мать, двое братьев и сестра – все с семьями. Дядя Яша, носящий фамилию Филиппов, а не Смирнов по вине пьяного в дым церковного причета, совершавшего обряд крещения, – инженер судостроительного завода имени Андре Марти, а Ленька, его сын, наверное, на фронте. Другой дядя, Александр Смирнов, великолепный слесарь-лекальщик, работает на Балтийском заводе. У него двое ребятишек. У тети Маруси – один. Живы ли наши родичи? Город плотно блокирован врагом с осени 1941-го, и о жестоких страданиях его жителей от холода и голода доходят страшные вести. Но город Ленина, славный своими революционными традициями, держится. Держится, несмотря ни на что. Его замечательные люди – рабочая гвардия и моряки-балтийцы, бойцы и командиры всех родов войск – не падают духом, как им ни трудно, и не только неколебимо стоят на всех оборонительных рубежах, но и наносят весьма ощутимые удары по врагу, который уже решил, что взять Ленинград – дело времени (разумеется, при активной поддержке со стороны голода

и холода в сочетании с варварскими систематическими обстрелами городских кварталов из осадных орудий и частыми массированными бомбардировками с воздуха).

Ночь новогодняя прошла в невеселых раздумьях: мрачные мысли почему-то сами собой лезут в голову, когда в желудке пусто. И всего только не поужинал! А в Ленинграде... Время от времени поднимаюсь со своего чурбана, чтобы подбросить дров и постоять, прижимаясь спиной к печи, которая по неизвестным мне причинам никак не желала делаться горячей, хотя топливо пожирала вполне исправно.

Дров хватило все же до прихода курсанта, присланного на смену. Он заявился лишь в середине дня, с двумя котелками в руках, недовольный и хмурый, так как в училище сегодня, оказывается, все отдыхают и занятий никаких нет, в том числе и вождения. Пока я усердно трудился над слегка подогретыми ужином и завтраком, сваленными в один котелок, сменщик мой, показав на другую, пустую посудину, с некоторым смущением признался, что по дороге нечаянно пролил праздничный компот, однако выражение его лица и интонации голоса показались мне не совсем искренними. Черт с ним! Обрадованный тем, что наконец могу отправиться спать, великодушно указываю товарищу направление к дому, где мне одалживали пилу, и отправляюсь восвояси.

В роте меня ожидала радость: пришло извещение о посылке из Магнитогорского детдома.

На следующий день, вечером, после занятий, фанерный ящичек, обтянутый белой материей, был доставлен мною в казарму. В нем оказался настоящий клад: на плотно уложенных черных сухарях красовался добрый кусок сала и полголовки круглого сыру. Это, конечно, расстарались Катя (ее произвели в кладовщицы), Мария Михайловна и грустная Галя. В письмеце, вложенном в посылку, множество приветов от моих младших «корешей»: Юлая, Николки, Альберта и других. Спасибо вам, друзья мои, за добрые пожелания на Новый год, за все! Но куда девать неожиданно свалившееся богатство? Тумбочек у нас нет, под тюфяки класть ничего не разрешается. Старшина каждый день лично проверяет, хотя и дневальные делают это ничуть не хуже. Носить с собой? В чем? У нас нет даже полевых сумок... То в одном, то в другом учебном взводе, шагающем на занятия, можно увидеть счастливчиков, которые вынуждены повсюду таскать с собой тряпичную торбочку с провиантом. Неудобно, некрасиво и – стыдно. Решение пришло не сразу, а после некоторых желудочно-собственнических колебаний. Половина припаса была поделена между лучшими друзьями, остальное кое-как рассовано

по карманам, что тоже было не очень удобно, но все же не торба. А сало, которое надо было есть экономно, пришлось-таки несколько дней носить, завернутое в тряпицу и маскируя за пазухой, пока оно не «растаяло». И с каким облегчением вздохнулось, когда вся эта «прикормка» кончилась! Чего стоил хотя бы проникновенный взгляд А. П., который на другой день после доставки того памятного ящичка в казарму подошел ко мне и попросил пару сухарей, чтобы «хватило хлеба на ужин». Сухари он, конечно, получил, но почему-то ни словом не обмолвился о своем друге Гончаренко, которому тоже неоткуда ждать «подкрепления». Эх, сразу бы все содержимое посылки съесть всем отделением – и точка, но было уже поздно...

А есть нам всегда хотелось очень, особенно после занятий на морозе. И не забыть наших ухищрений раздобыть что-нибудь съедобное: кочан капусты, например, замечательной мороженой капусты, превратившейся в кусок льда, или несколько картофелин, вынесенных в ведре с грязной водой и очистками через черный ход пищеблока, когда на кухне работал наряд из нашей роты, или хотя бы жмых, предназначенный для откормки свиней. Похищенную предприимчивым курсантом плиту жмыха (плиткой ее не назовешь) при первой же возможности разбивали на мелкие осколки и прятали в карманы. Кто-то из ребят имел неосторожность засунуть в наволочку своей подушки кусочек жмыха про запас.

После вечерней поверки, в неофициальной ее части, старый старшина, выждав, когда уйдет командир роты, произнес следующую трогательную речь: «Товарищи курсанты! 13-я рота! До чего ж мы дожили... – Тут старшина горестно тряхнул своим чубом и продолжал дрогнувшим голосом: – У несчастных свинок, животных несмышленых, последний паек отнимаем...» В этом месте он вздохнул со всхлипом, помолчал, отыскивая взглядом помкомвзвода, на территории которого был обнаружен злополучный обломок подсолнечного жмыха, потом вдруг яростно сверкнул глазами и хрипло рявкнул: «Товарищ сержант! А того разгильдяя – под нары!»

«Под нары» – это значит вне очереди мыть полы под нарами, где передвигаться можно было с большим трудом только на четвереньках, низко пригибая голову. Полы под нарами относительно чистые, так что все мытье заключалось в умении протереть мокрой тряпкой доски пола, не насажав себе при этом шишек на лбу и на макушке о множество деревянных стоек, подпирающих наши спальные места.

С особым энтузиазмом ходили мы в наряд по пищеблоку, потому что там можно было набить желудок всяким овощем, не

говоря уже о том, что после обеда работающим на кухне при очистке котлов давали похлебать чего-нибудь из первого. Некоторые из нас возвращались с суточного дежурства мучимые сильной изжогой или с расстроенными желудками...

Курящие страдали (доброй половине из нас это было непонятно) из-за отсутствия табака: его не выдавали курсантам. А денег у нас не было, так как еще в прошлом июне в ЧВАШМ мы все, как один, с энтузиазмом подписались на оборонный заем на все свое годовое денежное довольствие. В месяц курсанту полагалось 40 солдатских рублей, но эти деньги не очень-то выручили бы наших курцов, потому что стакан самосада на базаре в Челябинске стоил сто рублей, а одна самокрутка – десять. Да и как попадешь на рынок, если увольнительные в город не разрешались. На перерывах между занятиями частенько можно было наблюдать, как бычок, бережно передаваемый из рук в руки, словно бог весть какая драгоценность, докуривался, наколотый обмусоленным концом на иголку, ввиду того что удержать его в пальцах было просто невозможно.

А занятия шли своим чередом. Сейчас, среди зимы, они часто состояли из сплошного дрожания от холода. Особенно ужасные места – это парки и тиры, где полы цементные, печей никаких и где было всегда холодней, чем на улице.

Первая стрельба в тире. На огневом рубеже три башни-кабины. В башне установлена малокалиберная винтовка с пушечным прицелом. Внутрь заходим по двое: командир орудия и заряжающий. Затем по команде меняемся обязанностями. Заняв свои места, ведем наблюдение: впереди, в отдалении – освещенная панорама пересеченной местности. Кабина плавно покачивается: наш «танк» движется. Низ у кабины напоминает пресс-папье, а снаружи к кабине приделан поручень, на который нажимает преподаватель огневой подготовки лейтенант Гусев, наш взводный. Вот за фанерной броней слышен его ровный голос:

– Справа – 30!

Наводчик, не отрываясь от прицела, торопливо вертит рукоятку механизма поворота башни.

– Танк противника! Дистанция – 500 метров. Бронебойным – заряжай!

Последние слова команды относятся ко мне. Остывшими пальцами не очень-то удобно в темноте засунуть маленький патрончик на свое место. Наконец ощупью перекос устранен, затвор щелкает.

– Готово!

А с правой стороны низкой сцены, на которой изображено поле боя, действительно ползет миниатюрный макет танка. Он не

спеша движется вдоль фронта. Командир орудия открывает огонь, но танк скрывается за высоткой на левом краю сцены. Три моих «снаряда» тоже не причинили ему никакого вреда.

Посрамленные, вылезаем, вернее, выныриваем друг за другом из-под башни, у которой не забрана фанерой тыльная нижняя половина. Мой товарищ, недостаточно низко нагнувшись, задевает головой за деревянный кольцеобразный брус башенного каркаса и теряет шапку. Сконфузясь еще сильнее, он неловко приседает, чтобы достать ее, и засвечивает на лбу здоровенный синяк.

Осенью нужда научила нас драить полы. Эта нелегкая и ответственная работа называется в училище «вождением». Значение этого слова вначале было для нас не совсем ясно.

Впервые попав в наряд по роте, мы провозились с уборкой до двух часов ночи. Полы в казарме некрашеные, шероховатые – ни голики, ни песок их не брали. Свинцово-серое небо исходило бесконечными дождями, земля совершенно раскисла и прилипала к сапогам, а отмывать их было негде, разве что в лужах с грязной жижей – поэтому на затоптанный пол даже смотреть жутковато. Но вот работа кончена. Разогнув усталые спины и с гордостью обозрев плоды своего титанического труда, мы уже собирались вымыть руки и юркнуть в свои постели, да не тут-то было. Некстати появился из каптерки сонный старый старшина, провел подкованным каблуком по непросохшему сероватому полу и начисто забраковал всю нашу работу: от подковки на половице осталась предательская светлая полоска. Пришлось все начинать снова, и драили мы в тот раз до самого подъема, а потом на занятиях напропалую клевали носом.

Но однажды, когда мы, группка проштрафившихся из разных взводов, лениво перебраниваясь в предвкушении бессонной ночи, безо всякого энтузиазма ползали на карачках по беспросветно грязным проходам, нам неожиданно повезло. Примерно через час после отбоя «старый» курсант, то есть курсант, прибывший в училище на энный отрезок времени раньше нас, прошел мимо по «прешпекту» с ведрами грязной воды. Он был из другого батальона, одна рота которого размещалась в правой половине нижнего этажа нашего здания. Иронически покосившись на нашу возню, «старик» бросил на ходу:

– Боже мой, какая кустарщина! А где же новейшая техника, призванная облегчать труд человека?

С досадой и недоумением уставились мы на шутника.

– Эх вы, тринадцатая штрафная! Да так у вас пол никогда не будет даже приблизительно чистым. Отдохните пару минут – получите исчерпывающий инструктаж.

Быстро вернувшись с чисто ополоснутыми ведрами, он принес из своего расположения две деревянные швабры с длинными ручками. Собственно швабра насажена на конец рукояти и представляет собой полуметровый отрезок доски, к которой крепко прибита толстая, чуть ли не в три пальца, амортизационная резина. Эту резину (она широким кольцом опоясывает изнутри нижнюю часть башни, опущенную в корпус танка, и предохраняет членов экипажа, которые работают в боевом отделении, от ушибов и увечий при резких поворотах, толчках, а также при рикошетах) бывалые курсанты снимают со старых машин, предназначенных для демонтажа. Прошлой зимой в училище доставлен был подбитый и списанный старый КВ-1, проговорился как-то один из штатных водителей. Трое ребят, посланные навести порядок в танке, обнаружили, к своему ужасу, под топливным баком чью-то мороженую ногу в совсем новом сапоге...

– Смотрите, салажата! – приказал наш добровольный инструктор и, выплеснув на «вымытый» нами пол целое ведро воды, жестким веником быстренько развел жидкую кашицу, поясняя при этом:

– Чем жиже – тем лучше. Это операция номер один, подготовительная. Берите веники и продолжайте... Так. А теперь приготовьте пустые ведра и совки, чтобы собирать грязь. Нет совков? Сойдут куски фанеры, можно и просто горстями.

Затем он взял в руки швабру и, отойдя к дверям, торжественно объявил:

– Испытанная боевая машина Т-2-1К. Расшифровывать не имею права: военная тайна. Экипаж – три человека.

Подозвав меня с Елькиным, он дал нам держать длинную рукоять, а сам установил швабру строго параллельно половицам, наступил на швабру ногами и, тоже ухватившись за ручку, весело скомандовал:

– Полный вперед! Да гоните точно вдоль половицы, не портите мне борозды!

Мы резво затрусили по проходу, таща за собою упруго цепляющуюся за пол швабру с живым грузом. Позади, радуя глаз, ярко забелелась полоса чистого пола. Швабра захватывала сразу две-три половицы!

– Это и есть главная операция, именуемая еще с первого здешнего выпуска «вождением». Преимущества техники всем понятны? Вопросы есть? Ну, седлай тогда швабру кто потяжелей. Вот подходящий балласт, – показал наш новый товарищ на белобрысого флегматичного Елькина. – А ему, – кивнул он на Бородина, – мускулатуру надо развивать, иначе службы в

танковых войсках не осилит.

Последняя операция заключалась в том, чтобы тщательнейшим образом собрать грязь, остающуюся иногда на стыках светлых полос при «вождении».

Наш добрый гений еще минуты две понаблюдал за нашими действиями, которые становились все уверенней с каждой вновь пропаханной «бороздой», удовлетворенно кивнул и, попросив после работы «загнать машины в парк», то есть сдать дневальному из их роты, удалился спать, отмахнувшись от слов благодарности, переполнявшей наши сердца.

Вшестером, при «поддержке» двух этих швабр, мы, дружно поднажав, покончили с уборкой за два с половиной часа. Правда, спины у нас взмокли, а ноги и руки гудели. Впоследствии некоторые наши курсанты наловчились управляться с полами за полтора часа, но это уже относится к области ротных рекордов.

Постепенно научились мы и многому другому, в том числе так называемой «маскировке» и «сачкованию», без которых в отдельных случаях никак нельзя обойтись служивому, но главное – умению и готовности в любое время дня и ночи работать до предела своих сил и не страшиться никаких трудностей.

«Питомцы ЧТТУ»! Это выражение сначала почему-то нас несколько шокировало. Но именно здесь, в стенах этого совсем молодого танкового училища, в его холодных классах, ледяных тирах и парках, на его танкодроме и отдаленном полигоне, его питомцы – безусые мальчишки – становились водителями и командирами грозных КВ. «Черными мамонтами» почтительно называли фашисты наши тяжелые танки, которые наводили на врага ужас мощью своего огня и неуязвимостью брони, особенно в первый год войны.

«Питомец ЧТТУ» – это обращение, которым заканчивается припев нашей училищной песни. Слова песни сочинены одним из курсантов более раннего выпуска, а музыку написал композитор, в порядке шефства связанный с нашим училищем.

Не то поздней осенью, не то в начале зимы он приезжал в училище и выступал перед курсантами и преподавателями. Речь шла о музыке и сопровождалась исполнением небольших фортепьянных пьес и отдельных фрагментов из крупных классических произведений. Играл гость по памяти. Постепенно встреча перешла в оживленную беседу. Посыпались вопросы, в том числе и о композиторском труде. Кто-то из ребят попросил гостя рассказать историю создания нашего марша.

Композитор, утомленный человек с пышной седеющей шевелюрой, в скромном одеянии, с длинным теплым шарфом на шее (в клубе, как и везде в училище, было достаточно холодно),

с веселым юмором поведал нам о муках творчества вообще, а в заключение – о своих творческих поисках при работе над нашей песней. Она обязательно должна была стать строевой. «Сейчас все в строю, даже лирическая песня», – заметил он задумчиво и вздохнул.

Особенно насмешил нас маэстро рассказом о том, как он решил лично прокатиться в танке, чтобы получше представить себе состояние и ощущения людей, членов экипажа, идущих в бой, а затем постараться выразить все это в музыке. И композитора прокатили. Сперва от училища до танкодрома – с «ветерком», потом по танкодрому – с преодолением несложных препятствий, а сверх программы пару раз пальнули (разумеется, с разрешения начальства) холостым зарядом из танковой пушки. Перед выездом ему, как положено, показали его место в машине, разъяснили обязанности, которые заключались в том, чтобы не мешать работать экипажу, а главное – покрепче держаться, чтобы не ушибиться. За что держаться – тоже показали.

После возвращения КВ с танкодрома бедный служитель муз сумел выкарабкаться из башни только с помощью курсантов, так как совершенно ошалел от непрерывной тряски, чувствительных толчков, стального лязга гусениц и басовитого рева мощного дизеля, к которому присоединялся при резком увеличении числа оборотов дикий вой вентилятора. К концу короткой, но необычной творческой поездки у композитора сильно закружилась голова, его мутило от неприятных запахов газойля и нагретого масла – этого специфического аромата, который никогда не выветривается из машины, как только она начинает ходить сама.

А песня в конце концов удалась. Суровый мотив ее и своеобразный ритм припева, чем-то напоминающий уверенно-неудержимое движение тяжелого танка, что устремился в атаку по неровному, изрытому снарядами полю, и полные сдержанной силы слова – все это было близко и понятно каждому из нас и запало глубоко в душу. Это был наш кровный марш, сразу же ставший одной из любимых строевых песен воспитанников Челябинского танкового. Мелодию я бережно храню в памяти, так как нотной грамоте «мы все учились понемногу», с пятого на десятое, а слова доверил своему верному спутнику дневнику, чтобы не забылись со временем или чтобы не исчезла вместе со мною (на войне все может случиться) хорошая песня. Всего за полгода (зато каких!) после училища уже успел, к великому моему огорчению, начисто «выветриться» начальный куплет, а за точность четвертого не ручаюсь: его пришлось «реставрировать».

Марш курсантов ЧТТУ

1…
Припев:
Страна дала нам грозные машины –
Мы будем бить по грозному врагу.
Вперед, танкист, в суровую годину!
Вперед, танкист – питомец ЧТТУ!
2
Настанет день, когда по танкодрому
Последний ляжет гусеничный след.
Учебу мы прошли по-боевому –
Час наступил сражений и побед.
Припев.
3
Дружней гудите, мощные моторы!
Стеною встал разгневанный Урал.
Чтоб защитить страны своей просторы,
Он воевать на запад нас послал.
Припев.
4
Когда помчится грозная лавина,
Сметая силу вражью на пути,
Веди бесстрашно в бой свою машину:
К победе ближе тот, кто впереди.
Припев.

Наконец немцев, окруженных под Сталинградом, наши прижали так, что фрицу теперь ни охнуть ни вздохнуть. 8 января немецкому командованию был предъявлен ультиматум, но фашисты отказались его принять и подлейшим образом обстреляли наших парламентеров. А чего еще можно ожидать от подонков гитлеровской выучки? Однако наше командование, не желая напрасного кровопролития с обеих сторон, на следующий день вновь направило к немцам парламентеров с предложением сдаться. На этот раз гитлеровцы пропустили парламентеров в свое расположение, но высшее немецкое начальство не пожелало принять наших офицеров, ультиматум же опять был отвергнут с решительной наглостью.

10 января

Наши войска перешли в решительное наступление, не давая фашистам передышки ни днем ни ночью. Только за двое суток

непрерывных боев войска Донского, Юго-Западного, Сталинградского фронтов полностью разгромили две пехотные и одну моторизованную дивизии противника, ликвидировали так называемый мариновский выступ и вышли на реку Россошка.

* * *

Как-то в лютую стужу нашу роту назначили в наряд по училищу. На сей раз я попал в караул, и нам с Перфильевым достался 13-й (дополнительный) пост. Он выставлялся возле громадного штабеля дров после окончания рабочего дня и снимался с приходом заведующего топливным складом.

Мест в караульном помещении для нас не было, и смена часовых на нашем посту производилась без разводящего. Отдыхали мы в своем расположении. Поднимал караульных на пост дневальный по роте. Овчинных тулупов и валенок на дополнительные посты не полагалось.

Заступая на пост в первую смену, с 18 часов, принимаю под охрану одну опломбированную дверь каптерки, в которой днем работает завскладом, и высоченный длинный штабель неразделанных дров. Мороз вначале показался мне вполне терпимым, но стоять на месте все же не давал. Бодро прохаживаюсь вокруг штабеля, протаптывая тропку поудобнее, и, согласно уставу караульной службы, изучаю обстановку. С той стороны, что обращена к соседнему складскому помещению, мой штабель освещается электрической лампой, висящей под жестяным колпаком на столбе. Из-за угла склада периодически возникает на минуту неуклюжая фигура часового в необъятной долгополой шубе с высоким, торчмя стоящим воротом. Винтовка в руках курсанта кажется безобидной детской игрушкой – до того она мала и тонка в сравнении с тулупом. За этот участок можно не опасаться. Другой край вверенного мне объекта прячется в тени, а за ним, метрах в двадцати, тянется высокий забор, отделяющий территорию училища от внешнего мира. Дыр здесь в ограде нет, в отличие от участка между третьим батальоном и клубом, где в иные торжественные дни, связанные обычно с приездом вышестоящего начальства, выставляются часовые и даже однажды был подстрелен разгильдяй, упорно желавший удалиться в самоволку.

Хожу с теневой стороны, веду наблюдение за подступами к штабелю. Часов у меня нет. Не представляю даже, скоро ли явится смена. Мороз пробирает все сильней – поэтому прибавляю шагу, однообразно кружа по глубокой, утоптанной стежке. На

очередном витке замечаю возле каменного угла соседнего склада фигуру в тулупе, но это уже другой часовой! Он гораздо ниже ростом: тулуп у него волочится по снегу, словно мантия. Значит, минимум два часа прошло, если он только что заступил... Что же Перфильев? И ужин он должен на меня получить... Хотел было спросить часового, давно ли тот стоит, но не посмел нарушить устав. Лампочка на верху столба окружена искрящимся ореолом, напоминающим нимб вокруг лысины святителя, – от мороза. Начинаю передвигаться трусцой, так как ноги совсем остыли, но и это не помогает. Перехожу на тяжелую рысь с притопом, временами припуская во всю мочь. Сдаваться, то есть вызывать разводящего выстрелом, не хочется. И вот «галопирую» уже третью смену подряд. Ногам вроде бы ничего, но от стылого металла винтовки дико коченеют пальцы. Взял ее в обнимку, рукав в рукав протиснул – неудобно бегать стало. Попробовал взять на ремень – лучше, только менять плечо приходится часто, чтобы отогревать поочередно то левую, то правую руку.

Все-таки нарушил устав, когда увидел на фоне белой освещенной стены знакомую рослую фигуру часового из первой смены. Уже более шести часов тщетно пытаюсь согреть своим телом окружающую атмосферу... Не выдерживаю и застуженным, сиплым голосом в отчаянии окликаю широкую спину. Часовой с грациозной быстротой разворачивается в мою сторону, и я обрадованно узнаю на свету лицо Круглова. Он молча вопросительно смотрит на меня. Делаю два шага по «своей территории» ему навстречу и, медленно ворочая непослушным, каким-то чужим языком, прошу доложить карначу или разводящему, что смены на тринадцатом посту еще не было.

– Я недавно заступил. Вызови выстрелом. – Круглов сочувственно разглядывает мою скрюченную фигуру.

– Караул подведу.

– Это верно. Тогда терпи. Скажу.

Он неторопливо повернул за угол, а мне ничего другого не оставалось, как продолжать свой марафонский пробег. Мое «тяжеловесное» скаканье с каждым часом становилось все медленнее, и когда я совсем уже изнемог, но, подчиняясь закону инерции, продолжал, пошатываясь, тащиться по проклятому заколдованному кругу, упрямо твердя про себя: врешь, все равно выстою, а если и свалюсь – выстрел дам, – погасли вдруг лампочки на столбах и в студеном седоватом сумраке возник подбегающий ко мне с винтовкой за плечом Перфильев. Сквозь заиндевевшие ресницы мне смутно видно его смущенное лицо, еще румяное со сна.

– Ну ты что? – засуетился он возле меня, тормоша и виновато

заглядывая в глаза. – Как же это ты, а?

Было около половины седьмого, и стоять на посту моему напарнику не пришлось, так как завскладом уже возился с непослушным замком своей «лавочки» и отпустил нас.

Промерз я так основательно, что даже не в силах был ругаться. А виноват в случившемся оказался дневальный по роте, который забыл поднять Перфильева на пост или не предупредил об этом своего сменщика. Какое все-таки невезение: опять «позабыт, позаброшен».

Вечером, когда наши вернулись из караула, я, успев уже отогреться на нарах, с упреком спросил Круглова, почему же меня так и не сменили до утра. Круглов с удивлением взглянул на меня и обиженно сказал:

– Поинтересуйся лучше у своего помкомвзвода. Он был разводящим, и я ему говорил про непорядок на вашем тринадцатом.

Мне сразу все стало ясно, и я извинился перед товарищем.

Зато сколько-то дней спустя я вознагражден был за рекордный двенадцатичасовой бег в ту злополучную ночь: на целых трое суток – подумать только! – вышел из-под придирчивой власти Иванова. Из-за чирея невероятной величины, который вскочил на таком неудобном месте, что не позволял ни сидеть, ни ходить, так что до санчасти приходилось добираться, применяя третью точку опоры.

26 января

Сегодня утром 21-я армия Юго-Западного фронта соединилась в районе поселка Красный Октябрь и на Мамаевом кургане с прославленной своим упорством и железной стойкостью 62-й армией Сталинградского фронта. Это очень важное событие привело к тому, что сидящая в котле сталинградская группировка фашистских войск оказалась рассеченной на две части: северную и южную.

31 января

Прошло всего пять суток, и южная группа, во главе с самим командующим Паулюсом и его штабом, сложила оружие.

Радостное нетерпение владеет нами, не покидая ни на час, с того самого дня, как передано было по радио первое сообщение о начавшемся 19 ноября прошлого года нашем наступлении под

Сталинградом. Настроение у нас, как ни трудновато бывает порою, приподнятое. Его не могут испортить надолго ни придирки Иванова или старшины, ни редкие недоразумения, случающиеся между курсантами.

2 февраля

Наконец сдалось и то, что еще уцелело от северной группы немецко-фашистских войск, окруженных в районе Сталинграда и в самом городе. Командование этой группы не пожелало сразу последовать благоразумному примеру своего командующего. «Верность фюреру», продемонстрированная немецкими генералами в ходе двухдневного совершенно бессмысленного сопротивления, привела к огромным потерям окруженных в живой силе и технике. Пленение остатков разбитой наголову северной группы противника является финальной сценой беспримерной битвы на Волге. Железное немецкое кольцо расплавилось в русском котле.

3 февраля

В честь славной победы в гигантском сражении за Сталинград в клубе училища состоялся общий митинг. Выступившие на нем командиры, преподаватели и курсанты единодушно выразили свою полную готовность отдать все свои силы и знания, кровь свою и даже жизнь ради того, чтобы приблизить окончательный разгром ненавистного врага.

А поражение, нанесенное фашистам под Сталинградом, действительно страшное... В котел угодили 22 полные дивизии со множеством других частей одной лишь 6-й немецкой армии, которой командовал старый, матерый волк фон Паулюс, на днях пожалованный в фельдмаршалы. А вот эти данные, хотя есть для того военные историки, следует записать на память: в плен взято 90 тысяч фашистских солдат и офицеров, 24 генерала (чуть не взвод) и сам новоиспеченный фельдмаршал. Только один Донской фронт захватил в исправности 1666 танков, 261 бронемашину, 3 бронепоезда, 744 самолета, 5762 орудия, более 3 тысяч минометов, свыше 12 тысяч пулеметов, свыше 10 тысяч автоматов, почти 157 тысяч винтовок, 80 438 разных автомашин, 337 различных складов и массу другого военного имущества.

Итак, фрицам в Сталинграде капут! В Германии объявлен трехдневный траур по поводу бесславной гибели «верных сынов

фатерлянда». Немецкое радио, вместо брехливой похвальбы Геббельса, передает похоронные марши и реквиемы великих композиторов, а вся оккупированная Европа вздохнула с облегчением и надеждой и не нарадуется тому, что совершилось на правом берегу великой русской реки.

Февраль здесь, за уральскими горами, лютый и метелистый. Несколько раз нас среди ночи поднимали по тревоге и бросали на расчистку снежных заносов на железнодорожных путях, так как движение воинских эшелонов и прочих поездов совершенно парализовывалось. В иных местах, особенно низинах, снегу наметало так много, что приходилось, докапываясь до рельсов, прорывать глубокие траншеи, в которых мы скрывались с головой... Работали лопатами до полного изнеможения, пока нас не подменяла какая-нибудь свежая воинская часть.

В этом же месяце две недели мы ходили на производственную практику в сборочные цехи Челябинского тракторного завода (ЧТЗ), который сильно разросся после эвакуации на Урал Кировского завода из Ленинграда.

Нас обычно ставили подручными на сборке то одного, то другого узла. Убивались таким образом сразу два зайца: в цехах прибавлялось рабочих рук (а в них по понятным причинам ощущалась нехватка), курсанты же, помогая при сборке, вникали, что, куда и как устанавливается, к чему крепится, с чем взаимодействует. Получили мы также понятие и о центровке.

Обедом нас кормили по талонам в заводской столовой. Он состоял из водянистой безвкусной бурды на первое и пары ложек пшенной каши, слегка сдобренной прогорклым постным маслом. Штампованные жестяные тарелочки были так мелки, что поддевать ложкой их содержимое являлось задачей трудновыполнимой. Вот когда мы по достоинству оценили наши училищные обеды, казавшиеся прежде слабоватыми.

Как выдерживали рабочие свои полторы смены – уму просто непостижимо. Выглядели люди, особенно в ночные часы, крайне утомленными, и если случалась иногда какая задержка с деталями или механизмами, то задремывали тотчас возле своих рабочих мест, прикорнув под длинными цилиндрическими ребристыми батареями отопления, протянутыми вдоль стен огромного цеха.

Раз мы уже проходим практику по сборке боевых машин – значит, выпуск не за горами. Учитывая этот важный факт и руководствуясь известным присловьем «цыган уже шубу продал», срочно выменяваю у рабочего-станочника на свои теплые шерстяные носки симпатичный «засапожный» нож, который необходим в кочевой военной жизни, а на фронте тем более. У

благоприобретенной финки среднего калибра было острое как бритва лезвие, отполированное до зеркального блеска, и красивая наборная рукоятка из разноцветного плексигласа. Думаю, мама простит меня за то, что я так распорядился ее теплым подарком. Однако через несколько дней радость моя была омрачена: помкомвзвода, рьяно справляющий свою должность, увидел у меня нож и конфисковал его, пообещав вернуть при выпуске. А сейчас – не положено!

Приехал неожиданно (для курсантов, во всяком случае) Главный маршал бронетанковых войск Федоренко. Побывал на различных занятиях. В 3-м батальоне тоже. На тактике отличился наш Перфильев, четко решивший вводную, предложенную маршалом: «В бою заклинило гильзу. Командир погиб. Ваши действия как механика-водителя?» Рассудительный и хладнокровный Перфильев, коротко подумав, сказал, что отведет машину в укрытие (в низину, за холм, за деревья и т. п.), а затем экипаж банником выбьет гильзу из казенника; после этого танк снова вступит в бой. Маршал похвалил: «Правильно, товарищ курсант! Никакого молодечества под прямым огнем! Иначе напрасно потеряете людей, а машина так и останется безоружной мишенью для врага».

Уже в темноте, после окончания учебного дня, Федоренко в сопровождении всего училищного начальства проходил из клуба вдоль линии казарм. Его заинтересовали тропинки на снегу, которые начинались за линейкой напротив каждого казарменного здания и веерообразно сходились в одном пункте – у входа в курсантскую столовую. Возле второго батальона маршал неожиданно круто повернул влево и, хотя сопровождающие пытались переключить его внимание на что-то другое, решительно направился туда, где низко над сугробами тускло светились узкие длинные оконца. Коренастый, плотный, в черной танкистской кожанке, он ворвался вместе с клубами белого морозного пара в почти пустую столовую, тесно уставленную множеством длинных дощатых столов в три ряда. Толстые ножки столов из неошкуренного дерева врыты в неровный земляной пол. Навстречу маршалу по проходу между столами разлетелся с докладом начальник столовой – розовощекий и пухленький старший лейтенант. Федоренко, сердито отдуваясь, выслушал и буркнул негромко, будто про себя:

– Старший лейтенант столовкой командует! Да тут и бабе делать нечего... – и, отстранив легонько спешившего начстоловой, приблизился к одному из столов, за которым «трудились» над ужином трое курсантов, видимо подмененные из наряда.

Приказав вскочившим с мест и вытянувшимся ребятам сесть

и продолжать прием пищи, маршал поинтересовался:

– Как кормят, товарищи курсанты?

– Хорошо, товарищ маршал!

– Да мало... – с задумчивым лукавством добавил Федоренко в тон отвечавшему.

– Так точно! – чистосердечно поддакнул кто-то из ужинавших.

Диалог развеселил всех: офицеры за спиной маршала, и курсанты за столом, и сам Федоренко рассмеялись. Отыскав глазами начальника столовой, лицо которого из розового стало пунцовым, он сказал:

– Примите к сведению, товарищ старший лейтенант! – и устремился в «святая святых» – раздаточную.

На следующее утро в училище произведен был строевой смотр. Главная аллея, где маршировали батальоны, из-за гололедицы превратилась в настоящий каток, и ноги наши разъезжались, как у коровы на льду. Мы проходили в колонне по четыре, прижимая к плечу плечо, чтобы не оскользнуться и не испортить строя, а если кто из нас начинал вдруг «буксовать», его тотчас крепко подпирали с боков соседи по шеренге, увлекая за собой и не давая отстать. Словом, лицом в лед не ударили.

23 февраля

Среди ночи – подъем по тревоге. Привычно разобравшись по взводам и выстроившись в две шеренги вдоль нар, мы выслушиваем приказ о переходе на новую форму одежды и новые знаки различия. Затем командиры учебных отделений получили у старшин погоны, пуговицы и лычки (кому они положены) и раздали сладко позевывающим курсантам. Времени для приведения себя в надлежащий вид оставалось часа три, и мы торопливо принялись за дело. Никто из нас понятия не имел, как прикреплять погоны правильно, и поэтому каждый действовал по своему разумению.

За полчаса до подъема нас построили в две шеренги на «прешпекте», и первой шеренге было приказано сделать два шага вперед (отодвинуть ее подальше мешала пирамида с оружием). Начался осмотр. В шеренге, что осталась на месте, послышалось перешептывание, легкие смешки, которые переросли в неуставной хохот. Покатывались курсанты, растерянно хмурились старшины. Улыбались командиры взводов, смеялись глаза безрукого командира роты, который не мог, конечно, не присутствовать в этот ответственный момент «перевоплощения»

своих воспитанников. Все наши командиры уже в новых мундирах и с новыми знаками различия – не то чтобы неузнаваемые, но какие-то непривычные на вид. Затем первая шеренга по команде сделала кругом и тоже неудержимо захохотала.

И было отчего. У подавляющего большинства курсантов второй шеренги погоны были пришиты весьма разнообразно: у одного они, лихо изогнувшись, налезли на ворот шинели, у другого сползли с плеча чуть не на треть, у третьего оказались почти на лопатках, у четвертого сдвинулись на грудь, у пятого один погон спереди, второй сзади. Имелись и другие варианты. В результате вся рота, за малым исключением, снова уселась за шитье. На этот раз мы уже под присмотром младших командиров и самих офицеров (так отныне именуется средний и старший комсостав) семь раз примеряли друг на друге, отмечая карандашом, а потом только пришивали. Одним словом, к завтраку (даже зарядка в батальоне была сегодня отменена) мы предстали друг перед другом в «новой форме», то есть при черных бархатных погонах с широким серебряным кантом и маленькими латунными эмблемами танка.

Февраль – апрель

Два раза за время обучения мы ходили на полигон: в середине зимы и ближе к весне, в марте. При воспоминании об этих «прогулках», особенно последней, становится зябко.

Зимою нас, нескольких курсантов из одного взвода, назначили в оцепление. Наша задача: до начала стрельб обойти свой участок и убедиться, что никого в опасной зоне нет. Обошли, доложили своему старшому. Более двух часов гремят на полигоне орудийные выстрелы и трещат скупые пулеметные очереди. Патрулируем не спеша по лесной дороге, и вдруг из запретной зоны (мы глазам своим не поверили) спокойно выходит старик с двумя подростками. За спиною у каждого большая вязанка хвороста. Мы остолбенели. А сердитый Бострем упрекнул деда за неосторожность. Тот, устало отмахнувшись рваной овчинной рукавицей, успокоил нас: «И-и, солдатики, не первый год сюда всей деревней по дрова ходим... Бог милует. А вы б не мерзли понапрасну: кроме нас троих, никто сегодня в лес не пошел. С версту вперед пройдете – просека будет, свернете по ней влево – вскорости избу увидите. В ней никто не живет. Это бойня колхозная, только бить-то нынче некого. Дровишек в лесу добудете".

Адрес оказался точным, но рассиживаться в избе мы не

решились. Она была пуста и холодна. У окна стоял стол с длинной лавкой вдоль стены. С деревянных колышков, вбитых в чистую сосновую стену, свисали узкие длинные полоски, нарезанные из коровьих шкур, – должно быть, будущие сыромятные ремни. На них местами сохранились остатки мяса. Оно совершенно высохло и сделалось твердым, как камень. Так как время давно перевалило за полдень, мы уже успели изрядно проголодаться, вымеряя по морозу вперед-назад доверенный нам отрезок лесной дороги. У кого-то из ребят нашелся перочинный ножик. Вяленое мясо хорошо соструги валось с кож и оказалось чертовски вкусным, только его приходилось долго разжевывать. Запасшись тонкой мясной стружкой, как индейцы пеммиканом, и жуя на ходу, наш дозор снова пустился в путь. Перед обедом нас сменили.

На полигоне мы отрабатывали в тот день три упражнения: слежение за неподвижной целью через ПТК (перископ танковый командирский) из движущегося танка; стрельба короткими очередями по мишеням из лобового пулемета с ходу и стрельба из пулемета, спаренного с пушкой, по орудийной шкале одиночным патроном (это чтобы снаряды зря не тратить).

До сих пор мне стыдно вспоминать о том, как «ловко» я работал перископом, сидя в башне танка, неторопливо ползущего по снежному полю. Командир взвода еще на старте указал мне цель – макет ПТО (противотанкового орудия), сам поймал ее в ПТК и поставил передо мной задачу: не выпустить эту пушку из виду, пока танк не остановится. Сперва машина двигалась прямо и по ровному участку полигона. И все шло хорошо. Потом началось покачивание с носа на корму и переваливание с борта на борт. Цель при этом выпрыгивала из зеркальца, но тотчас же и возвращалась обратно. Легкий танк постепенно увеличивал скорость и наконец понесся, «бразды пушистые взрывая», а затем вдруг резко развернулся влево. Цель исчезла из поля зрения, словно сквозь землю провалилась, и, как я ни вертел ребристые черные маховички перископа, стараясь отыскать ее, – все было напрасно. Перед моим взором появлялось то пустынное белое поле с редкими кустиками, то голубеющее небо, один раз даже мелькнула черная полоска отдаленного леса, и снова белый, сверкающий снег, и снова голубизна. Отчаявшись найти проклятую пушку, поднимаю голову к открытому люку, в котором стоял лейтенант Гусев, и замечаю сердитое изумление на лице командира, должно быть внимательно наблюдавшего за нервными движениями наружного глазка ПТК. Как разъяснил мне раздосадованный взводный, я искал цель позади танка и почему-то большей частью выше линии горизонта. Это подтвердил и

бронеколпак перископа, обращенный глазком в тыл.

Со стрельбою получилось удачнее: два «снаряда» – пули из трех всаживаю (по пушечной шкале) в щит с изображением противотанкового орудия, а по команде водителя: «Дорожка!» – мне удалось короткими очередями продырявить несколько фанерных фашистских солдат, идущих в атаку. Стрелял со злостью после провала на первом упражнении.

Сильное впечатление у нас осталось от возвращения с весенних стрельб, происходивших в конце марта. На полигон мы прибыли рано утром по морозцу. День выдался погожий, солнечный, на припеке таяло. Отстрелялись (с перерывами) с места, с «дорожки», пообедали в затишке, на теплой, подветренной опушке, и под вечер поротно отправились в обратный путь. Подходим к первой низинке – течет поток. Вода снеговая весело бурлит. Это здесь называется «лога тронулись». Строй наш рассыпался в поисках брода помельче. Переправились кое-как, но нескольким несчастливцам проникла в сапоги «б/у» ледяная вода, так как кирза голенищ протерлась в тех местах, где образуются складки, так называемая «гармошка» – гордость франтов, носящих сапоги. Пострадавшие крепко выжали и перемотали портянки и вскоре догнали растянувшуюся роту. А потом лог за логом начали преграждать нам дорогу. Никто уж не остерегался, потому что каждый успел не раз зачерпнуть водицы через верха сапог. Однако самое страшное ждало нас впереди. К ночи ударил ядреный морозище. Ноги стали замерзать. Мы припустились бегом. Казалось, что внутри сапог постукивают ледышки вместо пальцев. Вот первая на обратном пути деревушка. Они здесь редки. Огней в окнах нет, вдоль улицы – глухие прочные заборы. Стучим в ворота, в крепкие закрытые ставни – никто не выходит, даже не отзывается, лишь перекатывается из конца в конец деревни разноголосый собачий брех.

Еще накануне зимних стрельб нас предупреждали в училище, что в здешних дальних деревнях и хуторах живут либо староверы, либо высланные в период коллективизации кулацкие семьи. Чертыхаясь почем зря, бежим дальше. Та же история повторяется и в другой, и в третьей деревне. Понеслись так, что вот-вот, кажется, вода закипит в хлюпающих сапогах. Несмотря на то что мороз перехватывал дыхание, из-под шапок и из-за воротников шинелей валил пар. Так двигались форсированным маршем километров двадцать, почти не переходя на шаг. Изможденные, потные, совсем не чувствуя ног, ввалились мы группой человек в двенадцать в незапертые двери рабочего барака на окраине Челябинска. В дальнем конце длинного коридора жарко топилась

печь. Около нее, хотя стояла глубокая ночь, грелись люди. Нам уступили место перед открытой топкой, чтобы мы могли побыстрей отогреть ноги и просушить портянки. С благодарностью в душе вспоминаю тех незнакомых дружелюбных людей из потемневшего от времени и непогод барака, утонувшего по самую крышу в сугробах.

Но главной частью практических занятий, конечно, было вождение, которое началось для нас еще в ноябре прошлого года, по первому снегу, с грузовика ГАЗ-АА. За руль нас сажали после долгих предварительных упражнений на специальных тренажерах. Сначала мы работали с рычагами и педалями при свете, потом в темноте, по команде, пока не довели все движения до автоматизма. Однако при первых выездах «живая» автомашина, к изумлению многих из нас, в движении почему-то так и рыскала из стороны в сторону, а при переключении передач двигатель норовил заглохнуть. Затем мы пересели на ЧТЗ, флегматичный гусеничный трактор, который мне уже пришлось «проходить» в десятом классе. Этот силач и работяга движется очень ровно и уверенно, добродушно пофыркивая и позвякивая гусеницами, и на прямых участках дороги можно даже отдыхать, почти не прикасаясь к рычагам.

После трактора положено было по программе обучаться вождению легкого танка (Т-26), прежде чем сесть за рычаги КВ-1. Но как-то так получилось, что наше учебное отделение попало сразу на тяжелые машины. На первом занятии мне достался танк по имени «Чапаев». Получив задачу и выслушав краткие наставления водителя-инструктора, сидящего в полушубке с поднятым воротником на месте стрелка-радиста, плавно трогаю танк. Разогревшийся двигатель тянет здорово, передачи переключаются легко, и я, освоившись и осмелев, увеличиваю скорость. За все время, пока «Чапаев» то полз, преодолевая препятствие, то бежал с ревом по замкнутому маршруту, инструктор, мирно дремавший рядом со мною, ни разу не выругался, что являлось, согласно сообщению курсантского телеграфа, хорошей приметой. Только однажды он подозрительно приподнял голову, когда танк забуксовал было в так называемой «качалке» из-за того, что не хватило инерции с разбегу выскочить из коварного углубления с обледенелыми спуском и подъемом. Но в последний момент КВ все-таки «выкарабкался» и зашлепал как ни в чем не бывало дальше по утрамбованной, затейливо исчерченной узорами траков снежной дороге. Усталый инструктор, с самого утра не покидавший машины, снова смежил веки. Сделав огромный круг в несколько километров, «Чапаев» плавно замедлил бег у исходного рубежа и стал. Водитель-

старшина с хрустом в суставах потянулся на сиденье, глянул сквозь открытый смотровой лючок вперед, покосился на светящиеся стрелки танковых часов и объявил наконец оценку. «Отлично» за первое же вождение КВ меня несколько озадачило, так как до училища водить самостоятельно мне приходилось только велосипед. Спрыгиваю с запорошенного снежной пылью крыла, отхожу немного в сторону и с горделивым чувством разглядываю могучий танк, черный на белом снегу, заново переживая все подробности только что закончившегося марша, радуясь и в глубине души не совсем еще веря тому, что эта стальная громадина, весом в сорок шесть тонн, послушно подчинялась моей воле...

Через два дня после этого мы водили, наверстывая упущенное, легкие Т-26. Выдался отличный зимний денек, полный солнца. Ослепительно сверкал снег на полях, и горел, вспыхивая разноцветными мельчайшими искорками, пушистый иней, осыпаясь с ветвей сосен и елей, которые вздрагивали каждый раз, когда рядом с ними проносились с ревом ходкие боевые машины. Танки в колонне бежали удивительно легко по накатанной колее, пролегавшей вдоль лесной опушки. Впереди показался крутой поворот влево. От всей души, как на КВ, беру на себя левый рычаг поворота – и моя машина, крутнувшись на месте волчком (от неожиданности я ничего не успел сообразить), уже стремительно несется в обратном направлении, навстречу торопящемуся по нашим пятам танку. Инструктор мой, коротко чертыхнувшись, молниеносно рванул за левый рычаг – наш Т-26 каким-то диким прыжком вылетает из колеи перед самым носом своего собрата, даже не успевшего убрать скорость. Тот промелькнул мимо, «срезав» нам корму, а наш вломился в опушку и застрял в глубоком снегу, так как с перепугу я убрал ногу с педали газа... Инструктор, из уральцев, откинувшись на спинку сиденья, сдвинул на затылок танкошлем и вытер вздрагивающей рукой пот на лбу.

– Однако ты, паря... – заговорил он и смолк, подбирая подходящий эпитет. – Того... лихач: сразу на таран норовишь... Колонна прошла, ф-фу... Выводи машину. Будешь замыкающим. Дистанцию держи двести метров и гляди у меня в оба, а то сниму.

Подавленный случившимся, я раза три глушил мотор, трогая машину с места: руки и ноги обмякли и плохо слушались.

Танк вернулся на исходный рубеж с опозданием, и я уже совсем примирился с заслуженной карой, ожидающей меня, но, к моему удивлению, инструктор доложил руководителю занятий, что курсант такой-то выполнил задание удовлетворительно. Больше мы легкий танк не водили.

Еще было вождение КВ по видимому ориентиру и трудное вождение по азимуту. Ночное вождение (единственное) закончилось «удочкой», потому что я ухитрился потерять из виду на фоне темных деревьев темный силуэт впереди ползущей машины (ночь была безлунная, а мой КВ шел последним) и закружился по широкой лесной поляне, словно слепой щенок, пытаясь отыскать след, оставленный колонной. Но что увидишь из маленького смотрового люка темной ночью в лесу? И пришлось разбудить сладко посапывающего рядом водителя-инструктора, убаюканного спокойной и плавной ездой. Он недовольно пробурчал что-то, высунулся из люка механика-водителя, быстро сориентировался, затем сам развернул машину в нужном направлении и снова спокойно нахохлился на своем сиденье. А я, догнав колонну, уже не «отпускал» далеко черную корму переднего танка.

И наконец самое трудное и вместе с тем самое интересное – вождение с преодолением препятствий. Наш танкодром представлял собою обширный участок пересеченной местности, сильно изрезанной оврагами и кое-где покрытой хвойным лесом. Самым труднопроходимым местом считалось поле, вернее, бывший лес, со множеством завалов, образовавшихся из вкривь и вкось упавших деревьев, с торчащими на каждом шагу толстыми пнями разной высоты, с оврагами, у которых было немало крутых спусков и подъемов с эскарпами и контрэскарпами, с волчьими ямами и противотанковым рвом с условными обозначениями минных полей и даже с разбросанными по земле черными круглыми блинами немецких противотанковых мин без взрывателей. Короче, это знаменитое поле было густо напичкано всевозможной противотанковой пакостью (вот только ежей и надолб я там не заметил), не считая длинных траншей и окопов, которые тянулись по полю в разных направлениях и в которых тоже можно было успешно застрять.

Первым в день занятий на это поле – «поле слез» – прибывал тягач, и скучать без дела ему ни разу не приходилось. Плохо ли, хорошо ли, но мы научились переползать и каверзное поле. Надо бы побольше потренироваться, да время не ждало.

После мартовских стрельб пришла наконец долгожданная весна, пока еще робкая, неторопливая, и все-таки питомцы ЧТТУ ожили, греясь в редкие свободные от дел минуты где-нибудь на припеке, жмурясь при этом от блаженства, словно коты. А занимались до изнеможения, так как наступала пора последних зачетов, а тотчас после них предстояло сдавать государственные зачеты (так здесь называются экзамены). Урывками следим за положением на фронтах. Самое главное нам понятно: зимнее

наступление, начатое Брянским и Воронежским фронтами еще в январе, захлебнулось во второй половине марта. Повторилось в несколько улучшенной редакции то же, что произошло той весной. Немцы не только не отдали Орел, но снова 18 марта заняли Белгород, а следом за ним – Харьков, которые были освобождены Воронежским фронтом в феврале.

Теперь наши сидят между Харьковом и Орлом, широко и глубоко, до двухсот километров, вклинившись во вражескую оборону. На карте, что вывешена в красном уголке, обозначено флажками положение фронтов. И даже нам, военным без году неделя, ясно, что фрицы попытаются подрубить под основание огромный выступ, на котором стоят два наших фронта: Центральный – против Орла и Воронежский – против Харькова.

10-11 апреля

Сдавали госзачеты. Весеннее солнце в затишке ласково греет спины сквозь шинель, а на открытых местах студеный ветер выжимает слезу и кидает в дрожь.

Судорожно держу ответ по технике: трудно все же за такое короткое время одолеть целую бездну премудростей.

Неудобно перед преподавателем тактики, майором Бойцовым: наверное, только один я ухитрился сморозить такую чушь, что сам удивляюсь. Заумь необыкновеннейшая! Вводная мне была такая: «Вы ведете машину в атаку. Вдруг замечаете впереди на снегу черные кружки. Ваши действия?»

– Газометы! – выпаливаю я, вспомнив виденную на стенде в каком-то учебном классе фотографию времен Первой мировой войны: на белом поле длинные ряды газометов, полузанесенных снегом. Широкие жерла их уставились прямо на зрителя и кажутся поэтому черными кружками. Преподаватель, удивленно взглянув на меня, раздельно повторяет вводную, и я, мучительно краснея, исправляю свою ошибку. Остальные две задачи решаю, должно быть, вполне правильно, так как тройки по тактике все-таки не получил.

Электротехнику сдавали хорошо, хотя электротехнический класс был теплый и по этой причине в нем всегда клонило в сон, особенно после пребывания на морозе. Но у преподавателя электротехники была выработана собственная «противосонная» тактика. Однажды кто-то из нашего отделения, кажется Перфильев, «проспал» схему включения электростартера. Проштрафившемуся было приказано восемнадцать раз подряд показать на схеме и объяснить, в какой последовательности

срабатывают все элементы цепи. Начал наш товарищ медленно, то и дело спотыкаясь, и ему помогали по разрешению преподавателя, а закончил быстро и четко. Вместе с ним освоило трудную схему и все отделение.

* * *

Вот и госзачеты позади» а мы целых полмесяца ни курсанты, ни офицеры. Наконец пришел приказ о производстве.

1 мая

Все курсанты 3-го батальона произведены в офицеры, кроме двух нерадивых и разболтанных, которых еще зимой отчислили из училища, присвоив звание старших сержантов. Оба были направлены в маршевую танковую роту.

А, к черту все! Мы – техники-лейтенанты! Но целых восемь дней после присвоения звания почему-то бездельничаем в ЧТТУ.

9 мая

Нас обмундировали наспех в хлопчатобумажные одежды. Лично меня – во второй раз с начала службы. Только сапог новых не дали: срок носки не вышел. Жаль, потому что мои «б/у» давно просят каши: задники разваливаются прямо на глазах.

Итак, завтра безусые 18-19-летние юнцы с лейтенантскими звездочками на зеленых полевых погонах в последний раз выйдут из Северных ворот училища с тем, чтобы уже не вернуться сюда. Это называется выпуском, но не взыщешь же за это с войны... Мы знаем немало случаев, особенно в сорок первом и даже в сорок втором, когда курсанты училищ вообще уходили прямо в бой. И наши Северные ворота уже ведут не просто в город, а в формируемые части.

А мы здорово привыкли друг к другу... Взвод у нас был хороший, пусть и не лучший в училище. Вписываю в свою тетрадь еще фамилии товарищей: Бик-Мухамедов, Володин, Проданов, Сунцов, носатый Зяма Ландсберг, невозмутимый сибиряк Мотовилов. Помнятся из роты: маленький Голдобин; рослый и плотный сержант Круглов, сильный и доброжелательный; бледный и тонкий Бородин – собрат по швабре при нарядах вне очереди; белобрысый неуклюжий увалень Елькин, с которым тоже

встречались на «вождении» и даже один раз поссорились среди ночи до драки, уставшие и злые; хитрый длинный курсант старшина Алексеев, за свое обличье и повадки прозванный Лисицей. А помкомвзвода сержант Иванов в моем представлении был какой-то гидрой, которая могла поступить по-человечески разве только по ошибке. Командир учебного отделения Вовка Ларченко гораздо лучше.

Старшинами (их почему-то было два) нашу 13-ю роту («Особую Штрафную Непромокаемую», как посмеивались над нами другие роты нашего батальона) бог наградил «правильно»: один из них, старый, здешний, великий почитатель Бахуса, а второй – самонадеянный тупица Бычков (из сверхсрочников, был курсантом и одновременно старшиной нашей роты в ЧВАШМ).

Прощай, ЧТТУ!

«А как вспомним старину, так споем про старшину: «Под нары, под нары, под нары!» – запечатлено в припеве песни из устного курсантского творчества.

10 мая

Под вечер нас выстроили перед казармой... Нет, не для доброго напутствия, а для того только, чтобы перетрясти прямо в строю наши вещмешки, как у арестантов (не унесли бы чего лишнего!). Особенно усердствовал при этом четырехпалый старшина, не без ведома которого была подчистую опустошена каптерка на чердаке нашей казармы, где хранились личные вещи курсантов (штатская одежда). Ничего не скажешь: всяк на свой аршин меряет. Было обидно и стыдно. Не выдержав до конца этой унизительной процедуры, мы стали возмущаться вслух, хотя и бесполезно, но зато совершенно безбоязненно. Так ничего и не обнаружив в наших почти пустых мешочках, потный и вконец посрамленный старшина оставил нас в покое. Мимо нашего возбужденного строя в эту минуту важно прошествовал младший техник-лейтенант Бычков, сияя золочеными пуговицами и серебряными погонами на новенькой выходной офицерской форме, сшитой, конечно, по заказу. Он оставлен при училище командиром учебного взвода. Маленький, вылощенный, новоиспеченный тыловик со снисходительным пренебрежением окинул взглядом наш взбудораженный строй, приостановился было, но, заметив наши косые взгляды, ретировался.

Еще новость: старшина Алексеев во время занятий в парке боевых машин прихлопнул крышкой люка палец на руке и поэтому оставлен «повторять программу». Странно... Ведь он ее

прошел полностью вместе с нами.

Последняя же новость, услышанная мною в училище, просто убила: майор Бойцов, сразу после наших экзаменов уехавший в действующую армию на стажировку, погиб в бою, говорят, сгорел. Просто не верится, что такого хорошего человека вдруг не стало... Как весело и необидно на занятиях в тактическом классе поставил он в виде наказания за слабое знание топографии в дирекционный угол кого-то из курсантов. Да, конечно, того же Бычкова...

Быстрым шагом вышел из казармы наш комроты, подал команду «смирно!», и все подтянулись: приближался начальник штаба училища. Как гласил зачитанный им приказ, нас передавали в резерв тяжелой самоходной артиллерии. С недоумением переглядываемся, так как мало что знаем про такой вид бронетанковых войск. Правда, во время заводской практики мы обратили внимание на незнакомые машины с просторной угловатой башней, наглухо приваренной к корпусу тяжелого танка КВ-1С. В нашем цеху эти машины стояли на конвейере еще без пушек, но в соседнем мы наблюдали, как рабочие с помощью мостового крана устанавливали в тяжелых самоходках мощные 152-миллиметровые пушки-гаубицы с надетой на ствол толстой броневой маской. Значит, нас превращают в самоходчиков... Час от часу не легче! Пока мы удивлялись и не верили, кого-то из выпускников, посолиднее, назначили старшим команды и вручили ему сопроводительные документы. Раздались команды, строй привычно замер, затем четко повернулся направо и двинулся к Северным воротам училища. Радченко повел песню: «Настанет день, когда по танкодрому последний ляжет гусеничный след...» – и все дружно подхватили припев своего марша. Печатая шаг, прошла бывшая 13-я в последний раз в своем строю и со своей любимой песней сквозь широко распахнутые ворота. Питомцы ЧТТУ прощались со своим училищем, со своими командирами и преподавателями, с «младшими» товарищами – курсантами, которые тоже скоро пойдут туда, куда зовет каждого его воинский долг.

По прибытии на новое место мы сразу зарегистрировались и отправились «осваивать» голые деревянные нары (в отличие от училищных – двухэтажные) в помещении, которое нам указал комендант.

11 мая

Нас разобрали по полкам. Хорошо, что нас прислали сюда, в

резерв, целой ротой: половина водителей в 1548-м тяжелом самоходно-артиллерийском полку Резерва Главного Командования (1548-й тсап РГК) – ребята из одного только нашего 3-го взвода, остальные – из нашей же роты. Механики-водители и несколько офицеров-выпускников командных артучилищ создали основу части, как сказал нам на первом коротком совещании замполит командира полка капитан Кондратов. Это придало нам весу в собственных глазах и преисполнило гордостью. Самого командира полка нам еще не прислали.

Мой командир машины – лейтенант Петр Тимофеевич Кузнецов, уралец, из шахтерского городка Копейск под Челябинском. Он мне нравится. Несмотря на то что старше меня всего на год с небольшим, Петр уже воевал наводчиком ПТО и был ранен, а после госпиталя закончил артучилище. Он прост, сдержан и не кичлив.

Механики-водители, товарищи по полку: Городилов, Кашкадаев, Кураев, Полянсков, Прокудин Слава, Скоморохов Владимир (харьковчанин), Снегирев Павел, Стельмах Костя, Сулимов, Филинских Никодим и бывший помкомвзвода Иванов, ставший после выпуска очень задумчивым и тихим.

Прибыли и помощники командиров батарей по технической части – помпотехи. У нас помпотехом техник-лейтенант Корженков Александр, но мне больше по душе Конов Иван из другой батареи, отличный парень.

Формировались два месяца, до 10 июля. Изучали новую технику. Для механиков-то нового ничего нет, так как у самоходной установки только башня и пушка другие. И башня у нее называется по-флотски «рубка», но к этому названию мы так и не привыкли, считая себя по-прежнему «настоящими» танкистами. Командиры машин прикрепили к погонам эмблемы артиллеристов – две перекрещенные пушечки, а мы – танки. Словом, получилась какая-то помесь БТВ и «бога войны». Павлуша Снегирев, приверженец старой формы, демонстративно носил петлицы с кубиками, пока не получил замечания от заместителя командира полка по строевой части (зампомстроя).

В июне стал прибывать сержантско-рядовой состав. Экипажи постепенно пополняются. У нас уже есть наводчик, рядовой Петров, из танкистов. Петр пошутил: «Один солдат на двух офицеров – плохо его дело».

А от матери хорошие вести из Сампура: у них немного наладилось житье. Веселее сделалось на душе оттого, что самое страшное для мамы и сестренок уже позади, что больше не придется им готовиться к повторной эвакуации, как это случилось

прошлым летом, когда немцы бешено перли на Сталинград, к Волге. И легче стало жить: никто ежеминутно не стоит над тобой. После занятий командирских и с экипажами бывает иногда свободное время, но из-за рваных сапог мне стыдно выходить из казармы на улицу. Спасибо маме: она посоветовала, вспомнив свою военную молодость, 1918-1921 годы, не обращать на такую мелочь, как сапоги, внимания и усиленно посещать кинотеатры и особенно театры, которых в Челябинске гастролирует этим летом сразу несколько. И я с радостью кинулся наверстывать упущенное и «запасаться» духовной пищей на будущее: неизвестно, когда еще удастся спокойно приобщиться к искусству. Скоро на фронт.

В июне, так как закончился год службы, надел новые кирзовые сапоги (разумеется, просторные) и, уже не стесняясь, ходил в театр, половину зрителей которого обычно составляли военные. Посчастливилось как-то услышать в городском саду знаменитого Хенкина, выступавшего на эстраде в пустячном водевиле.

Если позволяло время, днем ходили с Петром на Миасс, но вынуждены были удаляться от людных мест из-за отсутствия трусиков, которые, как известно, не занесены в списки вещевого довольствия.

Питание у нас скудное, по тыловой норме. Получив первую лейтенантскую зарплату (550 рублей), отправился я первым делом на базар, предусмотрительно захватив и запасную пару нового нательного белья, так как понаслышке знал уже о базарных ценах. Весь мой капитал ушел на буханку белого хлеба и литровую банку топленого молока, а белье было обменено на жестяную коробку мясных, как клятвенно уверял меня небритый мужик, консервов, рыночный номинал которых совпадал с кальсонным и равнялся 300 рублям. После ужина приглашаю своего командира подкрепиться мясом, но, к моему крайнему огорчению и конфузу, в консервной жестянке оказался горох с небольшим количеством свинины для украшения.

11 июля

Ранним утром начали принимать технику, только что прошедшую заводские испытания. На огромном дворе Челябинского тракторного в несколько рядов выстроены КВ-1С, СУ-152, Т-34, курносые из-за короткой пушки СУ-122 (на шасси тридцатьчетверки). Подавив невольный вздох, минуя танки, подхожу к своей самоходке и залезаю через широкий квадратный люк в просторную башню-рубку. В первую очередь проверяем с

Петровым двигатель, включение передач (не трогаясь с места), электропроводку. Командир проверяет пушку, приборы наблюдения, работу рации и как остальные члены экипажа слышат его по ТПУ (переговорному устройству). Все оказалось в полном порядке.

Около полудня без обусловленной уставом торжественной церемонии подписываем акты сдачи и приема машин, получаем необходимые мехводителю и командиру комплекты инструментов, запчасти и прочее. Только уложили все на места – раздается команда: «К машинам! По местам! Заводи!» Полк идет прямо на погрузку. Из строгой линии машин справа по одной тяжелые СУ плавно разворачиваются пушкой в сторону заводских ворот и медленно, словно прощаясь с домом родным, выползают на улицу, выстраиваются в колонну.

У нашей машины все отрегулировано, подтянуто, надраено до блеска. Крутой разворот на месте направо – все стяжки правой тормозной ленты летят к черту, одна из проушин – тоже. Кроме того, сорванная проушина сбила своим пальцем масляную пробку бортредуктора. Короткое замешательство среди представителей завода, конфуз начальника ОТК и мастеров-регулировщиков, величественное недоумение военпреда – и нам дают машину из другого полка. И – марш! Только покарабкалась моя самоходка на железнодорожную платформу – идет на погрузку 1549-й, и впереди – принятая мною машина (я признал ее по номеру на башне). И что за машина? За несколько часов возни с нею во время приема я уже считал ее лучшей в мире. А она, словно подтверждая это, стоит как ни в чем не бывало перед погрузочной платформой, ожидая, когда пыхтящий маневровый паровоз оттащит наш эшелон и подгонит другую партию платформ, чтобы мог начать грузиться ее новый полк. Бывают в жизни злые шутки! И как это так быстро ее сумели отремонтировать?

17 июля

Прибыли в Мытищи, под Москву, разгрузились и – своим ходом – в Пушкино. Там, недалеко от города, в светлом сосновом бору, бойцы тотчас принялись за сооружение землянок: штабной, батарейных и офицерской. К ночи у всех нас уже была крыша над головой и деревянные нары под боком.

18-21 июля

Дни заполнены до отказа изучением новых машин, работой на них, знакомством с тактикой нового рода бронетанковых войск.

Прибыл командир полка майор Гончаров. Вскоре нам посчастливилось познакомиться с ним в рабочей обстановке (представиться официально рядовому и офицерскому составу из экипажей он почему-то не посчитал нужным). В один из этих жарких дней механики-водители и помпотехи занимались, укрывшись от знойного солнца в тени молодых сосенок. Неожиданно кто-то, заметив приближающегося командира, подал команду: «Встать! Смирно!» Крупный, но ловкий помпотех Конев, руководивший занятиями, доложил по форме. Майор подозрительно окинул хмурым взглядом застывшие в лирическом беспорядке фигуры механиков и, придав своему лицу свирепое выражение, изрек: «Бездельничаете!» И тут же решил блеснуть «знанием» техники: «Смотрите у меня! Заводить двигатель стартером – только в исключительных случаях. На то есть рукоятка». Невыдержанный Сулимыч от изумления негромко хмыкнул и тут же схватил трое суток домашнего ареста за непочтение к начальству. Позже выяснилось, что никаких танков, кроме легких, майор никогда не видал, но нрав у него оказался крутой. В тонкости никакие он вдаваться не любил и рубил сплеча по принципу: старший всегда прав.

22 июля

Полк ездил на полигон. Большая часть самоходок, в том числе и наша, почему-то осталась в расположении. А нам, особенно Петру, бывшему наводчику, кажется, что каждый экипаж должен опробовать именно свое орудие, а не стрелять из чужой машины.

Перед началом стрельб по всем правилам проводилась рекогносцировка, во время которой, ползая на животе по воображаемому предполью, потерял в густой траве свою финку, стоившую мне теплых носков в феврале и неприятностей от помкомвзвода.

О людях не хочется думать плохо, но вскоре после приезда сюда Иванов, чистя пистолет, прострелил себе стопу. Всякие случайности, конечно, бывают… Однако, вспоминая наших Алексеева и Бычкова, невольно приходишь к выводу: они готовы грудью защищать Родину… в глубоком тылу.

Экипаж наш: командир машины – лейтенант Кузнецов Петр Тимофеевич, 1923 года рождения; командир орудия (наводчик) –

рядовой Петров, он же механик-водитель младший; заряжающий – рядовой Лапкин, сибиряк; замковый – рядовой Бакаев, тоже сибиряк, но, в отличие от своего рослого и мускулистого земляка, он приземист и плотен, с брюшком, выпирающим поверх поясного ремня.

Командир нашей батареи – лейтенант Франчук, смуглый, чернявый, с приятными чертами лица, очень энергичный, подвижный и веселый, неразлучен со своей черной кожанкой. Именно таким почему-то мне представляется настоящий танкист.

23 июля

Вечером полк выстроен в полном составе. Нам прочитан приказ на марш к станции погрузки и о порядке погрузки. В несколько минут весь наш лесной лагерь был на колесах и гусеницах. Заработали двигатели автомашин, тракторов и самоходок, выезжающих друг за другом на лесную дорогу и постепенно образующих внушительную колонну. До станции Пушкино всего несколько минут ходу – и вот мы уже грузимся по подразделениям. Платформы погрузочные – боковые, как и в Челябинске. Ставил машину на железнодорожную платформу всего лишь второй раз в жизни и очень опасался при этом, как бы не завалить машину: ширина тяжелого танка такова, что его опорные катки стоят на самом краю платформы, а наружные концы траков даже выступают за ее пределы. Но все обошлось. Под руководством Петрова, который до последнего, тяжелого ранения был сам водителем тридцатьчетверки, наша самоходка надежно закреплена: первая и шестая пары опорных катков упираются в шпалы, прочно прибитые железными костылями к дощатому настилу платформы, а передние и задние буксирные крюки крест-накрест соединены с рамой платформы толстыми проволочными растяжками, туго закрученными с помощью лома. Можно было ложиться отдыхать в теплушке.

24 июля

На рассвете эшелон тронулся. Куда? Этот вопрос волнует всех, но мы только можем строить разные предположения. Скорее всего, туда, согласно решили все, где мы всего нужнее. Фронтов много – что зря гадать. А состав с Окружной дороги взял курс на юг.

На первой же остановке осмотрели с Петровым крепления. Все в порядке: даже растяжки не ослабли.

26 июля

Утром комбаты были вызваны в штабную теплушку к командиру полка, и вскоре от вагона со складом боеприпасов потянулись к теплушкам своих подразделений бойцы, нагруженные ящиками с гранатами или вещмешками с коробками

автоматных и винтовочных патронов. Пулеметов на наших СУ нет, поэтому три человека из экипажа, в том числе командир машины, вооружены автоматами ППШ, а механик-водитель и наводчик – наганом или пистолетом. Сверх этого, на брата приходится по пяти оборонительных гранат Ф-1 (лимонок).

Поздним вечером, часов около двадцати трех, в темноте, на какой-то станции, едва наш эшелон двинулся дальше, локомотив врезался в четырехосный груженный углем вагон, по неизвестным причинам оказавшийся на выходном пути. К счастью, состав не успел набрать еще скорости, поэтому при столкновении ни одна из машин не свалилась с платформ, но кое-кто из ребят, спавших или просто лежавших на верхних нарах теплушек, посыпался вниз вместе с досками. Пострадал один человек – дежурный по паровозу («впередсмотрящий», как говорят моряки) лейтенант Арсланов. Он не растерялся и голосом предупредил машиниста об опасности, но не успел сам уйти с передней площадки паровоза и был сильно помят. Арсланов – командир КВ, командирского танка, единственного в полку. Пострадавшего отправили в госпиталь. Это наша первая потеря.

27 июля

Утром застряли около останков какой-то маленькой станции. Ночью здесь была бомбежка. Насыпь почти перерублена огромной бомбовой воронкой, вместо левого пути торчат скрюченные рельсы с висящими на них шпалами, но на правом пути ремонт уже подходит к концу. Десятка два железнодорожников и солдат, очевидно саперов, трудятся в поте лица. Им на помощь пришли все свободные от нарядов и дежурств люди из нашего эшелона. Большая часть из них принялась восстанавливать и уплотнять левую часть насыпи, вторая группа – демонтировать поврежденное полотно, третья – присоединилась к тем, кто укладывал и крепил рельсы нашего пути.

Во время работы узнаю у рабочего, что мы находимся в Курской области. Значит, едем туда, где совсем недавно, в этом месяце, отгремело еще одно гигантское сражение.

Заканчивалась наша формировка в Челябинске, когда радио сообщило о начавшемся 5 июля наступлении немецко-фашистских войск в районе Орловско-Курской дуги. Фашистское командование около трех месяцев тщательно разрабатывало план этой операции, скрытно перебросило свежие силы на главные направления удара. Особенно много было танковых и мотомеханизированных соединений и частей, которые

применялись массированно. Впервые были использованы в деле новые немецкие танки: Т-V («Пантера») – средний танк, немного полегче весом нашего тяжелого, и Т-VI («Тигр»), а также тяжелая самоходно-артиллерийская установка «Фердинанд», имеющая лобовую броню свыше 200 миллиметров и орудие калибра 105 миллиметров, у «Тигра» и «Пантеры» пушки были соответственно 88 – и 75-миллиметровые. Пушки на новых машинах длинноствольные, сильные и снабжены великолепной оптикой, особенно у «Тигра». Обо всем этом мы уже знали из специального инструктажа, данного нам еще до отъезда на фронт. Черт возьми, так и не удалось взглянуть в Пушкине на Акулову гору, упомянутую Маяковским. Что она такое, гора на пригорке?

Как и следовало ожидать, немцы в своей операции по ликвидации курского выступа хотели применить свой излюбленный прием охвата с помощью «клиньев», а затем полного окружения и уничтожения наших войск, попавших в «мешок». С этой целью на участке Центрального фронта начала наступление орловская группировка врага, нацеливаясь главными силами на Ольховатку, на участке Воронежского фронта главный удар противник наносил на Обоянь.

Однако у фашистов на этот раз ничего не вышло. Потому что, во-первых, наша оборона была глубоко эшелонирована и хорошо подготовлена к отражению возможного вражеского удара. Каждый командир и боец ясно представляли свои задачи и были настроены выполнить их во что бы то ни стало. Во-вторых, в тылу Центрального и Воронежского фронтов на случай прорыва вражеской «свиньи» заранее развернулся Резервный фронт. (Он уже переименован в Степной фронт, и, наверное, в распоряжение его командования и направляется наш полк.) В-третьих, на участках наших фронтов было сосредоточено достаточно различной боевой техники, не уступавшей по количеству вражеской. В-четвертых, буквально перед самым началом немецкого наступления по скоплениям вражеской техники, по огневым позициям немецкой артиллерии был нанесен страшной силы артиллерийский контрудар, который не только ошеломил неприятельские войска, готовые ринуться вперед, и сильно озадачил фашистских генералов, но и вызвал у врага значительные потери.

Через два часа нам приказано было закончить работу, и мы бросились умываться, благо вода около станции все-таки имелась. Раздевшись до пояса, поливаем друг другу из котелков. Только намылил как следует лицо и шею, паровоз свистнул, вагоны задергались, и я, едва успев промыть глаза, подхватываю с земли влажные от пота гимнастерку и нательную рубаху, уже на

ходу залезаю, схватившись за протянутую руку Петрова, в теплушку. Эшелон медленно отъезжает, самоходчики и железнодорожники дружески машут друг другу на прощание. Вытершись «без паники», напяливаю гимнастерку и только теперь, холодея, обнаруживаю, что нет моего поясного ремня с кобурой. Они остались лежать возле груды кирпича. Докладываю комбату и прошу разрешения возвратиться за наганом: отъехали недалеко, а полк можно догнать со следующим эшелоном. Но Франчук категорически запретил, так как мы уже в прифронтовой полосе и неизвестно, где и когда будет выгрузка. Доводы его резонны, и оставалось только ждать справедливого наказания за разгильдяйство. Оно состоялось скоро, на следующей остановке, когда комполка вызвал к себе в вагон комбатов и других командиров и начальников на совещание, на котором было доложено о ЧП в нашем подразделении. В результате «схватил» 8 суток домашнего ареста, условного, конечно, учитывая обстановку. «Арест» заключался в удержании 50 процентов зарплаты за эти дни, а наган-то, должно быть, стоит гораздо дороже... Я ожидал худшего. На душе как-то нехорошо. Что за ротозейство! Неужели нельзя было оставить ремень на себе? Расположился, словно на пляже. Самобичевание мое вскоре было прервано: в теплушке вдруг коротко прострочил автомат и сразу испуганно смолк. Все вскочили с мест, недоумевая. На верхних нарах послышалось предсмертное хрипение. Внизу ссутулился бледный, без кровинки в лице, лейтенант Беспалов, командир машины. Он протирал свой ППШ, не сняв диска, и автомат случайно сработал, убив наповал спящего наверху сержанта... После этого трагического происшествия все диски в эшелоне были убраны в подсумки. Вот уж действительно, пока гром не грянет... А полк, еще не добравшись до передовой, потерял второго человека.

28 июля

Во второй половине дня, до захода солнца, сгрузились на станции Чернянка Курской области. Съезжать пришлось на боковую платформу, осторожно разворачивая машину на месте и одновременно на считаные сантиметры подавая ее то вперед, то назад, пока она не станет поперек вагона-платформы. Все эти маневры производятся только по командам-жестам Петрова. Занятие, надо сказать, нервное для водителя, так как он опасается за свою машину, и вредное для железнодорожного транспорта, так как водитель нервничает. В результате таких

погрузок и выгрузок прочный вагонный настил постепенно превращается в щепки.

Во время нашей разгрузки высоко над станцией, в чистом вечернем небе с легкими, полупрозрачными перистыми облаками, хищно вились два по-осиному тонких «Мессершмитта». У них длинные узкие крылья с прямоугольными, словно подрезанными, концами. Истребители покружились и улетели: красный круг солнца уже касался горизонта.

Нам еще предстоит марш около ста километров до назначенного пункта. Полк выступил в общей колонне с колесными машинами впереди. Двигались по пыльным проселкам до наступления полной темноты, уже ночью переправились вброд через неглубокую здесь реку Оскол и вскоре остановились на ночлег в придорожном леске.

29 июля

С рассветом экипажи начали текущий техосмотр, привели все в порядок и – вперед. Шли целый день. Сегодня устал зверски, наверное, не я один. Уже сгущалась тьма, когда мы, «вздыхая о ночлеге», миновали какое-то село, не мигнувшее нам ни одним огоньком, и, укрыв машины в недалекой роще, заснули, не покидая, согласно приказу, своих машин.

30 июля

Днем прибыли на выжидательные позиции. В пути, на одной из коротких остановок, выйдя из машины покурить и размяться, заметил справа от полевой дороги, в тени плакучей березы, зеленый танк. На фоне зеленой опушки он был почти невидим. Береза горестно склонилась над ним; ее тонкие, гибкие веточки, словно рассыпавшиеся длинные женские косы, неподвижно нависали над самой башней. Это был наш Т-70. Мы медленно приблизились к нему. Левый, обращенный к полю борт разворочен снарядом в передней части. В открытый башенный люк сверху падает просеянный сквозь сито мелкой березовой листвы солнечный свет, и через большую брешь в броне хорошо виден в отделении управления мертвый механик-водитель, откинувшийся на спинку своего сиденья. Руки его продолжают сжимать рычаги поворота. Запахи бензина и масла не могут заглушить тяжелого запаха тления. В страшной ране на груди убитого кишат белые короткие черви, по одежде ползают и

перелетают лениво с места на место омерзительно-красивые бронзово-зеленые мухи... Удрученные, со сжавшимся от жалости сердцем, замерли мы у стальной братской могилы... «К машинам!» – донеслось до нас с дороги. Мы бросились назад.

Чем ближе наша колонна к линии фронта, тем чаще встречаются следы недавних тяжелых боев. Рядом с одним из объездов, на развороченной взрывами дороге, в огромной воронке, должно быть от танковой бомбы, удобно разместился на дне КВ. Высоты и высотки, склоны оврагов, изрытые вдоль и поперек окопами и траншеями; смятые танками линии колючих заграждений; поваленные телефонные столбы; разбитые и раздавленные орудия на артиллерийских позициях; поломанные повозки и передки; сгоревшие автомашины и танки, а на обочинах, на виду, круглые железные мины, мины в узких деревянных ящичках как иллюстрация к предупреждающим надписям на фанерках: «Осторожно! Мины!»

1 августа

Ночью скрытно прибыли в район сосредоточения. До передовой отсюда четыре километра. Впереди то и дело слышны разрывы и выстрелы орудий. Непрерывно передвигаются в разных направлениях войска. Петров и Кузнецов, обстрелянные уже воины, сразу определили: готовится наступление. Значит, мы пожаловали кстати. «Что день грядущий мне готовит?»

2 августа

Совсем рядом с нами, пониже, в ложбине, расположился 61-й гвардейский ттпп (тяжелый танковый полк прорыва), и мы его поддерживаем завтра. Это уже известно из приказа на наступление, с которым нас ознакомили сегодня днем.

Перед заходом солнца, закончив последние приготовления к бою и поужинав, танкисты-соседи собрались в круг возле одного из танков. Оттуда до нашей машины долетают звуки гармони и пение. Проплыл в неподвижном, еще теплом воздухе задумчивый «Вечер на рейде», отгремела залихватская, с присвистом «Йихалы козаки...».

– Хорошо поют, – сказал Петров, поудобнее усаживаясь на левом крыле впереди башни для перекура.

Мы только что закончили долгую и, кажется, бесполезную возню с тормозными лентами, которые после 120-километрового

пробега стали слабо прихватывать барабаны бортовых фрикционов, особенно левый. Опыта регулировки у нас никакого нет, помпотех тоже ничем помочь не смог: сам чуть что в инструкцию заглядывает. Машина моя разворачивается плохо, и у меня душа не на месте...

А возле танка после короткого перепляса с прибаутками снова запели. Незнакомая песня заинтересовала меня, и я подошел поближе к поющим, чтобы не пропустить ни слова. Песня была танкистская, из фронтового фольклора:

Встает заря на небосклоне –
С зарей встает наш батальон.
Механик чем-то недоволен,
В ремонт машины погружен.
Башнер давно принес снаряды,
В укладку бережно сложил,
А командир смотрел приборы,
Свой экипаж он торопил.
Приказ получен был суровый:
В атаку мы идти должны.
А ну, водитель, жми на стартер –
Мы все решимости полны.
А коль худое с нами будет,
Прощай, родная, не забудь.
Лишь залпы башенных орудий
Проводят нас в последний путь.
Вот дан сигнал – взвилась ракета.
Слышна команда: «Заводи!»
И словно гром проснулся где-то –
Разрывы встали впереди.
Куда, куда, танкист, стремишься?
Куда машина держит путь?
Или с болванкой повстречаться?
Или на мине отдохнуть?
Уж за рекой ревели танки,
Гремела грозная броня.
Бежали фрицы без оглядки
От их жестокого огня.
И вдруг удар – машина стала.
Сказал водитель: «Кончен путь...»
Осколком вражьего металла
Танкист смертельно ранен в грудь.
Машина пламенем пылает.
И башню лижут языки.

Судьбы там вызов принимают
Простым пожатием руки.
Потом из танка вышли трое,
В одежде тлеющей, в крови.
Они убитого танкиста,
Они товарища несли.
И понесется телеграмма
Родных, невесту известить,
Что он уж больше не вернется
И не заедет погостить.
Заплачет горько мать-старушка,
Смахнет с усов слезу отец,
И дорогая не узнает,
Какой нашел танкист конец...
И станет карточка пылиться
На полке среди желтых книг:
Танкист веселый, при погонах,
Да только он уж не жених.

Две последние строчки каждого куплета служили своеобразным рефреном. Мотив песни, грустный и протяжный, смахивал на мотив старинной шахтерской песни про молодого коногона, погибшего при обвале в шахте.

Песня, исполняемая крепкими и суровыми мужскими голосами среди начавшего темнеть поля, черные комбинезоны и шлемы танкистов, грузные темные глыбы танков, притаившихся на обратных скатах пологой возвышенности, зловещий кроваво-красный закат, положивший кое-где свои мазки на башни и расчехленные стволы танковых пушек, настороженно смотрящих в одну сторону – на запад, – и своеобразный аккомпанемент – недалекое погромыхивание артиллерии – все это, вместе взятое, произвело впечатление, как мне показалось, не только на новичков. Задумался, стоя подле самоходки, наш командир Петя Кузнецов. Прислонясь спиной к башне, молча «смолил» самокрутку Петров, пряча ее в кулаке. Он – бывший водитель Т-34, не раз горевший в танке, имеющий тяжелое ранение и сильные ожоги.

Меня же песня просто потрясла, тем более что приказ о завтрашнем наступлении (полку предстоит прорывать крепкую оборону противника) нам уже зачитан, задачи поставлены и разъяснены каждому подразделению и каждому экипажу, с условными сигналами все ознакомлены, кварц и волна для радиосвязи, а также все необходимые позывные командирам

машин даны, и район сбора после боя указан...

Первый боевой приказ и первый бой... Как выдержу его? Только бы не сплоховать, не подвести товарищей по экипажу. Об остальном лучше не думать. Стараясь скрыть волнение, долго стою на крыше башни, словно истукан, тщетно всматриваясь в темную даль, как будто там, где затаился противник, можно что-либо увидеть. Нижние ветки старого тополя тихо гладят меня по лицу, дружески касаются моих плеч. Командир, еще раз проверив работу рации, выглянул из своего люка и сделал мне замечание. Заодно и весь экипаж услышал притчу о том, как один любитель высоких мест из Петиного расчета (дело было еще в полевой артиллерии) поймал сдуру шальную пулю на довольно почтительном расстоянии от переднего края.

Как и все, устраиваюсь на ночь в машине. Наклонно установив спинку, полулежа укладываюсь на своем сиденье. Вытянутые ноги упираются в стальную трубу, сквозь которую проходит торсионный вал и на которой приварены ограничители хода педалей главного фрикциона и ножного газа, ту самую, которую имеют в виду танкисты, когда говорят «жми до трубы», то есть «дай полный газ».

Уснуть долго не мог, хотя очень старался, понимая, что отдохнуть обязан: в 9.00 – атака, а до ее начала полку еще надо скрытно выйти на исходную позицию.

Находимся сейчас в Белгородской области, а приданы одной из дивизий 53-й армии.

3 августа

Так и не понял, сплю или нет. Там, впереди, все затихло. Здесь тоже, лишь иногда чуть слышно прошелестят по траве мягкие шаги часового – и снова тихо. Храпит позади с присвистом Бакаев. Долго ворочается Петров. Его израненному и обожженному телу неудобно и зябко на снарядах и гильзах, уложенных сверх боекомплекта прямо на днище. Наконец наводчик, вздохнув, осторожно встает, захватывает с собой шинель, бесшумно вылезает через квадратный люк и ложится на моторной крышке, за башней.

– Тревога! – раздается совсем близко и так отчетливо, что все в машине мгновенно вскакивают на ноги. Это кричит Петров, свесив голову в свой люк. Голова наводчика почти надо мной.

Сон словно рукой сняло. В темноте быстро изготовились к бою и под грохот артподготовки неслышно и незаметно (так нам по, крайней мере, казалось) добираемся до исходных. Газу

прибавлять почти не потребовалось, потому что проселок шел под уклон, в низину, густо заросшую молодыми деревьями. Спускаясь в это укрытие побатарейно, ставя машины поближе к опушке, что обращена к предполью, быстро замаскировали самоходки.

На правом фланге полка, почти напротив рощи Журавлиная, затаились все пять самоходных установок нашей батареи. Самая правая – машина младшего техника-лейтенанта Идесмана. Место его командира, лейтенанта Стыкчинского, тоже недавнего выпускника училища, занял в самоходке комбат Франчук, решивший сам вести батарею в бой. Своей машины у комбатов нет. На чем же они будут гоняться за своими СУ? На своих на двоих? Сидя на башне? Как им координировать действия экипажей, как управлять мощным огнем? Странный род войск... Даже артиллерийские панорамы были вчера выданы командирам машин, как будто нам в самом деле придется поддерживать свои танки или пехоту с закрытых позиций. А зачем тогда нам такая броня?

Наша артподготовка началась в 4.00, еще до нашего прибытия на исходные, и канонада, не прерываясь ни на минуту, свистит, и ревет, и завывает, и грохочет, как хорошо сыгравшийся страшный оркестр «бога войны», который исполняет на сотнях стволов, изрыгающих огонь и смерть, жуткую увертюру к еще более ужасному действу. Ждем. Снаряды и мины густым роем летят через наши головы туда и оттуда. Немцы поначалу отвечают, но постепенно их огонь слабеет. Только изредка грохнет разрыв где-нибудь позади и выше нас. Противник таится, не желая обнаруживать свои огневые точки.

Зато над укреплениями фашистов, у самой линии недалекого горизонта, суженного краем поля, которое идет на подъем в направлении хутора Редин, непрерывно вспыхивают молнии разрывов, рвущих в клочья предутренний сумрак. Вся окрестность на многие километры наполнена оглушительным гулом, земля вздрагивает, как живая.

В 8.40 неожиданно (хотя нам всем хорошо известно, что так оно и должно быть, что все идет по «расписанию») канонада умолкает, и наши полуоглохшие уши не сразу улавливают ровный рокот, накатывающийся из-за спины, с востока. Он быстро приближается, превращается в могучий рев – и в чистом утреннем небе над Журавлиной рощей (какое поэтичное название!) закружились наши пикировщики. 15 минут они усердно «обрабатывают» рощу, особенно густо кладя бомбы вдоль опушек, прилегающих к полю перед хутором и к нашей низине.

Уже давно взошло позади нас солнце (хорошо, что оно немцу в глаза светит), и все впереди отлично видно, даже отдельных

пехотинцев, рывками перебегающих «под шумок» среди спелой ржи в сторону хутора.

А мы замираем и томимся – ждем, когда наступит наш черед. Уж и не помню, сколько раз подергал за все рычаги и выжал педали, проверяя ход тяг, ткнул пальцем в кнопку стартера – работает.

8.55 (танковые часы кировские – в левом нагрудном кармане гимнастерки). «Петляковы» (их было почти три эскадрильи, должно быть, полк), сбросив последние бомбы, построились и потянули на восток вслед за ведущим, словно стая журавлей за своим вожаком.

И тотчас снова дружно ударили артиллеристы (мы в это время завели двигатели).

Торопливо перебегает от самоходки к самоходке Сашка Корженков, наш помпотех, заглядывает под приподнятые броневые крылья смотровых лючков и, стараясь перекричать грохот орудийной пальбы и шум работающих (пока вхолостую) моторов, в последний раз спрашивает, все ли в порядке. Как будто не знает, что у моей машины тормоза ни к черту. Ору: «Лента!» Надсаживаясь, он пищит (у него тонкий голос), приблизив лицо вплотную клюку: «Езжай прямо!» – и, отодвинувшись, машет рукой в направлении хутора. До чего умный совет! Не назад же в самом деле ехать.

Канонада стихла, хлопнуло несколько запоздалых орудийных выстрелов, показавшихся до смешного слабыми.

Зеленая ракета, оставляя за собой белый след и шипя, взвилась откуда-то из-за деревьев, на мгновение зависла и вдруг раздвоилась – это сигнал нам!

КВ, стоящие в этой же низине, левее нас, грозно взревев, повылезали из опушки и, переваливаясь на неровностях, покачивая на ходу пушками, поползли вверх по полю, на дальнем, противоположном краю которого медленно оседали, светлея, клубы песчаной пыли и дыма. Сбоку наши танки действительно чем-то напоминали большеголовых мамонтов, почуявших опасного врага и угрожающе поднявших свои хоботы.

На левом фланге гвардейского танкового полка, километрах в полутора от нас, лихо вынеслись на открытое поле тридцатьчетверки (их здесь полная бригада) и, часто стреляя, тоже устремились вверх, постепенно забирая влево, должно быть, в обход немецких артиллерийских позиций перед хутором.

Самоходки, стряхивая с себя остатки маскировки, показались из осинника почти одновременно с КВ.

Нашей батарее задача: прикрыть атакующие танки со стороны рощи Журавлиная. Она начинается повыше той низины,

где мы ожидали сигнала атаки, окаймляет правый край поля и перед самым хутором закругляется вправо.

Чуть впереди и правее моей самоходки – машина Идесмана с комбатом, остальных мне не видно: много ли заметишь через смотровую щель? На поле перед машинами нашей батареи разрывы пока редки. Под острым углом приближаемся к роще. Она зловеще молчит...

Моя машина совсем не подчиняется мне, когда надо сделать крутой поворот, поэтому, как только мы вышли с исходной, начинаю жечь прокладку из феррадо на стальных тормозных лентах. Как вовремя вспомнился практический совет водителя-инструктора из ЧТТУ! Для этого выжимаю то левый, то правый рычаг поворота до отказа и, удерживая его на сгибе локтя, газую. Когда прокладка сгорит, стальная лента по стальному барабану бортового фрикциона будет срабатывать хорошо. Правда, фрикцион может перегреться и даже выйти из строя, если покоробятся его стальные диски, но это произойдет не сразу. На время атаки его хватит. И что такое фрикцион по сравнению с машиной? А непослушная в бою машина – гроб. Для всего экипажа. Ни о чем больше не думается. Отрешенным взглядом слежу за тяжелыми танками, которые идут в шахматном порядке на подъем и вдруг начинают вспыхивать, как свечи. Две наши самоходки, из тех, что находятся в боевых порядках КВ, тоже горят...

Из трансмиссионного отделения потянуло резким запахом жженой прокладки. Наконец-то!

– Механик! Чем это у нас так воняет? – слышится в наушниках беспокойный голос Петра.

– Все в порядке, командир! Так надо.

Командир машины перешел на внешнюю связь, но забыл щелкнуть тумблером, и в моих ушах стоит треск и шум помех, торопливо попискивает морзянка, раздается то русская, то немецкая речь, но весь этот хаос перекрывает голос стрелка-радиста с КВ или с тридцатьчетверки. Очень отчетливо, напирая на «р», этот недалекий голос с жутковатой монотонностью долбит в барабанные перепонки:

– Я – Р-радий! Я – Р-радий! Кор-робочки гор-рят! Гор-рят кор-робочки... Как поняли? Пр-рием!

И что усердствует, как будто и без него не видно?!

А мы уже к роще приблизились, взяв правее. Свернули вправо и два КВ из 61-го полка, должно быть танковый взвод, выполняющий задачу одинаковую с нашей.

Метрах в трехстах от зеленой стены опушки извивается в поле серо-желтая дорога. По ней и помчались к хутору оба

опередивших нас танка, комбатова машина и наша – четвертая.

Идущие впереди вспыхнули один за другим. Призрачно-легкое облачко мелькнуло вокруг башни головного танка. Он, чуть вздрогнув на бегу, прокатился по инерции сколько-то метров вперед и остановился, окутавшись огнем и дымом, рядом со старым, высохшим деревом. Второй КВ, не сбавляя скорости, стал объезжать товарища, разворачивая пушку в сторону рощи, и тоже загорелся. Выстрелить успела только Идесманова машина – и тотчас полыхнула вспышка на ее башне. Откинулся правый башенный люк, из него вырвался яростный столб пламени, кто-то из экипажа вынырнул было до пояса из башни, но тут же повис вниз головой, почернев на глазах.

Все это произошло за такие мгновения и было так неизмеримо жутко, что все во мне напряглось до предела, а правая нога моя, до сих пор без устали нажимавшая на педаль газа, начала вдруг подпрыгивать сама собой. Мотор заработал рывками, странно подвывая. Испугавшись, что он заглохнет в такой неподходящий момент, изо всех сил надавливаю на правое колено левой рукой, а правой инстинктивно дергаю за правый рычаг, чтобы развернуть самоходку лбом к опушке. И вдруг наша машина одним прыжком принимает нужное положение. Прямо передо мной возникает черный борт обезглавленного сгоревшего танка. Над его пустой бронированной коробкой сверкает ослепительный зеленовато-голубой свет, похожий на огонь электросварки. Термитный заряд, предназначенный нам, угодил в мертвую машину – и это спасло нас... По дополнительной броне, прикрывающей снаружи ходовую часть, узнаю «Матильду» – английский средний танк.

– Доверни вправо десять. Хорош! Вперед! – отчетливо втискивается в уши напряженно-спокойный голос командира. – Стоп!

И через секунду:

– Огонь!

Рявкнула басом наша 152-миллиметровая и плавно, но быстро подалась назад-вперед дородным телом. За спиной звякнула звонко о днище медная гильза. И сразу стало легче на душе: получите сдачу!

А в наушниках:

– Фугасным – заряжай!

Короткая возня сзади. Мягко клацает смазанный замок.

– Готово!

– Огонь!

Передо мной – разбитая (наверное, в июльских боях) «Матильда», низко осевшая, и мне сейчас даже видна

внутренность ее корпуса. Завороженно гляжу, сощурясь, на сыплющий белыми искрами голубой огонь, снова заигравший внутри мертвого танка: второй снаряд прожег за какие-то мгновения его борт, обращенный к опушке. Правая рука сама «втыкает» заднюю передачу (стоять на месте нельзя) – и очень кстати. Самоходка попятилась задом под уклон – очередной вражеский снаряд свистнул выше нашей башни. А Лапкин и Бакаев успели перезарядить орудие.

– Вперед – влево – 30! – Это мне для грубой наводки.

Выскакиваем левее нашего броневого щита, выстрел по опушке – и снова откатываемся назад. Что там сверху видят командир с наводчиком – снизу мне не разглядеть. Прислушиваюсь к их возбужденным репликам.

– Петров! Видишь сломанную березу? Смотри левей лучше. Орудие шевелится... Прямой наводкой!..

– Есть, вижу! Это танковая башня. Готово!

– Бронебойным – заряжай!

Крякнув, опустил Лапкин 48-килограммовую черную тупорылую чушку снаряда на лоток, быстро зарядил.

– Готово!

– Огонь!.. А-а, гадина, заткнулась!.. Ну, Петров, молодец!

Сколько же это выстрелов мы успели сделать? Семь? Девять? В башне душно от дыма: дышать трудно, к горлу подступает тошнота, в голове легкое кружение.

Полностью занятый маневрированием при каждом выстреле, мало что успеваешь заметить в свою щель. Раз, отъезжая назад (с нашим раздельным заряжанием только и состязаться в скорострельности с противотанковыми пушками), видел, как сильно задымил в поле повыше нас один из КВ. И тотчас заработал огнетушитель, полетели из люков кассеты со снарядами, зеленые гранатные сумки, вещмешки и шинели, замелькали возле танка чумазые ребята, подавая наверх ведра с сухой песчаной землей. Кто-то из гвардейцев использовал даже одеяло. Экипаж быстро усмирил пламя, уложил на место снаряды, и танк снова упрямо двинулся к хутору.

Наконец после очередного выстрела Петр, вместо короткой команды «в укрытие!», нараспев прокричал:

– Осколочным без колпачка! Дистанция – ноль! За-аря-жай! Наводчик, по отступающим фрицам – огонь!

А насчет количества произведенных Петровым выстрелов я ошибся: к нам по лощине подобрался грузовик из взвода боепитания, и мы прямо на поле пополнили свой огнеприпас.

Сверху, из-под хутора, по песчаному проселку, мимо чадящих черной копотью сожженных танков уже гнали усталые и злые

пехотинцы пленных – запыленных, растерянных и бледных. Из люка КВ, подбитого снарядом все на той же дороге в самом начале атаки, высунулся до пояса капитан, должно быть командир роты. Лицо его при виде фашистских солдат побелело и страшно исказилось. Потрясая пистолетом, он с гневом и ненавистью закричал:

– Кончай их на месте, гадов! Они с нами н-не н-нянчатся!

Пленные с опаской обходили танк.

А в роще, среди деревьев, замелькали фигуры людей в родной защитной форме, и разбросанные боем по широкому полю танки и самоходки осторожно стали приближаться к хутору, стараясь идти след в след. При этом стихийно образовалось несколько сборных колонн, и перед каждой из них шагали по два-три сапера с миноискателями в руках. Длинными шестами, которые оканчивались металлическим щупом, солдаты быстро, но тщательно тыкали в землю перед танковыми гусеницами. Обнаружив противотанковую мину, они тут же обезвреживали ее и снова продолжали свой небезопасный путь, а следом за ними, как за поводырями, шаг за шагом продвигались наши машины.

Мин на поле очень много. Полянсков, не успев проехать и двухсот метров вперед после сигнала атаки, остался без левой гусеницы. Подорвалось несколько машин и из 61-го. Все стали маневрировать с опаской, сбавили скорость, и без того невысокую из-за движения на подъем, поэтому нас так и пожгли. Тяжелые полки приняли на себя огонь, а дело решил обходной маневр танковой бригады.

На верху бугра и на его западном скате раскинулся хутор. Только днем (какими длинными оказались всего три-четыре километра по злосчастному полю, на котором в результате боя почти ничего не осталось от созревающего урожая) въезжаем на его улицу. Она вся запружена немецким конным обозом, не успевшим уйти, и пехота на ходу «проверяет» повозки, брошенные автомашины с грузами.

В самый разгар сбора трофеев прилетели «Хейнкели» и начали сыпать бомбы на рубеж, потерянный их бескрылыми собратьями по разбою.

Уже при начавшейся бомбежке по хутору промчался, подпрыгивая на выбоинах, как резвый козел, зеленый «Виллис» с зампостроем полка. Заметив нашу самоходку, капитан Вовк-Курилех приказал поставить ее над узкой щелью, и все, кто находился поблизости, набились под машину, как будто это могло спасти в случае прямого попадания. На наше счастье, этого не произошло, но одна, должно быть, увесистая бомба рванула

неподалеку от самоходки, где-то за кормой, да так сильно, что все в щели перемешалось, а я каким-то образом очутился верхом на шее нашего начальника штаба Стегленко. Однако он не обиделся.

«Хейнкели» без помех закончили свое дело и, не меняя строя, на той же высоте спокойно удалились, а мы снова, уже не опасаясь за свои гусеницы, – вперед. За хутором – очень крутые склоны, местами обрывистые. Сползаем вниз зигзагами, рискуя сорваться и закувыркаться через башню, стреляем еще – вдогонку поспешно откатывающемуся противнику. Наконец переправляемся вброд через небольшую речушку, и сразу за нею, на лугу, приходится остановиться: окончательно сгорела во время спуска с крутизны левая тормозная лента. А левый бортовой фрикцион, от которого несло жаром, как от раскаленной печи, все-таки уцелел. Вот выносливость!

Луг с трех сторон – позади, слева и справа – ограничен крутыми склонами и извилисто тянется на запад. Впереди, прижавшись к правому, более крутому склону, стоят в «затылок» семь немецких танков – точь-в-точь семь волков. «А седьмой-то волк, горелый бок» – сожженный «Тигр», очевидно замыкавший эту небольшую колонну. Фашисты пытались уйти по балке, но не успели. Они огрызались: стволы танковых пушек развернуты в разных направлениях.

Вдоль низкого берега речки врыты столбики с указателями. На фанерной стреле рядом с нами – аккуратнейшая надпись колючими готическими буквами: «Цум баден», пониже по течению – «Цум вашен», а на столбе повыше угрожающе красное: «Тринкен ферботен!» Как на курорте устроились, сволочи!

Тут, на берегу этой тихой русской речушки, освободившейся наконец от двухлетнего немецкого плена, мы облегченно перевели дух и осмотрелись.

После дневных страстей с особенным удовольствием наблюдаем издали, как вторично налетевшие «Хейнкели-111» старательно «долбают» по опустевшему хутору, покинутому жителями и солдатами.

Одна из «катюш» (их стояло несколько штук на западном, обращенном к нам, склоне холма, ближе к хутору) задрала к небу свою раму и дала залп по нахально кружащимся над хутором немецким бомбардировщикам. Яркие звездочки разрывов аккуратно разместились внутри треугольника «Хейнкелей», но никто из них, несмотря на наше страстное желание, не упал. Однако после такого горячего «привета» стервятники сразу же куда-то улетучились, и наступила тишина, если не считать автоматной трескотни где-то позади нас, левее хутора.

Через несколько минут после нашей остановки возле

брошенных немцами двух дальнобойных орудий, которые стояли слева от нас, на возвышении, хищно вытянув свои длинные стволы над самой землей, появились наши солдаты, должно быть артиллеристы. Они расторопно повернули пушки в противоположную сторону, вдоль балки, и начали палить без перерыва: видимо, снарядов фашисты оставили предостаточно. Кузнецов усмехнулся: «А палка-то, на поверку, всегда о двух концах бывает!» Тут он решительно стянул с себя прилипшую к спине потную гимнастерку и подошел к речке. Мы по очереди моемся до пояса, держим взопревшие ноги в тепловатой воде. Она кажется прохладной и приятно щекочет подошвы. Петров достал из открытого трансмиссионного люка и разломил на пять частей большущий диск подсолнечника, туго набитый крупными семечками. Они оказались почти сухими. Предусмотрительный наводчик сунул подсолнечный круг на горячую КПП еще наверху, в Редине, когда пережидали бомбежку. Некоторое время, блаженствуя, лузгаем семечки и неослабно глазеем по сторонам, что на языке тактики означает «вести круговое наблюдение». Снимать сгоревшую ленту нельзя: вдруг придется двигаться дальше.

Очень интересно и не менее приятно наблюдать, как после каждой серии выстрелов стволы трофейных орудий, поначалу протянутые почти параллельно земле, постепенно задираются все круче. Но автоматная и пулеметная стрельба на левом фланге, явно в тылу у нас, не только не прекратилась, но делается все сильнее. Особенно отчетливо стал слышен бой, когда артиллеристы, в поте лица трудившиеся у захваченных пушек, устроили перекур. Мы все еще не решаемся снимать ленту, но вскоре обстановка прояснилась. Откуда-то справа появились, идя «на рысях», взмокшие минометчики, таща на себе тяжелые длинные трубы и широкие плиты 120-миллиметровых дивизионных минометов.

– Куда это вы, хлопцы, со своими самоварами? – окликнул Петров.

– Да фрицев наши в соседней балке окружили... Батальона два. А они, сволочи, не сдаются. Не иначе – смертники. Вот идем уговаривать, – отвечал русый здоровенный парень, приостановившись на минуту, чтобы отдышаться, и, движением могучих плеч поправив на спине свою грузную ношу, спорым, но экономным шагом начал зигзагами подниматься по крутому зеленому откосу, забирая левее трофейных пушек, которые снова открыли огонь.

Прорыв завершен, армия наша стремительно идет вперед, углубляя и расширяя его с каждым часом. Справа от нашей

вынужденной стоянки непрерывным потоком, хорошо видимым на возвышенностях, спешат на запад по извивающемуся шоссе автомашины с мотопехотой, с орудиями и минометами на прицепах, танки, короткоствольные СУ-122, броневички, зачехленные любимицы солдат – «катюши». Быстро идут! А здесь, внизу, по проселкам, нестройно бредет, загребая сапогами пыль, уставшая за долгий день пехота, тащатся сорокапятки в конных упряжках, ползут обозные подводы.

Мы уже снимали тормозные ленты, когда подоспел с новыми наш помпотех (он теперь старший на батарее). Корженков подтвердил, что оба экипажа во главе с комбатом нашим Франчуком погибли полностью, сгорели и водители Павел Снегирев и Идесман – мои товарищи по училищу. От помпотеха мы узнали, что Полянсков на противотанковой мине потерял не только левую гусеницу, но и два передних опорных катка. При этом взрывная волна, ударившая в днище самоходки, отшибла водителю пятку, и он прыгает на одной ноге, опираясь на палку. А с опушки рощи Журавлиная били по нашим бортам фашистские танки, зарытые по башню в землю. Тут наш техрук, приняв важный вид, похвально отозвался о моем удачном маневре со «щитом» в ложбинке перед рощей и добавил, что наша машина продвинулась вперед дальше всех из полка и находится недалеко от пункта сбора.

Таким образом, в нашей батарее в строю осталось только две самоходки, считая и мою, а сколько исправных машин в полку – точно пока неизвестно. Боевое крещение принято, но, кажется, нашему экипажу сильно повезло...

4 августа

Установив за ночь вдвоем с Петровым новые тормозные ленты и кое-как отрегулировав их, на рассвете привожу машину в пункт сбора, где мы застали ровно половину своего полка, готового двинуться в преследование.

Кто-то с другой уцелевшей машины нашей батареи, вспоминая вчерашний бой и нашего комбата, грустно пошутил: «А ведь он, наверно, когда машина их загорелась, успел все-таки крикнуть экипажу: «Не дрейфь, хлопцы! За Родину смерть принимаем!» Эта шутка, хотя и беззлобная, показалась мне неуместной. Смерть смерти рознь, несмотря на то что перед нею все мы равны. Мне страшно жаль и веселого Франчука, и Павку Снегирева (ему и девятнадцати нет). И никто из наших не видел, как сгорел Павел...

Идя по пятам за отступающим противником, настигли большую танковую колонну немцев. Полк с ходу развернулся в линию и открыл огонь, но в ответ не раздалось ни одного выстрела и ни одна из вражеских машин не сдвинулась с места. Оказывается, танки брошены своими экипажами из-за отсутствия горючего. Проезжая вдоль полуторакилометровой вереницы боевых машин (штабисты наши говорили потом, что там было около двухсот танков и самоходок различных систем), я невольно поежился, представив себе, чем закончилась бы наша встреча с этим «бронезверьем», особенно с длинноствольными «Тиграми» и «Пантерами», будь они на ходу.

5-11 августа

5-го числа удалось по своей рации послушать ночной выпуск последних известий: войсками Воронежского и нашего Степного фронта освобожден Белгород, Брянский фронт вышиб немцев из Орла; в ликвидации Орловского выступа ему помогли удары Западного (на севере) и Центрального (на юге) фронтов. В Москве сегодня был произведен салют в честь пяти фронтов-освободителей. С начала войны такой салют дан впервые, и всем нам чертовски приятно чувствовать себя в какой-то мере виновниками этого радостного для всего нашего народа события.

Пятый день полк в наступлении. Во второй половине дня случилась непредвиденная задержка (как будто на войне можно все предвидеть!). В сырой низине, перед узкой поврежденной гатью через болото, скопилось десятка три танков, самоходок и разных автомашин. Вскоре пролетавшие мимо Пе-2 засекли эту соблазнительную цель, описали круг и стали разворачиваться для бомбометания. Целая эскадрилья. Никто в тесно сбившейся колонне не знал опознавательного знака на сегодня. И главное – ни рассредоточиться, ни укрыться негде: кругом открытая местность и в сторону от дороги не свернешь. Махали шлемами и пилотками, поминая господа бога вместе с матерью, как будто летчики с высоты более тысячи метров могли это видеть или слышать. Несколько машин нашего полка вел начштаба капитан Стегленко, который уснул в штабном фургоне во время вынужденной остановки. Разбуженный ревом самолетов и громкими криками, он высунулся из распахнутой двери своего штаба на колесах, посмотрел в небо и, мгновенно оценив обстановку, выхватил из-за голенища сапога ракетницу. Две красные ракеты одна за другой взвились над колонной.

Ведущий самолет в эту минуту уже выходил из пике, успев бросить две бомбы, но они, на наше счастье, упали с перелетом и взорвались на болоте, не причинив никому вреда. Второй «Петляков» тотчас выровнялся и пронесся над колонной, замершей в ожидании новых взрывов, приветственно покачав нам крыльями. Затем восемь бомбардировщиков пристроились к своему командиру, и тот увел краснозвездную эскадрилью дальше, на запад. Бурный восторг овладел людьми, еще минуту назад лежавшими ничком на земле и гадавшими, кому же из них влепит в зад бомба. Никто не заметил, как их спаситель, убедившись, что сигнал летчиками понят, сунул ракетницу назад в сапог и исчез в фургоне. А эти пикировщики не из того ли

самого полка, что помогал нам при прорыве 3 августа? Ну и дали бы они нам здесь прикурить! Тогда летчикам сверху не видно было, что вдоль опушки рощи Журавлиная зарыты по башню в землю немецкие танки, которые крепко нам и всыпали, а сегодня все как на ладони.

Запомнился хутор Кулачки, где, вследствие непростительной ошибки командира полка, мы упустили немецкие танки (13 машин), которые начали отход с противоположного конца хутора в то самое время, когда наши самоходки находились уже в центре населенного пункта.

«Виллис» с майором остановился на улице десятках в трех метров от нашей СУ, и командир машины Кузнецов, поднявшись в люке, доложил подошедшему командиру, что видит немецкие танки. Гончаров пренебрежительно отмахнулся и тоном, не терпящим возражений, заявил, что если впереди и есть танки, то только наши, хотя в каждом экипаже отлично знали, что в Кулачках нет никаких других наших частей и что задерживаемся мы здесь единственно для того, чтобы дождаться подхода своей пехоты.

Фашистские танки сомкнутой колонной шли километрах в полутора от нас, по совершенно открытому длинному скату высоты, пересекая поле под острым углом и удобно подставляя нам свои правые борта. Впрочем, для орудий нашего калибра совсем не важно, что именно подставляют.

Ерзаю на своем сиденье и то ругаюсь возмущенно, то уговариваю, чуть не плача, своего командира машины, называя его не по-уставному Петенькой, плюнуть один-единственный раз в жизни на приказ ради того, чтобы наказать фрицев, нахально и неторопливо ползущих под прицелом нашего орудия. Но Кузнецов остался непреклонен. Да, такого случая может больше не представиться...

Огневая позиция наша – посреди огорода, поближе к мокрому лугу, разделяющему хутор на две части. Хозяйка, чтобы не пропало добро, торопливо, пока тихо, обходит грядки и собирает в передник спелые помидоры, насыпает и нам два полных котелка. Помидоры так красны и сочны, что мы разделываемся с ними, сидя на своих местах, не дожидаясь обеда, которому давно уже пора быть. Кто в наступлении видит свою кухню вовремя, да еще и три раза в сутки? Это мы уже знаем по собственному опыту.

Стоим и наблюдаем. Минут через тридцать – сорок неожиданно вынырнул на поле с той же окраины одиночный T-IV и не спеша пошел по следу тех двенадцати.

В эту минуту майор Гончаров, отобедавший в беленькой хате по соседству, показался в сопровождении обеих приветливых

пышных хозяек на крылечке, буйно оплетенном зеленым хмелем. Кузнецов опять доложил из люка о немецком танке. Командир полка велел своему шоферу подать из «Виллиса», стоящего впритык к хате в тени ивы, бинокль, присмотрелся (Т-IV за это время уже преодолел около половины расстояния до гребня возвышенности) и величественным жестом руки разрешил открыть огонь.

Петров выстрелил. Через открытый смотровой лючок, словно на огромной панораме, мне хорошо видно, как взметнулся черный букет разрыва перед бортом танка. Недолет! Танк испуганно шарахнулся влево и, резко увеличив скорость, скрылся за бугром, пока Лапкин с Бакаевым перезаряжали орудие.

У хаты, в десятке метров от которой стояла наша СУ-152, занялась соломенная крыша. Выскочив из машины, наводчик успел выдернуть из кровли горящий сноп, но пламя в мгновение ока распространилось по серой от времени, сухой, как порох, соломе. Тушить было бесполезно, да и некогда: оттуда, из-за бугра, за который лениво опускалось раскаленное докрасна солнце, густо полетели в хутор снаряды и болванки. Вскоре запылало еще две хаты, а на лугу убило двух ни в чем не повинных коров. Становилось жарко. Гончаров куда-то укатил на своем «козлике». Хата «наша» полыхала вовсю. Уже обнажились стропила и начала кусками осыпаться беленая глиняная обмазка стен. Прибежал вперевалку прятавшийся в погребе хозяин, коренастый, плотный мужик, до ушей заросший щетиной, по-волчьи глянул в нашу сторону и, широко распахнув двери скотного сарая, выпустил на волю сытую лошадь с жеребенком и двух коров. Справа от нас, за дорогой, обсаженной ивами, заработал двигатель самоходки. Она задним ходом отползала с поля из-под прицельного огня в тень деревьев. Сколько орудий бьют, похоже танковых, и что у немцев на уме – нам неясно. Наконец и Кузнецов (почему-то после всех) решил увести машину с открытого места на дорогу, одновременно служившую хуторянам улицей. И стоим мы на узкой улочке, прикрытые с фронта зеленым занавесом из тонких ивовых ветвей, не зная, что последует дальше, и только поеживаемся, если болванка, туго пружиня воздух, свистнет низко над башней. Невозмутимого командира моего все-таки прорвало.

– На кой ляд было палить по этому танку? Его ведь специально оставляли для наблюдения и разведки.

– Но приказ есть приказ, – в тон Петру, не без ехидства, поддакиваю я.

Однако немцы так и не решились отбить хутор, а находилось в нем всего четыре наших машины.

Под вечер потянулась через хутор догнавшая нас пехота, а чуть позже приехал на бронетранспортере командир взвода разведки и передал приказ командира полка: нашей группе передвинуться в соседнее село.

Уже сгущались сумерки, когда Кузнецову указано было место для занятия позиции. Оно находилось в метрах пятидесяти от пересечения улицы с проселком, что тянется по левой окраине села в направлении недалекой, судя по отчетливо слышной стрельбе, передовой. Но здесь – после затяжного «концерта» на Кулачках – нам показалось спокойней и тише.

Поставив машину пушкой к дороге, правым бортом к саду, начали маскировать лоб и левый борт. Только затюкал Лапкин топором по лопоухим отпрыскам, тесно обступившим старый тополь, только подал на башню первую охапку пахучих веток Бакаев – вдруг где-то начал судорожно давиться «ишак»: «И-ы! И-ы! И-ы!» («Ишаком» солдаты прозвали шестиствольный немецкий миномет.) Затем нежно запели в вышине летящие мины. Зная уже, чем кончается это вкрадчивое пение, мы бросились прятаться кто куда: Петров с Лапкиным – под машину, Бакаев плашмя распластался вдоль левой гусеницы, я стоял на башне и быстро соскользнул в люк наводчика. Несколько минут спустя приятная мелодия переросла в пронзительный визг, который оборвало противное резкое кряканье разрывов. Одна из мин упала в саду, совсем близко от нашей машины. По броне зло хлестнули осколки.

Командир наш, прячась в свой люк, замешкался, должно быть, чуть-чуть, и ему вырвало порядочный клок мякоти из шеи. Кровь полилась на гимнастерку. Включаю верхний плафон: артерия, к счастью, не задета. Смазал Петру кожу вокруг раны йодом и туго забинтовал шею индивидуальным пакетом. Во время перевязки Петр возмущался: «Ну что за напасть такая? Не успеешь начать воевать – тут же ранят!» В санчасть он обращаться не стал.

Переждав немного, принялись за маскировку во второй раз – и опять полетели мины. Тогда командир приказал плюнуть на это дело и отдыхать: ночью маскировка не нужна, а придется ли до утра здесь простоять – неизвестно. Первым бодрствовать он назначил себя, так как все равно боль не давала ему покоя, а напарником взял Лапкина. Прикорнули в машине. Но поспать так и не пришлось: «ишак» «сыграл» за ночь не один раз. Последний его залп раздался перед рассветом, когда у колодца, через два двора от нас, кто-то забренчал ведрами. Мины легли вдоль улицы. Когда стихли взрывы, от колодца донесся стон. Мы с Петровым бросились туда. Колодец находился в глубине двора.

Около него лежали оба наших повара: один – убитый наповал, второму начисто срезало осколком пятку левой ноги. У плетня, под деревом, темнела полевая кухня, котел которой они наполняли водой. Пока мы затаскивали раненого в хатенку, подоспела наш санинструктор, зябко позевывая и заправляя под пилотку сбившиеся волосы.

Уже светало, когда впереди нас, на дороге, неожиданно раздался какой-то шум, злые выкрики. Кузнецов приказал экипажу приготовиться на всякий случай к бою и послал к перекрестку Петрова узнать, в чем дело. Наводчик скоро возвратился и доложил, что проходившие по проселку на передний край пехотинцы услышали приглушенное попискивание морзянки, доносившееся откуда-то из-под земли. Насторожились, навострили уши. Подозрение пало на старую, толстую иву, росшую при дороге, у начала нашей улицы. Сердцевина дерева давно сгнила, и на уровне земли, внутри ствола, солдаты обнаружили укрытие, из которого и выковыряли немецкого корректировщика, награждая его крепкими пинками и нещадно матерясь. «Сволочь!» – сказал Петр и потрогал присохшую к ране повязку. Чтобы посмотреть в сторону, ему приходится поворачиваться всем корпусом.

Очень рано двинулись вперед. Снова преследуем. Нас предупредили: сплошной линии фронта нет, и надо каждую минуту быть наготове.

Дорога прихотливо петляет, и это уже к середине дня сильно измотало меня, так как машина забегает на больших радиусах влево (наверное, ведет левый фрикцион), а срезать углы напрямик через поле нельзя: обочины могут быть заминированы.

Слева, рядом с дорогой мелькают серые телефонные столбы с оборванными, спутанными проводами. Многие из них накренились, некоторые держатся только на проводах, угрожающе нависая чуть не над большаком, иные вовсе лежат на земле.

Помпотех Корженков восседает на лобовой броне, свесив ноги в пыльных сапогах по бокам смотрового лючка. Если требуется остановить машину, каблук загораживает середину прямоугольного отверстия, через которое я только и имею возможность видеть мир, то есть вести наблюдение. Это тоже надоело, так как останавливаться приходится то и дело. И потом у меня есть свой командир. Вообще, что за скотская привычка подавать команды ногой, как будто для этого рук нет! И вот, когда я «пилю», усталый, потный и злой, прижимая к себе левый рычаг, отчаянно стараясь одолеть очередной поворот с ходу, без остановки и без включения задней передачи, осточертевший

каблучище снова повисает перед моим носом. Закипая от ярости, решаю «не замечать» сигнала и продолжаю нажимать на педаль газа. Вдруг оба помпотехова сапога странно дернулись и, мелькнув перед моими глазами, исчезли. По крыше башни кто-то громко забарабанил прикладом. Остановив машину, высовываю голову из люка наводчика: Корженков лежит навзничь на башне, опрокинутый и прижатый натянувшимся проводом, который зацепил его за шею, и хрипит. Испугавшись, спрыгиваю к рычагам и подаю самоходку назад, а Петров перерубает проволоку на ребре башни – и помпотех освобожден. Отдышавшись, он начинает сипло и тонко ругаться. На его счастье, машина шла не очень быстро и он успел перехватить проволоку, защищая горло, иначе дело могло бы закончиться скверно. Колонна двинулась дальше, и шею, ободранную до крови, помпотеху перевязали уже на ходу. На башню он больше не садился и долго еще дулся на меня.

Весь этот день и три последующих промелькнули как во сне: марш – короткая атака – марш – неожиданная стычка – снова марш вперед или на другой участок. Мы продолжаем наступать днем и ночью, сбивая немца, пытающегося зацепиться за каждый мало-мальски пригодный для обороны рубеж. Иногда противнику это удается, но ненадолго, максимум на несколько часов. За это время взяли Казачью Лопань, Красный Хутор, Дергачи, вступили на территорию Украины. Мы уже действуем в Харьковской области.

По случаю начала освобождения Украины в полку состоялся летучий митинг. Мы только что выбили немцев из какого-то села. Возле машин появился капитан Кондратьев, замполит полка, который часто наведывается к нам. Он и открыл митинг, стоя на крыле самоходной установки:

– Дорогие сельчане, товарищи! Поздравляем вас с первым днем свободы, с возвращением к нормальной, советской жизни! Да, война еще не кончилась, и много трудностей ждет и солдата, и хлебороба впереди, но Красная Армия – армия народа – твердо знает свои задачи и в силах так разделаться с фашистской чумой, что не только вашим детям, но и внукам ваших внуков никогда не придется испытать ужасов войны. Мы обещаем вам это!

А вас, дорогие боевые друзья, поздравляю с первым населенным пунктом, который вы освободили сейчас на многострадальной Украине! Многих своих друзей и товарищей потеряли мы за эти немногие дни... И тем дороже для нас эта малая пядь родной земли, по которой отныне могут ходить без опаски наши советские граждане. Так вперед же, товарищи, на полный разгром немецко-фашистских захватчиков! Кто еще

желает сказать?

– Разрешите мне, – раздался голос из негустой толпы солдат и местных жителей. Вышел украинец Клименко, радист, заговорил задумчиво: – И поля таки ж, и балки, и сады, и хаты, и люди... наши люди!

Он поклонился низко старикам и женщинам: «Здравствуйте!» – потом почерпнул широкой ладонью горсть сухой теплой земли и, поднеся ее к лицу, продолжал тихо, но очень слышно:

– Ридна зэмле! Мы вэрнулысь до тэбэ... назовсим!.. Тоби на радисть, маты Вкрайино, поганому ворогови на смэрть! – Он смутился, прижал к груди кулак с землей и, отойдя в сторонку, незаметно смешался с бойцами.

Механик-водитель Кураев:

– Мой дом за тысячи километров отсюда, но враг украинца – это смертельный враг и казаха, потому что Родина у всех нас одна. Клянусь драться за нашу Украину, как за свой отчий дом!

Раздвинув баб и девчат с мокрыми глазами на улыбающихся лицах, медленно подошел к «трибуне», опираясь на длинный посох, высокий высохший дед, с бронзовым лицом в серебряном окладе бороды, с ясными по-детски глазами. Выпрямившись, он неторопливо снял старую выгоревшую брылю с обвисшими полями, кашлянул густо и заключил:

– Добрэ, сынкы, воювалы, добрэ и сказалы. Спасыби вам. И дай вам Бог скорише зныщиты усих фашистив и повэртатыся до дому.

И старый крепко обнялся с нашим капитаном.

Митинг окончился. Женщины торопливо суют солдатам спелые яблоки, синевато-фиолетовые и желтые сливы, красные, как кровь, помидоры, приговаривая ласково: «Что Бог послал, а немец не сожрал».

С головной машины раздался громкий голос капитана Стегленко:

– К машинам! По местам! Заводи!

Колонна боевых машин медленно миновала улицу с бегущими по обочинам и что-то кричащими ребятишками, с девчатами, машущими вслед платочками, и, выйдя в поле, устремилась дальше, набирая скорость.

В один из этих очень жарких (не только из-за солнца) дней сводная батарея нашего полка – всего три машины, – оторвавшись далеко от своей пехоты, остановилась прямо на полевой дороге, на самом верху холма с пологими, спокойными склонами. Дальше двигаться одним было опасно, а отсюда отличный круговой обзор.

Сплевывая мелкий сухой песок, постоянно хрустящий на

зубах, экипажи, оставив по наблюдателю на каждой башне, располагаются в куцей тени своих машин для перекура. Водителей без труда можно узнать по воспаленным, покрасневшим глазам.

Знойно и тихо. Над отдаленными холмами струится марево, в начинающей увядать траве упоенно стрекочут невидимые степные музыканты. Время тянется томительно медленно, начинаю клевать носом. Вдруг с последней машины громко крикнули: «Внимание! С тыла подходит наша пехота!» Все лениво повернули головы в ту сторону, где проселок, окаймленный редкими пыльными кустами, делает крутой поворот и скрывается под бугром, но ничего не увидели. Только спустя несколько минут в поле нашего зрения возникла голова, затем плечи – и вот уже одинокая фигурка движется по дороге, вздымая облачка легкой желтой пыли при каждом шаге. Когда солдат поравнялся с нашей небольшой колонной, все мы невольно заулыбались: очень уж мал был ростом и забавно выглядел этот первый вестник нашей славной «царицы полей». Наискось, поперек груди солдатика висел на укороченном ремне ППШ, казавшийся непомерно большим. Из-за автомата выглядывал вздернутый веснушчатый нос и поблескивали живые, совершенно ребячьи глаза. Маленькая пилотка надвинута на бровки, добела выгоревшие на летнем солнце. Обмундирование, однако, перешито по росту и хорошо подогнано, только сапоги великоваты. Вся одежда, от пилотки до сапог, запорошена пылью.

Подойдя к нашей машине, он поздоровался, стараясь говорить басом, но это у него плохо получалось. Заметив наши улыбки, обиженно насупился.

– Эй, солдат! Ты что же, один наступаешь? – весело поинтересовался кто-то из самоходчиков, исподтишка подмигивая товарищам.

– Не, с ротой.

– С какой ротой? Это которая никак не может вырваться из населенного пункта Казачья Лопань? Говорят, она попала там в окружение…

Парнишка недоуменно заморгал белыми ресницами, всматриваясь в непроницаемо серьезное лицо шутника:

– Как же так? Мы ведь немца из Лопани выбили… там бой был.

– Это мы знаем, поддерживали вас… и видели, как ваших окружили…

– ?? – Незнакомец тревожно переступил с ноги на ногу.

– …тамошние хозяйки.

Все, слышавшие этот разговор, покатились со смеху,

захихикал и парнишка. Кто-то дружески обнял его за плечи, а техник-лейтенант Скоморохов, водитель с первой машины, харьковчанин, сказал смеясь:

– Так что, брат, придется тебе занимать здесь вместе с нами круговую оборону и загорать, пока твои победу празднуют. А казачки там добрые – ты не опасайся.

– Садись-ка к нам в тенек, перекури, – протянул кисет Петров.

– Некурящий я, – мотнул головой парнишка, и сквозь загар и пыль на его щеках пробился румянец. – Весело у вас, – переключился он на другую тему, – здорово подначиваете... А наши поотстали. С зорькой выступили и все идем да идем почти без передышки. Я-то легкий: у меня один автомат.

Он уселся под бортом самоходки, положил ППШ на колени и попытался выбить из гнезда круглый толстый диск, но тот не поддавался. Смутившись еще больше, маленький солдат проворчал:

– Туго снимается, ч-черт!

– Дай-ка попробую, – предложил я.

Диск в самом деле сидел очень туго, и детской руке совладать с ним было не под силу.

– Спасибо, дядя, – поблагодарил мальчишка, не зная, как надо обращаться ко мне, потому что я был в комбинезоне, и, ловко вставив на место другой, снаряженный, диск, начал привычными движениями набивать короткими желтыми патронами снятый.

– И не боязно тебе, хлопчику, воевать? – сочувственно спросил, подойдя к нашей группе, добродушный сержант Кот, заряжающий из экипажа Сулимова.

– Как бы вам сказать? – рассудительно отвечал тот (ему приятно было общее внимание взрослых, хотя оно одновременно и стесняло его). – Большому, наверно, страшней: в него попасть легче. А я и между картошечных грядок залягу – меня не заметишь. У нас в полку еще пацаны есть, только постарше. Фриц упрется – ротный нас к себе: «А ну-ка, ребятки!» А мы свое дело знаем: незаметно, где по-пластунски, где на карачках, где бегом проберемся немцу в тыл или на фланг и поднимем шум. Отвлечем внимание противника – рота сразу вперед. Фриц-то теперь, сами знаете, пошел осторожный: окружения шибко боится, чуть что – драпает... Так и воюем.

Помолчали.

– А тебе-то самому сколько?

– Тринадцать – четырнадцатый идет.

Мы невольно переглянулись. Кот надвинул брови на глаза и крепко взялся рукою за правый ус. Да, крепко насолил фашист

нашим людям, такие горы горя обрушил на землю нашу, что даже дети взялись за оружие...

Потолковали еще немного. Мальчишка оказался моим земляком из-под Смоленска. Отец и мать погибли у него на глазах от немецкой бомбы в начале июля 1941-го, а несколькими днями позже одиннадцатилетнего пацана подобрали солдаты стрелкового полка, отступавшего в наших краях. Землячок прижился у красноармейцев, которые его всячески оберегали, стойко перенес кошмар длительного отступления и теперь идет с родным полком на запад.

В этом году ему доверили автомат.

Разговаривая с нами, он не забывал внимательно посматривать назад, на дорогу, по которой пришел, и вдруг быстро поднялся, оборвав беседу на полуслове:

– Наше боевое показалось. Ну, мне пора. Счастливо вам!

Привычным движением переведя на грудь автомат и сразу сделавшись как-то старше и собраннее, мальчик-солдат зашагал по дороге вперед. И я не успел даже спросить у него имя.

Через двадцать минут на нашем бугре появилась усталая пехота – рота численностью чуть побольше взвода, – и мы двинулись дальше, предварительно разгрузив или посадив на броню тяжело навьюченных солдат. Каждый из них, кроме личного оружия и снаряжения, что-нибудь да тащил на себе: либо длинное и тяжелое противотанковое ружье, либо ручной пулемет, либо ротный минометик, либо ящик с минами или патронами.

В Казачьей Лопани (или это было в Красном Хуторе?) противник, успев крепко окопаться, встретил нас интенсивным огнем. Особенно досаждали минометы – главный недруг пехотинцев, а используют немцы в бою свои минометы мастерски, ничего не скажешь. Пехота наша кое-как подобралась к крайним хатам и там застряла. Тогда нескольким тридцатьчетверкам и батарее наших СУ приказано было помочь пехоте огнем и гусеницами. Разбросанное по склонам балок и балочек большое село все опоясано и пересечено окопами и траншеями, через которые то и дело приходилось переползать нашим машинам с риском засесть. Немцы беспрепятственно пропускали боевые машины и снова с ожесточением принимались бить по пехоте. Видимо, у них было маловато артиллерии. Приближаясь к одной из линий окопов, в смотровую щель прямо перед собой вижу, как солдаты в мундирах неприятного, мышастого цвета шарахнулись, словно тараканы от света, влево и вправо по окопу, показывая горбатые спины. В нескольких метрах от самоходки выпрямился вдруг офицер, отводя руку со связкой гранат назад – для броска. Быстро выжимаю акселератор до упора – машина, взревев,

ринулась на свежий бруствер, мелькнула в воздухе офицерская фуражка...

– Эх, сапоги какие пропали! Хром... – раздается в наушниках голос наводчика, должно быть увидевшего через перископ, что осталось от гитлеровца. – Опытный, однако, был стервец: и мертвую зону нашу знал, и что у нас ни одного пулемета нет. И не робкого десятка.

Проскочив открытое место, самоходка закружилась по старому, заросшему саду. У его края Кузнецов приказал мне остановить машину, чтобы осмотреться: в наступившей неразберихе можно было влепить по своим. И тут почти рядом с машиной, чуть правее, в тени старых слив, замечаю странное устройство, установленное в неглубоком круглом окопе. Шесть черных широких стволов неизвестного калибра, собранные в «пучок», были слегка приподняты и смотрели прямо в мой люк, точно разинутые голодные пасти. Под трубами виден был массивный лафет на колесах с резиновыми шинами.

– Тьфу, черт!.. Никак «ишак»! – выругался при виде страшилища бывалый Петров. – И такое сокровище фрицы бросили... Это ж надо!

Так состоялось мое «личное» знакомство с «живым» шестиствольным минометом, пользующимся на фронте дурной славой. Свое прозвище «ишак», или «скрипач», этот миномет получил от наших солдат за надсадные, терзающие душу звуки, которые он издает в те мгновения, когда изрыгает поочередно из своих жерл шесть тяжелых мин. Если же миномет ведет огонь издали, то звуки его, приглушенные расстоянием, напоминают однообразный скрип, наподобие коростелиного. Кроме осколочных, в его ассортименте имеются и фугасные мины, опасные даже для тяжелых танков и СУ в случае попадания в верхнюю броню.

В пяти метрах позади «ишака» негромко пофыркивал заведенный тягач. Очевидно, при появлении наших танков в центре немецкой обороны расчет в панике бежал, не успев даже прицепить свой миномет.

Давно уже стоит изнуряющая жара, земля растрескалась от сухости, над полями и дорогами наступления плавает мелкая, въедливая пыль. Быстро засоряются воздухофильтры. Двигатели «коптят» и перегреваются. Промывать фильтры некогда: мы почти все время в движении. А перепадет редкий час для техосмотра, то снимать фильтр – сущая мука: добираться до него очень неудобно и в придачу в трансмиссионном отделении все так раскалено, что дело не обходится без ожогов. Рабочих рукавиц у нас нет. Чтобы снять фильтр, надо залезть головой вниз в трансмиссионный люк

(снаружи остаются только ноги и то место, из которого они растут) и, стараясь не обжечься о коробку перемены передач и бортовой фрикцион, дотянуться до моторной перегородки, в вырезах которой, слева и справа от двигателя, тоже пышущего жаром, установлены мучители танкистов. Устанавливать фильтр еще трудней. Он тяжел, и двух рук явно недостаточно, чтобы, удерживая его в нужном положении, прихватить затем двумя стяжными лентами. Во время этих адских мучений кто-то снаружи должен крепко держать тебя за ноги, дабы ты совсем не провалился в эту «геенну трансмиссионную».

Как-то прямо в поле производили мы текущий техосмотр. Лапкин с Бакаевым солидолили подшипники опорных катков, мы с Петровым возились с воздухофильтрами. Подкатила, переваливаясь с боку на бок, зеленая машина-фургон и остановилась поодаль. К нам пожаловал собственной персоной начфин полка. Он предложил командиру и мне привести в порядок свои денежные дела, то есть оформить свои вкладные книжки или же денежные аттестаты для своих семей. Мы с Петром, не раздумывая, согласились отправлять деньги полностью матерям. Зачем нам здесь «капиталы»?

В один из этих горячих дней погиб Иван Конев – помпотех 2-й батареи и полный тезка нашего командующего фронтом. Чудесный парень, не чета нашему Корженкову.

Три наших СУ-152, целый день наступавшие на пятки отходящего противника, под вечер застряли перед железнодорожной насыпью, которую держал под контролем «Тигр». Он удобно устроился в отдалении на возвышенности и открывал убийственный прицельный огонь с дистанции 1000-1500 метров, как только в секторе его наблюдения появлялось что-нибудь, достойное его внимания. Словом, прижал.

Тогда Конев, человек энергичный и не робкого десятка, рассердился. Его просто бесила безнаказанная наглость «Тигра», и, кроме того, действия экипажей наших самоходок показались ему не очень уверенными. «Разве так надо? Дай-ка я сам...» – С этими словами помпотех (он, наверное, раньше воевал водителем) высадил из машины своей батареи водителя Полянского и сел за рычаги. Под прикрытием насыпи Конев с помощью наблюдателя развернул самоходку орудием в том направлении, где «пасся», время от времени меняя позицию, «Тигр». Орудие заранее зарядили бронебойным и с заведенным двигателем стали выжидать момента, когда вражеский танк разрядит свою пушку по какой-нибудь цели. Для этого другая самоходка начала проявлять «активность», ползая вдоль насыпи и показывая немцам из-за нее то конец орудийного ствола, то

самый верх башни. В «Тигре» не выдержали. Выстрел грянул – машина Конева ринулась на откос и почти вылезла на полотно. Однако «Тигр» опередил выстрелом (много значит унитарный патрон!) нашу самоходную установку, вздыбившуюся над насыпью. Снаряд попал в маску, левее ствола. Машина, так и не успев принять горизонтального положения, сползла задом под откос.

Все, кроме Конева, вылезли из люков. Помпотех остался сидеть за рычагами, упершись толстым налобником танкошлема в триплекс. Его окликнули, но ответа не последовало. Заглянули в люк. Болванка не влетела внутрь башни – она застряла в лобовой броне. Головка снаряда даже выставилась немного из броневого листа в полуметре над склонившейся головой водителя. Экипаж, оглушенный ударом по броне, с трудом вытащил Конева наружу: помпотех был человек крупный и тяжелый и по-прежнему не подавал признаков жизни.

Как раз в эту минуту, «хромая», приползла моя машина. С Конева стянули комбинезон, сняли шлем и гимнастерку, но на обнаженном до пояса теле не нашли ни единой царапины. Ни врача, ни санинструктора среди нас не было. Стали растирать Ивану грудь, делать искусственное дыхание – ничего не помогает. Все подавленно замолчали... Тут наводчик из экипажа Полянского, растерянно вертевший в руках шлем помпотеха, случайно обратил внимание на небольшую дырочку в плотной материи с наружной стороны шлема. Дырочка оказалась сквозной. Кто-то поерошил густые волосы Ивана и обнаружил на темени крошечную запекшуюся ранку...

Здесь же, за насыпью, слегка ранило вне машины водителя Русских. Ребята считают его «сачком» и говорят, что он дешево отделался. Но почему везет вот таким?

Наступила темнота, и в нашей низине, да и наверху, в поле, почти ничего нельзя стало различить. Можно было, пользуясь ночным временем, просто уйти из этой ловушки, но мы решили наказать ставший нам поперек горла танк, который и теперь продолжал бить на звук мотора. На фоне безлунного темно-синего неба, как смутная тень, как призрачное видение, возникнет вдруг черный расплывчатый силуэт, полыхнет ярко-оранжевой ослепительной вспышкой – и тотчас исчезнет, сольется с чернотой поля, подвинувшись вниз по склону высоты. Болванка с противным коротким свистом пронесется над невысокой насыпью, кажется, над самой твоей головой. Из наших машин могут действовать три. Первая часть нашего плана – занять огневые позиции. Это делаем по примеру погибшего Конева: одна из машин бегает с нашей стороны насыпи, то и дело резко

увеличивая обороты, так что в густой, могучий рев шестисотсильного дизеля врывается пронзительный визг пробуксовывающего вентилятора, а две другие на возможно малом газу, стараясь не выдать себя искрами из выхлопных патрубков, по одной ползут от насыпи, удаляясь друг от друга, в сторону деревни, хаты которой едва белеют позади нас, на бугре. Отъехать самоходкам необходимо на такое расстояние, чтобы насыпь не мешала стрелять по черному полю. Ночная охота началась. Поднявшись по склону на высоту насыпи, обе машины выключили двигатели. Теперь все экипажи начнут слушать «Тигра». Шума работающего бензинового двигателя, который установлен на немецких танках, не расслышишь, когда наш двигатель работает даже на холостом ходу. Издеваясь над нашей «глухотой», «Тигр» попросту будет играть с нами в «кошки-мышки», оставаясь неуслышанным, а ты не будешь знать, где сверкнет его выстрел и откуда ждать очередной болванки.

Но вот условный сигнал по рации: «Перепелка! Спать пора!» Это значит, что отвлекающая машина (эту роль отвели нашей СУ) должна заглушить двигатель, чтобы те две наверху могли засечь на слух фашистский танк. И мы тоже напряженно вслушиваемся, открыв люки, кроме командира, который держит связь по радио с другими экипажами, и лежащего на насыпи наблюдателя из машины с неполным экипажем. Всем хочется отплатить за Ивана Конева.

– Нет, не спится, – раздается в наушниках Кузнецова зевающий голос, и я снова начинаю вовсю реветь и рычать мотором, пока наши наверху производят грубую наводку, разворачивая самоходки в том направлении, откуда донеслось приглушенное расстоянием жужжание «тигриного» двигателя.

«Тигру» достаточно довернуть башню, чтобы поймать нас в прицел, а самоходке приходится крутиться всем корпусом. У нас раздельное заряжание – у них унитарный патрон и полуавтоматика. Но наших машин три, и одного попадания бронебойным снарядом из нашей пушки достаточно для уничтожения любого танка. Кроме того, немцы сейчас видят не больше, чем мы, то есть ничего.

В соответствии со сложившейся обстановкой продолжаем проводить свой план. Нашей машине задача: спровоцировать «Тигра» на выстрел, а двум другим, ожидающим наготове, – успеть ударить по вспышке. Наше орудие тоже заряжено, и по всему виду Петрова, прильнувшего к прицелу, чувствуется, как не терпится нашему наводчику влепить снаряд в лоб фашисту.

Погазовав на месте, моя самоходка начинает взбираться кормой вперед на бугор, выделывая зигзаги и добросовестно

рассыпая снопы красноватых искр, чтобы из «Тигра» могли заметить. Ждать долго не пришлось – сверкнул огонь на конце орудийного ствола немецкого танка и на мгновение выхватил из чернильной тьмы, разлившейся над полем, очертания угловатой массивной башни, а секундой-двумя позже сердито рявкнули почти в один голос, во всю мочь своих шестидюймовых глоток, две самоходки, и две зеленовато-синие трассы прошили темноту. Петров задержался с выстрелом, так как целился на ходу и к тому же по памяти: слишком неверный ориентир – мгновенная вспышка выстрела в непроглядной черноте огромного поля. Все три самоходки быстро сменили свои позиции, оставаясь, однако, выше уровня насыпи, готовые в любой момент продолжить дуэль.

В танк, по-видимому, мы не попали, но и повторять свой прием нам больше не пришлось: бронированный зануда, получив такое грозное предупреждение, не отвечая, уполз в ночь. Командир немецкого танка не стал рисковать своей головой и машиной, тем более что свою задачу «Тигр» выполнил, заставив нас топтаться на месте целых четыре часа...

– Выпалили в белый свет как в копеечку! – в сердцах подытожил Петров, не любивший тратить снаряды зря. – И почему на случай ночных стрельб не придумают для нас какого-нибудь осветительного снаряда? Есть же у фрица и «фонарь» для летчиков, и осветительные ракеты для пехоты...

Ночь прошла в движении, и рассвет догнал нас на марше. Днем в каком-то селе, из которого перед самым нашим приходом удрали немцы, не успев даже поджечь крестьянских хат, все, кто только мог ходить, высыпали на широкую улицу встречать нас, натащили яблок, слив, арбузов. А ведь остановилась колонна лишь затем, чтобы узнать, по какой дороге отступили фашисты. Пока комбат расспрашивал жителей, женщины и дети, особенно вездесущие мальчишки, совали в руки и карманы самоходчиков, проталкивали в смотровые люки или клали на крылья и забрасывали на башни машин свои нехитрые гостинцы, весело крича и перебивая друг друга. Поднялась настоящая веселая суматоха. Оставив шлемофон на сиденье, вылезаю, как и другие, размять ноги, а главное – порадоваться на счастливые лица и сияющие глаза людей, окруживших наши машины. Из кучки женщин торопливым семенящим шагом выходит старушка в черном платье и черном платке, замирает на минуту, приглядываясь, и вдруг с плачем обнимает меня:

– Сыну... сынку Васылю.

Горло ее перехватывают сильные спазмы, и она то молча припадает головой к моей груди, смачивая комбинезон слезами, то жадно всматривается в лицо мое, прерывисто шепча:

– Живый... вэрнувся, риднэсэнький... Чотыри рокы чекала...

Потрясенный до глубины души и сам чуть не плача, невразумительно бормочу что-то, пытаясь объяснить старой женщине, что я – не ее сын, что я даже не здешний, но она от волнения ничего не слышит, а может быть, просто не понимает, о чем ей говорят, не замечая, что в моей речи нет ни одного украинского слова. Придерживая ее за вздрагивающие худые плечи одной рукой, другой достаю из левого кармана гимнастерки удостоверение личности и протягиваю девушке, стоящей поблизости, чтобы она прочитала матери, что я – не Василий.

Тут вмешивается седоусый старик:

– Ни, стара, цэ нэ твий сын... Який же ж сын нэ прызнае ридной маты?

– И лыце його, и росточок, и голос... и танкист мий Васылько... Як же нэ вин? – не может никак успокоиться расстроенная мать.

Клименко-радист, с которым мы испытываем обоюдную неприязнь, приходит мне на выручку. Мягким, ласковым тенорком он утешает по-украински так жестоко ошибившуюся мать:

– Не плачьте, мамо... не надо. Вернется ваш Васыль, вот как мы... Гитлера добьет и вернется... А этот хлопец издалека, из Смоленска он, русский...

– Эк, растолковал, – прищурился на Клименко старик, сердито шевельнув длинными козацкими усами. – А украинцы, по-твоему, кто же такие? Да ты знаешь ли, откуда Русская земля пошла?

Девушка обняла старушонку, немного пришедшую в себя, и увела куда-то. А от головы колонны уже покатилось:

– По местам! Заводи!

Молодая женщина в светлом нарядном платье (и когда успела переодеться?) бегом провела наши машины через заболоченную низину наперерез поспешно уходящим немецким танкам и автомашинам с пехотой. Она легко перепрыгивала с кочки на кочку, мелькая загорелыми икрами и держа в одной руке туфельки, а другою подбирая подол, чтобы не забрызгать его грязью.

Благодаря помощи этой неизвестной женщины (здешней учительницы, как удалось выяснить замполиту полка) мы успели «прихватить» хвост отступающей колонны и подбить при этом «Тигр» и приземистую среднюю самоходку какой-то странной желтой масти, видимо роммелевскую, прибывшую на Украину прямо из Африки и даже не успевшую сменить свою «шкуру» –

камуфляж. На лобовой броне машины, под стволом орудия, нарисован красной краской нахально осклабившийся, широкий, от угла до угла башни, рот. Ствол пушки на этой противной роже обозначал нос.

Это штурмовое оружие было оставлено, по-видимому, прикрывать отход. Оно ловко притаилось на дороге, во впадине между двумя песчаными пригорками, но засада не удалась, так как наши машины, сокращая путь и торопясь оседлать дорогу, наскочили на длинноносую «африканку» с правого борта. Первый же снаряд из головной СУ-152, разорвавшись возле самой гусеницы, проломил желтую бортовую броню. Старая, ржавая подкова, прикрепленная к тыльной стороне башни, так и не принесла фашистам счастья.

До замыкающих немецкую колонну машин было уже, как говорится, рукой подать, когда нашу СУ постигла неудача: мы «накормили» ее пушку песочком. Наводчик после выстрела не подвысил ствол, и наша самоходка, преодолевая какую-то широкую канаву, «клюнула». Пушка при этом слегка задела дульным тормозом противоположную стенку рва. Хорошо, что командир наш был начеку. Тотчас раздалась команда: «Стоп!» Сперва провинившийся Петров, опустив ствол до предела, выскочил из машины и, засовывая руку в жерло чуть не до самого плеча, горстями выгреб оттуда песок с землей, а командир с заряжающим свинтили три трубы банника в одно целое. После этого дружно, всем экипажем, продраили горлышко своей красавице. В результате, пока мы потели, занимаясь ее туалетом, бой с огрызающейся на ходу колонной постепенно удалился от нас.

Догоняя своих, пересекали мы обширную бахчу, разбитую на пологом солнечном склоне балки. День стоял очень жаркий, и всех мучила жажда. Кузнецов, прислушиваясь к отдаленным голосам наших СУ, разрешил ребятам сорвать пару арбузов, но Лапкин и Бакаев быстро вернулись назад с пустыми руками. Ни одного целого кавуна, даже мелкого, поблизости не нашлось: все они были расколоты ударами прикладов или кованого каблука, иные изрублены штыками. Какая сволочная аккуратность!.. Судя по обширной площади, бахча принадлежала какому-нибудь «виртшафтлеру» – новоявленному украинскому помещичку из немцев.

Наша 53-я армия, выполняя поставленную ей задачу, ведет наступление на Харьковском направлении, придерживаясь шоссе Белгород – Харьков.

Во второй половине дня несколько самоходок из разных батарей остановились слева от шоссе в тенистой тополевой аллее,

ведущей в недалекое село.

Не доезжая этой аллеи, видели приятную картину: большое немецкое кладбище со свеженасыпанными длинными могилами. Могилы обозначены березовыми кольями (по числу убитых), выстроившимися в строгие шеренги. Колья в каждой шеренге соединены между собой общей жердью – перекладиной, образуя сразу множество прямых католических крестов.

Старые фронтовики говорят, что это усовершенствование изобрели практичные немцы из похоронных команд, чтобы облегчить свой нелегкий труд по изготовлению огромного количества крестов, на которые здесь, на Восточном фронте, спрос в последнее время особенно велик и неизменно продолжает расти. Что ж, ради такого дела мы готовы пожертвовать энным количеством наших березовых рощ. Не обеднеем: берез и осин у нас много.

Несмотря на трудолюбие и аккуратность немецких гробокопателей, по обеим сторонам шоссе то и дело попадаются не убранные в спешке трупы. Некоторые из них из-за жары уже начали разлагаться и отравляют воздух тяжелым смрадом. Особенно бросался в глаза безобразно раздувшийся и поэтому кажущийся огромным труп раскормленного фашиста в черной форме, должно быть эсэсовца. Он валялся слева от дороги, у самого кювета.

Стоим в тени, внимательно посматриваем вперед. Слева – село, в нем наша пехота. Прямо – широкое поле, за ним молчит лесок. Километрах в трех впереди, правее шоссе красиво раскинулось на высоте еще одно село, белея стенами хат среди зелени садов. По словам пехотинцев, немцев там уже нет, и наш замполит, капитан Кондратов, пожилой, спокойный мужчина, отправился зачем-то туда на «Виллисе». Когда «Виллис», пыля, начал подниматься по проселку в гору, откуда-то из-за села послышались глухие хлопки немецких минометов. Как на ладони мы видели зеленый юркий «козлик», мечущийся среди черных разрывов. Один из взрывов перевернул машинку. Бронетранспортер разведвзвода прибуксировал исковырянный осколками «Виллис» с убитыми шофером и автоматчиком и с тяжело раненным замполитом.

Капитан Кондратов, хотя он и суровый с виду, мне лично нравится. Он по-настоящему заботится о людях, но делает это как-то ненавязчиво и никогда не подчеркивает этого. У него простое худощавое лицо, хорошо знакомое всем в полку. Оно может быть и приветливым, и строгим – по обстоятельствам. Только вчера (или позавчера?) замполит вызывал меня к себе, когда колонна наша была остановлена на полчаса для текущего

техосмотра.

К моей машине подбежал ординарец, убитый сегодня, и, обратившись к моей спине (я в эту минуту заглядывал в левый трансмиссионный люк), весело крикнул:

– Товарищ техник-лейтенант, вас к замполиту! Отсюда третья хата, слева по ходу, – показал он для верности рукой и двинулся дальше вдоль колонны разыскивать кого-то еще.

На приеме у начальства, даже полкового, в одиночку мне ни разу не случалось бывать, и неожиданный вызов озадачил меня: с чего бы это такая честь? Явившись без промедления, докладываю.

– Вот, – протягивает Кондратов мне небольшую бумажку, – читайте.

Пробегаю глазами быстрые мамины строчки:

> «Тов. начальник!
>
> Прошу ответить мне, матери лейтенанта П. (указаны полностью моя фамилия, имя, отчество), адрес его...
>
> Я очень беспокоюсь о нем, потому что мои два письма вернулись обратно, да и от сына нет ни одного письма после трех открыток с дороги на фронт, которые я получила.
>
> Прошу Вас, не задержите ответ. Возможно, изменился номер полевой почты, тогда почему Леся не пишет мне нового адреса. Поругайте его, что он доставил мне беспокойство.
>
> А если его уже... нет, напишите, т. начальник, по адресу:
>
> пос. Сампур, Тамбовской области,
>
> Райком ВКП(б) – Смирновой Александре Григорьевне.
>
> С приветом,
>
> Мать П.»

Кровь ударила мне в лицо, мне трудно поднять глаза от бумаги, но я чувствую, что капитан внимательно наблюдает за мной. Наконец он заговорил:

– Ну, что скажете?

Сказать мне, понятно, нечего, но все-таки, неловко переступив с ноги на ногу, я начинаю лепетать что-то в свое оправдание. И какой черт дернул меня!

– Наступаете? Бои? Та-ак... – Взгляд Кондратова стал жестким. – Значит, черкнуть несколько слов, чтобы мать знала, что ты жив-здоров (а большего ей и не нужно), времени у вас абсолютно нет?.. Садитесь, – замполит указал мне на табурет возле подоконника, где лежал лист чистой бумаги и карандаш, –

и пишите!

Через пять минут письмецо было готово. Капитан взял у меня из рук сложенный треугольником лист и сказал:

– Я сам отправлю. Так будет вернее. Вдруг вам опять будет «некогда»?

В заключение «проработки» замполит подарил мне на память мамино письмо. Оно бережно хранится в левом нагрудном кармане моей гимнастерки.

* * *

После неудачной разведки в направлении села, перед которым ранило Кондратова, все наши шесть машин, выйдя в поле, открыли огонь по высоте, но минут через пятнадцать-двадцать налетели фашистские штурмовики, и нам пришлось снова уйти в тень посадки. Покружившись над полем и ближним селом, самолеты приступили к делу. Странно, что пикировщики заходили не вдоль аллеи, а почему-то поперек ее, и бомбы рвались то с недолетом, то перелетев дорогу, на которой стояли наши машины в нескольких десятках метров друг от друга. Нам бы наверняка не поздоровилось, если бы немецкие асы оказались более сообразительными.

Устав за день от духоты и жары, я вылез из машины перед самым началом бомбежки и с равнодушной опаской следил сквозь просветы между кронами тополей за бомбами, косо несущимися вниз. Расслышав нарастающий свист, прорвавшийся сквозь отвратительное, душераздирающее завывание авиационных моторов, бросаюсь вместе с соседями на землю или прячусь то за левый, то за правый борт самоходки, то прижимаюсь к лобовой броне перед своим люком. Ефрейтор Шпилев, разведчик, сероглазый, плечистый парень выше среднего роста, ненамного старше меня, с интересом наблюдает за моими маневрами, удобно привалившись спиной к левой гусенице под ленивцем и спокойно покуривая самокрутку. Перед третьим заходом «Юнкерсов» он с участливой улыбкой, без издевки сказал:

– А вы не бойтесь, техник, свиста: эти бомбы мимо прошли. Свою не услышишь и даже...

Тут его слова оборвал оглушительный грохот. Взорвался КВ, замешкавшийся на шоссе, метрах в двухстах от въезда в нашу аллею. Когда дым рассеялся, мы со Шпилевым увидели на асфальте только груду больших обломков: прямым попаданием бомбы танк разнесло на куски.

– ...и даже испугаться не успеешь, – закончил разведчик свою мысль. – Вот как они, – показал он туда, где минуту назад стоял танк. – Эх, не повезло ребятам!

Наконец стервятники отбомбились, порядком исковыряв землю по обеим сторонам неширокой посадки. Мы было вздохнули с облегчением, но на поле впереди начали рваться тяжелые снаряды, а с отдаленной опушки полетели в нашу сторону болванки, с характерным свистом буравя воздух. Всем экипажам было приказано занять свои места в машинах и держаться наготове. Вскоре по аллее прошелестело сообщение солдатского телеграфа: немцы собираются контратаковать при поддержке «Тигров». Но сколько мы ни напрягали зрения, ни одного немецкого танка так и не увидели.

Кто-то из комбатов (старшего начальства после ранения капитана Кондратова здесь не было) принял команду на себя и приказал всем экипажам открыть ответный огонь с места, а после нескольких залпов выдвинул три машины, в их числе и нашу, в направлении леска, чтобы подавить огневые точки противника прямой наводкой.

Петляя среди бомбовых воронок, три СУ вышли в чистое поле. Кузнецов и Петров оказались и на этот раз на высоте: стреляли метко и часто, так что Лапкин с Бакаевым взмокли, едва поспевая перезаряжать орудие. Словом, сегодня мы «дали жизни» фрицам! Их опушка постепенно присмирела, почти «заглохла».

Вдруг наводчик, быстро и ловко работающий за моей спиной у прицела и успевающий почти после каждого выстрела выглянуть из своего люка, чтобы проследить, как лег снаряд, чувствительно хлопает меня ладонью сверху по шлему, что означает у нас: «Стоп!» Тотчас останавливаю машину – и прямо перед нею взметывается черный грохочущий фонтан взрыва. Самоходка наша вздрагивает, ее на секунду накрывает зловещая тень, которая быстро уплывает вперед. А вот самолет появился и в поле моего зрения. Это не «Юнкерс». Большой и летит гораздо медленнее, летит так низко, что даже подскакивает, подброшенный воздушной волной от взрыва своей второй бомбы, которая тоже упала впереди нас, в нескольких десятках метров от первой. Затем бомбардировщик, оставляя за собой длинные черные ленты выхлопных газов, тяжело лезет вверх и закладывает неуклюжий вираж. Вот бы врезать ему сейчас по крылышкам! Обнаглел фашист, видя, что ни одна наша зенитка не бьет.

Толчок в спину – вперед! Включаю с места первую ускоренную и оглядываюсь на Петрова: наводчик, вскочив с ногами на круглое откидное сиденье и высунувшись по грудь из люка, вертит головой, внимательно следя за воздухом. Вот

ботинок наводчика тянется к моему правому плечу (ТПУ сейчас неудобно: болтается на груди твоей переключатель, и нужно каждый раз передвигать на нем кнопку, чтобы перейти с передачи на прием и наоборот). Хорошо, что есть другой, более простой и надежный, способ общения между членами экипажа в бою. Гоню машину через поле и напряженно жду условного пинка. Едва носок ботинка касается моего правого плеча, самоходка круто бросается вправо и несется во всю мочь. Ее встряхивает сильным взрывом, звякают по броне осколки – и только. Промазав и в третий раз, настырный ас угомонился и исчез: должно быть, нечем стало кидаться.

– Ну, брат Петров, если бы не ты... костей бы наших на этом поле не собрали б... – стараясь держаться спокойно, медленно заговорил наш командир, но голос его все-таки слегка вздрагивал. – А сейчас всыплем гадам ползучим еще на сон грядущий! – И он прильнул к перископу. – Осколочным – заряжай!

Мы со злостью, долго и без помех бьем в черную опушку, пока Кузнецов не получает приказа по рации отойти на окраину села, дымящегося на левом краю поля. Несколько хат, подожженных во время боя немецкими снарядами, уже почти догорели. Объезжаем стороной освещенные пожаром места, чтобы не обнаруживать себя: болванки сюда еще прилетают, хотя и реже. Наступила желанная темнота. Напряжение постепенно спадает, и глаза начинают слипаться от усталости, но трансмиссионного отделения и сегодня не миновать. Встряхиваюсь, рассовываю по карманам комбинезона гаечные ключи и щуп для определения величины зазоров и вылезаю наружу. Петров уже открыл оба трансмиссионных люка, чтобы дать хоть немного остыть коробке и фрикционам, я тем временем тоже остываю, стянув комбинезон до пояса и расстегнув все пуговицы на гимнастерке. Но вечерней прохлады не чувствуется: воздух тепел и задымлен. Вскоре является Корженков, и мы, привычно переругиваясь, то висим по очереди над одной из капризничающих лент, то одновременно над обеими, подсвечивая себе переноской.

Приплелись к машине наши «бездомные» ребята, принесли в котелках ужин. Вместе веселей.

Под Дергачами впервые побывали в ночной танковой атаке. Какой-то кошмар с фейерверками. Перед глазами – вспышки выстрелов, после которых наступает кромешная тьма, чтобы снова и снова неожиданно ослепить тебя огнем. И тебя все время одолевает жуткая боязнь: как бы не «засесть». Напрягая слух, ловишь по ТПУ отрывистые команды своего командира и

стараешься изо всех сил выполнить их как можно точнее. А над землей, на разной высоте, перекрещиваясь во всевозможных направлениях, стелются разноцветные трассы пулеметных очередей, проносятся более крупные светляки трассирующих снарядов. Должно быть, сверху или со стороны это выглядело даже красиво.

А утром, минуя сожженное дотла селение, увидели мы слева, на бугре, на пепелищах двух хат, расположенных метрах в пятидесяти, если не ближе, друг от друга, две сгоревшие тридцатьчетверки: одну – нашу, вторую – черную, с немецким крестом на башне. Орудия танков наведены в упор, у обеих машин по аккуратной круглой пробоине на башне. Какая подлость – бить исподтишка, приняв чужое обличье! Но даже это не спасло бандитов от расплаты. Склоняю голову перед неизвестным экипажем, который сумел в суматохе и горячке танкового боя опознать и обезвредить фашистскую гадину, затесавшуюся под прикрытием ночной темноты в наши боевые порядки и безнаказанно жалившую наши боевые машины. Выручая товарищей, бдительный и мужественный экипаж заплатил, должно быть, за это самой дорогой ценой...

Противник снова «драпает» – преследуем его по пятам. Узкая дорога; мелкая, въедливая пыль, подолгу висящая над проселками неподвижным длинным желтоватым облаком, даже если промчится одиночная автомашина или пройдет танк. И устоявшийся, невыветривающийся запах гари.

Поворот – и сразу довольно крутой подъем, ведущий к тесному проезду в эскарпе. На обочинах фанерные таблички: «Мины!» Круглые черные железные диски и деревянные ящики противотанковых мин встречаются чуть ли не на каждом шагу по обеим сторонам большака, противопехотной мелочи и счету нет. Наверное, какой-нибудь немецкий УР (укрепрайон). СУ взбирается, натужно ревя, по изогнутой влево дороге. Уже хорошо видны отодвинутые в стороны ежи, поломанные крестовины с колючкой. И вдруг из прохода выскакивает навстречу, словно угорелый, грузовичок-полуторка. От неожиданности, а больше из-за боязни раздавить его, сбрасываю газ. Двигатель глохнет, и самоходка начинает сползать вниз. Ухватившись за рычаги, откидываюсь назад и тяну их изо всех сил на себя, но машина (проклятые ленты!) продолжает, набирая скорость, уже не ползти, а катиться через обочину в поле. Прямо передо мной, как раз посередине широких гусеничных следов, отпечатавшихся на пыльной земле, выныривает из-под днища черная мина. По занывшей от напряжения спине пробегает жутковатый холодок. Ф-фу, остановилась наконец дура! С минуту пережевываю

происшествие. А сверху в люки заглядывают бледные лица «пассажиров». Ребята с облегчением хвалят водителя и тонко острят по поводу своего недавнего испуга. Заведя мотор, возвращаюсь точно по своему следу на дорогу и медленно, на первой, ползу вверх. Цель уже близка – и снова из проезда вырывается, вздымая клубы пыли, грузовичок, на этот раз набитый солдатами. Скатывание повторяется, но сидящие на броне, уже умудренные опытом, ссыпаются, словно горох, на дорогу и отбегают подальше, а мы, съежившись в ожидании взрыва (хоть бы не фугас!), спиной вперед пересекаем обочину – роковую черту между жизнью и смертью – в новом месте. Однако машина каким-то чудом не «наступила» ни на один «подарочек». Теперь ругаемся мы с «помпой», прибежавшим с дороги по следу, открываем люки в трансмиссию и начинаем «колдовать» над тормозными лентами. С третьего захода пригорочек все же взяли. Все наши спутники предпочли подняться на него пешком и, покуривая, наблюдали за передвижениями непослушной самоходки с безопасного расстояния.

Потом был крохотный хуторок в две хаты, левее которого остановилась в полном одиночестве наша машина. Из попутчиков с нами остался только один разведчик. Огромные диски подсолнухов висят вровень с крышами хатенок, повернувшись в сторону невысокого солнца. Стоим на картофельном поле, перед большой округлой котловиной с пологими склонами. Обзор отличный, и ниоткуда не стреляют. На противоположной стороне котловины – редкий лесок. Связи ни с кем нет. Ведем круговое наблюдение. Вдруг километрах в полутора впереди ожило, казавшееся нам пустынным, дно котловины. Маленькие человеческие фигурки, пригибаясь, падая и снова вскакивая, неровными цепями неуклонно приближались к леску. Лениво вздохнувший ветер принес издали протяжное, похожее на тихий стон «а-а-а!» – это загремело над полем боя страшное для врага «ура!» нашей пехоты, идущей в штыки.

Сердце мое забилось неровными толчками.

– Что будем делать, Петр?

– Поддержим, – отвечал Кузнецов и приказал бить осколочными через головы наступающих.

После нескольких выстрелов по лесу примчалась невесть откуда тридцатьчетверка, красиво тормознула рядом с нами и заглушила двигатель. Высунувшаяся из башни голова в танкошлеме крикнула:

– Видели впереди «Тигра»? Глядите в оба!

Танк умчался, и снова мы одни.

Петр приказал подать машину вперед – вниз по склону, чтобы

не маячить на фоне неба. Заняли новую позицию – и недосчитались Бакаева. Исчез бесследно. Ничего не понимая, мы только молча переглянулись. Командир и наводчик почему-то повернулись, стоя на своих сиденьях, и стали смотреть назад. Опустив клин своего люка, протискиваюсь между пушкой и наводчиком к квадратному люку и выглядываю: на том месте, где недавно стояла наша машина, молниеносно развернулась к бою батарея 122-миллиметровых гаубиц и после трех пристрелочных выстрелов открыла беглый огонь по тому же леску. На душе сразу стало поспокойнее, и я уселся на свое место. Через пять минут в квадратном люке появилось сконфуженное круглое лицо нашего замкового виновато помаргивающего глазками. Держась одной рукой за живот, Бакаев полез в свой правый задний угол боевого отделения. Лапкин презрительно скривил губы и молча показал земляку увесистый, похожий на кувалду кулак. И снова все занялись наблюдением.

На счастье Бакаева, командира, да и остальных, в эту минуту занимало другое: из низины, спотыкаясь и смешно размахивая руками, бежал прямо на гаубичную батарею солдат. Когда он поравнялся с нами, я успел разглядеть его злое и одновременно испуганное лицо со впалыми щеками, поросшими редкой щетиной. Боец что-то кричал на бегу, беззвучно открывая рот: из-за непрерывного грохота четырех пушек ничего нельзя было расслышать. С разрешения командира я отправился на батарею, чтобы узнать, в чем дело.

Вот солдат, хватая широко разинутым ртом воздух, вбежал в расположение батареи и, остановившись рядом с артиллерийским офицером, крикнул, задыхаясь:

– Куда же вы... по своим... мать-перемать... бьете?! Фрица в лесу уже и духу нет...

Бледный, несмотря на запорошенное пылью лицо, по которому сбегали из-под пилотки капли пота, оставляя грязные полоски, с вытаращенными глазами, он неловко подергивал правым плечом, поправляя сползающий ремень винтовки с примкнутым штыком, а занятый своим делом комбат, не обращая на гонца внимания, возможно просто не слыша его, прижимал к уху трубку полевого телефона и с упоением продолжал выкрикивать команды, пока солдат не дернул артиллериста непочтительно за рукав и не проорал, приподнявшись на носках, в полуоглохшее от пальбы ухо:

– По своим бьешь!

Старший лейтенант с досадой посмотрел сверху вниз на бойца и, продолжая держать правую руку поднятой вверх, громко скомандовал:

– Пр-рекратить огонь!

И сразу стало очень тихо. Пехотинец с сознанием исполненного долга неторопливо затрусил обратно. На тощем заду его смешно топорщились на ходу большие складки слишком просторных шаровар.

Вернувшись к машине, подсаживаюсь к усатому старшему сержанту из полковой разведки, который удобно устроился среди картофельной ботвы, привалясь спиной к кормовой броне. Вскоре к нам присоединился еще Петров. Свернули с наводчиком по изрядной самокрутке. У меня это получается медленно и плохо: не освоил техники. Веселые улыбки вызывает у опытных курцов то, что кручу цигарку не от себя, а на себя, что при этом накручиваю лишнюю бумагу. Недослюнишь газету – расползается по шву вся твоя работа и просыпается драгоценная махорочка, переслюнишь – лопнет размокшая бумага. И начинай все сначала. Покуривать начал несколько дней назад, делая одну-две затяжки из толстенной братской самокрутки, которую заготавливал кто-либо из экипажа перед самой атакой и пускал ее по кругу. Это как-то сближает нас всех, и начинаешь чувствовать себя уверенней и спокойней...

Пока я тружусь над созданием своей «сигары», труся махру на колени, Петров извлекает из необъятного кармана шаровар «катюшу». Это карманное приспособление для добывания огня состоит из четырех частей: трута – фитиля из туго скрученных толстых нитей, с пеплом на конце; металлической трубки, в которую втягивается трут, тщательно оберегаемый от сырости; кремня или иного камня, способного при ударе по нему давать искры, и, наконец, обломка напильника с крупной насечкой или другой подходящей железяки. Название свое это великолепное огниво получило у солдат за россыпи искорок, со скрежетом высекаемых из камня в процессе зажигания. Спички и зажигалки не идут ни в какое сравнение с этим фронтовым изобретением находчивых солдат. Первые быстро расходуются и ярко светятся ночью, а кроме того, легко отсыревают; вторые требуют заправки бензином, воняют, нуждаются в специальных камешках заводского производства и в техническом уходе и тоже демаскируют в темноте. «Катюша» же... Впрочем, нам в высшей степени наплевать на зубоскальство фрицев по ее адресу. Фашистов наверняка коробит уже одно имя маленькой тезки знаменитой гвардейской «катюши»...

Петров наконец раздул трут, и мне, чтобы дотянуться до огонька через усатого разведчика, сидящего между нами, пришлось оторваться от земли, опираясь на правую руку и колено. В это время справа по ходу и чуть позади машины, у меня

за спиной, что-то разорвалось среди грядок. Мы все пригнулись, старший сержант легонько вздрогнул. Новых взрывов не последовало, и перекур продолжался. Клуб голубого горьковатого дыма нечаянно попал в лицо некурящему обладателю пшеничных усов. Он кашлянул, энергично разогнал дым рукой и пояснил:

– Охотники мы – и нам чутья терять нельзя... – и вдруг почему-то беспокойно заерзал на месте, а затем расслабил брючный ремень и запустил руку в глубь своих шаровар.

Мы с Петровым, недоумевая, уставились на него. Брови старшего сержанта удивленно приподнялись, усы смешно зашевелились. Он неторопливо вытащил обратно левую руку, пальцы и ладонь которой сделались красными от крови, и хмыкнул:

– Никак ранило меня?.. Вот, чертов фриц, куда влепил! С такой отметиной к жинке после войны хоть не являйся – засмеет... Да и в санчасть...

Порядочный осколок, предназначенный мне, вошел ему в мякоть левого бедра с той стороны, на которой сидят.

Видится наяву или только снится мне молодой лесок, затянутый синеватым дымом, перепаханный танковыми гусеницами, с длинными неровными рядами искореженных и полусгоревших деревцов, и чья-то объятая пламенем машина... и еще одна, уже лениво дымящаяся. А на песке, у самых ее гусениц, – два человека, совершенно обуглившихся, странно маленьких, в клочьях дотлевающей одежды... В который уж раз наша самоходка проходит мимо них, ища себе цели, а у меня снова и снова больно сжимается сердце, хотя ему давно пора бы окаменеть... С пронзительно-коротким свистом, сжимая воздух, проносятся болванки. Кажется, что они летят со всех сторон... Раза два уже задело и нашу броню, но только высекло искры да гулко свибрировала уральская сталь, наполнив уши тягучим, одуряющим звоном... Главное – не задерживаться долго на одном месте и чаще менять направление движения...

Не знаю, как в других подразделениях, а экипажи очень устали: вторую неделю без передышки идем вперед. Наступление на Харьков продолжает успешно развиваться. Это видно по всему.

12 августа

Очередное освобожденное и даже не сожженное немцами (не успели, гады!) украинское село. День клонится к вечеру. Будем заправлять машины, промывать фильтры и шприцевать подшипники ходовой части: бронеколпаки на катках. Особенно

опорных – сильно греются. Нас догнала кухня. Значит, и сами «заправимся». Это очень кстати: с самого утра ничего во рту, кроме тепловатой воды из алюминиевого питьевого бачка, не было. Во всей рассредоточившейся колонне царит общее оживление: слышатся шутки, мелькают в разных направлениях солдаты с дымящимися котелками в руках. В конце широкой улицы, под сенью могучего береста, на травке – складной деревянный столик, за которым будет обедать начальство: «сам», замполитех, начштаба и новый толстый замполит, назначенный к нам в полк вместо выбывшего из строя Кондратова. Около стола суетятся сразу два повара в белых колпаках и в почти белых куртках, расставляют тарелочки с холодной закуской. На тарелках – красные помидоры, развернутые в виде розеток и украшенные колечками лука, и «второй фронт» – американская очень соленая колбаса из длинных консервных жестяных банок, идущая, вместо мяса, на заправку походных супов.

Но внимание всех занято совсем иным: наш однополчанин, кажется из РТО (роты технического обслуживания), пришел сегодня освободителем прямехонько в родное село. Вот счастье человеку! Парню сразу же разрешили уволиться, разумеется, до той самой минуты, когда полк двинется дальше, то есть до рассвета. И все равно, какая радость все-таки, пусть она и короткая и, может быть, грустная... И каждый из нас переживает по-своему это волнующее и очень редкое для такой немноголюдной части, как наша, событие. А я все время далеко от дома, где никого из моих близких нет и которого самого-то, наверное, уже не существует...

Наш «отпускник», успевший изрядно, как положено в подобных случаях, «размочить» радость, прошелся раза два-три из конца в конец улицы, заходя то в одну, то в другую хату поприветствовать родичей или соседей. Его неотлучно, идя об руку, сопровождают сестра и еще какая-то девушка, должно быть невеста. Старики его тоже живы. Чего еще нужно солдату?

13 августа

Действуем в Богодуховском районе. Злополучные Феськи... Этот день навсегда останется в моей памяти. С раннего утра были в бою. Взвод тяжелых СУ во взаимодействии со взводом тридцатьчетверок – всего пять машин – «давал жизни», как любил говаривать сгоревший ровно десять дней назад наш комбат Франчук, пытаясь пробиться к селу сначала с правого, потом с левого фланга. Обе наши машины и два средних танка

остановились у кромки поля, что покато снижалось в сторону отрога большой балки, по дну и склонам которой привольно раскинулось утопающее в садах село Феськи. Сейчас оно справа от нас и закрыто высокой кукурузой.

– Заводи!

Заработали двигатели соседних машин – мой молчит. Еще и еще тычу большим пальцем правой руки в коричневую кнопку стартера – никакого результата. Проверил предохранитель: цел. Петр, уже успевший взгромоздиться с ногами на свое сиденье, низко приседает и, заглядывая под пушку, нетерпеливо спрашивает:

– Ну, что у тебя там? Заводи!

– Не заводится! – отвечаю, чуть не плача от злости на себя и на проклятый стартер и от жгучего стыда перед своими товарищами, и начинаю лихорадочно перебирать в памяти возможные причины отказа нашего надежнейшего СТ-700.

– Скорей! – торопит сердитый голос командира, но это не помогает, а только мешает.

Мой стартер молчит «глухо», то есть даже не щелкает своей шестеренкой, которая должна войти в зацепление с большой шестерней на барабане главного фрикциона. Это вовсе не значит, что стартер сгорел. Должно быть, нарушена цепь включения стартера. Непростительно не сообразить этого сразу! А что советовал делать, когда нет времени проверить электропроводку, педантичный и требовательный преподаватель электротехники в училище? Ага, есть! Надо замкнуть цепь включения без помощи кнопки, напрямую, соединив каким-нибудь металлическим предметом две определенные клеммы на аккумуляторных батареях! А уж если и это не поможет – заведем с помощью сжатого воздуха. Решение принято. Повеселев, кричу, обернувшись назад, Петрову, чтобы подал монтажный ломик, с досадой ударяю кулаком по приборному щитку и – на всякий случай – нажимаю кнопку – двигатель вдруг обрадованно взревел.

Казалось, прошло немало времени после подачи команды, но только две машины осторожно начали продвигаться вперед: пошла крайняя левофланговая тридцатьчетверка и стоявшая правее нас самоходка Вячеслава Прокудина. Не успела моя машина проехать по полю и ста метров, как из-под правой гусеницы Т-34, опередившего нас метров на триста, взметнулся большой черный фонтан земли. Танк подпрыгнул и, развернувшись на ходу вправо градусов на сорок пять, замер. Опасаясь мин, стараюсь не сойти с проложенного тридцатьчетверкой следа. А навстречу нашей самоходке уже бежит, возбужденно размахивая руками, кто-то из танкистов.

Сблизившись с ним, останавливаю машину, не глуша, по понятной причине, двигателя. Посланец, вскочив на правое крыло, громко кричит Петру, что по оврагу из села куда-то уходят немецкие танки. С башни тридцатьчетверки их хорошо видно, а в прицел – нет. Командир танка просит подойти самоходку поближе. И танкист показал рукой направление. По команде Кузнецова объезжаю подорвавшуюся тридцатьчетверку справа, и вскоре даже из моего лючка стало видно, как над краем оврага ползут, время от времени скрываясь из глаз, верхи черных танковых башен. Стрелять немцы пока не могут. Ну, сейчас отыграемся на вас, гады! Орудие давно заряжено. Петров стреляет, но снаряд разрывается на противоположном склоне балки. Поторопился наводчик, а ведь он редко промахивается. Зато после второго выстрела предпоследняя башня выбросила из себя букет огня и дыма и застыла на месте. Остальные три башни сразу исчезли. Петров с досады выругался. Выждав несколько минут, не появятся ли немцы еще, мы вернулись, пятясь, назад. Ребята с «разутой» тридцатьчетверки возились с гусеницей. Когда наша самоходка медленно проползала мимо них, они бросили работу, остановили нас и поздравили с полем:

– Молодцы зверобои! Здорово вы одного приласкали: прямо по макушке!

– А вам спасибо, что цель указали, – поблагодарил наш командир и приказал продолжать движение.

Вернувшись на исходную, мы застали там другую тридцатьчетверку, которая почему-то так и не сдвинулась с места. Наша машина остановилась рядом с нею справа, и мы высунулись наружу, чтобы глотнуть свежего воздуха. С экипажем танка творилось что-то неладное. Танкист, торчащий из правого башенного люка, очевидно командир, яростно стуча кулаком по броне, орал:

– З-за Р-родину! Вперед! М-механик, з-заводи!..

А два других члена экипажа, подхватив на руки механика-водителя, дрыгающего в воздухе ногами, старательно пытались просунуть его головой вперед в лобовой люк... В иной обстановке это могло бы показаться смешным, но теперь... Наводчик наш сердито сплюнул и отвернулся, а Петр нахмурился и надвинул поглубже на лоб шлем.

Полковая разведка, посланная слишком поздно в направлении села Феськи, закончилась неудачно: разведчики потеряли одного человека и, кроме того, что на большом кукурузном поле перед селом сидит в окопах немецкая пехота, ничего сообщить нам не смогли.

Не получив никаких сведений о противотанковой обороне

противника, командир полка недолго думая, а возможно, просто подгоняемый старшим начальством, бросил свои последние пять машин в лобовую атаку на село.

Двинулись мы двумя эшелонами, без пехоты, которая была, как это часто случается в наступлении, где-то на подходе. В первой линии, слева по порядку, шли машины Прокудина, Кураева и моя. Во второй – Сулимова и Кашкадаева. Высокую кукурузу, в которой наши самоходки скрывались вместе с башнями и которая в самом деле была вся изрыта немецкими окопами, мы прошли беспрепятственно, но, когда первые три машины выползли на открытое место (это был голый, со скошенной пшеницей, склон балки), неожиданно заработала немецкая артиллерия. Орудия были установлены на противоположных склонах широкой балки, словно подкова, выгнутая в сторону противника, тщательно замаскированы и наверняка тщательно пристреляны. Они вели частый перекрестный огонь.

Наши три самоходки все так же шли в линию, держа интервал в сто пятьдесят – двести метров. Две, что двигались вслед за нами, остановились на краю кукурузных зарослей, чтобы поддержать нас огнем. Противотанковые батареи фашистов усилили огонь. Тихое жнивье словно взбесилось: смертоносные смерчи загуляли, завихрились по всему желтому полю, приближаясь к нам. Первой взорвалась самоходка Кураева, идущая в центре и чуть опередившая своих соседок. Вместе с экипажем. Машины Прокудина не стало видно из-за стены разрывов и большого чадящего костра посреди поля. В мою пока не попадало, и она продолжала катиться вниз, к Феськам, делая короткие остановки для выстрела. Стрелять с ходу СУ не приспособлены. Глуховато – за броней – ухает наша пушка. Звонко звякают о днище латунные гильзы. Петров и Кузнецов давно уже, как только разорвались первые фашистские снаряды, откинули крышки своих люков и вскочили на сиденья, чтобы быстрей и точней засекать огневые точки.

Вдруг впереди, метрах в ста, на покатом поле, пониже нас, сквозь дым и пыль вижу неподвижный Т-34, повернутый правым бортом к противнику. Трое из экипажа стоят под прикрытием своей машины, прижавшись к каткам, и неотрывно смотрят в нашу сторону. Забираю левее, обходя танк, но тут один из танкистов с усилием отлепляется от своей машины, делает три шага нам навстречу, показывая при каждом шаге рукою «стоп». Убедившись, что его поняли, он выставил правую руку ладонью вперед и подал команду «задний ход». За эти секунды машина наша поравнялась с тридцатьчетверкой и стала перед ее лбом. А

почему, собственно, мы должны отходить назад? Пристально всматриваюсь в стелющийся над землей дым и замечаю наконец, что стоим мы в каких-нибудь пяти-шести шагах от края крутого обрыва. Жутковатый ознобец пронизывает мое существо... Внизу, под дымной кисеей, призрачно белеют среди зелени садов стены хат, поблескивают зеркала ставков. Если бы не эта тридцатьчетверка... Но откуда взялась она здесь? Почему стоит над самым яром на виду у немцев? И каким чудом до сих пор цела? Или фашистские артиллеристы не видят ее в дыму, или их внимание приковано сейчас к более опасному противнику – тяжелым самоходкам? Ломать голову над этой загадкой было совершенно некогда. Посовещавшись накоротке с командиром, решаем не отсиживаться за дымовой завесой, а возвратиться наверх, к своим, пятясь кормой, чтобы можно было отстреливаться. И это оказалось решающей ошибкой.

Едва отдалилась наша СУ метров на сто от танка, – сразу же низко и часто засвистели болванки, а взрывы снарядов начали выбрасывать в воздух целые тучи песка и дыма то справа, то слева, то впереди машины. И чувство при этом у тебя такое, как будто ты один на целом свете, посреди неуютного, голого этого бугра, и все снаряды летят только в твою машину. Опускаю на всякий случай броневой клин своего лючка: осколки то и дело звякают по броне. Сквозь смотровую щель не так бьет в глаза мутноватое солнце, собирающееся садиться где-то за Феськами.

Во время движения заставляю машину рыскать то влево, то вправо, чтобы сбивать прицел у немецких наводчиков, но замедленная задняя передача позволяет маневрировать со скоростью сонной черепахи: газуешь во всю мочь, а машина еле ползет. Уши мои наполняет какой-то вязкий, тягучий звон, голова кружится, и неприятно начинает неметь левая рука. Чуть выжимаю правый рычаг, чтобы развернуть самоходку лбом к той меткой пушке (сколько их там?), и оглядываюсь в боевое отделение: все на своих местах и как ни в чем не бывало заняты своим делом, только Бакаев как-то странно уменьшился в объеме, вжавшись в свой правый задний угол между бортом и моторной перегородкой. Проходит несколько мгновений – и опять удар, теперь уже в лоб. Продолжаем ползти. Ничего, лоб у нас крепкий. Выдать бы сейчас стервецам осколочным, да все поле перед нами так задымлено, что даже Кузнецову с Петровым сверху ни черта не видать, наверное...

Снова крепкий удар, на этот раз в правый борт. В полутьме башни посыпались огненные искры, промелькнуло пламя, но тотчас погасло. Запахло дымом и раскаленным металлом. Сквозь гул двигателя с той стороны пушки послышался сдавленный стон.

Поворачиваю голову направо: ноги командира медленно сползают с сиденья. Установив рукоятку ручного газа на большие обороты, чтобы не заглох случайно двигатель, пока машина будет идти без управления, протискиваюсь между нижней боеукладкой и пушкой к правому борту. Под нишей башни, против командирского места, светится неровная пробоина. Болванка угодила в сварной шов, что соединяет горизонтальный лист ниши башни с корпусом. Верх переднего топливного бака разворочен, и оттуда хлещет газойль. Он попадает на одежду Петра. Командир почему-то не сторонится от этого душа и стоит, судорожно вцепившись обеими руками в края своего люка. Вернее, не стоит, а почти висит.

* * *

– Ты что?! – спрашиваю, стараясь переорать рев двигателя.

Кузнецов медленно поворачивает ко мне лицо, белое как полотно. Из-под черного танкошлема на светлые брови стекают крупные капли пота. Глаза товарища с немой мольбой глядят мне прямо в душу, зрачки их неестественно расширены.

– Окажи... помощь... – не разжимая зубов, чтобы не дать вырваться стону, хрипло, с усилием выдавливает из себя Петр.

Обхватив его под мышки, помогаю ему повернуться и опуститься на сиденье. При виде правой ноги командира на мгновение цепенею от ужаса: она раздроблена на ладонь выше колена, почти перебита не то обломком болванки, не то брони. Из зияющей раны торчат бело-розовые осколки кости и льется дымящаяся кровь, смешиваясь с газойлем, который обильно пропитал правую штанину и стекает по бедру...

– Жгут! Быстро!

Тотчас кто-то сзади протягивает вынутую из аптечки широкую резиновую ленту. Через минуту она туго закручена повыше раны, поверх брюк. Действия мои были не очень ловки: пальцы левой руки казались чужими и плохо слушались. От дурманящего запаха свежей крови, добавившегося к привычным запахам боевого отделения, меня несколько раз начинало сильно мутить и едва не вырвало.

– Лапкин! Командира на броню!

Заряжающий выскакивает через широкий квадратный люк и ждет, пока Петр, обняв меня левой рукою за шею, а правой опираясь на казенник, потом на люльку, очутился под люком. Высокий жилистый Лапкин легко поднимает командира вверх, подхватив его под мышки, и мне остается только поддерживать

Петра снизу, оберегая в тесноте перебитую ногу. Наконец раненый осторожно уложен за башней на моторную броню.

– Все по местам! – приказываю, оставшись за старшего, и прыгаю через спинку своего сиденья к рычагам.

Все это время машина наша, словно дрессированная лошадь, шла по прямой сама.

– Бакаев! – услышав новый стон, тревожусь я. – Возьмите нашатырный спирт, питьевой бачок и смотрите командира.

Замковый, на котором лица нет, обрадованно бросается к люку, но Лапкин (хороший мужик!) удержал земляка за ногу:

– Однако, паря, автомат захвати. Тут все-таки война.

Бакаев срывает висящий на боеукладке ППШ и вылезает. Очень жарко и душно. Снимаю ремень с кобурой и вешаю на спинку сиденья. Петров и Лапкин уже работают. Вот молодцы! Наводчик подает команды заряжающему и мне, когда нужно довернуть машину для грубой наводки или приостановиться для выстрела. Потеют мои товарищи каждый за двоих. Когда ж «допилим» до кукурузы? Оттуда мы будем страшней немцам, чем они нам.

Самоходка вновь сотрясается от удара. Опять в правый борт, где-то ближе к корме. Двигатель скрежетнул, всхлипнул и заглох. За стеклами моторной перегородки ярко засветилось пламя. Нажимаю на кнопку стартера, но он только глухо щелкнул. Коленвал не провернулся. Приехали.

– Техник, горим! – крикнул Петров. При умолкшем двигателе голос его прозвучал необычно громко и тревожно.

Языки горящего газойля, то укорачиваясь, то удлиняясь, быстро выползают из-под переборки в боевое отделение, словно облизывая днище, приближаясь к луже горючего, скопившегося под аккумуляторами и у меня под ногами.

– Все из машины! Командира снять!

Петров выскочил через свой люк, Лапкин – через квадратный. Выдернув голову из шлемофона, чтобы не зацепиться за что-нибудь проводом, болтающимся на груди, бросаюсь заряжающему вслед сквозь пламя, отгородившее меня от спасительного квадрата. Не ощущая своего веса, вылетаю наверх, спрыгиваю на землю и с минуту катаюсь по стерне, гася комбинезон, горящий на спине и пониже ее. А Лапкин с помощью Петрова уже стянул Кузнецова с брони и осторожно положил под кормой.

Из открытых люков вперемежку с густым дымом высоко поднимаются огненные столбы. Надо немедля уходить, пока не рванули остатки боезапаса. Подхватив командира на руки, отбежали немного.

– Петров! Бери Бакаева и найдите санлетучку. Овражек по ту

сторону кукурузного поля помнишь? Переезжали его. По тому овражку скрытно и подгонишь летучку как можно ближе к кукурузе. Мы с Лапкиным потащим лейтенанта туда напрямик. Проверьте оружие и держите наготове: позади нас могут быть немцы. Задача ясна?

Наводчик быстро сориентировался:

– Разрешите идти?

– Выполняйте.

Петров и Бакаев, пригибаясь при близких разрывах и забирая левее, побежали к кукурузе, до которой наша машина не дошла всего каких-то ста метров.

Болванки продолжали со свистом буравить воздух или с громким фырканьем кувыркались над полем, отскочив рикошетом от земли, но на них мы с Лапкиным не обращали внимания, волоча ползком раненого Петра прочь от машины. Должно быть, немецкие артиллеристы перенесли огонь на наш второй «эшелон» – две самоходки, оставшиеся наверху. Просунув одну руку под мышку раненому, а другою опираясь на теплый песок, мы с заряжающим ползли на боку, один слева, а другой справа от командира, все время посматривая вперед и приникая к земле, если близко падал снаряд или мина. Петр молчал, неподвижно уставясь взглядом в дымное небо и иногда проводя языком по запекшимся губам.

Мы преодолели около половины расстояния до желтовато-зеленой стены кукурузы, как вдруг позади оглушительно грохнуло, теплая тугая волна воздуха толкнула меня в спину, и что-то тяжело шлепнулось на землю. Совсем близко перед нами. С опаской приподнимаем головы: крышка круглого башенного люка косо торчит из песчаной земли шагах в пяти впереди.

– Все, – почти беззвучно шевельнул искусанными губами Петр.

Мы попрощались взглядом со своей машиной: башню ее разметало взрывом, и над корпусом теперь яростно клубилось пламя; горело поле вокруг. Пониже и гораздо левее еще дымилась самоходка Кураева, стоя на черном, выжженном круге. Машина Прокудина словно в воду канула, а башен остальных двух самоходок тоже не было видно, потому что мы находились совсем рядом с кукурузой, вымахавшей в полтора, если не больше, человеческих роста. Нас снова осыпало землей, выброшенной взрывом. На рану Петра мы старались не смотреть. Все равно, пока мы в поле, на виду у немцев, о перевязке и думать нечего. Добравшись до зарослей кукурузы, где царили зной и духота, принимаемся за дело. Бинтов у нас не оказалось, а одного индивидуального пакета, найденного в кармане у Кузнецова, не

хватило. Тогда Лапкин сбросил гимнастерку, стянул с себя влажную от пота нательную рубаху и с помощью зубов разодрал ее на широкие полосы. Также мы поступили и с моей рубахой. Этими тряпками мы кое-как прикрыли рану, порядком уже загрязненную, и в трех местах привязали перебитую ногу к здоровой, чтобы хоть немного облегчить страдания своего товарища, который стоически терпел адскую боль в продолжение всей затянувшейся передряги и ни разу при этом не только не пожаловался, но даже не застонал. Совершенно беспомощный, наш командир и в эти трагические минуты оставался для нас примером железной выдержки и высокого мужества. Да, «гвозди бы делать из этих людей»...

Закончив оказание «второй помощи», мы сунулись было дальше, однако ползти троим в ряд среди толстых и твердых стеблей, растущих близко друг к другу, вскоре стало совсем невозможно, и мы с Лапкиным, выдохшись, понуро уселись около раненого, не зная, как быть. А позади нас закатное, кроваво-красное солнце почти касалось приподнятой линии горизонта за Феськами. На обоих флангах, в балке и за нею, повыше села, раздаются хлесткие выстрелы танковых пушек: тридцатьчетверки обошли наконец позиции фашистских батарей и теперь рассчитываются за неудачное начало атаки. На этой стороне балки, но теперь значительно левее, у самой полевой дороги, спускающейся по склону к селу, басовито, с расстановкой, ухают наши СУ-152, и по всему кукурузному полю идет огневой бой. Среди дробной скороговорки автоматов слышатся короткие суховатые выстрелы винтовок, то и дело подают голос два или три «машиненгевера». Их легко отличить по более густому тарахтенью. В шум перестрелки временами врываются какие-то крики. Наверное, подошла наконец наша пехота и начала «выкуривать» фрицев из кукурузы. Звуки боя кажутся нашим полуоглохшим ушам не очень громкими, и мне почему-то совсем не страшно, хотя пули (это же свои!) роем проносятся над нами, скашивая иногда кукурузные метелки и глухо щелкая по початкам, из которых при этом брызжут в разные стороны, словно осколки, твердые зерна, больно стегая по лицу.

И вдруг впереди нас закачались кисточки на верхушках высоких стеблей. Инстинктивно тянусь к правому боку, где должен быть наган, – и все внутри у меня холодеет: кобура осталась висеть на спинке сиденья, автомат командира забыт в нише башни... Не до них было... Лапкин одними губами произносит что-то, должно быть, очень крепкое (за целый месяц жизни в нашем экипаже он ни разу не выругался) и безуспешно дергает взад-вперед затвор своего ППШ, забитый песком, затем

перехватывает автомат за ствол, как дубинку, и, весь напружинясь, замирает, готовый действовать.

Чуть правее нас раздвинулись кукурузные стебли с длинными листьями, и появился бегущий немецкий солдат, в каске, в расстегнутом мундире с закатанными рукавами и с черным автоматом на левом плече. Рослый фриц удирал, часто и нервно оглядываясь, и, даже не потрудившись снять свой «шмайссер» с плеча, выпускал назад очередь за очередью... Но сейчас это было совсем не смешно. Фашист, неожиданно вильнув в нашу сторону, очутился в трех-четырех шагах от нас, и Лапкин стремительным прыжком метнулся ему навстречу, занося над головой свою «дубину». Неловко – из-за левой руки – вскакиваю с земли, а немец уже шатается и ловит обеими руками в воздухе невидимую опору. Лапкин со злым придыханием обрушивает второй удар на каску врага, и тот, подминая кукурузный стебель, растягивается во весь рост. Товарищ мой вырывает у немца автомат и бросает мне, а сам, упав на правое колено и часто взглядывая вперед, быстро снимает у своего пистолета-пулемета затвор и стирает тряпицей прилипший к смазке песок. Затем, дунув для порядка в ствол, он так же быстро и сноровисто производит сборку и щелкает затвором, проверяя плавность его хода. А где-то близко уже слышны запыхавшиеся родные, русские голоса...

Вот среди желто-зеленой чащи замелькали там и здесь, пробегая мимо нас к печальному жнивью, разгоряченные, пахнущие потом пехотинцы и, не задерживаясь, скатываются редкими неровными цепями вниз, к селу, откуда доносится непрерывная стрельба. Закинув за плечо трофейный автомат, с облегчением сажусь на землю между Петром и убитым немцем. Мне почудилось, что грудь убитого медленно опускается, и я уставился на нее во все глаза: по шелковой голубовато-серой нательной рубахе неторопливо ползла крупная вошь, ядреная, налитая, с противно просвечивающимися черными внутренностями. Солдаты между собой называют ее «черноспинкой», или «фрицевской», так как она отличается своей мастью от нашей, серой. Вошь, словно корабельная крыса, бегущая с тонущего судна, покидала еще теплое, но уже мертвое тело своего хозяина.

– Ишь, насекомая, а действует правильно, – спокойно заметил Лапкин, доставая кисет из кармана брюк, и, к удивлению моему, впервые разговорился: – Вот они своих вояк в шелковое исподнее вырядили. Думали, вша на шелку буксовать будет и осыпаться. А куда?..

Он сплюнул махорочные крупинки, приставшие к языку, и продолжал:

– Нет, коль тело грязное да потное, то никакие...

– Пи-ить... – слышится за нашей спиной тихий скрипучий голос.

Мы беспокойно оборачиваемся к раненому: лицо его бледно и спокойно, скулы заострились, глаза полуприкрыты веками. Растерянно переглядываемся.

– У фрица всегда фляжка имеется, – уверенно говорит заряжающий. – Надо посмотреть.

Он наклоняется над мертвецом, расстегивает поясной ремень, на пряжке которого выштамповано заклинание «Готт мит унс» («С нами Бог»), и выдергивает ремень из-под спины немца. На ремне действительно болтается фляга.

– Спиртное. Ничего. Лейтенанту сейчас как раз это и требуется: терпеть легче будет.

Петру плохо, но он крепится. Срочно нужны носилки. Оставляю Лапкина возле командира и бегу через поле туда, где справа от нас, вдоль единственной дороги, торопливо продвигаются к окраине села новые цепи. Может быть, удастся найти санинструктора с носилками.

Совсем молоденький солдат, выбежав из кукурузы с легким пулеметом в руках, торопливо начал окапываться на краю жнивья. Останавливаюсь около и спрашиваю:

– Эй, друг! Санинструктора своего не видел?

Он отрицательно мотнул головой, продолжая быстро работать лопаткой, выбрасывая землю перед собой. И тут меня помимо воли прорвало.

– Ты что же, брат, оборону сюда прибыл занимать? – стоя над ним и всеми силами стараясь не закричать, спросил я. – Здесь дело сделано. Не видишь разве, что наши давно в селе и уже из балки наверх лезут?

Он посмотрел на поле, посреди которого остывали две погибшие самоходки, и перевел взгляд на село. Там, внизу, на дне глубокой балки, сгущаются вечерние сумерки, пронизываемые трассами пуль; лихорадочно трепещут огоньки работающих автоматов и пулеметов, и кажется, что подступающая к селу темнота испуганно шевелится и никак не может улечься. А над бугром, западнее Феськов, на самом гребне высоты черные силуэты наших танков мечут длинные молнии вслед медленно, неохотно отходящему врагу. Затем не то виновато, не то с опаской пулеметчик посмотрел мне в глаза, подхватил своего «Дегтярева» и, ссутулив спину, бросился догонять горстку солдат, бегущих врассыпную к селу. Наверное, остался без первого номера, более опытного и старшего наставника. И жутковато теперь солдату быть одному, и ответственность давит с

непривычки...

Навстречу из балки поднимается, пошатываясь, боец, неся на закорках раненного в ногу товарища. Спрашиваю у них, где можно найти санинструктора. Остановившись и осторожно ссадив на землю раненого, солдат тяжело перевел дух и неопределенно махнул рукою в сторону Феськов:

– Там... своих раненых много. – Голос его звучал устало и сипло.

Быстрым шагом возвращаюсь к своим товарищам, но Лапкина с Кузнецовым на прежнем месте нет... Осмотревшись, замечаю широкий след, обозначенный поваленной и поломанной кукурузой, и торопливо направляюсь по нему. Значит, вернулись уже Петров с Бакаевым и командира дальше эвакуировали на носилках. Незаметно для себя перехожу на тяжелую рысь и поэтому застаю в овражке наш санитарный фургон. Молодец Петров! Все сделал как надо.

Командира своего мы сами бережно погрузили в крытую брезентом автомашину, в кузове которой уже лежали и сидели раненые. Несколько из них, более «легких», расположились на траве в ожидании следующего рейса. Мы тепло прощаемся с Петром, желаем ему побыстрее выздороветь и возвратиться в строй. Он в ответ только грустно усмехнулся:

– Отвоевался я, видать... Ну, ребята, не поминайте лихом... Счастливо оставаться! Добивайте фрица – и по домам. Из госпиталя напишу.

Проводив летучку, осторожно передвигавшуюся по неровному, кочковатому дну овражка, мы остановились у самого овражного устья и помахали командиру, который лежал на носилках у заднего борта и смотрел на нас. Машина уже катилась по полю, объезжая брошенные немецкие окопы. Петров, глядя вслед ей, сказал задумчиво:

– Да... Стой наш лейтенант не на сиденье, а на днище – мы бы сейчас его не в госпиталь провожали, а в наркомзем. Стало быть, такое счастье человеку...

Присели на обложенный дерном бруствер, задымили самокрутками, помолчали. Потом отпускаю экипаж отдыхать в деревушку, где расположилась наша РТО и штаб, а сам бреду к Феськам: хочется узнать, что с остальными боевыми машинами. По пути перебираю в памяти сегодняшние события.

После бесплодных мыканий первой половины дня Гончаров вызвал к себе всех командиров машин и механиков-водителей. Это произошло на окраине той самой деревни, куда отправились сейчас ребята. Мы явились. Майор полулежал в позе античного полубога на плащ-палатке в тени, под кормой командирского КВ.

Голову его украшала, вместо лаврового венка, легкая белая повязка из бинта. Слева и справа его подпирали плечиками две пожилые девицы-санинструктора, выступающие в данный момент не то в роли жриц, не то гетер. Обе они не сводили с командира полка восхищенных глаз. Где его успело царапнуть – никто из нас не знал, так как возле боевых машин он появлялся редко, да и то во время затишья. Томным, страдальческим голосом майор отдает приказ немногочисленной группе офицеров, стоящих перед ним. Тогда, днем, эта сценка показалась мне театрально наигранной и ничего, кроме какого-то неприятного осадка в душе, после себя не оставила. Для чувствований времени не было: начиналось дело. Теперь, после боя, я воспринимаю ее как явное неуважение к подчиненным: не потрудиться привстать хотя бы, когда посылаешь людей на смерть, и даже не извиниться перед ними за то, что отдаешь приказ сидя... Может быть, все это мне только кажется, потому что нервишки сильно взвинчены, но ясно одно: при таких манерах авторитет Гончарова как командира и как человека неизбежно упадет до нулевой отметки. Все более обнаруживает себя его неумение командовать и неуверенность, граничащая с трусостью. А последнее не может не остаться незамеченным и никому непростительно...

Одолеваемый этими кощунственными мыслями (хоть сам на себя начальнику ОО пиши), незаметно очутился я около своей самоходки. Подхожу к ней сначала со «своего», левого борта. На черной, выгоревшей стерне лежит левый броневой лист башни. На броне корпуса, примерно на уровне головы механика-водителя, темнеет глубокая вмятина, наподобие огромной слезки, оставленная срикошетировавшей болванкой. Заглядываю через борт внутрь: оттуда так и пышет неостывшим жаром, а все днище засыпано толстым слоем мелких металлических обломков, покрытых окалиной. Где уж тут найти для сдачи хоть какие останки своего личного оружия! Медленно продолжаю обход. Пушка, выброшенная силой взрыва вместе с маской вперед, уткнулась дульным тормозом в землю. На маске, слева, вторая вмятина, более глубокая. Обогнув коробку спереди, осматриваю правый борт. На нем тоже есть вмятина и две пробоины: одна – около командирского места, вторая – напротив двигателя. Значит, было пять попаданий... Странно, ведь мы слышали только четыре. По-видимому, две болванки угодили в машину одновременно.

С содроганием в душе приближаюсь к тому месту, где взорвалась машина Кураева. От нее тоже осталась лишь черная коробка. Пробоин в корпусе я не обнаружил: очевидно, снаряд попал в открытый смотровой лючок водителя, от взрыва сдетонировал боезапас, и весь экипаж погиб мгновенно. У солдат

это считается легкой смертью... Хоронить нам здесь никого не придется: ничего не найдешь. И страшно наступать на землю около самоходки...

Приподнимаясь на носках, удаляюсь прочь, а выйдя на проселок, быстро спускаюсь по нему до крайней хаты села, почти не видной среди густого вишенника. Уже заметно стемнело. За этой хатой дорога круто сворачивает влево, а затем словно ныряет на дно балки, где затаилось притихшее село. Постояв у поворота в раздумье с минуту, решаю возвращаться, но позади хаты, в саду, замечаю вдруг корму нашей самоходки. Чья же это? Подхожу к машине вплотную и вижу: на башне, опустив ноги на моторную броню, сидит Прокудин и, запрокинув голову, со смаком тянет воду из плоского питьевого бачка. Узнав меня, Славка уронил бачок и застыл на месте, откинувшись назад и вперив в мое лицо испуганный взгляд. Глаза его расширились так, что показались мне квадратными. Вдруг он боком, точно краб, отодвинулся к люку и быстро забросил обе ноги внутрь, намереваясь спрыгнуть в машину.

– Стой! Куда ты? Дай попить!

Он снова остолбенел, продолжая по-прежнему с ужасом взирать на меня. Бачок, однако, поднял и каким-то деревянным движением протянул его мне. Услышав энергичное бульканье воды, Славка наконец заговорил, в голосе его звучали странные нотки:

– Так ты же... сгорел...

– И теперь в образе призрака скитаюсь по полю отгремевшей битвы, наводя ужас на некоторых водителей, страдающих суеверием, – поддакнул я ему, возвращая опустевший бачок. Вода оказалась тепловатой, и было ее мало, так что пить захотелось еще сильней.

Мой приятель смущенно хохотнул и, окончательно успокоившись, коротко рассказал о том, как их машина успела под огнем немецких ПТО проскочить в «мертвую» зону и только поэтому осталась цела. (Так вот почему Т-34 стоял над самым обрывом и не боялся подставлять борт противнику!) Отсюда, из садов, они отстреливались и видели гибель обеих самоходок, но не заметили, когда покинул горящую машину наш экипаж: мешали дым и пыль, клубившиеся над полем боя.

Узнав от Славки, что выше по этой дороге, слева от нее, стоит Сулимов, прощаюсь и иду проведать своего товарища по учебному отделению, напарника по котелку и соседа по тюфяку. В полной темноте нахожу его машину по голосам и звяканью металла, отчетливо раздающимся в наступившей вокруг тишине. Неслышно подойдя к самой машине, с удовольствием

прислушиваюсь к знакомой невнятной скороговорке Сулимыча и к неторопливому, рассудительному басу пожилого усатого Кота, заряжающего. Кот – украинец, добродушный, спокойный и медлительный с виду. Меня он всегда называет «сынку», а теперь прямо-таки расцветает, видя живым и невредимым, и велит кому-то подать из башни питьевой бачок, поясняя мне:

– Ось трохи нимецькой гори... тьфу!.. шнапсу е. Зараз нам Грицько налье. Давай же бо пыты, щоб бильш нэ гориты! – и засмеялся-загрохотал, довольный складным тостом.

Мы постучали друг о дружку двумя трехсотграммовыми жестяными банками из-под консервов, почти доверху наполненными противной тепловатой жидкостью, которую я, не задумываясь, и проглотил, словно воду, потому что внутри у меня все пересохло и изнывало от жажды.

– Оце добре, козаче! – воскликнул Кот, подавая мне сверху большой ломоть хлеба, толсто намазанный тоже трофейным смальцем и круто посыпанный солью. Но есть совсем почему-то не хотелось, и пища застревала в горле. – Ты, главное, сейчас ни о чем не думай, не гадай, – дружески советовал мой ментор, приглушая голос. – У солдата ведь как? Жив остался – не горюй. Войны еще на всех хватит по завязку, и не такое, може буты, увидеть доведется.

После такого утешения он повел меня за машину и с гордостью показал глубокую отметину на левом наклонном листе башни: мы здесь, как видишь, тоже не отсиживались. Заметив в руке у меня почти нетронутый хлеб, Кот участливо сказал:

– Выпей, сынку, еще, щоб сердце отмякло. Это со мной было. Знаю.

Не помню, допил ли я поднесенную мне вторую «чару», но хорошо помню, как сразу смертельно захотелось спать, как свинцово отяжелели веки и как опустился я на разваленный крестец пшеничных снопов возле правой гусеницы...

– Правильно, сынку... Заспи хорошенько этот поганый день... – мягко гудит надо мной странно далекий голос Кота.

Последнее, что я успел почувствовать, – это падающую на меня сверху чью-то шинель, и тут же проваливаюсь в глубокую, блаженную тишину...

14 августа

Проснулся я только к концу (!) дня, когда солнце уже невысоко стояло на западе. Проспав восемнадцать с лишним часов, причем весь день на жарком солнце, поднимаюсь

совершенно разбитый, голова тяжелая, как чугун, и ясный день кажется мне тусклым. Самоходки Сулимова рядом нет, только тянется к Феськам оставленный ею гусеничный след. Плетусь уныло через поле в тыл. На мое счастье, навстречу попадается ремонтник из РТО, и я спрашиваю у него про свой экипаж. Солдат показал рукой на огромный скирд сена:

– Там найдете. Обедать собираются.

До скирда немного больше километра. Меняю направление и тащусь по жнивью – вчерашнему полю боя – мимо немецких окопов. А вот и стог, и не один, оказывается: в «затылок» ему пристроился метрах в пятнадцати второй. В промежутке между стогами, в душистой тени, сидят вокруг дымящихся котелков трое моих товарищей и, по всей видимости, приготовляются «уговорить» бутылку. Сидящий ко мне лицом Петров первый замечает мое появление и обрадованно восклицает, приглашая к «столу»:

– Вот и наш техник! Здравствуйте и присаживайтесь с нами перекусить чем есть. Лапкин, налей-ка всем по маленькой, как на войне.

Заряжающий протягивает мне первому колпачок от нашего 152-миллиметрового дистанционного снаряда. Вина мне совсем не хотелось, но и отказаться было неудобно. Храбро принимаю из рук Лапкина пятидесятиграммовую блестящую медную «стопку», наполненную коричневатой жидкостью, подношу ее ко рту и, собираясь с духом, глубоко втягиваю в себя воздух. Знакомый вчерашний запах шнапса ударил в нос, в голове закружилось, а в животе все словно взбунтовалось. Едва успев сунуть в руку Бакаеву колпачок, опрометью бросаюсь за стог, чтобы не испортить ребятам аппетита. Меня корчило и трясло, и ощущение было такое, будто меня выворачивало наизнанку. Через несколько минут, отдышавшись и утерши выступившие на глазах слезы, налегке возвращаюсь назад и слабым голосом прошу водицы, но мне дали горячего супу. И хлебать его, обжигаясь, было наслаждение неописуемое! Товарищи только изредка сочувственно посматривали в мою сторону, должно быть обо всем догадавшись, и ничего больше мне не предлагали, продолжая работать ложками и ведя неторопливую солдатскую беседу. Время от времени их негромкий разговор прерывался грохотом взрыва. Немец не очень-то далеко отошел от села, и тяжелые мины еще прилетали откуда-то с той стороны балки. Место для обеда было выбрано экипажем не случайно: с фронта нас надежно прикрывал передний стожище, который и бронебойным не прошибешь, стог чуть поменьше защищал тыл, а оба фланга открыты для наблюдения.

Из разговора ребят стало ясно, откуда такое обилие шнапса. Немцы, отступая, оставили, надо думать, не без умысла невывезенным большой винный склад. Так вот что за бочонок катил вчера днем по полю (да в гору!) под сильным пулеметным обстрелом пехотинец, обливаясь потом и падая от напряжения на колени, спеша упрятать в окоп сосуд с «бесценной» влагой... Понятна теперь и причина вчерашнего «представления» у тридцатьчетверки и щедрого Котова угощения, при воспоминании о котором к горлу подступает тошнота.

Покончив с обедом, экипаж около получаса благодушествует, развалясь на охапках сена и лениво перебрасываясь словами. Товарищи мои находятся теперь при РТО, в резерве, откуда нашего брата постепенно разбирают по машинам, ставя взамен выбывших из строя... И надо с толком пользоваться вынужденной передышкой, потому что неизвестно, как долго она продлится.

Неожиданно из-за стога выскользнул ефрейтор Шпилев, разведчик. Поздоровавшись со всеми, он отрубил:

– Товарищ лейтенант! Вам приказано явиться в штаб.

Вытирая верхом пилотки потный лоб, он тоже присел в тени. Зачем вызывают – он не знает. Затем он вытащил из-за голенища знакомую уже мне листовку:

– Читали, славяне? Всю округу фриц зас... – и ногу поставить негде.

– Ознакомились... Дураков ищет... и даже Ленина себе в союзники определил, паскуда, – со злостью ответил Петров.

Лапкин только плечами передернул с омерзением, но, взглянув на заряжающего, все-таки не удержался:

– Бакаеву дадим слово. Он у нас самый идейный... насчет пожрать.

– Да что тебе Бакаев дался? Чуть что – сразу Бакаев, Бакаев. А еще земляк называешься, – возмутился заряжающий. – И скажу, однако: ШВЗ ихнее по-нашему обозначает «штык в зад» фашисту за все его паскудства, да поглубже, чтоб голова не качалась.

– Вот так, Лапкин! – одобрительно засмеялся Шпилев. – Вопросов к докладчику больше нет? – Разведчик легко поднялся на ноги и стал отряхиваться от сена.

Грустно прощаться с экипажем: мы все уже успели привыкнуть друг к другу.

Часть пути мы проделываем вместе со Шпилевым, и по дороге он коротко и неохотно рассказывает о том, как сорвалась вчерашняя разведка. Разведчики втроем, во главе со своим сержантом, пробирались среди бела дня к селу Феськи по знакомой нам кукурузе, словно по лесу. Старшой двигался в нескольких шагах впереди, а двое других – чуть поотстав, слева и

справа. Ступать старались бесшумно, до боли напрягая зрение и замирая на месте при малейшем подозрительном шорохе. Идущий первым, несмотря на все предосторожности, лицом к лицу столкнулся с группой немецких солдат, должно быть тоже разведкой. Чтобы предупредить товарищей, он громко крикнул: «Умирать – так с музыкой!» – и, строча из автомата, бросился на врагов. Три фашиста разом рухнули на землю, но кто-то из них, оставшийся в живых, успел длинной очередью убить сержанта. Однако и сам немец был тут же прикончен подоспевшими на помощь Шпилевым с товарищем. Они потащили было своего командира, но немцы открыли по ним сильный огонь из окопов, скрытых в кукурузе. Убедившись, что сержант мертв (пуля попала ему в сердце), и забрав его автомат, разведчики сумели, прикрывая друг друга, каким-то чудом уйти и возвратились в полк ни с чем.

За разговором незаметно уплыли назад Феськи, и Шпилев остановился, чтобы показать мне направление. Заметив, что у меня нет никакого оружия, ефрейтор вынул из правого кармана брюк немецкий револьверчик, подобие нашего нагана, только меньшего размера и калибра, с шестигранным стволом. В барабане оказалось четыре патрона. «Все не с голыми руками», – сказал разведчик, и мы расстались.

Солнце садится справа – следовательно, я шагаю на юг, вдоль линии фронта. И все подтверждает близость переднего края. Два связиста, сгибаясь под тяжестью своих катушек, тянут куда-то телефонный провод, а третий поднимает его на шесты. Пробежал по извилистой дороге, оставив позади себя целую пыльзавесу, броневичок БА-60. Он кажется миниатюрным по сравнению с нашей махиной. Потом на большом зеленом лугу встретились бредущие гуськом три летчика в теплых синих комбинезонах и кожаных шлемах, в меховых унтах. Наверное, экипаж подбитого бомбардировщика. Они пересекали луг строго по диагонали, должно быть держась курса, взятого на свой полевой аэродром. Лица их, покрытые бисеринками пота, вблизи показались мне усталыми и злыми. Пройдя несколько километров, увидел по левую руку, на небольшом возвышении, как работает дивизион 152-миллиметровых пушек-гаубиц. Отдохнул минут пять, наблюдая: как-никак родственницы нашим самоходным установкам. Командир, выделяясь на фоне неба верхней частью туловища, по-артиллерийски громогласно, хватающим за живое голосом выкрикивает: «По немецко-фашистским захватчикам!.. За нашу Советскую Родину!.. За Сталина!.. Залпом!.. Огонь!» Картинно, почти как в кино. Позавидуешь... Но зависть – нехорошее чувство. Устыдившись, мысленно желаю «богам

войны» накрыть цель так, чтобы фрицам небо с овчинку показалось, и обхожу позицию дивизиона сзади: иначе оглохнешь.

Уже порядочно стемнело, когда путь мне перегородила балка, густо заросшая деревьями и кустарником. Гай. Войдя в тень, останавливаюсь, прежде чем начать спуск. Где-то глубоко внизу, на дне, вспыхивают и тотчас гаснут осторожные огоньки карманных фонариков, слышны оживленные голоса. Свои. Боком спускаюсь по крутому склону, то и дело оскальзываясь в темноте, с размаху обнимая шершавые стволы или цепляясь за ветви, норовящие хлестнуть по лицу. Заработал вдруг невидимый движок, и тускло засветились, постепенно разгораясь, четыре электролампочки, подвешенные на нижних суках деревьев, у самых стволов. Перед глазами моими возникла, словно на проявляемой фотокарточке, необычная картина. На земле сидели, белея повязками, несколько десятков солдат. Из темноты появлялись все новые группки людей. Белые санитары осторожно входили с носилками в освещенное место и устанавливали их так, чтобы лежащему раненому удобнее было смотреть на прямоугольный экран, который, казалось, парил в воздухе. По-видимому, я попал в медсанбат или в полевой госпиталь к началу киносеанса. Прислонившись плечом к дереву, стою в сторонке, в тени, испытывая в душе какую-то неловкость перед собравшимися здесь людьми, и размышляю, как быть. Доклад мой в штабе нужен разве что для проформы, до 24.00 явиться туда успею, так как идти уже недалеко. Решаю остаться и не жалею об этом. Застрекотал позади киноаппарат, засветился впереди экран, натянутый между двумя деревьями и прикрытый сверху большим плотным брезентом, чтобы незаметно было с воздуха. Под таким же брезентом стоял киноаппарат. Остальная часть «кинозала» со зрителями скрывалась под густосплетением ветвей и листвы.

В балке, южнее освобожденного с муками украинского села Феськи, неподалеку от передовой, демонстрируется «Большой вальс».

Трудно с помощью слов передать чувства, которые овладевают тобой, когда тебя подхватили и властно несут куда-то волны волшебных штраусовских мелодий. Очарования музыки не в силах нарушить ненужный аккомпанемент войны – раскаты орудийной стрельбы и то отдаленные, то близкие взрывы. И после вчерашнего дня встреча с бессмертной, глубоко человечной музыкой – такой неожиданный и дорогой подарок для воина. Она вся – блеск, движение и жизнь. Она так невыразимо чудесна, что все зрители: раненые бойцы и офицеры, медсестры и врачи, не занятые на дежурстве, весь пришлый, случайно зашедший на огонек военный люд – некоторое время молчат, про себя

переживая услышанное и увиденное, медленно возвращаясь к суровой действительности, и не торопятся расходиться, хотя свет в «зале» уже погас, киномеханик вручную перематывает ленту, а кто-то из гостей и из ходячих раненых – добровольных благодарных помощников – снимает экран и брезенты.

Около полуночи нахожу наконец штаб, да и то благодаря часовому, который тихо прохаживался перед одной из хат и остановил меня негромким, но грозным окликом. Пропуска я не знал, но танки на погонах и фамилия начальника штаба сделали солдата сговорчивее: он проводил меня, шагая сзади, к нужной двери.

Капитан Стегленко, оторвавшись от штабной карты, на которую падал желто-белый круг от подвешенной над столом переноски, нетерпеливо выслушал мой доклад о прибытии, потер усталые глаза и отпустил меня спать до утра.

15 августа

Но спать совсем не хотелось. Долго брожу по спящему селу. Тихо. Однако военная жизнь нет-нет дает о себе знать: пройдет, негромко фырча, автомашина с затемненными фарами; раздастся оклик невидимого часового; пророкочет высоко в темно-синем небе, усеянном звездами, едва различимый самолет; взлетит из-за горизонта осветительная ракета, на мгновение замрет дрожа, достигнув потолка, и падает вниз, рассыпаясь в искры. Между хатами и в садах понаставлены всевозможные машины, мирно жуют распряженные кони – тоже отдыхают.

Мне очень жаль Петра, непривычно и тоскливо без экипажа, даже без чревоугодника Бакаева. Усмехаюсь, вспомнив, как дня за два до того, как мы сгорели, замковый наш уговаривал командира дать разрешение экипажу подкрепиться неприкосновенным запасом, хотя, помнится, не более часа назад мы без помех пообедали. «Все одно вить зазря сгорит, товарищ лейтенант», – недовольно брюзжал он, плотоядно кося глаз на заветный вещмешок с консервными банками и звонкими ржаными сухарями. Но все его веские доводы были оставлены без внимания: Петр терпеть не мог нарушений дисциплины, в какой бы форме они ни проявлялись. И долго, наверное, будет еще вздыхать Бакаев о напрасно загубленном, по его мнению, НЗ.

У меня сгорело все, кроме того, что на мне. Вместе с вещмешком превратились в пепел и обе общие тетради: одна с дневником, вторая со стихами. Потеря первой особенно огорчает.

Немного мне известно о моих боевых товарищах.

Командир машины лейтенант Кузнецов Петр Тимофеевич, 1923 года рождения, уралец, сын шахтера из города Копейска Челябинской области. Он уже коммунист. До офицерского училища имел звание сержанта, воевал наводчиком, а затем командиром расчета в противотанковой артиллерии. В 1942 году был ранен в ногу, а после госпиталя его направили в командное училище, где он прошел ускоренный курс.

Командир орудия рядовой Петров (его имени, как и остальных членов экипажа, к стыду моему, я не знаю) постарше нас с Кузнецовым лет на пять, кадровик, бывший механик-водитель тридцатьчетверки. Участвовал в тегеранском марше в 1942 году, трижды горел, дважды ранен при этом. В результате последнего, особенно тяжелого ранения обеих ног у него неправильно срослись перебитые голени, и врачебная комиссия не разрешила Петрову водить боевую машину. Но в душе он по-прежнему настоящий танкист, влюбленный в свое дело. Он сумел добиться, чтобы его направили в полковую танковую школу, где переучился на наводчика. И теперь наш командир орудия всю свою ненависть к фашистам, все свое воинское мастерство вкладывает в выстрелы по врагу и редко не поражает цель первым же снарядом. Петров – мой наставник и опытный старший друг, и не один раз именно благодаря ему в первые дни наступления наша машина и экипаж оставались целы.

Заряжающий рядовой Лапкин, сибиряк, рослый, сильный мужчина лет тридцати пяти. Дело свое знает, держится с достоинством. Действует по принципу: сказано – сделано. Настоящий воин.

Замковый рядовой Бакаев – земляк Лапкина и его прямая противоположность. Приземист и несколько грузен, словоохотлив и очень любит поесть. Иногда трусоват.

16 августа

Началась обычная для танкиста без машины жизнь, так называемое «сачкование». Но это кому как. С дежурства по части (хорошо еще, если через сутки, а то бывает и без «пересадки») попадаешь дежурным по штабу или пищеблоку, а то вдруг превращаешься в офицера связи или выполняешь разные поручения, порой самые неожиданные.

Наступление наше продолжается. Мы, то есть все «безлошадные», передвигаемся вслед за полком на «Шевроле» со снятым брезентовым верхом. Неуютно и беззащитно чувствуешь себя в первые дни, лишившись привычного стального крова над

головой, словно ты – черепаха, у которой вдруг пропал панцирь.

Днем с Корженковым подобрали на поле немецкие листовки с таким воззванием: «Танкисты, переходите к нам! Иначе с вами будет то же, что случилось с вашими товарищами под Богодуховом!» В конце гнусной писульки известный уже пароль: «Штыки в землю!»

Мы слышали уже краем уха о том, как в пылу преследования какая-то танковая бригада, закружившись в районе города Богодухов, непонятным образом очутилась на рассвете перед огневыми позициями иптаповцев. Артиллеристы, никак не ожидавшие с фронта появления своих танков, немедленно открыли огонь. Завязался бой, в результате которого незадачливую бригаду сильно потрепали.

Никому не в новость, что на войне, тем более на большой, и по своим иной раз попадает, но наглые выкормыши доктора от брехологии – великие мастаки вывернуть все наизнанку. И эта привычка лгать и растлевать настолько у них впиталась в кровь, что, даже поспешно унося ноги к Днепру и тщетно пытаясь уберечь свой обтрепанный зад от чувствительных уколов советского штыка, они предлагают воткнуть этот самый штык в землю и гостеприимно приглашают вас в предатели...

17 августа

За освобожденным накануне селом Пересечное (это на подступах к городу Старый Люботин) к нам в полк прибыло пополнение – два КВ-1, оставшиеся от 61-го гвардейского тяжелого танкового полка. С механиками-водителями этих машин мы сразу же познакомились. Это техники-лейтенанты Шостак Афанасий Иванович (хохлы любят представляться по имени-отчеству) и Паршиков.

Все наши машины – семь боевых единиц: четыре СУ-152 и три КВ, считая командирский, – прочно закрепились на указанном участке за железнодорожной веткой, имея с тылу довольно глубокую выемку, и хорошо замаскированы частым кустарником. Машины поставлены над заранее вырытыми узкими щелями – укрытиями для экипажей. Остальной народ – «безработные» командиры машин и водители, а также разведчики и связисты – устроился либо в экипажных укрытиях, либо в выемке. Командование Степного фронта приказало на этом участке перейти к обороне. Всем нам, независимо от звания и должности, розданы гранаты Ф-1 и дополнительные пачки с патронами.

Санчасть расположилась на левом фланге, в кирпичном железнодорожном домике у края выемки. Облюбовав узенький немецкий окопчик в верхней части обрыва, тоже занимаю «оборонку»: углубляю дно, устилаю его ветками и травой. Совсем рядом – окопчик Шпилева. Разведчик долго брезгливо скребет стенки и дно своего «жилища» и отбрасывает подальше песок и мусор, «чтоб фрицевским духом не воняло». Место удобное. Стоит выставить голову над обрывом – увидишь среди кустов две-три танковые кормы. Хорошо видна отсюда и переправа, а за нею километрах в двух, как на картинке, село Пересечное, раскинувшееся на открытом и ровном поле. Выемка идет вдоль линии фронта и очень выручает во время обстрелов.

Переправа через неглубокую речку, по имени, кажется, Межа, вследствие сильно заболоченных берегов, очень неудобна и ненадежна. Она сделана из бревен, даже не скрепленных друг с другом, и вся латана-перелатана, так как ее то и дело повреждают немецкие снаряды, особенно тяжелые. Дальнобойные батареи противника старательно долбят по этому действительно узкому месту. И все, что происходит на переправе, не остается незамеченным скучающими в обороне обитателями выемки.

Во второй половине дня на наш берег переправлялась рота новеньких, как игрушки, БА-60. На головной машине восседал, изящно опершись на пулеметную башенку, командир. Вдруг слева по ходу колонны взметнулся толстый черный фонтан болотной грязи. Словно сдутый ветром, лихой командир провалился в башню (она у БА-60 без верха). Броневички поползли быстрее, то исчезая в клубе дыма, то снова появляясь, раскачиваясь, переезжали железнодорожное полотно и быстро уходили куда-то вправо, пропадая из глаз. Как ни рьяно били немцы, но никакого урона бронерота, к счастью, не понесла.

Как-то под вечер в обратную сторону, к селу, потащился конный обоз стрелковой части. На виду, по приподнятой насыпи дороги, от переезда к переправе медленно двигались усталые кони, понукаемые и подстегиваемые повозочными. Как обычно, полетели с шелестом снаряды. Один разорвался особенно близко у дороги, и солдат, бросив вожжи, спрыгнул в кювет, но тотчас же вернулся обратно к подводе, потому что на ней загорелся брезент. Ловко сбив пламя плащ-палаткой, повозочный спокойно (как казалось нам с полукилометрового расстояния) зашагал рядом с лошадью, которая, несмотря на грохочущие взрывы, продолжала тянуть вперед свою тяжелую поклажу.

Донимал здесь немец и бомбежками. Воздушные налеты «переживаю» в своем окопе, а случаются они часто, потому что в Пересечном скапливается разная техника и обозы, ждущие

очереди переправляться. Бомбы падают больше на село и на переправу, чем на «передок», где все рассредоточено, укрыто и, по возможности, старательно замаскировано.

Однажды обед нам доставили из-за речки на машине продчасти. Обычно же наши кормильцы предпочитают таскать термосы с пищей на себе, форсируя Межу вброд: и быстрей получается, и безопасней. Машина с термосами, ящиками с дополнительным пайком и мешками с махоркой не смогла вскарабкаться в нашу выемку и вынуждена была остановиться под прикрытием железнодорожной насыпи, над самой речкой, которая делает здесь крутую петлю, в сторону железной дороги. И как это нередко бывает, в момент наибольшего оживления в нашем стане появляется высоко в небе целая стая «Хейнкелей». Держа строй, стервятники, угрожающе подвывая, делают разворот. Все живое на земле прячется, если есть куда, и замирает, с тоской гадая, кому на этот раз достанется «подарочек». Первый удар – по селу. Земля крупно вздрагивает даже здесь, а в Пересечном творится сущий ад: село в течение одной-двух минут исчезает в огромных волнах дыма и пыли, среди которых беснуются яростные всплески новых взрывов. Немец кидается тяжелыми. После второго захода на село самолеты пошли по более широкому кругу, явно примериваясь к переправе. Зловеще воя, проползают над нами. Их несколько десятков. Затаившись в щелях, которых вырыто множество еще немцами по обеим сторонам насыпи от самой переправы до нашей выемки, с опаской следим за маневрами фашистских бомбардировщиков. Вот они развернулись и идут обратно с наглой неторопливостью, изматывающей душу. Секунды тянутся, как вечность. И не убежишь никуда...

– Да бросай же ты скорей, зануда! – не выдержав, злобным, вздрагивающим голосом произносит кто-то, сидящий в круглой ячейке недалеко от меня.

Его нетерпение, очевидно, принимается во внимание, и от самолетов отделяется целый рой маленьких точек. Быстро увеличиваясь, они несутся под углом к земле. Под нарастающий свист бросаюсь носом вниз на дно окопчика и зажимаю ладонями уши...

Взрывы тяжко ухают, сотрясают землю, сперва прижимая тебя ко дну, потом словно вытряхивая из щели. Если бы обед уже был съеден, его наверняка выдавило бы из меня обратно во время исполнения этой пляски на животе.

Перелет! Бомбы обрушились на болото и на переправу, где в эти минуты, разумеется, ни единой души живой не было. Ночью настил из бревен снова восстановят неутомимые и

самоотверженные труженики войны, а на следующее утро все начнется сначала.

Методические планомерные обстрелы переправы и села из дальнобойных орудий постепенно сделались привычны, по ним уже стали проверять часы. Больше всего изводили нас неожиданные артналеты и «неплановые» бомбежки. Они случались очень часто, и, сильно намаявшись за день, ночью иной раз я не в силах был открыть глаза, хотя ясно слышал грохот недалеких взрывов.

В одну из таких шумных ночей просыпаюсь от странного ощущения: земля качается подо мной, словно корабельная палуба при сильном волнении. Ничего не соображая, принимаю сидячее положение и, увидев в небе три немецких «фонаря», спрашиваю у головы, торчащей из земли метрах в трех от меня:

– Что? Бомбят?

В ответ весело засмеялись:

– Проспал, браток! Представление окончилось. Видишь, фриц уже свои люстры гасит. Ложись, досыпай на здоровье.

И правда, кругом все тихо, один из «фонарей» чадит на болоте, а два других медленно снижаются, разливая вокруг себя бледный, мертвенный свет.

Страшно надоела нахальная «рама», или «фриц в оглоблях», как очень метко и точно назвали наши солдаты немецкий самолет-корректировщик. Этот двухфюзеляжный прохвост висит над нашими позициями с восхода до заката, высоко и неслышно кружась, и осточертел буквально всем: и пехоте, и зенитчикам, и артиллеристам, и танкистам. Чуть обозначится на передовой или в ближнем тылу какое-нибудь движение, высмотрит ли дотошный летчик-наблюдатель непорядок в маскировке – сейчас же последует артналет. Точно по адресу.

Вооружившись немецкой винтовкой, найденной в кустах во время одной из ежедневных «экскурсий» по переднему краю, то есть вдоль линии наших боевых машин, грудью прикрывающих густо заселенную выемку, замышляю охоту на «раму», как только подвернется подходящий случай. За боеприпасами дело не стало: в развороченном прямым попаданием снаряда немецком пулеметном гнезде подбираю две снаряженные металлические ленты. Вернувшись «домой», «вышелущиваю» из них патроны (они как раз нужного калибра) и неторопливо, предвкушая «страшную месть», набиваю все наличные обоймы так, чтобы через один выстрел в «раму» летела трассирующая пуля. Это поможет мне делать необходимые поправки при стрельбе.

Мне почему-то казалось, что никому нет дела до пакостей «фрица в оглоблях». Помалкивали 45-миллиметровые зенитные

пушки вблизи переправы, и откровенно подремывали, пригревшись на солнышке, пулеметчики у спаренных и счетверенных крупнокалиберных пулеметов, установленных на «Студебеккерах». «Загорали» ребята на удобной позиции позади нас, за выемкой, тщательно замаскировав свои автомашины в высоком кустарнике.

Теперь, как только появлялась «рама», я сразу устраивался в своем окопчике у верхнего края обрыва и внимательно следил, закипая от злости, за ее нахальными маневрами, терпеливо ожидая своего часа.

И когда самолет однажды особенно низко закружился между переправой и нашей выемкой, открываю прицельный огонь. Светящиеся ниточки прошивают воздух совсем близко от «рамы», но дура с бронированным брюхом и усом не ведет – продолжает висеть почти над самым нашим расположением, поближе к широкой нейтральной полосе: говорят, пули ей не страшны.

То, что произошло после смены второй обоймы, обескуражило и сперва даже напугало меня. Внезапно за спиной громко рыкнули, будто прочищая горло, зенитные пулеметы и начали выпускать одну раскатистую длинную очередь за другой; вслед за ними в отдалении захлопали, зачастили пушечки-автоматы, быстро дергая вниз-вверх тонкими длинными стволиками с надульным тормозом, похожим на узкий раструб. На целом километре железнодорожного пути поднялся очень шумный и веселый тарарам, и винтовочка стала не нужна. Я прислонил ее теплый ствол к краю окопа.

«Рама» нервно засуетилась среди опутавших ее светящихся трасс и вспыхивающих на разной высоте белых курчавых клубков, оставляемых рвущимися зенитными снарядами. Растеряв свою обычную степенность, она рыскнула влево, затем вправо, и вдруг, к изумлению всех наземных наблюдателей, ловко крутнулась почти на месте, клюнула носом и с большой скоростью заскользила вниз, словно с горы. Неужели подбили? Едва сдерживаюсь, чтобы не испустить торжествующий вопль. Выжидательно утихла стрельба. А тем временем «падающая» пройдоха выравнивается над самой, как мне кажется отсюда, землей и, издевательски вильнув на прощание раздвоенным хвостом, пропадает за гребнем возвышенности.

Усаживаюсь на краю обрыва, свесив ноги в окоп, и молча радуюсь наступившей мертвой тишине. От гордости меня буквально распирает, и не терпится срочно похвастаться хоть перед кем-нибудь, желательно из своих, как по чьей-то личной инициативе была с позором изгнана «рама». Но моего соседа и приятеля Шпилева нет на месте с самого утра: наверное,

разведчикам нашлось дело. И я отправляюсь к Сулимычу: его самоходка ближе всего от правого края выемки. Но на полпути туда начался такой бешеный артиллерийско-минометный обстрел, какого не случалось здесь со времени нашего внедрения на этот плацдармик. Оставшееся до машины расстояние я проделал не помню как и долго отсиживался в узкой щели под брюхом самоходки вместе с экипажем, пока немцы не прекратили огонь. Ясное дело, охота рассказывать ребятам о содеянном пропала у меня совершенно.

А «рама» чертова на следующий день над нашим участком не появлялась, но я не приписываю этого к своим заслугам: должно быть, из-за низкой облачности ей здесь просто нечего было делать.

В тот относительно спокойный день на штабном «Виллисе» прикатила на передовую старший лейтенант медслужбы, с узенькими серебряными погончиками, в юбочке в обтяжку – новый начальник санчасти полка.

Едва успев вылезти из «козлика», вновь прибывшая капризным голоском обратилась к стоящим поблизости офицерам с просьбой достать для нее гвардейский знак взамен утерянного.

Кто-то переспросил: как это – достать?

– Да снять с убитого нельзя разве? – удивилась она недогадливости спрашивающего.

Улыбки на наших лицах угасли: нас покоробило от цинизма этой особы с наивным личиком. Паршиков даже зубами скрипнул:

– У, б...!

– Вы ошиблись адресом, мадам, – сердито отрезал харьковчанин Скоморохов. – Здесь не трофейная команда. Полк этот самоходно-артиллерийский, а не самоходно-мародерский.

И ушел к своей машине. Все последовали его примеру.

Нашего врача за день до этого «чудного мгновения» ранило прямо на пороге краснокирпичного домика, что стоит по ту сторону железнодорожного полотна, в том месте, где выемка сходит почти на нет, а дорожная насыпь еще не поднялась. Тем же снарядом убило наповал двух солдат-санитаров, достававших из колодца холодной воды для раненых. Колодец находится посреди аккуратного дворика шагах в двадцати от дома, на совсем открытом месте. Все это произошло у нас с Корженковым на глазах, когда мы только что вышли из выемки и не спеша шагали над кюветом на наш левый фланг, чтобы проведать скучающих там от бездействия ребят. Вдруг резкий сдвоенный свист над самой головой заставил нас броситься ничком наземь – и тотчас за линией, на дворе, прогремело два взрыва. Раздался пронзительный, резанувший по сердцу крик, и забренчало пустое

жестяное ведро. Приподнимаю от земли голову: по ту сторону рельсов недвижимо лежат возле колодца оба наших санитара, окрашивая песок кровью, а доктора кто-то втаскивает под мышки внутрь будки. Хочу бежать туда, но лежащий в трех шагах от меня в кювете Корженков неожиданно вскакивает с диким воплем на ноги. «Генеральская», с широким малиновым околышем фуражка, гордость нашего помпотеха, слетела с его головы и покатилась мимо меня, но я успел прихлопнуть ее к земле рукой. А мое непосредственное начальство уже понеслось огромными скачками назад, к выемке, нелепо размахивая руками и с ожесточением хлопая себя то по затылку, то по ушам, то по лицу. Ничего не понимая и не на шутку перепугавшись, бросаюсь в погоню, но не тут-то было: Корженков, набрав предельную скорость, с разбегу вламывается в кусты, словно танк, и некоторое время петляет в их чаще. По ту сторону зарослей наконец настигаю беглеца и крепко схватываю за плечи. Он оборачивается и смотрит на меня одним глазом. Правый глаз почти совсем заплыл, подбородок округлился до неузнаваемости, а левое ухо продолжало увеличиваться в размерах, подходя, словно тесто, замешенное на хороших дрожжах. Прикладывая холодный ствол пистолета то к глазу, то к уху, он рассказал, чертыхаясь на все лады, что, свалившись при взрыве в канаву, угодил рукою в осиное гнездо. Результаты атаки рассвирепевших ос были на Сашкином лице налицо. Вручаю товарищу утерянную им при паническом отступлении важную часть обмундирования, которая придает военному надлежащий (и, надо заметить в скобках, завершенный) вид, и мы, обходя подальше опасное место, поспешили в санчасть узнать, что с нашим доктором. Убитых солдат уже отнесли в тень и накрыли шинелями, а из садочка за домом слышался скрежет лопат, вонзавшихся в пересохшую землю.

* * *

Наступать нам пока нечем, немцы тоже не проявляют никакой активности, если не принимать в расчет обстрелов и бомбежек. Видимо, противника вполне устраивало наше торчание на месте.

Немецкие наблюдатели денно и нощно неусыпно следят за переправой и за обоими выходами из выемки, в чем не раз нам пришлось убедиться. Однажды Шпилев предложил запастись к обеду спелыми помидорами, которые зря пропадают на поле за речкой: жители туда давно уже не заглядывают из-за частых обстрелов. Нужно только уметь выбрать время между двумя

артобстрелами.

Солдаты энской Сталинградской дивизии, которая занимает оборону вдоль железнодорожной ветки и которой придан наш уменьшившийся на две трети полк, – в основном сибиряки. Они быстро и деловито обжили вверенный им участок: запросто ходят к речке на постирушку и мыть котелки, по-хозяйски вылавливают глушеную рыбу, когда снаряд разорвется в воде, и даже купаются. Бойцы эти никогда не суетятся в минуту опасности, не кланяются при каждом свисте пули или снаряда, но никогда и не бравируют своей смелостью. Все у них выглядит очень естественно и буднично просто. Ну а мыто чем хуже?

Обсудив план своей «экспедиции», ожидаем наступления тихой паузы. Пора! Мы выскальзываем из выемки и, пригнувшись, сбегаем к берегу. У кустиков разуваемся, чтобы не зачерпнуть сапогами воды, закатываем до предела шаровары и решительно форсируем водную преграду. Пробежав десятка три метров по изрытому снарядными воронками полю, совершенно открытому и пустынному, торопливо приступаем к сбору урожая. Но не успели мы наполнить помидорами свои котелки даже наполовину, как начался непредусмотренный обстрел. Низко над головой со свистом и жутким воем полетели снаряды, загрохали взрывы по всему полю, выбрасывая в воздух тучи сухого песку. Мы лежим, уткнувшись носом в землю, вдавливаясь изо всех сил в еле приметные бороздки между грядками, которые расползлись и почти сровнялись с землей под действием дождей и частых обстрелов. Лежим, страстно желая уменьшиться в габаритах и всячески проклиная немцев за нарушение ими их собственной, известной всему миру пунктуальности. Едва огонь ослаб, мы стремительно ретируемся, не разбирая броду. Шпилев вдруг оступается и проваливается по грудь в яму, при этом он взмахивает руками, котелок опрокидывается, и заветные плоды уплывают вниз по течению. Спрятавшись в своих окопчиках, мы вытряхиваем из волос и выковыриваем из ушей песок, выжимаем мокрую одежду и, подшучивая друг над другом, заново переживаем свое приключение, довольные тем, что оно закончилось благополучно. Наши трофеи – один-единственный небольшой помидорчик, случайно не выскочивший из котелка ефрейтора. Потери – мой котелок: пока я нюхал землю на «поле боя», он был куда-то заброшен взрывом...

От старых фронтовиков мы уже знаем, что если немец, не скупясь, сыплет снарядами и листовками, то дела у него швах. Глухая ночь. Сквозь сон снизу, с линии, мне слышится шарканье множества ног и невнятный говор. Потом несколько резких, особенно громких в ночной тиши взрывов заставили меня

вскочить со своего ложа. Из темноты донеслись стоны и проклятия – и вскоре снова все стихло. Утром, в сером рассвете, шагая по шпалам к речке умыться, пока не стреляют, натыкаюсь на два солдатских вещмешка, изорванные в клочья осколками, а на дне кювета поднимаю круглый котелок, насквозь пробитый осколком. В котелок втиснуто полбуханки хлеба, который так и не успел доесть хозяин. Нелегок ты, солдатский хлеб... В нескольких местах на шпалах и песке темнеют засохшие пятна. Кровь...

Значит, нас еще и подслушивают.

20 августа

Днем, устав сидеть в окопе, решили с Корженковым, вместо обычного обхода машин, находящихся на огневой, пройтись до переправы, познакомиться с соседями справа. Начавшийся посреди дороги артобстрел загнал нас в ровик к артиллеристам, собирающимся обедать. Они радушно пригласили нас составить им компанию. Надо откровенно признаться, что такого наваристого, вкусного борща и такой рассыпчатой рисовой каши, обильно заправленной комбижиром, у себя мы ни разу не пробовали. На наш вполне объяснимый вопрос, всегда ли их так кормят, лейтенант и два бойца, угощавшие нас, ответили утвердительно. Пусть даже они и прихвастнули, не желая ударить в грязь лицом, но все равно, когда часть стоит на месте, кормить людей можно гораздо лучше, чем это делается у нас в полку. Был бы надлежащий контроль за продчастью и кухней. Заметив легкую тень недоверия на наших лицах, офицер-артиллерист объяснил:

– У нас насчет этого командир строгий. Стружку такую снимет с кого надо, если горячим довольствием в срок не обеспечат солдат, особенно на передке.

– Повара наши по ниточке ходят, стараются. И правильно: приехал на войну поваром – так и справляй свою должность, как положено. Дело ответственное, – вставил солдат, дуя в ложку.

Тут вспомнилось мне, как еще в Челябинске, на формировке, во время дежурства по пищеблоку, застал я двух пожилых бывалых поваров (это случилось уже после закладки продуктов в котел) за подозрительным делом. Выудив длинной двузубой вилкой из кипящего варева полусырое мясо, они отхватили ножом изрядный кус, но не успели завернуть его в полотенце. На мой удивленный вопрос они, нимало не смутившись, отвечали, что проверяют, сварилось ли мясо, и снова опустили его в котел. Сделав вид, что поверил им, из кухни после этого я ни на минуту не отлучался до самой раздачи.

21 августа

Корженков опять собрался идти к машинам. От делать нечего отправляюсь с ним: скорее пройдет долгий день. Первый визит сегодня – к Славке Прокудину. Во время затишья отыскали его машину. Приятель мой вылезает к нам, и мы спокойно обсуждаем

свои дела, стоя втроем позади его самоходки. Нового у них пока ничего нет. Рядом прогуливаются в обнимку два друга-украинца: один – настоящий великан, второй, невысокий и сухонький, едва достигает ему до плеча. Они воюют в разных экипажах, но в обороне их самоходки оказались случайно по соседству, и друзья рады. Сейчас земляки спивают дуэтом свои, украинские песни. Петь оба любят и умеют. Кончили «По-за лугом» и почти без передышки завели «Ноченьку». Ладно поют. Высокий тенор исполина красиво сплетается с бархатным басом тщедушного солдатика. Голоса певцов не вяжутся с их внешностью. Мы смолкли, слушая песню.

Вдруг над Славиной машиной – и не очень высоко – лопнула шрапнель. Никто из находившихся вблизи не успел даже пригнуться, а Корженков уже катается по земле, обхватив голову ладонями. Нагибаемся над ним – он только невразумительно мычит от боли. Подняли его и, отведя за корму, осматриваем «повреждение». По-видимому, небольшой горячий осколок, отскочив от башни, на излете продырявил уже известную всем фуражку и, больно щелкнув нашего неудачника по макушке, рассек кожу и заодно прижег ссадину.

Подбежали и встревоженные певцы. На великане все обмундирование в обтяжку. Гимнастерка, в которой свободно утонул бы любой из нас, кажется на нем короткой и уже лопнула на локтях; швы на могучих плечах расползлись, а ворот не сходится на целый вершок. Брюки на коленях тоже прорвались. Но особенно страдал этот Гулливер от тесной обуви. Ни сапог, ни ботинок крупнее 46-го размера хозяйственники не могли для него раздобыть нигде. А сейчас он приблизился к нам, умопомрачительно скрипя огромнейшими американскими башмаками: ярко-рыжими, на толстенной рубчатой подошве, которую довольный обладатель обновки называет «гусеницей».

Увидя, что помпотех уже на ногах и ничего страшного не произошло, богатырь весело подмигнул нам и, показывая на свои ботинки, сказал: «С такой ходовой частью я теперь вроде самостоятельной боевой единицы. Мне и в танк садиться нэ трэба: немцы от одного только скрипу перейдут в решительное отступление. И кто это балакать вздумал, що наши вирны союзнички норовят отделаться свиной тушенкой, яичным порошком да негожей техникой?» Даже бледный Корженков усмехнулся, страдальчески морща лицо. Помня недавнее нападение ос, поддержанное фашистским артналетом, он не захотел идти в санчасть, которая, как мы убедились, не совсем была скрыта от наблюдения и огня противника. Известно нам было также, что по той же причине новый начальник медслужбы

днует и ночует по эту сторону выемки, и поэтому Саша, сопровождаемый мною, потащился разыскивать старшего лейтенанта, которую мы через полчаса и обнаружили в удобном широком окопе, застеленном брезентом, под машиной Сулимова. Здесь она вкушала обед в обществе майора Перфилова, нового у нас в полку человека. Необходимая помощь пострадавшему была тут же оказана, и теперь наш бывший «помпа» вместо прозаического грязного бинта на шее гордо носит белую повязку на голове. Поверх повязки смешно и неуклюже сидит фуражка с малиновым пехотным околышем. «Ходячая мишень», – проворчал будто про себя Шпилев, издалека завидев важно шагающего куда-то помпотеха.

Во второй половине дня, ближе к вечеру, прилетала дружная эскадрилья Илов. «Горбатые» принялись усердно обрабатывать передний край противника приблизительно в тысяче метров от нашего правого фланга, напротив переправы.

В продолжение всей штурмовки мы, не скрывая своего удовлетворения, наблюдали за тем, что творилось на немецких позициях. Линия горизонта впереди то и дело исчезала за стеной взрывов; над полем заклубился черный дым, в котором непрерывно что-то трещало, рвалось; кое-где начали подниматься кверху языки пламени. Просто не верилось, что всего одна девятка самолетов способна устроить такой великолепный сабантуй.

Назад штурмовики возвращались, прижимаясь к земле, преследуемые частыми белыми и черными хлопьями разрывов. Считаем: одно звено, второе, третье... На земле радость: все целы!

В последнем звене правый ведомый немного поотстал, и на нем сосредоточили огонь, срывая свою злость, немецкие зенитчики. Ну, быстрей же ты, быстрей! Совсем немного остается до железнодорожной ветки – и вдруг сверкнула вспышка взрыва прямо на хвосте Ила, летят в стороны обломки хвостового оперения – и самолет, нелепо кувыркаясь, падает на вражьей территории...

Майор Перфилов, прибывший к нам в часть на стажировку вскоре после злополучного боя под Феськами, быстро всем пришелся по душе. По всем статьям это настоящий танкист, к тому же веселый и общительный, но без всякого панибратства. Ему были вверены две далеко не полные батареи самоходок еще при продвижении полка к Пересечному.

Полк наш тогда преследовал противника двумя колоннами, и одну из них возглавлял новый командир. Он ехал на головной машине, сидя на башне. Заметив в бинокль хвост вражеской колонны, которую замыкал танк, офицер-стажер, позабыв, должно

быть, в азарте о калибре орудия тяжелой СУ, приказал открыть огонь. Пушка рявкнула – и Перфилова опрокинуло на спину. Лежа на башне, он зажимал ладонями уши, между пальцами сочилась кровь, но барабанные перепонки, к его счастью, оказались целы.

Здесь, за переправой, майор умело командует небольшой танково-самоходной группой, а больные уши ему приходится затыкать ватными тампонами.

Под Старым Люботином наступление наше приостановилось приблизительно на неделю, в то время как на других участках войска Степного фронта продвигались, хотя и медленнее, к Харькову. Прибывшие к нам на пополнение рассказывают о тяжелых боях на ближних подступах к этому большому городу – областному центру и важному железнодорожному узлу и про все ту же кошмарную атаку на Дергачи. Любопытно было послушать о ней от ребят из других частей, дравшихся там, и сравнить между собой разные, так сказать, углы атаки.

А наши «пересечники» отличились в боях за Старый Люботин. Скрытно, под покровом темноты машины из нашей группы выдвигались на заранее облюбованные еще днем позиции, удобные как для наблюдения за противником, так и для ведения огня прямой наводкой. Учитывалась при этом и возможность надежно замаскировать машину. А чтобы немцы не услышали шума работающего двигателя, делалось это во время артиллерийских перестрелок или при артналетах. Впереди самоходного орудия или танка шел командир машины или же комбат, указывая водителю путь, намеченный при рекогносцировке.

Однажды сразу после рекогносцировки, когда еще не совсем стемнело, майор Перфилов сам повел в засаду машину Кости Стельмаха (Костин экипаж известен в полку как наиболее слаженный и боевой). «Виллис» с майором ехал впереди. Позиция для засады была выбрана в этот раз недалеко от Старого Люботина, напротив одной из городских улиц, которые круто спускались вниз, к окраине, и отлично просматривались. «Козлик», преодолев неглубокий кювет, остановился на старом грейдере, ожидая самоходную установку, крадущуюся через поле на малом газу, как вдруг в верхней части улицы из-за домов показался «Тигр», а следом за ним вылезли два «Фердинанда». Они шли в плотной колонне, без опаски.

Враги заметили друг друга одновременно, однако «Тигр» успел выстрелить раньше. Болванка свистнула над башней самоходки. Перфилов с шофером кубарем скатились в канаву, и дуэль продолжалась над их головами. Самоходка с поля тотчас

ответила, и танк загорелся. Громоздким семидесятитонным «Фердинандам», вооруженным очень длинной пушкой, нужно достаточно простора, чтобы развернуться для наводки. Немецким «самоходам» мешал пылающий впереди «Тигр» и стоящие вблизи дома. Поэтому «Фердинанд», замыкающий «троицу», попавшую впросак, попятился назад, стараясь развернуться орудием в сторону нашей самоходки и одновременно освобождая место для маневра своему собрату, но взорвался от второго бронебойного снаряда, метко посланного из СУ-152. Вспыхнул и деревянный дом рядом. Средний «Фердинанд» неуклюже заворочался между двух костров, ища, куда бы улизнуть. Дым и пламя мешали его водителю, и бронированное чудище врезалось длинноствольной пушкой в стену дома. Костя легонько довернул свою самоходку, а наводчик точно влепил снаряд в борт фашисту. Побоище это длилось всего пять-шесть минут.

Наконец побледневший майор, оглушенный выстрелами самоходки, поднялся из канавки и, усевшись в «Виллис», молча махнул в обратную сторону: засада сорвалась, а вылазка закончилась. Вскоре весь экипаж Кости Стельмаха представили к награждению орденами.

23 августа

Старый Люботин наконец наш! И с ним вместе сегодня освобожден Харьков. Во второй раз и теперь уже в последний. Навсегда. Оборона наша кончилась. Снова идем вперед. С ходу выбили фрицев из хуторов Мищенки, Иващенки.

И еще одна радость, касающаяся только нашего полка: на марше догнал колонну боевых машин лейтенант Арсланов, который попал в госпиталь еще по пути к фронту. Лейтенант, не мешкая ни минуты, принял свой командирский КВ, в экипаж которого три дня назад был назначен Лапкин вместо выбывшего из строя заряжающего. О Петрове и Бакаеве ничего пока не знаю.

25 августа

В совхозе имени 1 Мая Арсланов схватился с двумя не успевшими дать тягу немецкими средними танками: T-IV и T-V («Пантера»). Впрочем, «Пантера» весом тяжелее нашего тяжелого танка, а орудие ее почти такого же калибра, как у КВ (75 миллиметров). Но у «Пантеры» длинноствольная пушка, которая бьет значительно сильнее. Обидная несправедливость, о чем

нашим конструкторам срочно надо подумать. Поэтому экипаж Арсланова занялся сперва более опасным врагом – «Пантерой» – и поджег ее, но в это время тупорылый Т-IV, зайдя с борта, заклинил болванкой башню КВ. Сама болванка, пройдя сквозь броню, обессилела и упала в боевое отделение, на днище, не причинив никому вреда. Полуоглохший Арсланов, рассвирепев, приказал водителю идти на таран.

Черный КВ с развернутой влево башней и молчащим орудием, взревел и ринулся вперед, ломая на пути деревья, опрокидывая заборы и плетни. Т-IV, боясь подставить борт, быстро пятился задом и отстреливался, но его болванки рикошетировали, попадая то в лоб, то в башню нашего танка. Наконец беглец замешкался, въехав кормой в хату, и тут КВ с разгону грудью ударил слева наискось в лобовую броню фашиста. Удар был так силен, что горизонтальный броневой лист немецкого танка провалился внутрь, покорежив двигатель и насмерть придавив водителя. Остальные танкисты, обалдевшие и перепуганные, вылезли из башни, торопливо воздевая руки к небу.

В конце дня с болью в сердце наблюдал, как с «той», закатной стороны на высоте около полутора тысяч метров тянул наш СБ – скоростной бомбардировщик. За правым крылом его тянулась длинная полоса дыма, затем по плоскости забегали зловещие огненные языки. Пилот перевел машину в скольжение, стремясь сбить пламя, но оно не погасло, а только усилилось, полыхнуло по всему крылу и перебросилось на двигатель. Несколько секунд клуб огня продолжал по инерции лететь вперед. Потом грохнул сильный взрыв – и в чистом небе осталось только тающее облако дыма и сыплющиеся из него мелкие обломки самолета – «перышки», по выражению летчиков. Вся трагедия длилась не более двух минут...

26 августа

Почти на сутки застряли в населенном пункте Птицеферма. Темп наступления заметно снизился. Фашисты, цепляясь за каждую удобную складку местности, упорно дерутся. И там, где их не удается выбить быстро, они уничтожают и жгут все, что только можно. Дымятся сожженные хаты, стога хлеба и сена, даже неубранное кое-где жито. По ночам далеко впереди, на западе, полукругом светится огромное зарево.

В некоторых селах от садов остались одни низкие пеньки и вытоптаны огороды.

Аккуратно взорваны с помощью головых шашек телефонные столбы вдоль дорог – все подряд. На железнодорожных путях взорван каждый стык рельсов. Мы только недоумеваем, как же это немцы исхитряются так нашкодить. Объяснения мы получили от местного жителя, железнодорожника: к стыкам привязываются головые шашки, снабженные электродетонаторами, а затем по путям проходит бронедрезина со специальным устройством, замыкающим ток.

А когда отступающие варвары, преследуемые по пятам, стали не справляться со взрывными работами, они спешно придумали дешевый и эффективный способ перерезать шпалы массивным острым плугом, вмонтированным в утяжеленный паровозный тендер. Такое приспособление, прицепленное к подбитому снарядом паровозу, встретилось нам на одном из перегонов. Два локомотива тащат за собою подобный «плужок», и рельсы позади него сближаются, сдвигаясь с места, а между рельсов встают дыбом, словно драконовы зубы, поломанные шпалы. Восстанавливать железнодорожный путь, изуродованный таким зловредным способом, гораздо труднее и дольше, чем просто менять или сваривать взорванные рельсы.

Чем ближе мы к Днепру, тем больше следов бессмысленной, животной жестокости гитлеровцев. Они жгут, взрывают и разрушают все. Мало того, фашистские изверги насильно угоняют мирных жителей, убивая на месте за отказ покинуть родной дом. Если где и встречаем гражданских – то это главным образом старики и малые дети, потому что почти все работоспособное население либо вывезено в Германию, либо мобилизовано на рытье укреплений.

Населенный пункт Птицеферма. Жителей совсем нет. Может быть, прячутся где-нибудь, пока идет бой. Широкая, с покатыми склонами зеленая балка. На этой стороне балки – единственная хата. В ней штаб нашего полка. По ту сторону, левее, – высокие голубоватые вольеры, внутри которых, словно диковинные животные, «пасутся» наши танки и самоходки. Немец не переставая бьет по тому берегу, иногда переносит огонь и сюда.

Наша одинокая хатка на самом юру. Возле нее, в недавно отбитых окопах, разместились несколько автоматчиков и радистов. Последние два дня нахожусь при штабе в качестве офицера связи. Сейчас дел пока нет, но отлучиться никуда, даже за балку к своим, нельзя. Курим в неглубоком окопе, отгороженные от снарядов противника двумя тонкими саманными стенками, слушаем бывалого солдата-связиста. Он ленинградец, артист, очень интересный человек; телом худ и слегка сутуловат. Узкое умное лицо его старообразно из-за

появившихся раньше времени морщин, но оно неожиданно молодеет, когда рассказчик улыбается. Делает он это редко. Возраста его самые опытные «отгадчики» определить точно не смогли: получилось между тридцатью и сорока пятью годами. «Артистический», – отшутился радист и предупредил, что актеров об их возрасте вообще лучше не спрашивать, ибо эти во всех отношениях милые люди тотчас становятся капризны и щепетильны, как женщины.

Рассказывая с большим юмором о закулисной жизни театра, о полубогемных нравах рядовых актеров, особенно холостяков, об их «мальчишниках» с попойками «до льва» и прочем, он мастерски копировал действующих лиц, вызывая веселый смех у своих невзыскательных слушателей. Но все его прибаутки являлись не более чем интермедией, своего рода разрядкой, в главном повествовании о бесконечно долгом и кошмарном сидении в болотах перед Сенявинскими высотами, о многочисленных безуспешных попытках выбить оттуда сильно укрепившегося противника, целью которого было удушение Ленинграда голодом и холодом в тисках блокады, а затем взятие обессиленного и обескровленного города штурмом.

Артист попал в пехоту и провоевал среди болот почти полтора года, пока его не ранило. Он считает, что остался в живых случайно. Вот как закончилась одна из атак на участке его полка. Дело было зимой, в самую стужу. Болота сделались проходимыми (в основном для пехоты). После жидкой артподготовки, во время которой противник не ответил ни одним выстрелом, батальоны двинулись по льду к высоте. Наш собеседник (он был тогда телефонистом), разматывая на ходу провод и затаптывая его в снег, бежал вперед вместе со своей ротой в мертвой, пугающей тишине: высота по-прежнему молчала.

Вот цепи атакующих преодолели уже более половины расстояния до вражеских траншей – и вдруг ударили десятки немецких минометов. Мины перелетали через наступающие роты и рвались у них за спиной, отсекая от своих и взламывая болотный лед. На широкой полосе снег потемнел от выступившей на поверхность воды. А через минуту из дзотов в упор хлестнули огнем, захлебываясь от ярости, пулеметы. Идущие на штурм высотки люди с криком «ура!» бежали еще некоторое время вперед, потом залегли, хорошо заметные на белой, плоской, как стол, равнине. Многие из них не шевелились. Наконец бойцы не выдержали и начали было отползать назад, но фашисты перенесли огонь минометов вплотную к залегшим цепям, принуждая тех из солдат, кто еще оставался в живых, ползти

вперед, к подножию высоты, прямо на свирепствующие огневые точки...

Связист решил понапрасну в пасть смерти не лезть, а подождать, пока огневой вал, бушующий за самой спиной, не прокатится через остатки роты. Солдатское счастье улыбнулось находчивому бойцу: он уцелел. Мина, разорвавшаяся почти у самых его ног, засыпала его снегом, а ее осколки только посекли провод, остававшийся на катушке, да исполосовали шинель. В поддетом под шинелью ватнике он обнаружил потом несколько мелких осколков. Вжавшись в сугроб, солдат неподвижно пролежал до темноты (дни тогда были коротки) и уполз к своим, по пути приняв раза два ледяную купель. Вернулись из того боя немногие, да и то либо раненые, либо обмороженные.

Летом, но особенно в межсезонье идут в тех гиблых краях кровопролитные схватки за каждый сухой бугорок. От почти каждодневного стояния в воде, иногда по многу часов подряд, во время нарядов или боевых тревог у болотных солдат раскисали сапоги, опухали и начинали болеть ноги. Измучившись вконец, иные из бойцов теряли осторожность и выбирались по весне из залитых талой ледяной водой окопов и землянок на брустверы, на большие охапки камыша, поближе к солнцу, где становились легкой добычей немецких снайперов.

Сколько же поистине железного терпения и стойкости, какое невиданное мужество и непоколебимая уверенность в правоте нашего дела требуется воинам Ленинградского фронта, чтобы в таких пагубных условиях, без нормального снабжения самым необходимым, вот уже в течение двух лет удерживать на месте фашистскую мразь, и не только удерживать, но еще и находить силы для контрударов, оттесняя врага от стен города и буквально прогрызая блокадное кольцо изнутри.

Слушая неспешную, с перекурами, без эффектных фраз, речь солдата, невольно задумываюсь о наших ленинградцах, связи с которыми у нас с матерью нет с самого начала войны, и поэтому не сразу замечаю, как в наступивших сумерках по проселку, мягко пофыркивая мотором, мимо нашей хаты проплывает, словно тень, гвардейский миномет, за ним крадется второй...

Машины, миновав хату, развернулись влево, собираясь, очевидно, бить через балку.

Раздались отрывистые команды вполголоса. Чехлы с реактивных установок мгновенно будто сами спорхнули. Расчеты хлопочут возле машин, затем отбегают в сторону. Двое из минометчиков останавливаются за углом хаты, рядом с нами...

– Ну, бесстыжие девки, – с притворным возмущением ворчит бывший артист, мастерски копируя некую шамкающую

блюстительницу деревенских нравов, – раждеваюча донага прямо при шолдатах... Тьфу!

Под стеной захохотали.

– А вы, вместо того чтобы ржать, как застоявшиеся жеребцы, рассредоточились бы лучше по своим дыркам, покуда она, – связист кивнул на «катюшу», – песню не завела. Сейчас состоится концерт по заказу. Для немцев. Они большие любители принимать пищу под музыку: считают, лучше усваиваются калории.

Все разошлись по своим окопчикам.

«Катюши» «заиграли» почти одновременно. Ближняя, что заняла позицию метрах в тридцати от хаты, вдруг страшно и прерывисто зашипела, быстро выпуская один за одним реактивные снаряды, которые, трепеща огненными хвостами, стремительно уносились с характерным шелестом через верхушки деревьев, темнеющих за вольерами. Позади машин буйно заклубилась пыль, взметаемая с земли стартующими снарядами, и оба гвардейских миномета едва виднелись в окутавшем их облаке.

Лишь только смолкло последнее шипение, расчеты бросились к своим машинам, уже выезжающим на дорогу, повскакивали на ходу на свои места – и «катюши» были таковы. А там, на противоположной окраине Птицефермы, слышатся еще частые разрывы «катюшиных» мин, небо озаряется пульсирующими вспышками света, взлетают выше деревьев россыпи красных искр.

– Фриц не такой уж беспросветный дурак, чтобы «катюшиного» искусства не ценить, – послышался в наступившей тишине голос нашего радиста. – Сейчас раздадутся бурные аплодисменты, переходящие в овацию.

Едва предсказатель успел вымолвить последнее слово – резкий, короткий свист возник в воздухе, и на дороге грохнуло. Затем еще и еще. Началось... Из хаты высыпались штабисты и попрыгали в окопы. Сидеть стало тесно. Кто-то, привалясь ко мне дюжим плечом, проорал в самое ухо новость:

– А точно засек место, гад!

Хата судорожно вздрагивала при близких разрывах, и со стен ее беззвучно осыпалась на наши пригнутые головы и согбенные спины побеленная глиняная обмазка. Мы сидим, сжавшись до минимальных размеров и проклиная немцев за то, что они не удосужились даже для себя отрыть окопы поглубже. Артобстрел длился с четверть часа, но в хату ни один снаряд не попал.

На другой день начштаба послал меня с письменным приказом к нашим машинам за балкой. В сопровождающие дали автоматчика-связного Богданова. Пройти предстояло километра

полтора. Уже поравнялись мы с широким ответвлением балки в ее противоположном некрутом склоне, как вдруг начался артобстрел. Немец бил по площадям. Издали это выглядит не очень страшно и даже красиво: неожиданно в поле беззвучно вырастают в несколько рядов черные кусты, потом оттуда докатывается многократно повторенный и смягченный расстоянием грохот, а «кусты», расползаясь вширь, постепенно оседают к земле. Через минуту-другую это повторяется ближе или дальше, левей или правей. Вот уж разрывы поднялись метрах в пятистах от нас и с каждым новым залпом приближаются. Несколько немецких батарей, судя по количеству «кустов», последовательно и точно, не оставляя просвета, прощупывают на всякий случай не видимое со стороны противника, покатое к балке поле и саму балку. Ноги сами замедляют шаг. Маленький, юркий Богданов, почувствовав мои колебания, взглянул, прикрыв глаза от солнца ладошкой, туда, где очередная серия снарядов злобно терзала землю, и со спокойной уверенностью сказал:

– Дистанция 300 метров. Сворачивать не стоит, когда по площадям бьют. Надо смело идти своей дорогой, потому что все равно не угадаешь, какое место он следующим залпом накроет... Так объяснил мне старший лейтенант Рыбачев. Мы вместе с ним много походили.

Минуты две мы продолжали двигаться вперед молча.

– А если вы за приказ тревожитесь, – снова заговорил мой спутник на ходу, испытывая, должно быть, некоторую неловкость оттого, что ему приходится поучать старшего по званию, – то можно держаться метрах в двадцати – тридцати друг от друга, чтобы одним снарядом сразу обоих не уложило. И тогда кто-нибудь из нас доставит приказ наверняка.

Это бесхитростное утешение, понятно, мало успокаивало, но зато напоминало о главном: дело не ждет. Мы прибавили шагу, идя по-прежнему рядом, и благополучно достигли Птицефермы, а правее населенного пункта немецкие артиллеристы продолжали усердно перепахивать снарядами совершенно пустынное поле.

Пробираясь по Птицеферме, мы совсем не встретили пехоты. Только вблизи первого вольера увидели перебегавших по лужайке, окруженной стеной из старых вязов, четырех солдат в обмотках – минометный расчет. Они быстро, но без суеты установили свою «пушку» за невысокой, в пол человеческого роста, грудой щебня и битого кирпича. Командир расчета, небритый сержант, заглянул в свою записную книжечку и что-то скомандовал. Тотчас наводчик, опустившись на одно колено, покрутил маховички прицельного приспособления и доложил: «Готово!» Подносчик протянул заряжающему мину – и ротный

минометик, похожий на игрушечный, негромко хлопнув, выплюнул ее вверх. Описав крутую траекторию, минка исчезла за вершинами деревьев. Значит, противник сидит еще под самым селом. Пока мы переходили полянку, миномет успел хлопнуть раза четыре. А в селе то там, то здесь рвутся немецкие снаряды и мины.

Самоходку комбата мы отыскали в одном из вольеров. Машина стояла на огневой позиции. Часть проволочной сетки впереди сорвана со столбов, чтобы не мешала наблюдению. Передаю комбату пакет и, получив расписку, собираюсь уходить обратно, но случайно узнаю, что здесь, недалеко, находится и машина Сулимова. Как было не наведаться к своему однокашнику!

Приказав Богданову ждать меня у комбатовой машины, отправляюсь в гости. Каждый вольер примыкает к птичнику, сложенному из камня. Здешние индюки – или кто там – жили в настоящих хоромах. Обогнув длинное строение, замечаю еще одну самоходку, но из ее смотрового лючка меня приветствует Володя Скоморохов. Он показал мне, куда надо идти, но в это время по всему селу и между птичьими дворами начали слишком часто рваться снаряды и мины, и пришлось сперва отбежать к ближнему птичнику под защиту каменной стены, а потом и в окоп спрыгнуть, потому что немецкие снаряды летели вдоль длинных стен и падали то в вольерах, то левей и ниже фермы – на улицах.

Узкий окоп, вернее щель, глубиной в человеческий рост, вырыт вплотную к птичнику, так что фундамент постройки обнажился. Из щели выглядывают головы в касках, пилотках и даже в танкошлемах, исчезая при близких взрывах. Немец периодически забрасывает Птицеферму снарядами, и при сильном обстреле в окопы прячутся все, кто оказался поблизости. Из тупика щели, давшей мне приют, торчит прутик антенны. Там трудится радист – рыженький парнишка, еврей. В промежутках между взрывами со дна глубокого окопа доносится монотонное: «Орел! Орел! Я – Кулик-1. Как слышите? Прием».

Связь, видимо, не ладилась, и солдатик безнадежно повторял свои позывные. Это «я – Кулик-1» звучало у него как «я, кулик, один», да так тоненько и печально и нос у паренька так уныло висел над аппаратом, что соседи по окопу с улыбкой переглядывались.

– Ишь как жалостно выводит, – не выдержал пожилой, лет за сорок, пехотинец, коротко остриженный мужчина, должно быть, из новобранцев или недавно вернувшийся из госпиталя, – ну точно тебе кулик на болоте!

И с этой минуты позывной как-то сам по себе превратился в прозвище незадачливого радиста.

Дождавшись, когда поутихнет обстрел, мы с Богдановым заторопились назад, к штабу. Миномета на знакомой лужайке, изрытой свежими воронками, уже не было, а возле кучи щебня лежал лицом вниз один из минометчиков.

Приближался вечер, и я уже прикидывал, где лучше устроиться ночевать: в хате, на земляном полу, или в окопе, но явился Никодим Филинских, тоже механик без машины, и сердито произнес:

– За это надо проучить!

– Кого? За что?

– Иди и посмотри.

Мы отправились. Пройдя через выжженные на траве «катюшами» овальные черные площадки, наискось спустились к нескольким копнам сена, разбросанным по нашему склону балки. У первой копны Никодим остановился и приложил палец к губам:

– Тс-с-с... Учись, как надо воспитывать некоторых несознательных... Один сачок, – тут голос у Коди даже перехватило от негодования, – завалился спать чуть ли не за версту от своих, и, заметь, без всякого боевого охранения. Словом, готовый язык. Следуй тихо за мной.

Филинских, по-кошачьи мягко ступая, двинулся к соседней копне. Крадучись обойдя ее, он поманил меня пальцем и глазами показал на солдата, роскошно утопавшего в свежем сене. Тот лежал на спине, приоткрыв рот и мирно похрапывая. Пилотка, съехавшая на нос, прикрывала его лицо. Коля бесшумно приблизился к спящему и осторожно взялся за приклад карабина, лежащего справа от бойца. Солдат даже не пошевельнулся. Когда карабин оказался у товарища в руках, Кодя занялся перевоплощением: он повернул свою пилотку поперек, прихлопнул ее сверху ладонью, а погоны прикрыл пестрой трофейной плащ-накидкой. Преобразившись в «фашиста», Кодя сильно дернул за солдатский ботинок, тотчас пружинисто отпрыгнул и страшным голосом крикнул:

– Хэндэ хох!

Солдат вскинулся, нащупывая в сене оружие, и, не находя его, растерянно жмурился на низкое солнце, бившее прямо в глаза.

– Хэндэ хох! Стафайса, рус! – свирепо прорычал мой товарищ, скорчив зверскую мину и беря карабин наперевес.

Глаза любителя поспать широко раскрылись и в ужасе остановились на конопатом скуластом лице «немца»,

свалившегося словно с неба. Остатки сна с солдата будто рукой сняло, и он бочком, не меняя позы, перебирая ногами, стал сползать с копны, намереваясь дать стрекача, но его остановил лающий окрик:

– Хальт! Стой!

Щелкнул затвор разряженного карабина. Солдат побледнел и, по-прежнему сидя, молча поднял руки.

– Ну что, хватит, наверно, с него? – обращаясь ко мне, спросил Никодим обычным голосом. Он поправил на голове пилотку, повернув ее звездочкой вперед, сбросил с плеч маскировку и приказал: – Слезай, солдат. Да не бойся. Свои. На твое счастье. Получи оружие. Кто такой?

– Саперы мы, – отвечал немолодой боец, вздрагивающей загорелой рукою вытирая холодную испарину, выступившую на лбу.

– И давно воюешь?

– Скоро год.

– Как же ты, старый солдат, такую промашку дал? Жить надоело?

– Виноват, товарищ младший лейтенант. Больше не дам. Разрешите идти?

– Идите. Да за шутку не обижайся.

– Какая там обида! Наука. – И сапер, закинув на плечо свой карабин, удалился низом балки вправо, восвояси.

* * *

Последние дни августа. Полк снова наступает. Сегодня выбили немцев из хуторов Спартесный и Буцки. Где-то впереди и справа еще бухают орудия танков и самоходок, а к хутору Буцки уже подтягиваются наши колесные и гусеничные машины – тылы. Обочины дороги в пирамидальных тополях – удобно маскироваться. Все люди возбуждены, разговорчивы и предупредительны, даже повара. Настроение у всех приподнятое.

Мельком видел Вайсберга, из наших. Он приставлен к гусеничному «Сталинцу», который возит прицеп с запчастями. Вайсберг показался мне маленьким и ссутулившимся. Наверное, виновата в этом была просторная и длинная, до пят, прямо-таки «кавалерийская» шинель, которая смешно выпирала из-под ремня, образуя крупные складки под мышками и на спине. Комический внешний вид в сочетании с важным и озабоченным выражением лица, с каким наш однокашник прохаживался возле своего «хозяйства», вызывает невольную усмешку.

А накануне бесславно погиб майор Гончаров. Командир дивизии, которой придан наш полк, сам наблюдал за боем и сделал нашему командиру полка настоящий разнос за безынициативность и отсутствие общего руководства действиями полка на поле боя. И Гончаров, как был, в неподпоясанном комбинезоне, неуклюже переваливаясь и похожий от этого на медведя, потрусил к машинам, которые маневрировали под артогнем за хутором. Тут начался интенсивный минометный обстрел, и майору так и не суждено было добежать до своей машины. В полку облегченно вздохнули, должно быть, все, даже начфин, как-то, еще при жизни майора, проговорившийся, что никто из офицеров не допекал его так скрупулезной, придирчивой проверкой всех граф денежной ведомости, как это делал Гончаров, получая свою зарплату...

Потери, потери...

Населенный пункт Огульцы. Здесь мне стало известно, что во время бомбежек под станцией Черемушная тяжело ранен в обе ноги мой замковый Бакаев и получил тяжелое ранение Сулимов, с которым последний раз мы виделись вечером 13-го числа.

В экипаже командирского КВ убиты лейтенант Арсланов и мой бывший заряжающий Лапкин... Какие ребята! Похоже, что из всего моего экипажа уцелел пока один я.

Помпотех нашей батареи, оставшись не у дел (машин в полку мало, а помпотехов хоть отбавляй), принял должность начпрода, чтобы не быть отчисленным из части. Механиков-водителей это возмущает, и между собой мы называем его «предателем» (своего рода войск).

Узнав, где находятся убитые товарищи, втроем с водителем арслановского КВ и Афанасием Шостаком идем проститься. Лапкин и Арсланов, накрытые с головою одной шинелью, лежали во дворе старенькой низкой хатки, под копною сена, в тени. Своего заряжающего узнаю по длинным ногам в больших сапогах, Арсланова – по синим диагоналевым брюкам. Поднимать шинель было страшновато... Наконец водитель погибшего Арсланова, вздохнув, наклонился и осторожно отвернул шинель. Мы обнажили головы. Лица убитых – суровое и невозмутимое Лапкина и напряженное, с тонкими чертами, красивое Арсланова – почти не изменились. Казалось, что танкисты смертельно устали и крепко спят.

Спите... спите, друзья... Вас ничто уж теперь не разбудит: ни команда «вперед!», ни бомбежка, ни выстрелы пушек в упор, ни призывные звуки трехрядной гармони на короткой стоянке в селе или прямо средь степи широкой... Мы сегодня и сами не знаем, что нас ожидает наутро, но в одном мы уверены твердо: всю

фашистскую гнусь изведем. Пусть не мы – так другие дойдут до Победы. И в лучах упоительно мирного солнца засияют над миром святые бойцов имена... Их в сердца благодарные люди навечно запишут. Спите... спите, друзья!

Вы свое уже слово сказали – на рассвете соратники ваши продолжат ваш трудный поход.

Теплый ветерок перебирает волосы на головах стоящих рядом со мною товарищей-водителей, губы их беззвучно шевелятся. Думают, наверное, о том же, прощаясь – каждый по-своему – с павшими, что лежат перед нами плечо к плечу, словно два родных брата, – двое крепких, в полном расцвете сил мужчин, сибиряк-русский и татарин из Заволжья... А на завалинке хаты сидит сивобородый дед украинец с прокуренными, пожелтевшими от табачного дыма, висячими запорожскими усами. Неторопливо посасывая люльку, всхрапывающую при каждой затяжке, старик сочувственно поглядывает в нашу сторону выцветшими от времени, словно потускневшими глазами в венчиках глубоких морщин и бормочет про себя:

– Рано... рано видкозакувалы хлопци... Эт!

Афанасий первый прерывает молчание:

– Надо проверить, не осталось ли на ребятах каких документов.

В нагрудном кармане гимнастерки командира танка он находит командирскую книжку. По очереди бережно держим ее в руках. Оказывается, лейтенант Арсланов незадолго до войны окончил Смоленское артучилище. Значит, несколько лет жил в моем городе. Как часто на войне узнаешь что-либо о человеке слишком поздно...

Всем очень захотелось курить, но табаку, как это случается иногда во время наступления, ни у кого из нас не нашлось ни крошки, и Афанасий Игнатьевич дипломатически обратился на родном языке к хозяину насчет тютюну.

– Нэ потягнэтэ, сынки, – покачав седой головой, ласково проговорил дед и протянул Шостаку кисет.

Мы свернули «жадные» цигарки из листового самосада ядовито-зеленого цвета, прикурили. На всякий случай делаю легкую затяжку, но, сразу задохнувшись, начинаю ловить воздух широко разинутым ртом. У водителя с машины Арсланова тоже перехватило дыхание, и он разражается сильным сухим кашлем, утирая рукавом комбинезона выступившие слезы. Самый старший из нас и, следовательно, наиболее прокуренный, Шостак сумел затянуться раза два-три, после чего сокрушенно покрутил головою и с трудом выдавил из себя:

– Н-ну-хх!

А дед, как ни в чем не бывало продолжая посапывать трубкой и пряча лукаво усмехающиеся глаза под кустиками белых бровей, дружелюбно заметил:

– Я же сказав!

Помолчав немного, он добавил:

– Теперь такого тютюну не курят: дуже крепок. Вот если бы вы так же крепко били германца с самого начала, то не было бы на земле нашей такого лиха, не пришлось бы нам добрых хлопцев, – дедова трубка, зажатая в высохшей, с синеватыми жилками, руке, показала чубуком за наши спины, – хоронить лишних два года и не убивались бы с горя их матери, жинки да малые дети.

Оправдываться мы не посмели, и, попрощавшись со стариком, тихо, будто виноватые в чем, вышли гуськом со двора.

– Вот так попотчевал, старый! – грустно усмехнулся Шостак, только непонятно было, что именно имел он в виду.

Возвращаясь к машинам, мы с Шостаком узнали подробности гибели Арсланова и Лапкина. Местность под станицей сильно пересеченная, волнообразно повышается в сторону противника и удобна для противотанковой обороны, так как овраги тянутся параллельно линии фронта. Что ни балка, то новый рубеж и – новая задержка. Этим пользовалась неприятельская авиация, действовавшая на нашем участке очень активно.

Стоя на скате одной из возвышенностей, над оврагом, машины ожидали боеприпасов. Сперва прибыл «Студебеккер» со снарядами для КВ. Ящики с него быстро поснимали на землю, и он укатил, а танкисты принялись бегом носить снаряды к машинам (механикам-водителям было приказано не покидать своих мест). В самый разгар работы подъехал второй грузовик со 152-миллиметровыми для самоходок и остановился на склоне пониже командирского КВ. И в этот момент неожиданно из-за гребня выскочили «Юнкерсы». Началась штурмовка. Лапкин и Арсланов опустили свою тяжелую ношу на землю и заползли под днище танка. Может быть, все и обошлось бы, но одна из бомб угодила прямо в кузов грузовика, к разгрузке которого даже не успели приступить. Раздался сильнейший взрыв, и воздушной волной убило – без единой царапины – обоих танкистов. А шофер со «Студебеккера» каким-то чудом остался жив: он выпрыгнул за пару секунд до взрыва из кабины и покатился вниз по склону оврага.

Полк наш бросили на другой участок, к хутору Старый Мерчик.

Утром прибыло в полк новое пополнение (не знаю точно, которое по счету) из четырех СУ-152: две машины – из 1549-го

тсап (тяжелого самоходно-артиллерийского полка) и две – из 1529-го. Водители из 49-го – Бородин и Клепинин Дмитрий – свои, «питомцы ЧТТУ», и даже из нашей 13-й роты. Другие двое – Десятов и Тюриков – мне незнакомы.

Сентябрь

Среди дел, которые не терпят отлагательства, невзирая ни на какое время суток, ни на погоду, ни на твое настроение, я потерял счет дням и был крайне удивлен, узнав от своего нового начальника, что сентябрь уже наступил. А капитан до самой передовой весело подтрунивал надо мной по этому поводу.

Взяли деревню Журавли, потом Казачью Долину. Здесь в тихой хатке, стоящей над самым ручьем, так что пройти к ней можно было только по кладочкам, хозяйка – пожилая женщина – рассказала нам о том, как местные полицаи, словно угодливые псы, помогали фашистам устраивать облавы на молодых хлопцев и дивчат, не желавших добровольно ехать на работу (то есть на каторгу) в Германию. Несколько раз спасался от облавы сын этой колхозницы, шестнадцатилетний мальчишка. Последние полгода он постоянно жил настороже, спать ложился не раздеваясь возле неплотно прикрытого окна, под которым растет старая и корявая, очень ветвистая ива. При малейшей тревоге парнишка выскальзывал через окно и прятался в просторном дупле. Мать показывала нам это тайное убежище. Темное отверстие дупла находится на уровне крыши и совершенно незаметно среди густой листвы. Накануне нашего прихода немцы вместе со своими прихвостнями особенно злобствовали, и хлопец вовсе ушел из дому навстречу наступающей Червоной Армии.

Сюда, в Казачью Долину, неожиданно для нас приехал начальник штаба автобронетанковых войск (АБТВ) 53-й армии, которой сейчас придан наш полк. Майору нужно было своими глазами увидеть тяжелые самоходные установки в действии, и он потребовал, чтобы его немедленно проводили до места. Сопровождающим послали меня, считая, по-видимому, что никто не справится с этим делом лучше. Устраиваюсь на заднем сиденье старенькой, обшарпанной, видавшей виды эмки, и вот мы уже катим по пыльной дороге, которая замысловато петляет и только и знает, что задает загадки в виде развилок, на которых шофер останавливает машину и вопросительно поворачивает лицо ко мне, а майор начинает сверяться с картой, лежащей у него на коленях.

Самоходок мы не застали на том месте, где они вчера

добивали батальон смертников, который был окружен пехотой и уже оказался в тылу у наших наступающих частей. Пехоты для блокирования этого очага сопротивления было оставлено смехотворно мало, и она ничего не могла поделать с гитлеровцами, державшими круговую оборону на заранее подготовленном рубеже. Склоны высоты сплошь изрыты окопами, а подступы к ней простреливались из множества пулеметных точек, а также из минометов. Подножие высоты и овраги около нее заминированы. И туда, чтобы не терять зря людей, были брошены наши СУ-152, которые прямой наводкой, иногда почти в упор, били по амбразурам дзотов, по щелям и глубоким норам, выковыривая фашистов.

Полюбовавшись на развороченные снарядами накаты и на засыпанные песком траншеи и окопы, на валяющиеся повсюду трупы фашистов, возбужденный майор приказал Васе (так звали шофера) ехать дальше по гусеничному следу, так как я не знал, куда ушли самоходки. Вокруг высоты наслежено было сильно, но дальше машины двигались, по-видимому, не придерживаясь дороги, и на пересохшей земле очень трудно было отыскивать отпечатки гусениц.

Поколесив безрезультатно по степи и балкам, мы заметили возле одинокой, наполовину разбитой снарядами хаты узкий зигзагообразный окоп, вырытый у самого начала склона. Из окопа выглядывали в разных местах четыре головы в зеленых касках, напряженно всматриваясь в противоположный склон балки. Вася лихо подрулил поближе к окопу и остановил машину, но мотора не выключил. Майор вылез, приветливо поздоровался с бойцами и, стоя над окопом, по-хозяйски осмотрелся. Мне захотелось размяться, и я начал прохаживаться между машиной и окопом, не подходя слишком близко к армейскому начальству.

Над полем и балкой застыла какая-то дремотная тишина, которая казалась осязаемо тягучей из-за бесконечно-протяжного стрекота кузнечиков, блаженствующих на пригретом склоне среди увядающей травы. Вопрос майора о самоходках прозвучал неожиданно громко и отчетливо. Солдаты в окопе удивленно оглянулись и тотчас снова устремили взгляды в прежнем направлении, а один из пехотинцев, пожилой, с пышными, припудренными пылью усами, сердито сказал, коротко ткнув рукой перед собой:

– Вы что же, товарищ начальник? Мину или пулю схлопотать хотите? Тут до его окопов всего метров двести!

Подтверждая слова бойца, противно затявкали за оврагом немецкие минометы. Огорошенные таким оборотом дела, мы опрометью бросились к автомобилю. Едва мы плюхнулись на свои

сиденья, шофер рванул эмку с места в карьер, круто развернул ее и дал полный газ. А позади и по сторонам с грохотом вздыбились черные разрывы, по кузову застучали осколки и комья земли. Машина продолжала мчаться, следуя извилинам шляха, а взрывы преследовали ее по пятам. Последняя мина, должно быть тяжелая, крякнула особенно близко и громко. Зад автомашины так подбросило, что я взлетел над сиденьем и врезался головой в крышу кузова, давным-давно лишенную обивки.

Оглушенный ударом, ворочаюсь на днище в тесном пространстве между передним и задним сиденьями, пытаясь принять нормальное положение.

Мины больше не рвались, и водитель сбавил скорость. Майор повернулся ко мне, заглянул через спинку и спросил с улыбкой:

– Жив, лейтенант?

Осторожно ощупывая на гудящей голове здоровенную, продолжающую быстро расти шишку, не совсем уверенно бормочу себе под нос:

– Как будто.

А майор, вдруг погасив улыбку, строго обратился к своему лихому шоферу:

– А на тебя, Василий, так и знай, как только вернемся в штаб, я передам материал в Особый отдел.

– Какой материал? – недоумевает, слегка испугавшись, водитель.

– За что, товарищ майор?

– А кто уже в третий раз пытается отвезти к немцам самого начальника штаба отдела АБТВ армии?

Вася сник, а начштаба, откинувшись на спинку, весело расхохотался, довольный розыгрышем.

Как-то Вовк-Курилех, забрав меня с собой, отправился на рекогносцировку к селу Ковьяги. Выехали на «Виллисе». Машинка открытая, и наблюдать из нее очень удобно.

Не задерживаясь, миновали широкую полосу сожженного ковыля в лощине, из которой выкуривали фашистов наши огнеметчики. Там и здесь валялись обугленные трупы врагов (не все же нашему брату гореть!). Атака огнеметчиков была, разумеется, ночной, так как я заметил только двух убитых бойцов. Они лежали в траве, зажав в руках наконечники шлангов, присоединенных к зеленым баллонам-ранцам за спиной. Если такую посудину продырявит пуля или осколок, то сгорит сам огнеметчик: жидкость эта мгновенно воспламеняется при соприкосновении с воздухом.

Несколько правее этого жуткого места лощина постепенно превращалась в балку, проезжая вдоль которой мы увидели то,

что осталось от тридцатьчетверки: кормовая броня ее врезалась торчком в черную землю на самом краю огромной свежей ямы. Тут сработал фугас. Дошлые немецкие саперы предусмотрели, что по дну этого оврага могут скрытно выйти к железной дороге наши танки. А однопутная ветка проложена рядом с Ковьягами. Фашистский «гостинец» буквально разметал танк, некоторые части которого встретились нам в самых неожиданных местах: опорный каток почему-то не лежал, а стоял на левом берегу оврага; орудие вместе с маской отлетело далеко вправо и вонзилось в откос. «Да-а», – поежился шофер, вертя баранку.

«Виллис» покатил через поле. Слева показалась железнодорожная насыпь. По обе стороны ее время от времени рвутся немецкие снаряды. Очень неуютно чувствуешь себя при этом в открытой машине, но капитан оставался невозмутим и внимательно изучал местность: полку предстоит сегодня развивать наступление на совхоз «Коминтерн».

Наконец закраснели кирпичные станционные постройки. Не доезжая до них метров трехсот, мы увидели по эту сторону железнодорожного полотна, среди пожухлых от огня кустов снегозащитной посадки, три разбитых СУ-152. У одного из них даже оторвало половину орудийного ствола. Номера на башнях машин не нашего полка.

С переезда открылось по ту сторону насыпи большое гладкое поле, с сильным уклоном к Ковьягам, все почерневшее и уставленное в шахматном порядке тридцатьчетверками, застывшими на берегу. Как-то странно выглядел среди гусеничных машин сожженный тяжелый бронеавтомобиль, вооруженный небольшой пушкой. Вчера танкисты, лишенные возможности обходного маневра, выбили фашистов из села лобовой атакой. Видимо, в атаку брошено было все, что только имелось в распоряжении командования, и дорогой ценой достались нам Ковьяги... Говорят, здесь сражались катуковцы.

Поле просматривалось далеко, но все мертвые машины сосчитать на ходу я не успел. Сердце больно сжалось при виде этой наводящей тоску картины...

О славное поле боя! И несгоревшие танки высятся там и здесь на нем – памятники. Памятники тем, кто шел вперед, наперекор тысячам летящих навстречу смертей, пробивая дорогу к желанной победе, и умирал гордо, обратясь лицом к ненавистному врагу... Вечная слава вам, товарищи мои по оружию! Вечная слава вам, безвестные герои!

* * *

В освобожденном с боем совхозе «Коминтерн» встречаю Стельмаха. Еще плавает на улицах дым, обдает жаром от догорающих хат, бродят около своих пепелищ растерянные женщины, испуганно жмутся к матерям ребятишки. Сигналя, проносятся через село автомашины, лязгают гусеницами отставшие танки и самоходки, и беглым шагом проходят солдаты – все торопится в ту сторону, откуда долетает гул откатывающегося на запад сражения.

Костя, угрюмо нахохлившись, сидит на низеньком приступке перед порогом штабной хаты. Лицо водителя грустно: вчера сожгли его машину, кто-то из экипажа в бою погиб, двое ранены. Мой товарищ по училищу – один из первых награжденных в нашем полку. Случившемуся возле штаба Клепинину (тоже, наверное, ждет не дождется назначения на машину) не терпится взглянуть на новый, недавно учрежденный орден, и Дмитрий просит: «Костя, покажи!» Стельмах недоумевающе поднимает на него глаза, и тот пальцем тычет себя в грудь. Костя неохотно расстегивает верхние пуговицы комбинезона и на минуту оттягивает в сторону правый борт. Над карманом гимнастерки блеснул орден: алая звезда на серебряном фоне, украшенном скрещенными винтовкой и саблей; в центре круглое белое поле с золотыми серпом и молотом, а по окружности надпись: «Отечественная война». Орден подвешен на темно-красной прямоугольной колодке. Дружно поздравляем товарища, но он от этого не делается веселее и только делает рукою жест, обозначающий: бросьте, мол, ребята, не до восторгов сейчас.

Отсюда, из совхоза, ходили мы с Богдановым искать наши самоходки в Ковьягах и Перекопе. Никогда бы не подумал, что села могут быть такими большими. Заблудиться можно. Оба населенных пункта так забиты войсками разных родов, что мы не только не нашли наших машин, но даже и узнать о них ничего не смогли.

На следующий день освободили село Высокополье, а вслед за ним, после тяжелого для нас боя, – Николаевку, на подступах к которой нам преградила путь роща. В ней, вдоль всей опушки, прятались в капонирах «Тигры». Теперь перед поредевшей рощей, на изуродованном воронками поле, стоят несколько наших сожженных и подбитых танков, большей частью средних. Машины замерли в самых различных положениях: одни развернулись вправо, другие – влево, орудия их смотрят в разные стороны. Огонь «Тигры» открыли внезапно и били в упор, на выбор. Дохлое дело – наугад бросаться на этакую опушку, но другого выхода не было – и лезли, дрались по известному принципу: морда в крови, но наша берет.

В конце того дня, после боя, в районе сбора выяснилось, что опять три наши тяжелые машины неизвестно где, и снова послали меня на поиски на этот раз с каким-то новым в полку лейтенантом. Идти пришлось около той грустной опушки, то и дело перепрыгивая через окопы. И там нас захватил минометный обстрел. Слышим позади: «Эй, лейтенанты! Давайте к нам! Веселей будет». Оглядываемся: два офицера в фуражках стоят по грудь в окопах, на плечах полевые погоны с двумя просветами. Мы, не останавливаясь (в обществе старших чувствуешь себя как-то стеснительно), в три прыжка очутились в соседнем окопчике, метрах в десяти. И вовремя. Мины рвались уже по краю опушки, ложась все ближе и гуще. Пригнувшись пониже, пережидаем. Стихло сразу, словно отрезало. Стряхнули с себя песок, перевели дух, закурили и вылезли. Смотрим на окоп, из которого нас окликнули, – он весь разворочен. Подходим к нему вплотную, переглядываемся и – молча снимаем пилотки. Прямое попадание в такую щель... Дикое невезение!

По возвращении в район сбора приступаю наконец к выполнению своих прямых обязанностей: принимаю СУ, на которой ранило механика-водителя, незнакомого, из новых. Машина уже выходила свое, и двигатель тянет плохо. Поршни в цилиндрах хлюпают, из выхлопных патрубков черный густой дым валит: дизель «ест» масло.

Управившись с делами на машине, иду на луговину, где остановилась небольшая колонна нашего полка, все время возрождающегося, подобно птице Фениксу, в результате новых пополнений. Из «стариков», к моему огорчению, никого не оказалось, и только у одной самоходки я встретил Володю Скоморохова.

На следующий день полк продолжал наступление через Дмитровку – Стародуб. В Стародубе днем получено было донесение разведки о том, что фашисты гонят в направлении Чутова большую пешую колонну мирных жителей, численностью около пяти тысяч человек, с домашним скарбом на подводах. В колонне много детей. Она конвоируется ротой эсэсовцев. Примерно взвод их едет на колясочных мотоциклах с пулеметами.

Командир полка капитан Вовк-Курилех (сибиряк из украинских, по-видимому, переселенцев) после короткого офицерского совещания принимает смелое и очень правильное решение – бросить в тыл противника танковый десант на выручку угоняемых к Днепру советских людей. Линия фронта ввиду непрерывных перемещений воинских частей постоянно изменялась и не была сплошной. Этим обстоятельством можно

воспользоваться. Медлить нельзя ни минуты.

Под рукою командира полка всего четыре исправные машины: две СУ-152, один КВ-1С и один Т-34. В десанте идут несколько разведчиков из разведвзвода и солдат из РТО – всего человек около двадцати.

Вовк-Курилех повел десант лично, избрав командирской машиной тридцатьчетверку. Через несколько километров пути при спуске по крутому уклону к какой-то речке «разулась» одна из тяжелых самоходок. Остальные машины, не имея времени ждать, пока будет надета гусеница, продолжили движение вперед.

В широкой лощине с редкими пучками кустов и расставленными там и здесь стогами сена увидели наконец хвост колонны. Она растянулась на целый километр и медленно ползла по дороге.

Услышав рев приближающихся танков, в колонне все замерло. Затем раздались пулеметные очереди из КВ и тридцатьчетверки, которые пошли слева и справа вдоль колонны, стреляя по растерявшейся охране, никак не ожидавшей появления наших танков у себя в тылу.

Однако эсэсовцы, эти гнусные «потомки нибелунгов», оказались опытными головорезами. Те из охранников, что не были задеты пулями, бросились наутек, прижимаясь вплотную к остановившейся колонне, зная наверняка, что танкисты не станут стрелять по своим. На бегу прохвосты строчили из автоматов для острастки (а может быть, просто с перепугу) то по мечущимся людям, то по бьющимся в упряжках лошадям. А мы ничего не могли сделать, только скрипели зубами. Зато там, где удавалось отсечь конвоиров от невольников, и стрелки-радисты, и наводчики, и водители не щадили никого из убийц...

Через несколько минут все было кончено. Те из фашистов, кому посчастливилось удрать на мотоциклах, скрылись из глаз. Заглушены двигатели, откинуты крышки люков, показались над броней возбужденные потные лица в черных шлемах...

Вовк-Курилех вылез из башни, спустился на крыло тридцатьчетверки, поближе к обступившим машину людям в штатском. Одни из них растерянно улыбались, еще не совсем веря тому, что произошло, другие, особенно женщины, плакали, прижимая к себе детишек. Капитан снял фуражку и поднял руку. Все посмотрели на него.

– Дорогие братья и сестры! Земляки! Поздравляем вас со свободой! Фашистскому порядку – конец! А теперь, не мешкая, быстро, разными шляхами все по своим хатам, будто вас здесь и не было. Немец может вернуться с подмогой, а нас, сами видите, маловато, но мы его тут задержим. Счастливого вам пути!

Так повторил он еще в двух-трех местах, проезжая, стоя на крыле, по огромному табору, и некогда было порадоваться всем вместе: спасенным и танкистам.

Под причитания женщин мужчины, почти одни седоусые, и молодые совсем хлопцы грузили на подводы убитых и наспех перевязанных раненых селян. Другие вместе с десантниками собирали немецкое оружие и из него же, с ненавистью и отвращением, как бешеных волков, приканчивали своих мучителей, которые всего полчаса назад избивали и убивали каждого, независимо от возраста и пола, кто начинал отставать, кто не так, либо косо, либо слишком смело, глянул на фашиста.

Не прошло и часа – все вокруг опустело, только чернели вразброс по лощине вражеские трупы и валялось несколько опрокинутых и раздавленных гусеницами мотоциклов.

* * *

От красного круга солнца на западе остался лишь узенький краешек, готовый вот-вот скрыться за горизонтом. Можно было уходить и нам.

Немецкие танки появились неожиданно, быстрее, чем мы рассчитывали. Очевидно, в распоряжении начальника конвоя имелась рация. Сам он следовал в голове колонны, как сообщили колхозники, и немедленно дал тягу, как только сообразил, что произошло...

Танки фашистов, обтекая лощину с обеих сторон, с ходу открыли огонь.

Командир полка приказал всем машинам отходить, не теряя друг друга из виду, сперва по лощине, а дальше – используя каждую низинку, любое затененное место, чтобы как можно незаметнее быть самим и в то же время лучше видеть врага.

Судя по вспышкам выстрелов, неприятельских танков пожаловало по наши души около десятка, но наступающая темнота почти лишала врага численного преимущества, а грозно и – главное – неожиданно рыкающее 152-миллиметровое орудие нашей самоходки заставляло наших преследователей держаться в почтительном отдалении и действовать с опаской.

Автором первого немецкого «факела» стал экипаж КВ, идущего метрах в четырехстах слева от нашей самоходки. Через некоторое время после меткого попадания тридцатьчетверки сразу взорвался еще один танк.

После каждого выстрела оба наших танка быстро меняли позицию, самоходка медленно пятилась задом. Сумерки совсем

сгустились, все шло нормально, но немцы все-таки засекли по вспышке и подбили командирский Т-34.

Из танка выскочили только трое из пяти. Водитель и стрелок-радист, сидевшие рядом, погибли. Потом уже, после того как вышли из боя, стало известно, что нашему капитану, когда он спрыгивал с машины на землю, обе ноги перебило пулеметной очередью из фашистского танка, и командир тридцатьчетверки с башнером ползком оттащили раненого за стог сена, оказавшийся, на их счастье, рядом. Это их спасло. Оставив башнера с командиром полка, лейтенант сумел добраться до КВ, и танк, на малых оборотах, чтобы не искрить, подойдя к стогу, забрал истекающего кровью капитана. Затем обе тяжелые машины, посадив поредевший десант на броню, в темноте благополучно оторвались от противника, который прекратил преследование, опасаясь встречи с нашими наступающими частями.

Наложенные не сразу жгуты, долгий ночной путь к деревне Дорофеевка оказались роковыми для Вовка-Курилеха. Он уже имел до сегодняшнего случая два тяжелых ранения, не говоря о легких, и однажды с горечью признался мне, что своей крови у него почти не осталось. Его энергичное, волевое лицо, всегда бледное и слегка одутловатое, показалось нам меловым, когда ранним утром заглянули мы в хату, где полковая медицина спасала капитана, впрыскивая ему камфару для поддержания сердца. Наш Вовк трудно, в полном сознании умирал. Попрощавшись с ним, мы вышли с Клепининым и Бородиным на улицу, понурив головы.

Днем командира полка не стало. Говорили, что он молча плакал перед самым концом... Наверное, от обиды. Только начнешь узнавать человека и привыкать к нему – а его уже нет. Проклятая война!

Похоронили капитана Вовка-Курилеха в Дорофеевке, на видном месте, и столбик, стесанный с одной стороны для надписи и увенчанный жестяной звездой, в изголовье поставили, а все боевые машины, что на ходу были, выстроились в строгую линию и, дав угол возвышения орудиям, отсалютовали командиру полка, славному воину и хорошему человеку, тремя залпами в сторону противника.

В Дорофеевку, уже занятую пехотой, мы прибыли из рейда среди ночи. Ориентиром нам послужили несколько догорающих хат. Перед отступлением в деревне поработали рыжие сволочи – эсэсовцы. У порога одной хаты лежал белобородый старик в белой полотняной рубахе, а рядом с ним – двое маленьких мальчуганов, должно быть внучат. У деда в обеих руках зажаты пуки почерневшей соломы. Он не дал загореться крыше, которую

подпалил факельщик, и был застрелен на месте озверевшими поджигателями, убившими заодно и детей. Ахата осталась цела. Проходя мимо нее, солдаты и офицеры замедляют шаг, сжимая кулаки. У ребят перекатываются желваки на скулах, глаза недобро вспыхивают.

Здесь, в Дорофеевке, нам приказано было отремонтировать уцелевшую матчасть прямо на месте. Ремонтники матерились, так как большая часть машин требовала капиталки. Поршни в цилиндрах хлюпали, как... (тут лучше пропустить цветистое сравнение, изобретенное командиром ремвзвода), двигатели уже не «ели», а буквально «пожирали» масло и выплевывали из выхлопных патрубков жирный черный дым, быстро перегревались и еле-еле тянули. Главный фрикцион почти на всех машинах «вел», и включать нужную передачу стало трудным делом: шестерни в КПП долго и нудно скрежетали, рычали, не желая входить в сцепление друг с другом, а рычаг переключения передач при этом трясся в прорези кулисы, как от лихорадки, и больно поддавал в ладонь. О бортовых фрикционах и тормозных лентах и говорить не приходится. Мехводители вместе со своими неполными экипажами помогали ремонтникам, как могли.

Один раз, поздним вечером, около десяти часов, меня вызвали в штаб и приказали доставить секретный пакет в штаб армии. Доставить донесение – это почетно, но как выполнить задание срочно на своих двоих, да еще и ночью, не совсем понятно. Уж не подшутить ли надо мной задумали? Изрядно поплутав по темной степи, добираюсь до цели далеко за полночь. Дежурный офицер, зевая, выдал мне расписку и небрежно сунул мой драгоценный пакет в кожаную папку. Обидевшись почему-то, медленно тащусь обратно сквозь черную и сырую по-осеннему ночь...

Наводчик из экипажа Бородина притащил как-то, мучимый любопытством, оцинкованную коробку с немецкими сигнальными ракетами. Поскольку ракетницы у нас в хате не было, он придумал зажать картонный патрон между двух досок, что лежали на земле перед дверью хаты, а потом железной скобой разбивать капсюль. Предстоящее развлечение собрало перед хатой всех ее военных постояльцев, в количестве четырех человек. Сержант, с молчаливого одобрения зрителей, приступил к запуску. Он повернул дощечки так, чтобы ракета была нацелена на пустынную дорогу, аккуратно наступил ногою на верхнюю дощечку и ударил скобой по капсюлю. Но ракета оказалась с характером: вырвавшись из своего картонного цилиндра, смятого, должно быть, досками, она не захотела лететь в заданном направлении, а начала с пронзительным, режущим уши визгом

выписывать замысловатые спирали вокруг сержанта. Словом, джинна выпустили из бутылки. Наводчик приседал, смешно подпрыгивал, отчаянно отмахивался руками, но ракета, словно разъяренная оса, продолжала виться вокруг него. Мы сначала корчились со смеху, а потом растерялись, не зная, что делать. Наконец наш сержант, зажав уши ладонями, обратился в бегство и скрылся за углом хаты, а ракета, по-разбойничьи свистнув ему вслед, на последнем витке воткнулась в разлохмаченную ветром соломенную прическу хатенки, над самой дверью, и поперхнулась. Солома задымилась. Бородин, стоявший у порога, вырвал сноп, в котором засела ракета, и швырнул его в землю, а сержант, опомнившись, с неописуемым наслаждением затоптал каблуком сапога свою злодейку, точно гадюку, подхватил ящичек под мышку и быстрым шагом направился к ставку-копанке. Донесшийся оттуда всплеск сообщил нам, что казнь совершилась.

23 сентября

Полтава освобождена! Красная Армия неудержимо идет к Днепру, а Геббельс, словно одержимый, твердит всему миру о Восточном вале, о мощных оборонительных сооружениях, якобы загодя воздвигнутых, благодаря гениальнейшей прозорливости самого фюрера, на правом, западном берегу Днепра. Разрекламированный на все лады вышеупомянутый вал, по мнению доктора, прославившегося своей объективностью и принципиальностью, обязательно остановит волну нашего наступления. Но как быть с тем фактом, что еще вчера севернее Киева войска Центрального фронта с ходу, на подручных средствах форсировали широкую водную преграду и не просто захватили плацдарм, но сумели за одни сутки расширить его и углубить более чем на 30 километров?

25 сентября

Ура! Сегодня по танковой рации услыхал, что Смоленск полностью очищен от гитлеровских вояк. А что же Восточный вал? Ведь Смоленск расположен по обоим берегам Днепра. Взглянуть бы на свой город хоть одним глазом. Как он там? Говорят, от него мало что осталось...

26 сентября

На марше. По полтавскому шоссе проползли мимо Чутова, где две-три машины снова остановились из-за ветхости, и прибыли в село Николенка. Это большое село просторно раскинулось на ровной местности. Украшает его озеро в высоких камышовых зарослях. На майдане, в центре села, торчит, видный издалека, высоченный, с мачтовую сосну, деревянный крест. Крестище этот, по словам колхозников (почти одних женщин), приказали поставить немецкие власти по предложению сельского головы (старосты) из бывших кулаков в память жертв голода 1930 года: вот, мол, полюбуйтесь, православные, что принесли Украине Советы и как мы, ваши избавители, печемся о вас и скорбим вместе с вами о загубленных большевиками душах. К рассказу о том, как появился в Николенке сей «памятник», жители со слезами и гневом добавляли, что за два года «заботливые» фашистские хозяева угнали на каторгу в неметчину и поубивали в округе столько народу, что если бы этот крест мог расти, то уперся бы в самое небо, а «найкраще всього» – если б он воткнулся в поганую глотку Гитлеру.

Митинга по поводу того, что делать с крестом, не устраивали: все и так было ясно. А когда ставили машины во временный парк, то есть под открытым небом, на площади, кто-то из водителей-украинцев, не то Афанасий Шостак, не то Алеша Попович, с разворота поддал потемневшее от непогод страшилище, и «наглядная агитация» немецких холуев переломилась, как спичка, и рухнула, подняв тучу пыли. Обломки прямоугольного бруса пошли на стеллажи под гусеницы, а на майдане больше не появлялась зловещая длинная черная тень, к которой боялись подходить малые дети.

Нас с Клепининым поставили в маленькой, красиво расписанной синим по белому хатке, что приютилась в самом конце улочки, упирающейся в озеро.

28 сентября

Освобождена Рудня – последний районный центр Смоленской области. Спасибо вам, земляки-фронтовики, за то, что вышвырнули последних оккупантов из пределов Смоленщины!

Вечером мы сидели дома, и хозяйка, тихая старушка с печальными глазами на добром, лучащемся морщинками лице, стала за чаем (за неимением настоящего, он был заварен на сушеном чабреце, мяте и еще чем-то, но все равно очень нам понравился своим ароматом и вкусом) расспрашивать нас, кто мы и откуда, а потом поделилась с нами своим горем: единственную

дочку ее немцы угнали на работы в Германию.

* * *

А на сельской площади, повеселевшей без креста, по вечерам, после работы, собираются девчата, мальчишки-допризывники и, конечно, вся военная молодежь, то есть большинство наших ребят. Вместе поем народные песни, украинские и русские, и общие – советские, – танцуем под сиповатую от старости походную гармошку. Я, правда, только смотрю, как с упоением танцует Дмитрий Клепинин, а у меня ничего не получается: не удосужился научиться.

Ребята наши стали больше следить за своим внешним видом, как-то подтянулись. Некоторые даже нашли время постирать гимнастерки, а бриться и подшивать свежие подворотнички стали чуть не каждый день. Не отстаем от других и мы с Клепининым, если не считать бритья, что нас несколько смущает: брить-то почти нечего. Утром Дмитрий сокрушенно разглядывал в маленькое прямоугольное зеркальце свой лишенный шерсти подбородок, а я тем временем незаметно вписал в его блокнот, лежащий на столе, маленькое шутливое посвящение:

Дмитрию Клепинину

Пройдут года,
И борода
Окутает твой нежный подбородок.
И сквозь пенсне
Ты, как во сне,
Свои увидишь молодые годы.

На майдане после обеда встретили Корженкова. Заметив белоснежные полоски, выглядывающие из-под засаленных воротников наших хлопчатобумажных гимнастерок, и смазанные солидолом кирзовые сапоги, он всплеснул руками и с ехидным изумлением громко воскликнул: «Вот что значит любовь! Только она способна творить такие чудеса!» Он явно рассчитывал на внимание слушателей. Оставив начинающего входить в раж Сашку разглагольствовать перед незнакомыми самоходчиками, сколько ему влезет, мы, не теряя достоинства, удалились на берег озера, недоумевая, почему наше стремление выглядеть поопрятнее исторгло такой фонтан красноречия из новоиспеченного начпрода.

Спускаясь по нашей улочке к озеру, мы увидели между двух

стен тростников и камышей идущую навстречу нам пару. У парня штаны закатаны до колен, одной рукой он ведет за повод лошадь, должно быть с водопоя, другой обнимает девушку, которая тоже нежно обвила своего друга за талию. Оба так увлечены каким-то разговором, что прошли мимо, не заметив нас. Девушку я сразу узнал: вчера мы проделали с ней два круга по площади, среди толпы гуляющих, а потом почти час простояли возле ее хаты, болтая о разных пустяках. По легким признакам нетерпения, проскальзывающим в поведении моей случайной знакомой, нетрудно было догадаться, что она кого-то ожидает, и поэтому я, попрощавшись, отошел к танцорам, выбивающим мягкую дробь на том месте, где недавно угрюмо высился крест. Так вот о каком «романе» успел пронюхать наш Сашка Пинкертон!

Побродив над самой водой, которая вблизи оказалась такой прозрачной, что сквозь нее далеко было видно полого уходящее вниз дно, мы с Дмитрием решили заглянуть в другой конец села. Там, несмотря на конец рабочего дня, было пустынно и скучно: на улице встретились нам только двое местных жителей, но они никак не подходили к нашей компании по причине своего малолетства.

А незадолго до захода солнца, словно в награду за причиненную на майдане обиду, нам удалось увидеть любопытное зрелище: два наших истребителя гнались со стороны Днепра за немецким самолетом. По растопыренным шасси – «лаптям» – мы сразу признали в нем Ю-87. Фашист летел низко, строго по прямой. Один из «ястребков» «висел» у него на хвосте, держась выше вражеской машины, второй шел справа. Над селом «Юнкерс» попробовал рыскнуть в сторону, но верхний истребитель тотчас прочертил возле самого носа фашистского самолета белую мерцающую трассу, и немецкий летчик послушно возвратился на прежний курс. Только теперь до нас дошло, что истребители не просто преследовали, а вели немца под конвоем, наверное, на свой аэродром, в плен. Сбить его они давным-давно могли. Ну, сильны ребята! Представляю себе, как в бессильной ярости кусает губы фашистский ас, попавший в такое прескверное положение, когда летишь не туда, куда хочешь.

30 сентября

Центральный фронт захватил еще один плацдарм, на этот раз южнее Киева, а мы все стоим.

3 октября

Машины, давно уж выработавшие положенные моточасы, снова подремонтированы своими силами. Утром, сразу по прибытии остальных самоходок и танков из Чутова, наконец выступаем на марш.

Прошли в 11 километрах южнее Полтавы. В отдалении долго виднелись две длинные высокие насыпи – шведские могилы – память о сокрушительном разгроме не побежденной никем, кроме русских, сильной армии Карла XII в 1709 году. Затем миновали села Руденьковку, Новые Санжары и стали в Левандановке, которая от Новых Санжар отделена озером.

Среди наших хлопцев веселое оживление: здесь стоит передвижной банно-прачечный комбинат (оказывается, и такое, очень нужное хозяйственное заведение существует на фронте). Начинаю преисполняться уважения к труду работников армейского тыла.

Из распахнутых настежь окон двухэтажного кирпичного здания, единственного вблизи нашей стоянки, вырываются клубы не очень ароматного белого пара, слышатся женские голоса, выглядывают раскрасневшиеся лица прачек, занятых обработкой целых гор грязного солдатского белья. А под стенами здания уже слоняются «разведчики», перебрасываясь веселыми шутками с персоналом комбината.

Не имея опыта в сердечных делах, отдыхаю после марша на еще теплой надмоторной броне, но передо мной неожиданно возникает Митя и, энергично жестикулируя, излагает наскоро разработанный план одной операции. Оказывается, старший лейтенант Рыбин, штабист, вздумал приударить за рябоватой девицей, живущей недалеко от улицы, на которой стоят в колонне наши машины. У этой девушки очень строгая мамаша. Дмитрий уже успел все разведать, и теперь ему не терпится начать активные действия.

Хата, где обитает рыбинская отрада, окружена, по украинскому обычаю, вишневым садом. И мы, скрытно заняв удобную позицию и для верности замаскировавшись ветками, стали прилежно наблюдать за длительными искусными маневрами, которые пришлось проделать нашему ухажеру, прежде чем удалось ему незаметно для строгих глаз матери (она, как назло, то и дело выглядывала из хаты) уединиться наконец со своей зазнобой на скамеечке под вишней, около глухой, без окон, стены.

Наступил решающий момент операции. Митя дернул меня за рукав, и мы, подойдя к двери хаты, тихонько постучали. Когда

дверь отворилась и перед нами из полутьмы появилось сердитое лицо старой женщины, мы с изысканной вежливостью поздоровались и спросили, не здесь ли живет девушка по имени Мария. Хозяйка подозрительно уставилась на нас:

– Яка така Мария? В нас Марий багате.

– Фамилии мы не знаем, но люди нам сказали, что искать надо на этом краю села.

– Ось и шукайте соби, – проворчала она, давая нам понять, что разговор закончен.

Митькин расчет оказался точным. Старуха метнула мимо нас быстрый взгляд на пустой темный двор, и на лице ее появилось тревожное выражение. Она шагнула в хату и позвала:

– Доню! Доню!

Не дождавшись ответа, хозяйка в задумчивости постояла с минуту перед топившейся печью, воинственно уперши руки в бока. Красноватый свет из открытого зева печи падал на ее лицо, и глаза ее грозно вспыхивали. Затем, схватив увесистый макогон и шепотом произнося какие-то ругательства, разгневанная не на шутку старуха решительно двинулась к выходу. Мы невольно попятились на середину двора, но она, даже не взглянув в нашу сторону, тихо направилась в обход хаты. Выждав, когда ее настороженная фигура скроется за углом, мы снова проскользнули в сад, делая короткие перебежки от дерева к дереву и крепко зажимая рукою рот, чтобы не спугнуть раньше времени парочку, сидящую в обнимку на низкой скамеечке и с упоением целующуюся. Хозяйка между тем бесшумно, на цыпочках заходила с тылу. И вот вверх взлетела палка, раздался хлесткий удар по чьей-то спине и сразу за ним – второй. Две тени стремительно шарахнулись в противоположные стороны, и третий удар с сухим треском упал уже на пустую лавочку. А рассвирепевшая старуха пустилась в преследование, путаясь в своей просторной длинной юбке и сыпля на ходу такой визгливой скороговоркой, что за нею вряд ли смог бы угнаться самый скорострельный пулемет. Поэтому разобрать, какие проклятия извергались на головы старухиной дочки и нашего кавалера, мы, естественно, не сумели. В глубине сада затрещал сухой плетень – это спасся бегством наш ловелас, но старуха, пытаясь настигнуть дочь, еще раза два обежала вокруг хаты, мелькая черной взлохмаченной тенью на белом фоне стен.

– Ну и ведьма! – шепнул мне на ухо Дмитрий, продолжая корчиться от беззвучного смеха, и потянул меня снова за рукав, подавая сигнал к отходу.

Вызванная приятелем буря, по-видимому, озадачила и даже слегка испугала его. И мы незаметно отступили на свою улицу, то

есть к машинам, где без всяких уже помех нахохотались до рези в животе. Рыбин, разумеется, так и не узнал о причине своего фиаско.

В эту же ночь «ходячие» машины ушли на передовую, на берег Днепра, стрелять через реку по немецким позициям. Здесь, южнее Кременчуга, переправы для тяжелой техники еще не наведены.

4 октября

Узнали, что штаб наш переехал в Руденьковку, туда же переводятся все люди, оставшиеся не у дел. Две наши машины стоят в ремонте там же. Ребятам в селе скучать не приходится: они помогают колхозу в уборке корнеплодов, работают на мельнице, крупорушке и на маслобойне. Теперь в полку будет вдоволь нового душистого подсолнечного масла и муки.

По-видимому, близка уже переформировка.

7 октября

Машины стоят на береге Днепра в капонирах, постреливают. Сегодня на реке произошел забавный случай. Экипаж Т-70 решил переправить свой танк на подручных средствах. Танкисты раздобыли где-то допотопный паром, причалили его к берегу, сделали сходни из бревен, и водитель аккуратно поставил машину на деревянный помост. Для передвижения своего ковчега ребята использовали длинные шесты, а рулевое весло заменяла широкая доска. Люки у машины открыты, в ней остался сидеть за рычагами один водитель. Командир и заряжающий стояли на палубе. Помогали танкистам человек пять добровольцев из пехоты.

Паром, подталкиваемый шестами, вышел на глубину и начал медленно крениться на корму. Командир танка показал водителю рукой: «Вперед!» Т-70 тихонько подвинулся на один-два трака и снова замер. У зрителей на берегу отлегло от сердца: паром выровнялся. Однако, проплыв несколько метров, он опять дал крен, на этот раз вперед. Командир быстро выставил перед собой открытую ладонь, приказывая подать машину назад. Механик, выполняя команду, видимо, понервничал. Паром вдруг встал на дыбы, танк соскользнул кормой в воду, двое-трое из ребят, не удержавшись на настиле, ухнули в холодную купель и резво поплыли к берегу. Через минуту среди больших бурлящих пузырей вынырнула на поверхность голова в черном танкошлеме

и, хватив широко разинутым ртом воздуху, пустила такой свирепый матюк, что его было слышно, наверное, даже на том берегу. Словом, переправа не состоялась.

10 октября

По приказу нового исполняющего обязанности командира полка – капитана Щербатюка, замполита, присланного в полк вместо раненого капитана Кондратова, Бородина, Вайнера и меня откомандировали (мы это восприняли как изгнание) в штаб армии, в отдел кадров АБТВ. Из старых экипажей и из прежнего начальства многие либо убиты, либо ранены, не считая нескольких везучих.

Мы надеялись добраться до штаба армии на полковом «Студебеккере», идущем сегодня в Кременчуг, и уже увязали свои вещмешки, но Бородину в последнюю минуту вздумалось пришивать к вороту гимнастерки оторвавшуюся пуговицу. Когда мы, заметив грузовик из хозчасти, опрометью выскочили из хаты и побежали ему наперерез, свинья Корженков (иначе его не назовешь), видевший из кабины, как мы машем ему руками, демонстративно отвернулся, шофер прибавил газу, и студик, взвихрив пыль, пропал за поворотом. Отомстил все-таки! Мы с Вайнером напустились на Бородина: из-за несчастной пуговицы нам предстояло тащиться целых 90 километров пешком.

Во второй половине дня, зайдя в хату, стоящую вблизи дороги, чтобы перекусить скудным сухим пайком, выданным нам на двое суток, мы попросили хозяйку вскипятить воды для чаю. В ожидании горячего кипятка мы расположились за столом, вытянув гудящие ноги. Когда через некоторое время в дверях появилась хозяйка с фыркающим чайником в руках, мы с Бородиным с ужасом обнаружили крупного «автоматчика», запутавшегося в курчавых волосах на виске своего третьего спутника. Конечно, срочные меры были приняты, и женщина, кажется, ничего не заметила, но неловкость испытали мы в ту минуту немалую...

Хозяйка, еще не старая, оказалась, как и большинство хохлушек, разговорчивой. Извинившись за то, что не может ничем угостить нас, она стала жаловаться на мародерство фашистских солдат. Нам это было не в новость: так всегда бывает в населенных пунктах, находящихся при больших военных дорогах.

Живший в ее хате на постое ефрейтор, припадавший на одну ногу (должно быть, из нестроевиков), при приближении наших принялся торопливо швырять в кузов автомашины все, что только

попадалось ему на глаза: подушки с постели, драный дедов кожух, старые ходики со стены, два оцинкованных ведра из сеней, а заодно и коромысло прихватил, просяной веник из угла стащил и даже пеньковую бельевую веревку с гвоздя сдернул. Хозяйка попросила оставить хотя бы одно из ведер, но постоялец не отвечал, возясь вместе с шофером у машины. Женщина тогда начала плакать и ругаться, а он ей: «Молчать, матка! Мы тебя защищайт от русский большевьик!» Хорошо, что она сообразила закопать в сарае потихоньку кой-какую одежду получше и новое постельное белье. Кто из односельчан не успел этого сделать – у тех позабирали злыдни все. А шофера с грузовика прямо перед хатой снарядом убило (есть же правда на свете!), так тот хромой черт (чтоб ему повылазило!) вскочил в кабину и погнал во весь дух. Наблюдательная женщина подметила, что у немцев многие умеют хорошо водить автомобиль.

Всего один раз в дороге подвезла нас километров на семнадцать – двадцать попутная машина. Но как бы там ни было, а в отдел АБТ и МВ (автобронетанковых и механизированных войск) штаба армии мы явились в положенный срок. Штаб размещался в нескольких домиках на окраине Кременчуга. Разыскав нужный нам отдел, мы сдали пакет с бумагами дежурному офицеру. Ждать долго не пришлось. Чистенький, отутюженный старший лейтенант приоткрыл дверь и пригласил нас войти. Стесняясь своих измятых солдатских шинелей и потертых пилоток, мы втиснулись в небольшую комнату. За единственным столом сидел коренастый человек в черной хромовой кожанке. Это полковник Супьян. По очереди докладываем о прибытии.

– Вольно!

Смуглое лицо кавказца подвижно и в то же время спокойно. Оно кажется немного сердитым из-за густых черных бровей, почти сошедшихся над переносицей. И как-то не вписываются в него черносливовые, как будто грустные глаза.

Вскрыв пакет с нашими личными делами, полковник несколько минут просматривает бумаги, молча сердясь (об этом говорило выражение его лица, и мы, честно сказать, сначала струхнули, принимая негодование армейского начальства на свой счет), а затем разражается вдруг руганью по адресу безголовых начальников, которые разбрасываются кадрами, имеющими хотя бы небольшой боевой опыт. Конечно, боевой опыт – дело наживное, но за него дорого платить приходится – кровью. К большому удовольствию нашего трио изгнанников, полковник в сердцах обозвал толстого Щербатюка дураком, тут же спохватился и громко крикнул делопроизводителя, размашисто

написал что-то на листке, засунул все наши документы назад в пакет, приказал заклеить и опечатать его. А также побыстрее оформить нам обратную командировку.

– Ну, – сказал начальник отдела кадров, поднимаясь, – все. Можете идти, товарищи офицеры. Счастливого пути!

Мы поблагодарили его, откозыряли и вышли на солнечную улицу, радуясь такому обороту дела. Все-таки чертовски приятно воротиться к своему, как говорится, двору! Через полчаса мы уже двигались обратно с легкой душой. И дорога не казалась такой утомительной и унылой, и попутные автомашины подвозили почему-то чаще.

14 октября

Утром вернулись в полк, оформились, но обида в душе не растаяла до конца. Ладно, пусть у Щербатюка будто бы образовался излишек водителей. Но почему именно нас, и главное, ничего не объяснив, решено было выпроводить? Что ни говори, а наш брат водитель – просто рядовой, только с офицерскими погонами.

Покончив с официальной частью, направляю свои стопы к той хате, где перед уходом жил вместе с Митей Клепининым, Славой Прокудиным и сержантом Мишей Трякиным. Позже к нашей компании присоединится и Владимир Скоморохов, когда последние (снова четыре) наши самоходки («береговая артиллерия») будут переданы в другую часть.

Хозяина, Тихона Ивановича Моцака, дома не оказалось: он мобилизован как искусный плотник на строительство больших переправ через Днепр где-то под Киевом.

Из газеты, оставленной ребятами на столе, вычитываю, что левый берег Днепра, пока мы прогуливались в Кременчуг, полностью очищен от фашистской мрази, что остатки немецких армий с треском вышвырнуты с Кавказа. Теперь завоеватели окопались в Крыму и за Днепром и спешно продолжают совершенствовать оборону, надеясь отсидеться за своими «валами» и «линиями» до лучших времен. Как бы не так!

* * *

У нас в Руденьковке целое событие: на главном перекрестке села установлен регулировочный пост. Девушек поселили в нашей хате. Она состоит из одной комнаты, но зато в ней

добротный деревянный пол, сработанный хозяином-плотником. На земляном полу в октябре не разоспишься. На ночь мы укладываемся между столом и широкой кроватью, на которой из-за постояльцев умещается вся семья Тихона Ивановича, а девчата спят у противоположной стены. Постелью нам служит солома. Хозяйка утром ею топит печь, а вечером регулярно выдает свежую.

За эти дни подружился с Василем Поповичем, тоже механиком-водителем. Его нельзя не уважать: хороший парень!

20 октября

Нам объявили приказ о переименовании нашего Степного фронта во 2-й Украинский. Командующий фронтом по-прежнему Конев, который произведен уже в генералы армии.

26 октября

Неугомонный Трякин разведал место расположения медсанбата. В доме у Моцаков очень кстати отыскался старый патефон и несколько пластинок, шипевших ужасно, но это никак не могло помешать танцам, которые по вечерам шли полным ходом. Под прикрытием темноты стайкой являются медсанбатовские девчата из соседнего села. На лавках вдоль стен с независимым видом располагаются хозяйки вечера – регулировщицы. Это бойкие и острые на язычок девчонки, не считая медлительной, тихой Нилы. С подобающей ее должности серьезностью всегда держится старшая поста, сержант. Однажды, перед началом танцев, когда гостей еще почти не было, Мишка Трякин, паясничая, завертелся посреди хаты, наскакивая на регулировщиц и неся всякую чушь. Усталая старшая, только что сменившаяся с поста, насмешливо посматривала на разошедшегося кавалера. И когда он, уверенный в своей неотразимости, приблизился к девушке, собираясь выкинуть очередное коленце, она негромко не то пропела, не то проговорила что-то вроде частушки:

Миша, сядь! Миша, сядь!
У тебя яйца висят.
Оторвутся – разобьются.
А кто будет отвечать?

Девчата захихикали, прикрывая ладошками рты, а мы откровенно загрохотали. Готовое сорваться в ответ слово замерло на широко разинутых устах короля танцев. Он монументально застыл в неловкой позе посреди хаты, медленно осваивая выдачу, а затем вылетел на улицу – покурить. «Поле боя» так и осталось за старшой.

Не умея танцевать, обычно «дежурю» у патефона: кручу заводную рукоятку, меняю пластинки и объявляю очередной танец, иногда для смеху придумывая ему новое название: «Прекрасные синьориты и уважаемые кабальеро! Вашему вниманию предлагается последнее в сезоне танго «Разбитая дружба» (у пластинки был отколот край).

А Валя Мелехова из медсанбата, донская казачка, настойчиво пробовала, правда без особого успеха, учить меня переставлять сапоги под музыку. Во время фокстрота шутя спросил у девушки, не родственница ли она того самого Григория, и тут же с медвежьей галантностью отдавил ей ногу.

– Нет, – отвечала она, морщась от боли, – у нас по станицам Мелеховых много.

Так завязалась короткая, как солдатский сон, дружба.

28 октября

Провожал Валю домой: непроглядная осенняя темень рано окутывает землю. Когда мы приближались к окраинным хатам, девушка спрятала за спину правую перевязанную кисть и, заметив мое удивление, тихо пояснила:

– Для маскировки. И идти теперь нам надо с оглядкой, потому что после отбоя рыщет по улицам наш медицинский лейтенант и тем из девчонок, кто попадется ему на глаза в неположенное время, да еще, упаси боже, и на пару, здорово влетает.

Начинал накрапывать редкий дождик, и мы, не сговариваясь, укрылись под одиноким стожком чуть в стороне от дороги. Ничто, кроме мягкого шуршания дождевых капель, не нарушало тишины. И как будто не существовало на свете никакой войны, ни смерти – а только нас двое. До хаты, где жила Валя с двумя подругами, мы добрались нескоро, и нам долго не открывали.

* * *

Встретиться после этого памятного для меня провожания

довелось нам всего один раз, да и то на несколько минут: медсанбат спешно перебрасывался на новое место. Вот и все. Брось, брось, танкист, не грусти!

А дневник буду теперь регулярно вести до самого нашего победного дня, чего бы это ни стоило. Если только мы с ним не сгорим вместе.

– И охота тебе мучиться? – спрашивают друзья, опять застав меня за этим бесплодным, с их точки зрения, времяпровождением.

Может быть, они и правы, не знаю, но не писать не могу: так много потрясающих событий, человеческих страданий и смертей прошло перед моими глазами – нет, сквозь самое сердце – и запечатлелось глубоко в памяти, подобно следу, оставшемуся на броне после крепкого удара болванки...

6 ноября

Киев – наш! Эта радостная весть вошла в хату вместе с хозяином, возвратившимся с Днепра, где он участвовал в строительстве временных переправ. Сережка так и липнет к отцу с вопросами, видел ли тот город, стрелял ли немец, когда рубили мост. Смертельно усталый, с осунувшимся лицом и обвисшими седеющими усами, Тихон Иванович, блаженно привалясь спиною к стене и вытянув разутые ноги, отвечал немногословно:

– Горит наш красавец. Жег его проклятый германец и взрывал... И мост наш хотел разбомбить, да наши соколы, спасибо, не дали.

Вечером немного отдохнувший Моцак пригласил нас к столу, и мы вместе с хозяевами отметили освобождение славного древнего города – столицы Советской Украины. Вторая чарка, конечно, была выпита за скорейшее вызволение из фашистских лап остальных пяти главных городов наших союзных республик.

7 ноября

Отпраздновали 26-ю годовщину Великой Октябрьской революции. С речами и застольем: как-никак мы уже на формировке. Интенданты на этот раз расстарались: и для солдат и для офицеров была водка, и не какая-нибудь, а самая настоящая – «Московская» в запечатанных бутылках. Интересно, сколько же выпьют все фронты только за один тост из расчета хотя бы 100 граммов на штык?

Офицерский вечер в здании школы. Парты сдвинуты попарно так, что получились компактные столики с сиденьями на четырех человек. Класс небольшой, но и офицеров немного, поэтому все разместились с удобствами. Нам с Клепининым, как младшим, достался такой стол в самом дальнем от стола президиума углу, но зато на двоих, и перед нами оказались две бутылки вина, вместо положенной одной. Посовещавшись, мы поставили лишнее «горючее» под парту – про запас. И как показали последующие события, зря.

Сидим, осматриваемся, проникаясь праздничным настроением. Дмитрий восхищенно толкает меня локтем под ребра: «Смотри». Да-да, к нашему искреннему удивлению, в самой просторной комнате маленькой сельской школы плавно передвигались, нет, плыли, почти настоящие официантки, молодые, в белоснежных коротких фартучках и в белых же головных уборчиках на тщательно уложенных волосах. Некоторые из них даже в нарядных платьях и туфельках! Как выяснилось, на подготовку торжественного вечера были мобилизованы не только все наличные женские силы полка, то есть оба санинструктора и девушка-повариха (наша начальница медслужбы, разумеется, не позволила себе унизиться до такой степени, чтобы сойти со своих высот на кухню), но и здешние учительницы, с большой охотой взявшиеся за приготовление праздничного угощения. Надо было видеть, какой радостью светились разрумянившиеся милые лица женщин. Чувствовалось, как приятно хлопотуньям окунуться в праздничные заботы и, наверное, вспомнить при этом доброе, мирное время... Пусть немец еще недалеко, за Днепром, но он уже никогда больше не посмеет вернуться сюда – это уже наша забота, солдатская.

Постепенно все расселись по местам, ожидая командира с заместителями. Наконец появился на пороге полный Щербатюк, и мы медленно встали, опасаясь неосторожным движением поколебать уставленные нехитрыми блюдами парты. Однако Щербатюк, перешагнув порог, сразу отступил в сторону и замер, а следом за ним вошли (мы глазам своим не поверили!) майор Перфилов и капитан Кондратов. Первый был ранен в сентябре, второй – в начале августа. У обоих еще матово-бледные от госпитальной койки лица. Но по-прежнему жизнерадостно и открыто улыбнулся, здороваясь с нами, Перфилов, и так же как раньше, спокойно и внимательно, оглядел всех Кондратов, приветливо кивая знакомым. Майор возвратился на свою должность. Он и открыл торжественную часть, поздравив нас с 26-й годовщиной Октября. Затем слово взял замполит Кондратов, лаконично и точно обрисовавший военную и политическую

обстановку в мире и положение на советско-германском фронте. В кратком выступлении было хорошо сказано об итогах летне-осеннего наступления нашего Степного фронта, очень дельно и без всякого бахвальства. Да, тяжела эта война, но особенно труден был первый год, да и второй тоже. Однако самое страшное уже позади. Теперь только не давать фрицу очухаться, гнать и бить его до потери сознания, а лучше всего – насмерть.

Затем вручались награды. Медали «За отвагу» еще не прибыли. А эта награда – самая популярная у танкистов. Может быть, из-за изображенного на лицевой стороне танка. Сильного огорчения не испытываю: если бы товарищи спасали друг друга в бою только в расчете за награду – нас давно разнесли бы в пух и в прах.

Начались выступления, и мне тоже очень захотелось сказать слово. Суть моей «речи», кажется немного сумбурной от волнения, сводилась примерно к следующему: ура танкистам и смерть немецким оккупантам!

Капитан Кондратов сидел по правую руку от командира полка и с удовольствием вглядывался в знакомые возмужавшие лица недавних юнцов, иногда тихо спрашивая что-то у потного Щербатюка, очевидно о новичках. Вдруг капитан предостерегающе погрозил нам пальцем: мы с Дмитрием, незнакомые с порядком, уже поднесли стаканы к губам, грубо нарушая субординацию.

– За погибших товарищей наших, что вместе с нами гнали захватчиков с левобережной Украины, но так и не увидели Днепра.

Пьем стоя, в молчании.

Постепенно в школе становится все веселее и шумнее. Обнаруживаем, что мы дружнее, чем наши «пушкари» (так мы в шутку называем своих командиров машин, за что те в отместку дразнят нас «извозчиками»). Забавные диспуты и розыгрыши стихийно возникают то в одном конце классной комнаты, то в другом.

– Ну что такое, в сущности, твой танк без пушки? О САУ, так уж и быть, толковать не будем, – ставит вопрос ребром кто-то из артиллеристов, охлаждая пыл насевших на него механиков.

Инстинктивно почувствовав какой-то подвох, они замялись.

– То-то, темнота! – И командир машины академическим тоном продолжает: – Это всего-навсего бронированная телега и удобная мишень для противника. А пушка – всегда пушка. Словом, бог войны.

Крыть ребятам нечем, и комбат-3 объявляет:

– Один – ноль в пользу артиллеристов!

Окружающие смеются.

– Что-то твой бог войны плохо тебя хранил: ведь твоя машина тоже приказала долго жить. И хорошо еще, что сами целы остались, благодаря уральской броне, – ворчливо отпарировал кто-то из водителей...

– Один – один! – фиксирует счет беспристрастный судья. А как же насчет прапрадедовского наставления: «Бог-то бог, да и сам не будь плох»?

– Два – один! Бой продолжается с переменным успехом.

– Ну вот: опять «извозчик» сплоховал! И зачем только вы, четыре ретивых служителя своего бога, место в машине занимаете со своей «бандурой»? Интересно, куда вы смотрели, когда фриц по машине гвоздить начал? Ведь вам такие условия созданы, ну просто комфортабельные: пешком по бездорожью грязищу не месите; по уши в землю, как пехота-матушка, не зарываетесь; в любое время года и суток вас доставляют к месту светопреставления, словно на такси в Большой театр. Пожелаете прямой наводочкой пальнуть – пожалуйста! Позицию срочно надо сменить – опять же игрушку свою, пупок надсаживая, на руках перетаскивать не требуется; и в придачу ко всему этому – броня со всех сторон, даже с крышей от дождя... хоть свинцового.

– Вот это завелся! – замахал обеими руками «пушкарь». – Сразу видать, что работает он сегодня на спирту.

– Два – два! – подытожил на сей раз Васыль Попович, обнимая «противников» за плечи. – Выйдем, ребята, покурим: жарко стало здесь.

Поостыв на ночном воздухе, возвращаемся в помещение примиренные и теперь уже все вместе, механики и командиры, обращаем стрелы своего солдатского остроумия на наших тыловиков.

Незаметно израсходовался наш «подпольный» запас, и поэтому, выходя с Дмитрием проветриться на улицу, чувствую в голове легкое кружение и испытываю в душе восторженное желание немедленно, сию же минуту, организовать салют в честь самого замечательного в мире праздника. Как ни урезонивал приятель, не отходя от меня ни на шаг, не поднимать шуму, все-таки, улучив подходящий момент, когда Митя отвернулся по надобности к дереву, я торжественно выпаливаю – разок – в черное небо. И тотчас в плотной тьме рядом с нами раздался спокойный, но строгий голос капитана Кондратова:

– Кто стрелял?

Поспешно засовываю наган в кобуру, а Дмитрий, приблизясь к капитану, самоотверженно врет, пытаясь выгородить меня:

– Я, техник-лейтенант Клепинин!

– Покажите оружие, – потребовал замполит. – Нет, не вы.

Заметив за спиною товарища темную покачивающуюся фигуру, он проверил и мой револьвер, поднеся для этого отверстие ствола к носу. Уловив свежий запах пороховых газов, капитан быстро разрядил барабан, нашел на ощупь теплую стреляную гильзу, затем возвратил мне остальные патроны и приказал явиться к нему утром за оружием. Дмитрия же он просто пристыдил, как более старшего (на неполный год) и как товарища, отчего мне сделалось мучительно стыдно. Я пустился было в извинения и объяснения по поводу «салюта», но Кондратов только отмахнулся сердито и ушел в школу. Там уже весело заливалась гармошка. Обрадованные тем, что все закончилось хорошо, мы отправились на танцы. Дмитрий ловко танцевал, а мне ничего не оставалось, как подпирать стену да глазеть на кружащиеся пары. Зато, когда баян с гармоникой грянули дуэтом плясовую, я не выдерживаю и, набравшись храбрости, начинаю лихо (как мне самому казалось в ту минуту) выстукивать что-то каблуками. В общей массе плясунов дебют мой остался, должно быть, незамеченным, так как никто надо мною не посмеялся, и это придало мне уверенности на будущее.

В паузах между танцами дружно исполняем наши фронтовые и мирные, довоенные песни. Нашлись и чтецы. Веселье затянулось за полночь.

8 ноября

Сереньким осенним утром, мучимый раскаянием, медленно вышагиваю надраенными сапогами перед хатой, в которой остановился капитан Кондратов. В сенях звякнуло ведро, и на крылечко вышел он сам – в свежей нательной рубахе, с ковшом холодной воды в руке и со следами мыльной пены на лице. Выслушав мой доклад, замполит кивнул головой и пригласил:

– Ну, воин, входи, коль явился. Я сейчас.

Через две минуты Кондратов в подпоясанной гимнастерке, со слегка порозовевшим от умывания лицом уже стоял посреди хаты, внимательно и строго глядя мне в глаза. Я почувствовал, что уши мои пылают.

– Вижу, что раскаиваешься, – поэтому говорить ничего не буду. Если голова на месте – сам разберешься, как назвать вчерашнее... Получи свою «пушку» и можешь идти готовиться к отъезду.

9 ноября

Наконец-то едем на формировку. Опять, говорят, в старые места. Грузились ночью. На нескольких платформах поместились колесные машины, тракторы с прицепами, штабной и санитарный фургоны. Поредевший личный состав ехал в полупустых теплушках с удобствами. Многие из нас еще в гимнастерках, потому что не очень холодно. На мне, правда, ватные брюки, трофейные, так как хлопчатобумажные настолько залоснились и промаслились, что надевать противно. Гимнастерку накануне праздника удалось отстирать в бензине, слитом из бензобака брошенной немцами автомашины. Бензин у них синтетический, резко пахнет и сильно обесцвечивает материю. Гимнастерка стала почти белой. Эти немецкие автомашины с прицепленными к ним противотанковыми пушками мы приметили на окраине Руденьковки, возвращаясь в полк из Кременчуга. Судя по количеству орудий, должно быть, целый артдивизион втягивался в просторную деревенскую улицу, но был в этот момент засечен «Ильюшиными» и буквально пригвожден к месту. Даже расчеты не успели разбежаться, и десятки фашистских трупов остались лежать вразброс посреди дороги. Илы сработали так ювелирно, что всего лишь одна хата пострадала во время штурмовки.

10 ноября

Рано утром трогаемся в путь. Прощай, Украина! Как же мало нас возвращается... Прощай, Руденьковка!

На одной из открытых платформ, в промежутке между двумя «Студебеккерами» любознательные ребята (на этот раз обошлось почему-то без Мити) установили тайком смехотворно маленький, словно игрушечный, немецкий минометик и вытащили из кузова грузовика припрятанный ящичек с минками. Начальству, конечно, ничего об этой «огневой точке» не известно. И «минометчики» время от времени под стук идущего поезда выпускают минку в черное и пустынное осеннее поле.

Фонтанчик от разрыва получается крошечный, а звук, похожий на хлопушечный, настолько слаб, что его едва слышно из-за шума движения. Однако кто-то из дежурных (должно быть, с паровоза) все-таки услышал (или увидел) выстрел, «огневая точка» чуть ли не после третьего выстрела была засечена и ликвидирована, а стреляющий трофей торжественно сдали коменданту первой же станции, где случилась остановка эшелона.

17 ноября

Приехали в Пушкино, где наш полк формировался этим летом. Быстрая деловитая суета при разгрузке. Наша теплушка стоит возле угла вокзального здания. Редкие пассажиры, ожидающие электричку, с любопытством присматриваются к нам. Выпрыгиваю на перрон, разминаю ноги, с удовольствием ощущая под собой не подрагивающий пол теплушки, а твердую опору. На мне большие сапоги с хлопающими по икрам широкими голенищами, старые ватные брюки и белесая гимнастерка.

– Мама, посмотри: ведь совсем еще мальчик! – долетают до моих ушей слова, негромко произнесенные девушкой-школьницей, стоящей у входа в вокзал под руку с нестарой еще матерью. У женщины симпатичное русское лицо с добрыми и усталыми серыми глазами. Обе незаметно, но внимательно с сочувствием разглядывают меня. Это сильно задевает самолюбие бывалого воина, к каковым с некоторых пор я уже причисляю себя, и поэтому, сурово сдвинув брови и придав лицу озабоченное выражение, важно удаляюсь в конец эшелона, хотя дел-то у меня никаких нет.

«Студебеккеры» и «Шевроле» без задержек доставили нас к зимним землянкам. В них даже тепло (пока топится печка-буржуйка). Узнаю среди сосен припорошенные снегом места нашей летней стоянки. Начинается оседлая жизнь.

18-30 ноября

Ежедневно идут занятия, на которых не получаешь ничего нового. Интереснее всего тактика и, конечно, обмен боевым опытом. Можно подвести некоторые итоги действиям нового вида бронетанковых войск, в которых мне, должно быть, суждено остаться.

Наши СУ, вооруженные 152-миллиметровой пушкой-гаубицей, имеющие достаточно надежную броневую защиту и хорошую для тяжелой машины проходимость, скорость и маневренность, представляют серьезнейшую угрозу для любой бронированной техники врага при стрельбе не только прямой наводкой, но даже с закрытой позиции, то есть практически на всей дальности выстрела. Но это лишь отчасти компенсирует меньшую интенсивность огня нашей самоходки, которая стреляет реже немецких танков и самоходных установок из-за раздельного заряжания, а также из-за того, что грубую наводку приходится производить всем корпусом машины.

Особенно эффективно действовали наши СУ из засад и при взаимодействии с танками. Хуже обстояло дело, когда

самоходные орудия использовались в роли танков. А случалось это нередко, приводило к лишним потерям и не всегда приносило успех. Плохо было также то, что полк зачастую «растаскивали» по частям, вследствие чего он действовал распыленно, лишаясь своего основного преимущества – грозной силы огневого удара. А ведь действуя сообща, тяжелый самоходно-артиллерийский полк может обрушить на врага при одном залпе до тонны металла, начиненного тротилом...

В свободное от занятий и нарядов время или «загораем» в землянке, или ходим в Пушкино. Бываем там обычно вдвоем со Славкой Прокудиным. Он уже вхож в один деревянный домик, глядящий окнами на шоссе, и представил меня Вале В. По вечерам там стихийно возникают посиделки, иногда с танцами. Неловко ухаживаю за Валей, совсем еще девчонкой. Смешнее всего то, что ни один из нас не умеет целоваться.

Как-то в полк нагрянули инспекторы. Проверили они и продсклад, где наметанным оком тотчас заприметили неоприходованные съестные припасы. Срочно был составлен акт, которым проверяющие облегчили положение тыла, где действительно живется несладко, а заодно и наши солдатские желудки.

Героем этого черного для полка дня неожиданно оказалась кладовщица продовольственно-фуражного склада, вольнонаемная хохлушка, которая (если верить полковой легенде, передаваемой из уст в уста) при неожиданном появлении на складе строгих ревизоров сумела занять такую выгодную позицию, что своими могучими бедрами надежно прикрыла 50-литровый бидон с подсолнечным маслом и два мешка белой муки, стоявшие в темном углу. Это добро так и не попало в опись, и несколько раз мы полакомились галушками-клецками, которыми повара сдабривали жиденькие тыловые супы.

Наконец в последних числах месяца прибыли новые машины, почти полностью укомплектованные экипажами. Запахло отчислением. Приехавшие из Челябинска ребята говорят, что они получили последние КВ-1-85 и СУ, так как заводы уже выпускают новую марку тяжелого танка и, соответственно, тяжелой самоходной установки.

Нескольких «стариков», в том числе и меня, оказавшихся лишними, отчислили в резерв. Воспринимаю это как изгнание.

1 декабря

Утром покидаю свой 1548-й тяжелый самоходно-

артиллерийский полк, утешая себя тем, что, наверное, получу ИС.

Днем долго торчал на окраине Ивантеевки, возле штаба 15-го учебного самоходно-артиллерийского полка, ожидая оформления документов. На душе невесело. И в это время на улице появился четкий солдатский строй. Рота пела высокими девичьими голосами «Катюшу». Песня кончилась метрах в тридцати от штабного крыльца, и теперь слышится только размеренный чеканный шаг, смягчаемый недавно выпавшим снегом. Строй приблизился, уже хорошо видны девичьи лица, оживленные и разрумянившиеся от ходьбы и пения. И вдруг в первой шеренге замечаю (да нет, не может этого быть!) свою одноклассницу. Откуда она здесь могла взяться? Оторопев от неожиданности, негромко вскрикиваю:

– Муся!

Девушка-солдат удивленно вскинула голову, но тотчас же и опустила, решив, должно быть, что ей просто почудилось. Сомнения прочь: это точно Муся Берлин! Бросаюсь вдогонку за строем, который ведет молодцеватая, стройная дивчина с сержантскими погонами. Козырнув в ответ на ее приветствие, спрашиваю у нее, наверное, излишне громко от волнения:

– Товарищ сержант! Скажите, пожалуйста, девушка в первой шеренге, вторая слева, не из Смоленска? – и тут же спохватываюсь, но, увы, поздно.

Строй сразу сбился с ноги, затем остановился, и, разрезая его потрясающе полной грудью надвое, не сообразив обежать, из толпы возбужденно галдящих девчат вырвалась Муська и бросилась мне на шею, плача от радости и целуя. Сержант растерянно смотрела увлажнившимися глазами на происходящее, но тут на крыльце штаба появились два или три офицера и стали весело зубоскалить, наблюдая девичий переполох. Сержант наконец опомнилась и строго, вздрагивающим голосом, скомандовала:

– Становись! Смирно! Курсант Берлин, разрешаю вам задержаться на десять минут. Шаго-ом марш!

Рота ушла, а мы, медленно следуя за ней, коротко и бестолково, перебивая друг друга и перескакивая с одного на другое, успели кое-как поведать о том, что произошло в наших жизнях за три с половиной года, и обменяться адресами.

Муся перешла учиться в другую школу еще в восьмом классе, весной 1940 года, после трагической смерти матери. Очевидно, наши сочувственные взгляды и унылые физиономии сыграли тогда не последнюю роль в уходе Муси из нашего дружного класса под литерой «Б». Когда немцы подходили к Смоленску, она с отцом эвакуировалась сюда, в Подмосковье. Жилось им очень

трудно, как и подавляющему большинству эвакуированных. В этом году она поступила на курсы военных шоферов. Надо же хоть чем-нибудь быть полезной, когда весь народ воюет.

Вечером повидались с Мусей еще раз и побеседовали обо всем обстоятельнее: у курсантов имелось в распоряжении 50 минут личного времени. Наш разговор состоялся на морозе, с притопом, возле рассохшегося и покрывшегося крылечка, потому что вход в казарму, то есть в старенький домишко, где размещалось Мусино отделение, мужчинам был строжайше воспрещен. Муся дала адрес отца – для связи, и больше я ее не видел. У девчонок на днях должен был состояться выпуск.

2 декабря

Документы наши оформлены штабистами лишь сегодня. И вот мы, то есть отчисленные, в Ивантеевке, в офицерском резерве. Длинный барак, разделенный коридором вдоль на две половины, а каждая из них, в свою очередь, разгорожена на несколько вместительных комнат, оборудованных вездесущими двухэтажными нарами. Это наша офицерская казарма. В соседнем бараке – штаб резерва. Облюбовываем с Вайнером место на втором этаже деревянных нар в полузаселенной комнате, которую указал нам старшина резерва – старший лейтенант. Тут даже тюфяки блинообразные есть – прелесть! «Царствуй, лежа на боку!» Но «загорать» здесь долго лично я не собираюсь. Вайнер, в отличие от меня, философски спокоен. Ему не обидно, что его отчислили: полк ведь не его.

На этих нарах (стола в нашей комнате не было) заканчиваю восстановление последних страниц сгоревшего дневника и даю себе клятву вести его регулярно и хранить при себе.

24 декабря

Праздник Нового года обещает быть приятным. Встречать Новый год предполагается за домашним столом, при елке, у хороших людей – наших знакомых из Пушкина. Известие меня обрадовало, тем более что уже два военных новогодия отметить никак не пришлось. На душе потеплело. Вернувшись в казарму в прекрасном настроении, с удовольствием принимаю вызов сразиться в шахматы, но в самый напряженный момент партии дверь вдруг широко распахнулась и голос старшины прогремел: «Техник-лейтенант П.! Вас вызывает начштаба резерва! Срочно!»

В штабе мне сказали, что просьба моя удовлетворена и что 15-й полк передает мне машину, которая в составе маршевой роты скоро будет отправлена на фронт. На какой? Пока неизвестно. Тут же мне предложили познакомиться с командиром машины, тоже из резервистов, младшим лейтенантом Баландиным, и дали его адрес, то есть номер комнаты в нашей казарме.

Эта новость совершенно затмила новогоднюю. Окрыленный, бегу искать Баландина. Он оказался на месте, в комнате, где жили командиры машин и танковых взводов. Нар двухэтажных у них не было. Несколько офицеров, занятых чтением, сидели или лежали на своих топчанах, заменяющих койки. Двое играли в шахматы.

«Я – Баландин», – услышав мой вопрос, поднял голову один из шахматистов, миниатюрный брюнет с круглым бледным, немного хмурым лицом, украшенным черными усами. Карие усмешливые глаза с интересом уставились на меня. Мы познакомились. Мой новый командир, кажется, разговорчив и любит сдабривать речь прибаутками. Вот что он сообщил о себе: Николай Иванович Баландин (фамилия произошла от хорошо известного славянам слова «баланда»), сын собственных родителей, двадцать два года (на самом деле он только на год старше меня), не женат. Родом из города Молотова («пермяк, солены уши»), появился на свет в дождь под опрокинутой лодкой, и притом сразу с усами, которые и носит с той поры для солидности.

Николай недавно из госпиталя, где лечился после тяжелого ранения, полученного на Смоленщине. Таким образом, мы с ним уже земляки. Ранило его в середине августа этого года, когда проводилась большая смоленская операция, закончившаяся освобождением моего родного города и полным очищением Смоленской области от немецко-фашистских войск. Наши наступающие армии успешно форсировали Сож (левый приток Днепра) и Днепр, то есть прорвали и ликвидировали центральную часть все того же Восточного вала, на все лады расхваленного гитлеровцами, но мифический черт оказался не так страшен, как его намалевали. Уже освобождены и восточные районы Белоруссии, вплоть до Витебска (120 километров западнее Смоленска) и Могилева.

Ранение Николай, по его словам, «схлопотал» по собственной глупости. Во время преследования противника, отходившего с боями по лесисто-болотистой местности, танк Баландина настиг хвост немецкой колонны, которая почти втянулась в лес. Командир «прохлаждался», сидя на башне и свесив ноги в люк:

было очень жарко. Охваченный азартом боя, он не поостерегся и, продолжая наблюдать за целью в бинокль, подавал команды прямо с башни. Танкисты успели разбить осколочными снарядами пару автомашин, но тут с отдаленной опушки ударили автоматные очереди, и Николаю досталась разрывная пуля. Она снизу косо вошла в левый бок под мышкой, а вылетела из спины, унеся с собой большую часть левой лопатки. Командир соскользнул внутрь машины и потерял сознание. Теперь левой рукой он с трудом поднимает десять килограммов. Баландину тоже до тошноты надоело околачиваться в тылу. Мы расстались до завтра, довольные друг другом.

25 декабря

Ходил в парк посмотреть свою будущую машину и застал на ней работающий экипаж. Сегодня в учебном полку парковый день. Здороваюсь, представляюсь. Знакомимся: младший сержант Вдовин Василий Евстафьевич – наводчик; рядовой Орехов Ефим Егорович – заряжающий; Сехин Георгий Федотович – замковый, он же механик-водитель младший, мой первый помощник.

Экипаж в общем понравился: народ подтянутый, вежливый и трудолюбивый: машина вся блестит как новая. Первое впечатление всегда дорого.

Самым интересным лицом среди новых моих товарищей показался мне красноармеец Орехов, колхозник и земляк. Догадаться о том, что он свой, смоленский «рожок», было нетрудно, услышав, как он произнес свое имя и фамилию: «Юхвим Арехау».

26 декабря

Дежурю по подразделению, скучаю в ожидании отъезда. Вот и экипаж у нас уже полный. Чего же медлят с передачей машины? Путешествие в неведомую даль всегда заманчиво, пусть даже она называется фронт. Интересно, где на этот раз застанет нас Новый год?

27 декабря

На всех произвел сильное впечатление новый кинофильм «Жди меня». В каждой комнате идет горячее обсуждение.

В казарме общая радость: старшина уехал!

Когда днем мы шагали строем в столовую, меня неприятно поразил услышанный обрывок разговора двух старух в черном, дежуривших на углу: «Кому – война, а кому – мать родна... на каждого... по три начальника!..» Да-а... Конечно, они имеют в виду офицерский резерв при учебном полку. Еще бы: тут нас чуть не целый батальон. Старухам невдомек, что состав в нем постоянно меняется и что никто ни над кем в данном положении не начальствует. Одни прибывают сюда из госпиталей, другие, неудачники, вроде меня, по иным причинам, но все они, в подавляющем большинстве своем, с нетерпением ожидают отправки на фронт. Прощаю несознательным бабкам (которым, возможно, посчастливилось не увидеть фашиста во «всей красе» и которые о войне судят явно понаслышке) их заблуждение, а на душе все-таки нехороший осадок. Эх, скорее бы подальше отсюда, из этого «бабьего рая»! («Бабьим раем» военные называют между собой Ивантеевку, население которой состоит в основном из ткачих.)

28 декабря

Как будто сжалилась судьба: завтра в 9.00 – на погрузку! Сумасшедшие сборы, гоньба с обходной от начальника к начальнику, а затем по складам ОРС и ПФС – для экипировки, и, наконец, торопливый прием машины. А почему нельзя было передать ее заранее, без паники?

Даже при беглом осмотре самоходки и небольшом пробном пробеге выяснилось, что машина – гроб: вентилятор стучит так, что сердцу больно, неравномерно работает левый блок двигателя, не фиксируется в КПП шестерня четвертой передачи: сама выходит из зацепления во время движения. Есть и другие дефекты, но они в сравнении с тремя первыми – мелочь.

Зампотех учебного полка, инженер-подполковник Н., подавляя своим авторитетом, раздает команды, подняв на ноги ремонтников. Рабочие в насквозь пропитанных маслом и газойлем фуфайках и ватных брюках целый день копаются в железных потрохах машины, дипломатически помалкивая в ответ на мои беспокойные вопросы, но так ничего и не сделали ни с двигателем, ни с его вентилятором, ни с коробкой.

С опозданием до меня доходит: заезженную учебную машину, фактически аварийную, просто-напросто хотят сплавить в действующую часть в расчете на благодарность за «отличное» сбережение матчасти, а может быть, боясь ответственности.

Взамен старой техники в учебном полку со дня на день ожидается новая – ИСУ-152 или ИСУ-122 (самоходно-артиллерийские установки на шасси ИС-1 – тяжелого танка новейшей конструкции).

Звоню поздно вечером зампотеху, докладываю по порядку о состоянии машины.

– Я утром выслал бригаду ремонтников – слесарей, мотористов, электриков, регулировщиков – и приказал устранить все недостатки, – делано удивляется инженер-подполковник.

(В большой брезентовой палатке ремонтной мастерской, освещаемой одной лампой-пятисоткой, работают всего два вконец уставших человека.)

– Но они не в силах ничего сделать с неисправностями в этих условиях.

– Вы, лейтенант, трус! – вскипел помпотех.

Угрюм-бурчеевский окрик задевает меня за живое.

– Оскорбить подчиненного легче простого, а между тем несколько дней назад мною, а не вами подан рапорт о посылке на фронт. Но этим кое-кто в полку решил умело воспользоваться, чтобы сбагрить негодную машину. Между тем на этой вашей развалине идти в бой живым людям! Подполковник может спать спокойно: машина ведь принята еще утром, но этот неблаговидный трюк останется на его совести, – выпаливаю единым духом все, что накопилось в душе, швыряю трубку на аппарат и облегченно ругаюсь вслух.

Оба ремонтника сочувственно смотрят на меня. Отпустив их отдыхать, тоже ухожу в казарму: утро вечера мудренее.

29 декабря

Утром, в темноте, сделали марш в Пушкино, на погрузку. В дороге еще послушал, как угрожающе стучит вентилятор, как подозрительно хлюпает один из цилиндров левого блока. На четвертой замедленной ехать нельзя: рычаг скоростей выскакивает из прорези, даже если пытаешься изо всех сил удержать его рукой.

Мы проторчали на боковой погрузочной платформе несколько часов, ожидая погрузки, но состав не был подан, и мы получили приказ возвратиться в резерв. Это не очень далеко от станции, в лесу, как раз среди тех самых, знакомых с нынешнего лета сосен, которые несколько поредели под нечаянными наездами танков и самоходок. Упавшие деревья использовались на строительство землянок или разделывались на дрова. Кто не

любит погреться зимой?

В печальном, но гордом одиночестве стала наша машина на опушке, за лесной дорогой, напротив того места, где в ноябре располагался во время переформировки мой первый в жизни полк.

Работа, работа... Уж целых двое суток не сплю почти ни минуты.

31 декабря

Встреча Нового года опять не состоялась, как хотелось бы.

Перед демонстрацией документального кинофильма, во время праздничного ужина (каждому из нас было поднесено по сто граммов водки) замечаю с болью в душе какую-то плохо скрываемую озлобленность людей, сидящих за одним столом накануне Нового года.

Мне кажется, объяснить это можно нашей неудовлетворенностью своим теперешним положением и его неопределенностью. Или все это мне только почудилось из-за усталости после бесконечной и бесплодной возни с машиной и по причине тусклого настроения?..

Однако показанная нам кинохроника «Битва за нашу Советскую Украину», где участвовал и мой полк (в битве, а не в картине, конечно), вполне уравновесила меня и придала душевной бодрости.

Отгремел раскатами гигантских битв и отсверкал московскими салютами уходящий 1943-й, но гремят, не смолкая, от Белого моря до Черного наши фронты, продолжая уничтожать и гнать незваных пришельцев, посмевших нагло ворваться с мечом в руках в наш мирный дом...

1944 год

1 января

Встречаю новогодие за чтением на своих нарах, под самым потолком, поближе к пятнадцатисвечовой лампочке. За неимением ничего другого, перечитываю «Десять лет спустя». Не стареющие духом и не торгующие своей совестью и честью, задиристые и жизнерадостные герои Дюма мне дороги по-прежнему, как и в детстве.

А Житомир-то снова наш! Хотя немцам удалось-таки подсечь наш клинышек ровно через неделю после первого освобождения города и выбить наших оттуда, но теперь Житомир, дважды спасенный, прочно удерживается советскими войсками. И это отличный новогодний «подарочек» фюреру от 1-го Украинского фронта – прорыв более чем на 300 километров от Днепра в направлении западной границы плюс Житомир. Любопытно было бы взглянуть на рожу Гитлера в тот момент, когда он предлагал новогодний тост...

2 января

Ровно месяц, как сижу здесь. Когда же кончится эта, мягко выражаясь, канитель?

Вчера, получив 10-суточный сухой паек, перебрались всем экипажем из казарм на «выжидательные», то есть в землянку. Нашлась такая в лесу, неподалеку от нашей машины, полупустая и без света. Теперь нам не нужно будет тратить время на переходы и переезды. Целый день наводили порядок в машине.

В темноте уже потащился за несколько километров пешком в Ивантеевку, в кинотеатр «1-е Мая», и не пожалел об этом: шла американская кинокомедия «Джордж из Дикки-джаза», так что нахохотался от души, чуть ли не до коликов. А поздним вечером при чадной газойлевой коптилке внимательно, как-то по-новому вчитываюсь в брюсовские строки. Книгу охотно одолжил мне один из офицеров, любитель поэзии, обживший эту землянку раньше нас. Под невысоким жердяным накатом состязаются храпы и посвисты спящих товарищей. Грустновато немного: давно ни от кого не получал письма.

3 января

Продолжаю копаться в машине, хотя прекрасно сознаю, что при ее дряхлости ей ничто уже не поможет...

А на Украине взят Новгород-Волынский. Это всего в 30 километрах от старой госграницы!

4 января

Освобождена Белая Церковь! А ты – сиди...

5 января

Освобожден знаменитый, благодаря шуточной фронтовой песенке, Бердичев («Когда еврейское казачество восстало, тогда во Львове был переворот. Но если враг посмеет взять Бердичев – его холера схватит за живот!»

А наша машина выкинула новый трюк: не заводится двигатель.

Завтра, в 9.00, приказано явиться в штаб учебного полка. Зачем?

Днем тщательно проверил всю систему питания, потом ездил менять аккумуляторы. В кузове полуторки два пожилых солдата-аккумуляторщика, оказавшись в одном обществе со мной, перестали вдруг украшать свою речь солеными словечками. Один из них, предостерегающе покосившись на товарища, полувопросительно и негромко произнес: «Девушка?..» Их смутили, по-видимому, рыжеватые бараньи кудряшки моего зимнего танкошлема и отсутствие опознавательной растительности на моем лице. Не разубеждая служивых, я молча пробрался между рядами аккумуляторов к кабине и облокотился на нее. Забавно было исподтишка наблюдать, как всю дорогу до подзарядочной станции и обратно оба приятеля не в шутку мучились, лишенные возможности вести беседу в привычном стиле. Наконец грузовик остановился напротив самоходки, на дороге, чтобы не увязнуть в снегу. И только теперь мои спутники сообразили, что попали впросак: «девушка» лихо перемахнула через борт и зычно окликнула ребят, уютно покуривающих вокруг костерка. Вчетвером перенесли мы аккумуляторы на машину.

6 января

А мотор все равно не хочет заводиться! Черт возьми, до чего стыдно околачиваться возле машины! И надо же было ей так застрять на самом виду, в двухстах метрах от дороги. И никак нельзя избавиться от этой развалины. Разве что снимут с нее приказом по 15-му... Но надежды на это почти никакой, так как вряд ли во всем резерве сыщется еще хоть один такой дурень, как я...

А войска 1-го Украинского фронта уже перешли старую границу в Ровенской области.

7 января

Чтобы не разморозить двигатель, слили воду и масло в двухсотлитровые бочки и держим их рядом с круглосуточным костром. Утром и днем было морозно, но к вечеру снова потеплело. Январь, да и вообще нынешняя зима пока мягкие. Помнится, на ужин под Новый год шли в столовую под проливным дождем, меся сапогами жидкую снежную кашу.

Николай мечется в хлопотах. Ребят я отпустил на «промыслы»: надо срочно обменять «лишнее» обмундирование на провизию. Нам еще трое суток перебиваться самим. Увы, десятисуточный паек при работе на холоде «растаял» значительно быстрее, чем ему следовало. Да мы и не собирались долго «загорать» под Москвой.

Вот и наш, 2-й Украинский, прорвал немецкую оборону на участке шириною в сто и в глубину на сорок километров. Сводки Совинформбюро регулярно слушаем дважды в сутки, включая свою рацию.

8 января

Николай привез другие аккумуляторы, старенькие, с потрескавшейся до дыр мастикой наверху, но зато они оказались хорошо подзаряженными. Дважды прогретый горячей водой, двигатель завелся, и я радостно гоню машину обратно, в учебный полк. Говорят, ее приказано принять у меня штатному водителю. Завтра сдаю. Ура!

Город Кировоград на Правобережье – наш!

9 января

Воскресенье это подошло к концу в тягостном ожидании, а вопрос о передаче машины все еще висит в воздухе. И, словно в насмешку над благими порывами некоторых военных, наступление наших фронтов на Правобережной Украине продолжает развиваться.

10 января

«Ура!» Чему обрадовался сдуру? Весь экипаж наш оставлен при машине, и самоходка снова отправилась на свою опушку (в лес по дрова, по выражению Николая). По тому, как подобрался и оживился наш командир, чувствую, что ему что-то уже известно и его деланая воркотня – просто маскировка. А может быть, нам все-таки повезло...

Днем прямо на поле нам доставили боеприпасы: несколько десятков осколочно-фугасных и бронебойных снарядов, гранаты и запалы к ним, коробки с патронами для автоматов и пистолетов.

Во время укладки снарядов черный тупоносый трехпудовый «поросенок», наспех очищенный нами от заводской смазки, выскользнул из рук нерасторопного Вдовина. Наводчик вместе с заряжающим Ореховым принимал от меня снаряды через удобный для загрузки квадратный люк. Снаряд тяжело ударился донной частью о торсионный вал, и тотчас с легким шипением вспыхнуло в башне яркое зеленое пламя. Мимо меня молнией промелькнули Вася и Ефим Егорович с перепуганными лицами, спрыгнули в снег и молча метнулись за ближнюю сосну. Потрясенный не меньше их, птицей слетаю с брони, и, увлекая за собой ничего еще не подозревающих командира и Жору (они возились со снарядными ящиками), тоже бегу к опушке. А открытые люки зловеще светятся зеленым. С замирающим сердцем ожидаем, укрывшись за толстыми соснами, неминуемого взрыва и бесславной гибели машины со всеми вытекающими из этого последствиями. Но... Изумрудный свет как-то быстро померк, из люков повалил совсем нестрашный белый дым.

Командир машины, несомненно самый сведущий из нас в пушкарских делах, первый спохватился, что время взрыва, даже замедленного, уже вышло, и направился, хотя и с некоторой опаской, к самоходке. Мы тоже один за одним потянулись следом. Пока мы не спеша приближались, он уже залез на надмоторную броню и заглянул внутрь башни, потом позвал нас рукой. Все нагнулись над люками: виновник нашего панического бегства мирно лежал под люлькой, слегка курясь белесоватым дымком. «Пострадавший» снаряд со всеми предосторожностями

уложили на лоток и внимательно осмотрели. Всего-навсего сгорел безобидный трассер, так как при ударе смялся его корпус, выступающий наружу из донной части снаряда. А инерционный донный взрыватель конечно же никак не мог сработать от случайного падения с метровой высоты, ну а если бы сработал, то никто из нас даже испугаться не успел бы. Как все просто! И каждый из нас, оказывается, отлично знал об этом, да вот поди ж ты!

Младший лейтенант Баландин призвал всех членов экипажа сделать из этого ЧП соответствующие выводы. Нечего и говорить о том, что все остальные снаряды были тщательнейшим образом протерты концами и уложены в гнезда боеукладки с такой бережливостью и нежностью, с какою, наверное, еще не укладывала в колыбель свое единственное, ненаглядное дитя даже самая любящая мать.

Управясь с неотложными делами на машине и закутав ее на ночь в брезент, вспомнили наконец о том, что давно пора бы подкрепиться. Но чем?.. Сначала решили проверить все наличные съестные припасы, зная, что они иссякли. Для этого расстелили на снегу малый брезент, почти что чистый, и аккуратно повытрясали над ним все пять вещмешков и пустые бумажные пакеты из-под сухого пайка. Образовалась жалкая кучка из остатков разных круп, концентратных брикетов, мелких сухарных обломков и еще неведомо чего. Словом, предстояло ложиться спать натощак. Мы приуныли, прислушиваясь к настойчивым позывным своих пустых животов. Однако в эту безрадостную для экипажа минуту нашелся Ефим Егорович, неожиданно ободривший нас:

– Сварим-ка кулеш, товарищи дорогие, – любо-мило! Жора, набери в лесу снежку почище. Вот тебе ведро для воды. Ты, Вася, ломай ящики на дрова, а я покамест переберу эту тряхому... – виноват! – эту крупу.

Через несколько минут уже весело пылал костер, над которым замковый начал растапливать в ведерке снег, одновременно выслушивая наставления Ефима Егоровича по части приготовления кулеша:

– Значит, так. Нитки и бумажки я повыбирал, но за махорку не ручаюсь. Когда будете засыпать в котел, хорошенько свети переноской, чтоб иголка какая, упаси бог, не попала. Гайка-то или болтик без всякого вреда проскочат. Не пересоли смотри. Дай развариться хорошенько на малом огне, потому как в куче и перловки малость есть. А я покуда за хлебом сгоняю...

– За каким еще хлебом? – недоверчиво спросил наводчик, подходя к костру с охапкой сухих сосновых сучьев.

– За насущным. Так моя старуха мать хлеб колхозный величает, когда боженьке молится.

– А куда?

– Не кудыкал бы ты, Василий, на дорогу. Есть одно место.

– Так у нас же, – заметил командир, – давным-давно финансы поют романсы.

– За денежки, товарищ лейтенант, здесь не очень-то продают. А есть у меня одна вещь. Для товарообмена. Человек человеку… – И Орехов торжественно извлек из своего сидора вполне еще крепкие солдатские ботинки. – Поскольку нас уже перековали для фронта, – тут наш заряжающий с довольным видом притопнул каблуком нового кирзового сапога по волглому снегу в круге света, – я считаю, башмачки эти, береженные про черный день, можно в данный тяжелый момент проесть. Буханку за них даже скаредник отвалит не торгуясь. Разрешите идти, товарищ лейтенант?

Пока варится поздний обед, не теряю времени – прогреваю двигатель, чуть-чуть отвернув брезент на корме, чтобы открыты были только выхлопные патрубки.

Вот почерневшую от копоти нержавеющую коробку из-под сухарей, в которой фыркает кулеш, сняли с огня и поставили на пустой ящик остывать, а минут пять спустя из темноты шагнул на свет слегка запыхавшийся Орехов с кирпичом черного хлеба под мышкой. Опустившись на одно колено возле ящика, он четырьмя точными движениями ножа разделал хлеб на пять долей и весело постучал ложкой по краю коробки-кастрюли, приглашая всех к «столу».

– Чур, занимать места согласно купленным билетам! – пошутил командир, нащупывая за голенищем ложку и подставляя раненую спину теплу костра.

Все расположились вокруг ящика, кто – присев на корточки, кто – опустившись на колени, и принялись синхронно работать ложками, дуя на обжигающее, пахнущее дымом хлебово. К сожалению, посудина быстро показала дно.

– Для полной заправки – чай до пота! – отдает распоряжение командир, и Жора щедро разливает по котелкам закипевшую в ведре снеговую воду.

Согрелись. Отмытые ложки спрятаны, свернуты цигарки. Курим, лениво переговариваясь. После долгой возни на холоде от горячей пищи так и клонит в сон. Николай медленно встает:

– Всем спать. Отлучки запрещаю.

Кроме Георгия Сехина, которому дежурить на машине первому (он сумеет, если потребуется, и прогреть дизель), остальные вслед за командиром бредут к землянке и тотчас

забираются на нары.

11 января

Пишу это уже в теплушке, которую таскают взад-вперед по Окружной железной дороге крикливые маневровые паровозы. Временное затишье в нашей жизни – переезд по рельсам. Конечно, если при этом слиты вода и масло из системы.

Поспать прошлой ночью нам не удалось. Около 22 часов нас растолкал, едва мы смежили веки, офицер из штаба учебного полка и передал командиру приказ о марше на погрузку. К этому мы готовы были давно, так что ни капли не удивились. «Были сборы недолги»: торопливо прощаемся с обитателями землянки, тоже ждущими со дня на день своей отправки. Книжку с закладкой на «Грядущих гуннах» сую под вещмешок, заменяющий подушку моему недолгому знакомцу. Тот даже не проснулся от короткой возни и нескольких возгласов, вызванных нашим уходом.

Примерно через час мы уже топтались, согревая ноги, около своей самоходки на хорошо знакомой мне погрузочной платформе станции Пушкино. Погрузка не заняла бы много времени: маршевая рота, в состав которой нас включили, имеет всего пять машин (СУ-152). Но перед нами грузилась еще какая-то часть, а потом не сразу подали железнодорожные платформы. В середине ночи привезли нам из 15-го учебного полка десятисуточный сухпаек на дорожку, и мы, не отрываясь отдела, со смаком захрустели отлично просушенными ржаными сухарями.

По всем правилам укрепив машину на платформе, слив воду и масло, мы принялись, пыхтя, поднимать из машины тяжеленные аккумуляторы (без малого четыре пуда в каждом), чтобы перенести в специально выделенную для них теплушку с печкой-времянкой, как вдруг в рассветной полумгле к самой нашей платформе подкатывает крытый брезентом «Шевроле». Дверца его кабины распахивается, и незнакомый интендант торопливо спрашивает у нас, где находится машина младшего лейтенанта Баландина. Зовем командира. Тот выглянул из своего люка:

– Я младший лейтенант Баландин!

– Распишитесь и получите продовольствие на экипаж и полушубки на офицеров.

– Слушаюсь! – Голова Николая исчезает, и через минуту, сбросив с себя полушубок, он вылезает на башню в черных стеганых ватных брюках и телогрейке. Не моргнув усом, наш

командир машины поставил свои размашистые подписи в обеих ведомостях. Очкастый интендант кивнул солдату, сидевшему в кузове, и прямо к нашим ногам, словно по мановению волшебной палочки, упали большие бумажные пакеты с сухим пайком, а сверху их накрыли два связанных вместе новых белых полушубка. Николай с чувством пожал руку расторопному хозяйственнику, и грузовик медленно двинулся вдоль эшелона, а мы еще некоторое время оторопело разглядывали неожиданный подарок. Затем по команде Николая все было незамедлительно упрятано внутрь машины. Наш младший приложил палец к губам:

– Надо быть совершенным дураком, чтобы добровольно отречься от такого добра. Считайте это наградой за наши последние мытарства, особенно за три дня, прожитые впроголодь. И вообще... запас карман не рвет. Молчок!

Очевидно, центр формирования тяжелых полков со своей стороны тоже снабдил нас на дорогу, не подозревая о том, что это уже сделано учебным полком. Этот маленький «акт возмездия», порожденный предотъездной суматохой, сильно развеселил нас. Мы с воодушевлением перетащили аккумуляторы в вагон-аккумуляторную и заняли наконец в своей теплушке нижние нары, оставленные нам, как опоздавшим. Экипажи разместились просторно: для 30 человек выделено два товарных вагона.

Итак, зампотех из 15-го учебного самоходно-артиллерийского полка благополучно сбыл с рук «порченую» и теперь может быть вполне спокоен за свою служебную характеристику. Ему наплевать на то, что станет с машиной в дальнейшем и годна ли она для боя. А что касается людей...

12 января

Целые сутки выбираемся из-под Москвы. Катаясь возле столицы, видели салют над городом. От пассажиров на остановке электрички узнали (рации на наших машинах временно без питания), что салютовали в честь освободителей города Сарны. Это на севере Украины. А в Белоруссии, на Мозырьском направлении, совершен прорыв немецкой обороны в 30 километров по фронту и на 15 километров в глубину.

На какой-то подмосковной станции, прогуливаясь вдоль эшелона, заметил на откинутых низких бортах платформ с нашими машинами надписи мелом: «Киев». Немедленно сообщаю новость товарищам по теплушке. Потолковали и решили: все нормально, едем туда, где сейчас жарче всего.

Вечером экипажно слегка отметили отъезд на фронт.

Двойной десятисуточный легко обеспечит нас на полмесяца, и поэтому дальняя дорога не страшит. Да еще в резерве пара новых полушубков. Ребятам их носить нельзя (хотя мерзнуть наряду с офицерами можно): не положено. Заметит какой-нибудь ретивый интендант из будущей нашей части, докопается до истины, и – прощай, полушубки!

Потекла обычная эшелонная жизнь: отсыпаемся про запас или греемся у краснобокой печурки, поем или предаемся воспоминаниям.

14 января

На погрузке я здорово простыл: задувал в тот день резкий и пронизывающий холодный ветер. По ночам зверски кашляю, мешая спать всей теплушке.

Сегодня наши войска штурмом взяли Мозырь и Калинковичи.

15 января

Утром были в Наро-Фоминске (попросту – в Наре). Зияющие остовы зданий без крыш и перекрытий. На месте сгоревших деревянных домишек уныло торчат ряды почерневших печных труб. Изрытая бомбами и снарядами земля, редкие искалеченные деревья без верхушек. И такая безотрадная картина повсюду, куда бы ты ни подался из Москвы, за исключением востока.

Не раз случалось нам видеть эти страшные следы зверей двуногих. И каждый, кто столкнулся с этим, даже не может представить себе, что эти печальные, разоренные края расцветут по-прежнему, пока продолжает бродить по нашей земле и вообще пока существует на белом свете бессовестно-наглая, беспощадно-жестокая гадина – немецкий фашист.

16 января

Ночью прибыли в Малоярославец (это всего-то 130 километров от Москвы) и простояли почти двое суток. Мы ведь не отдельный воинский эшелон, а маршевая рота, которая тащится на перекладных.

17 января

Медленно, но верно движемся к фронту. Со станции Тихонова Пустынь отправил письмо маме. Ползем по восточной окраине моей области. Давно не мылись в бане. Грязное тело зудит. Снова одолевают вши и дорожная скука.

Ленинградский фронт нанес хороший удар: прорвал сильно укрепленную оборонительную полосу противника (15 на 8 км) и перерезал фашистам важную фронтовую артерию – железную дорогу Новосокольники – Дно.

19 января

В первой половине дня миновали Сухиничи (260 км отъехали от столицы) и выбрались из пределов Смоленщины. Ну и скоростенка! На протяжении всего пути следы ожесточенных боев. И чем ближе к Брянску, тем заметнее.

На одной из бесконечных остановок Ефим Егорович, наш «начпрод», успешно «реализовал» полушубки и теперь озабочен организацией экипажного сабантуя без паники.

До Брянска сегодня нас так и не довезли. Кругом леса, леса и болота. Вдоль опушек, близко подступающих к линии железной дороги, в два-три ряда натянута колючка. На проволоке понавешаны в большом количестве пустые консервные жестянки и бутылки – немецкая сигнализация. Крепко, видать, допекали здесь фрицев наши партизаны. Легенды о подвигах народных мстителей ходят с первых месяцев этой войны. А сколько еще станет известно, я не сомневаюсь, об этом обширном и славном партизанском крае. Да только ли о нем?

Завтра дежурю по эшелону.

20 января

Брянск. Жуткие развалины, при виде которых тебя охватывает невыразимая тоска, а в груди твоей начинает шевелиться тяжелая ненависть к захватчикам... Вечером были уже в Навле.

21 января

На рассвете проехали хутор Михайловский. Днем сварили обильный обед и пригласили всех ребят из второй теплушки, чтобы по-танкистски отметить наше знакомство. Благодаря стараниям Ефима Егорыча не было недостатка и в «горючем». Оба

вагона дружно пели и плясали, и «званый обед» очень весело и непринужденно длился до самого отбоя.

А среди ночи ветром порвало старый брезент, которым укрыта моя машина, и так как все уже крепко заснули, то пришлось зашивать его в одиночку и на ходу, чтобы совсем не унесло.

И снова – здравствуй, Украина!

22 января

В 1.30 – Конотоп, в 8.00 – Бахмач, в 14.00 – уже Нежин. Быстро повезли!

Продукты на пристанционных толкучках дешевеют. Вши («бобики», как называет их наш вагонный шутник Никитин) торжествуют. Поэтому, когда они особенно начинают досаждать, прожариваем около раскаленной буржуйки нижнюю и прочую одежду. Пришлось и мне дать серьезный бой «автоматчикам» (еще одно прозвище вшей). Выворачивая нижнюю рубаху над печуркой, впервые увидел спаренных паразитов. Омерзительная картина!

К 19.00 наш эшелон выбрался на последний 120-километровый отрезок пути с переправой через Днепр в районе железнодорожной станции Дарница. Железнодорожники говорят, что из-за перегруженности этой переправы – временного деревянного моста – мы будем ехать до Киева не менее двух-трех дней.

23 января

Встанешь на башне машины – далеко видны на белом фоне, впереди и сзади, эшелоны в длиннейшей очереди.

Коротаем время за разговорами. Заряжающий Орехов, земляк, родом из деревни Вошкино Гусинского сельсовета Краснинского района, самый «старый» из нашего экипажа (в этом году ему исполнится двадцать пять), поведал нам свою историю.

В 1941 году двадцатидвухлетний Ефим проходил срочную службу в Белорусском особом военном округе, в конном гаубичном дивизионе, всего в нескольких километрах от новой государственной границы. Его часть стояла там после окончания похода Красной Армии в Западную Белоруссию с сентября 1939 года.

Тамошние мужики-белорусы заезжены страх, да и крестьяне из поляков, что победнее – тоже. Но особенно горько доставалось

белорусам. Мало того что они в вечной нужде бились, как птица в силке, – паны измывались над ними, как хотели. Одна женщина рассказала бойцам Ефимова расчета, как пан староста, получив известие о предстоящем визите в их деревню какого-нибудь пана офицера или пана чиновника, приказывал жителям чисто-начисто выскрести и подмести улицы, по которым, возможно, соизволит прогуляться приезжий пан надпоручник. Ослушание и недоимки никогда не оставались безнаказанными. Для вразумления холопов пускались в ход даже плети.

Сердечно и радостно встречали Красную Армию – свои своих – по ту сторону польской границы. Тут у рассказчика от волнения увлажнились глаза, и он хлопотливо нагнулся к печурке подкинуть дров. И «панами ясновельможными» своих освободителей величать пробовали замордованные люди, но красноармейцы и командиры терпеливо и доходчиво растолковывали местным крестьянам, что такое обращение в Советской России отменено еще в 1917 году. Навсегда. И жалко было очень нашим бойцам тех несчастных людей. На что уж в смоленской, скажем, деревне в неурожай лихо бывало: по двести граммов ржи на трудодень выходило (не считая картошки и прочего), а у них – хоть шаром покати. Голытьба! И запуганы так, что глаза поначалу поднять боялись: раз ты в добротной одежде да еще в сапогах – значит, пан. Однако разобрались постепенно, что к чему, освоились со словом «товарищ», оттаяли сердцем.

Новая жизнь начинала свое победное шествие по Западной Белоруссии, которая была насильственно отторгнута белополяками в трудный для юной Советской страны год и девятнадцать почти лет томилась в панской неволе.

Ефим Егорыч женился рано, еще до призыва в армию. Как старослужащий, он уже пользовался отпусками, а в 1941-м, перед войной, получил даже внеочередной краткосрочный отпуск по случаю рождения ребенка-первенца. Счастливый отец ревностно справил самые неотложные дела по хозяйству, осторожно поласкал жену, недавно вернувшуюся из сельской больницы, неумело подержал в крепких крестьянских руках свою крохотную дочку, попрощался с родными и односельчанами и возвратился в часть.

А 22 июня, на рассвете, артдивизион был поднят в ружье и получил боевой приказ. При вскрытии склада боеприпасов было установлено, что в нем хранились снаряды другого калибра. Таким образом, боезапас каждой гаубицы составили снаряды, которые находились в зарядном ящике при орудии.

Дивизия, в состав которой входил артдивизион Орехова, с непрерывными боями, отбиваясь от наседающего противника и

неся большие потери, сумела пройти всю Белоруссию, но в конце концов попала в окружение у западной окраины Смоленщины.

Командование решило навязать противнику ночной бой и прорвать вражеское кольцо. В случае успеха предполагалось отходить дальше на восток рассредоточившись, мелкими подразделениями, применяясь к местности, по возможности используя лесные массивы.

На каждую уцелевшую во время отступления гаубицу оставалось по одному-два снаряда, которые берегли как зеницу ока на самый крайний случай. И вот он наступил. С помощью этих последних снарядов была проведена артподготовка, не нанесшая противнику никакого урона, но зато она послужила хорошим сигналом к началу прорыва.

Все сперва шло как будто нормально. Следом за ударными группами, которые бесшумно сблизились в ночи с врагом и вдруг отчаянно ринулись врукопашную, двинулись по подозрительно легко пробитому «коридору» колонны пехоты. Но все попытки расширить прорыв ни к чему не привели. И тянулись вперемешку солдаты, шатающиеся кони в орудийных упряжках, едущие на честном слове грузовики, набитые ранеными до предела. Раненых было очень много. Их везли и на подводах, и на лафетах. Те, что могли еще держаться на ногах, брели сами, опираясь на винтовку или на товарища или цепляясь за борт и задки телег, за стволы пушек.

Ночи в первой половине июля недолги, поэтому вконец измотанные, голодные и редко спавшие в течение полмесяца люди не в силах были уйти далеко.

На рассвете начался настоящий кошмар. Сперва появились самолеты. В промежутках между штурмовками колонна продолжала упрямо идти вперед. Горели грузовики и опрокинутые повозки, били и дико ржали запутавшиеся в упряжи кони, кричали и стонали по кустам и в кюветах раненые. Колонна таяла и шла. Потом с обеих сторон «коридора» фашисты открыли убийственный – изо всех видов оружия – огонь: прямой, косоприцельный и навесный...

Что творилось там в общих масштабах – рядовой артиллерист Орехов мог только чувствовать своим солдатским чутьем. Колонна окончательно распалась.

К полудню под командованием молоденького лейтенанта и старшего политрука десятка три бойцов (среди них оказался и Ефим) из разных батальонов и даже полков сумели-таки занять оборону в опушке светлого молодого соснячка, наспех отрыв в песчаной земле окопчики неполного профиля. Оборону без

боеприпасов: в иных винтовках даже магазины были неполные, а гранат на весь сводный взвод осталось две штуки.

Немцы почему-то не спешили атаковать эту горсточку русских солдат, а долго и методично долбили по леску, по окопам... Затем подползли почти бесшумно, словно подплыли, два легких танка с черно-белыми крестами на башнях и, остановившись метрах в ста перед опушкой, начали медленно переводить стволы своих орудий с одного окопа на другой, и сидящим в окопчиках людям казалось, что сама смерть заглядывает им прямо в душу круглыми, непроницаемо-черными зрачками пушек. Время от времени из немецкого танка раздавался выстрел в упор или трещала длинная пулеметная очередь – для острастки. Фашисты развлекались, подавляя волю наших бойцов. Тяжело раненный снарядом, разорвавшимся прямо в окопе, застрелился незнакомый лейтенант. Оставшиеся в живых положили на бруствер бесполезные винтовки: геройски пойти в штыки было не на кого. После того как перед строем пленных гитлеровцы расстреляли политрука, всего от Ефимовой команды осталось пятнадцать бойцов при двух сержантах.

Пленников погнали по пыльному проселку, нещадно пиная отстающих прикладами и коваными каблуками сапог. Исподтишка, чтобы не навлечь на себя гнева конвоиров, Ефим долго присматривался к местности и вдруг обмер от горя и ненависти: его гнали, как скотину, по своей, по смоленской земле. Это был его родной район... Только второй, более сильный толчок прикладом в спину заставил Ефима сдвинуться с места.

Село, куда пригнали пленных, лежало всего в 30 километрах от деревни Арефьево. Бойцов заперли в бревенчатом сарае и приставили часового. Слышно было, как в разных концах села горланили песни и бесчинствовали пьяные фашистские солдаты, испуганно кудахтали куры, плакали и причитали женщины.

А красноармейцы обсудили свое положение и решили бежать. Пока не утих шум в селе, они быстро, но осторожно, с помощью обломка старой косы, найденной при осмотре сарая, и просто голыми руками прорыли лаз в земляном полу под задней стеной, а следы работы тщательно прикрыли соломой и улеглись на ней, чутко прислушиваясь к тому, что происходит снаружи.

Ночью, бесшумно сняв дерн над лазом, выползла на волю первая группа из шести человек, самых крепких и решительных. Среди них был и Орехов. Трое слева, трое справа, они, словно тени, крадучись в тени стен, обогнули сарай и молча и яростно бросились на часового, внимание которого отвлечено было громкой руганью и мнимой потасовкой, начавшейся между пленными. Фриц не успел и пикнуть, как был придушен

сильными руками. Все семнадцать ушли вместе. Автомат достался одному из сержантов.

Решено было двигаться на восток, вслед за фронтом. Прошли стороной деревню Ефима. Очень хотелось ему завернуть домой хоть на минутку, узнать, как там, что, но он подавил в себе это желание, даже никому не обмолвился о нем. Понимал боец, что от войны не спрячешься ни на печи, ни под бабьей юбкой.

Пробирались по лесам (много их на Смоленщине), а по открытым местам – ночами. К шоссейным и железным дорогам подползали на животе, терпеливо выжидая удобный момент для незаметного броска через насыпь. Раза два или три их засекали и обстреливали, а после того, как целый день однажды пришлось уходить от погони, остался Орехов всего с одним товарищем по несчастью. Теперь они шли со всеми предосторожностями, держась глухих лесистых и болотистых мест, забирая севернее автомагистрали Москва – Минск.

Кончился уже август, начались осенние дожди. И в одну из холодных и мокрых ночей Орехов потерял последнего товарища, не дождавшись его по другую сторону очередной железнодорожной насыпи, преградившей им путь. Наверное, это была ветка Вязьма – Новодугино.

Простуженный, в разбитых сапогах и в изодранном обмундировании, сильно отощавший на подножном корму и обросший бородой непонятной расцвети, солдат, все-таки не совсем еще отчаявшийся, дотащился наконец до какой-то лесной деревушки, размерами больше похожей на выселки, на территории Ржевского района. Его приютила одинокая бездетная вдова солдата, не вернувшегося с финской войны.

Чтобы выгнать из тела бойца простуду, хозяйка сразу же жарко истопила баньку, и Ефим Егорыч всласть, до-полного изнеможения, пропарил кости.

Ефим Егорыч ведет рассказ неторопливо, обстоятельно, попыхивая в полутьме вагона «долгой» самокруткой. Кажется, я задремал возле пышущей жаром железной печурки: шинель сползла с плеча, и сквозь щель под широкой дверью вагона задувает пронзительный ветер с днепровского простора, сильно холодя бок. Закутываюсь поплотнее в шинель и снова прислушиваюсь к плавной речи своего заряжающего. Она доносится словно издалека...

Полузабытье мое прервала хорошо знакомая беспокойная трескотня зениток, затем раздалось недалекое тяжкое уханье бомбовых ударов. Все в теплушке насторожились, многие поднялись с мест. Отодвинув вагонную дверь, вслушиваемся и всматриваемся во тьму.

Бомбят Дарницу. Постепенно большое зарево поднимается высоко над станицей. В огне взрываются вагоны с боеприпасами, раскидывая огромные веера красных искр. Иногда взлетает вверх клубящийся столб пламени над цистерной с горючим.

24 января

До самого утра никто из нас не сомкнул глаз. Только к концу дня наш эшелон протащился через Дарницу. Слева темнеют развалины станционного здания, окруженного обгорелыми, изувеченными деревьями. Под ноги смотреть жутко. Между восстановленными главными путями на оттаявшей земле повсюду валяются разбросанные взрывами снаряды, целые и лопнувшие от жара патроны, прожженные противогазовые сумки, оплавившиеся куски простого мыла, какие-то полусгоревшие тюки, ящики, а кое-где – останки людей. За такой короткий срок всего убрать было невозможно. При бомбежке и борьбе с огнем погибло много военных и железнодорожников... Мы узнали, что на станции и вблизи нее разбито шестнадцать эшелонов. Ловко подкараулили, сволочи!

25 января

Утром, когда мы уже закончили наводить порядок в машине, то есть установили аккумуляторы, залили горячую воду и масло в систему, показался вдали, на гористом правом берегу широкого здесь Днепра, долгожданный Киев.

При подготовке машины к разгрузке произошло небольшое недоразумение. Забравшись в теплушку, где хранились снятые аккумуляторы, я подтащил два к двери. Ребята втроем, без Николая (от него пользы мало с его рукой), унесли их к машине и возвратились за остальными, которые я еще продолжал разыскивать в полутьме вагона, зная по собственному опыту, что свои – самые надежные. Выволакиваю наконец оба тяжелых черных ящика на свет и вижу: ребята выстроились в шеренгу перед дверью и молча, с обидой смотрят на меня. Не понимая, в чем дело, я вопросительно уставился на товарищей. Но тут выступил вперед замковый и вежливо так, с еле сдерживаемым возмущением говорит, что экипаж СУ-152 состоит, насколько известно ему, Георгию Сехину, не из трех, а из пяти человек, которые по воле обстоятельств должны не только жить вместе, но и работать тоже...

«И даже умирать, если это потребуется!» хотел было добавить я, но сдержался.

Так вот оно что! Ребята принимают меня за «сачка»! Кровь бросилась мне в лицо. Особенно стыдно и обидно было оттого, что выразил мнение экипажа не кто иной, как мой первый помощник, очень выдержанный и трудолюбивый Сехин, бывший учитель. Молча спрыгиваю вниз, один опускаю на снег оба аккумулятора и становлюсь между ними.

– Ну, поехали, что ли, хлопцы?

Ефим Егорыч негромко одобрительно крякает, а Сехин и Вдовин, пристроившись ко мне слева и справа, берутся за ручки, и мы втроем мелкой рысью, чтобы не оскользнуться, быстро доставляем аккумуляторы к платформе с нашей машиной. Через несколько минут аккумуляторы установлены на место в правой передней части отделения управления и включены в цепь. Инцидент исчерпан. Отпускаю ребят в теплушку, благодарный им в душе за данный урок, а сам проверяю работу стартера, сигнала, фары, внутреннего освещения, рации и ТПУ, затем хорошенько прогреваю двигатель.

В 18 часов наш эшелон осторожно проследовал по раскачивающемуся и поскрипывающему наплавному мосту через Днепр. На той стороне промелькнули перед нами какие-то бесформенные развалины, подступающие к самой железной дороге. Города мы из-за наступившей темноты так и не увидели. Может быть, это даже к лучшему: лишний раз не терзаться при виде варварских разрушений, произведенных фашистами в древнейшем русском городе. А зла на немца и без того хватает.

26 января

Поезд несется по Киевщине. Мелькают леса, глубокие овраги, населенные пункты и станции, разрушенные бомбежками и артогнем. Без остановки проскочили Фастов-1, а в 15 часов эшелон замедлил ход и «пришвартовался» на станции Фастов-2 Восточный.

Ждать пришлось долго, пока расформируют наш состав и подгонят платформы с нашими машинами к разгрузочной площадке. Сгрузились только в 23.30 – и все в порядке. Если не считать, конечно, моего «купания», которое состоялось, к счастью, без свидетелей. Заторопившись к своей платформе, когда маневровый паровоз подцепил наш состав, я наступил, ничего не подозревая, на узкую, метровой ширины, припорошенную свежим снежком полоску земли, белеющую на черном асфальте перрона,

– и вдруг начинаю проваливаться. Резко рванувшись вперед всем телом, падаю все-таки на асфальт по другую сторону траншеи, однако ноги мои чуть выше колен успели окунуться в вонючую жижу. Это была выгребная яма, до краев наполненная нечистотами, – все, что осталось от станционной уборной, сметенной взрывом... Около платформы, стараясь не дышать, чтобы не стошнило, быстро сбрасываю валенки и ватные брюки и лезу босой в машину переодеваться. Хорошо, что зима стоит теплая: не пропаду и в шароварах с сапогами. Вот так «крещение»!

27 января

Долго скитаемся в окрестностях Фастова. На кой черт нас сюда сунули? Сколько нам здесь торчать – неизвестно. В машинах ночевать неуютно: холодно. И командир нашей маршевой роты, капитан Осадчий, разрешил экипажам устроиться по хатам, только непременно вблизи станции. Легко сказать, но как это сделать, если многие домики разрушены, а уцелевшие уже «оккупированы» военными.

Истратив несколько часов на поиски жилья и потеряв всякую надежду, мы проходим, понурясь, мимо колодца (ох уж эти колодцы!) и не можем не обратить внимания на чернобровую дивчину, ловко достающую воду. Радостно подхватываем ведра и тащим до самых дверей хаты. Хата длинная, состоит из двух половин. В левой половине стены сильно потрескались во время бомбежек, в правой – глинобитная стена вдоль сеней вообще обрушилась. Мы рьяно взялись помогать месить глину, таскать воду и ликвидировать повреждения в жилище, чему хозяйки (у нашей новой знакомой была еще старшая сестра) несказанно обрадовались и в благодарность «за допомогу» пустили нашу команду в полуразрушенную часть хаты, где сохранилась комната. Но ввиду того, что там предстояло еще починить печь (до темноты мы всего сделать не успели), в первую ночь нам отвели место в относительно теплой, залатанной наскоро хозяйской половине, разгороженной на две маленькие комнатки.

Старшая сестра Михалины (так звали девушку) вместе с тремя маленькими детишками ушла в более теплую дальнюю комнату, а мы всем экипажем расположились в проходной, где стояли два топчана, заменявшие кровати, и между ними – пустой старый шкаф. На одном из топчанов легли мы с Ефимом Егорычем, на другом – Михалина, или просто Лена, на полу – остальные.

Николай, взявший девчонку «на прицел», как только мы ее повстречали, хотя и нуждался в постели больше всех из нас, героически отказался от соломенного тюфяка и предусмотрительно занял позицию по соседству с девичьей постелью. Не успели мы и задремать, как он крадучись перебазировался на топчан, но тут же едва не свалился на пол от бесшумного и все-таки мощного толчка. Мы замерли. Долго шепотом наш командир доводил до девушки мысль о необходимости чуткого отношения к воинам и прочем, причем говорил очень красноречиво и убедительно, так что мы поневоле заслушались, забыв притворно похрапывать, чтобы не мешать. Однако упрямая красавица не внимала никаким мольбам, и коварный искуситель, сидя на самом крае топчана и замерзая в нижнем белье (хата ночью быстро выстыла), начал униженно и очень уморительно клянчить «хоть кусочек одеяла», в которое плотно закуталась девушка, подобрав под себя ноги и прижавшись спиной к стене. Развязка наступила приблизительно через час: наш ловелас, выбивая дробь зубами и невнятно чертыхаясь, спрыгнул на пол и быстро юркнул под свою шинель. Сдерживать смех нужды больше не было. Ефим Егорыч похвалил Михалину, и вскоре все крепко заснули.

28 января

Получено приказание слить воду и масло. Видно, придется ждать здесь, пока не понадобимся. Только как долго?

Подгоняю машину к самому углу хаты. Во время работы двигателя заметно, что НК-1 (насос, подающий топливо в цилиндры под давлением в 200 атмосфер) барахлит. Пока возился с машиной, готовя ее к стоянке, ребята успели отремонтировать печь в нашей комнате и сбить из досок общие нары. Жить можно. Наш Ефим Егорыч оказался мастером на все руки и, конечно, был главным участником и руководителем всех ремонтных работ.

Днем мы долго беседовали со Вдовиным. Никак не могу понять, что с ним такое происходит. Но кажется, все будет хорошо! Притрется, как у нас говорят.

Вечером был разговор с Леной. Интересный, умный человек: знает немецкий, польский и чешский, как свой родной, о русском языке и толковать нечего. Во время оккупации она устроилась по заданию партизанского командования работать на немецкий железнодорожный склад в Фастове. Немало ценных сведений о передвижениях немецких войск по железной дороге, о

настроениях среди оккупантов и прочем было добыто ею и передано через связного в отряд. Кроме того, она исхитрялась постоянно снабжать партизан медикаментами и бензином, похищенными в пакгаузе. И при всем этом была вне всяких подозрений у немецкого начальства...

У Лены есть младший восемнадцатилетний брат, погодок. Ни он, ни старшая сестра ничего не знали, пока не возвратились в Фастов наши, о второй, тайной работе своей сестры-весовщицы. Брат, как только фашистов вышибли из города, уехал на танке вместе с десантом пехоты, вооружившись трофейным автоматом. Писем от него еще не приходило, и сестры очень этим обеспокоены. Старики Кобылянские оккупации не пережили.

29 января

Учинили веселый экипажный вечер в честь «колечка», замкнутого вчера нашими войсками в городе Звенигородка. А в кольцо то угодили большие немецкие силы, нацеленные на Белую Церковь и Киев. Заодно отпраздновали и свое новоселье с солдатской самодеятельностью, розыгрышами и веселой травлей.

Когда наконец улеглись, я попросил Ефима Егорыча продолжить рассказ про его одиссею.

Земляк помолчал немного, вздохнул:

– Да что рассказывать? Разнежился было совсем я у бабенки под боком: по завязку опостылело мыкаться по лесам, по оврагам впроголодь, а то и вовсе голодному как волк, да еще и в одиночку и, опять же учтите, в полной неизвестности. Живу это я тихомирно, а совесть-то не спит, гложет, мысли беспокойные в башку лезут и даже ночью покою не дают. Тоска! И слухи разные среди народа ходят: и добрые, и паскудные – хоть вой. Совсем я извелся, пока решение принимал.

Вот в какой-то день выкладываю как на духу все свои соображения хозяйке. Сникла она как-то вся, руки уронила, головушку повесила, хочет сказать что-то, да губы сильно дрожат. И вдруг припала к моей груди, рубаху слезами горькими насквозь промочила – успокоилась немножко. А потом (хорошая женщина!) легонько так отстранилась от меня, глянула прямо в глаза мне и проговорила трудным голосом: «Иди, Юхимушка... Раз надо идти – иди». Собрала мне котомку с сухим пайком на дорожку, смену белья да рушник, и с первым светом ушел я, по-граждански обмундированный. Иду, приказываю себе не оглядываться, потому знаю: стоит она, босая, на белом от инея крылечке и смотрит долгим взглядом вслед, сирота...

Весь экипаж сочувственно молчит.

– Да-а... добрался не то чтобы с опаской, но с большими предосторожностями до прифронтовой полосы только в конце сентября. Смекаю: не больно-то ты, фриц, свой план по блицкригу выполняешь. И хоть ты, спору нет, силен, а все-таки не от хорошей житухи в болотах подо Ржевом грязевые ванны принимаешь в такой неподходящий сезон.

Уточняю по возможности обстановку у местного населения, осторожно этак выясняю, будто это мне вовсе ни к чему, чтобы не вляпаться в одном переходе от своих. Уже и фронт слышен. Узнаю даже голоса родимых гаубиц, и сердце в груди у меня то заколотится, то замрет, как перед первым свиданием.

Для последнего привала на немецкой стороне выбрал я, понятно, такую деревню, где фрицев в тот момент не имелось. Нашлись мне и попутчики, двое крепких парией, из здешних.

Видать, им тоже невмоготу стало маяться в неизвестности и жить с вечной оглядкой. Дождались мы ночки потемнее да потуманнее и незаметно ушли попытать счастья.

Проплутали всю долгую ночь по холодной хляби, по лесным медвежьим углам и налезли к рассвету на свой пикет. Нас окликнули по-русски! Мы поднялись с земли и по команде подошли. У молоденького бойца, что обнаружил нас, ствол винтовки так и прыгал в руках. Не то продрог человек (в пикете ночью и дымом согреться нельзя), не то разволновался не меньше нашего, а может, жутковато ему сделалось, потому – со стороны глянуть на нас, – похожи были мы, перебежчики, точь-в-точь на болотных чертей.

Обыскали нас, повели. Сначала принял нас начальник особого отдела, а потом долго беседовал с каждым командир части, в расположение которой мы вышли.

Ребят, предъявивших справные документы, вскоре зачислили в полк, поставили на все виды довольствия и даже оружие выдали. Они были призывного возраста, а людей в полку не хватало: немец тогда вовсю на Москву пер, на зимние квартиры. А я... меня с моей красноармейской книжкой (она несколько раз подмокала, и буквы в ней порасплывались) после предварительной проверки отправили в глубокий тыл, в Гороховецкие лагеря, как я ни доказывал, что один пользы дам больше, чем двое тех пацанов...

В лагерях тех за меня не на шутку взялся особый отдел. Обидно было... От самой границы почитай протопал, чтобы снова в строй стать, а тут некоторые на тебя, как на предателя, косятся. И понимаю, что причины основательные есть на то у Смерша, а все-таки сердцу горько...

Однако месяца через три, примерно через месяц после Нового года, пришло, должно быть, подтверждение моих показаний. Мне выдали новый документ и новое обмундирование, а вскорости и вооружили старенькой трехлинейкой. Поверите или нет, а когда я взялся за щербатое, избитое цевье – слеза меня даже прошибла...

А еще через некоторое время попал опять на фронт, в пехоту-матушку, хотя в своем деле и неплохо соображал. Видно, до конца мне так и не поверили. А почему?..

Рассказчик вздохнул и завозился в темноте, нащупывая кисет с махоркой. Всем тоже захотелось курить, и в хате замигали красные точки цигарок.

– Ну вот и все. Солдату где ни воевать... В июле сорок третьего меня крепко поранило под Орлом, когда немец полез на нашу дугу. У товарищей по взводу и у командиров был я, наверно, на хорошем счету, так что после госпиталя направили меня по моей специальности артиллерийской в 15-й учебный самоходный полк.

Ранение у Ефима Егорыча, по случайному совпадению, такое же, как у нашего командира машины, только через левую лопатку вышла не разрывная, а обычная винтовочная пуля. Это не мешает заряжающему споро работать у орудия, потому что здоровой правой рукой он легко забрасывает себе на плечо пятипудовый мешок.

30 января

Опять Вдовин... Тяжелый тип. Почему-то считает себя вконец затертым человеком и, конечно, очень умным. Но это у него вспышками, особенно когда тяготит безделье.

Около полуночи, впервые со времени нашего прибытия сюда, Фастов посетили ночные стервятники. Мы встали было со своего деревянного ложа, но, прислушавшись, решили, что немцы бомбят станцию, а не поселок, и никто из нас не пожелал идти в холодную машину. А до железнодорожных путей – рукой подать. Все обошлось, только два раза хату нашу сильно встряхнуло.

31 января

Утром увидели на своей улице, ближе к линии, свежие воронки, а в белой стене хаты – новую широкую трещину.

Банный день. Вели бой за чистоту. Сначала выварили белье в старом казане, найденном в чулане, затем, после стирки, ребята в

том же казане нагрели почти до кипения воду и устроили великолепную баню прямо в холодных сенях. Мы с Николаем будем мыться завтра, так как пропускная способность нашего «банно-прачечного комбината» очень невысока.

1 февраля

Какое же огромное удовольствие – мыться в горячей воде, чувствовать, как с тебя слоями сходит грязь и как всеми порами начинает дышать кожа! Больше месяца мы не банились.

Офицеры, посовещавшись, решили послать за продуктами в Белую Церковь лейтенанта Булыгина, командира одной из машин. Экипажам нечего есть.

2 февраля

Все эти дни мы с Михалиной внимательно присматриваемся друг к другу. Девушка мне нравится. Ее внешности не могут испортить даже старая телогрейка и простые сапоги, в которых она ходит на работу, по-прежнему на станцию. Нашу младшую хозяйку можно даже назвать красивой, если бы не тонкие губы. Ефим Егорыч обмолвился как-то, что такие губы бывают обычно у людей злых, но я этого не нахожу.

Сегодня Лена возвратилась домой чуть раньше, помогла сестре накормить малышей, а потом попросила меня проводить ее до своей тетки: на улице уже стемнело. Сперва мы шагали по пустынной уличке молча, Лена опиралась на мою руку, думая о чем-то своем, затем заговорила с затаенной грустью:

– Мне уже девятнадцать, а я еще ни-че-го-шеньки не видела в жизни, кроме войны да поганых немецких рож. Нигде не бывала. В Киев собирались наш класс после экзаменов на экскурсию повезти – немец напал...

Мысли эти мне так знакомы! Они, наверное, тревожат всех, у кого война беспощадно отняла юность, перевернула и поломала жизнь...

– Так война же, – неумело пытаюсь утешать я свою спутницу. – Вот закончим ее – не век же она тянуться будет, – и ты наверстаешь упущенное. И учиться сможешь дальше. А самое главное – ты жива и здорова и совсем еще молода.

– Все так. Но иной раз тоска какая-то навалится, и в такие минуты не верится, что снова будет все у нас как прежде. Да нет, не будет уже... – Голос ее дрогнул, и мне показалось, что она

плачет. До сих пор Лена ни разу не пожаловалась на то, как трудно ей с сестрой без родителей, что у сестры погиб муж и остались на руках трое малых детей (старшему племяннику Лены едва исполнилось шесть лет).

Сочувствуя девушке всем существом своим и не зная, что еще сказать ей, тихо привлекаю ее к себе. И вдруг она, обхватив меня за шею обеими руками, крепко прижимается ко мне, горячие губы ее оказываются совсем близко от моего лица – и после второго поцелуя у меня закружилась голова. Но действовать по принципу «все равно война», как говорится в одной дурацкой песенке, у меня не было ни малейшего желания... И зачем?

Возвратясь от тетки, мы еще долго стояли в полуразрушенных сенях, возле кирпичной кладки с казаном, лаская друг друга и вспоминая последние предвоенные годы, пока не распахнулась дверь нашей «казармы» и не раздалась шутливая команда Николая: «Эй, славяне! На вечернюю прогулку – в колонну по четыре... Отставить! В колонну по одному – становись!» Ребята прошли в четырех шагах от нас в наброшенных на плечи шинелях, не заметив нас, и один за другим исчезли в проломе стены. Шедший последним споткнулся в темноте, едва не упал и громко чертыхнулся. По голосу я узнал Вдовина. Не дожидаясь их возвращения, мы простились до завтра и неохотно разошлись, чтобы не давать пищи для обычных в таких случаях подначек.

Улегшись на свое место, долго не могу заснуть: мне тревожно и радостно. И все-таки какой я неуверенный! Уж не жалею ли я о чем? Нет, все правильно. Не сегодня завтра нас бросят в бой... Спать!

3 февраля

Февраль сегодня похож на апрель, и дождь как весной. Зима здесь хороша пока, да и под Москвой сильных морозов не было, особенно в декабре.

За нами прибыл из полка помпотех Яранцев, техник-лейтенант, и после ужина кончилось наше мирное житье, и неопределенность, и мои сердечные терзания тоже. К 24.00 на машинах – полный порядок и вся рота готова к погрузке.

Мы поблагодарили наших хозяек, поделились с ребятишками сахаром и сухарями из припасов, привезенных накануне Булыгиным.

Когда я уже собирался заводить двигатель, вышла на порог Михалина:

– Прощай!

Это хорошее, но грустное слово почему-то не по душе мне. Наверное, так говорят, расставаясь навсегда.

– Не прощай, а до свидания! – суеверно возражаю я девушке и ныряю в машину: самоходки наши уже поползли на станцию, к погрузочной платформе. Бодрясь, подпеваю двигателю... А Лена все-таки права.

4 февраля

Ночь без сна. Рота закончила погрузку только в 10.30.

Наводчик наш, по глухоте своей, изрядно прихватил мне мизинец левой руки броневым клином смотрового люка, так как потянул клин на себя, вместо того чтобы помочь захлопнуть. Дерни Вдовин посильней – вообще можно было остаться без пальца.

Сидя на башне в ожидании отправления и баюкая ноющий палец, вижу, как подошел со стороны Киева небольшой эшелон, состоящий из десятка теплушек и одной открытой платформы с двумя легкими пушечками-сорокапятками. Половину эшелона скрыло от меня станционное здание. Возле орудий стоит часовой с автоматом на груди, но в гражданской одежде: черном пальто и ушанке. Когда он повернулся ко мне лицом, я увидел на его шапке широкую алую полоску, нашитую наискось. Партизаны!

Двери телятников отодвинулись, и из них начали выпрыгивать на снег люди в разномастной одежде. Замелькали полушубки, ватные куртки, кожанки, кубанки, папахи и даже кепки. Одни из партизан прохаживались вдоль вагонов, поталкивая друг друга и перешучиваясь, некоторые не спеша закуривали, иные подались за вагоны и в сторону, ища место поукромнее по нужному делу. Двое открыли дверь телятника, и оттуда тотчас выставилась лошадиная голова и заржала. Коноводы притащили из вагона с фуражом по большой охапке сена и задали лошадям корму. Несколько человек подошли поближе к нашему составу, с любопытством разглядывая тяжелые самоходные установки, еще не все укрытые брезентами.

Мне ни разу еще не случалось видеть собственными глазами настоящих партизан, и я, стараясь ничем не выдать живейшего интереса, всматривался сверху в простые мужественные лица народных мстителей. По-видимому, это были прославившиеся своими боевыми делами ковпаковцы. Одно из подразделений крупного партизанского соединения перебрасывалось к линии фронта, чтобы затем в удобный момент скрытно проникнуть в

глубокий тыл врага и не давать фашистам «ни отдыху, ни сроку» ни днем ни ночью, способствуя продвижению наших войск и уничтожая банды бендеровцев, особенно разгулявшихся в западных областях Украины. Недавно, в середине января, националистским отребьем был убит из засады командующий 1-м Украинским фронтом генерал армии Ватутин.

Из Фастова наш эшелон тронулся только в 14.30.

5 февраля

Вечером, пока прогревал двигатель, включил рацию и услышал сводку Совинформбюро: взяты Ровно и Луцк, и наши уже в Волынской области.

Морозит, и приходится то и дело проверять машину: она быстро остывает, обдуваемая на платформе резким ветром.

6 февраля

Этот февраль еще «выдует кручинушку, оставит одну печаль», как говорится во фронтовой прибаутке, несколько измененной здесь для благозвучия. Зима началась! Метет вовсю.

В 10.30 прибыли в Белую Церковь, но сгрузились только через полсуток в кромешной крутящейся и посвистывающей тьме. Нас буквально подхватил представитель нашего (наконец-то мы дома!) полка (1540-го тсап) и с ходу «запряг» в самом прямом смысле этого слова: нужно немедленно отбуксировать в полк («Это же по пути! Ну что вам стоит?») тяжело груженные снарядами автомашины, которые вот уже вторые сутки не могут сами пробиться по проселкам.

7 февраля

За ночь и за целый день набуксировался по горло, даже руки онемели. Тащил через заносы сразу два «Студебеккера» цугом. Услышал во время перекура фамилию Сапрыкин. Обрадовался. Интересно, кто еще там есть из знакомых водителей нашего выпуска?

Поздним вечером наконец объявили привал. Усталые шоферы и всевозможные попутчики разных рангов разошлись по ближним хатам и сразу завалились на боковую, а мы с Сехиным заправили к ночи систему охлаждения антифризом. Теперь можно хоть

соснуть спокойно: размораживания не будет.

8 февраля

С самого раннего утра на марше. И хотя снова двигались вперед (а может, кружили?) целый день, ночевали лишь в двадцати двух километрах от Белой Церкви, в селе Троицком. Устал как собака: замучили скорости. Удалось отослать письма с машиной, ползущей в Белую Церковь.

До 24.00 сам регулировал подачу топлива – учился. Будешь знать! Слушал по радио сводку: сегодня вышвырнуты с левого берега Днепра последние гансы (здорово они там засиделись!). Освобожден Никополь.

9 февраля

Утром двинулись на Таращу, но машина, с отчаянными усилиями вскарабкавшись на подъем, окончательно выдохлась и остановилась прямо на шоссе, в виду города, слева от красных железнодорожных казарм. Началось то, чего я опасался еще в Пушкине.

Немцы оставили Таращу, увы, без нашей помощи, но продолжали откуда-то обстреливать подступы к городу, особенно открытые места. Когда обогнавшая нас автоцистерна с горючим выскочила на склон, обращенный к противнику, она сразу же вспыхнула, подожженная длинной очередью из крупнокалиберного пулемета.

Так мы объявились в краях, связанных с именем легендарного украинского Чапаева. Один из полков прославленной партизанской дивизии Николая Щорса носил имя Таращанского.

Командир с наводчиком ведут наблюдение, а мы с Сехиным открываем моторный люк и под прикрытием башни начинаем возиться с двигателем.

Наступила оттепель. Мимо нас бредет вперед, шлепая по раскисшему снегу и лужам воды, хмурая, промокшая пехота. Жора, чумазый и усталый, сочувственно поглядывает с брони на солдат, зябко поеживается и признается: «Нет, уж лучше голодать и самому все ремонтировать, даже по ночам, но зато всегда при тебе твой дом». (Мы закончили работу около часу, так ничего и не добившись.)

Понять Жору нетрудно. Ему никогда не забыть, как в составе

бао (батальона аэродромного обслуживания) драпал он летом сорок первого с этого берега Днепра пешком через всю Украину, да так и не попал больше на свой аэродром, как затем воевал в пехоте, пока не свалила его фашистская пуля. После излечения Сехин был направлен в полковую школу, где приобрел специальность младшего механика-водителя и заряжающего тяжелой самоходки.

До службы в армии (его призвали еще до войны) Георгий работал учителем начальной школы в станице над Тереком.

Родом он из терских казаков. Коренаст, в чертах круглого, слегка овального смугловатого лица что-то неуловимо кавказское, черные волосы курчавы (это заметно, потому что они в полевых условиях переросли положенную по уставу длину); взгляд черносмородиновых глаз живой и умный. Славный казачок, подвижный и сноровистый в деле, Жора очень любит технику, с упоением ухаживает за машиной и поэтому вечно ходит с перепачканными руками и лицом и в замасленных ватных брюках и фуфайке, так как лоснящиеся, насквозь пропитавшиеся машинным маслом комбинезоны надевать мы с ним уже не решаемся и бережем их только для сдачи.

Копаемся мы с Жорой в моторе, а бой грохочет уж где-то за Таращей, но машина не желает двинуться с места. Регулировка подачи топлива оказалась пустым занятием: просто-напросто полетел НК-1. Новый насос обещали привезти из РТО только к вечеру. Ожидая ремлетучку, мы сняли неисправный, и делать пока нечего. Втроем – командир, Ефим Егорович и я – сходили к кирпичным казармам, что стоят справа от шоссе, на какой-то заброшенной железнодорожной ветке, узнать насчет ночлега. Невысокие одноэтажные здания показались нам незаселенными. В правом мы никого не нашли. В пустых нетопленых комнатах даже жилым духом не пахло и вдоль стен стояли голые деревянные топчаны для сна. Из левого дома навстречу нам вышли четыре изможденные женщины в рабочей одежде, изношенной до предела, потерявшей всякий вид и цвет. На землистых лицах их со впалыми щеками и почерневшими от долгого недоедания губами глаза казались огромными, и в глубине зрачков еще продолжал таиться ужас и страдание. Причитая в четыре голоса, женщины по очереди обняли нас и, перебивая друг друга, волнуясь страшно, рассказали, как перед приходом русских (они так и сказали: «русских»), особенно в последние три дня, фашисты непрерывно гнали мимо казарм грузовики, набитые до отказа цивильными, то есть штатскими, людьми, среди которых было много детей, даже совсем маленьких. Сперва их возили по ночам, а под конец и в открытую,

среди бела дня, по направлению к Жидивьскому яру, и оттуда доносилась день и ночь стрельба...

В 17.00, после установки другого НК, машина наша ожила и пошла в Таращу. Мы сделали небольшой крюк и подъехали к тому яру... Все в груди у меня холодеет от лютой ненависти к фашистским убийцам и палачам, нет, хуже... Не знаю, как это можно и назвать. Перед глазами нашими – широкое дно балки, все устланное трупами расстрелянных или заколотых штыками советских людей. Все присыпано, прикрыто, точно саваном, белым снегом. Из-под снега торчит то рука, то нога. Ноги большей частью босые. Верхней одежды на многих убитых тоже нет. Душегубы и кровопийцы остались верны своей мародерской натуре, известной в мире под маркой немецкой хозяйственности и аккуратности. Там и здесь угадываются под белым покровом маленькие детские тельца. И особенно врезалась в память крохотная детская ручонка (я увидел ее ближе всего), застывшая навеки в трогательно беспомощном движении. Она как немой страшный упрек: а где же ты в это время был?

А мне... еще в ремонте стоять. Наверное.

Поставив машину во дворе хаты, с ожесточением взялся за вентилятор, который стучит со времени приема машины в Пушкине. Провозился до глубокой ночи, но спал плохо: виденное днем в балке мучало, да еще и кашель привязался, такой сухой, что дерет дыхательное горло, словно наждаком.

10 февраля

Весь день ремонтировались, но дело явно идет к «загару». Мотор – в съемке. Так решил зампотех полка и тут же щедро выделил в помощь нашему экипажу свой последний резерв – одного ремонтника-моториста и полиспаст.

Быстро сняв броню, мы установили над моторным отделением огромную треногу из тяжелых бревен, вроде копра, подвесили полиспаст и приступили к делу.

12 февраля – 11 марта

Проработали почти без отдыха более двух суток: сами сменили двигатель! Вдовин опять хандрил. Дома у него все в порядке. Не поймем, в чем дело. А может быть, он думал, что воевать на белом коне будет?

Вечером пришел зампотех, проверил установку двигателя,

попросил завести, послушал и объявил благодарность всему экипажу за проделанную работу. Приятно, конечно, что твой труд ценят, но ребята из нашей маршевой уже воюют, а мы по милости зампотеха из подмосковного «бабьего яра» отхватываем благодарности за... сидение в тылу, пусть даже он считается ближним.

Уходя, инженер-подполковник пригласил нас с Николаем к себе (мы едва успели переодеться и попали, как говорится, прямо с корабля на бал), чтобы отметить успешное окончание работы.

Хлопотливая хозяйка хаты уже понаставила на стол всякой домашней снеди. Мясо было консервированное, наверное из НЗ инженера. Он представил нам офицера, сидевшего возле теплой грубки и массировавшего ладонь левой руки. Это был помпотех батареи техник-лейтенант Геннадий Яранцев, возвратившийся из госпиталя. Он назначен старшим на нашу машину и будет сопровождать ее до места.

За столом сидели долго, часа два, а может, больше. Беседовали. В натопленной комнате от угощения глаза мои стали сами собой слипаться. Инженер-подполковник очень тепло отзывался о нашей работе, о том труде, которого, к сожалению, люди часто не видят или просто не могут видеть и поэтому не представляют, чего это стоит. В заключение он вручил моему командиру и мне отпечатанные на пишущей машинке благодарности, скрепленные подписью и печатью, и, дружески улыбаясь, пояснил: «Пусть будут при вас. Так надежнее. Личные дела когда-то вас еще найдут. Счастливого вам марша!»

Завтра – вперед!

* * *

13-го числа мы были уже в Лукьяновске (село это местные жители называют фамильярно Лука), в 60 километрах от Белой Церкви. В пути мучился с главным фрикционом: ремонтники (во второй половине дня нам на помощь был прислан еще один) вчера, в самом конце работы, ухитрились сломать ушко рычага выключения главного. Пришлось рычаг менять. Когда выезжали догонять полк, снова получили приказ взять на буксир сразу два перегруженных «Студебеккера» со снарядами для СУ. Заносы сильные, и колесные машины, даже с двумя мостами, самостоятельно двигаться не могут. Тащил этих проклятых студов до тех пор, пока совсем не отказал левый бортовой фрикцион. Очень помог в этом расторопный старшина Казаков, из кадровиков, любезно предложивший мне вести машину по

очереди. И зачем было допускать его до рычагов? Дергает машину: конь-то не свой!

Так и не дотянув до Лысянки, вынуждены были остановиться в Чесновке. Вблизи нее, на противоположной стороне балки, обнаружили подбитую самоходку, сняли нужный фрикцион, кряхтя, перетащили его на себе по сугробам и сами в течение ночи заменили неисправный, не ожидая ремонтников. Да и откуда их было ждать?

Ни лебедки у нас, ни полиспаста. Поднимали наверх и опускали фрикцион в трансмиссионное отделение, обмотав двухсоткилограммовый широкий и короткий стальной цилиндр монтажным тросиком, в петлю которого продевали для надежности два колена банника.

Ефим Егорыч, не обделенный силушкой, в пару себе выбирал, к моей гордости, меня, когда требовалось поднять фрикцион на моторную броню, а наверху подхватывали груз уже Сехин и Вдовин.

В одном из ответвлений балки стоял еще подбитый КВ-1-85, который мы заметили, занятые делом, не сразу, так как из оврага едва выглядывал самый верх его башни. Кто-то из ехавших на «Студебеккере» рассказал, что это машина командира танковой роты, геройски погибшего накануне в бою на подступах к Лысянке.

Старший лейтенант (фамилии его рассказчик не знал) умело расставил свои пять машин в естественных укрытиях, в складках местности, таким образом, что каждый КВ имел два-три удобных выхода из балки на поле. За полем этим и особенно за дорогой, которая тянется по-над балкой, было установлено самое тщательное наблюдение, потому что здесь пролегал путь одной из мощных танковых колонн противника, который торопился на выручку своим угодившим в очередной котел дивизиям. Противник стремился во что бы то ни стало разорвать наружное кольцо окружения и прорубиться через наш коридор, еще не очень широкий в этом месте, чтобы ударить в спину нашим, дерущимся на внутреннем кольце. В этом шумном коридоре, густо набитом нашими частями различных родов оружия, по-старушечьи ползала, а больше стояла и моя дряхлая самоходка, получившая новое сердце.

Но вернусь к подвигу танкистов под Чесновкой. Как только неприятельские танки и самоходные орудия приближались к балке и показывали борта, КВ-85 с заряженными орудиями по команде командира роты неожиданно для врагов выскакивали наверх, производили один-два верных выстрела и быстро исчезали, скатываясь задним ходом в балку. Скрытно сменив

позицию, танки появлялись всякий раз в другом месте то взводом, то поодиночке, нанося противнику тяжелый урон.

Мы видели в той балке лишь две подбитых наши машины, а немецких насчитали почти два десятка, среди которых имелось три «Тигра» и один «Фердинанд».

Машина командира роты застыла у выхода из балки. В маске КВ зияет круглое отверстие от 88-миллиметровой болванки. А напротив советского танка, всего метрах в семидесяти от него, – громоздкий черный фашистский «Тигр», тоже пораженный выстрелом в башню. Немецкому наводчику удалось произвести свой последний в жизни выстрел только потому, что «Тигр» в момент дуэли не двигался, а стоял, ловко приткнувшись к большому стогу, темневшему по ту сторону дороги, и спустил ствол пушки, заранее наведя ее на край оврага. Однако и эта хитрость матерого фашистского вояки, умеющего «пастись» в ожидании жертвы, не спасла его от возмездия.

* * *

На рассвете присоединяемся наконец к своим, стоящим перед Лысянкой. Немцы все еще удерживают ее.

Неполному нашему полку (как и всем другим частям, стянутым в данный район) поставлена единственная задача: встретить и остановить любой ценой бронированный таран фашистов, наносящих удар со стороны Ризина на Лысянку. Цель у противника прежняя: пробить хотя бы узкую брешь в кольце, сжимающем все туже «мешок», в котором мечутся, точно угорелые, несколько отчаявшихся фашистских дивизий, стремясь выскочить из западни – большого треугольника Шиола – Звенигородка – Корсунь-Шевченковский.

Медленно, очень медленно светает... Из-за густого молочно-белого тумана видимость отвратительна.

Завязался встречный бой, уже сам по себе трудный, всегда полный неожиданностей, а тут еще с почти невидимым противником. Впрочем, обе стороны находились в одинаковых условиях...

В тумане неожиданно возникают расплывчатые контуры боевых машин, и определить – свои или немецкие – очень трудно. Наших-то хоть по реву и искрам, когда водитель газанет, узнать можно, но зато за этим шумом не услышишь работы чужих двигателей. Удобнее всего было бы стоять и слушать, выжидая, когда враг приблизится, но он может разминуться с засадами и прорваться к окруженным. И мы тоже должны двигаться вперед,

дрейфуя в густом тумане.

Случалось, что танки сходились вплотную, да еще и с открытыми «забралами». Николай и Вдовин, высунувшись по пояс из круглых люков, напряженно вглядываются в лениво колышущуюся белую стену тумана. Мой смотровой лючок тоже открыт, но у земли туман гуще, и я вижу всего метров на десять вперед. Веду машину ползком, опасаясь свалиться в овраг или засесть в какой-нибудь яме либо траншее. Оружие наше давно заряжено бронебойным, нервы у всех нас напряжены до предела.

– Справа – 45! Танк противника! – словно гром, врывается вдруг в наушники слегка картавящий голос командира, заглушая писк и треск помех.

Круто разворачиваю машину в указанном направлении, но по-прежнему ничего не вижу.

– Прямой наводкой!

– Готово!

И неожиданно, вместо выстрела:

– От-ставить!.. Что за чегт? Как будто тридцатьчетверка... Какого же... она прет в обратную сторону?

Только спустя несколько часов, уже в Лысянке, ругань Николая показалась мне смешной: узнай-ка в таком молоке, где какая сторона, если машина несколько раз повернулась, а компас среди металла указывает неизвестно куда.

И все же мы продолжали куда-то ехать и стрелять, по нам стреляли тоже.

Потом загорелся скирд сена или соломы на поле перед селом. Появился видимый ориентир! Но от этого виднее стало только вокруг стога. И когда в светлом кругу проползала СУ-122, курносая из-за своей гаубицы-коротышки, немцы ее тотчас подбили, а затем подожгли.

Механик-водитель тяжелой СУ-152 даже в ясный день немного видит через смотровую щель, особенно слева, где обзор ограничен крылом. Легче вести машину, если можно держать открытым смотровой лючок. А сейчас и это не помогает, и остается только как можно точнее выполнять команды, с вполне здоровым любопытством прислушиваясь к тому, о чем толкуют между собой по ТПУ наши «глаза» – командир и наводчик. Им «сверху видно все», но сейчас и они почти слепы.

Поле боя удалось разглядеть лишь после того, как туман медленно, неохотно разошелся, уползая в низины.

В полнейшем беспорядке, развернувшись в разных направлениях, стояли там и здесь танки и самоходки, свои и чужие, подбитые или сгоревшие, черные или порыжевшие, на подтаявшем вокруг них снегу. Много машин было просто

застрявших, особенно вдоль речки Тикич (Гнилой Тикич).

Как ни странно, а Лысянку брать в лоб нам не пришлось. Днем стало известно, что среди ночи (пока бронированные громадины выясняли отношения, порою сходясь грудь на грудь, так как фактически играли в страшные жмурки) наша мотопехота под гром танкового боя, никем не замеченная, ворвалась в село и с треском вышибла оттуда немцев, которые побросали в панике свою боевую технику и бежали куда глаза глядят. А глаза у страха велики, тем более если на тебя неожиданно навалились с фланга или с тылу ночью да в непроглядном тумане. Как раз после метели опять началась оттепель с дождиком.

С моей самоходкой ничего страшного не стряслось, не считая одной болванки в левый борт против трансмиссионного отделения. Она ударила в броню под острым углом, сбила снегоочиститель и, срикошетировав, вырвала заодно полтрака из гусеницы.

Двигаться можно было с грехом пополам, ежеминутно рискуя «разуться» из-за тяжелого грунта, и поэтому принимаю решение заменить поврежденный трак прямо на поле. Но вмешался помпотех Яранцев, возвратившийся, когда бой утих, к машине. Он распорядился подвести машину поближе к окраине Лысянки, чтобы не красоваться на самом виду, и сам стал указывать направление движения при спуске на дорогу. Безусловно доверяя более старшему и более опытному, спокойно веду машину, и вдруг она начинает быстро скользить левым бортом вперед по оттаявшему днем черному откосу, забитая грязью гусеница натянулась, изувеченный трак не выдержал и лопнул, в результате часть гусеницы очутилась под днищем, глубоко в грязи, смешанной со снегом. Обошли машину, осмотрели: работенки – по горло. И как назло, поблизости никого из наших: ни танка, ни самоходки. Хоть плачь! Только выше нас, справа от дороги, на которой «отдыхает» наша самоходка, стоит, провалившись одной гусеницей в крестьянский погреб, грузный «Тигр», чернея на фоне хаты. Его легко отличить от прочих немецких танков по «росту» и по прямоугольным очертаниям корпуса и башни. Зияющее жерло его длинной пушки, словно черный зрачок гипнотизера, упорно смотрит в нашу сторону. Не он ли сделал первую отметину на нашей машине, когда туман поредел?

Возились в грязи дотемна, пока подкопались под ходовую часть и натаскали на себе более двадцати траков с КВ, сгоревшего в километре отсюда. Пришлось также использовать все запасные траки, чтобы нарастить гусеницу до нужной длины, так как один конец гусеницы затянуло далеко под днище и освободить и

извлечь его из-под машины даже по частям не удалось. За траками каждый из нас (Николая единогласно освободили из-за никудышной левой руки) сходил по три раза. За последними двумя звеньями отправляюсь уже в сумерках один, так что на обратном пути долго плутаю, не видя в темноте своей машины. Трак весит ровно пуд, и мы все изрядно выдохлись, так как с прошлой ночи ничего не ели, а курсировать от самоходки к танку и обратно пришлось без дороги, увязая на проталинах в черноземе. В ящике для продуктов – ни сухаря. И даже курева нет!

Вывозившись в грязище по уши, голодные и злые как черти, выбили наконец мы погнутый соединительный палец из трака, на котором устоял-таки третий опорный каток. К этому последнему траку мы привязали стальной тросик, а затем подвели его (опять пришлось подкапываться!) под три задних опорных катка и прочно закрепили с помощью петли и лома на зубьях звездочки ведущего колеса.

В эту самую минуту позади нас, на дороге, послышалось лошадиное фырканье, и вскоре с самоходкой поравнялись груженые сани, которые волокла по месиву из грязи и мокрого снега низкорослая измученная лошаденка. От нее несло резким запахом пота. Рядом с санями брел солдат, покуривая в рукав шинели.

Яранцев подошел к повозочному стрельнуть махорочки, применив при этом традиционную дипломатическую формулу:

– Здоров будь, солдат! Будь другом, одолжи, браток, газетки твоего табачку завернуть, а то прикурить, как на грех, нечем!

Тот притормозил лошадь и полез в карман за кисетом, притворно ворча:

– Значит, говоришь, только губы свои остались? Да-а, это с нашим братом бывает... Отбились, стало быть?.. Отсыпай, не стесняйся... чтоб на всех хватило.

Все окружили щедрого дядьку, пожилого, должно быть, из нестроевиков.

– Эх, хорошо бы перед перекуром заправиться хоть на пятьдесят процентов! – мечтательно произнес Ефим Егорыч, оглаживая пальцами готовую самокрутку и искоса посматривая на сани. – И за какие за грехи каторга такая нам – сутки целые поститься?

Но повозочный-пехотинец уже и без этого прозрачного намека успел оценить наше аховое положение. Он приподнял угол брезента, прикрывающего поклажу. Сани были нагружены коровьими тушами. Солдат кивнул на говяжье бедро:

– Подойдет? Несите топор и отрубайте, пока я добрый.

Мы так растрогались, что готовы были расцеловать своего меланхоличного усатого спасителя, наперебой благодаря его. Но уже послышалось чмоканье губ и «но-о, милая!», зачавкали по раскисшей дороге конские копыта – и человек с лошадью пропали в туманной ночной мгле...

Пока в подходящей воронке на костерке под присмотром Ефима Егорыча варилось в ведре со снеговой водой изрубленное на куски мясо, остальные продолжали работу.

Усевшись за рычаги, завожу двигатель и по командам помпотеха начинаю потихоньку накатывать машину на разостланную впереди гусеницу, предварительно наращенную траками до нужной длины. Главное – не оборвать неосторожным рывком тросика. Передача – первая замедленная, газ – самый малый. Лучше пусть заглохнет лишний раз мотор. Вот лом, продетый в петлю тросика, сделал пол-оборота вместе со звездочкой. Стоп! И левый рычаг сразу быстро до отказа на себя. Сейчас там ребята укоротят тросик, сделают на нем петлю в новом месте и опять накинут ее на ведущее колесо. Снова по-черепашьи вперед, не сводя глаз с Яранцева, который стоит передо мною в свете фары, подняв руку вверх. После трех таких подвижек траки легли наконец на зубья звездочки. Теперь остался самый пустяк. Тросик уже отвязан, монтажный ломик продет, вместо пальца, в отверстия крайнего трака, лежащего на звездочке, чтобы можно было поддерживать на весу конец гусеницы, когда она поползет по верхним каткам. Снова включаю первую замедленную, и гусеница неторопливо наползает поочередно на три поддерживающих катка, а затем и на ленивец, который еще перед «обуванием» я предусмотрительно отвел в крайнее заднее положение, чтобы потом можно было натянуть ленту. Вот уже верхний конец гусеницы коснулся земли – стоп!

Вылезаю посмотреть. Все хорошо. Самоходка почти «обута» и правильно стоит на гусенице всеми шестью опорными катками. Осталось выбросить лишний трак и «завязать шнурок», то есть соединить верхний и нижний концы гусеницы.

К 23.00 насажено на палец последнее шплинтовочное кольцо («Обручальное! Смотри не потеряй!» – назидательно сказал Ефим Егорыч самоходке, нанеся заключительный удар кувалдой по шплинтовке). Затем мы натянули гусеницу так, как требовало состояние грунта, – и машина готова к движению.

Мясо к тому времени почти сварилось. Оно оказалось очень старым, но дареному коню в зубы не смотрят, да мы и с полусырым рады были разделаться за милую душу. Забравшись все шестеро в башню, мы с жадностью набросились на жесткую

несоленую говядину и убрали ее всю без хлеба. Повеселели.

В глубокой тьме на второй замедленной вползла наша машина в безмолвное село. По команде помпотеха останавливаюсь возле какой-то хаты. Солдат в ней не оказалось, и место для ночлега нашлось для всего экипажа.

Утром, пока завтракали пустой картошкой (у хозяйки больше ничего в доме не осталось), хозяин рассказал нам, как уходили вчера с их окраины последние немцы. Трое фашистских солдат стояли у них на квартире, занимая теплую комнату. Один из них, по обыкновению, уселся утром бриться, хотя на улицах уже шла стрельба (это наша мотопехота принялась вышибать фрицев из окраинных хат). Двое его камрадов – сразу за автоматы и к сараю – отстреливаться. А этот добрился-таки, но все на окошко косился, рожу искровянил. Культурные, гады, ничего не скажешь, только за столом, когда в карты резались и даже когда жрали, очень громко воздух портили, как будто около них и людей никого нет. Старуха, подкладывавшая солому в печь, услыша слова мужа, с негодованием плюнула в сторону двери.

Попрощавшись с хозяевами и поблагодарив их за гостеприимство, мы вышли на улицу, осмотрелись. Почти из-за каждой хаты или сарая то корма танка выступает, то выглядывает пушечный ствол. В селе осталось много немецкой техники: танков и «Артштурмов». Только некоторые из них подбиты, большинство же просто брошено противником при поспешном отступлении.

Полк наш снова ушел вперед, а несколько аварийных машин задержались в районе Лысянки, но пять из них, считая нашу, уже готовы к движению. Колонна из четырех СУ-152 во главе с КВ-1С в 8.00 вышла на марш. Как я буду догонять полк с такой ненадежной коробкой передач? Кажется, теперь наступил ее черед разваливаться...

Сначала все шло хорошо, продвигались быстро, но к концу дня из низко плывущих тяжелых туч посыпался снег. Сумерки сгустились раньше обычного, ветер усилился, и началась метель. Грязная дорога вскоре исчезла под пухлой белой пеленой. Сквозь рев двигателя слышу вдруг подозрительные щелчки левой гусеницы где-то позади. Останавливаю машину и вылезаю взглянуть, в чем дело. Так и есть: влажный снег во время движения набился между звездочками, постепенно утрамбовался до плотности льда и уже мешал тракам входить в зацепление с зубьями звездочек, грозя вот-вот сбросить гусеницу с ведущего колеса. Без снегоочистителя – беда. Ребята ломом скололи с барабана спрессованный снег. Колонна двинулась дальше. Снегу сверху все подсыпало, и мне пришлось останавливать машину

метров через пятьсот, а затем и еще чаще. Комбат, не имея возможности терять время из-за одной самоходки, сообщил Николаю маршрут и увел колонну. Словно в каком-то фантастическом сне, плыли над стелющимся, бушующим морем поземки, с каждой минутой удаляясь от нас, четыре башни. Самих же машин не было видно. Вот растаяла, слившись с темнотой, последняя башня; затих вдали рев дизелей, и мы остались совершенно одни в чистом поле среди снежной круговерти. Ветер с завываньем бросал нам в лица целые охапки колючего снега. Мы попытались ехать следом за колонной, но теперь остановки делали через 150-200 метров. Ребята измаялись, скалывая снег и лед с барабана... Двигаться дальше было невозможно. Без снегоочистителя далеко не уедешь. Все приуныли. И тут мне вспомнилась какая-то бывшая деревушка, которую мы оставили по левую руку в самом начале метели. Даже печных полуобвалившихся труб не сохранилось на ее развалинах, прикрытых белым снегом, только белые бугры да останки садовых деревьев вокруг них напоминали о стоявших там хатах. А перед деревней, в низинке (и это подтвердили командир и помпотех, стоявшие тогда в круглых люках), одиноко чернел на снегу КВ, то ли подбитый, то ли сожженный. Совещаемся накоротке. Это, судя по темпам нашего движения, километрах в шести-семи отсюда. Решено: ребята с Ефимом Егорычем (он вызвался идти первым) отправляются к тому танку, а мы втроем, то есть помпотех, командир и я, остаемся у машины.

Подаю Жоре ключ, необходимый для снятия снегоочистителя, и через минуту три человеческие фигуры пропадают из глаз. Хозяйственный Орехов, уходя, прихватил с собой, кроме автомата, еще и ведро, в надежде отыскать среди руин хоть погреб с картофелем. Снова с утра мы ничего не ели, и холодно торчать на резком ветру около брони, а на душе мрачно.

Проводив взглядом ребят, принимаемся за дело: надо подготовить место для установки еще не доставленного снегоочистителя. Посветили переноской: от снегоочистителя осталось только основание кронштейна, держащееся на трех болтах, а у четвертого болта при ударе болванки отлетела головка.

Два болта отвинтились довольно легко, с третьим бились до пота. Видимо, слегка деформировался. Тогда мы надели на ключ усилитель, а когда и это не помогло, вставили в отверстие усилителя лом. Нажали – болт не поддался. Рассердившись, навалились на лом все трое. Он сломался – мы кувырком полетели в сугроб. Счастье еще, что никто из нас не врезался в каток. Пришлось повернуть болт на один оборот с помощью

зубила и молотка, после чего «упрямец» все-таки отвинтился. Обломок снегоочистителя упал в снег. Остался четвертый болт, сломанный. Тут выручила практика, пройденная нами на Челябинском тракторном. В сборочном цехе курсантам часто доверяли подсобную работу, в том числе и «удаление заноз», то есть вывинчивание сломанных или сорванных болтов, чтобы умелые руки заводских мастеров могли выполнять более важные операции. Осветив отверстие, внимательно изучаю сломанный болт. Он ниже поверхности брони на три-четыре витка резьбы. Излом неровный, так что есть во что упереть кернер. Если при сборке болт этот не завинчивали силой, то вывинтить его, может быть, удастся, а не получится – все равно не страшно: временно установим снегоочиститель и на трех болтах.

Николай, мало что понимающий в этом «тонком» деле, полез в машину греться (его начало знобить) и заодно послушать сводку, а мы с помпотехом, сменяя друг друга, так как мокрые от снега пальцы стыли от холодного металла, медленно, миллиметр за миллиметром, ударами молотка вращали проклятый болт, пока не показался из отверстия его сломанный конец. Тут уж пошло в ход зубило, и через некоторое время обломок болта звякнул о гусеницу.

Пора прогревать двигатель. Заведя его и покрутив несколько минут на малых оборотах, нарочно несколько раз сильно газую, чтобы ребята, если они уже возвращаются, могли ориентироваться по звуку. Дорогу совсем замело, и ни единой живой души на ней. Хоть садись на башню и запевай: «Степь да степь кругом!»

Ребята вернулись только после полуночи. Они притащили в вещмешке снегоочиститель и болты к нему, а Ефим Егорыч торжественно опустил через люк мне на руки полное ведро вареной картошки, которая была прикрыта от снега большой и тонкой лепешкой. Здорово расстарался расторопный земляк! В то время как Жора с Василием возились с болтами, Ефим Егорыч отправился на разведку и ухитрился по запаху дыма отыскать подземное жилье в районе той уничтоженной деревушки.

Увидя своего, советского, солдата, хозяева жалкой землянки, сооруженной на скорую руку, прослезились от радости и предложили Орехову переждать метель хоть в каком, а тепле. Ефим Егорыч вежливо отказался и объяснил, кто он и зачем сюда пожаловал. Старуха заохала и тотчас принялась растапливать какое-то подобие очага без дымохода, а женщина помоложе с девочкой уселись чистить картошку при свете огонька. Видя, что дело с ужином на мази, и всем сердцем крестьянским жалея погорельцев, заряжающий попросил у старухи какую-нибудь

посудину под «гас» (так называют здесь керосин) и сбегал, пока варилась картошка, к КВ, на котором сохранился запасной бачок с остатками газойля. «Гас», принесенный расторопным солдатом, окончательно растрогал старшую хозяйку, и она замесила на воде немного кукурузной муки и испекла упомянутую лепешку.

– Сили в нас зовсим нэмае, и загорнуты кортоплю нэчим, – виновато сказала другая женщина, и тут зачесались глаза уже у нашего воина, но в темной землянке никто этого не увидел. Закашлявшись, чтобы скрыть подступившие к горлу спазмы, он объявил благодарность хозяевам за выручку от имени экипажа и от своего лично, поклонился и взялся за ведро.

– Гоните поганого немца прочь, чтоб духу его на нашей земле не осталось! – напутствовали заряжающего женщины. – А мы тут перебьемся как-нибудь: зима-то нынче для сирот, теплая.

Так доложил наш провиантмейстер во время ночного ужина (или очень раннего завтрака) о своем визите в деревню.

Картошка была тщательно размята и даже сохранила немного тепла, несмотря на то что ее несли несколько километров, и показалась нам необыкновенно вкусной. Пусть будет легкой эта зима безвестным бездомным людям, поделившимся с нами последним из того, что удалось им припрятать от немца. Ведро выскоблено начисто. И сразу телу стало теплее, а на душе повеселело. Подкрепившись, быстро привинчиваем грязеочиститель. Снятая утром, перед маршем, фара установлена на место, чтобы можно было ехать быстро и ночью. И наша СУ побежала вперед, прорубая себе дорогу сквозь снежную пургу широким огненным мечом.

Снегу намело много, поэтому пытаюсь вести машину на четвертой замедленной, чтобы не перегревался двигатель, но шестерня демультипликатора совсем не удерживается в замедленном положении – пришлось двигаться на ускоренных передачах. Мотор новый, тянет как зверь.

Случилось заночевать, точнее, немного поспать, в Ризине, откуда немецкие танковые соединения наносили удар на Лысянку, стремясь выручить из котла тех, кто готовил нам на этом берегу Днепра что-то вроде малого Сталинграда. В селе ремонтировались после боев несколько тяжелых СУ и тридцатьчетверок. По карте от Лысянки до Ризина всего 25 километров, а на спидометре моей машины прибавилось целых сорок. А сколько помучились, пока догоняли своих!

На следующий день, утром, атаковали село Багва (Букский район Киевской области). Тридцатьчетверки, водители которых выжимали из моторов все, что могли, и даже больше, не мчались, «ветер поднимая», а ползли к селу через широкое поле,

утрамбовывая днищами оттаявший чернозем. За каждой машиной тянулись две глубокие колеи от гусениц, а между колеями – глянцевито поблескивающая, гладкая широкая полоса, словно по земле провели огромным, многотонным утюжищем. Пехотинцы бежали по такому «тротуару» следом за танком, почти не проваливаясь. Три самоходки из нашего полка поддерживали атаку, похожую больше на черепашьи бега. На правом фланге, за полем, вдоль черного леса по проселку тащились черные двухпушечные американцы – «Генералы Гранты» (средние танки), высокие и неуклюжие.

Немцы защищались вяло: или нечем было, или маловато их находилось в селе. Словом, после драпа по распутице противник к обороне готов не был. Когда передние тридцатьчетверки, ведя огонь, приближались уже к окраине, в центре села началось движение: вверх по крутой улочке, буксуя в грязи, поползли друг за другом серые приземистые «Артштурмы». Я насчитал их шесть. Они поднимались откуда-то из балки, пересекающей село. Между хатами, пригибаясь, замелькали фашистские солдаты.

Пехотинцы наши, успевшие каким-то образом очутиться в Багве раньше своих танков, выкатили прямо на середину улицы сорокапятку и открыли огонь по немецким самоходным установкам, медленно уползающим за бугор. Одна из них взорвалась на самом перевале, между двух хаток. Правая хата при взрыве обрушилась.

Примерно через час противник оставил село, танки устремились вслед, стреляя на ходу. Наша машина оказалась перед неглубокой балкой, засыпанной глубоким снегом. На самой середине балки тихо струилась в сторону села темная вода, и я повел самоходку влево, в объезд. Когда балка несколько сузилась и склоны ее сделались более пологими, помпотех, оставляющий нас только во время боя, показал рукой прямо поперек лога. Я заколебался, остановил машину и заявил Яранцеву, что садиться в болото мне что-то не хочется, хватит и того спуска под Лысянкой, но помпотех, насмешливо улыбаясь, строго прищурил глаза и отрезал: «А мне кажется, что за машину отвечает старший. Так что механик-водитель может спокойно выполнять приказание. Вперед!» Подчиняюсь скрепя сердце: вдруг в балке не просто талая вода, а речка? Самоходка резво скатывается вниз, достигает темной полосы, погружается постепенно до крыльев в воду, смешанную со снегом, но продолжает ползти вперед. Держу ровный газ, ведя машину строго по прямой. Хоть бы вывезла! Однако гусеницы начинают пробуксовывать, скорость сходит на нет, и машина застревает в заболоченной пойме речки (это был, увы, уже знакомый нам Гнилой Тикич!). Ругаю себя на чем свет

стоит и тут же даю себе страшную клятву: не соваться в неразведанные низины, несмотря ни на чьи приказы, если в этом не будет крайней необходимости. Уважение к Яранцеву с этого дня у нас заметно поубавилось: второй раз из-за этого «злого гения», свалившегося на наши головы, приходится м...ся.

Помпотех первый спрыгивает с крыла на берег, следом вылезает из машины экипаж. Обсудили положение и решили попробовать вылезти самостоятельно: все равно помощи ждать неоткуда. К счастью, машина застряла, уже зацепившись передними катками за берег. Нужны только бревна и проволока. Осмотрелись: через поле, прямо по ходу, метрах в шестистах, – реденькая посадка. Захватив пилу с топором, отправились туда впятером. Вдовина оставили вычерпывать воду из отделения управления, чтобы не затопило аккумуляторы: иначе не заведешь двигателя. Корма увязла глубоко, и, хотя машина сидит с сильным наклоном назад, вода уже добралась до рубки и продолжает прибывать.

Валили деревья, очищали их от сучьев и таскали заготовленные бревна до самых сумерек. К концу работы я почувствовал неприятную дрожь в коленях. Во время одного из рейсов Яранцев обратил внимание на чьи-то косолапые следы, отпечатанные на влажном снегу, и язвительно сострил по адресу их хозяина. Так как все очень устали и к тому же тащились, горбясь под грузом, смеяться было трудно. Сбросив бревно с плеча на берегу Тикича, выпрямляю спину и облегченно вздыхаю, утирая пот. Из снятого с головы шлемофона валит пар. Передохнув, снова поворачиваюсь лицом к рощице и неожиданно для себя обнаруживаю, что дорожка следов, по-индейски повернутых носками внутрь, оставлена не кем иным, как мною. Подавленный сознанием собственной неполноценности, стараюсь шагать, разворачивая носки сапог слегка наружу.

Когда нами было сделано четыре или пять концов к роще и обратно, мы решили послать опытного Ефима Егорыча, на гражданке колхозника, в Багву, в сильраду, то есть в сельсовет, просить помощи. Подкрепление нам дали: уже в темноте из села пришли, предводительствуемые нашим заряжающим, два крепких еще старика и пять женщин. Ах, молодчина земляк! Он понравился мне с самой первой встречи в учебном полку.

Вдесятером сходили за бревнами еще два раза. Теперь их хватит. Спать отправились в село, а Вдовина и Ефима Егорыча оставили вычерпывать воду из машины, потому что снимать аккумуляторы нельзя: надо часто прогревать двигатель, картер которого весь погружен в ледяную воду. Аккумуляторы понадобятся и утром при заводке: на сжатый воздух надежда

плоха, да притом и неизвестно, сколько раз заглохнет мотор при самовытаскивании.

Ночью мы с Сехиным сменили наводчика с заряжающим. Работать пришлось непрерывно, а всего было поднято из башни наверх более двух тысяч ведер воды, но зато боевое отделение было спасено от затопления.

Утром приступили к осуществлению задуманного плана, однако вылезти из речки удалось лишь к вечеру. Вытаскивались давно известным, испытанным способом. Сперва уложили на берегу перед машиной, поперек гусениц, в полуметре одно от другого, несколько бревен, потом крепко связали эти бревна между собой стальной проволокой, сорванной с телефонных столбов на большаке. Получился настил, который надо затянуть под гусеницы, чтобы машина встала на твердую опору. Еще раз проверили длину настила: она должна быть хоть на метр больше длины самой машины. После этого первое бревно, лежащее под ленивцами, прикрепили проволокой к наружным краям траков обеих гусениц. Можно начинать! Включаю первую ускоренную передачу (старая КПП не позволяет воспользоваться замедленной), и мощным рывком машина втягивает с полметра настила под себя, а сама чуть подается вперед. Двигатель, конечно, тут же глохнет. После нескольких таких рывков весь наш настил оказался под гусеницами. Без этой предварительной операции нельзя приступать к самовытаскиванию в топком месте: посадишь машину еще глубже. Когда первое бревно настила смяло крылья позади, ребята перерубили проволоку и отделили настил от гусениц, а затем под ленивцами крепко-накрепко привязали новое бревно, самое толстое. Втягивая его под себя, цепляясь им за грунт и за настил, самоходка должна выйти на твердое место. Пока ребята проделывали эту работу под руководством помпотеха, я с тревогой принюхивался к резкому запаху подожженных прокладок на дисках главного фрикциона, слазил в трансмиссию, пощупал барабан главного – и отдернул руку. Нет, так вовсе угробить сцепление можно! Трогаться-то приходится на скорости около пятнадцати километров, да еще и рывком. Решаю поэтому дальше дергаться с бортовых. Бортовой и раздобыть в случае чего, и сменить легче. Для этого оба рычага поворота отвожу назад, во второе, крайнее положение, и ставлю на стопор, чтобы освободить руки. Теперь КПП отключена от бортредукторов, так что гусеницы останутся неподвижными, когда при работающем двигателе включить передачу. Вот Яранцев уже подает рукою сигнал «вперед» и отскакивает в сторону.

Раскручиваю двигатель посильнее и резко отпускаю оба

рычага – машина делает короткий прыжок вперед, а двигатель глохнет. После этого вся операция повторяется сначала до тех пор, пока бревно не пройдет под машиной и не покажется за кормой. Снова обрубается проволока, бревно перетаскивается на берег и прикрепляется к гусеницам. И опять дикий вой двигателя – рывок – тишина. Медленно, очень медленно выкарабкивается самоходка на сушу. Между прыжками делаю все более длительные паузы: надо дать остыть раскаленным стальным дискам бортовых фрикционов.

К концу дня вырвались из плена! А левый бортовой, несмотря на все мои предосторожности, снова отказал из-за сумасшедших нагрузок.

Хотели было подъехать к селу, чтобы там дожидаться нового фрикциона из РТО и чтобы не таскаться по бездорожью к машине для работы и охраны, но около лесочка, на приподнятом участке покатого в сторону села поля, совершенно раскисшего, самоходка наша увязла в пухлом черноземе (местные жители в период распутицы называют его очень выразительно и точно «болотом»). Застряли мы меньше чем в километре от Багвы. Близок локоть, да не укусишь! И не только мы одни такие несчастливцы: правее нас, метрах в трехстах, стоит на открытом месте то ли подбитая, то ли просто аварийная тридцатьчетверка, лбом повернутая к леску, а между танком и леском, в низинке, сидит, закопавшись в грязь до середины бортов, гусеничный бронетранспортер (его мы обнаружили на другое утро).

На радостях (сами вылезли!) решаю, как ни устал, промазать все узлы, особенно в трансмиссионном отделении, которое более суток находилось в воде. В помощь себе оставляю самого молодого из экипажа – Вдовина. Остальные, во главе с Яранцевым, поспешили в облюбованную прошлой ночью хату – спать.

Мы с наводчиком принялись за дело. Он набивал шприц консталином и подавал мне, а я, протискиваясь до пояса головой вниз то в левый, то в правый трансмиссионный люк и посвечивая переноской, отвинчивал пробки и шприцевал каждое отверстие до тех пор, пока смазка не начинала лезть обратно.

Работа уже подходила к концу: оставалась последняя пробка на правом бортредукторе. Опорожнив очередной шприц, пячусь задом наверх, отталкиваясь руками от КПП. Лежа над люком на животе, привычно протягиваю назад руку с пустым шприцем и разжимаю пальцы. Шприц гремит по броне. Оглядываюсь раздраженно: Вдовина нет. Растревоженный, вскакиваю на ноги, окликаю товарища – молчание. Что за притча! Не мог же он испариться! Машину со всех сторон обступил холодный белый

туман, небо над головой от этого кажется непроницаемо черным. Стало мне жутковато: уйти самовольно наводчик не мог. Бросаюсь к черному квадрату заднего башенного люка, спрыгиваю в темноту и натыкаюсь на Васю. Он издает какое-то сдавленное мычание. Тащу к себе за гибкий провод переноску из трансмиссии и освещаю внутренность башни. Вася навалился грудью на опущенный лоток люльки, скорчился, пальцы его вцепились в край лотка и побелели в суставах, голова бессильно повисла, а ноги судорожно скребут по грязному днищу. Осторожно трогаю его за плечо:

– Что с тобой?

– Н-не знаю, – поскрипывая зубами, мычит он. – Один раз... уже было... так... еще когда дома. – Наводчик передохнул. – Пройдет, однако.

– Да что болит?

– Ж-живот.

– Где?

– Кругом.

Выслушивая эти исчерпывающие ответы и сообразив, что в таком состоянии больной дойти до села не сможет, расстилаю брезент на не успевшей остыть надмоторной броне и предлагаю Васе лечь наверху, но он отказался, невнятно объяснив мне, что так ему терпеть легче. С минуту растерянно размышляю, как же быть.

– Ну, ты повиси, пока я за нашими сбегаю. Люки я снаружи ключом закрою: мало ли что.

Спрыгиваю на землю и, торопливо выбрав направление, бегу сквозь туман к селу. На ходу взглянул на кировские танковые часы (по «славянскому» обычаю водители держат их всегда при себе). Светящиеся стрелки показали 21.30. Бежать трудно: ноги увязают в черноземе... Через несколько минут, вспотев и запыхавшись, поневоле перехожу на шаг. Иду и ломаю голову над диагнозом. Может быть, грыжа? После вчерашней возни с бревнами могло приключиться. Но Вася сказал, что так уже с ним было. Аппендицит? Про эту болезнь мне известно только понаслышке. Значит, у Вдовина уже второй приступ и необходима немедленная операция... А если это третий? Возможно, самый первый был несильный и на него попросту не обратили внимания. В таком случае этот приступ вообще для Васи последний... Страшась за товарища, снова припускаю бегом, но вряд ли это движение можно назвать бегом.

Полчаса уже прошло. Этого времени вполне достаточно, чтобы преодолеть, делая скидку на мою скорость, расстояние от застрявшей машины до Багвы, а села все нет. Почувствовав

неладное, я останавливаюсь и начинаю внимательно прислушиваться. При движении сделать это мне мешало жирное чмяканье сапог, выдираемых из густого месива чуть ли не при каждом шаге. Стою, отдыхая, минуты три. Ниоткуда ни звука: ни голоса человечьего, ни петушиного крика, ни лая собак – ничего. Мне показалось почему-то, что я забрал левее, поэтому круто сворачиваю вправо, чтобы исправить свою оплошность. Однако минут через двадцать, не встретив никаких признаков жилья, снова останавливаюсь среди чистого поля. Далеко уйти от села я не мог, но где оно? Напрасно до рези в глазах то всматриваюсь в туман, то, низко нагибаясь, стараюсь разглядеть на земле хоть какой-нибудь след... Вот не было печали! Самое правильное, пожалуй, остаться на месте и дождаться утра, но тревога за больного, да и за машину тоже (ночью может ударить мороз, а многократно разбавленный водою антифриз не слит из системы охлаждения) заставила меня идти. Неизвестно куда.

Спустя какое-то время местность пошла на подъем. Выбравшись на возвышение, где туман был немного реже, долго осматриваюсь, поворачиваясь вокруг собственной оси. Степь да степь со всех сторон! Черно и жутко. Ощупываю правый бок, где должен висеть пистолет, но оружия на месте не оказалось. Кобура с поясным ремнем, снятым, чтобы удобнее было работать в тесном трансмиссионном отделении, остались в машине, когда я заторопился в село. На моем «вооружении» – одни часы в пластмассовом корпусе. И опять тащусь куда-то, с трудом выдергивая ноги из грязи.

Уже перевалило за полночь. Туман начал редеть, и на небе появились редкие темно-синие просветы с холодными блестящими звездами. Воздух сделался суше, морозней. Набухшие от влаги ватные телогрейка и брюки начали покрываться ледяной корочкой, постепенно превращаясь в подобие рыцарских доспехов. Бреду, не разбирая дороги. Наткнулся в поле на следы гусениц. Но сколько я ни разглядывал отпечатки траков, пытаясь по рисунку определить, чьим танкам принадлежат следы, ничего не вышло: наслежено сильно и темнота мешает.

Часам к трем пополуночи мне уже стали мерещиться вдали огоньки. Напрягая последние силы, черепашьим шагом тороплюсь к ним, но прихожу к полосе нерастаявшего снега, лежащего на южном склоне какой-нибудь балки либо вдоль опушки рощицы. Огибая один такой гай, слышу вдруг невнятные и глухие, словно подземные, голоса. Не веря, замираю на месте как вкопанный и весь превращаюсь в слух. Стою долго, пока не долетело до моих ушей несколько исконно русских словечек, произнесенных

погромче других. Весь трепеща от радости, устремляюсь на голоса и через десятка два шагов натыкаюсь на невысокий бугорок, очевидно накат землянки или блиндажа. Голоса бубнят под ним. Обхожу укрытие кругом и, отыскивая вход, спускаюсь по земляным ступенькам к двери и стучу в нее кулаком. Отозвались из глубины неприветливо:

– Кого там еще несет? Наши все дома. Топай дальше! А здесь и так тесней, чем селедкам в бочке.

Привалясь плечом к двери и отдыхая, объясняю, что места мне не нужно, а нужен офицер. Но офицеров в блиндаже не оказалось. Никто из солдат (это были пехотинцы, уставшие до смерти месить грязь целыми сутками во время преследования противника) не знал, в каком направлении находится село Багва. Они только подивились моему вопросу.

Вздохнув, продолжаю путь. Зачем и куда? Вот идиотское положение! Опушка кончилась, и я снова в поле. Перехожу через балки и балочки, несколько раз в низких местах, особенно возле ручьев, так увязал в цепкой грязи, что нога выдергивалась из сапога. Приходилось его вытаскивать руками за ушки и потом шлепать босиком до уцелевшего снежного островка, где можно было вытереть ногу о снег, присесть и намотать мокрую портянку, а затем натянуть раскисший сапог.

После одного из таких обуваний у меня не хватило сил подняться на ноги, и я спокойно повалился спиной на снег.

Лежать без движения было так приятно, что глаза мои сами собою закрылись... В голове вяло ворочалась мысль: засыпать нельзя. Но в тот момент мне было наплевать решительно на все: тяжелое забытье неумолимо овладело мною... Не знаю, как долго это длилось, но только я почувствовал, что мой затылок, защищенный летним шлемофоном, сильно ломит от холода, а под неподпоясанным ватником вовсю хозяйничает ядреный утренник. Это взбодрило меня, и я начал шевелиться. Сперва я перевернулся на живот, затем с трудом приподнялся на четвереньках и наконец медленно принял вертикальное положение. Было только четыре часа. Идти страшно неудобно в расквасившихся сапогах, которые то и дело норовят соскочить с ноги. Подтягивать их давно надоело, и поэтому плетусь почти на голенищах.

Примерно через полчаса натыкаюсь на явственные многочисленные следы солдатских сапог и тележных колес. «Кто ж это прошел? – устало гадаю я, тупо разглядывая широкую полосу следов. – Скорее всего – наша пехота... А если нет?» И все-таки иду в ту сторону, куда следы сапог повернуты носками. Минут через тридцать следы вывели меня на проселок, не

разбитый колесами и гусеницами, и двигаться стало немного полегче, а вскоре справа от дороги вырисовался в посветлевшем тумане большой черный стог. Я было направился к стогу, собираясь зарыться в него поглубже и заснуть, но поборол в себе это желание и потащился дальше, рассуждая, что теперь уже недалеко должен быть какой-нибудь населенный пункт.

На мое счастье, так оно и оказалось! В 5 часов 35 минут я увидел впереди темные крыши, а подойдя вплотную к селению, – и беленые стены хат. Мертвая тишина вокруг. Прижавшись к стволу придорожного дерева, озираюсь по сторонам. Никого. Осторожно, стараясь не хрустеть льдом, затянувшим дневные лужицы, приближаюсь к первой хате. Окна в ней забиты крест-накрест досками. В соседней тоже. Третья показалась мне обитаемой, так как стекла в окошках были целы, а одно, разбитое, заткнуто тряпьем. Крадучись, медленно обхожу хату слева и, став под дверью, слушаю. Изнутри ни звука. Теперь надо проверить, не заперта ли дверь, потому что на Украине от своих не закрываются. Так было во всяком случае летом и осенью прошлого года при освобождении Левобережья. Ну а если дверь на запоре – дело мое швах и надо уносить ноги. Затаив дыхание, нажимаю на дверь – она вдруг легко распахивается, и я, потеряв от неожиданности равновесие, с грохотом обрушиваюсь через невысокий порог на пол хаты, а ноги мои остаются на улице. Тяжело приподнимаю голову: ко мне из угла спешит женщина, держа в руке картонную немецкую плошку с мигающим огоньком. Наклонившись и осветив мое лицо (не представляю, что на нем было написано), она поставила светильник на грубку (лежанку), подхватила меня под мышки, и совместными нашими усилиями мои четыре с половиной пуда были выволочены на середину комнатки.

– Немцы есть, мать? – прохрипел я вместо приветствия, когда дверь захлопнулась.

– Втиклы у ничь.

– Какое это село?

– Чорна Камьянка.

– А до Багвы от вас далеко?

– Дванадцять киломэтрив. Шляхом.

Она помогла мне усесться на табурет возле теплой печи и, посмотрев на мою одежду и сапоги, захлопотала возле меня, горестно приговаривая:

– Ой, лышенько мое! Роздягайся, хлопэць. Давай допомогу. Трэба усэ сушиты. А ты покы лягай, поспы.

Кажется, я возражал, бормоча, что мне надо спешить к машине, которая осталась в поле, что меня ждет больной товарищ

и мне бы чуть-чуть передохнуть да идти назад, но глаза мои закрывались сами собой, и женщина, не слушая меня, проворно стянула с моих ног пудовые от налипшего чернозема сапоги, помогла мне вылезти из заледеневших доспехов, с которых в тепле потекла на пол вода. Ноги у меня словно чужие, и с помощью хозяйки я делаю три шага до топчана, стоящего вдоль стены напротив печи. Пересохшим, непослушным языком прошу у хозяйки воды и, с жадностью осушив целый ковш, валюсь на спину, сжимая в правой руке корж, который успела мне сунуть добрая женщина. Есть совсем не хочется, вернее, просто сил нет. Откусив раз, медленно жую, не ощущая вкуса, и тотчас засыпаю как убитый.

Пробуждаюсь словно от внезапного крепкого толчка. В хате уже светло: в оконце заглядывает веселое солнце. Лежу, как сон застал, на спине, рука с надкушенным коржиком-колобком – на груди. Гимнастерка осыпана черными маковыми зернышками. Проспал целых три часа! На моих танковых – 9.00. При мысли о машине в поле подхватываюсь, но тут же и плюхаюсь задом на топчан: ноги одеревенели, не гнутся; икры больно, и в паху тупая боль.

Тут вошла хозяйка с глечиком в одной и с лепешками в другой руке. При свете дня я разглядел продолговатое лицо с очень правильными и приятными чертами, с пучками тоненьких морщинок вокруг больших серых глаз, которые лучились такой материнской лаской, что казалось, лицо словно светилось. На него хотелось смотреть не отрываясь. Такие глаза бывают, наверное, только у очень душевных людей. В молодости она, должно быть, была красавицей. Наконец я сказал, кто я и почему очутился здесь. Лучше поздно, чем никогда. Пока я торопливо запивал молоком начатый на рассвете корж, она достала из печи мое ватное обмундирование, почти сухое, «ароматно» пахнущие портянки, заскорузлые, темно-серого цвета, с рыжими разводами, и то, что было до восьмичасового ночного блуждания по грязи кирзовыми сапогами. Они тщательно очищены от земли и сухи, но на ноги лезть никак не хотят. Головки сжухлись, а раскисшие от воды и грязи задники уродливо сбились набок и затвердели на горячем поду. Попросив у хозяйки топор, разминаю на пороге свою «ходовую» часть ударами обуха. Невелика жертва – сапоги всмятку. Черт с ними, лишь бы дойти до машины!

Пока я трудился над сапогами, хозяйка, присев на табурет и опустив руки, тонкие, но сильные руки крестьянки, расспрашивает, откуда я (про Смоленск она услышала впервые и почему-то назвала его раза два Воскресенском), о родных, давно ли воюю и не встречал ли случайно ее сына (она попросила

записать его фамилию и имя). Он годом старше меня, на фронте с сорок первого, и мать ничего не знает с тех пор о нем. Муж ее погиб в том же проклятом сорок первом, в августе: попал во время работы в поле под бомбежку. Половина хат в их селе брошена, многие из молодежи, кто не сумел скрыться, угнаны в немецкую каторгу...

Наконец сапоги кое-как напялены, и хозяйка проводила меня вдоль порядка хат, протянувшегося наискось к большаку, показала мне, куда идти, и пожелала скорей побить поганых, скаженных гитлеров и воротиться к матери невредимым.

Поблагодарив солдатскую мать и поклонившись ей, отправляюсь в обратный путь. По обочинам дороги в сторону Багвы бредут люди, возвращаясь к своим селам, освобожденным от немца, а навстречу им, уже вперемежку с военными, тоже идут женщины, подростки, старики, и у каждого из встречных на плече, или в мешке, или в руках какая-нибудь ноша: снаряд, а то и два, или патронный ящик, или хвостатая мина. По самой дороге тащились возы с тем же грузом: огнеприпасами и сухарями. В повозки запряжены меланхоличные волы либо выбившиеся из сил лошади.

Неловко переставляя непослушные ноги в своих колодках, вливаюсь в общий поток, направляющийся в тыл. Шел по дороге долго, пока не увидел справа знакомый ядовито-желтый хвост «лапотника», косо вонзившийся в землю посреди поля. На руле поворота «Юнкерса» корчится черный уродливый паучий крест свастики. Самолет был сбит у нас на глазах в день взятия Багвы.

Поравнявшись с этим приметным ориентиром, сворачиваю прямо на него и поднимаюсь на желобок. Отсюда хорошо видна в полупрофиль наша «старуха». Около нее вьется синеватый дымок и шевелится серая фигурка. Потом из-за машины появилась вторая. Как конь, почуявший близость жилья, перехожу на тяжелую рысь. Пересекая поле, раза два растягиваюсь во весь рост, споткнувшись на выбоинах с талой водой. Двое у костерка приподнялись, заметив меня, некоторое время неподвижно всматриваются в мою сторону и вдруг со всех ног бросаются мне навстречу, размахивая руками. Большой – Ефим Егорыч, поменьше – Георгий.

С радостными восклицаниями мы обнимаемся, похлопывая друг друга по спинам. С неописуемым удовольствием поглядывая на улыбающиеся лица товарищей, спрашиваю, как себя чувствует Вася. Оказывается, его часа полтора назад уже отправили в медсанбат на мимоезжем вездеходе. А ночью было вот что. Когда минуло 22 часа и никто с машины в село не вернулся, Баландин послал Ефима Егорыча подменить меня и Васю. Орехов не смог в

тумане найти самоходку и тоже заплутал, однако сумел как-то вернуться к полуночи в село. Командир наш встревожился не на шутку и отправился к машине с Ореховым и Сехиным. Они развернулись в цепь, лицом в ту сторону, где стоит самоходка, и, все время перекликаясь, чтобы не потерять друг друга, вышли-таки к машине. Аппендицит к тому времени немного отпустил наводчика, и Василий отозвался на знакомые голоса. Оставив младшего механика-водителя Сехина охранять и прогревать машину, командир с заряжающим отвели наводчика в хату и поручили заботам женщин, а сами кинулись к председателю сильрады. Немедленно с большой помощью местных жителей были организованы розыски «пропавшего без вести». Проведя всю ночь и утро на ногах в безрезультатных поисках, все согласно решили, что механик-водитель старший или попал в лапы фашистов, или наступил на мину...

Мне стало понятно радостное изумление ребят, встречающих меня возле машины. А с нею дело гораздо хуже: двигатель все-таки застыл, и, когда Жора попытался завести его, стартер полетел. Вот уж подлинная правда: беда не приходит одна! К счастью, ничего не разморозило, так как в системе охлаждения у нас антифриз, хотя и сильно разбавленный. Но попотеть все равно придется...

Помпотех за завтраком утешил: сказал, что в Ризине стоит, ему точно известно, одна тридцатьчетверка, подлежащая эвакуации на рембазу, и что стартер на ней такой же, как у нас, – СТ-700. Его можно заполучить, если действовать с умом, потому что при танке оставлен лишь один человек из экипажа.

Получив эти исходные данные, мы вшестером детально разработали план предстоящей «операции». Главная роль в ней была отведена конечно же многоопытному Ефиму Егорычу, умеющему действовать в таких щекотливых случаях тонко и изворотливо.

План, предложенный самим Ореховым, отличался гениальной простотой. Отшлифовав его, мы учли все, вплоть до психологического фактора.

Раздобыли три бутылки первача у местной бабки-самогонщицы, сняли неисправный стартер и уложили его в вещмешок. Заместитель руководителя «операции» по техническим вопросам Жора вооружился нужными ключами, и вот, провожаемые нашими напутствиями, заряжающий с замковым удалились в направлении Ризина.

Прибыв на место, они быстро разыскали тридцатьчетверку и узнали, где живет танкист с нее. Но Орехов не спешил действовать, а прежде произвел тщательную рекогносцировку.

Плохо было то, что окна хаты смотрели прямо на танк.

Оставив Жору в засаде, для которой была облюбована хата на соседней улице, Ефим Егорыч приказал своему помощнику через час после своего ухода скрытно подобраться к машине, обменять сгоревший стартер на исправный, немедля вернуться на исходную позицию и ждать. Затем заряжающий «случайно» забрел в дом, где вот уже несколько дней изнывал от скуки и безделья солдат. Общий язык был найден сразу, и земляки, то есть люди, воюющие на одном фронте, за дружеской беседой «без паники уговорили» сначала одну, затем вторую бутылку. Ефим Егорыч расположился за столом так, чтобы своим широким корпусом загораживать вид из окна, и усердно подливал горилки собеседнику, оказавшемуся крепким на спиртное.

Бояться «данайцев, дары приносящих» советовал один мудрый слепой старец еще до нашей эры, но ведь здесь встретились земляки. Заряжающий скрепя сердце пустил в ход третий «заряд», а в это время Жора под звуки лихих песен, слышных на улице, несмотря на закрытые окна и двери хаты, быстро снял стартер (благо он крепится с помощью двух стяжных лент на крышке КПП), поставил на его место свой и даже закрепил по всем правилам, чтобы не подвести человека, бессменно и бдительно оберегающего вверенную ему материальную часть.

Как бы то ни было, а стартер у нас теперь есть, и нам он нужней. Его установка на самоходке была отмечена легким «спрыскиванием» после того, как мы безрезультатно провозились целый день с заводкой двигателя.

«Геть заболив», как говорят украинцы: голос совершенно пропал после того ночного путешествия. И погода какая-то взбалмошная: с утра холод и снег, вечером тает и туман.

Без ремонтников делать на машине нам больше нечего.

12 марта

Отвоевались! Впереди нас позавчера уже взята Умань. Полк уходит все дальше, и никому нет дела до нас.

14 марта

Наши танкисты форсировали Южный Буг.

18 марта

Появилось новое, Львовское направление. Освобождены Винница и Дубно. Сводки хожу слушать на машину. Все равно аккумуляторы сильно сели и надо ждать ПЗС.

20 марта

Освобожден Могилев-Подольский.

24 марта

Наши войска уже в Черновицкой области.

25 марта

А наш 2-й Украинский фронт вышел на госграницу по реке Прут, северо-западнее Калинешты. Отличились войска 27-й армии.

26 марта

Форсирован Днепр, и освобожден город Бельцы в Молдавии.

1 апреля

Сегодня день рождения Альки – хозяйкиной дочери. Ей исполнилось шесть лет. И мы решили по этому поводу устроить если не банкет, то попросту вечеринку. Для этого празднества – дел-то никаких – недоставало «горючего», и Ефим Егорыч с Жорой были отправлены на специальное задание.

Местные жители, главным образом женщины, уже несколько раз жаловались нам на зловредную самогонщицу, обладательницу мощного агрегата, и поэтому Ефим Егорыч предложил нанести первый удар именно там.

Перед выступлением в поход бравый рядовой преобразился в офицера, то есть с трудом напялил на себя изящную Колину шинель с двумя рядами надраенных медных пуговиц. Застегивали пуговицы объединенными усилиями Жора, Василий и я, а командир с помпотехом только покатывались со смеху, глядя на эту процедуру. На груди застегнуть так и не удалось: несчастная шинель начала угрожающе потрескивать по швам на широченной

спине заряжающего. Затем «произведенный» сменил потертую солдатскую ушанку на более аккуратную помпотехову, «подтянул подпругу», то есть подпоясался широким офицерским ремнем с портупеей, и, наконец, надел через плечо полевую сумку командира, но она оказалась почти под мышкой, и Ефиму Егорычу пришлось снять ее и держать в руке. Важно надувшись, Орехов сурово сдвинул светлые брови, коротко кивнул Жоре, исполняющему на этот раз роль адъютанта, и решительно шагнул за дверь.

Примерно через полчаса возвратился Жора с «гусаком», упрятанным для конспирации в вещмешок. Большая пузатая бутыль была наполнена почти по горлышко. Пятью минутами позже в хату степенно вошел наш заряжающий и, шутливо вскинув руку к ушанке, доложил об успешном выполнении задания.

Можно было садиться за стол. Ефима Егорыча вынули из шинели, пригласили хозяев и провозгласили главный тост – за виновницу торжества. Но всем не терпелось узнать подробности проведенной экспроприации. Задыхаясь от смеха и перебивая друг друга, наши «артисты» своим рассказом развеселили всю честную компанию.

К намеченной цели они подобрались скрытно, вдоль глухой стены без окон. Ефим Егорыч стремительно распахнул дверь из сеней в хату и чуть не опрокинул самогонный агрегат, установленный у самого порога перед печью. Объемистый черный котел с плотно примазанной крышкой покоился на низенькой печурке, сложенной из кирпичей прямо на глиняном полу. Печурка соединялась с зевом печи железной трубой, в которой гудело пламя. В центре крышки начиналась трубка-змеевик, который был опущен в охлаждающее устройство – дубовую бочку с водой и снегом. Другой конец змеевика был выведен из нижней части бочки наружу. Из трубки, пофыркивая паром, капала в подставленный тазик мутноватая жидкость.

– Та-ак... – многозначительно произнес «начальник», втягивая ноздрями кисловатые самогонные пары, перемешавшиеся с сизым дымом, плавающим по хате, и грозно нахмурился, в упор глядя на застигнутую врасплох неопрятную толстую бабу с опухшим лицом и щелевидными глазками, растерянно рыскавшими по сторонам. Самогонщица испуганно топталась на месте, не зная, что предпринять, а «начальство», «делу дать хотя законный вид и толк», уже шагнуло к столу, успев засечь наметанным глазом стоящую за печью бутыль с самогоном. На полу под стеной выстроилось в неровную шеренгу еще несколько разнокалиберных сосудов с заветной жидкостью – остывали.

Усевшись прочно за стол и брезгливо отодвинув в сторону неприбранные остатки еды, нежданный гость приступил к делу:

– Так чем же это вы, гражданочка, занимаетесь? Как это все понимать прикажете? – и Ефим Егорыч ткнул указующим перстом в булькающий и пыхтящий аппарат.

– Та я ж... та ничего... Ось трапыла трохи горилочки на пасху выжиныты... – Тут хозяйка, спохватившись, бросилась к столу и торопливо вытерла его подолом грязного передника.

«Адьютант», изо всех сил стараясь не покатиться со смеху, замер навытяжку у порога.

– Спасибо, – поблагодарил Ефим Егорыч хозяйку, неторопливо разглаживая на столе лист чистой бумаги.

Самогонщица завороженно следила за каждым движением «начальника».

– А сейчас мы составим акт о том, что гражданка такая-то незаконно занимается самогоноварением. Как ваша фамилия?

– Ой, не трэба пысаты! Липше выпыйтэ и закусытэ, чим бог пислав, – быстро-быстро затараторила перепуганная баба и бухнула на стол бутылку первача, следом явилось сало и соленые помидоры.

Ефим укоризненно покачал головой и некоторое время помолчал, борясь с одолевающим его смехом...

– Вы в военное время, да еще в прифронтовой полосе, спаиваете наших красноармейцев. Значит, вы помогаете кому? Врагу. А как такое дело называется и что за него бывает, вам известно?

Самогонщица жалобно всхлипнула:

– Ой, лышенько мэни! – да так и остолбенела посреди хаты с разинутым ртом и выпученными глазками.

А «начальник», тщетно пытаясь выковырять загрубелыми, неловкими пальцами огрызок карандаша, который едва выглядывал из кожаного кармашка планшетки, сердито приказал:

– Адъютант! Аппарат уничтожить, самогон вылить!

– Есть! – И Жора с готовностью ринулся выполнять приказание: вынес чугунный котел во двор и опрокинул, змеевик изломал на куски и выбросил, самогон изо всех бутылок повыливал в снег, а шестилитрового «гусака» припрятал между стеной сарая и поленницей. Через несколько минут расторопный «адъютант» вновь занял свое место у дверей и доложил:

– Товарищ лейтенант, ваше приказание выполнено!

– Плохо выполнено, товарищ боец, – подытожил «лейтенант» и строго обернулся к хозяйке, которая с отрешенным видом взирала на разорение подпольной винокурни. – А где у вас хранится заготовленная барда?

– Та у синях.

– Выбросить эту отраву! И можете быть свободны, – распорядился Ефим.

Жора, пыхтя, выволок дежку со свекольной бурдой к порогу и опрокинул ее прямо из сеней на улицу, а затем, проскользнув к замаскированной бутыли, быстро сунул ее в вещмешок и огородами удалился восвояси.

Объединенный вечер трех несчастливых экипажей (с небольшим опозданием в нашу хату ввалились ребята с «Генерала Гранта», тоже застрявшего в селе из-за какой-то неисправности, и с тридцатьчетверки) удался на славу. Рассказ нашего «провиантмейстера» то и дело прерывался громким и дружным хохотом. Но смешнее всего стало тогда, когда в разгар веселья заявилась в хату пойманная тетка и, отозвав нашу хозяйку в уголок, начала громко жаловаться на «дуже сердитого мордастого» начальника, который велел «зныщиты» (уничтожить) все самогонное хозяйство и «загубыв усю горилку». А «начальник», чтобы его не опознали, сперва спрятал раскрасневшееся лицо чуть ли не в самую миску с горячей картошкой, а затем, улучив удобный момент для ретирады, бочком выскользнул под прикрытием водителя с Т-34 в темные сени, где мы по очереди мололи зерно на «жорнах» (жерновках), так как своего хлеба нам не хватило и хозяйке нужно было срочно печь лепешки.

2 апреля

Продолжаем возиться с машиной, но она не заводится. Помпотеху удалось связаться с тылами полка, он узнал, что скоро к нам должна прийти ПЗС для подзарядки аккумуляторов.

3 апреля

Пошел дождь и вдруг стал замерзать на лету. Ничего подобного я никогда не видел еще. Ветви деревьев и кустов как в хрустале и позванивают мелодично даже при легком прикосновении. Сверкает, переливаясь, все: и стволы деревьев, и столбы, и плетни, и броня. Изумительная, сказочная картина! Потом как-то сразу запасмурнело, повалил густой снег.

Кисну. Голоса давно нет. Объясняюсь шепотом. Настроение мрачное. Николай нервничает, даже слишком. Это злит меня: как будто остальные, кроме него, радуются вынужденному «загару». А

полк наш с каждым днем все ближе к границе Румынии...

Нас, по нашей просьбе, расселили с помощью сильрады по разным хатам, чтобы не обременять постоем гостеприимных хозяев. Мы с командиром остались на прежнем месте, у стариков Бабий. Дид Андрий и титка Ганна – хорошие люди. При них две дочери: Галя – учительница начальной школы и глазастая Маринка – нескладный, голенастый подросток. Третья, старшая их дочь, Валентина, еще до войны вышла замуж за лейтенанта и жила в военном городке недалеко от польской границы. Каким-то чудом она с маленькой дочуркой успела эвакуироваться под обстрелом и теперь находится где-то в Средней Азии. Старики показали нам ее письмо, которое получили за день до прихода немцев в Багву.

У титки Ганны строгое худое лицо, малоподвижное, как это обычно бывает у людей, страдающих глухотой, и зоркие, внимательные глаза. Она энергична и стройна, несмотря на почтенный возраст, и вечно занята делом.

Дид Андрий, бывший когда-то бравым черноморским военным моряком, добродушно-лукав и, должно быть, ленив, очень любит «потравить». Он явно побаивается жены и всегда, прежде чем отпустить «соленое» моряцкое словцо, предварительно убеждается, нет ли жинки в хате, и на всякий случай понижает голос. Особенно осторожен дед стал после того, как его Ганна, возившаяся возле печи, оглянулась на наш гомерический хохот и, прочитав по движению дедовых губ что-то предосудительное, тотчас пустила в ход скалку.

Однако, невзирая на суровый нрав, тетя Ганя – добрейший человек. Она сразу же взяла нас с командиром в работу. Мы вымылись в горячей печи (так давным-давно, в детстве, мне приходилось иногда мыться в деревне зимой). Потом долго-долго вываривала наше белье в щелоке, уничтожая надоевших до чертиков паразитов – неизбежных спутников солдата на войне. На следующий день она всерьез занялась моим горлом, которое с конца января не может издавать никаких звуков, кроме кашля, шипения и хрипа. Для лечения требовалась кружка молока, но раздобыть ее было делом отнюдь не легким: во всем селе на пятьсот дворов после хозяйничанья фашистов почти не осталось коров, а на всех уцелевших, кроме двух или трех, пахали и боронили землю, так как начался весенний сев, запрягали коровенок и в повозки. Молоко у несчастных животных начинало доиться с кровью, а то и вовсе пропадало. Хорошее же молоко распределялось в строгой очередности между малыми детьми. Как удалось нашей хозяйке вклиниться в ту очередь – мы не имеем понятия.

Но вот драгоценная жидкость в маленьком глечике поставлена в печь, и титка Ганна колдует над снадобьем из горячего молока, растопленного лоя (внутреннего свиного сала) и еще из чего-то. Предварительно заставив меня до изнеможения надышаться горячим картофельным паром, домашний лекарь подносит мне стакан отвратительнейшего на вкус питья. После троекратного повторения этой процедуры голос постепенно у меня «прорезался», а кашель пропал. Слава добрым докторам!

9 апреля

По всему селу, в нашей хате тоже, царит большое оживление. Дид Андрий, и титка Ганна, и Галина со своей неразлучной подругой радостно обсуждают колхозные дела. Начинается сев! Дед обувает высокие сапоги, привязывает к решету старый рушник и долго подгоняет перевязь так, чтобы удобно было захватывать и разбрасывать семена. «Эх, невжэ ж у нас у колгоспи так сиялы до вийны? – вздыхает он. – Ну да ладно. Война себе войной, а хлеб на земле расти должен. На то и человек к ней приставлен».

Сеятелями сильрада назначила не кого-нибудь, а стариков, имеющих дореволюционный опыт ручного сева. Старый Бабий медлительно важен от сознания всей значительности поручения. И нам всем это очень понятно, а Ефим Егорыч даже попросился деду в подручные.

12 апреля

Помпотех наш что-то задумчив. Должно быть, втюрился в Галину, а она сегодня уходит пешком в Умань, куда созывают всех уцелевших во время оккупации учителей на какой-то учебный сбор.

13 апреля

Ходили к экипажу тридцатьчетверки. Товарищи по несчастью живут за речкой. Перейдя ее, поднимаемся по узкой крутой улочке и на самом верху бугра упираемся в тот самый «Артштурм», который не успел удрать от наших артиллеристов в день освобождения Багвы. Башня немецкой самоходки разметана

взрывом. Обе хаты, слева и справа, стоят без крыш, а у правой еще и две стены обрушились, так что с улицы видна вся ее внутренность. На глиняном полу, перед печью, валяется нога в немецком солдатском ботинке и низкой брезентовой краге. «Еще четверо арийцев не добрались до своего фатерлянда, – подбил итог учитель Георгий Сехин, любящий во всем точность. – У них боезапас рванул». Вскоре мы разыскали голубовато-белую мазанку, где обосновались танкисты. Начался техсовет. У аварийного Т-34 не заводится двигатель, и было решено попробовать завести его с помощью восьми аккумуляторов. Не откладывая в долгий ящик, все отправились в поле к машинам, перетащили на тридцатьчетверку наши аккумуляторы и подсоединили их параллельно. Механик прокрутил дизель несколько раз, но тот даже не чихнул. Танкисты помогли отнести обратно тяжелые ящики с батареями и пригласили вечером к себе: горе, как они сказали, утопить. Мы не стали отнекиваться и в назначенный час явились всем экипажем. Нас ждали: гармошка весело грянула «Трех танкистов». За столом сидели дружно, травили и загибали, сплетая быль и небыль, пели песни. После какой-то по счету чарки водитель тридцатьчетверки, воодушевившись, спел новую для нас на разудалый гуляйполевский мотив из кинофильма про Пархоменко: бой был трудный и неудачный, бригада потеряла много танков, в одном из экипажей уцелел только командир танка. И вот безусого лейтенанта, едва очухавшегося после контузии, «...вызывают ночью в особый вдруг отдел: «Отчего с машиною ты вместе не сгорел?!» Чтобы их утешить, глухо говорю: «В следующей атаке обязательно сгорю!»

Сюжет песни традиционен, но концовка ее наводит на тягостные размышления...

Словом, веселились, как умели, А на душе у меня все равно как-то муторно: мы бессильны что-либо сделать для своей больной машины. При чем же здесь песня?

14 апреля

Яранцев рано утром отправился на своих на двоих в Умань выяснять, как он заявил перед уходом, нашу дальнейшую судьбу, но мы с Николаем подозреваем, что не только это понесло туда нашего «помпу».

17 апреля

Возвратился из полка на «Студебеккере» «подогретый» помпотех со старшиной Казаковым, тем самым, что угробил мне левый бортовой, когда нам пришлось в феврале буксировать к передовой сразу два грузовика со снарядами. Как раз перед приездом наших все работы на машине были уже закончены и даже снаружи блеск наведен. Яранцев привез устный приказ зампотеха полка: «Ждать буксира!» Ничего себе: дожили!

За обедом Геннадий со смехом рассказал, как в Умани, на площади, гоняют строевой учительниц, даже тех, что в летах. Наша Галина среди них выделяется завидной выправкой и, должно быть, заделалась отличником боевой и политической подготовки. Интересно, какая умная голова это придумала?

20 апреля

Завести двигатель не смогли, хотя потратили на это два дня, зато с досады соединили гусеницу вручную. Попотели. Хочется подвести машину к селу, чтобы была под рукой. И стыдно тащиться в полк на буксире, несмотря на то что вины в этом на тебе совсем нет.

После работы побывали с Николаем у экипажа с «Генерала Гранта». Гостеприимные хозяева обстоятельно познакомили нас с ленд-лизовской техникой. Начали с наружного осмотра танка. Он двухпушечный. Странно выглядит этот иностранец, высокий и узкий, – неуклюжая помесь танка с самоходным орудием. Его высокий корпус с вертикальными бортами – удобнейшая мишень для вражеских артиллеристов. Должно быть, в виде компенсации за этот недостаток просторные люки расположены в бортах и распахиваются, как двери. Если подобьют машину, выскочить легко. Все катки с резиновыми ободами. Танкисты с «Гранта» своеобразно «расхваливают» свою машину. Двигатель у нее дизельный. Это хорошо, хотя он и маломощный. Броня на диво вязкая: попадет в нее бронебойный снаряд – она не крошится и не поражает экипаж своими осколками, зато сам снаряд внутри разрывается. И болванка экипажу нипочем: прожжет один борт и вылетит наружу с другой стороны. Только башку или еще что в этот момент под нее не подставь. Вооружение у танка, если можно так выразиться, трехэтажное. Самая мощная, 105-миллиметровая, пушка установлена справа (по ходу) в специальной полуцилиндрической выпуклости корпуса и имеет только вертикальную наводку, а та, что установлена во вращающейся башне и служит основным оружием танка, значительно меньше калибром – всего 75 миллиметров. На

главной башне – еще одна вращающаяся башенка, пулеметная.

– Вижу с этой колокольни далеко, – усмехается командир машины, – иной раз даже дальше, чем из пушки достать могу. А полюбуйтесь еще вот на это чудо! – И он показал на тупое пулеметное рыльце, торчащее из башни. – Калибрище-то какой! Но фрица из этого пулемета даже за забором из крепких досок не убьешь. Пуля с брони лишь краску сколупывает. Мы пробовали на его шкуре. – Лейтенант кивнул на своего черного «Генерала Гранта». – А наша винтовочная заметную вмятину оставляет. Вот, полюбуйтесь сами.

Затем широким жестом танкист распахивает перед нами левый бортовой люк. Залезаем внутрь машины. Там все бело – просто лаборатория, да и только! Механик-водитель восседает высоко, видит далеко. Высота его сиденья регулируется специальным рычагом. Гидравлика. Перед водителем пульт управления в виде наклонного столика с разноцветными лампочками и кнопками. Слева и справа, по бокам пульта, маленькие рычажки поворота. Управление машиной полуавтоматическое Оно, конечно, облегчает труд водителя. А если откажет в бою? Танк может описывать плавную дугу без участия тормозных лент благодаря специальному механизму поворота (планетарному). Это, пожалуй, единственное достоинство американского танка.

Одним словом, согласно решили мы после обстоятельного осмотра машины, «союзнички» действуют по известному принципу: «На тебе, боже, что нам не тоже», – а сами между тем ускоренно выпускают – для себя – другие, более совершенные, марки танков...

21 апреля

Выполнили указание помпотеха: сбили каретку с вала демультипликатора КПП. Каретка застряла в ускоренном положении и поддалась нашим усилиям весьма неохотно.

22 апреля

Счастливый день: завели! На радостях даже «ура!» гаркнули, а мне все-таки не очень весело, так как замок коробки не действует.

Вечером, засыпая, услышал, как шофер со «Студебеккера», Казаков и Яранцев оживленно толкуют о скором выходе полка на

переформировку. Да, «славно» провоевали мы эту зиму и весну, нечего сказать. Одно лишь утешает: должна на днях закончиться эта длинная канитель с нашей развалиной.

23 апреля

Трогательно распростились с «несчастливцевыми» – экипажами тридцатьчетверки и «американца», со всеми хозяевами – стариками Бабий – и знакомыми. Когда мы торжественно шествовали по селу, направляясь в поле к своей машине, чуть ли не через хату нас останавливали, чтобы дружески напутствовать, а кое-где и предложили «батожок» (посошок) на дорожку, так что на бугор с ожидавшей нас машиной мы взбирались, заботливо поддерживая друг друга.

Наконец двигатель прогрет, экипаж в живописном беспорядке расположился на броне, за башней, поближе к солнцу. Командир, стоя в своем люке, весело крикнул: «Трогай!» – и самоходка побежала. По полю вести машину было проще простого, но, выехав на проселок, я с удивлением заметил, что передо мною не две, а целых четыре колеи. Останавливаюсь. Как быть? Поколебавшись с минуту, закрываю один глаз – лишние колеи исчезли. Тогда, нацелившись машиной на середину дороги, осторожно еду дальше. Самоходка наша уверенно и весело шлепает гусеницами по мягкому, за спиною ровно ревет застоявшийся мотор, вентилятор с силой тянет сквозь открытый смотровой лючок тугую струю воздуха, обвевая мое лицо, и вскоре в голове проясняется настолько, что «прицельное вождение» становится ненужным.

Путь наш лежал через Буки (райцентр), Крочковку, Иваныси, Манькивку. В перелеске, между Крочковкой и Иваньками, на дорогу выбежал солдат в танкошлеме и отчаянно замахал нам руками. Я остановил машину. Солдат оказался водителем граненого броневичка БА-60 из разведвзвода нашего полка. Он слезно молил дотащить броневик хотя бы до первой встречной хаты, так как «загорал» в стороне от дороги проезжей в полном одиночестве и – главное – натощак. Двинуться с места его машина, в общем-то исправная, не могла, так как крупным осколком снаряда у нее продырявило картер двигателя. Мы посочувствовали терпящему бедствие, угостили его домашними лепешками из Багвы и, не теряя времени, свернули к прореженному снарядами леску, чтобы взять на буксир подбитый бронеавтомобиль.

После этого вести СУ можно стало только на первой или на второй замедленной передаче, ввиду того что колея броневичка гораздо уже танковой и броневик так и тащило то вправо, то влево; он угрожающе кренился и то и дело зарывался носом,

толкая перед собою целую гору непросохшей, вязкой грязи. Кончилось это в конце концов, несмотря на все мои предосторожности, тем, что из-под броневика вырвало передний мост и нам пришлось «подсаживать» калеку на корму самоходки. С час, наверное, провозились, лопатами подкапываясь под передок и подсовывая под него концы двух телефонных столбов, найденных при дороге. Верхние концы бревен мы заранее положили на корму самоходки. Когда удалось просунуть столбы метра на полтора под днище броневика, самоходка медленно начала подвигаться назад, бревна заскользили по кормовой броне, задираясь вверх и приподнимая броневик, который не мог при этом откатиться по той причине, что его задние колеса надежно увязли в густой грязи. Постепенно броневик поднялся на дыбы, его передок оказался чуть выше нашей кормы и лег на нее. Тут «пострадавшего» крепко-накрепко прикрутили тросами к десантным скобам нашей башни, и дальше он ехал на задних колесах. Бревна при движении вывалились сами. Самоходка пошла быстрей, и скоро БА-60 был доставлен в ближайший населенный пункт. Водитель броневичка не помнил себя от радости и рассыпался в благодарностях.

По дороге на Манькивку (там мы заночевали) – чем ближе к селу, тем больше – громоздится брошенная врагом техника.

Само село так тесно заставлено немецкими бронированными машинами, что яблоку негде упасть. Тут настоящий зверинец: «Пантеры», «Тигры», «кошки» (так прозвали солдаты за бесшумный ход приземистые «Артштурмы»); тут же и самоходные орудия посолиднее – средние «Ягдтпантеры», то есть «охотники за пантерами» и семидесятитонные «Фердинанды»; разномастные бронетранспортеры на гусеницах и с ПТО на прицепе, автофургоны и автомашины обслуживания и прочее.

24 апреля

Утром делаем марш в Поташ (станция Одесской железной дороги).

Вдоль полевой дороги, размолоченной бесчисленными гусеницами, открываются впечатляющие картины: по обеим обочинам шпалерами выстроились боевые машины, обратив жерла орудий на Манькивку, то есть нам навстречу. На ближних подступах к Поташу бронированные чудища стоят в два, а в нескольких местах даже в три ряда. Около самой станции лишь десятка полтора немецких танков, приняв боевой порядок, развернули свои башни назад, на юго-запад, откуда ворвались на

станцию наши танки. Но это не смогло изменить ничего: настолько неожиданным был удар наших танкистов прямо в спину противника, который в результате не успел даже вытянуть со станции на марш мощные бронированные колонны, срочно переброшенные по железной дороге в Поташ для отражения нашего наступления на Умань. На самой станции – перезагруженные эшелоны с танками и самоходками, только немногие из машин успели сползти с железнодорожных платформ на землю. Среди такого-то «парада» неторопливо продвигалась наша «старушка». Наверное, если бы у нее была шерсть, она вся ощетинилась бы от такой близости своих смертельных врагов.

На некоторых немецких машинах трудились наши ремонтники (их легко можно узнать по лоснящимся, промасленным насквозь комбинезонам и телогрейкам). От ремонтников мы узнали, что несколько «Тигров», украшенные красной звездой и новым номером на башне, уже ушли бить своих удирающих в Румынию хозяев. Большая часть брошенных фашистами машин имеет различные повреждения: либо сорвана электропроводка, либо выкрошены зубья шестерни в коробке перемены передач, либо разбит орудийный прицел (у «Тигров» – великолепный цейссовский дальномер). Оптика у них богатая, не чета нашей.

А нам предстоит сдавать свою машину на СПАМ (сборный пункт аварийных машин), куда, по сути дела, она должна была быть отправлена еще четыре месяца назад прямо из Ивантеевки. Но пути начальства воистину неисповедимы...

Ремонтники со дня на день ждут платформ и машину пока не принимают, и наша «развалюха» отдыхает, грея старые кости на вешнем солнышке. Она стоит впритык к белой стене хаты, в которой разместились Орехов и Сехин. Мы с командиром устроились в доме по соседству, совсем рядом со станционными путями.

Внутренность нашего дома, включая и печь, представляет собою удачное смешение украинского и русского стилей оформления жилья. Объяснилось это очень просто: хозяин дома, железнодорожник Федор Подорников, оказался моим земляком. Он приехал сюда на работу со Смоленщины двадцать с лишним лет назад, да так и осел здесь, женился на украинке, пустил корни: у Подорниковых есть сын, ровесник мне, тоже воюет.

Жена хозяина, женщина добрая, хлопотунья, весело подтрунивает над своим «чоловиком», который почти четверть века прожил среди украинцев, но так и не научился правильно произносить некоторые слова, так что, вместо «паляныця», у него

получается «полениться». «Называет булочку чуть ли не поленницей!» – притворно негодует хозяйка, нарочно перенося ударение в слове, и ловко выхватывает из раскаленного зева печи пышущие жаром, румяные паляныци, печь которые она превеликая мастерица. Ее поварское искусство мы с Николаем оценили за первой же вечерей, во время которой услышали рассказ стариков о том, как они остались живы, когда шел бой за станцию. Спасло их то, что они перебрались на житье в узкую щель, предусмотрительно вырытую хозяином, старым солдатом, под самой стеной хаты со стороны сада.

Заняв пристанционный поселок, наши начали выбивать немцев со станции. В хате Подорниковых заняли позицию, перекликаясь не по-русски, трое пехотинцев с ручным пулеметом: из окна удобно было вести огонь вдоль путей. Пулемет работал, почти не умолкая. Потом в хате разорвался снаряд, и в ней стало тихо. После боя Подорников заглянул в свою хату и не узнал ее: великолепное сооружение, объединившее в себе русскую печь с украинской грубкой, было сильно повреждено, стекла из окон повылетели, но самое страшное ожидало хозяина в другой половине дома, отделенной от кухоньки печью. Там лежали на полу в разных позах трое молодых ребят, сраженных наповал осколками снаряда. Младший сержант, очевидно командир расчета, даже не выпустил из рук пулемет Дегтярева. Старику показалось, что пулеметчик дышит. Подорников осторожно перевернул его на спину и прижал ухо к груди: сердце молчало. Старый солдат заплакал, потом, не поднимаясь с колен, бережно вынул из нагрудных карманов убитых красноармейские книжки, письма. В тот же день с помощью жены и соседей тела бойцов были преданы земле.

Рассказывал больше сам хозяин, а его хозяйка, заново переживая все, тихо плакала, орошая плечо мужа слезами. Выплакавшись, она принесла нам завернутые в белоснежную хустку бумаги. Мы перелистали книжки. Бойцы оказались казахами. Отметив в книжках дату гибели и место захоронения воинов, Николай решил отправить документы завтра же в штаб полка с Яранцевым, которого туда вызывают. Там разберутся, куда их следует переслать.

25 апреля

Хозяин, обрадованный встречей с земляком, с утра принялся налаживать какой-то особенный, собственной конструкции компактный аппарат для производства горилки, а хозяйка всерьез

взялась за нас и нашу одежду. Пока мы с командиром, призвав на помощь Ефима Егорыча и Жору, вскапывали на огороде твердую землю, утоптанную танковыми гусеницами (старикам тяжело было бы справиться с этой работой), наше исподнее успело основательно прокипятиться и выстираться, но теплое зимнее белье, заношенное донельзя, так и осталось серым, к величайшему огорчению добросовестной женщины.

Окончание «пахоты» было ознаменовано баней возле горящей грубки, а затем, по обычаю, и обедом с чаркой. «Чарки», то есть большущие стаканы, хозяин доверху наполнил чистым, как слеза, крепчайшим перегоном, не имеющим противного сивушного запаха. От первой же такой чары голова моя стала весело кружиться. А хозяин, оглядев стол, уставленный простой, но обильной закуской – салом, печеной картошкой, солеными огурцами и знакомыми уже нам паляницями, – с довольным видом разгладил усы и сказал: «Плохой горилки не делаю, потому как не торгую ею. Другое дело – выпить с добрым человеком. Первак гоню, только пока горит, а потом еще и перегоняю. Так что, сынки, снидайте хорошенько, не обижайте нас с матерью». Но уговаривать нас не нужно было. Однако, несмотря на плотную «заправку», после второго стакана мне так захотелось вздремнуть, что сидеть за столом стало совершенно невмочь. Извинившись, зачем-то отправляюсь спать в машину, на всякий случай поддерживая стену хаты рукой. Более стойкий Николай остался вести застольную беседу с хозяином.

Забравшись в самоходку, с грустью окидываю взглядом выдраенное до блеска отделение управления (столько мучились с машиной вместе – и теперь надо расставаться), привычно покачиваю рычаги, проверяя их нейтральное положение, и завожу двигатель, чтобы прогреть, хотя он в этом совершенно не нуждается. Вскоре перед смотровым лючком и в открытом башенном люке появились встревоженные лица Жоры и Ефима Егорыча. Ребята надсадно кашляли и вытирали слезящиеся от дыма глаза. Выхлопные газы выкурили всех обитателей из хаты, так как корма самоходки находилась всего в двух метрах от дверей, распахнутых настежь ввиду теплой погоды. Глушу мотор, успокоительно делаю ребятам ручкой и крепко засыпаю на своем сиденье.

Разбудил меня Яранцев. Он возбужденно сообщил, что завтра состоится передача машин в ремонт. Помпотех начищен, отутюжен, выбрит и радостен.

26 апреля

Направляясь утром к ремонтникам, проходим с Николаем мимо какого-то эшелона, загнанного на запасной путь. Много солдат в незнакомой нам форме сидят вдоль кювета и толпятся перед теплушками, переговариваясь на совсем непонятном языке. Никто из них не обращает на нас внимания, и мы медленно продвигаемся сквозь шумную толпу. Вдруг вынырнул откуда-то юркий офицерик, щегольски одетый, сияя множеством начищенных пуговиц и пряжек, и отрывисто скомандовал что-то сердитым голосом. Сидевшие на земле солдаты тотчас вскочили на ноги, слонявшиеся около вагонов торопливо расступились, и все до одного испуганно вытянулись в немыслимую струнку, вытаращив на нас глаза, а офицер, повернувшись к нам, лихо отдал честь. Смущенные такими почестями, держа правую руку у виска, мы быстро прошли, стесняясь своих не очень чистых гимнастерок, по окаменевшему живому коридору, который образовался вдоль всего эшелона. Всезнающие ремонтники объяснили нам с командиром, что в этом эшелоне следует один из полков недавно сформированной у нас румынской дивизии, которая скоро должна принять участие в боевых действиях против немцев. Так вот оно что! Союзники Гитлера уже начали поворачивать штыки на своего хозяина!

27 апреля

Сдал машину без задержек. Даже часов танковых у меня почему-то не потребовали.

Возвратившись в свою хату, мы с Николаем решили заняться своим туалетом: 1 мая уже на носу. У хозяина нашлась старенькая стрижущая машинка, вполне исправная и даже наточенная. Мы с Николаем по очереди овладевали брадобрейским искусством, кромсая друг на друге отросшие шевелюры. После долгих трудов полубоксы все же получились, и Федору Тихоновичу захотелось тоже подмолодиться: он собственными глазами успел убедиться в нашем незаурядном мастерстве. И прической своей он остался очень доволен: своей марки мы не уронили.

Через час должна была приехать за нашим экипажем автомашина из полка, и мы по окончании парикмахерских упражнений стали прощаться с Федором Тихоновичем. Жены его, заботливой хозяйки, к сожалению, в это время не было дома: она ушла к кому-то из родственников. Узнав о нашем скором отъезде, славный земляк мой огорчился самым искренним образом.

– Ну да ладно, – продолжал он, – дело военное. За вами,

говорите, придет машина? За вами! Стало быть, без вас никуда и не уедет. Садитесь-ка пока за стол. Жинки нэма, так мы сейчас и без нее по-русски попрощаемся.

Минут пять спустя мы уже грустно подняли прощальные стаканы. Не успели мы толком закусить, как вдруг в сенях кто-то загремел пустым ведром и в дверь постучали.

– Кто там? Входи! – распахивая дверь, пригласил хозяин.

На пороге появился длинный румынский солдат с нашивками на погонах, должно быть сержант. Пронырливые глазки его быстро обежали сидящих за столом и вдруг испуганно остановились на новеньких повседневных погонах Николая, нацепленных в честь близкого праздника. Отступив шаг назад, румын вытянулся, чуть не коснувшись головой потолка, вскинул руку к пилотке и громко щелкнул каблуками, потом повернулся ко мне и проделал то же самое и, наконец, на всякий случай, расшаркался перед хозяином. Ну как тут было устоять перед подобной вежливостью?! И решено было угостить нового союзника. Федор Тихонович налил румыну стакан первача и приготовил закуску – ломоть хлеба с толстым пластом сала. Гость, по-прежнему стоя навытяжку, с готовностью принял стакан и залпом осушил его.

Но тут бравая тощая фигура сержанта странно изогнулась, черные брови прыгнули на лоб, глаза выпучились, а рот широко раскрылся, судорожно пытаясь захватить воздух.

– Ну вот! В зобу дыхание сперло, – добродушно проворчал Федор Тихонович, зачерпнул корцом холодной воды из стоящего на дубовой лавке ведра и подал сержанту.

Залив пламя в гортани, тот вдохнул наконец в себя воздух, смахнул выступившие на глазах слезы и, не смея, очевидно, сесть за стол с чужими офицерами, снова защелкал каблуками, на этот раз уже прощаясь. При этом он быстро-быстро что-то говорил, должно быть благодарил. Затем нежданный гость шагнул к выходу, на ходу откусывая от могучего бутерброда, покачнулся, переступая порог, и исчез так же неожиданно, как и появился.

Через несколько минут после его ухода воротилась хозяйка, а вслед за ней прибежал замковый Сехин звать нас на погрузку.

Старики проводили нас до самой автомашины и тепло простились с экипажем еще раз, пожелав всем остаться живыми. Они попросили меня непременно писать им и, если доведется кому из нас оказаться в их краях, заходить к ним запросто, как к отцу с матерью. Растрогавшись, мы долго махали им из кузова пилотками.

В 22 часа прибыли в Умань, с большим трудом отыскали место, где можно было бы до утра приклонить голову. Жилье это

представляло из себя комнату на втором этаже кирпичного дома с разрушенным первым этажом и лестничной клеткой.

Наверх мы поднялись по шаткой деревянной времянке без поручней и улеглись спать на полу, устланном соломой, которая служила постелью и всем многочисленным обитателям этой квартиры – женщинам и детям.

28 апреля

Путешествие наше продолжается. Ехали через Райгород, в 15 часов переправились по наведенному понтонному мосту через Южный Буг и очутились в Винницкой области. В 18.00 прикатили в Тульчин, где сделали остановку, так как здесь назначен пункт сбора и нужно ждать еще какие-то машины нашего полка. В домах и хатах быстро нашлось место всем... Мы с командиром облюбовали аккуратный деревянный домик на зеленой окраинной улочке. Городок здесь утопает в зелени. Хозяйки, две женщины, старушка с дочерью средних лет, приняли нас очень радушно, накормили и предоставили в наше распоряжение высокую и пухлую от перин, сияющую ослепительной белизной кровать с пирамидой подушек, от которой я категорически отказался, мысленно представив себе, какими будут к утру простыни и подушки. Николай же сразу после ужина, как только женщины удалились в другую комнату, решительно разделся и нахально плюхнулся в пуховую благодать.

Здесь, за Бугом, у границы румынской все сохранилось гораздо лучше, чем в других областях Украины, где пришлось мне побывать. Во всяком случае достаток у местных жителей чувствуется больше. Может быть, это потому, что здесь, в так называемой Транснистрии, управляли трусоватые хозяева-румыны, не забывающие, чье сало кошка съела, а возможно, и по той причине, что война в этих местах прокатилась – на восток и в обратном направлении – быстро.

29 апреля

Поднявшись часов в шесть, выходим с Николаем на улицу. Солнце, радостно сияя, уже развернуло на ярко-голубом небосводе гигантский веер золотистых, с нежно-розовым отливом, ласковых и теплых лучей. Перламутром горят росинки на изумрудной траве, в пазухах листьев. Впереди раскинулась балка, вся в зарослях, одетых дымчато-сизой издали молодой листвой.

Рощица наполнена птичьим многоголосием.

Выйдя из проулка за крайнюю хату, увидели невдалеке танк без башни. Он стоял на зеленом холме правильной овальной формы, с покатыми склонами. Очертания корпуса машины показались мне какими-то странными и в то же время знакомыми. Подходим ближе. Да это же наша славная бетушка! Ты сказала свое веское слово в боях на Хасане, и у Буир-Нора, и на реке Халхин-Гол, надолго отбив у распетушившихся японских самураев охоту проверять прочность наших дальневосточных границ; ты участвовала в освободительном походе в Западную Белоруссию и Западную Украину и, как ни трудно было на Карельском перешейке в памятную суровую зиму 1939/40 года, заставила белофиннов с уважительной опаской относиться к тебе. А в грозном сорок первом своею тонкой бронированной грудью и легкой сорокапяткой мужественно встретила обнаглевшего от безнаказанности и самоуверенного, бесчисленного, как саранча, и вооруженного сверх зубов врага. Не на тебе ли воевали и те три танкиста, «не про них ли песня вся»? Хорошая песня.

Обезглавленный зеленый БТ-9 был темней, чем молодая зелень травы, дружно идущей в рост. Он замер, развернувшись лбом в сторону границы, с захлопнутым люком механика-водителя. Медленно обошли мы танк кругом. Башни его нигде поблизости не видно. Должно быть, увезли немцы на переплавку. Нет и левой гусеницы. Сквозь отверстия в рыжих от ржавчины траках правой гусеницы, вдавленной в землю, проросла уже в третий раз новая трава. Надмоторная броня совсем снята. В моторном отделении просторно: человек может протиснуться между двигателем и бортовой броней.

Ах ты, милая наша «броня крепка»! Ты достойно, судя по твоей боевой позе, встретила свой смертный час. Где же теперь твой экипаж? Твои три танкиста? Сложили свои буйны головы в том неравном, смертельном июньском бою или позже, на горьких и трудных дорогах отступления? А может быть, назло всем смертям, остались живы и сейчас преследуют ненавистного врага на новых, грозных машинах, угощая его и в хвост и в гриву? Много воды утекло почти за три года войны, и всякое могло случиться...

К полудню прибыли мы в Вапнярку (железнодорожная станция и поселок, где дислоцируется наш полк) и доложились начальству.

На всем протяжении нашего пути от Тульчина до Вапнярки следы стремительного весеннего наступления нашего фронта: огромное количество самой разнообразной немецкой техники, частью разбитой и сожженной, а больше брошенной в панике или

из-за отсутствия горючего.

Мы свободны и долго бродим по улицам поселка, осматриваемся, радуемся, встречая знакомых, узнаем от них старые новости: комбат и помпотех с наших пяти маршевых машин смещены; капитан Осадчий ранен в Умани, а Василий Зубарев, командир орудия, убит. Вздохнет по нему не раз в Фастове старшая сестра Михалины.

30 апреля

Мы на переформировке. Сегодня, в канун Первомая, в полку был устроен строевой смотр. Стоял я в первой шеренге и чувствовал себя очень неловко: на ногах у меня красовались валенки, в которых мне приходилось щеголять с самого отъезда из Багвы, так как сапоги мои после кошмарной ночной «прогулки» в Черную Каменку окончательно, как у нас выражаются, «накрылись».

После смотра заглянул в штаб узнать насчет писем, но их почему-то не оказалось ни одного. Настроение несколько омрачилось. Я уже закрыл было за собой дверь штабной хаты, как вдруг меня возвращают обратно и приказывают сдать танковые часы. Не станешь же отнекиваться, когда они предательски оттопыривают нагрудный карман гимнастерки. Донес о часах какой-то неприятный тип из штабных служак, видевший через окно, как я вынимал их посмотреть время. Вот он сидит, бледнолицый, с презрением посматривая в мою сторону. Раздосадованный, проклиная себя за допущенную оплошность, возвращаюсь в нашу хату, а там уже весь экипаж в сборе по случаю прибытия нового наводчика, старшины Кузнецова.

1 мая

Праздник пролетарской солидарности слегка отметили, даже попели и поплясали: гармони в полку нашлись, а когда поздно вечером уже укладывались спать – нагрянули стервятники, которых только здесь и не хватало. Бомбежка началась в 23 часа...

2 мая

...И длилась до рассвета (счастье еще, что ночи сейчас

коротки!).

Напротив нашей хаты – просторный деревянный старый дом, в котором живет большая еврейская семья, а может быть, и две, потому что днем возле него всегда многолюдно: женщины с детишками разного калибра, несколько седых старух и седобородый, высохший, как мумия, высокий старик, с длинными белыми пейсами, облаченный в черное долгополое одеяние с широкими складками и в черную круглую шапку с плоским верхом.

Едва загремели первые взрывы где-то в районе станции, со двора того дома послышались громкие стенания и жалобные причитания, среди которых чаще всего повторялись горестные «ай-вай-вай» и «овэ», а также непонятное слово «яхвэ».

Бомбы падали и на поселок. Когда наша хата при особенно близком взрыве словно подпрыгнула и с потолка нам на головы посыпалась глиняная штукатурка, Николай, отплевываясь от пыли и чертыхаясь, приказал всем отправляться в хозяйский погреб, куда давно уже скрылась старуха с дочерью-солдаткой (хозяин-железнодорожник находился в рейсе). Чтобы не сидеть в тесной, душной яме и не слышать душераздирающих воплей и пронзительного плача детей на соседнем дворе, решаю уйти в конец нашего проулка, который заканчивается глубоким оврагом. Весь поселок изрезан оврагами в разных направлениях и очень живописен по этой причине. Дома, большую часть которых составляют хаты-мазанки, располагаются уступами; улицы то прячутся на дне оврагов, то круто лезут вверх, то неожиданно ныряют вниз. Проводив ребят по саду до круглой черной дыры в земле, служившей входом в погреб, и пожелав им спокойной ночки, удаляюсь вдоль плетня... До оврага оставалось всего с десяток шагов, как вдруг сквозь нудное нытье авиационных дизелей донесся до меня стремительно приближающийся свист. Сделав пару отчаянных скачков вперед, низко приседаю у самого края откоса – и в этот момент за спиною ярко полыхнуло два раза подряд, земля качнулась, сдвоенный грохот ударил в уши, горячая тугая волна воздуха, словно огромная ладонь, отвесила мне мощный шлепок, и я, неловко перевернувшись через голову, больно падаю на спину, а затем по инерции скатываюсь вниз. Лежа навзничь на сыром дне оврага, бессмысленно смотрю сквозь ветви деревьев на звезды, постепенно приходя в себя.

Вдруг мне почудились негромкие, как будто мужские голоса. С напряжением повернув голову и всмотревшись в темноту, замечаю недалеко, в густой тени раскидистых деревьев, похожих на ивы, хату с крытым крылечком. На нем четыре, не то три человека. Осторожно мигнул огонек цигарки, спрятанный в

кулак. Один из людей, приподнявшись с лавочки, перегнулся через перильце, вглядываясь в мою сторону, и окликнул:

– Эй, славянин! Живой?

Слова доносятся до меня словно издалека, так они невнятны.

– Как будто, – отвечаю, кряхтя, поднимаюсь с земли и начинаю отряхиваться.

– Ну и порядок! – одобрил незнакомец, судя по выражениям военный. – Давай топай к нам, перекури это дело.

Я поблагодарил и зачем-то соврал (должно быть, от смущения), что мне некогда и что я разыскиваю одного человека из своего экипажа. Для правдоподобия даже спрашиваю, не проходил ли здесь кто мимо в танкошлеме. Кто-то, должно быть веселый, успокоил меня:

– Коль под бомбу не попал – значит, где-то загулял. К утру воротится, раз в бой не торопится.

Третий голос перебил балагура:

– А вы сходили бы в противотанковый ров. Это вверх по оврагу, отсюда метров четыреста. Ров прямо от оврага влево через поле идет. Промахнуться никак нельзя. Туда как раз много народу с верхних улиц потянулось, когда фриц кидаться начал. Может, и парень ваш там.

Делать было нечего, и я двинулся в указанном направлении.

Бомбежка продолжалась, тяжело ухали фугаски, и над Вапняркой, впереди и справа, ночное небо то и дело полосовали яркие вспышки. В нескольких местах разгорались пожары.

Поднявшись по оврагу, натыкаюсь на отвалы еще не слежавшейся земли, поворачиваю налево и оказываюсь в противотанковом рву (хорошо, что без машины!). В разрезе ров имеет трапециевидную форму, глубина его около трех метров. Он тянется от Вапнярки через поля параллельно железной дороге на Умань. Эта ветка нужна была немцам, как воздух, для маневрирования резервами, и поэтому на земляные фортификационные работы по приказу румынского коменданта сюда поголовно согнали здешних и окрестных жителей – всех, кто был в состоянии держать в руках лопату и мотыгу.

Когда 5 марта началось неожиданное для немцев наступление нашего фронта, эти работы велись в лихорадочном темпе, днем и ночью. Однако ров не помог врагу, хотя местные румынские власти, выслуживаясь перед немецким начальством, проявили немало усердия, пытаясь перегородить путь нашим танковым соединениям, стремительно продвигавшимся к румынской границе. Особенно свирепствовал, по свидетельству вапнярских молодиц и девчат, сам румынский комендант. Пользуясь объявленным чрезвычайным положением, которое

давало этому выродку неограниченную власть, он беспощадно карал по первому подозрению, а то и вовсе без всякого повода советских людей, если ему казалось, что они отлынивают от предписанных немецко-фашистским командованием работ. Похотливый, как козел, он насиловал любую приглянувшуюся ему женщину, которую пригоняли под стражей в комендатуру. Беспредельно мерзостно то, что этот тип был болен какой-то гнилой болезнью.

Пробираюсь по мягкому из-за осыпей дну рва, обходя сидящих на узелках или стоящих людей: женщин с детьми, пожилых мужчин в гражданском, военных. Остановившись около группки бойцов, закуриваю. Отсюда видно только небо, тревожно освещенное заревом пожара. Вдруг сверху с шуршанием посыпались комья земли, и чуть не на голову мне сполз по наклонной стенке рва солдат. Он присел на корточки и, бурча что-то себе под нос, начал скручивать цигарку. По тому, как неуверенно двигались его пальцы, рассыпая махру, нетрудно было догадаться, что человек не на шутку приобщился к празднику. Справившись наконец с трудным делом, он обратился ко мне:

– Земляк, а земляк! Дай-ка огоньку.

Пока он чмокал, прикуривая от моей самокрутки, я полюбопытствовал:

– А с чего ты взял, друг, что я твой земляк?

– Да потому что смоленский, – спокойно ответствовал незнакомец.

От неожиданности я чуть не поперхнулся дымом.

– При этом еще учти, – продолжал он, со смаком затягиваясь, – я своих даже в темноте узнаю. И на «рожков», на земляков то есть, мне, как никому, здорово везет.

Слово за слово мы разговорились. Сам он оказался кардымовским. А так как в Кардымове (районный центр, находящийся километрах в сорока от Смоленска) я не только бывал, но даже два лета подряд жил с сестренкой у матери (она перед окончанием ВКСХШ – Высшей коммунистической сельскохозяйственной школы – стажировалась там при райкоме партии), то воспоминания потекли рекой. В Кардымове находился лучший в области и известный по Союзу детский дом.

А небо уже начинало сереть перед рассветом, потом светлеть, померкли и стали гаснуть одна за другой звезды. Все реже ныли в вышине моторы «Хейнкелей», сбрасывающих последние бомбы. На станции частой россыпью трещали патроны, лопающиеся от жара; выше деревьев металось побледневшее пламя пожара.

А следующей ночью снова бомбежка. И такая же сильная. На

этот раз вместе с экипажем укрываюсь в картофельном погребе, напоминающем в разрезе классический украинский горлач. Жора, утомленный бессонной вчерашней ночью и успевший задремать на своей лавке у стены, вставать не захотел ни в какую и героически проспал (вернее, пролежал) всю ночь в хате.

Утром, невыспавшиеся и злые, пошли впятером взглянуть на станцию. Но там было так все покорежено еще позапрошлой ночью, что мы не смогли отличить новых разрушений от прежних и только заметили несколько свежих бомбовых воронок. По обеим сторонам станционных путей лениво курились жалкие остатки сгоревших хат. Одна из бомб упала в параллельном нашему порядке домов, как раз между хатами, в которых размещался штаб полка и разведчики. Погибли два человека. Взрывной волной убило старика, вышедшего по нужде из хаты в огород, и разведчика, спавшего на полу в той же хате. Осколок, пробив глинобитную стену, вошел ему прямо в сердце. Солдат даже не успел проснуться. Легкая, но нелепая смерть.

Но пристанционная толкучка, несмотря на ночные ужасы, собирается на небольшом майданчике регулярно. Бойкие бабы приносят сюда для продажи и обмена различную снедь: кукурузные и хлебные лепешки, соленые помидоры и огурцы, вареный картофель и жареную кукурузу, моченые арбузы и яблоки, вкуснейшую ряженку с румяной пенкой и сало, пахнущее чесноком. У наиболее расторопных обладательниц широченных юбок где-то среди бесчисленных складок, под передниками (название их по-русски звучит нецензурно) таятся заветные фляжки с сизоватой горилкой. Все это добро бойко обменивалось на простое мыло, соль, сахар, спички, солдатское белье, иголки, нитки, бензин и газойль, с успехом заменявшие керосин, или продавалось на советский рубль, настоящей цены которого здесь еще не знали. Словом, базар был, по нашим понятиям, просто великолепен, и притом баснословно дешев по сравнению с ценами в глубоком тылу. Однако экипажи – это не хозяйственники и даже не РТО, поэтому после двух-трех посещений рынка нашему брату делать там становилось нечего.

Федор Сидоров – мой новый товарищ, механик-водитель, выпускник Саратовского танкового училища, родом из подмосковного города Солнечногорска, годом старше меня. Русоволос, с голубыми глазами, в которых то и дело начинают прыгать озорные бесенята, с красивыми, слегка припухлыми губами, которые часто трогает ироническая усмешка. Лицо его подвижно и выразительно. Федя любит и умеет «заливать» и сегодня, когда мы возвратились с рынка, развеселил нас забавной историей о столпотворении, произошедшем на этой толкучке дня

за два до нашего прибытия в данный населенный пункт.

В самой Вапнярке и поблизости дислоцируется несколько воинских частей, главным образом гусеничных, с нетерпением ожидающих отправки в тыл на переформирование. И вот хлопцы из Н-ской танковой бригады решили гульнуть на дармовщинку, так как все имевшиеся у них ресурсы были давно исчерпаны, а на базаре, словно нарочно, вовсю шла предпраздничная торговля и горилки было хоть отбавляй.

«Операцию» решили провести при поддержке «с воздуха», так как днем над прифронтовой станцией часто появлялись отдельные немецкие самолеты. Иногда они бросали бомбы. Правильно оценив обстановку и в соответствии с нею тщательно разработав план действий, танкисты стали выжидать удобного момента для открытия спектакля. Через час-другой терпение их было вознаграждено: в ясном небе зарокотали моторы. Самолеты летели наши, но это было не столь важно.

Отдельные эпизоды из последовавших событий Федя мастерски изобразил в лицах. Когда самолеты проплывали над самым поселком, кто-то зычно гаркнул: «Во-о-здух! Ложись!»

Команду тотчас подхватили в разных концах майдана, а в соседнем овраге грохнул взрыв: это звукооформитель, имитируя начало бомбежки, бросил гранату. Все, за исключением танкистов, на несколько секунд оцепенели от страха, а затем ринулись в разные стороны, толкая друг друга, спотыкаясь и падая, оставив на месте или теряя во время панического бегства свои корзины, кошелки, мешки, ведра, бидоны и горшки. Истошно вопила, зацепившись длинным подолом за плетень, торговка с могучими оплывшими формами. Отчаянно рванувшись, она оставила чуть ли не половину своей плахты на колу и тоже ретировалась. Площадь совершенно опустела, и трофейной команде осталось без суеты пожинать плоды блестяще проведенной операции, не упомянутой, к сожалению, в боевой летописи бригады. Справедливости ради следует отметить, что ни одного сидора или корзинки солдаты не тронули, а только частично «экспроприировали» самогон, изготовление и продажа которого преследуется законом.

Так закончил Федька свой рассказ, а его командир, утвердительно кивнув, добавил: «И мы там были, мед-пиво пили, да усы лишь обмочили!» – и провел правой ладонью по воображаемым усам, которых у нас пока еще не было. Посмеялись.

3 мая

Ночь прошла спокойно, и все отлично выспались. Утром полк (человек девяносто изо всех подразделений) был выстроен на окраине поселка, в зеленеющей низине, куда стекались три улицы, выходившие из оврагов.

Командиры подразделений быстро проверили наличие людей, их внешний вид и состояние оружия. У меня по-прежнему на ногах валенки, когда-то бывшие белыми. В них даже удобно, когда сухо. Мягко переминаюсь в них и уже не краснею от смущения.

Зампомстрой давно принял рапортички и, несколько раз взглянув на часы, махнул рукой и разрешил курить.

Уже надоело ждать, когда наконец появилось начальство. Командир полка, майор Шишов, выслушал доклад зампомстроя, поздоровался с нами и, сопровождаемый заместителями, не спеша поднялся по крутому склону в сторону поля. Удалившись метров на полтораста от строя, он остановился, четко обозначившись своей громоздкой фигурой на фоне ясного утреннего неба, расправил полные плечи и зычно бросил сверху: «По-олк! Ко мне! Бегом – марш!»

Сорвавшись с места и наблюдая на бегу, как мелькают по косогору передо мною слева и справа наклонившиеся вперед фигуры солдат и офицеров, которые усиленно работают локтями, часто оскальзываются на влажной от росы траве, пытаюсь представить себе пехотную дивизию в момент выполнения только что поданной нам команды. Такого я еще не слышал. А впрочем, нас здесь очень мало, и Шишов далеко не комдив...

Наиболее резвые бегуны, легкие, в прямом смысле слова, на подъем, уже наверху, почтительно останавливаются в нескольких шагах от командования, отдуваются, одергивают гимнастерки и не знают, что делать дальше.

С высоты своего роста, подчеркнутого еще и занятой позицией на бугорке под деревом, майор удовлетворенно обозрел остатки своего воинства, потом, усевшись поудобнее, величественным движением руки описал перед собою широкий полукруг, что означало разрешение сесть. Когда все приземлились, он кивнул замполиту, и тот выступил вперед.

Речь капитана была коротка, содержала в себе точные и неопровержимые факты о падении нравов в полку, особенно же в хозвзводе, и призывала свято блюсти воинскую честь.

Затем начальник штаба прочитал приказ о введении ежедневных занятий для всего личного состава и ознакомил нас с распорядком дня на сегодня.

Федя Сидоров сидел рядом вполоборота ко мне, обхватив колени руками, и блаженно жмурился, подставляя лицо

весеннему солнцу. Волнистый русый чуб его, выбившийся из-под сдвинутой на затылок пилотки, казался золотистым. Можно было смело дать голову на отсечение, что в эту минуту для моего товарища не существует ни войны, ни фронта, ни армейской службы с разными приказами. Он слушал и не слышал. Вдруг светлые ресницы его задрожали, припухлые губы оттопырились еще больше и уголки рта опустились вниз, а все лицо удивленно и обиженно вытянулось. Казалось, что боевой техник-лейтенант вот-вот заплачет. До сознания его, видимо, дошло наконец значение слов, произнесенных начштабом. И наверное, сегодняшние занятия срывали какие-то планы, касающиеся лично одного Феди.

Рядовой и сержантский состав с песней затопал на строевую подготовку, а офицеры, в том числе и механики-водители, занялись (теоретически) стрельбой с закрытой позиции. Проводил первое занятие сам командир полка.

Была принесена панорама на треноге, установлен шест-репер, произведена условная наводка орудия и пристрелка репера. Затем указывались невидимые цели, и командиры машин и комбаты усердно склонялись над своими планшетками, стараясь побыстрее подготовить данные для переноса огня. Майор следил по часам и бросал на офицеров осуждающие взгляды. Справлялись с этим делом только те, кто окончил артиллерийские училища и воевал на крупных калибрах. Многие командиры танков, ныне тяжелые самоходчики, вовсе были незнакомы с этой премудростью, которая ни разу им пока не понадобилась, да и вряд ли пригодится потом. Никто из присутствующих на данных «стрельбах» не помнит случая, чтобы СУ-152 стреляли с панорамой. Наш зенитчик, должно быть, начисто забыл о том, что пересел в совершенно другие сани. Для чего торчали здесь водители, догадаться было нетрудно: чтоб «не болтались». Как будто нельзя было придумать для них более полезного дела.

5 мая

Занятия проводились с утра до самого обеда. Это хорошо подтягивает. Жаль только, что осмотра по форме 20 еще ни разу не сделано.

Сегодня в результате решительного штурма полностью освобожден наш славный, героический Севастополь! Крым весь наш. Фашистам не удалось отсидеться за их «Голубой линией».

6 мая

Ночью нас опять бомбили, но на этот раз один Николай полез в «кувшин».

В экипаже нашем сразу два события: механик наконец надел сапоги (они хотя и б/у, но носить можно), а Николаю командир полка приказал за какую-то пустячную провинность во время дежурства по части сбрить усы.

Конечно, приказы не обсуждаются, но в глубине души мы все сочувствовали своему командиру машины, вороными усами которого гордились отчасти и сами, и поэтому обряд брадобрейства обставили как можно торжественнее.

Николая усадили лицом к освещенному вешним солнцем окну перед снятым со стены древним хозяйским зеркалом, в котором, хотя и очень смутно, все же отражалось человеческое лицо. Вместо хрустящей салфетки, перекинули с плеча на плечо новенькое вафельное казенное полотенце. Жора принес с кухни котелок с горячей водой, старшина Иван Иванович мастерски «довел» бритву, а Ефим Егорыч взбил в граненом зеленого стекла стакане белоснежную пену и густо намылил хмурое Колино лицо. Сидя на лавке у стены, наблюдаю за священнодействием и тоже молча хмурюсь. Время от времени то в одном, то в другом конце комнаты раздается тяжелый вздох. Но вот последний клок мыльной пены исчез с верхней губы наказуемого. Николай утерся намоченным краем полотенца – и мы ахнули, увидев, вместо привычного усатого, немного сурового бледного лица, очень юное, почти мальчишечье, слегка растерянное, с порозовевшими от бритья щеками.

8 мая

Выехали на переформировку. Хозчасть наша, как это заведено, готовясь к переброске полка в тыл, еще в Молдавии запаслась несколькими коровами и здоровенными кабанами, мукою, крупами и постным маслом. За Бугом все очень дешево: откормленного борова, например, отдают за «красненькую», то есть за тридцатирублевую бумажку, на которую в России сейчас ничего не купишь. И мы, по достоинству оценивая старания хозчасти, великодушно прощаем ей все старые грехи, зная, что эти запасы очень нас выручат во время нашего пребывания под Москвой.

20 мая

Едем по Московской области. Не задерживаясь, проносимся мимо Малоярославца (осталось чуть больше пятидесяти километров до места), потом мимо Наро-Фоминска – предполагаемого пункта назначения. Нас продержали недолго на станции Москва-II и начали катать по Окружной железной дороге. Вот проплыл укрепленный Новодевичий монастырь, Москва-река в граните, замелькали знакомые названия: Соловьевы горы, Серебряный Бор, Владыкино.

Значит, опять нас везут на старые места.

21 мая

Полк разместился в одноэтажных домах в Мамонтовке.

Разумеется, за два-три перегона до этой станции дошлые хозяйственники оперативно сгрузили скот, и добровольцы пастухи из солдат на рысях угнали животных в лес, подальше от бдительных интендантских очей, коими славятся инспектора из Центра формирования тяжелых самоходных полков. Помня предыдущую зимнюю переформировку, одобряю в душе предусмотрительность и военную хитрость полковых кормильцев.

24 мая

Выдали наконец деньги. Мы сразу же кинулись в «киносарай» (так метко окрестили наши ребята здешний кинотеатрик, совершенно запущенный за годы войны, грязный и облезлый) смотреть «Сокровища Ценского ущелья».

25 мая

В полку была лекция о международном положении, на которой мы лишний раз убедились в том, что союзники наши – наглецы высшей пробы...

Вечером состоялось комсомольское собрание батареи. Меня избрали комсоргом.

27 мая

Утром приезжал фотограф. Все фотографировались. Ради этого события мне пришлось вчера самому перешивать отложной воротник командирской гимнастерки старого покроя на стоячий – под погоны.

Только 23-го вечером сменился и снова заступаю караульным начальником. Ворчи не ворчи, а офицеров-то мало.

29 мая

Второй день, как живем в 7-8 километрах от Загорска, в лесу, где сами вчера разбили палаточный лагерь. Разместились поэкипажно. С утра расходимся на занятия по специальностям; после обеда, если не в наряде, приятно бездельничаем: пишем письма, читаем свежие газеты и зачитываемся редкими в походном быту книгами, в большинстве своем истрепанными донельзя.

Смотрел кинофильм «Радуга» в Птицеграде. Городок этот лежит на полпути от нашего расположения до Загорска. На сеансе было много девчат – студенток здешнего учительского института, но познакомиться толком с ними и тем более поделиться впечатлениями о картине никто из нас не успел, так как сразу же после окончания фильма нас усадили в грузовики и увезли в лес.

2 июня

Вот уже второй день выступаю в роли новоявленного Ната Пинкертона, разыскивая в Москве (ищи иголку в сене!) дезертира из роты автоматчиков. Такая рота обязательно придается теперь каждому тяжелому танковому и самоходно-артиллерийскому полку (очень правильное нововведение). К нам в роту прислали несколько рядовых и сержантов – румяных молодцев в щегольских, пригнанных на славу шинелях с голубыми авиационными петлицами. Очевидно, эти «орлы» проштрафились, «воюя» в тылу. Одному из них, москвичу, не очень понравилось назначение в действующую армию, где он на деле мог бы проявить свою доблесть, и подлец сбежал. И вот вдвоем с товарищем беглеца, сержантом, мы разъезжаем из конца в конец Москвы то в метро (вчера впервые спустился я на станцию «Комсомольская»), то в троллейбусе, то в трамвае, то в автобусе, бродим по каким-то кривым закоулкам, среди старых, обшарпанных временем домов и домишек, заходим в подозрительные двери. Возвращаемся в полк поздней ночью, еле

передвигая ноги от усталости и голодные, потому что выдаваемый нам, вместо обеда и ужина, сухой паек состоит из нескольких сухарей и банки американских консервов, да не колбасных и не тушенки, а каких-то сухих и спрессованных так, что их можно есть, только расковыряв ножом. «Чтоб вам подавиться вашим вторым фронтом!» – сердито ворчит сержант, перемалывая крепкими зубами сухое безвкусное крошево и высматривая водоразборную колонку, из которой можно было бы промочить горло.

3 июня

Возвращаемся из Загорска с электрички пешком во второй половине дня. Розыски приказано прекратить: командование сообщило о дезертире куда следует, и теперь этому типу не позавидуешь.

Идем вчетвером: командир взвода разведки в пехотной фуражке с малиновым околышем, нарядный сержант из роты автоматчиков в авиаторской форме, командир машины со скрещенными пушечками на погонах и я – с танками.

Перед Птицеградом, у последнего поворота дороги, мощенной крупным булыжником, замечаем в тени деревьев четырех девушек, прилежно зубрящих что-то по конспектам и учебникам.

Командир разведчиков, самый старший среди нас и, следовательно, самый бывалый, тотчас круто сворачивает с тропинки и идет на сближение с девчатами. Он заводит с ними шутливый разговор, в который постепенно включаются все. Студентки некоторое время терпели наше общество, тщетно пытаясь углубиться в дебри старославянских прошедших времен, а потом подхватили свои книжки и толстые тетради и, отшучиваясь сердито, неторопливо направились в общежитие. Так как это было нам по пути, более полукилометра будущие учительницы шествовали в сопровождении представителей четырех родов войск (это отметила самая бойкая из них, рослая, как гренадер, по имени Юля).

Как самый неумелый и потому слишком стеснительный в общении с прекрасным полом, замыкаю шествие один, но идущие впереди, оживленно переговариваясь, шутливо препираясь и смеясь, разобрались по двое, и рядом со мною очутилась вдруг «лишняя», среднего роста девушка, черноволосая, с большими серыми глазищами, тоже, должно быть, «дичок». Она мягко, почти неприметно окает. Идем рядом, изредка коротко взглядывая друг

на друга. Разговор не клеится, но за несколько минут пути чуть-чуть познакомились. Зовут ее Лида, она из Ивановской области, заканчивает первый курс отделения русского языка и литературы, и мы помешали девчатам готовиться к экзаменам. Смутившись, я извинился за товарищей и за себя. Помолчали. Через некоторое время она сказала, что боится знакомиться с танкистами, и, встретив мой недоуменный взгляд, объяснила, что ее школьный товарищ, окончивший десятый класс годом раньше ее и друживший с нею, попал в танкисты и сгорел вместе с машиной. Довод резонный, нечего сказать! Как будто только нашего брата подстерегает на фронте какая-нибудь смертельная опасность. Да эта Лида просто знаться со мной не желает. Подумал так про себя, а потом неумело посочувствовал девушке. Еще немного прошли – и прощаться пора: мы уже поравнялись с аркой, соединяющей улицу со двором институтского здания, построенного в виде замкнутого квадрата.

Девушки машут нам и весело приглашают всех в кино на завтра, заверяя, что у них в Птицеграде и танцы бывают. Последнее меня не привлекает, но, так как у нас завтра выходной день, решаю прийти завтра вместе со своими товарищами. Возвратясь в лес, разыскиваю палатку друзей и рассказываю им о полученном приглашении. У ребят разгораются глаза, и Федя с Павлом с энтузиазмом начинают готовиться к завтрашнему визиту в «птичий городок».

4 июня

Кроме недовольства собой, этот день ничего мне не принес. Зато Федя Сидоров и Павел Стаханов были в восторге от «ярмарки невест».

Птицеград получил свое название из-за больших птицеферм, построенных на просторном нижнем пруду. Днем вся его поверхность скрыта под белой копошащейся массой уток. Но зато очень живописен огромный верхний пруд – целое озеро, – в воды которого смотрится задняя стена института, бывшего монастыря. Посреди пруда – круглый остров с зелеными развесистыми ракитами и осокорями. По берегам тоже старые тенистые деревья – тополи и ветлы. С острова, из зеленой кущи, нависающей над водой, даже днем доносятся соловьиные трели.

5 июня

Союзники продолжают свое неторопливое (куда спешить?) наступление в Италии. Сегодня в честь взятия ими Рима в Москве был учинен салют.

6 июня

Наконец-то наши «союзнички» «разродились»: открыли второй фронт в Северной Франции, высадив крупный десант. Уж не потому ли они осмелились перешагнуть 30-километровый Ла-Манш, что побоялись попасть к шапочному разбору в Европе?

И тем не менее это событие для всех нас явилось такой приятной неожиданностью, что весь день прошел как-то празднично. Еще бы не радоваться: мы уже и ждать перестали. И фотограф очень кстати из города прикатил. Снимались экипажами и поодиночке. Запечатлелись на память всем экипажем вместе со своим комбатом и мы. Потом пожелал сфотографироваться весь офицерский состав полка. В это время я прогуливался по опушке над оврагом с одним механиком-водителем, маленький рост которого служил предметом веселых шуток товарищей, и поэтому мы с ним чуть было не опоздали украсить собою историческое общее фото. Однако, как ни увлечены мы были горячим обсуждением перспектив, которые сулило открытие второго фронта, все же успели заметить приготовления на поляне, примчались со всех ног и с ходу приткнулись с левого фланга к большой группе офицеров. Федор с Павлом на карточке отсутствуют: они ездили в Загорск. Возвратясь оттуда пешком, они принесли новости: в Птицеграде обижаются, что я туда не являюсь. При этих словах Федя лукаво подмигнул. Сам чувствую, что пора навестить новых знакомых, и совсем уж собрался пойти, но испортил дело наряд: дежурю по парку боевых машин, которых еще нет. Сержусь.

8 июня

Подумать только: мне стукнуло двадцать! Ведь это не так уж и мало... Слегка отметили с Николаем совершившийся факт. Только водка, к великому моему конфузу и огорчению, оказалась безбожно разбавленной. А мне специально за нею пришлось топать в Загорск. В деревне Ш., что лежит на полпути от лагеря до Птицеграда, встречаю женщину, возвращающуюся из магазина. Она тащит в авоське продукты, а в свободной руке держит на виду заткнутую газетой бутылку с разливной водкой, которая

тоже, оказывается, выдается по карточкам. Обрадованный тем, что не нужно тащиться вдаль, не колеблясь, тут же отдаю последние четыреста рублей, даже не догадавшись попробовать содержимое бутылки на вкус.

15 июня

В Птицеграде неожиданно сталкиваюсь носом к носу с Никодимом Филинских – он из нашей, 13-й роты ЧТУ. Филинских франтовато, по-тыловому, обмундирован. Кривые ноги замаскированы модным галифе.

Обрадованно вскрикиваю:

– Кодя!

Испуганно оглянувшись и почему-то покраснев, так что частые веснушки на его лице словно слились в одно целое, он торопливо пожал мне руку и предостерегающе прошептал:

– Тссс... Я теперь Николай... Понимаешь??

– Учту. А что ты здесь делаешь? На переформировке?

– Состою в штабе 1457-го усап.

Значит, Кодя-Коля решил довоевывать здесь, под Москвой, и даже имя на более благозвучное сменил, чтобы не отпугивать девушек. Разговаривать нам больше было не о чем. Мы холодно простились, и Филинских не спеша зашагал вдоль улицы, стараясь не запылить зеркально надраенные сапоги. На повороте мелькнул Кодин профиль со смешно и важно вздернутым носиком.

А я повидался с Лидой.

17 июня

Механики и командиры ходили в соседний полк, уже получивший новую матчасть, чтобы поближе познакомиться с ИСУ-152, или СУ-VC.

18 июня

Вечером «уволились» с Васей Мирошниченко, так как были свободны от наряда, в Птицеград, где задержались, провожаясь после кино, аж за полночь.

19 июня

А в это время ночью прибыли машины. Узнали мы об этом, возвратясь в полк, и сразу на рысях, обливаясь потом, припустили к Загорску. Но тревога наша оказалась напрасной: на наше счастье, с самоходками приехали и несколько механиков-водителей для пополнения, так что разгрузка и марш от станции до леса обошлись без скандала. Затем целый день, с завтрака до ужина, все механики и помпотехи обстоятельно знакомились с новой техникой.

У новой машины, ИСУ, много изменений. Она приземистее, а клиренс стал больше и лобовая броня мощнее, чем у КСУ. Из орудия можно вести огонь на ходу, даже не отключая КПП. Установлен синхронизатор, который при изменении нагрузки на двигатель во время движения прибавляет или убавляет обороты без вмешательства водителя. В трансмиссионном отделении тоже усовершенствование – планетарные механизмы поворота, служащие для поворотов машины большим радиусом. На прежних машинах плавный поворот производился с помощью выключения бортовых фрикционов, стальные диски которых сильно грелись при больших нагрузках и начинали коробиться. Регулировать зазоры между дисками было трудно даже опытным механикам-водителям, и фрикцион обычно «вел» – сильнее или слабее – в выключенном положении, поэтому плавного поворота не получалось. По этой причине приходилось включать тормозные ленты чаще, чем нужно бы, что приводило к их преждевременному износу и к перегреву бортовых фрикционов. В конце концов они выходили из строя. Вентилятор в новой машине наглухо посажен на барабан главного фрикциона, а диаметр барабана уменьшен. Таким образом, вентилятор теперь не пробуксовывает на барабане при резком увеличении числа оборотов, как это было у двигателя В-2К, а следовательно, и не визжит пронзительно, издали предупреждая противника о приближении тяжелых танков или самоходок. Воздухофильтры нового типа «Мультициклон» лучше очищают воздух и легче и быстрее снимаются и промываются. Гарантийный срок безаварийной работы двигателя увеличился на 50 моточасов.

Единственное, что никому из нас не понравилось, – это новшество с заводкой. Аккумуляторов на машине стало два, вместо четырех, ввиду того что стартер теперь электроинерционный. В исключительных случаях им разрешается заводить двигатель и с помощью аккумуляторов, но те быстро сядут. Обычная же заводка – ручная, при которой специальной рукояткой сначала раскручивается стартер, а затем включается храповик стартера – или вручную, или с помощью кнопки на щитке механика-водителя. Конечно, спору нет, если два

аккумулятора перемножить на количество всех тяжелых машин, которые сошли и еще сойдут с заводских конвейеров, экономия получается огромная, но не даст ли она обратного эффекта, если в бою из-за аккумуляторов придется вдруг в течение полутора-двух минут раскручивать вручную стартер? Этого времени вполне достаточно, чтобы поджечь неподвижную машину.

20 июня

С утра наблюдаем знакомую грустную картину отчисления из полка. Зенитчику Шишову, да и остальному начальству, есть из кого выбирать, можно покопаться: водителей в полку хоть пруд пруди.

Уходят механики: Ауэльбеков (по прозвищу Джумбаев), Кавказский, Тырин, Федя Сидоров, Александр Грибков – хорошие, боевые ребята.

Ауэльбеков, мучавшийся вроде меня со старой колымагой на Правобережье, то отставал из-за различных неисправностей, то снова догонял наступающий полк. Однажды, в феврале, когда уже «доваривалось» то, что угодило в корсунский котел, одиночная машина Ауэльбекова тащилась сквозь снег с дождем вслед ушедшему на новый рубеж полку. В спускающихся сумерках впереди показался хвост какой-то колонны. Летящий навстречу снег мешал усталому водителю разглядеть, что там такое движется, да он не допускал и мысли о том, что здесь может оказаться противник. Спокойно приблизившись к колонне, он мигнул фарой, намереваясь обогнать медленно ползущие по раскисшей дороге грузовики, тягачи с орудиями, бронетранспортеры и вездеходы с людьми, и похолодел от неожиданности: это были немцы. Медлить было нельзя. «Идем на таран!» – крикнул Ауэльбеков командиру и дал газ.

Мотор взревел, люки захлопнулись, и самоходка со скрежетом подмяла под себя пушку вместе с грузовиком. Из-под брезента над кузовом ни один фашист не успел выскочить. Этот толчок стряхнул остатки дремоты с экипажа. Орудие быстро зарядили осколочным и ударили по колонне. Грохот выстрела и тотчас отозвавшийся эхом сильный взрыв переполошил фрицев. На дороге началась паника. Два или три грузовика зацепились друг за друга. Образовалась большая пробка. Другие стали сворачивать в поле, стремясь спастись от оглушительно рычащей, неведомо откуда появившейся грозной громадины, и застревали в глубоком рыхлом снегу сразу за обочиной. Охваченные ужасом фашисты стали выскакивать из машин и разбегаться, пропадая в

мокрой метели. А тяжелая СУ продолжала неумолимо вдавливать в снег, опрокидывать, сбрасывая с дороги, крушить и калечить все, что оказывалось на ее пути.

Немцы не успели развернуть ни одного орудия или, вернее, просто не смогли этого сделать из-за страшной сутолоки и неразберихи. Более полукилометра бушевал среди немецкой колонны дорвавшийся до дела Джумбаев, пока в темноте с разгону не налетел на длинный гробообразный бронетранспортер. Самоходка смяла корму бронетранспортера, взгромоздилась на него лобовой частью, приподнялась на дыбы и... застряла. Водитель быстро выжал педаль главного фрикциона, ухватился за рычаг переключения передач, но тот – ни с места. Двигатель, конечно, заглох. Пока механик ощупью проверял, не попал ли какой посторонний предмет под тяги, заряжающий и замковый вели огонь в темноту из автоматов через круглые амбразуры в башне, а командир с наводчиком, по очереди приподнимая на мгновение крышки своих люков, роняли рядом с машиной, то слева, то справа, гранаты – очищали для профилактики «мертвую» зону. К счастью, перепуганные до смерти немцы и не помыслили о нападении на застрявшую самоходку. Уцелевшая часть колонны уже исчезла в сгустившейся тьме, разбежались по полям те, кто спасся от побоища. Все затихло, а наши герои, не рискуя ночью вылезать из машины (необходимо было проверить коробку перемены передач), стали ожидать прихода утра, чутко прислушиваясь к наружным звукам, но ничего, кроме глухих стонов, изредка доносившихся с дороги, не было слышно.

На рассвете с тыла подошла наша пехота. Ее появление первым заметил командир, повернув свой перископ назад. Экипаж обрадованно полез наружу – греться движением. После всех высунулся из башни Ауэльбеков, глянул вдоль дороги вперед, потом назад и сам ужаснулся тому, что наворочал вечером.

Солдаты, поравнявшись с самоходкой, с содроганием отводили взгляд при виде ее гусениц и катков. Пехотный подполковник, приблизившийся к машине, бросил с сердитым упреком, не обращаясь конкретно ни к кому: «Что же это вы не почистились после работы, мясники?» – и, не слушая объяснений командира, махнул рукой и зашагал прочь, разбрызгивая сапогами снежное месиво. Так наши добрые парни на практике узнали, как тяжело отражается на своих же нарушение законов военной эстетики, о существовании которой они и не подозревали.

Прошлепали мимо последние солдаты, протащилась повозка

со старшиной, восседающим на патронных ящиках, и командир приказал механику найти и устранить неисправность, а сам с остальными членами экипажа взялся за очистку ходовой части. Ребят то и дело начинало тошнить, что особенно мучительно на пустой желудок: последний раз они ели почти сутки назад. Ауэльбеков тем временем обнаружил неисправность: заклинило шестерню передачи в КПП. Выбить ее в нейтральное положение не удалось. Так и стояла их машина, навалясь грудью на полураздавленный вражеский бронетранспортер, пока под вечер не нашли ее ремонтники. Насчет награждения Ауэльбекова никто тогда не подумал, а вот отчислили его тогда быстро.

Федор Сидоров, с которым познакомились мы в Вапнярке, участвовал в том самом неудачном для моей машины бою за село Багва, а после взятия села преследовал вместе с другими танками и самоходками отходящего противника. Преследование продолжалось до полной темноты. Когда спустился памятный мне густой туман, экипаж Сидорова не заметил, как оторвался от своих. Только глухой ночью машина оказалась вблизи неизвестного большого села. Со всеми предосторожностями подобрались к хатам со стороны огородов, двое из экипажа узнали от хозяев, что «нимець звэчири втик» и что наши в Рубаный Мист (так называлось это село) еще не приходили.

Командир машины лейтенант П. Стаханов принял решение дождаться утра здесь, чтобы дать возможность отдохнуть экипажу, совершенно измотанному за истекшие сутки: марш на сближение – бой – преследование – ночной марш наугад. Двоим на всякий случай Павел приказал лечь в машине, наводчику и Федору разрешил спать в хате, а сам остался бодрствовать. Часа через два, продрогнув основательно, он внимательно послушал во все стороны, ничего подозрительного не заметил и ушел в хату, чтобы перекурить в тепле и не маячить на улице огоньком цигарки. После этого Павел собирался разбудить на смену заряжающего, который спал в машине и, наконец, отдохнуть. Потягивая самокрутку, он постоял у окна, наблюдая за улицей, потом присел рядом с двумя товарищами, крепко спавшими на соломе, разостланной перед теплой еще печью, и... незаметно уснул.

Серый рассвет раннего утра уже лениво просачивался через маленькие оконца в хату, когда водитель Федор Сидоров, проснувшись, точно от толчка, открыл глаза и сел на своем соломенном ложе. В хате раздавался громкий храп, в спертом воздухе пахло потом, мокрой солдатской одеждой и сапогами. У противоположной стены, под окнами, головами и плечами в тени, спали четверо новых людей. Один из них, самый длинный, почти

касался Фединой ноги своим сапогом, облепленным грязью. «Наверное, пехота-матушка подошла. Умаялась, поди, царица полей чернозем месить», – посочувствовал Федя и, сладко потянувшись, хотел было снова «замкнуться на массу», но вдруг взгляд его задержался на сапоге с короткими широкими голенищами раструбом. «Трофейные», – лениво подумал водитель, расправляя под собой сбившуюся складками шинель, и случайно обратил внимание на то, что все, кто лежал напротив, обуты в «трофейные» сапоги. «Немцы!» – обожгла Федю страшная догадка. Он оторопел от неожиданного открытия, но это длилось не дольше двух-трех секунд. Быстро вытащив пистолет и беззвучно подняв предохранитель, он сразу почувствовал себя увереннее и тихо поднялся на ноги. Держа ТТ наготове, водитель ловко собрал автоматы, стоявшие у стены, в изголовье спящих, ни разу при этом не брякнув металлом и не задев ни одного из немцев. Вооружившись «шмайссером» и взяв их на прицел, он бесшумными, но чувствительными толчками ноги разбудил своего командира и наводчика и одними губами приказал:

– Тихо! Бери по автомату, ставь на боевой взвод. Сейчас будет представление. – Без озорной шутки Федька обойтись не мог.

Взяв автоматы на руку, Стаханов с наводчиком, пятясь, отошли к дверям. С размаху двинув ближнего немца носком сапога по боку, Федор отскочил назад и во всю мочь гаркнул:

– Авштейн! Алярм!

Шаря спросонок в изголовье и не находя своих автоматов, фашистские солдаты, толкая друг друга, неловко поднимались с пола и обалдело выпучивали глаза на трех вооруженных людей в танкошлемах.

– Хэнде хох! Унд гутэн моргэн! – весело скомандовал Федор, обнажая в улыбке великолепные белые зубы, и, скорчив вдруг уморительно-постную мину, добавил: – Гитлер капут – аллес гут!

Зорко наблюдая за вытянутыми небритыми лицами, он спросил:

– Во шляфен ирэ андэрэ зольдатен?

– Ихь вайс нихьт, гэрр оффициер, – ответил за всех долговязый с нашивками унтера. – Вир зинд алляйн.

Не доверяя врагу, Стаханов послал наводчика разбудить ребят в машине и приказать им побыстрей подготовить двигатель к запуску, а самому наводчику велел прихватить несколько гранат и тотчас вернуться. Последний появился в дверях через пару минут.

Федор приказал пленным выходить на улицу по одному. Они, завороженно глядя в таинственно-черные отверстия автоматных

стволов, потянулись наружу, поеживаясь от крепкого утренника, а может быть, от иного, внутреннего, холода, охватившего их души. Наводчик выбросил им из хаты шинели и головные уборы, а затем приказал снять брючные ремни и по очереди залезать на моторную броню, где заряжающий и младший механик-водитель этими же ремнями крепко связали немцам руки.

Когда экипаж занял свои места, водитель включил стартер – дизель заработал на малых оборотах. Пока двигатель прогревался, командир развернул карту и минуты три изучал ее, затем подключил свой шлемофон к ТПУ и подал команду. Мотор взревел, выбежала из хаты хозяйка в наброшенном на плечи ватнике, с нею две девочки. Все трое с испуганным удивлением уставились на немцев, уныло горбивших спины позади башни. Из квадратного люка выглядывал замковый с автоматом: стерег пленных. Самоходка, окутавшись облачком сизого дыма, развернулась на месте, загребая широкими гусеницами схваченные морозом снег и грязь, вышла на проселок и побежала вперед. Оглянувшись назад, Павел увидел мать с дочками, которые продолжали стоять перед хатой, провожая взглядом машину, и помахал на прощание шлемом. В ответ дружно взметнулись три руки.

Днем они присоединились к полку. Живые трофеи были сданы начальнику разведки (ПНШ-1), а оружие – во взвод боепитания (один автомат командир оставил в машине).

Эти четыре немца отбились от своей части во время драпа и топали по бездорожью целый день и еще полночи. Окончательно выдохшись, они случайно забрели в хату, где беспечно почивало больше половины Федиого экипажа, и, не подозревая ничего худого, не думая ни о чем, кроме отдыха, тоже забылись мертвым сном на глиняном полу.

Про других ребят, которые сегодня покидают нас, тоже можно много рассказывать, но этим займусь, когда буду посвободнее.

А отчисленные из полка, собрав все подписи на «бегунках», обошли палатки, прощаясь с товарищами, и удалились небольшой группой в сторону Птицеграда. Провожать ребят некогда, потому что у оставшихся механиков-водителей сегодня вождение новой машины ИСУ-152. Для этой цели выделена почему-то всего одна самоходка, и поэтому каждый из нас поработал рычагами только несколько минут. Около двух десятков людей – механиков и помпотехов – кто сидел на броне, кто толпился в боевом отделении, нетерпеливо ожидая своей очереди. У меня получилось неважно, должно быть, от такого же настроения. Огорченный, злясь на себя, пристраиваюсь в башне,

позади сидения механика-водителя, чтобы понаблюдать, как работают товарищи, – поучиться. Почти полгода пришлось больше заниматься ремонтом машины, чем вождением.

Дорога шла по черному лесу. За рычагами Сережка Герасимов. Ведет машину хорошо, без рывков. По обеим сторонам теснятся к дороге стройные, тонкие осины. На фоне их серо-зеленых стволов быстро промелькнул шест с каким-то круглым указателем, на который никто из нас не обратил внимания: на фронте во время наступления для нас указателей не бывает. Лесная дорога круто вильнула вправо, и машина, идущая со скоростью около двадцати пяти километров в час, влетела на узкий бревенчатый мост, перекинутый через глубокий овраг. Мост угрожающе зашатался на своих высоких сваях, Сергей с испугу прибавил газу, настил расползся – и 50-тонная самоходная установка, разваливая своей тяжестью хилое сооружение, плавно, но достаточно быстро ухнула прямо в ручей, бегущий по дну оврага. Когда машина начала «пикирование», я успел инстинктивно схватиться левой рукой за рукоять перископа наводчика, а правой – за подвеску пушки и почувствовал, что все внутренности мои, наливаясь холодом, неприятно опускаются вниз и днище куда-то уходит из-под ног. На несколько мгновений я завис. Все закончилось грузным толчком – приземлились. Летать в танке или в самоходке мне еще не случалось. Захватывающее ощущение!

Водители и помпотехи, что находились снаружи, ничего и сообразить не успели, как на них посыпались бревна, к счастью не особо толстые, но зато с торчащими в разные стороны железными скобами. Спрыгивать было некогда и некуда, и ребята только увертывались, как могли, от ударов.

Сильнее всего пострадала рука Владимира Агафонова: острым концом скобы ему изувечило большой палец; бревном крепко зашибло ногу Боброву. Некоторых только слегка помяло, а остальные отделались синяками, ссадинами и шишками. Словом, происшествие закончилось сравнительно благополучно.

Самоходка вылезла из оврага без особого труда с помощью другой нашей машины, так как мы лопатами срыли крутой склон, в чем нам хорошо помогли саперы, срочно вызванные по рации. Они прибыли через полчаса после нашего «приземления».

21 июня

День передачи и приема техники. Страшно расстроился, приняв для Боброва замечательную машину. Своей у меня нет.

Это верный признак того, что придется расставаться с полком.

Павел, который без Федьки дня прожить не может, ускоряя развязку, сам подал на имя командира полка рапорт об отчислении. Он сообщил мне об этом вечером, когда я уходил в наряд дежурным по парку боевых машин. Лейтенанту Бондареву, взявшему увольнение, поручаю передать в Птицеград, что сегодня, к сожалению, быть там не смогу.

Днем просил у начальства, начиная с помпотеха батареи и кончая замотехом полка, разрешения вести завтра на стрельбы машину Боброва, пострадавшего вчера при падении в овраг, но получил отказ... Ну и черт с вами!

Уже к концу суток меня постигает новый удар: экипаж наш расформирован. Теперь в комсомольской организации нашей батареи осталось всего три человека.

22 июня

Три года Отечественной войны... Почти тысяча сто суток напряженнейшей, невиданной по своим масштабам смертельной схватки двух миров, диаметрально противоположных по своим конечным целям, по своим понятиям добра и зла... Три года страшных лишений и никакой мерой не измеримого человеческого горя, вызванного невозвратимыми бесчисленными утратами...

Случайно встретил Потапченко, бывшего курсанта 15-й роты нашего 3-го батальона ЧТТУ. Он тоже на переформировке. Обрадовались друг другу страшно, разговорились, вспоминая жизнь в училище, своих преподавателей, командиров и товарищей. Стало грустно: список сгоревших и убитых ребят нашего выпуска всего за год значительно удлинился. Однокашник поведал мне о геройской смерти Петра Мотовилова, сибиряка, моего товарища по 3-му взводу 13-й роты.

В начале августа прошлого года, при прорыве немецкой обороны нашим Степным фронтом, три тяжелых СУ (одну из них вел Мотовилов), преодолев заградительный огонь, добрались до траншей и блиндажей противника одни, без своей пехоты, и начали в расположении немецком «гулять», работая пушкой и гусеницами. Бой был жесток. Опомнившись, фашисты одну за другой подожгли все три наши машины. Задыхаясь от дыма и жара, в тлеющем комбинезоне, Мотовилов успел вытащить через квадратный люк одного из своих раненых товарищей, снял его с брони на землю и снова бросился к люку, но со спины на него навалились сразу трое немецких автоматчиков. Они вынырнули

из хода сообщения, в который угодила одной гусеницей горящая самоходка. Затем откуда-то возник офицер и приблизился к водителю. Петр попытался знаками растолковать, что в машине остались раненые (их стоны, временами заглушаемые близкой пальбой, доносились из распахнутого люка). Тогда он, не выдержав, рванулся из рук солдат, но те удержали его, а гитлеровский выродок в офицерских погонах, злорадно осклабясь, наотмашь ударил самоходчика по лицу рукоятью «вальтера». Взбешенный Мотовилов отшвырнул от себя автоматчиков с такой силой, что те свалились в траншею, молнией метнулся к фашистскому офицеру, железной хваткой сдавил ему горло и бросил врага на моторную броню. Еще успел водитель вскочить на броню сам и сунуть оглушенного фашиста вниз головой в башенный люк, из которого уже вырывалось, клубясь, яростное пламя. Автоматчики тем временем выкарабкались из траншеи и в упор всадили в Петра несколько очередей. Он упал, а его убийцы тут же были срезаны меткой пулеметной очередью из КВ, подоспевшего на помощь, увы, к самой развязке. Ребята из танка видели все, что происходило возле самоходки, кусали локти, но не могли открыть огонь, опасаясь убить своего...

Техник-лейтенант Петр Мотовилов, старший механик-водитель, умер по-русски. Какие люди гибнут!..

Записываю эту короткую трагическую историю без помех: в парке спокойно, только на одной машине работает экипаж – устраняет какую-то неисправность. Завтра на рассвете боевые стрельбы.

Вместе с этими ребятами в их машине слушаю ночную сводку о положении на фронтах: наши войска под Ленинградом очистили от фашистов южный берег реки Свирь и захватили плацдарм на северном.

26 июня

Были в Птицеграде вместе с Яранцевым. На последний сеанс, начинающийся в 21.00, все-таки успели. Помпотех даже потанцевал немного перед звонком. Терзаемый муками ревности, незаметно наблюдаю, как ловко кружит он Лиду в вальсе по полутемному тесноватому фойе кинотеатрика.

Сеанс кончился. Выходя из зала, с удивлением замечаю, что наших офицеров здесь гораздо больше двух. Сразу за порогом Яранцев, самоуверенный, «самопростреленный» нахал, очевидно ободренный удачным выступлением на танцульках, перешел в

наступление, всячески вышучивая мое нехристианское имя, которое не зафиксировано в почтенном древнем сборнике имен – святцах. Однако удивленно-насмешливая реплика Лиды: «А чем, интересно знать, лучше Геннадий? Вот уж действительно поповское имечко!» – сразу охладила его пыл, он как-то стушевался, раскланялся торопливо и удалился провожать какую-то свою знакомую.

* * *

Наконец мы остались одни. Долго бродили по берегу верхнего пруда с соловьиным островом на середине, по земляной плотине между прудами переходили на ту сторону, вновь возвращались. На островке и в прибрежных зарослях изо всех сил усердствовали ночные певцы.

27 июня

За провожанием с соловьиным концертом время неприметно перевалило за полночь. Когда я спохватился, было уже около часу. Мы распрощались с Лидой у входа в их общежитие. Комната девушек на втором этаже и смотрит своими окнами на избитую гусеницами и колесами шоссейную дорогу, по которой мне предстоит топать в полном одиночестве до нашего лагеря.

Двигаюсь быстро, почти бегом, и минут через двадцать присоединяюсь к двум офицерам из нашего полка. Это механики-водители из пополнения. Спустя некоторое время настигаем командира хозвзвода, и образовавшийся квартет, перебрасываясь шутками, весело зашагал по дороге. Незаметно преодолели половину расстояния. Переваливаем пригорок, и вдруг позади замелькал сноп света от автомобильной фары. Кто-то предложил проголосовать, остальные не возражали и сбавили шаг. Тут следует отметить, что более опытные самовольщики в подобных случаях обычно маскируются, скромно отступая в темноту, но у всех нас было бодрое и несколько легкомысленное настроение, а главное – всем очень хотелось побыстрей добраться до своих палаток.

Когда радужное сияние вспыхнуло над бугром, под который мы спускались, наша четверка выстроилась в шеренгу поперек проезжей части шоссе, и наш хозяйственник лихо вскинул вверх руку. К нашей радости и удивлению, машина, ослепив нас ярким светом, послушно остановилась, шофер даже мотор заглушил.

Фара погасла. Когда глаза наши привыкли к темноте, мы разглядели, что задержали «Виллис». На переднем сиденье его, рядом с водителем, виднелась плотная фигура со светлыми и широкими генеральскими погонами на плечах... Неприятный холодок пробежал по нашим спинам, а ноги, двинувшиеся было на посадку, словно приросли к земле. Ну кто бы мог подумать, что такое большое начальство станет в глубоком тылу разъезжать по ночам!

Полюбовавшись с минуту нашей группой, застывшей, в отличие от гоголевских героев, по уставной стойке «смирно», генерал как-то по-домашнему поманил нас к себе пальцем, приговаривая:

– А ну-ка подойдите сюда, молодые люди!

После того, как все четверо, переставляя негнущиеся ноги, приблизились к машине, он представился:

– Генерал-майор Н., начальник Учебного центра самоходной артиллерии.

Мы по очереди доложились.

– Позвольте ваши увольнительные.

Их ни у кого, как и следовало ожидать, не оказалось.

– Ваши удостоверения личности.

Мы отдали. Генерал протянул их через плечо кому-то на заднем сиденье, не видному из-за широкой генеральской спины.

– Адъютант, запишите фамилии, звания, номер части и доложите завтра командиру полка.

Вспыхнул карманный фонарик, и адъютант склонился над планшеткой. Тут многоопытный хозяйственник, немного опомнившийся от испуга, обратился к генералу:

– Товарищ генерал-майор, разрешите доложить!

– Что у вас еще?

– Я отлучался из расположения части с разрешения своего непосредственного начальника – начпрода полка.

– Адъютант, отметьте это против фамилии товарища старшего лейтенанта, а утром, когда будете звонить в полк, проверьте.

– Слушаюсь, товарищ генерал!

– Вы свободны, молодые люди! А подвезти вас, к сожалению, не могу, – сказал генерал, возвращая нам офицерские удостоверения, и с деланым сокрушением развел руками.

«Виллис» быстро умчался, а мы, как пришибленные, молча побрели дальше. Об этом ночном «походе» конечно же будет сообщено командиру полка. И чем все это кончится? Наверняка грандиозным скандалом. Скорей бы наступало утро. Тяжелее всего мучиться в ожидании развязки. И все случилось из-за того,

что нестерпимо захотелось хоть на минуту увидеть Лиду. Кажется, я люблю ее. Но до этого никому нет ровно никакого дела, а служба, уважаемый товарищ техник-лейтенант, остается службой.

28 июня

Командир полка, встретив меня в обеденное время около офицерской столовой, то есть высоких узких столов из еловых жердей под открытым небом, подозвал меня к себе и устроил великолепный разнос в фельдфебельском духе, но это еще было не самое страшное. Узнав, что я комсомолец, он тут же приказал сдать ему билет.

Совершенно убитый, отсиживаюсь, забившись в палатку, кляня себя на все лады. Лида, Лидушка! Как мне стыдно перед целым светом и как хорошо, что тебе ничего об этом не будет известно.

Поволновавшись часа три, беру себя в руки (все равно, как это в «Теркине» говорится, «дальше фронта не пошлют», а мне именно туда и надо) и решаю терпеливо ожидать решения своей участи. Да, собственно, она решена еще до роковой ночной встречи на шоссе: я всего-навсего только кандидат в водители, так как до сих пор не включен ни в какой экипаж. А это значит, что в этом полку мне не быть. Вот только с ребятами из своего экипажа жаль расставаться: сдружились за полгода крепко; а сколько трудов тяжких положили на свою аварийную машину, сколько натерпелись из-за нее – и все впустую.

30 июня

Сегодня полку вручалось Гвардейское знамя. На ровном цветущем лугу выстроились черные шеренги экипажей и зеленые прямоугольники остальных подразделений. Самоходчикам было приказано надеть танкошлемы и черные огнезащитные костюмы, состоящие из брюк и курток.

Снова прочитан приказ о присвоении полку гвардейского звания. И вот, преклонив правое колено, солдаты и офицеры произносят – нам с Павлом отлично слышно – слова грозной гвардейской клятвы...

С тяжелым сердцем и одновременно с гордостью следим с товарищем за ходом захватывающего церемониала. Стоя в стороне, в тени опушки.

После торжественного марша, которым завершилось вручение Знамени, народ разошелся по своим палаткам. И мы отправились поздравлять свои бывшие экипажи и знакомых водителей и командиров. По пути в столовую Павел сказал, что подал уже второй рапорт об отчислении.

После обеда приехал Краснознаменный ансамбль красноармейской песни и пляски под управлением Александрова. Два полка, стоящих по соседству, с радостью устремились на живописную просторную поляну, посреди которой возвышалась деревянная сцена, сколоченная на скорую руку. Концерт прошел с большим успехом. Особенно понравился «Вася-Василек», да и не только мне: все широкое полукольцо зрителей так шумело и аплодировало, что песня была исполнена на бис. Большое впечатление произвела также оратория «Александр Матросов», только у актера, игравшего роль молодого героя, было пожилое усталое лицо и слишком длинные волосы. Лихой, зажигательный солдатский перепляс окончательно рассеял мои мрачные мысли, настроение приподнялось, и мы с Павлом не стали отказываться от приглашения товарищей – новых гвардейцев – разделить с ними их радость.

3 июля

Во второй половине дня закончил все формальности, предшествующие окончательному уходу. У палатки «поймал» меня гвардии лейтенант, комсорг полка, отвел в сторонку и, вынув из нагрудного кармана гимнастерки мой комсомольский билет, отдал его мне. Виновато и обрадованно трясу руку лейтенанта. А он, улыбаясь, негромко рассказывает: «Понимаешь, наш зенитчик (так между собой офицеры из экипажей называют майора Шишова) вспылил страшно, когда ему позвонили из Учебного центра насчет самовольщиков, а тут первый ты и подвернись под горячую руку. С билетом он, понятно, тогда перегнул, так что потом вызвал меня. Передал твою книжицу и потребовал наказать по комсомольской линии, но бюро полковое у нас еще не выбрано из-за теперешней суматохи предотъездной. И обсуждать тебя пока некому. Поэтому с твоей учетной карточкой все в порядке. А вот «увольняться» ты не умеешь. Учился бы, на начпрода глядя: он из воды сухим вышел. Так-то!» И мы дружески простились.

В Белоруссии взят город Борисов.

4 июля

Освобожден многострадальный Минск. Окруженные дивизии захватчиков мечутся среди белорусских труднопроходимых лесов и непролазных болот, несут огромные потери. Жестоко мстит врагу истерзанная, но не покоренная им героическая белорусская земля. Деморализованные фашистские вояки целыми подразделениями сдаются в плен. Пленных взято очень много.

Полк уходит на погрузку, а мы со Стахановым – в резервный полк.

7 июля

Четвертый день живем в резервном полку, в длинном заглубленном полубараке-полуземлянке с двухэтажными нарами. Ежедневно по несколько раз справляемся в штабе, не требуются ли в какой-нибудь полк водители и командиры, и, кроме того, на всякий случай сами ведем разведку в окрестностях.

Лиду вижу чаще, так как стоим совсем близко от девичьего городка, но настроение такое чемоданное, что встречи наши проходят почти официально, без лирики. Мне даже пришлось выслушать по этому поводу замечание от «старшины» (так прозвал Федор строгую, но справедливую Юлю).

Вчера освобожден город Ковель. Узнали мы об этом, когда ездили втроем с Федором и Павлом фотографироваться в Пушкино. С разрешения, конечно. Фотокарточки нужны, чтобы послать домой и обменяться друг с другом на память: а вдруг расстаться придется.

Федя накануне раздобыл где-то защитного цвета фуражку и очень гордился своим приобретением: уж очень эффектно выбивался слева из-под козырька, словно у донского казака, слегка волнистый, пышный золотистый чуб. Возвращались мы электричкой, стоя в тамбуре, одна дверь которого была открыта из-за неисправности. Федя, расположившись у самой двери, по обыкновению смешит нас, рассказывая разные завиральные истории, и поминутно высовывается наружу, подставляя лицо теплому ветру. На одном из закруглений пути, где электричка неслась, накренясь влево и не сбавляя скорости, Федина фуражка вдруг снялась с его головы, на мгновение зависла в воздухе, будто прощаясь со своим форсистым хозяином, и не успели мы ахнуть, как она круто взмыла вверх, к самой крыше вагона, а затем описала сложную кривую и исчезла под грохочущими колесами. У Федьки в этот момент был такой отчаянный вид, словно он собрался ринуться вслед за беглянкой, но он шагнул к стоп-крану. Павел перехватил его руку: «Не дури!» Федька только грустно

присвистнул, и лицо его приняло хорошо мне знакомое детски-обиженное выражение.

Вечером попадаю в наряд караульным начальником. Времени для размышления – пропасть. Скучно здесь: сиди у моря и жди погоды. За час до полуночи случайно узнаю о запросе, который поступил в наш резерв из какого-то тяжелого самоходно-артиллерийского полка, формирующегося по соседству. Там будто бы недостает механиков-водителей... Оставив за себя помощника, спешу в штабную землянку к дежурному по части и прошу направить меня в тот полк. Пока меня снимали с караула, в штабе приготовили пакет с личным делом. Зайдя за своими вещами (шинелью и вещмешком) в нашу землянку, я не застал на своем месте Павла с Федором и отправился в дорогу один. Спотыкаясь в темноте, бодро топаю в новый полк для «прохождения дальнейшей службы», как значится в выданной бумажке. До расположения полка добрался минут за двадцать. Обнаружить его было нетрудно: левее торной дороги, столь памятной мне, то ближе, то подальше вспыхивали на короткое время яркие огни фар, доносилось знакомое урчание дизелей и лязг гусениц; потом стали слышны громкие возбужденные голоса. В ночном придорожном леске кипела жизнь.

Скоро оказываюсь возле двух машин-фургонов с раскинутыми антеннами, затем обхожу «Виллис» со спящим на сиденье шофером и чуть в стороне, под молодыми елочками, замечаю группу офицеров. Они толпятся перед небольшим столом. То один, то другой торопливо уходят, вместо них появляются новые. Подхожу поближе. Прямо с еловой ветки свисает над столом колпачок переноски. Из-под него падает на стопку бумаг яркий белый круг. У сидящего за столом человека освещены руки с тонкими сильными пальцами и нижняя часть худощавого лица с резкими – от соседства света и тени – морщинами возле уголков волевых губ. Он выслушивает доклады, отдает приказания и распоряжения, подписывает какие-то документы, вызывает кого-то. По тону, каким разговаривают с ним, догадываюсь, что это и есть командир. Только через несколько минут, когда он, освободившись, подпер подбородок рукой и устало смежил веки, делаю три шага к столу и, попросив разрешения обратиться, докладываю о прибытии.

Взяв мое направление и документы, подполковник быстро просмотрел их, отметил что-то в записной книжке и назвал номер моей батареи и фамилию комбата: старший лейтенант Березовский. На пару секунд командир полка снова прикрыл глаза, потом крепко надавил на них пальцами и со сдерживаемым раздражением произнес:

– Что там у вас, в резервном полку, людей, что ли, нет? Или позаснули в штабе все? Еще вечером через офицера связи просил направить ко мне командира машины и двух механиков-водителей... – Он заглянул на ручные часы. – Сутки кончаются, а оттуда ни ответа ни привета. Вот вы, техник-лейтенант, первая ласточка.

И тут меня осенило. Радостно бросаю руку к правому, виску:

– Разрешите, товарищ подполковник, найти механика и командира!

Он взглянул на меня с удивлением:

– Знаю их хорошо. Воюют с сорок второго и в тылу отсиживаться не любят.

– Сколько времени вам понадобится?

– Часа два, – ляпнул наугад я и испугался, но было уже поздно...

– Действуйте!

– Есть! Виноват, слушаюсь!

Беру с места в карьер и мчусь обратно в резерв. Но в землянке, на верхних нарах, где обосновалась наша троица, по-прежнему пусто. Утерши пот и поразмыслив минуту-две, прихожу к выводу, что, скорее всего, друзья мои могут обретаться сейчас в Птицеграде – центре притяжения временных обитателей всех окрестных лесов. Рысью продвигаюсь по шоссе, рискуя из-за темноты потерять на булыжниках каблук, а то и подошву: мои вапнярские сапоги «марки б/у» давно грозят развалиться. К счастью, на полдороге меня догнал «Студебеккер». Водитель, увидев мои отчаянные жесты, сжалился и притормозил. На ходу цепляюсь за задний борт, подпрыгиваю и переваливаюсь в кузов, защищенный от пыли брезентом.

Получасовые поиски (Птицеград невелик) завершились успешно. Голубки совершали ночную прогулку вокруг хорошо известного мне водоема.

Обратный путь до резервного полка проделали бегом. Павел и Федор без задержек получили свои документы, и мы в том же темпе продолжали движение в свою новую часть. Чуть позже двух часов ночи, потные и запыленные, предстали мы перед командиром полка, который продолжал работать на прежнем месте. Рядом с ним склонился над столом еще один подполковник, с усами. Подполковник Федоров (так зовут нашего командира) с удовольствием посмотрел на нас и коротко похвалил: «Молодцы! Спасибо».

И мы поспешили в свои батареи. Небо на востоке уже начинало сереть.

Машины в полк прибыли только вчера утром, экипажи еще не

укомплектованы полностью (в моем, например, даже командира нет), а полк уже в очереди на погрузку.

Ночь, полная беготни и приготовлений, кончилась. Заметно рассвело, когда удалось наконец прилечь на новеньком, еще чистом брезенте, разостланном на земле, возле гусеницы самоходки.

Поднялся полк, едва солнце позолотило стволы деревьев. Машины до завтрака были выведены из лесу в низинку, что тянется почти параллельно булыжному шоссе. Полк выстроился, готовый к маршу на погрузку, фронтом к шоссе. На правом фланге красуется командирский ИС-1. На левом – бронетягач КВ-1С, потерявший в бою башню-голову.

Экипажи наводят порядок внутри и снаружи машин; помпотехи проверяют готовность техники к маршу; комбаты нервничают из-за нехватки людей в экипажах. Но пополнение прибывает. Явился и на нашу машину командир, представился: «Лейтенант Ефимов». Он бывший политрук, прошедший переподготовку при танковом училище. Познакомившись с экипажем, он забрался в башню и начал с того, что извлек из вещмешка две высокие стопки брошюр, аккуратно перевязанные шпагатом, уложив их в правой нише, около рации. Это было смешно, но никто из нас, конечно, не подал и вида. Уж не к лекциям ли готовиться вздумал товарищ во время марша или с докладом выступить во время атаки? Но молчу: сам скоро избавится от старых привычек.

На машине полный порядок. Теперь можно не спеша пройтись вдоль фронта боевых машин, посмотреть, нет ли своих. Есть! И много: тринадцать человек водителей – свежих выпускников нашего ЧТТУ, но все люди солидные, в отличие от нас, в возрасте, большинству из них явно за тридцать. Народ деловитый, серьезный. Что за люди?

Каким далеким кажется время, когда мы сами были выпускниками, и как много наших ребят погибло за какой-то год!

А Федька, плотно позавтракав, уже «засек» девчат – повара и двух санинструкторов, старательно смывающих заводскую смазку с новенькой походной кухни. Он сидит в небрежной позе на башне, весело скалит зубы, задирая девушек, и солнце золотит его непокрытую голову. За линией боевых машин стоят колесные и гусеничные машины других подразделении: штаба со взводом разведки, роты автоматчиков, РТО, взвода боепитания, санчасти и прочих. Кухня оказалась как раз позади Федькиной машины.

После раннего обеда неожиданный приказ: приготовиться к построению, с оружием. И через несколько минут – общее построение. Над нашими шеренгами – грозно смотрящие вперед

стволы самоходных орудий.

Подполковник Федоров рапортует представителю политотдела Центра формирования о построении личного состава для вручения Гвардейского знамени. Приезжего полковника я сразу узнал: он был и в том, старом полку 30 июня.

В глубокой тишине торжественно и выпукло звучат слова приказа о переименовании нашей части в 333-й гвардейский Краматорский тяжелый самоходно-артиллерийский полк. У всех на виду расчехляется новое Знамя. «К принятию гвардейской присяги!..» – и все, от командира полка до девушки-поварихи, в едином порыве опускаются на правое колено и, держа личное оружие на изготовку, звенящими или низкими от волнения голосами произносят простые, но пламенные слова суровой гвардейской клятвы. На глазах моих закипают слезы, сердце то замирает, то начинает вдруг колотиться в груди, во рту пересохло, а правая рука сама собой сжимает рукоять ТТ.

Вот в последний раз прокатился над низиной грозный гул голосов. Гвардии подполковник Федоров, склонив голову, целует край алого полотнища, затем поднимается с земли и берет под козырек, отдавая честь гвардейской святыне.

И перед неподвижно застывшим строем поплыло наше Знамя, струясь тяжелыми складками шелка, ало пылая под солнцем. Не вели мелодию звонкие трубы, не гремели литавры, не рявкали мужественные басы, и не пели вдохновенно и мягко волторны – все происходило перед нашими немыми шеренгами почти беззвучно, только раздавался приглушенный топот знаменного взвода, чеканящего шаг по кочковатому лугу, но каждый из нас видел и слышал то, что нужно было видеть и слышать.

Поужинали необычно рано, и сразу был объявлен отбой. На вечерней поверке командиры подразделений строжайше запретили любые отлучки из расположения полка, хотя никто никуда и не собирался. Ведь в «самоволку» тоже с умом хаживать надо, с разбором – вспомнились шутливые наставления комсорга старого полка.

9 июля

Не успели, кажется, и разоспаться – подъем! 2.00 на светящемся циферблате танковых часов. В 3.00 колонна двинулась к Загорску, разбудив, понятное дело, весь Птицеград, хотя и повернула, не доехав до него целого километра, влево, через поля и овраги, напрямик к погрузочным платформам, щадя старую булыжную дорогу.

Лида пришла проводить, отмерив четыре километра пешком. Самоходки наши еще стояли в поле, недалеко от железнодорожных путей, на глубокой колее, выбитой гусеницами среди кустарника. Экипажи, скучая, ждали, когда подадут платформы. Отойдя подальше от машин, останавливаемся, и Лида, рдея от смущения, неловко сует мне в руку красиво окаймленный носовой платочек, сложенный треугольником. «Это к разлуке... В нем карточка, – шепчет она, – не потеряй». Подарок меня тронул. Взглянув на маленькую фотографию, бережно прячу ее вместе с платком в нагрудный карман. Жадно, во все глаза всматриваюсь в лицо Лиды, смотрю не насмотрюсь, ловлю ее взгляд. Какая-то тревожная нежность волной хлынула к моему сердцу. Осторожно обняв девушку, привлекаю ее к себе. Лицо ее зарозовелось, и она потупилась. Почему-то мне очень захотелось поцеловать Лиду, но она, словно угадав мои мысли, испуганно отстранилась и даже полуприсела, вырываясь, так что потеряла равновесие и, чтобы не упасть, оперлась правой рукой о землю. Однако левая рука ее осталась в моей, и я помог девушке вернуться в вертикальное положение. Правая ладонь ее сделалась совершенно черной, так как угодила в гудрон, растаявший на припеке. Будто ничего и не произошло, посмеиваясь, мы несколько минут дружно оттираем узкую ладошку ветошью, принесенной мною с машины, и в это время с головы колонны доносится: «По местам! Заводи!» Пожав в последний раз Лиде руку, так и не очистившуюся добела, торопливо желаю сдать на «отлично» оставшийся экзамен и бегу к своей машине. Влезаю в люк, машу рукой девушке, которая уже отошла в сторону, чтобы можно было видеть над кустами башню нашей самоходки, и быстро плюхаюсь на свое сиденье. Энергично работая ручкой «альвейера», запоздало думаю: «Эх, газойлем не сообразил смочить концы – сразу бы отмыли!» Колонна двинулась на погрузку.

10 июля

После обычных долгих маневров по Окружной в 5.00 наш эшелон выбрался на Октябрьскую железную дорогу и неторопливо покатил на северо-запад. Подвинувшись поближе к открытому прямоугольному окошечку, достаю Лидину фотокарточку и тайком долго рассматриваю ее. Наверное, снималась на какой-то документ. На лице строго официальное выражение, резко выделяются подкрашенные зачем-то губы, взгляд напряженно устремлен в объектив... Есть же на свете

халтурщики от фотографии, умеющие превратить человека чуть ли не в мумию! На самом деле Лида разве такая? Среднего роста, стройная, крепкая, с большими серьезными и выразительными глазами на матово-белом лице; белизна чистого лба оттеняется черными, словно ночь, волосами. Как-то раз Федор в шутку поинтересовался, откуда у северянки (она из Родниковского района Ивановской области) взялись такие цыганские косы. Какой дурак сказал, что она некрасива? Разве только в этом дело?

В 19.00 прибыли в Калинин. Платформа с моей самоходкой остановилась как раз под перекидным пешеходным мостом через станционные пути. Воспользовавшись этим обстоятельством, отправляю три треугольника нашим калининцам. От эшелона отходить не рискнул и попросил прохожую опустить письма по пути в первый попавшийся почтовый ящик. Молодая женщина с удивлением посмотрела на меня, но письма все-таки взяла.

Лихославль. И дальше уже не едем, а ползем.

12 июля

За станцией Бологое неожиданно повернули на запад (не уследил, на какой станции) по Калининской железной дороге. Ехали быстро навстречу ветру, и от искр, обильно сыпавшихся из паровозной трубы, вспыхнул брезент на моей машине, которая стояла на первой за паровозом платформе. Мы заметили пожар из дверей своей теплушки, когда состав выгнулся дугой на закруглении пути, и пока по крышам двух вагонов, а потом по двадцати платформам, перелезая через самоходки, добрались наконец до своей машины, большой брезент сгорел наполовину, а малый – весь, без остатка. Мы с членом моего экипажа Зиминым погасили пламя, хорошенько смочили брезент водою из тендера и затем переселились жить на платформу, в «шалаш» под кормой самоходки, поставили около себя два ведра с водой.

Эшелон держит путь через Старую Руссу на станцию Дно, как говорят железнодорожники. Ночью сколько-то простояли в Валдае (Ленинградская область).

13 июля

В 8.00 прибыли в Старую Руссу и три с половиной часа ждали отправки. Только к 17.00 оказались на станции Дно, откуда неожиданно взяли курс на юг. Странные какие-то маневры... Куда же все-таки нас везут? Включаю рацию послушать вечернюю

сводку и узнаю, что сегодня освобожден Вильнюс. Ну что ж, очень хорошо: всего из двух столиц союзных республик осталось вышибить фрицев. И все же это просто наваждение какое-то: когда ты в резерве или в дороге, другие освобождают не обычные, рядовые города, а столицы и совершают подвиги...

14 июля

В 5.00 начали разгрузку на глухой станции Чихачево в Калининской области. Пока разгружались и спешно готовились к маршу, от батареи к батарее ходили замполит полка гвардии майор Каневский, парторг полка и штабной писарь с мешком. Маленький, ужасно некрасивый Каневский запускал в мешок руку по самое плечо, извлекал горсть нагрудных гвардейских знаков, отсчитывал нужное количество по строевой записке, и комбаты тут же раздавали их без торжественных речей, так как надо было успеть вручить знаки всему личному составу до начала марша, который ожидался с минуты на минуту.

В 10.30 мы уже прибыли в район сосредоточения. Без единого отставания. После проверки матчасти торопливо пообедали, обжигаясь, и двинулись на выжидательные. Что это был за марш! Возможно, так требовалось, чтобы дезориентировать противника, но механикам оставалось только ругаться на чем свет стоит. Проблуждали по глинистым совершенно разбитым проселкам, колеи которых доверху наполнены дождевой водой, и по болотам до самой темноты; проезжали через безвестные бедные деревушки, провожаемые восторженными ватажками голоштанных мальчишек. Особенно помучились на замысловато виляющих крутых спусках и подъемах в одной деревне, что перекинулась с берега на берег большого оврага. Надсадно ревут двигатели в заболоченных низинах. Небо хмурится все больше, надвигается гроза. Вскоре начался сильный дождь, колонна боевых машин еще не успела переползти широкий мокрый, подозрительный луг. Помня прошлогоднее трехдневное сидение под Багвою на Украине, выбираю ориентиром соломенную мохнатую крышу, торчащую над буфом по ту сторону дола, и, не притрагиваясь к рычагам, на ровном газу медленно веду машину. Несколько наших ИСУ все-таки увязли. И тут разразилась страшная гроза, крупный частый дождь перешел в ливень, видимость пропала. Машины бесцельно, точно слепые котята, рыскали в густой тьме, рассекаемой то ближе, то вдали голубоватыми стрелами молний. Комбат наш Березовский (он облюбовал мою машину) весь изнервничался, начал дергаться, и

мне пришлось его успокаивать. На свою голову я проявил инициативу в розыске машин нашей батареи, которые разбрелись кто в лес, кто по дрова, и комбат, кажется, готов был гонять мою несчастную самоходку до самого утра.

15 июля

Но в час ночи, устав до полного изнеможения при вытаскивании застрявших самоходок, я сердито заявил ему, что сажать свою машину не намерен, что надо хоть ее приберечь, чтобы завтра было чем дергать остальные, и посоветовал срочно передать по рации приказ на все машины батареи: стоять на месте до света. Тем более что ночи пока еще коротки.

Когда стало достаточно светло, выяснилось, что, кроме засевших, в полку имеются даже аварийные машины. Что ж дальше-то будет?

Утром Совинформбюро повторило сообщение об освобождении Пинска.

А 326-й гвардейский, сгружавшийся следом за нами, прошел прямо по большаку мимо наших облепленных грязью самоходок, стоящих вкривь и вкось вдоль обочины. Одна за другой проносятся мимо длинноствольные боевые машины, звонко цокая гусеницами по булыжнику и высекая из камня искры, взревывая, поравнявшись с моим лючком и обдавая привычным запахом выхлопных газов. Чистенькие (и, наверное, выспавшиеся) командиры 122-миллиметровых ИСУ насмешливо, как мне показалось после этой бестолковой и бессонной, кошмарной ночи, поглядывали в нашу сторону, стоя в своих люках.

Весь этот день провели в движении, в выволакивании из болот «бегемотов». Опять месили мокрые, скользкие проселки, снова блуждали, нащупывая верный путь. Только под вечер все отставшие машины были собраны наконец в одну колонну, после чего совершили форсированный марш, догоняя полк.

16 июля

В самый разгар марша, в 6.00, когда уже была пройдена почти половина пути и машины двигались по вымощенной бревнами фронтовой дороге, сильно кренясь при этом вправо, у меня вдруг заглох двигатель. Пробую несколько раз завести – он ни гугу, даже не фыркнул. Проверяю систему питания – все в порядке. Почему-то мне пришло в голову, что сбился угол

опережения подачи топлива в цилиндры. Покопался в двигателе, но опломбированный распределительный диск, до которого я добрался в конце концов, охладил мое рвение: регулировка тут заводская и нам почти незнакома. Закрываю моторный люк и сажусь на броню в унылом раздумье: не успел приехать на фронт – и нате вам!

Командир по моей просьбе начал вызывать ремонтников, а мы пока слушаем песню нашего заряжающего Исхакова. Он обладатель чудесного тенора, но, к сожалению, поет только на родном узбекском языке, хотя по-русски говорит чисто, с едва заметным акцентом. Очень любит, если выпадет свободная минута, рассказывать нам о доме, о семье. Он собирается угостить нас настоящим пловом, для приготовления которого не хватает, по его словам, сущего пустяка – барашка. Кроме барашка, нужна еще молодая свежая морковь, зеленый лук и еще что-то. Самое главное – несколько пакетов рисового концентрата из нашего бортпайка. Заряжающий упросил командира не пускать его в расход и с нетерпением выжидает удобного часа, чтобы показать свое искусство в приготовлении национального блюда...

Итак, третий мой экипаж. Заношу в свой блокнот по привычке:

командир машины – гвардии старший лейтенант Ефимов;
наводчик – гвардии старшина Шмарин Роман Демидович;
заряжающий – гвардии старший сержант Исхаков Мирсултан;
замковый – гвардии сержант Зимин Михаил.

В прошлом году у нас с Петром в экипаже были одни рядовые. И вот с такими ребятами приходится «загорать»! Вслушиваюсь в красивый голос Мирсултана, осматриваюсь: место наше голое, неуютное – приметное. Где-то недалеко должна быть река Великая. Слева, километрах в двух, невидный за частыми молодыми порослями полевой аэродром. С него то и дело круто взмывают вверх истребители, дают прямо в небо контрольные короткие очереди из своих пулеметов и пушек и затем ложатся на боевой курс.

Во второй половине дня проезжала мимо нас полковая заправочная машина, и мы наполнили доверху оба левых бака. Выгоняю «альвейером» воздух из топливопроводов, нажимаю с трепетом в душе на кнопку стартера – двигатель завелся с полуоборота. Вот тебе и «угол»! Все дело, оказывается, было в воздухе, попавшем в систему питания из совсем пустого левого переднего бака. Наверное, сказался еще и сильный правый крен машины. И надо было мне просто-напросто перекрыть передний и левый вентили на кране-тройнике под моим сиденьем и включить правый топливный бак – тогда подобного конфуза не случилось

бы. Век живи – век учись!

Сегодня взят Гродно в Западной Белоруссии, примерно в пятнадцати километрах от польской границы.

17 июля

Стоим на выжидательных позициях, в нескольких километрах от реки Великой, южнее города Остров. Скоро должно начаться большое наступление. Будем прорывать мощную линию немецкой обороны, под названием «Пантера», созданную противником по левому берегу реки. Нашему полку, по всей видимости, предстоит форсировать эту водную преграду с боем. Великая как будто не очень широка здесь, но зато достаточна глубока и имеет вязкое дно, неудобное для переправы вброд.

Вчера была произведена рекогносцировка, которая прошла без особых приключений. Долго изучали механики и командиры подступы к реке. Наш, правый, берег более пологий, немецкий – крутой, с холмами, полукольцом рассыпавшимися поодаль. На скатах высот и высоток, и между ними, и над рекой даже невооруженный глаз при внимательном наблюдении замечает тщательно замаскированные вражеские укрепления, которые, надо думать, при теперешней драп-стратегии гитлеровцев готовились заранее со всей немецкой предусмотрительностью и совершенствовались не раз…

При малейшем движении или подозрительном шуме на нашем берегу фашистская артиллерия и минометы открывают сильный огонь. По соседству с нашим полком все рощицы, овраги и овражки, любая мало-мальски подходящая выемка забиты войсками: пехотой, «эрэсами» (реактивными системами), танками (посмотрел вблизи на усовершенствованный средний Т-34-85, с более просторной башней и длинной 85-миллиметровой пушкой) и самоходками, начиная от маленьких СУ-76, шутливо называемых «клизмами», кончая «зверобоями», то есть тяжелыми ИСУ-152.

Ползая по прибрежным кустам во время рекогносцировки, мы обнаружили остатки старого деревянного моста, сожженного, должно быть, еще при отступлении в 1941-м. Уцелели от моста только четыре параллельных ряда свай. Толстые бревна забиты в дно часто, над водой торчат на разной высоте их обгорелые концы. Механики и помпотехи задумались, нельзя ли использовать для переправы то, что осталось от бывшего моста. Идея требовала проверки. С наступлением полной темноты были тщательно измерены расстояния между сваями в различных

комбинациях и установлено, что ИСУ может стать гусеницами на два определенных ряда. В ту же ночь под «шумок» перестрелки между берегами и под рев газующих изо всех сил танка-тягача и нескольких гусеничных тракторов, которым было приказано курсировать по замысловатым маршрутам вдоль берега, охотники из экипажей и из роты автоматчиков, забрав с машин двуручные пилы, тихо залезли в воду и начали осторожно подпиливать черные концы свай, подравнивая их по высоте и оставляя на своих местах. Спиливать их нельзя: иначе днем немцы заметят и предпримут все меры, чтобы сорвать готовящуюся переправу.

17 июля

По радио кто-то поймал сообщение о позорном «параде» фашистских вояк, крепко побитых в Белоруссии этим летом. 57 тысяч гитлеровских солдат и офицеров, в том числе и генералы, продефилировали под конвоем по центральным улицам Москвы при огромном стечении народа. Давняя бредовая мечта бесноватого фюрера наконец осуществилась... с помощью советского солдата.

18 июля

Всю ночь продолжаем скрытую работу на реке. К утру все готово. Потери ни одной.

19 июля

Вечером получили приказ на наступление. Перед рассветом на немецкий берег переправилось, укрываясь за теми же сваями, отделение автоматчиков с помпотехом батареи Анатолием Горшковым. Бойцы бесшумно выползли по береговому откосу наверх и заняли удобные позиции, чтобы прикрыть в случае надобности гвардии техника-лейтенанта. Вскоре началась наша артподготовка; особенно сильно гремело на севере, должно быть под Островом. 3-й Прибалтийский перешел в наступление, и наша 1-я Ударная армия, которой мы приданы, впереди.

Как всегда, в минуты ожидания атаки время течет страшно медленно, но вот в километре выше намеченной переправы во всю мощь загудели тягач и тракторы, спрятанные в складках местности. Тот берег тотчас отозвался бешеным огнем.

А у нас здесь почти тихо. Настал наш черед. Наверное, Горшков сидит уже на корточках у самой воды, точно между двух сухих береговых свай, накрывшись плащ-палаткой, и держит наготове перед грудью свой трехцветный трофейный фонарик – предмет нашей всеобщей зависти. Что же он медлит? Скорей бы уж! И вот засветилась на черном фоне чужого берега маленькая красная точечка. Пора! Самоходки головной батареи поочередно заводят двигатели и на малом газу, медленно, осторожно спускаются к реке, въезжают на сваи и черепашьим шагом переползают по ним на тот берег. Горшков, весь подавшись вперед, неотрывно следит за гусеницами каждой машины, вовремя кивая механику фонариком влево или вправо. Уже пять самоходок благополучно переправились, и в моих наушниках раздается: «Заводи!» Напряженно всматриваюсь в длинные ряды свай над водой, более светлой там, где на нее не падает тень от берега. Хоть бы не сверзиться: перегородишь дорогу всему полку. Пожелай мне, Лидушка, ни пуха... Красный глазок на том берегу ободряюще мигает. Поехали! Над рекою перекрещиваются в звездном небе трассы, слева и справа бредут или плывут пехотинцы, держа оружие над головой. Вижу их краем глаза, но отвлекаться нельзя: надо все время смотреть на цепочку свай и ориентироваться на красную точку. Наконец Рубикон перейден.

Еще заканчивала переправу последняя – четвертая – батарея, как взлетела сигнальная ракета. Тотчас густо взревели моторы, и машины вылезли из-под берега на широкий, белесый от росы луг. Разворачиваясь на ходу в боевой порядок, они устремляются к округлым, с мягкими очертаниями холмам, молчаливым и таким мирным издали. Но уже засверкали на их серых склонах частые вспышки выстрелов. Теперь и мы видим цели. Едва развернулась наша вторая батарея, в первой уже оказалась подбитой одна машина, попавшая под перекрестный огонь. Пока фашисты с остервенением расстреливали ее, почти два десятка самоходок вышли на прямую наводку и начали поражать огневые точки. Артиллерийская дуэль разгоралась. Наши машины маневрируют в рассветном сумраке, стреляя с ходу. Вот недалеко от нас крутнулась на месте и остановилась еще одна самоходка. Наверное, гусеница. Это ничего.

Спустя минуты три сзади зашипело, зафыркало, низко над нами в бледном утреннем небе стремительно пронеслись огненные хвостатые птицы. Склоны холмов озарились яростными всплесками разрывов, задрожала земля, полетели во все стороны искры, загорелись кусты и даже трава. Это ударили с нашего берега, помогая нам, «катюши». А самоходки уже под холмами, у самых немецких укреплений, и бьют в упор по орудийным

окопам, по дотам и блиндажам. Высоко взлетают вверх земля, обломки бревен, тела врагов. Скоро все было кончено. Атака длилась не более получаса, а готовилась двое с половиной суток.

Девятнадцать тяжелых машин перевалили через высоты. За холмами, которые с восходом солнца превратились из серых в зеленые, перестрелки уже не слыхать. Захваченные врасплох неожиданной и дружной атакой самоходного полка, подавленные огнем его 152-миллиметровых орудий, фашисты бежали с позиции, побросав все, что у них уцелело. Позади кое-где раздавались трескотня автоматов и негромкие взрывы гранат. Предоставив пехоте выкорчевывать то, что, не успев удрать, попряталось под землю, мы не задерживаясь поспешили по пятам отходящего противника.

Останавливаемся только поздним вечером, чтобы подождать свою пехоту, которая не замедлила явиться, да еще и с подарками – трофейным шнапсом и шоколадом. Солдаты очень довольны, что ползать под огнем им почти не понадобилось и потери в ротах невелики. Как же было не выпить за успешное взаимодействие и еще за то, чтоб почаще были такие удачи.

Полк наш потерял всего одну машину. Ее буквально исковыряли снарядами, а она все-таки не загорелась. Механик-водитель ее, старшина, единственный в полку из водителей-кадровиков, к сожалению, погиб. Такие люди становятся в экипажах чуть ли не музейной редкостью...

20 июля

1-й Украинский фронт освободил Раву-Русскую и Владимир-Волынский. Мы тоже наступаем, не давая противнику особенно отрываться. Уже устали догонять, и очень хочется спать.

21 июля

В 2.30 долгожданная команда: «Привал!» На целых три часа! Но сперва надо приготовиться к бою. А мне еще и ремонт предстоит. В результате моя машина, получившая пробоину в трансмиссионном отделении, слева, смогла выйти из Иловцы лишь в 16.00. К полку мы присоединились в 21.30: он успел продвинуться далеко. Радуюсь в душе: все же догнал своих!

Вчера еще у нас было в строю 19 машин, а здесь стало известно, что их поубавилось.

Выспаться не удалось, потому что более полутора часов

провозились, набивая солидолом подшипники опорных катков. Марши почти непрерывные, и бронеколпаки некоторых подшипников очень горячи на ощупь. Тут уж не до сна, если отстать не хочешь.

23 июля

В два часа снова двинулись в преследование. Натощак трудновато работать рычагами. Кухни своей не видим уже двое суток. В двух с половиной километрах от границы Латвийской ССР ели с голоду мед, запивая водой. Пасечники, несмотря на все свое радушие, ничего больше не могли предложить нам, так как при немецком управителе сами редко видели хлеб.

В полдень пересекли границу Калининской области и Латвии. Везде – до и после этой незримой черты – население встречает нас радостно. Какие чувства при этом испытываешь – высказать трудно.

Сегодня на марше потеряли всех трех наших автоматчиков (при каждой машине теперь неотлучно три автоматчика, с которыми живем душа в душу, как один большой экипаж). Слева, из-за опушки леса, неожиданно выскочил Ме-110, спикировал и дал длиннейшую очередь из пушек и пулеметов по колонне. Машинам он вреда никакого не причинил, а вот нашим автоматчикам досталось. Двое из них, раненые, успели на ходу спрыгнуть и залечь в кювете, а тот, что дремал на броне позади башни, так и не открыл глаз: уснул вечным сном. Бодрствуй, солдат, пока еще летает в небе смерть!

Характерная особенность немецкой тактики: когда фрицу приходится туго, у него начинает усердствовать авиация, в особенности штурмовая.

23 июля

С удовлетворением прочитали во фронтовой газете приказ т. Сталина от 21 июля, в котором упоминается и наш полк. В тот день, в 22.00, Москва салютовала войскам, освободившим город Остров, двадцатью залпами из 224 орудий. Нашему фронту это уже второй салют с начала наступления.

Первый был дан за форсирование реки Великая и прорыв линии «Пантера».

Под вечер вновь вступаем в бой. Немцы на бегу огрызаются, и чем ближе к ночи, тем сильнее. Видимо, считают, что

многокилометровым дневным «драпом» вполне заслужили себе ночной отдых. Как не так! Гоним их до самой полуночи и останавливаемся только тогда, когда убеждаемся, что связь с пехотой окончательно потеряна. Вокруг не видать ни зги, но мы, помня утренний марш, все равно загоняем машины в густой молодой сосняк и засыпаем без опаски. Хорошо, когда свои автоматчики рядом! Памятник бы тому военному, что придумал для наших «бронедур» такой эскорт.

24 июля

Коротка ночь танкиста. Часов с трех не то ночи, не то полуутра глухо заворчали прогреваемые моторы. Продвигаемся вперед до полудня со всеми необходимыми предосторожностями. Во время этого выяснилось, что наш командир машины – трус. Дорога, по правде, не из приятных: совершенно разбитая, разъезженная колея, с торчащими вкривь и вкось из черной торфяной грязи полусгнившими, измочаленными корнями и бревнами; искалеченные бомбежками и артогнем рощицы; полусгоревшие или сожженные дотла деревеньки, еще прикрытые курящимся сизым дымом пожарищ; гарь и чад не в силах перебить тяжелых запахов тлена.

По-за рощами, за холмами, слева и справа, иногда высоко поднимаются вертикальные густо-черные столбы дыма, так называемые «свечи». Безветренно. Заметив такой ориентир, Ефимов с трагическим придыханием всякий раз восклицает: «Т-танки горят! Горят т-танки!» Мне это давно уж не в диковинку. Ну горят. Да не одни же наши.

Все помалкиваем, соблюдая субординацию и понимая, что человеку впервой всегда бывает жутковато, и даже чуть-чуть жалеем бывшего политрука. Но когда он при виде каждого нового столба дыма (а они, как на грех, стали попадаться все чаще) начал истерически вскрикивать, терпение мое лопнуло. Прошу ребят снять на минуту шлемофоны и негромко выкладываю своему командиру то, что о нем думаю, а в заключение советую отключиться хотя бы от ТПУ. Он затих, поеживаясь и вздрагивая, а через несколько минут попросил остановить машину и побежал за придорожный куст. Так пришлось задерживаться несколько раз. У него открылось что-то похожее на медвежью болезнь... Мыслимо ли так трястись! Даже неловко смотреть на человека. А может быть, причина расстройства – полусырая курица и мед, съеденные без хлеба на коротком привале и запитые холодной водой? Кухни своей при таких темпах

продвижения мы почти не видим.

Перед совхозом «Кочаново» сошлись неожиданно с немецкими танками, и начался встречный бой. Обстановка была очень неясной, и сперва пришлось нам трудно. Контратакованные с обоих флангов, машины наши сползлись (иначе не назовешь движение 50-тонных громадин по незнакомой и полной коварств местности) на каком-то склоне, густо заросшем кустарниками. Болванки то и дело свистели над нашими башнями, но не причиняли вреда, так как посылались фашистами без прицела. Немного погодя начали с противным кваканьем лопаться немецкие мины.

Командир полка, перебегая от батареи к батарее, лично указывал комбатам и даже отдельным командирам машин позиции, удобные для ведения огня. Возле нашей самоходки, не видя командира, подполковник задержался, нагнулся к моему лючку и прокричал: «Где командир? Командира машины ко мне!»

Дрожащий Ефимов выполз из правого люка и остановился перед командиром полка, втянув голову в плечи. Федоров что-то разъяснил ему, энергично взмахивая правой рукой с зажатым в ней пистолетом, и побежал дальше, сопровождаемый начальником штаба, усатым гвардии полковником Уткиным, и автоматчиком. А бледный Ефимов на подкашивающихся ногах приблизился вплотную к лобовой броне, лег на нее грудью и протянул к самому отверстию смотрового люка ладонь с растопыренными трясущимися пальцами, подавая сигнал «задний ход». Я попятил машину. Раза два наш командир с исказившимся лицом проворно и низко приседал, заслыша свист пролетающей болванки, и тогда из моего лючка можно было видеть только верхнюю часть его танкошлема. Потом справа впереди машины что-то с треском рвануло, должно быть небольшой снаряд. Ефимов метнулся влево, передо мной мелькнули его ноги и исчезли за левой гусеницей. Наводчик наш тотчас высунулся из люка, чтобы взглянуть, что со старшим лейтенантом, и, если нужно, прийти ему на помощь, но того и след простыл.

А тяжелые СУ, прикрываясь кустарником, повели огонь с места, часто меняя позиции, и немецкие танки, оставляя то там, то здесь «факелы», отошли сначала к совхозу, а затем, когда стала наседать наша пехота, поддержанная залпами «катюш», попятились и дальше. Во второй половине дня, после тяжелого боя, пехота вместе с самоходками ворвалась на улицы совхоза. Дело было сделано.

Возле полуповаленной изгороди из жердей при въезде в околицу мы увидели несколько странных на вид снарядов: металлическая труба более метра длиной заканчивалась

грушевидным жестяным набалдашником на верхнем конце. Лейтенант-пехотинец объявил нам, что это так называемый «фаустпатрон» – новое противотанковое средство – и что немецкие солдаты пока не очень-то охотно его используют, так как эта штука требует аккуратного обращения с собой. Труба, в которой помещен вышибной заряд, выталкивающий грушевидную мину, может взорваться под мышкой у «фаустника», если заднее отверстие трубы засорено землей или окажется прикрытым складками маскхалата или накидки. Лейтенант взял в руки один «фаустпатрон» и обезглавил его. У вынутой из трубы мины тотчас расправился «хвост» – эластичный стабилизатор, с помощью которого снаряд соединяется с трубой. После этого офицер поднял прицельную планку, прижатую к трубе, и показал нам красную кнопку со стрелкой-указателем и надписью: «Фойер» («огонь»). Прицеливание производится через прорезь на планке и верхний конец мины-груши до совмещения с целью. Остается только сдвинуть красную кнопку вперед, по стрелке. Устройство до смешного простое, а броню танка пробивает легко на расстоянии до 70 метров. «Фауст» («кулак») можно применять и против других целей.

В селе царствует нестерпимая тишина. Жителей совсем не видать: либо попрятались, либо угнаны немцами. Большая часть самоходок ушла на западную окраину, за которую только что оттеснен противник. Там, за огородами, старательно окапывается наша малочисленная пехота.

В центре населенного пункта – пруд, возле обрывистого берега которого осталась в одиночестве наша машина, так как во всех трех топливных баках горючего на дне, а у экипажа нет командира. По другую сторону пруда замаскировалась одна из наших батарей – подвижный резерв. Так распорядился командир полка. Оттуда пришли к нам перекурить двое ребят.

От них мы узнали, что наш Ефимов жив. Он на приличной скорости, ломясь сквозь кустарник, пронесся рядом с их самоходкой, затем бросился на землю и истошно завопил: «Санитары!» Его действительно ранило... в пятку. Рана, достойная труса. Это произошло в 14 часов.

Немцы за селом снова зашевелились: видимо, что-то затевают. Между домишек и сараев все чаще рвутся снаряды и мины. Примчался с недалекой передовой офицер связи на «Виллисе» и увел за собой четыре машины из пяти – отражать контратаку немецких танков. Мы тоже зарядили на всякий случай орудие и приготовились к заводке на последних каплях.

Когда уходила на околицу резервная батарея, становлюсь невольным свидетелем последнего «подвига» Зямы Кугеля:

выведя свою машину кормой вперед из-под старых толстых тополей, механик, не вытащив до конца пушечный ствол, резко газанул, разворачивая самоходку на месте. При этом он так двинул пушкой по дереву, что вывел из строя механизм поворота орудия (выкрошилось несколько зубьев в секторе). Словом, до боя наш Зяма опять так и не доехал... Кугель – хороший, технически грамотный водитель, человек весьма положительный, но вот беда: как только дело доходит до сильной опасности – с Зяминой машиной непременно что-нибудь стрясется.

А за совхозом, северо-западнее его, идет жаркий бой. Дробную, частую трескотню автоматов и пулеметов то и дело заглушают гулкие, басовитые выстрелы ИСУ-152. Однако фашисты, сколько ни лезли из кожи вон, так и не смогли сдвинуть нас с места.

К вечеру за селом поуспокоились, и тогда мы решились наконец сварить что-нибудь. С самого утра было не до еды. Под берегом пруда развели костерок. Огня не видно даже вблизи: ребята умело замаскировали его с помощью навеса из зеленых веток. После позднего ужина всех сильно потянуло в сон, и мы улеглись в машине ровно в полночь. Один бодрствует, трое спят.

25 июля

В три часа привезли масло. С трудом открываю глаза: опять почти не спал. Пока горючее еще не доставлено, тщательно промываю масляный и воздухофильтры и сменяю масло во всей системе. К концу работы подкатывает «Студебеккер» из РТО, и с него сбрасывают три полные двухсотлитровые железные бочки – полную заправку. Мы, все четверо, не мешкая ни минуты, принялись заливать газойль в баки.

Уже порядком развиднелось, когда на ухабистой дороге появился, подпрыгивая, как разыгравшийся козлик, зеленый «Виллис». Не к нам ли? Маленькая юркая машинка тормознула под самым правым бортом самоходки, и я разглядел на переднем сиденье рядом с шофером какого-то незнакомого лейтенанта. Позади сидели замполит гвардии майор Каневский с бледноватым Ефимовым. Бывший командир наш, едва шофер заглушил мотор, томным, страдальческим голосом попросил подать ему из ниши его полевую сумку и связки брошюр, попрощался и пообещал прислать письмо, но никто из нас не проронил в ответ ни слова, сделав вид, что углублен в работу. Майор вылез из «Виллиса» и, кивнув головой на выскочившего вслед за ним лейтенанта, просто сказал:

– Вот вам, товарищи, новый командир машины, гвардии лейтенант Филатов. Знакомьтесь и поспешите на передовую. Там жарковато.

И «Виллис», подняв за собой облачко пыли, исчез за поворотом деревенской улицы.

Гвардии лейтенант, невысокий, но плотно сбитый, проводил взглядом начальство, весело поздоровался с экипажем и спросил у меня, сколько потребуется еще времени на заправку. Нам оставалось перелить ведрами в бак последнюю бочку, поэтому докладываю, что машина к бою готова.

– Даю десять минут, – покосившись на начатую бочку, сказал командир и, ловко забравшись в башню, стал «смотреть приборы», как поется в песне, и проверять работу рации.

Едва была завинчена последняя броневая пробка, последовала команда: «Заводи! Вперед!»

Хороший, кажется, у нас новый командир: деловит, весел и прост.

В 14.00 с комбатом в башне (он пожелал руководить действиями батареи из нашей машины) неосторожно выдвинулись за окраину села и очутились посреди какой-то выжженной поляны, перед угрожающе подступившим к ней с трех сторон густым черным ельником. Постояли, присматриваясь к опушкам, минуты две. И вдруг поднялся настоящий содом: так растявкались немецкие минометы (пушки, на наше счастье, сквозь ельник почему-то не били), что в несколько минут всю поляну затянуло дымом от рвущихся мин, а одна из них оглушительно лопнула прямо на лобовой броне нашей самоходки. Маленький осколочек, каким-то чудом ухитрившийся пролететь сквозь щель в маске, оцарапал руку Березовского. Комбат приказал отойти назад, поближе к остальным машинам, а минут через десять, докладывая по требованию командира полка про обстановку на нашем участке, дважды подчеркнул, что ранен, хотя даже перевязки ему не понадобилось.

Обстановка обыкновенная: позади – совхоз, впереди – лес с противником, посредине – «ничья» поляна, где лежат вперемежку убитые солдаты, наши и чужие. Наших больше, и на одном из них, упавшем на левый бок, лицом к ельнику, а спиной к нам, горит одежда; легкий ветерок то гасит, то снова раздувает пламя. До убитого всего-то десятка четыре метров, и в смотровую щель хорошо видна выцветшая на спине и плечах гимнастерка и спирали обмоток на ногах. Вдоль околицы, немного позади, – наши машины; возле самой изгороди полудугой тянутся неглубокие окопы с пехотой. Справа от моей самоходки, метрах в ста, стоит перед окопом машина из другой батареи и часто

стреляет вправо по лесу. Комбату захотелось узнать, кто там так развоевался и что в своем секторе видит.

– Кто установит с ним связь? – вопрошает старший лейтенант.

Ребята переглядываются. Минометный обстрел продолжается, хотя и не так интенсивно. Вполне возможно связаться по рации или голосом, подъехав вплотную к той машине.

– Разрешите мне! – обращаюсь к Березовскому. Какой-то бес неудержимо подталкивает меня на лихачество.

Комбат с удивлением смотрит в мою сторону. Интересно, выпустит ли он под огонь механика-водителя? Весь подобравшись, дожидаюсь ответа.

– Действуйте, – нимало не колеблясь, разрешает комбат.

Выскальзываю через квадратный люк на моторную броню, затем сползаю по наклонной корме на землю и, переждав очередную серию разрывов, стремглав мчусь к беспокойной самоходке, перепрыгивая через неглубокие минные воронки. Вылазка моя протекала успешно: только один раз по пути туда пришлось с размаху броситься носом в землю, а на обратном – немного проползти. Пехотинцы из недалеких окопов равнодушно смотрели мимо меня, но внимательно наблюдали за опушкой. Благополучно возвратившись в свою машину, я доложил, что та самоходка – из третьей батареи и ведет огонь вдоль старой, заросшей подлеском просеки, потому что наводчик заметил на ней какое-то подозрительное движение. Комбат наш как будто успокоился, но спустя минуту свистнула из леса болванка, затем другая. «Пристреливаются, гады!» – подумал я. Особенно неприятно было то, что нельзя понять, откуда именно в нас стреляют. Очевидно, подкрались без шума и копоти «примусы» – приземистые «Артштурмы» – и, не видимые в чаще, спокойненько упражняются в стрельбе по неподвижной цели. После третьей болванки, с резким свистом рассекшей воздух над самой кашей машиной, «раненому» срочно понадобилось, по его словам, «установить личную связь с пехотным командиром», и Березовский, торопливо покинув машину, перебежал в спасительный окоп. Тактика его очень примитивна, и сущность ее просвечивается насквозь.

Дело от этого, однако, не пострадало. Немцы здесь так и не посмели сунуться вперед, так как на них через некоторое время сильно нажали слева, где были машины и из первой, Федькиной, батареи. В результате нам удалось пробиться через лес на противоположную опушку. Пехоты нашей совсем мало, а разветвленные овраги сильно затрудняли наше маневрирование. После боя буксировал подбитую Федькину самоходку. Его самого

тоже ранило, но он замены не попросил и остался при машине, которую еще надо ремонтировать. В сумерках уже вытаскиваю из глубокого, в буйных порослях оврага еще чью-то ИСУ. Пробоинка в рубке ее, слева, странно маленькая. За ужином (наконец-то явилась, «как мимолетное виденье», наша «кормилица») начштаба предупредил нас, что немцы стали применять новое противотанковое ружье – реактивное. Небольшие габариты и вес ружья позволяют скрытно переносить его с места на место и поражать наши машины с короткой дистанции внезапно, а слабый звук выстрела затрудняет обнаружение огневой позиции. Особенно опасно оно в такой местности, как здесь, лесистой и сильно пересеченной, а также в населенных пунктах. Дырку от его пули мы сегодня уже видели: нестрашная, но все-таки, как говорится, не было печали...

26 июля

Выспались! Навели без паники порядок в машине: дан для техосмотра целый день.

Кугеля, по решению суда офицерской чести, из полка отчислили. Тоже еще гвардеец!

В 21.00 прибыли на выжидательные. Передовая, по-видимому, не очень далека. Слышна артиллерийская перестрелка, но в ее перекатывающийся гул врываются бодрые звуки духового оркестра; до нашего расположения доносятся обрывки строевых песен. Наверное, какой-то части вручается гвардейское знамя.

А у нас в лесочке тихо. Стоим в опушке, развернув машины лбом к противнику. Перед нами – частая молодая поросль ольшаника и лозняка на мокром (сейчас он сухой от жары), с высокими мохнатыми кочками лугу; позади, в тени более взрослых деревьев, главным образом осин и берез, – палатки медсанбата, когда-то бывшие зелеными, а теперь белые от солнца и дождей.

27 июля

Ранним утром, на восходе дня, поднялся большой шум по всей площади кустарника перед нашим расположением: в разных местах слышалась стрельба, перекатывалось разноголосое «ура!». Экипажи сразу насторожились, спящих растолкали, автоматчики подошли поближе к своим машинам. Но наша тревога оказалась

напрасной: это репетировали атаку на закрытой местности батальоны стрелкового полка, ставшего вчера гвардейским. Из кустов выскакивали прямо перед нашими машинами солдаты, большей частью совсем зеленые ребята, разогретые «боем», с потными, красными лицами и широко раскрытыми в крике ртами, с автоматами и винтовками наперевес. Заметив торчащие из зелени маскировки дульные тормозы самоходок, они начинали топтаться на месте, с удивлением разглядывая притаившиеся в тени наши ИСУ, затем поворачивались и уже шагом уходили назад, в кусты... Видимо, опушка нашего леска являлась объектом их атаки.

Днем навестил меня Федька. Рука его быстро заживает. Он похвастался, что всю ночь напролет процеловался в воронке с Ниной, санинструктором. Вот дурак! Отмахнувшись от него, плетусь искать приемную палатку медсанбата: уже несколько дней меня мучает больной зуб. Обнаружить эту палатку оказалось делом нетрудным: к ней от лесной дороги, где остановились две санлетучки и несколько одноконных повозок, почти бегом или, наоборот, осторожным шагом санитары таскают носилки с наспех забинтованными, в лубках или шинах, ранеными. Те либо тяжко стонут, либо люто матерятся, иные молча кусают в кровь губы или страшно скрежещут зубами; некоторые лежат в беспамятстве. Подходят и «легкие», что могут еще держаться на ногах сами. Они тянутся печальными вереницами, ковыляя и пошатываясь, кто опираясь на винтовку, кто на палку, кто на плечо более крепкого товарища, у которого тоже что-нибудь забинтовано наспех.

Стою поодаль в смущении, заходить или нет. Какая ничтожная малость зуб в сравнении с этими человеческими страданиями! Время у меня есть. Дождавшись, когда поток раненых прервался, все же решаюсь войти в просторную палатку с травой вместо пола. Справа от входа – столик, слева – перегородка из брезента. За столиком сидит, ссутулясь, дежурный врач. Впалые щеки его и подбородок заросли темной щетиной. Усталые глаза с покрасневшими веками недоуменно остановились на совершенно невредимом пациенте в танкошлеме.

– Разрешите обратиться, товарищ капитан! – Он был без халата.

– Что там у вас? – с трудом не позволяя слипаться набрякшим векам и едва скрывая раздражение, произнес врач.

Краснея, я извинился за беспокойство и с опаской спросил, нельзя ли вырвать больной зуб.

– Садитесь. Откройте рот. Шире. Который?.. Та-ак... А зубик-

то совсем крепкий. Не жалко?

Я помотал головой.

– И все же удалить не могу: сильное нагноение. Одну минуту! Мне надо вымыть руки.

Он вернулся с блестящим скальпелем, быстро сделал надрез на десне, промакнул его ватным тампоном с приятным запахом медицинского спирта и сказал:

– Завтра, в десять часов, приходите – удалю. А пока – до свидания!

Поблагодарив доктора, откидываю полу палатки, но выйти мне помешали пожилой усатый санитар и девушка в военной форме, загородившие вход зелеными носилками. На них, вытянувшись, лежал солдат с белым, без кровинки, лицом и глухо, часто стонал. Его толсто обмотанная голова с проступившей сквозь марлю кровью казалась огромной, грудь тоже вся была в бинтах.

Капитан медслужбы, уже успевший облокотиться на свой шаткий столик и подпереть скулы ладонями, тотчас встал и, помогая девушке унести раненого за брезентовую перегородку, в операционную, напутствовал меня:

– А вообще-то, лейтенант, не желаю вам попадать к нам в руки! Разве что с зубом...

Удаляюсь не спеша к своей машине, и от одной только мысли о том, что завтра утром избавлюсь наконец от своего мучителя, боль как будто поутихла.

Вечером узнаем великолепную новость: сегодня в Москве будет дано пять (!) салютов нашим войскам, освободившим сразу пять городов: Станислав, Львов, Белосток, Шяуляй, Двинск (Даугавпилс). И еще: наши сегодня пересекли финскую госграницу.

28 июля

В 8.00 вдоль опушки прокатилась команда: «Заводи!» В 8.20 машины вытянуты в колонну. И операция под кодовым названием «Зуб» сорвалась. Через час мы прибыли уже в район сосредоточения. Во время марша отклонились к югу от эстонской границы и вновь оказались в Латвии.

30 июля

В ожидании предстоящего дела с вечера веселимся до самого конца этих суток: пляшем под гармошку, поем любимые песни. И правильно делаем: может быть, после очередного боя кто-нибудь из нас не выйдет больше, подзадориваемый товарищами, на травянистый круг и не отобьет лихого трепака под Федину гармонь...

У меня, по самым придирчивым подсчетам, уже свыше двухсот часов вождения. Это значит, что становлюсь, как говорится, водителем с некоторым опытом.

31 июля

В 23.00, в полной темноте, прибыли на выжидательные. Не пойму, почему так нудно ноет локоть правой (основной!) руки.

1 августа

Целый день на марше, во время которого произошло несколько коротких стычек и перестрелок с немцами. «Солдаты фюрера» так откровенно драпают при малейшей угрозе окружения и даже неглубокого обхода с фланга, что доктор Геббельс уже не заикается о так называемой «эластичной обороне», изобретенной им специально для оправдания военных неудач немецко-фашистских войск в России еще в первые два года войны. Однако битые неоднократно фашистские вояки при любой возможности стремятся упереться и начинают огрызаться. Порою крепко.

А рука болит все сильнее, пухнет; ее ломит, потягивает. Застудил ее, что ли, когда спали на земле, подостлав лишь брезент? Ночевать в машине уже полмесяца, хотя бока наши и притерпелись к твердому ложу, всем осточертело, и мы, если предоставляется такая возможность, спим на воле.

2 августа

Здоровенный чирей выпукло обозначился чуть пониже правого локтя, и нет от злодея покою ни ночью ни днем. Менять

передачи становится настоящей пыткой, особенно когда «рычат» шестерни в КПП и толчки их зубьев отдаются в ладонь, сжимающую рычаг переключения. И вот во второй половине дня, когда колонна остановилась на заправку, меня подменил водитель старшина Орехов, однофамилец Ефима Егорыча, моего земляка-заряжающего, с которым мы больше мыкали горе, чем воевали, далеко от этих мест – на правом берегу Днепра.

К 24.00 вытянули колонну на марш. Странно как-то на своей машине ехать пассажиром. Пока выстраивалась колонна, командир на ходу включил рацию. Наша «Малютка» (самолетная радиостанция) хорошо Москву принимает, и мы из «Последних известий» узнали, что наши войска уже вышли к морю в Литве, за Митавой. Таким образом, наша 1-я Ударная армия участвует в уничтожении крупной группировки фашистских войск в Прибалтике. Эта операция в сводке была названа «Балтийской ловушкой». Наш полк пока продолжает действовать вдоль латвийско-эстонской границы.

3 августа

Всю ночь напролет и целый день до самого вечера пробирались самоходки сквозь болота и густые лесные массивы к Лауре (красивое имя у этого городишки!), а потому опоздали к общей атаке, которая и закончилась неудачей... Фриц упорно держится за этот важный узел дорог; дорог самых обыкновенных, грунтовых, которые даже за большаки сойти не могут, но без которых по этим хлябям не проползешь даже на широких гусеницах. Только поздним вечером, кое-как выбравшись наконец из болот, занимаем исходные позиции в Заболотье. Название этого населенного пункта красноречиво говорит само за себя.

Я не успел, как у нас выражаются, «замаскироваться», и меня прогнал с машины гвардии подполковник Уткин, приехавший на передовую, чтобы лично проверить занятую позицию и убедиться в боевой готовности экипажей. Расставаться с ребятами очень не хотелось, но начштаба был неумолим. И он совершенно прав: во-первых, шестой человек будет только мешать работать экипажу, которому в рубке и без того не ахти как просторно; во-вторых, в полку потерь за последние дни предостаточно, особенно среди командиров машин, говорят, их даже нехватка.

В 23.00 докладываю в штабе о своем прибытии.

4 августа

Нахожусь при штабе. Узнал здесь о начавшемся в Варшаве восстании. Вещи (шинель и прочее), сданные на хранение перед вступлением в бои, разыскать не удалось. Побывал в РТО (штабники объяснили, как ее найти), вымыл в ручье голову, переоделся в чистое белье и – самое радостное событие – получил долгожданное письмецо от Лиды. Каким недосягаемым кажется отсюда Птицеград и мирный учительский институт со студенткой Лидой. У них там давно закончилась сессия, но девчата не сразу разъехались по домам, а целый месяц работали на лесозаготовках. Подходящее занятие для девушек... Чертова война! Но мужчины воюют, и у студенток тоже свой фронт – трудовой. Еще у них ожидается новоселье: институт переводится в Загорск, в древнюю Троице-Сергиевскую лавру, в здание бывшей духовной семинарии. Будет над чем посмеяться, особенно для Федьки...

А еще Лида пишет о том, что дорога, на которой обычно появлялся я под вечер, остается, увы, пустынной, сколько на нее ни смотри...

Вторая половина дня. Солнышко ласково пригревает. Удобно расположившись на теплом мягком мху под молодыми сосенками, настраиваюсь писать ответ. Позади меня, на поляне в частом лесу, дымится наша кухня, в немецких капонирах укрыты автомашины и тракторы РТО. Впереди, вынесенная к самому краю опушки, стоит на огневой позиции батарея новеньких 76-миллиметровок с надульными тормозами. Артиллеристам только что доставили обед, и они группками расселись вблизи своих длинношеих зеленых красавиц, истово работая ложками. Витаю мыслями где-то в районе Птицеграда, и вдруг один из батарейцев, убирающий кашу неподалеку от меня, отшвырнул котелок и истошно заорал: «Батарея! К бою! На дороге – немецкие танки!» Я вскочил, уронил начатое письмо: по проселку, пролегшему метрах в двухстах от сосновой опушки, идут с хорошей скоростью два «Артштурма», взявшиеся неведомо откуда. Они бежали мимо, подставив борт, но если развернутся вправо... Я пригнулся под сосенкой, не сводя с них глаз. Зато пушкари показали себя: в считаные секунды заняли без паники свои места, раздались громкие команды, заклацали клины замков, наводчики припали к прицелам и быстро завертели маховички, и стволы орудий угрожающе задвигались, словно принюхиваясь к своей добыче.

– Третье готово!

– Первое готово!..

И в этот напряженный момент «Артштурмы» внезапно остановились, будто вкопанные, крышки их башенных люков откинулись, и наверх выскочили два человека в комбинезонах,

широко размахивая шлемами и весело горланя что-то.

Артиллерийский комбат, уже поднявший руку над головой, побледнел и дал отбой, потом, криво усмехнувшись, произнес:

– Ишь, черти чумазые!.. Лихачи тоже... Да промедли они еще пяток секунд – поджаривались бы сейчас на своих «примусах», как миленькие.

Но факт остается фактом: на «Артштурмы» не сразу обратили внимание. И должно быть, потому, что уже уходят в область воспоминаний те времена, когда немецкие танки осмеливались нахально разгуливать в нашем тылу прямо по дорогам. Но вот почему пехота впереди нас пропустила их без единого выстрела?

А к трофейным машинам уже собирались возбужденные артиллеристы, прибежали наши эртэошники, притрусил даже повар в белом колпаке и с черпаком за поясом. Подобрав свой листок, тоже присоединяюсь к толпе. В человеке, стоящем на крыле передней «кошки» (так нередко называли приземистые немецкие штурмовые орудия), с удивлением узнаю Толю Горшкова, одного из наших помпотехов. Вторую самоходку пригнал командир ремвзвода старшина Кузнецов. Они тут же и рассказали, как были захвачены эти «Артштурмы».

Линия фронта здесь у нас очень неровная из-за болотистой местности, прямо-таки зигзагообразная, а ввиду продолжающегося наступления и не всегда сплошная. И вот на дороге, идущей через топкую низину где-то в районе Заболотья, одна наша ИСУ, стоявшая в засаде, подкараулила немецкую колонну из нескольких самоходок с десантом автоматчиков. Наводчик на ИСУ, видимо, поспешил, и первый снаряд не поразил цели, но разорвался у самой дороги и сотряс всю гать. Второй в колонне «Артштурм», рядом с которым лег разрыв, невольно рыскнул в сторону и угодил левой гусеницей в болото. Остальные, не имея возможности обойти его, начали пятиться назад, выпуская болванки наугад и торопясь скрыться за поворотом дороги, чтобы отгородиться от прицельного огня ИСУ хотя бы зарослями кустов. Самоходка, возглавлявшая колонну, застряла при попытке проползти впритирку к той, что сошла наполовину с гати. Солдат фашистских как ветром сдуло с брони после первого же выстрела из засады. Их серо-зеленые куртки замелькали между купами кустов, разбросанных по болоту. Автоматчики удирали прямо по трясине, проваливаясь до колен, некоторые падали в грязь и уже не поднимались: это вступила в дело наша немногочисленная пехота, открыв огонь из пулеметов и минометов по отступающим. Вскоре в низине остались только два застрявших «Артштурма», брошенных своими экипажами, да по ту сторону болота полыхал подбитый из ИСУ третий.

Спускаться на ненадежную, разбитую гусеницами и исковырянную взрывами гать, чтобы взять на буксир «Артштурмы», командир ИСУ не решился, опасаясь завязить машину. Комбат доложил начальству по радио об отбитой атаке фашистов и о трофеях. Из РТО был послан гвардии старшина Кузнецов, к которому присоединился скучавший без дела Горшков. Прибыв на место боя, они под огнем противника (правда, немцы постреливали редко) сходили к засевшим «Артштурмам» и осмотрели их: те оказались совершенно исправными. Оценили обстановку, посовещались с комбатом и решили «дернуть», не дожидаясь полкового тягача, который где-то выручал из болота чью-то машину. Для этого соединили вместе буксирные тросы с трех ИСУ и с обеих немецких самоходок – теперь можно было вытаскивать «кошек», находясь на твердом грунте. Одна ИСУ легко справилась с этой задачей, а две другие машины прикрывали огнем ее действия. И примерно через час оба «Артштурма» буквально из-под носа у немцев были перетащены на нашу сторону лощины.

Горшков и Кузнецов, знакомые с немецкой техникой, завели двигатели штурмовых орудий и погнали заляпанных болотной грязью «кошек» в расположение РТО, так неловко перебив при этом аппетит обедавшим артиллеристам.

5 августа

Пришло письмо из Сампура. Мама уже собирается возвращаться из эвакуации в Смоленск.

Этой ночью, несмотря на активный огонь противника и частые контратаки, мы окончательно окружили непокорную Лауру. Как после такого события усидеть в «шатре» из большого танкового брезента среди «безлошадной» братии? К тому же и чирей на руке сегодня прорвался сам, без помощи скальпеля капитанши из санчасти.

В ночь на 6 августа добираюсь до первой батареи то на перекладных, то пешком, под хрюканье немецких мин, рвущихся в болотах и брызгающих на дорогу вонючей жижей. В черном небе надоедливо тарахтит, временами совсем умолкая, «костыль» – немецкий легкий ночной бомбардировщик (говорят, румынского производства). Предприимчивы фрицы, ничего не скажешь: оценили по достоинству наши «кукурузники». Далеко, конечно, «костылю» до У-2, а все-таки чертовски неуютно себя чувствуешь, когда невидимый в черной вышине самолет беззвучно кружит с выключенным мотором, а тип, сидящий в его кабине, готов в

любую минуту спустить тебе на голову целую кассету с мелкими бомбами, едва заметит на земле свет неосторожно включенной фары, либо короткую вспышку фонарика, либо огонек цигарки или заслышит со своей верхотуры какой-нибудь шум, хотя бы громкий разговор.

На рассвете, взмокший, обляпанный грязью, голодный и злой, отыскал наконец наши машины. Первым, кого я разглядел в серых сумерках, был гвардии младший техник-лейтенант Кабылбеков, водитель. Спрашиваю у него, где стоит моя самоходка, и, холодея, слышу глухой ответ: «Сожгли, гады, с час назад». Что с экипажем – никто точно не знал: из машины в темноте не увидишь...

А Лауру обложили кругом крепко, днем нажали с разных сторон – и она стала нашей.

Делать мне стало пока нечего, и, в надежде разузнать что-нибудь о своих, решаю податься в какой-то хутор, приютившийся на сухом взгорье среди лесов и болот. Его отбили сегодняшней ночью. В хуторе, как мне сказали, стоят две наши самоходки. И еще мне не терпится повидать Федьку, с которым мы расстались, кажется, целую вечность назад. На подходе к хутору, на лугу, изрытом глубокими снарядными воронками, увидел с десяток коровьих туш, лежащих в разных позах. Хотя животное и легче загубить, чем человека, но вид убитых коров несколько охладил мою «охоту к перемене мест». Однако возвращаться назад, почти достигнув цели, было досадно, и я решительно, подобно лихому военному корреспонденту, «первым ворвался», то есть осторожно вошел в энский населенный пункт, не обозначенный, может быть, даже на районной карте. В глаза сразу бросилось: солдаты здесь передвигаются, только прячась за домами, хозяйственными постройками, стожками, а на открытых местах – согнувшись в три погибели и бегом или вовсе на животе. За хутором – широкое поле, странно голое, несмотря на начало августа, с вырытыми вразброс небольшими окопчиками. В них солдаты, все в касках, сидят смирно. Высовываться опасно: малейшее движение – летит низко над землей, помигивая, трассирующая пулька. Снайпер зловредный: уже несколько человек за одно утро вывел из строя.

Об этом предупредил меня немолодой солдат-телефонист, засевший в узенькой неудобной щели, которую он не поленился выкопать себе под высокой поленницей, сложенной под навесом у стены одного домика. Еще боец «порадовал» тем, что фриц аккуратно каждые тридцать минут постреливает, должно быть от «нервов», из восьмидюймовок, то есть 210-миллиметровых тяжелых орудий. Мысленно благодарю Марса: я прибыл. как раз в перерыв. Только телефонист ввел меня в курс дела, как невысоко

над хуторком прошумели снаряды и заухали по лугу. Усатый дядька гостеприимно отодвинулся в торец своей щели, тем самым приглашая меня в укрытие, и проворчал: «Перелет... Сейчас еще выдаст!» С удовольствием вжимаюсь в освободившееся место. И вовремя: с противным шипением и визгом снаряды проносятся над самыми крышами, но рвутся теперь значительно ближе к широко раскиданным домишкам, от доброй половины которых остались лишь уныло глядящие в небо подкопченные печные трубы. Землю колотит крупной дрожью. Новый залп точно накрывает хуторок. Один из тяжелых снарядов боднул взгорок совсем близко, где-то перед нашим домом. Грохотом хлестнуло по ушам, земля под нами подпрыгнула, поленница качнулась и рухнула на нашу щель. Хорошо еще, что поленца были мелкие и сухие. Минут через десять стихло, и мы, разбросав дрова, выкарабкались на поверхность, а немного отойдя, свернули махорочные цигарки. Покуриваем, прислушиваясь к редким, очень тихим из-за расстояния, сухим щелчкам выстрелов снайперской винтовки.

Всматриваясь в пустынное ничейное поле, заметил я незанятый окопчик, вынесенный метров на триста за хутор. От него ближе всего до развалин соседней деревушки, где прячется охотник за людьми. В голове моей быстро созревает гениально простой план: добраться до того окопа, засесть в нем, высмотреть снайпера и затем уничтожить. Одалживаю у телефониста трехлинейку и, не обращая внимания на его попытку отговорить меня от этой бесполезной затеи, полный решимости, приступаю к осуществлению операции. Прокравшись через огород, оказываюсь на голом месте и дальше сползаю с хуторского бугра головой вперед, волоча рядом длинную винтовку. Погода не спешит разгуливаться, пасмурно, и легко не только проследить направление полета светящейся пули, но и заметить место, откуда ее посылали. А смешно, наверное, выглядел со стороны «гроза снайперов», который, распластавшись, открыто полз по лысому склону, рискуя каждую минуту получить пулю, да хорошо еще, если только в зад!

Медленно продвигаюсь вперед, ориентируясь на окопчик, но «отличиться» помешал, к счастью, начавшийся снова обстрел: заработали тяжелые немецкие гаубицы. И путь, проделанный за двадцать минут по-пластунски, обратно пролетаю в полный рост, наверное, раз в двадцать быстрей. Удивительно, куда в это время смотрел снайпер? Впрочем, поле перед ним очень широкое.

Сконфуженно возвращаю солдату оружие. Телефонисту не до меня: нет связи. Он в сердцах бросает немую трубку на рычажок аппарата и, закинув винтовку за спину, бежит по проводу искать

обрыв. Сижу, свесив ноги в щель, и остываю: вот уж действительно, «не в свои сани не садись» – ползти белым днем по открытой местности на снайпера! Муки честолюбия, однако, недолго терзали меня, и я побрел к самоходкам попрощаться с ребятами. Здесь экипажи водителей Васи Бараненко и Карапузова. Мне посоветовали дождаться у машин ужина, который сюда давно уж везут вместе с обедом, но желание непременно повидать Федю Сидорова оказалось сильнее чувства голода. Вася указал на выступающий угол леса, где должна стоять в опушке, перед полем с несжатой рожью, машина моего непутевого друга. Отсюда ее не видно.

Только поздним вечером добрался до Федора с Павлом. Оба очень обрадовались встрече и письмам, которые вот уже двое суток путешествуют в моем кармане, не находя адресатов.

Треугольнички свои друзья спрятали, не разворачивая, под комбинезоны, в карман гимнастерки, потому что как раз собирались отводить машину метров на триста назад, чтобы не схлопотать ненароком в темноте «фауста» изо ржи. Пехоты нашей вдоль этой опушки так же мало, как и на хуторе с убитыми коровами. Это понятно: армия наша уже три недели наступает, ведя тяжелые бои.

Место для ночной стоянки ребята высмотрели еще днем неплохое: старый сенной сарай на болотистом лугу, окаймленном леском. Самоходку поставили левым бортом почти вплотную к сараю, доверху начиненному душистым сеном. И безопасно, и комфортабельно! Только вот ужина так и не привезли.

Распорядившись насчет охраны (у них на машине каким-то чудом еще до сих пор целы два автоматчика), Павел вошел в сарай и предложил каждому по ржаному сухарю и воды из питьевого бачка. После сверхлегкого ужина они с Федькой, усевшись в углу, подальше от двери, засветили тусклую трофейную плошку и долго вслух читали письма (разумеется, с Федькиными комментариями). Затем командир с экипажем устроили себе общее ложе внизу, набросав толстый слой сена. Федор же заявил, что обожает спать на высоте, и постелил шинель возле небольшого окошечка, обращенного в сторону ржаного поля.

Все сразу улеглись, кроме заряжающего, который первый дежурил в машине, да часового-автоматчика, бесшумно шагавшего за стеной сарая по мягкой сырой траве.

Федору, еще не совсем остывшему после напряженного дня, не терпелось выговориться, да и не виделись мы несколько долгих дней, поэтому мы уселись на подгнившем пороге у полуотворенной двери сенника, соорудили самокрутки и,

покуривая в кулак, в четверть голоса повели беседу. Вернее, говорил главным образом инициативный Федька, отведя мне роль внимательного и (он это чувствовал) благодарного слушателя.

Как всегда, у моего друга в эти дни не обошлось без приключений. Федя принимал участие в атаке на Лауру, и я узнал, что под самым городом сгорела, кроме моей, еще одна машина, подбитая фаустником. Водителем на ней был гвардии младший техник-лейтенант Цибин.

В самой Лауре, где шел бой и вышибали немцев, упорно цеплявшихся за окраинные домики и сады, Феде понадобилось выскочить из самоходки по нужде. Потом он решил заодно для разведки (ради любопытства, как он выразился) обследовать один проулочек, не доезжая которого остановилась их машина. Завернув за угол, неугомонный водитель неожиданно столкнулся носом к носу с фашистом. Оба оторопели, но Федор опомнился на секунду раньше. У немца на груди был автомат, а у моего друга за голенищем – заряженная ракетница. Молниеносно выхватив ее, он выпалил в упор и попал в живот солдату. Тот перегнулся вдвое от боли и ужаса, а Федя, перехватив за ствол увесистый ракетный пистолет, с размаху опустил его на вражескую каску. Фашист рухнул как подкошенный, а Федор благополучно вернулся в машину с чужим автоматом и терпеливо выслушал от командира строгое внушение по поводу своей неосторожности.

А сегодня у этой несжатой нивы, через которую не решаются сунуться ни наши, ни немцы, что окопались по ту сторону поля, тоже вдоль опушки, Федор успел уже прославиться у пехоты.

Тяжелые самоходные установки, не имея перед собой достойной цели, вынуждены были бездействовать, и механик-водитель с разрешения друга-командира отправился в пехотные окопы, находившиеся всего в нескольких десятках метров впереди, почти во ржи, порядком истоптанной и местами полегшей от дождей.

Пехотинцы гостеприимно встретили веселого офицера-самоходчика, попотчевали махорочкой, показали хорошо видные брустверы немецких окопов, над которыми то там то здесь на короткое время выставлялись головы в касках. Федя удивился:

– Что же вы их не бьете?

Немолодой уже сержант, поперхнувшись от смущения махорочным дымом, длинно закашлялся, прикрывая рот рукой. Но энергичный гость, не дожидаясь ответа, уже протянул руку к чьей-то винтовке:

– Разреши, солдат! Сейчас я вам наглядно продемонстрирую, как надо бить немецко-фашистских захватчиков.

Он лихо сдвинул на затылок суконную пилотку, надетую по

случаю визита к соседям, выбрал удобную позицию в неглубоком, чуть выше пояса, окопе, прикинул расстояние до противника, установил прицел на триста и изготовился к стрельбе. Солдаты молча наблюдали. Спустя несколько минут над немецким окопом медленно приподнялась фигура мышиного цвета и поднесла к глазам бинокль. Федор выстрелил – немец, выронив бинокль, закачался и лег на бруствер, обняв его руками. Федор сделал еще один выстрел.

– Для контроля, – пояснил он, весело подмигивая солдатам, но тут же вернулся к началу разговора: – А все-таки, хлопцы, если мы так воевать будем, не скоро до Берлина дойдем.

Сержант снова кашлянул и, оглядев своих, заокал сердито:

– Мало нас осталось, лейтенант. Задираться нечем. Сунемся – перебьют нас фрицы во ржи, как перепелок, и сами сюда припожалуют.

– Ну это мы еще посмотрим! – бодро возразил Федька. – А самоходки-то около вас стоят на что? Ракетница есть у вас? Так и знал... Дефицит, черт возьми! Ладно, связного назначьте. И пусть он будет всегда готов. А уж мы картечью так врежем, что будь спокоен.

– И командира у нас убило... вчера... – продолжал сержант, потом опять обвел усталым взором молчавших товарищей и потупился...

– Так, – подвел итог Федька. – Значит, по-вашему, сержант не командир, а бойцы ваши здесь – вроде как отдыхающие?

Тут его речи прервал приползший из окопчика, вынесенного вперед и вправо, молоденький ефрейтор:

– Товарищ сержант! Фрицы что-то сильно гомонят – как бы чего не выкинули со зла. Лейтенант, – он показал глазами на Федора, – офицера ихнего подстрелил и...

– Все по местам! К бою приготовсь! Усилить наблюдение! – сразу преобразившись, властно приказал сержант, натянул на подбородок ремешок каски и проверил, как ходит затвор ППШ.

Ждать пришлось недолго. Сперва донеслись близкие частые хлопки немецких минометов, и тут же заныли, снижаясь, мины, загрохотали взрывы и полетели с визгом и жужжанием осколки, посыпалась земля на головы и спины солдат, привычно прижавшихся к передней стенке окопа или ничком легших на сырое дно.

Огонь стих только минут через пятнадцать. Один за другим солдаты зашевелились, становясь на колени в неглубоком окопе лицом к полю. Вытянув шеи и напряженно вслушиваясь в тишину, которая казалась подозрительной, а потому жутковатой, они руками или тряпицами очищали оружие от попавшей на него

земли и щелкали смазанными затворами.

Но немцы в атаку не пошли. Минометный обстрел не принес пехоте особого урона: осколком ранило в плечо – не очень глубоко – одного из бойцов, ведущих наблюдение: он не успел пригнуться при первых разрывах; другому солдату острая щепа вспорола кожу на шее, когда мина попала в ствол дерева, стоящего над окопом.

Федя, до конца «сабантуя» так и не слезший с кучки лежалой соломы на дне окопа, поерошил левой рукой свою пшеничную шевелюру, тиская в правой почти новую пилотку, вывалянную в грязи. Это был один из тех редких случаев, когда друг мой пребывал в раздумье. Наконец он, вскинув голову и заговорщически моргнув пехотинцам, весело произнес:

– Один – ноль в нашу пользу, не учитывая даже крупного перерасхода боеприпасов со стороны противника. Надо признаться, у вас тут, ребята, не курорт, как мне поначалу показалось. Дома все же лучше... Но готов повторить: пехота – все-таки царица полей, а уж лесов и полей – подавно. Так вы и царствуйте, а если фриц возражает – только мигните... Мы уж постараемся поддержать. Соседи как-никак. Заходите в гости...

Я пошел, а то моя «коломбина» (так он любит величать свою однажды уже подбитую самоходку) по мне страсть как соскучилась. Вон, смотрите, даже хобот свой навстречу тянет...

Солдаты, прощаясь, от чистого сердца говорили:

– Лейтенант, а то оставался бы у нас!

Федин рассказ прервал негромкий оклик часового:

– Стой! Кто идет?

Мы с Федором вскочили, вытащили пистолеты и прижались к стене сарая.

– Свои, – сдавленно прохрипел низкий голос с луга, посреди которого, всмотревшись, мы неясно различили группку людей.

– Пропуск?

– Не знаем... Раненый тут у нас...

– Один ко мне, остальные ни с места! – приказал автоматчик.

– Не можем... Вдвоем несем... тяжелого...

Часовой вопросительно оглянулся на сарай.

– Скажи, чтоб несли сюда, да смотри в оба, – послышался у нас за спиной голос Стаханова, выглянувшего из двери.

Чавкая по воде сапогами и тяжело дыша, медленно приблизились к нам два солдата, сгибаясь под ношей, которая висела между ними в плащ-палатке. Из этого «паланкина» торчали две ноги в солдатских ботинках и обмотках. Кто-то из экипажа выволок из сарая большую охапку сена, и два пожилых дядьки, сипящие от натуги, осторожно опустились на колени,

поддерживая одной рукой раненого за спину, а другой – сжимая угол плащ-палатки, перекинутой через шею. От солдат остро пахло потом. Устроив на мягком раненого, неподвижного и только изредка что-то мычащего в забытье, они с наслаждением вытянули ноги, прислонясь спинами к прохладным бревнам стены, и достали кисеты.

Федя низко наклонился над лежащим и некоторое время пристально всматривался в его лицо, потом спросил:

– Не изо ржи, случаем, несете? Усы что-то больно знакомые...

– Оттуда, – выдыхая махорочный дым, подтвердил один из санитаров. – А что, встречаться приходилось?

– Кажись, – неохотно отвечал Федя и, вздохнув, полез, шурша сеном, к себе наверх.

Глубоко затянувшись еще два-три раза и старательно затоптав окурки, дядьки-санитары снова сложили свой «конверт», подняли с нашей помощью раненого и попрощались:

– Счастливо оставаться, а мы уж пойдем, поспешать надо.

И медленное чмоканье сапог постепенно стихло в темноте.

7 августа

Все скоро заснули, но среди ночи нас разбудили сильные взрывы, от которых колыхалась земля и вздрагивали стены сарая. В промежутках между разрывами до ушей докатывался гул отдаленных орудийных выстрелов. Федор наверху зачертыхался:

– Вот гостиница, черт ее не драл! Позовите администратора – я ему вправлю мозги!

Никто не засмеялся. Новый снаряд упал на луг правее сарая. Не успели мы прийти в себя от оглушительного грохота, как сарай крупно вздрогнул и словно слегка подпрыгнул. Лежим ни живые ни мертвые, вжавшись всем телом в сено в ожидании взрыва, но его так и не последовало. Еще грохнуло пару раз вблизи, и артобстрел прекратился. Снова задремали с опаской, вполглаза.

Поднявшись раньше всех, Федя отправился на «утреннюю прогулку». Через минуту он громко позвал нас в открытую дверь:

– А ну идите-ка сюда, лежебоки! Полюбуйтесь, на чем дрыхнете!

Мы обошли сарай, и Федя показал нам круглую, заполненную рыхлой торфяной крошкой дыру под самой стеной нашего пристанища. Это был свежий след снаряда, не разорвавшегося ночью. Я невольно поежился: если бы этот, судя по диаметру дыры восьмидюймовый, рванул...

Еще не осел утренний туман, запутавшийся в переплетениях ветвей, а машина Феди и Павла на малом газу выползла на знакомую мне опушку перед ржаным полем; метрах в пятидесяти левее заняла позицию другая машина.

До самого полудня фриц остервенело швырялся снарядами, потом попритих. И тут из леска позади нас появляются полковые радиомастера: гвардии старшина Федя Радаев и его помощник и друг – коренастый сержант, прозванный за свой малый рост Шкетом. Автором клички, конечно, был насмешливый старшина. Вслед за ними на опушку выходит мой помпотех Горшков. Все трое волокут с собой термосы с обедом. Значит, их подбросила сюда автомашина с полковой кухней. За кормою самоходки Феди Сидорова собирается народ с котелками и ложками, и Федя Радаев торжественно ставит на траву между термосами алюминиевый бидончик с солеными огурцами. «Для аппетита», – довольно изрекает он, а потом вытаскивает из-под шинели скрученные в трубку свежие газеты, а из кармана – письма. Это уже на десерт.

Все располагаются на травке позади машины и приступают к «заправке». Один Анатолий, который успел «подрубать» еще в РТО, усаживается на ствол поваленного дерева в жиденькой тени осинок и углубляется в чтение газеты.

Обед протекает весело благодаря неудержимым фейерверкам красноречия Радаева, получившего, очевидно, за этот недостаток или, наоборот, достоинство второе имя – Ляля. Пока мы «убирали» вполне горячий суп из сушеных овощей, он попотчевал нас длинным еврейским анекдотом про четыре порции рыбы, а потом начал выдавать «армянские загадки».

Слушатели сперва посмеивались сдержанно, но, постепенно забыв осторожность, стали хохотать вовсю. В очередной загадке, поднесенной между первым и пшенной кашей с консервированным мясом, спрашивалось, что такое «голова-ноги, голова-ноги, голова-ноги». Точного ответа никто дать не смог. И когда торжествующий Ляля, сияя круглым румяным лицом, укоризненно переспросил: «Ай-ай-ай! Зыначит, душя лубезний, не знаешь?» – и уже поднял вверх предварительно облизанную ложку, выдерживая для эффекта паузу, – как раз в этот момент прогрохотало почти одновременно несколько разрывов, обкладывая машину кругом, просвистели осколки, глухо щелкая по стволам деревьев и звонко звякая по броне. Все приникли к земле. Сидящие под самой кормой сунулись было под днище, но все пространство между гусеницами оказалось забито подмятыми самоходкой кустами и молодыми деревцами. Те из ребят, что обедали чуть поодаль, тоже кинулись под прикрытие кормы и

попадали на нас – получилась куча-мала. Все перемешалось: тела, головы, руки, ноги, котелки, газеты; бидон с огурцами опрокинулся, и кто-то очутился в луже рассола. А немецкие минометчики ведут беглый огонь: серии разрывов следуют одна за другой почти непрерывно. Должно быть, гвоздит не одна батарея. Оглушенные, забросанные землей, мохом и сбитыми ветками, обалдело жмемся друг к другу, ожидая неминуемого конца. Отгремели последние взрывы – на усталые барабанные перепонки навалилась странная тишина. Мы, к своему великому изумлению, совершенно невредимые, начинаем подниматься с земли, разбирая опрокинутые котелки, сплевывая песок и отряхиваясь. Кусты вокруг затянуты синеватым, лениво колышущемся вонючим дымом. Толя Горшков, как ни в чем не бывало, продолжал сидеть на том же месте, где застал его обстрел, и читать газету. Только осинки над ним не было: ее срубил осколок всего на ладонь выше Толиной головы. Мы с уважением посматривали на хладнокровного помпотеха.

– Окрошка получилась бы правильная, упади мина позади кормы, – сердито заметил командир соседней самоходки и приказал своему экипажу доедать кашу в машине.

Радаев, так и не выпустивший из руки ложку, принял картинную позу и напыщенно произнес:

– Поздравляю, орлы, с блестящим ответом на последнюю загадку. Она разгадана вами коллективно: то, что минуту назад творилось под кормой этой могучей боевой машины, как раз и представляло собой «голова-ноги»! Первоначальный же ответ: «Карапет кубарем катится с крутой горы» – не идет ни в какое сравнение с новым. Позволю себе отметить, что это лишний раз подтверждает неисчерпаемую творческую силу коллектива. А теперь, – тут Ляля оглянулся на своего единственного подчиненного, который торопливо выскребывал кашу со дна котелка, – мы удаляемся отсюда ввиду того, что фриц своими бестолковыми варварскими налетами угрожает жизни даже таких ценных специалистов, как радиомастера. А ведь мы еще не все рации проверили. Будьте здоровы! Шке-ет, хватит чревоугодничать! За мной! – зычно скомандовал старшина и, махнув на прощание рукой, быстро двинулся через частый осинник, придерживая левой рукой тяжелую кирзовую сумку с инструментами, бьющую его по бедру при каждом шаге. Коротыш сержант подхватил оба пустых термоса и засеменил следом. Возле машины сразу сделалось пусто и скучно.

Федю Радаева любят, кажется, все. До войны этот умный и веселый парень работал в каком-то большом совхозе под Гаграми. Жизнь среди пестрого по национальному составу населения

Черноморского побережья дала наблюдательному и остроумно-насмешливому Феде такую массу впечатлений, что он может без устали несколько часов кряду травить анекдоты из быта греков, армян, украинцев, русских, грузин, евреев – всех, кто живет там, или разыгрывать в лицах забавные жанровые сценки. И все это непринужденно, весело, с передачей интонаций, выражений лица, позы героя, мастерски сохраняя в своих рассказиках национальный колорит. Кроме этого, Радаев умеет прекрасно играть на разных музыкальных инструментах. При желании он может наверняка стать хорошим актером.

Послеобеденное блаженство (немец не стрелял) прервал вездесущий начальник штаба, который неожиданно подкатил на своем открытом «козлике» к самой машине Федьки. Гвардии подполковник учинил помпотеху Горшкову настоящий разнос за неосторожность и ненужную браваду (при этом досталось на орехи и мне) и прогнал нас обоих с передовой.

Чтобы не гневить начальство, отправляюсь в штаб (там письма можно в первые руки получать), в душе надеясь, что как-нибудь да удастся еще побыть вместе с моими друзьями. В штабе меня ожидал приятный сюрприз – сразу три (!) письма от Лиды. Пришли письма и Феде с Павлом, а также членам их экипажа. Не откладывая в долгий ящик, посылаю ответ Лиде и начинаю с нетерпением ждать оказии, намереваясь отвезти друзьям письма (предлог есть), но не вышло: машину хозчасти услали на другой участок, в противоположном направлении.

8 августа

Видел своего комбата Березовского, от которого узнал наконец о судьбе своего экипажа. Все живы – это главное. Но все, кроме командира Вани Филатова, сильно обгорели, особенно старшина Орехов. Очень жаль ребят! А Исхакову так и не довелось продемонстрировать свое искусство в приготовлении плова. И будут ли его слушаться так, как раньше, ловкие и сильные пальцы рук, на которых сгорела не только кожа, но частично и мышцы?

С какого-то «горячего» участка (полк наш снова растащили) возвратился в штаб командир полка. Он чем-то озабочен. Заметив меня, подзывает к себе. Докладываю ему о потере машины.

– Счастливый вы! – усмехается подполковник. – Наверное, в сорочке родились.

Мне почему-то послышался упрек в его словах.

– Так я же не виноват, товарищ гвардии подполковник, что...

– А с чего вы, юноша, взяли, – устало перебил он, – что вас обвиняют? Идите-ка отдыхать. Не теряйте времени зря.

Лихо поворачиваюсь, насколько это можно было сделать в высокой и густой траве, и отхожу в сторону, но голос командира полка догоняет меня:

– Лейтенант, вернитесь!

Возвращаюсь назад и вопросительно смотрю в глаза подполковнику.

– Что это у вас с брюками? – спрашивает он, усиленно хмуря брови, чтобы подавить улыбку. Старший лейтенант, его адъютант, стоя за спиной командира, зажимает себе рот рукой.

Растерянно разглядываю свои синие диагоналевые шаровары. Они явно тесноваты; их сунули мне в полутемной ивантеевской церквушке-складе, когда на скорую руку экипировали перед отправкой на фронт с маршевой ротой в январе.

– Да не спереди – сзади?

Проведя ладонью пониже гимнастерки, задеваю пальцами за большую прореху на выпуклом месте. Щеки и уши мои загорелись, и я опустил голову. Очень эффектно, наверно, выделялась на темно-синем фоне белая полоска материи от новых кальсон!

– Ничего, бывает, – утешает меня подполковник. – А теперь идите немедленно в хозчасть к начальнику ОВС и получите новые. Гвардейцу не пристало щеголять в таком виде. После боя, в первую же свободную минуту, он обязан привести в полный порядок не только свое оружие, но и обмундирование. Не оправдывайтесь. Солдат должен видеть все, даже позади себя.

Начальник ОВС, капитан, восседал в палатке с откинутым пологом, перед ящиком, служащим ему столом. Выслушав меня, он потребовал вещевую книжку, полистал ее и заявил, что новых брюк не выдаст, так как не вышел еще срок носки старых.

– Но ведь не на печке же я их прожег! – вырывается у меня. – На вас-то прекрасные брюки, и наверняка не последние, а мои летние по вине ваших же хозяйственников в РТО накры...

– А вы, молодой человек, – прервал меня капитан ехидным голосом, – и служите-то всего без году неделю. Вот потрубите с мое – и у вас запас будет. Вы свободны!

– Будет... – чуть не задохнувшись от возмущения, подтвердил я, – если не сгорю... – и выбежал из палатки.

Сгоряча я решил обратиться к командиру полка за письменным распоряжением для начальника ОВС, но передо мною на дорогу медленно выехал из-под деревьев, тонко жужжа мотором, «Шевроле» с дымящейся кухней на борту. Сейчас повезут обед на передовую. Махнув рукой на брюки, вскакиваю на

грузовик и еду к друзьям, но «Шевроле», буксуя по отвратительной дороге и визжа от натуги, привез меня совсем на другой участок, и пришлось возвратиться к штабу.

Едва успеваю «замаскироваться» в тени и приняться за письмо «домой», то есть в Сампур к матери, как прибегает за мною посыльный из штаба. Приказ короток: срочно принять машину из 2-й батареи. Комбат-2 – гвардии лейтенант Иван Кугаенко, маленький черненький крепыш; он же командир этой машины. Хороший парень. И экипаж мне понравился сразу. В машине имеются кое-какие неполадки. Злосчастные дыры исчезают под комбинезоном, доставшимся мне в наследство от предшественника, и я начинаю знакомиться с машиной. Уточнив неисправности, приступаю с помощью экипажа к ремонту.

9 августа

Ночи как раз хватило, чтобы привести машину в относительный порядок, и рано утром мы присоединяемся к «ходячим» боевым единицам. Полк уходит вперед, сбивая неприятеля с позиций, «насиженных» фашистами за дни перерыва в нашем наступлении.

10 августа

Хорошо идем! К вечеру с ходу перерезали шоссе Псков-Рига и прочно оседлали его. Во время атаки сгорела прямо на асфальте ИСУ-122 (судя по номеру на башне – из 326-го гвардейского). Она стоит недалеко от нашей самоходки, развернувшись поперек шоссе. Кто-то из экипажа ее, спасаясь от огня, полез через десантный люк ногами вперед, да так и остался сидеть под днищем, а голова и грудь – в машине. Комбинезон на мертвеце сгорел почти до пояса. Лучше уж гореть с ног: они все-таки в сапогах...

11 августа

С рассветом, оставя за спиной всходящее солнце, – вперед, сидя на плечах отступающего противника. На марше (машина-то потрепанная) случилась заминка со скоростями. После прохождения заболоченного участка не выключилась четвертая передача (мы двигались на замедленной). На такой скорости не

то что за немцами, за своими машинами не угонишься. Постепенно отстаем. Кугаенко спрашивает, в чем дело. Докладываю. Узнав, что за полчаса неисправность можно устранить, командир приказывает остановить машину. По правую сторону дороги, в десятке метров, недавно брошенная немцами противотанковая батарея: стволы у пушек еще горячие. Пока ребята отвинчивают болты, которыми крепится наклонный броневой лист над трансмиссионным отделением, надо сменить свои драные брюки на новые трофейные. Они похожи по форме на наши, только у них прострочена стрелка, чтоб всегда казались наглаженными. Только снял комбинезон и разулся – «Виллис» подкатывает. Выходит из него полковник незнакомый, должно быть из дивизии, которой мы приданы:

– Кто командир? Почему стали?

Комбат доложил.

– Где механик?

Поспешно застегнув верхнюю пуговицу на своих диагоналевых и сунув ноги без портянок в широкие кирзовые голенища, вскакиваю:

– Здесь!

– В чем дело, лейтенант? – кричит полковник.

Коротко объясняю ему причину остановки и, увидя, что ребята уже поддели ломом броню, прошу дать минут двадцать на устранение неисправности.

– Машина ваша на ходу?

– Так точно! Но...

– Никаких ремонтов! Немедля вперед! Там ваши товарищи кровь проливают, – патетически гремел неизвестный начальник, и вытянувшийся по стойке «смирно» Кугаенко слегка поморщился: он не любитель выспренних выражений, – а вы тут... в барахле копаетесь! – заметив лежащие в траве галифе, гневно заключил полковник.

При этих словах его адъютант, стоящий рядом, скорчил гадливо-презрительную мину, быстро нагнулся, поднял с земли никелированную немецкую зажигалку – подарок замкового Кирюши Тихонова – и, сильно размахнувшись, сделал вид, что швырнул ее в поле. На самом же деле она оказалась ловко зажатой у него в кулаке, который он, немного помедля, опустил с самым невозмутимым видом в карман шаровар. Вот фокусник! Ему бы в цирк...

Обидно, когда начальство рубит сплеча, не разбираясь, что к чему, но ничего не поделаешь. А я-то тоже хорош! Как будто в машине нельзя было переодеться...

– Есть отставить ремонт! – отвечаю и лезу на корму к ребятам

помогать.

Болты мы ставим на места через один, чтобы сэкономить время. А каретку в КПП не сегодня так завтра все равно выводить из зацепления придется. Полковник нетерпеливо посматривает, сидя в «Виллисе», в нашу сторону. Хорошо еще, что крышку КПП мы не успели снять до его приезда. Наконец последний болт затянут, и, предводительствуемые полковником, словно он лучше нас знает, куда нам ехать, «пилим» на четвертой передаче со скоростью всего 10-12 километров в час. Минут через пятнадцать такой езды «Виллис» прибавляет скорости и исчезает из глаз, а мы, не решаясь остановиться, продолжаем ползти и только к ночи догоняем своих, хотя могли бы это сделать, если б нам не помешали, за какой-нибудь час-другой.

12 августа

Всю ночь полк преследует врага, буквально наступая ему на пятки, и целую ночь я мучаю несчастную машину, ведя ее на одной и той же передаче. Если встречался труднопроходимый участок (а это случилось несколько раз), то, преодолевая его, я регулировал скорость оборотами двигателя да обеими «планетарками» одновременно. При остановке колонны двигатель мой, естественно, глох, и заводить его приходилось с буксира, а когда рядом не оказывалось ни самоходки, ни танка или из-за сложившейся обстановки им было просто не до нашей машины, я заводил двигатель, выключая главный фрикцион, чтобы не мешала включенная передача, а движение начинал с бортовых – прыжком. И главный грелся. При коротких задержках, чтобы не заглушить мотора, тоже приходилось выжимать педаль сцепления, опять же «разогревая» главный фрикцион. Так помог потрепать машину неизвестный полковник, к сожалению, в технике профан, хотя он и действовал в тот момент, побуждаемый самыми лучшими чувствами... К утру я уже затруднялся определить, кто больше устал за истекшие полсуток: наша машина или ее водитель. И угораздило же нас остановиться тогда на самом виду, да еще и у дороги, со своим ремонтом!

Ранним утром, когда наша колонна, состоявшая из нескольких ИСУ-152 и Т-34-85, вынуждена была задержаться для заправки горючим и снарядами, мы успели-таки выбить треклятую шестерню из зацепления. На кулисе, против прорези для четвертой передачи, выбиваю зубилом приметный крест, чтобы, увлекшись, не «воткнуть» случайно рычаг в запретную прорезь.

Днем продолжаем гнать фрица, который отстреливается кое-как, второпях. Пехоты нашей давно что-то не видно.

На нашей машине, отлично идущей, сегодня многолюдно и весело: кроме трех наших автоматчиков, на броне едут два пассажира – приблудившийся бронебойщик со своей долговязой «пушкой» и санинструктор Нина, Федькина зазноба.

Во второй половине дня стала появляться фашистская авиация. Чем это вызвано – нам понятно, и мы ухо держим востро. Сначала самолеты налетали поодиночке или в паре, но мы продолжали движение в колонне, на ходу увеличивая дистанцию между машинами и прибавляя скорости, так что немецкие бомбы понапрасну валили лес либо буравили болота по обеим сторонам дороги.

Надолго запомнится конец дня: на нашей машине из десяти человек совершенно невредимым, кроме меня, остался только заряжающий гвардии старший сержант Николай Зайцев. Серьезно ранило наводчика гвардии старшину Павла Лукина, двух автоматчиков и Нину, оцарапало замкового гвардии старшего сержанта Тихонова Кирилла, последнего нашего автоматчика и комбата. Незнакомый солдат-бронебойщик был убит наповал.

Дело было так. После очередного короткого воздушного нападения, во время которого на машине гвардии младшего техника-лейтенанта Кабылбекова близким взрывом покорежило левый ленивец, а у одной тридцатьчетверки, остановившейся почему-то прямо на дороге, 50-килограммовая бомба проломила крышу башни (экипаж, на его счастье, находился вне машины), старший офицер, ведущий колонну, получил по рации приказ: прекратить движение и дождаться пехоты. Уставшие за долгий день танкисты и самоходчики, радуясь передышке, с удовольствием выполнили команду, быстро рассредоточив вдоль обеих опушек машины и замаскировав их ветвями. Место, где мы остановились, представляло собой длинную поляну, образованную раздавшимся вдруг в обе стороны от дороги хвойным лесом. Машина Кабылбекова получила повреждение при самом въезде на эту поляну и находилась метрах в пятидесяти от моей. Из-за деревьев у поворота лесной дороги выставлялась только передняя часть подбитой самоходки. От нас хорошо видно, что экипаж ее уже приступил к ремонту. Чуть впереди меня, развернувшись лбом к моей машине, стоит Т-34-85, хорошо укрытый низко нависшими над ним ветвистыми сучьями двух старых ив.

Корма нашей самоходки окружена дико разросшимся лесным малинником. Кусты его густо осыпаны крупными ягодами, спелыми и сочными. Нашлись и лакомки. Как только была

закончена маскировка, Николай, Кирюша и один из автоматчиков решили «попастись», не отходя ни шагу от машины. Два других автоматчика остались у левого борта, обращенного к дороге, следить за воздухом и за поляной. Командир и наводчик тоже ведут наблюдение, высунувшись из башенных люков. Сидя за рычагами и покуривая в открытый лючок, словно в форточку, спокойно посматриваю на левую опушку с замаскированными танками и на дорогу, убегающую в дальний конец поляны и исчезающую в лесу. Пусть кто попробует сунуться сюда. Позади меня, прижавшись спиной к теплой моторной перегородке, клюет носом Нина. На броне, за башней, греется в лучах уже невысокого солнца бронебойщик. Очень тихо. Ни выстрела, ни звука мотора, будто и войны нет. Из лючка видно, как танцуют в воздухе, шелестя прозрачными, поблескивающими на солнце крыльями, большие лесные стрекозы, гоняясь за добычей...

Вдруг впереди, вдоль опушки, приближаясь к нашей машине, взметнулось несколько невысоких взрывов, на башне что-то двукратно резко лопнуло, по броне ударила частая россыпь осколков и пуль – и тотчас звуки этого бешеного смертоносного смерча перекрыл пронзительно звенящий вой авиационного мотора. С опозданием захлопываю смотровой люк: неведомо откуда взявшийся мессер, строча из пушки и пулеметов, стремительно пронесся на бреющем полете, почти касаясь верхушек деревьев. Едва стих вдалеке шум штурмовки, раздались стоны снаружи. Нина вскинулась, подхватила свою толстенную, увесистую суму и проворно вылезла из башни. Высовываюсь следом за ней по пояс из квадратного люка: два автоматчика беспомощно шевелятся на земле, возле самой гусеницы, а их товарищ стоит, прислонившись плечом к крылу, и зажимает правой рукой левую пониже локтя. Прямо передо мной, на моторной броне, неподвижно вытянулся, истекая кровью, солдат-бронебойщик: очередь крупнокалиберного пулемета прошила его тело. Убедившись, что наша помощь ему уже не нужна, Нина спустилась к автоматчикам, чтобы перевязать их. Кирюша вызвался ассистировать ей, а я прикрыл убитого малым брезентом.

Тревожный голос комбата позвал меня в машину. Поспешно влезаю в люк и вижу: наводчик, который еще минуту назад спокойно стоял на своем сиденье, сполз на днище и держится правой рукой за голову, а из-под пальцев по его лицу течет кровь. Гимнастерка на левом плече Лукина порвана и намокла от крови. Вдвоем с Кугаенко мы принимаемся неумело перевязывать молчащего старшину. Командир, просунув руки под мышки раненого, поддерживает его в сидячем положении, я орудую

индивидуальными пакетами.

Не успел я до конца забинтовать плечо, фашистский истребитель снова с ревом промчался над поляной, но уже в обратном направлении, осыпая опушку пулями и снарядиками. Санинструктор и замковый, застигнутые врасплох, легли на раненых, прикрывая их. Самолет мгновенно исчез за деревьями, и мы с комбатом, обеспокоенные, выскакиваем из люков. Наш Кирюша, пыхтя, подсаживает Нину на броню. Мы подхватываем девушку под мышки и втаскиваем в башню.

Санитарка наша вся изранена. Пока мы бинтовали ей голову, руку, даже бедро, все шло хорошо. Доходит очередь до спины. Надо снимать гимнастерку и нательную рубаху. И всем очень неловко. У Нины сонные глаза, полуобморочное состояние, но она вяло двигает руками, защищаясь, когда мы пытаемся расстегнуть пуговицы на гимнастерке. Кугаенко выругался сквозь зубы, приказал мне держать девушку за руки, а сам храбро задрал на ней обмундирование вместе с бельем до самой шеи. Потом, стараясь не глядеть на Нинину грудь, полную и красивую, мы торопливо смазываем девичью нежную кожу вокруг кровоточащих ранок и туго пеленаем стан широкими бинтами от пояса до самых лопаток. Наконец гимнастерка осторожно опущена, и Нина, тихо постанывая, улеглась с нашей помощью у моторной перегородки на разостланную комбатову шинель. Всего при перевязке мы насчитали у нее одиннадцать мелких осколочных ран. У левого борта полулежит Лукин, бессильно опираясь грудью на спинку моего сиденья, и изредка молча тяжело вздыхает.

– Бронелазарет! – криво усмехается Кугаенко. – Как теперь воевать-то будем, механик?

Пока мы оказывали помощь Лукину и Нине, тем временем Николай Зайцев и Кирюша с помощью легко раненного автоматчика перетащили двух остальных в укрытие – небольшое углубление у подножия старой толстой ракиты – и вернулись в машину.

Вокруг все спокойно и тихо. Только что ушли вперед тридцатьчетверки, кроме нашей соседки и той, что на дороге. Должно быть, танкисты решили рассредоточиться посильнее. Но нервничает Ваня Кугаенко у рации, вызывая санлетучку и требуя прислать с нею другого наводчика, стонут раненые, и лишь убитый лежит смирно.

В воздухе послышалось многоголосое гудение. Кто-то из боеспособных, выбравшись на башню, задрав голову, глядит в небо и с видом знатока рассуждает вслух (по голосу я узнал Зайцева):

– Ну, эти, наверно, летят по особому заданию.

А над нашей поляной, на высоте около четырехсот метров, выстроившись в ровную линию, уже неторопливо проплывают двенадцать Ю-87. И каждому из нас, кроме бронебойщика, нестерпимо хочется, чтобы они прошли дальше... Вот самолеты уже над центром поляны, вот поравнялись с нами. Кажется, не заметили... Уф-ф!

И тут самый левый штурмовик, очевидно флагманский, круто ныряет вниз, заваливаясь на левое крыло, отчего кажется, что он хищно изгибается, и идет прямо на нас. Снаряды, выпущенные асом, попадают по тридцатьчетверке и в борт нашей самоходки, но мы не двигаемся с места, чтобы не выдать себя. Спикировавший на эту же опушку второй «Юнкерс» бросает первые бомбы. Они начисто сметают с обеих машин всю маскировку. Сразу сделалось страшно неуютно. Стоять на месте больше нельзя.

– Заводи! Быстро вперед! – не дожидаясь второго бомбового удара, кричит Кугаенко. – Да отодвиньте же Лукина от водителя!

Взяв с места по-Федькиному, с первой ускоренной, разгоняю машину, прижимаясь к опушке, и почти сразу перехожу на вторую – бомбы разорвались позади.

– Смотрите в оба за «лаптежниками»! – кричу командиру и заряжающему по ТПУ, прибавляя газу.

Машина описывает по поляне широкую дугу, мчится вдоль противоположной опушки в обратном направлении.

Еще один стервятник спикировал – мимо! В голове гул и легкое кружение от близкого и сильного взрыва. Это что ж они, сволочи, к одному мне прицепились? Черта вам лысого! Нас только прямым попаданием возьмешь! Да ты еще попади сперва, раскоряка фашистская! Снова взрыв – слева, через несколько секунд – впереди. Охотитесь, гады?! Делая резкие повороты, неожиданно меняю направление движения, выписываю большие восьмерки и зигзаги, прячусь вдруг в тень опушки и снова выскакиваю на дорогу. Простора для маневра много.

Проезжаю нарочно около самой тридцатьчетверки, выведенной из строя раньше, но на нее фрицы и внимания не обращают. Как рой разъяренных шершней, как вошедшие в азарт борзые, уже видящие перед самым своим носом мелькающий хвост добычи и готовые обогнать даже собственную тень, носятся над поляной «Юнкерсы», дико завывают, сваливаясь в пике, стегают по броне пушечно-пулеметными очередями и роют луг взрывами, то и дело осыпая самоходку землей. Да что же я им – мишень на учебном полигоне? Нервы мои больше не выдерживают. С разгону втыкаю машину в опушку, в тень,

недалеко от того места, где все началось, но тотчас грохочет новый взрыв, и на башню нам обрушивается дерево. Видят, стервецы! Командир молчит, раненые, сжавшись, лежат на днище. «Опять заходит!» – с тоской произносит Кирюша, торопливо захлопывая приподнятую для наблюдения крышку квадратного люка. Это заставило меня немедля включить передачу, и машина полезла на третьей замедленной прямо через лес, валя деревья. На беду, в стороне от поляны место оказалось низким, сырым, и развернуться я побоялся, а только сбавил скорость. Перед машиной возникли вдруг две темные ели, толщиною в обхват, не меньше. Наезжаю сразу на обе. Деревья дрогнули, но устояли. Сгоряча прибавляю газу – гусеницы, упершись в стволы елей, пробуксовали, прорезали дерн – и ИСУ уже сидит на днище, ни взад ни вперед. Тут и началось такое, перед которым все предыдущее показалось нам забавой...

Полуторастометровая просека, проложенная моей машиной напрямик от опушки к двум высоким елям, и две широких черных полосы от гусениц послужили отличным ориентиром для немецких летчиков. Они методически делали вдоль нее заход за заходом, бомбы ложились то дальше, то ближе к машине, иногда почти вплотную, но ни разу не задели ее. Край воронки от 100-килограммовой фугаски чернел всего в трех шагах от правой гусеницы. На пятом заходе (самолеты атаковали по одному) пикировщик поджег большой брезент, привязанный к правому крылу. Хуже всего было то, что рядом с ним, на том же крыле, находились два дополнительных бака с горючим...

После очередного захода, когда самолет выходил из пике, а следующий за ним только разворачивался, мы с Зайцевым успели столкнуть удушливо чадивший брезент с крыла и нырнуть обратно в люки. После седьмого отвинтили барашки и освободили баки от стяжных лент, промешкав при этом две-три лишние секунды, и «лаптежник» уже открыл огонь, но второпях выпустил длинную очередь выше башни, а то мы вряд ли бы смогли вернуться в машину. Еще одну вылазку пришлось сделать, чтобы сбросить на землю баки с газойлем.

Брезент, упавший в метре от гусеницы, густо дымил черным, облегчая задачу фашистским пилотам. Швырнув бомбу, самолет неторопливо описывал широкий круг и пристраивался в очередь – для нового бомбометания. Разъяренные неуязвимостью тяжелой самоходки, горе-асы снова и снова штурмовали нашу исушку, а нам только оставалось с замиранием сердца и крепко стиснутыми зубами встречать каждый новый вой, падающий на нас сверху вместе с треском очередей, и ожидать неминуемой смерти, но каждый раз мы получали новую минутную отсрочку... И самое

ужасное в подобном положении – это невозможность действовать, хотя бы двигаться.

Во время девятого или десятого захода осколком бомбы ранило комбата, который, воспользовавшись короткой паузой, выскочил наружу посмотреть, как засела самоходка и нельзя ли чего предпринять, чтобы вырваться из этой западни. Кугаенко стоял под стволом пушки, как раз напротив моего лючка, и успел пригнуться при взрыве бомбы, да так и остался в согнутом положении, схватившись руками за живот. Наводчик помог командиру забраться в башню, и мы с Кирюшей сделали перевязку. Осколок, к счастью Кугаенко, скользнул поперек живота и вспорол кожу, лишь слегка повредив мышцы, но крови было много. Ивану повезло: могло бы и совсем выпотрошить.

Тут с отчаяния и злости вспомнили мы о противотанковом ружье, которое лежит без пользы на моторной броне, рядом с мертвым хозяином, под малым брезентом. Втащили его за приклад внутрь башни. Подрагивая от распирающей нас мстительной радости, мы с Кириллом выдвинули длиннющий тонкий ствол из приоткрытого квадратного люка, загнали в казенник большой желтый патрон с черной головкой и стали выжидать удобного момента для выстрела. Только пристроили половчее ружье – спикировавший «Юнкерс» всадил снаряд прямо в рым (четыре таких кольца приварены по углам крыши башни для облегчения монтажа) слева от квадратного люка. Осколки брызнули вместе с пламенем внутрь боевого отделения, и Кирюше, не успевшему отскочить от люка, сильно оцарапало правый бок. К ружью стал заряжающий – последний целый «пушкарь».

Когда ж этот кошмар кончится? Но кровоточащий диск солнца, как назло, словно застрял в небе, проткнутый зазубренной верхушкой ели, и никак не может сползти за лес. Время как будто остановилось...

Три-четыре раза со злобой пальнули по стервятникам. Зайцев нажимал на спуск в тот момент, когда самолет начинал хищно крениться, переходя в пике. Но должно быть, мазал. Удобней было бы бить вслед «лаптежнику»: при выходе из пике он на какое-то мгновение зависает в «мертвой точке». Однако дошлые асы заходят все время с кормы, непрерывно ведя пушечно-пулеметный огонь.

Уже давно потерян счет бомбовым разрывам и диким завываниям пикировщиков, нервы наши натянуты до предела, как струна, готовая вот-вот лопнуть... И какой черт понес меня в лес?!

Вся земля вокруг машины изрыта воронками, которые быстро наполняются водой, темной, маслянистой; повыдраны с корнем

кусты; переломаны, расщеплены и посечены осколками ближние деревья, а наша исушка стоит себе, точно заговоренная, и, как горох, с дробным звоном отскакивают от ее толстых бортов и башни осколки и пули.

И хоть бы один наш «сокол» в небе появился! Мы помолились бы на него!

Руки и ноги у меня отяжелели и подчиняются с трудом, уши сильно заложило, голова медленно кружится, и в ней, будто в резонаторе, отдается и грохот взрывов, и треск очередей, и выворачивающее душу дикое завывание юнкерсовых сирен...

Из-за лесных макушек, с запада, со стороны моря, выползла черно-синяя тучка, разбухла на глазах, проглотила солнце. Уже из чрева тучи, прощаясь с землей, оно брызнуло сквозь узенькую прорезь веером красно-золотистых трасс и погасло. В лесу сразу сделалось почти темно. Наши изверги, еще по разу постучав по броне самоходки из пулеметов (бомбочки-то порасшвыряли впустую), убрались восвояси не солоно хлебавши. И «тогда считать мы стали раны, товарищей считать...».

Сперва, двигаясь на непослушных, подгибающихся в коленях ногах, которые сделались как бы ватными, мы с Зайцевым принесли на закорках раненых автоматчиков, оставленных под деревом на опушке. Затем в присутствии комбата, Кирюши и третьего автоматчика закопали прямо в вывороченную взрывом мокрую черную землю убитого бронебойщика. В карманах его мы не нашли никакого документа, ни письма – ничего... Затесал Николай с одного боку еловый столбик, вбил его в изголовье солдата, уснувшего вечным сном. Отсалютовали ему из его «бронебойки». Карандашом делаю надпись на столбике: «Бронебойщик, рядовой. Фамилия и часть неизвестны. ПТР №... Убит 12 августа 1944 года».

У нас семеро раненых, из них четверо – серьезно. Они часто просят воды. В бачках она давным-давно кончилась. Мы вынуждены брать затхлую воду из воронки и процеживать ее через полотенце. Напоив раненых, расстилаем на еще теплой надмоторной броне полусгоревший брезент и укладываем на него четверых наиболее пострадавших. Мы с Николаем примостились кое-как рядом с ними, положив для верности у себя под боком чужие автоматы. Командир с Кирюшей устроились в машине, а легко раненный автоматчик, баюкая руку с засевшим в ней осколком, начал тихо кружить вокруг машины: он вызвался дежурить первым.

Мгновенно засыпаю как убитый. Ночью стал накрапывать дождь, постепенно он усилился. Сквозь сон я почувствовал, как по телу пробираются холодные струйки воды, как стынут руки и

спина, но нет никаких сил пошевелиться: мышцы оцепенели, скованные страшной усталостью.

13 августа

Перед рассветом отыскала нас наконец санлетучка и увезла Нину, наводчика Лукина и двух автоматчиков. Легко раненные, по гвардейскому обычаю, отказались покинуть машину. В экипаже осталось нас четверо. Пятый – автоматчик, которому на месте удалили слепой осколок, наложили хорошую повязку и сделали противостолбнячный укол. Комбат наш станет пока за наводчика стрелять. Он это неплохо умеет.

Через час-полтора, когда достаточно развиднелось вокруг, привел на помощь свою ИСУ Кабылбеков, отремонтировавший за ночь с ребятами из ремвзвода подшипник левого ленивца, и выдернул нас. В глазах его я прочел искреннее сочувствие: на их машину вчера вечером ни одной бомбы не упало.

Выбравшись из коварного леса на злополучную опушку с измятыми и поломанными кустами малинника (намалинились!), задержались на пару минут около тридцатьчетверки, нашей вчерашней подруги по несчастью. Все люки в танке открыты настежь, а экипажа поблизости не видать. Заглянули в люк механика-водителя: на днище жирно блестит растекшееся масло. Мы хотели взять себе один ДТ. Места он немного займет, а вещь нужная. Однако оба пулемета оказались снятыми, снят был также прицел и клин замка орудия. Значит, машина не брошена в панике, а оставлена экипажем. Почему? Через трансмиссионный люк мы увидели разбитый картер КПП. Все трансмиссионное отделение залито и забрызгано маслом. В правом борту, как раз против коробки, светятся две небольшие пробоины от авиационных снарядов. Дырки эти нас не удивили: бортовая броня у нашего среднего танка всего 20 миллиметров.

Высосав через шланги остатки газойля из топливных баков поврежденного Т-34, мы с Кабылбековым полдня догоняем свои самоходки и танки. После вчерашнего «сабантуя» работать натощак трудновато. Немецкая авиация старательно патрулирует дороги, ведущие к переднему краю, но мы, завидя самолет, лихо маскируемся и, убедившись, что нас не обнаружили, продолжаем движение. Хорошо выручает лес.

На марше Кугаенко заметил, что замковый не слышит его по ТПУ. На ходу Кирюша с Николаем прощупали всю проводку и нашли причину: один из осколков, залетевших вчера в башню, перебил экранированный провод, что проложен по правому борту,

рядом с боеукладкой. А если бы он продырявил гильзу? Брр!.. «И понеслась бы телеграмма»... Не хватало еще взлететь на воздух от какого-то дурацкого осколочка в несколько граммов весом, тогда как даже фугасками нас не смогли взять.

Приблизительно между тринадцатью и четырнадцатью часами останавливаемся из-за нехватки горючего и старательно маскируем машины в придорожном лесочке. Пока ждем заправки, принимаюсь за письма: несколько слов матери и Лиде. Интересно, перебралась ли из Сампура в Смоленск мама с девчонками? В последнем письме она сообщает, что на Тамбовщине уже началась реэвакуация и что они с Майкой спят и видят наш смоленский дом (только вряд ли он уцелел). Аля еще мала, Смоленска не помнит, и ей все равно.

Вечером нагнал нас почти выздоровевший после ранения подполковник Уткин с полковой радиостанцией. Ему, оказывается, досталось от мессера на другой день после нашей последней встречи с ним у Федькиной машины.

Ровно год назад, в такой же хороший закатный час, сгорела моя первая машина.

14 августа

Исполнился месяц, как воюю на этом фронте. Юбилей!

Сегодня передвигаться по дорогам было поспокойнее: наши истребители иногда мешали немецким летчикам резвиться.

В конце дня получили приказ остановиться и произвести техосмотр. Дружно навели порядок в машине, так что даже времени свободного немного осталось. И почта приезжала. Получил письмо от Маи: они пока еще в Сампуре.

15 августа

В 18.00, уже закончив дневной марш, узнаем от начштаба о награждении нашего полка орденом Красной Звезды за лихое форсирование реки Великая и участие в освобождении города Остров.

А до этого опять был трудный день: проклятые стервятники, подкарауливая колонну чуть ли не над каждой дорогой, буквально не давали вздохнуть свободно.

Сразу после обеда крепко поранило Кирюшу Тихонова, а Николаю Зайцеву прочертило осколком длинную кровавую борозду между лопатками. Днем к нам удачно проскочила

«кормилица», и мы, упрятав машину в ельник, торопливо разделались с обедом (а вдруг помешают?). Веселее воюется, когда подзаправишься. В небе было пустынно, и Николай с Кирюшей, захватив котелки и ложки, с оглядкой спустились вниз, к небольшой быстрой речушке с крутыми берегами и синевато-серым глинистым слоистым ложем. Укрывшись под широким кустом, ребята выдраили посуду, а потом Николай заодно решил смыть с себя пыль и пот хотя бы до пояса. Стянув с плеч комбинезон, сбросив гимнастерку вместе с нательной рубахой, он с наслаждением стал плескать холодную воду на свой обнаженный мускулистый торс. С завистью смотрю сверху, стоя у кормы машины: Кугаенко ни на шаг не разрешил мне отходить без самой крайней нужды.

И вдруг какой-то глазастый фриц с пролетавшего мимо «Мессершмитта» засек белое полотенце, неосмотрительно повешенное Зайцевым на куст рядом с гимнастеркой. Истребитель сразу круто спикировал и сбросил обе свои 50-килограммовые бомбы. Они упали на береговой откос, и взметенная взрывами земля скрыла от нас заряжающего с замковым. Внутри у меня похолодело. То же самое, должно быть, испытывали в этот момент и Ваня Кугаенко, и автоматчик с перевязанной рукой, напряженно уставившиеся на то место, где только что были Кирюша с Николаем. В томительном молчании прошло с минуту. Мы с Кугаенко двинулись было вниз, но из плавающих среди кустарника клочьев дыма навстречу нам вынырнул голый до пояса Зайцев. Он что-то кричал и размахивал руками, показывая на берег.

Кирилла мы принесли к машине на шинели втроем. Николаю смазали йодом кровоточащую борозду вдоль верхней части спины (везет же человеку!). Взрывом выдрало из земли куст с полотенцем и разнесло в клочья гимнастерку Зайцева. О ней никто бы особенно не сожалел, но в левом нагрудном кармане ее хранилась кандидатская книжка гвардии старшего сержанта. А над карманом была прикреплена медаль «За отвагу».

Командир срочно вызвал санлетучку, стал помогать заряжающему в поисках улетучившегося документа, а меня оставил возле раненого. Кирюшу в экипаже все очень любят. Бледный от боли, он тихо лежал в тени самоходки, рядом с левой гусеницей, задумчиво поглаживая подрагивающими пальцами прохладный обод опорного катка.

Обшарив весь крутой склон к речке и даже побывав на том берегу, вернулись с пустыми руками командир и заряжающий.

Только вечером приехал зеленый автофургон из полковой санчасти и увез в госпиталь Кирюшу. У него тяжелое ранение в

бедро. Кирюша со всеми тепло попрощался, а комбату подарил свой единственный трофей – настоящую финку, острую как бритва, в красивых кожаных ножнах с изображением бегущего оленя. Нож обронили впопыхах финны, удиравшие со своей батареи (мы подобрали на той отбитой у противника батарее немецко-финский разговорник).

Теперь мы остались на машине вчетвером, считая и автоматчика. И это после недавнего многолюдья!

Перед наступлением темноты я привел наконец машину в пункт сбора. Здесь уже почти все уцелевшие до сих пор наши ИСУ, сюда же съезжаются средние танки из Н-ской бригады.

Экипажам самоходок приказано в полном составе явиться к командирской машине. Пришли и гости-танкисты. Состоялся короткий торжественный митинг по случаю награждения нашего полка орденом.

16 августа

Всю ночь не давала спать больная рука. Рано утром в наш экипаж прибыло пополнение из трех человек: нового наводчика, вместо раненного четыре дня назад Лукина; замкового – на место Кирюши Тихонова; меня опять заменил новый механик из-за руки. Все трое незнакомые.

Прямо на огневые позиции самоходок приезжал днем командир полка, побеседовал с некоторыми экипажами. По его виду чувствуется, что он немного встревожен: противник на нашем участке активизируется, временами даже переходит в контратаки. Причина нервозности фрицев всем нам ясна: прижимаем их все ближе к морю, а драпать пешком по волнам несподручно.

Как не хочется отставать от боевых машин! И после слезных просьб моих надо мной сжалились: разрешили следовать за самоходками в ремлетучке. Через пару часов летучка останавливается: полетел ленивец у одной ИСУ.

Ремонтникам нашим в последнее время достается здорово, они даже спать не успевают: дороги отвратительные, местность труднопроходимая, матчасть сильно подносилась – неисправности, не говоря о повреждении в бою, случаются то и дело.

Пока ребята Кузнецова возились с ленивцем, успеваю, как неработоспособный, пробежать армейские и фронтовые газеты за последние дни. Во фронтовой опять про наших ребят пишут. На этот раз отличился экипаж гвардии лейтенанта Филатова и

гвардии младшего техника-лейтенанта Кабылбекова. Они, стоя в засаде, подкараулили «Тигра», который задумал сменить позицию и пополз наискось по склону холма, не подозревая, что за ним наблюдают. Метко посланный наводчиком 48-килограммовый бронебойный снаряд взорвался под днищем танка, идущего с большим креном на левый борт. После того как дым и пыль, поднятые взрывом, сделались реже, экипаж увидел редкое зрелище: «Тигр» валялся вверх «лапами», то есть гусеницами! Иван Филатов воюет вместе с Кабылбековым с 9 августа. Это у него уже третья машина.

На сон грядущий прослушали сводку о действиях союзников: вчера они высадили крупный десант между Ниццей и Марселем и даже начали продвигаться на север, так как помешать им в этом особенно некому. Цель продвижения – соединиться со своими войсками, наступающими из Нормандии.

17 августа

Как только малость поутихло в воздухе, наша ремлетучка начинает отважно приближаться к полку, уже вступившему в соприкосновение с противником. Гвардии старшина Кузнецов приказал поставить свою мастерскую на колесах в каком-то селе, северо-западнее которого, где-то совсем рядом, судя по звукам перестрелки, действуют наши машины.

Когда летучка еще только подъезжала к окраине, впереди нас стали падать немецкие мины. Одна из них разорвалась у самой кормы самоходки, катившейся по дороге, и переранила несколько солдат, стоявших и сидевших за башней. Особенно сильно пострадал Владимир Калинин, хороший разведчик, рослый, красивый и смелый малый. Он сидел позади всех, раскинув ноги по наклонному листу брони, и осколками ему посекло обе ноги и весь пах. Солдат страшно кричал, то требуя, то умоляя, чтобы его пристрелили. Может быть, в его положении это и было бы лучшим выходом, но у кого же поднимется рука на товарища? Разведчику связали руки и отправили в санчасть на ремлетучке.

По солдатскому телеграфу ремонтникам стало известно, что ожидается марш-бросок на север, километров на девять (какая точность!).

Вечером получаю приказание возвратиться к штабу, но добираюсь до указанного места лишь к 23.00. В штабе в это время все с волнением и торжеством слушают сообщение Совинформбюро о выходе войск 1-го Прибалтийского фронта на границу Восточной Пруссии по реке Шешупа (в Литовской ССР).

На государственной границе, у порога фашистского гнезда, пользующегося дурной славой у народов Европы из-за волчьих, агрессорских повадок, как грозное предупреждение о недалекой и неизбежной расплате за все злодеяния вспыхнуло наше алое знамя, которое поднял на берегу речки старший лейтенант Зайцев, русский человек.

Союзники во Франции взяли города Шартр (в 80 километрах от Парижа) и Орлеан, подошли к Тулону и Ницце, а в Италии заняли Флоренцию. По всей видимости, немцам сейчас не до Франции и Италии, потому что в ворота их собственного рейха раздается громкий стук с Востока...

18 августа

Узнал днем, что сегодня ранен Ваня Кугаенко. Жаль, черт возьми! А Н. Зайцев, поговаривают глухо, будто бы сам прострелил себе руку и теперь находится в госпитале. Только мне не верится почему-то...

19 августа

Машина хозчасти с кухней в кузове нарвалась на засаду. По свидетельству нашего начфина и шофера грузовика, убит гвардии старшина Языков, старший на машине этой, наш заботливый кормилец и поилец, смело доставлявший горячую пищу прямо на передовую. Все искренне жалеют о нем...

Как рассказал мне шофер, Языков, когда они приблизились к переднему краю, стал на подножку «Студебеккера» – для лучшего обзора и чтобы не прозевать какую из своих самоходок. Так они въехали с оглядкой в тихий лесной хутор, совершенно пустынный. Внезапно из слуховых чердачных оконцев двух домов, стоящих друг против друга, ударили длинные автоматные очереди. Старшина замертво упал на землю. Пока шофер, низко пригнувшись к самой баранке, под огнем быстро разворачивал машину в обратном направлении, начфин с непостижимой ловкостью вывалился из кабинки, перевернулся через голову и угодил в кювет. Водитель, не заметив пропажи старшего лейтенанта, дал газ, а тот, подхлестываемый выстрелами, бойко побежал следом на четвереньках. Неожиданно для себя наш начфин сделался героем дня: несмотря на не совсем удобный способ передвижения, он спас-таки портфель с нерозданной зарплатой.

20 августа

Написал в свой старый полк командиру Коле Баландину и всему его экипажу, послал ответ калининскому дяде Коле (единственному из дядей, не находящемуся на фронте, да и то по состоянию здоровья).

21 августа

Продвинувшись с боем за день на несколько километров вперед, стоим в узкой, но густой лесопосадке. Левее тянется железнодорожная ветка с перерезанными шпалами и сдвинутыми друг к другу рельсами. Поэтому и не слышно пока бодрых гудков восстановительного поезда железнодорожного батальона. Работенки желдорбатовцам задал здесь фриц премного.

Почти над нами под вечер мессеры на виду у всех сбили трех наших «ястребков». Хищники подкараулили Яков, прячась за облаками. Имея преимущество в высоте около тысячи метров, фашисты вшестером, неожиданно для наших летчиков набросились с трех сторон, как шакалы... У, гады! Хоть из своей пушки-гаубицы пали в бессильной злобе...

Упали наши Яки, не успев набрать высоты и ни разу не выстрелив... Два истребителя оказались по эту сторону железнодорожного полотна, на лугу. Мы сходили к самолетам. Они не загорелись. Оба убитых летчика – зеленые юнцы, как и большинство из нашего брата.

А войска нашего 3-го Прибалтийского фронта уже в 12 километрах от города Тарту. По приказу командующего фронтом войска временно оставили город Тукуме и теперь, развязав себе руки, заходят с востока на Ригу.

Союзники вошли в Тулон, а также форсировали Сену и находятся в 24 километрах от Парижа.

22 августа

2-й Украинский (дважды мой фронт) совершил большой прорыв в полосе 120 на 60 километров и взял Яссы! А 3-й Украинский прорвал оборону противника на фронте протяженностью 130 километров и в глубину на 70 километров. Союзнички же обходят Париж на цыпочках. Они приблизились к французской столице на расстояние в 10 километров.

23 августа

Утром был свободен и разыскивал пропавшие, как водится, вещи, которые мы сдаем на хранение в РТО. На этот раз, кажется, все уладилось.

Каждый день с нетерпением жду возвращения гвардии сержанта Губанова с почтой, а писем от Лиды все нет. Настроение поэтому не ахти.

У Вани Филатова опять подбита машина (уже третья), а он невредим по-прежнему. Дикое везение! Тьфу-тьфу!..

Дежурю по пищеблоку. Ну, сегодня Федин экипаж на обед не пожалуется. Только бы доставить его ребятам вовремя смогли. Язькова-то нет.

В Молдавии освобождены от фашистов Бендеры и Аккерман, а в Польше – Демблица и Вислуй. Три Украинских фронта дают жизни!

Союзниками взят Гренобль, уничтожен мешок у города Фалез. Кстати сказать, с этим мешком они возились так долго, что немцы из него, не будь дураки, давно, наверное, повылезали, оставив победителям одну лишь мешковину. О пленных и трофеях в сводке Союзного командования скромно умалчивается.

24 августа

Горе-вояка Березовский в последнем бою остался совершенно без машин. Имея особый нюх, он сразу почувствовал, чем дело пахнет, и ушел от своих самоходок «связываться с командиром пехотного батальона», как всегда поступал в тех случаях, когда прятаться за бронею становилось небезопасно. Ну и подлец!.. В результате «умелого управления» батареей три ИСУ в бою сгорело, погибли все три командира машин: гвардии лейтенанты Ахмедов, Булак и Ципицин. Их механики, как это ни странно, остались в живых. Обычно бывает наоборот.

Машина Вани Филатова тоже участвовала в этом деле. Болванка продырявила лобовую броню башни над головой водителя Кабылбекова. Осколками у них убило заряжающего и ранило замкового. Остальные члены экипажа, то есть сам командир, механик и наводчик, отделались легкой контузией.

Перед вечером уезжаю к машине Кабылбекова, чтобы отбуксировать с ее помощью на станцию Сымерпалу свою бывшую машину из второй батареи, где комбатом Ваня Кугаенко, с которым мы так печально провоевали вместе всего несколько

дней.

Ствол пушки кабылбековского «коня» во время движения от тряски сам собою уныло опускается вниз, так как подъемный механизм, поврежденный болванкой, не стопорится. Наводчик, единственный человек из экипажа, оставленный при аварийной машине, то и дело подкручивает маховик, приподнимая бессильно свисающий ствол, который очень нелестно сравнивает при этом со стариковским... На буксируемой самоходке есть только механик-водитель гвардии техник-лейтенант Махнев. Это он меня тогда сменил.

Ночевать останавливаемся в открытом поле лишь тогда, когда темень настолько сгустилась, что ни зги стало не видать.

25 августа

К 10.30 беспомощная самоходка Махнева благополучно отбуксирована на глухую эстонскую станцию, расположенную среди лесов. Обе машины устанавливаю рядом с маленьким одноэтажным станционным зданием. Все трое начинаем томиться от безделья в ожидании дальнейших приказаний. Людей вокруг – больше никого.

Потом появились откуда-то две эстонки, седая старуха и очень некрасивая плотная молодайка, обе одетые по-дорожному, молчаливые и строгие. Нам непонятно было, зачем они притащились с котомками на станцию, через которую поезда еще ходить не могут. Впрочем, крестьянки могли об этом и не знать.

Заняться нам было совершенно нечем, и мы с Махневым стали учиться спрашивать по-эстонски о самом необходимом у молодой женщины, которая умела, хотя и с сильным акцентом, говорить по-русски и оказалась гораздо общительнее своей спутницы, ни разу не раскрывшей рта. Через полчаса набор нужных слов и фраз был записан мною вместе с переводом на обложках немецко-финского солдатского разговорника, которым, как выяснилось во время этого «урока», вполне можно пользоваться в беседе с эстонцами.

Поблагодарив женщину, залезаю на башню, нагретую солнцем, и повторяю про себя: «Рээкит тэйе ээстикельт? Тэр! Кис он сильд? (Говорите ли вы по-эстонски? Здравствуй! Где мост?)». Упражнения мои опять прервал одиночный орудийный выстрел. Звук резкий, хлесткий – калибр небольшой. Странная какая-то пушка и бьет почему-то в нашем тылу, где-то не очень далеко, за лесом. С тех пор как мы приехали на станцию, это уже пятый или шестой выстрел...

Наконец пришла автомашина из полка с тремя автоматчиками для охраны самоходок и с приказом для меня – поспешить на выручку нашей ИСУ-152, засевшей в болоте. Машина та – из второй батареи, которую принял от раненого Кугаенко гвардии старший лейтенант Сергей Федотов. Он прислал за мною сержанта-заряжающего, чтобы показать дорогу.

Махнев садится в кабинку к шоферу и машет мне на прощание, а я, оставив всех автоматчиков при махневской машине, вывожу самоходку на хорошее, почти не разбитое шоссе и гоню через еловый лес. Дорога плавно закругляется вправо, вскоре начался небольшой уклон, и поэтому перехожу на вторую ускоренную передачу и все «погоняю»: «И какой же русский не любит быстрой езды!» Вдруг лесок кончился, шоссе резво ныряет с пригорка вниз и бежит дальше уже по широкой болотистой равнине, живописно заросшей густым камышом с курчавыми островками кустарника. Ветер с упругой силой врывается в открытый смотровой лючок и приятно обвевает лицо. Машина, тоже успевшая отдохнуть после буксировки, слушается хорошо, и вести ее – одно удовольствие.

Навстречу мне, подпрыгивая на выбоинах дороги (это уже гать!), мчится порожняя полуторка, самая знаменитая и выносливая из всех фронтовых колесных машин, отечественных и иностранных. Почти не убирая газа, вежливо принимаю немного вправо, к обочине, – шофер и не думает сторониться. В последний момент, опасаясь задеть на встречных скоростях грузовик, слегка дотрагиваюсь до правого рычага поворота – самоходка резко кренится вправо, сползая в кювет, к реву двигателя примешивается угрожающий скрежет правой гусеницы. Торопливо тяну на себя левый рычаг, чтобы выровнять машину, да не тут-то было! Разлетевшись под гору, наша пятидесятитонная громадина проползла еще несколько метров вперед, калеча дорогу, пока прочно не уперлась во что-то. Сели! Как мимолетны редкие счастливые минуты в нашей жизни!

Раздосадованный, отталкиваю наводчика от его люка и высовываюсь из башни: невредимый грузовичишко за нашей кормой неторопливо удаляется, а водитель его, распахнув левую дверцу кабины, широко и, как мне показалось в ту минуту, издевательски улыбается. Нет чтобы посочувствовать! И такого хама пожалел! Со злостью грожу ему кулаком. Он быстро захлопывает дверцу, газует – и был таков. На заднем борту полуторки перед номером большая яркая буква «Е». Точка! В таких гиблых местах не давать больше никакого спуску автомашинам с этим литером! Пусть пятятся задом или садятся в болото. Утешив себя этим планом «кровной» мести, приступаю к

осмотру ходовой части правого борта. Катки все целы – прекрасно, но самое неприятное то, что гусеницу вырвало из-под опорных катков и она оказалась прижатой днищем к земле, когда обочина дороги срезалась под несущейся во весь дух тяжестью. Да, не зря говорится на Руси: «Поспешишь – людей насмешишь». «Выручил» своих – нечего сказать!

И взялись мы втроем, засучив рукава, за шанцевый инструмент... В поте лица, набивая мозоли на ладонях и ссаживая кожу на пальцах, долго подкапываемся под катки, потом с превеликими муками рассоединяем гусеницу в нескольких местах и к вечеру вправляем-таки ее на место. Уф-ф!

В самый разгар нашей работы проходила мимо вперед пехота, усталая, пыльная, без строя, большими и малыми группами. Закончив выбивать очередной соединительный палец (это пришлось делать в очень неудобном положении), вылезаю из канавы с кувалдой и выколоткой в руках и с наслаждением распрямляю ноющую поясницу. Медленно шагая посередине шоссе, приближаются двое пожилых солдат, с винтовками за плечом и с вещмешками за спиной, о чем-то негромко беседуют между собой.

Оказавшись рядом с повисшим стволом нашей пушки, они задержались на минуту, и один из них, что повыше, в расстегнутой шинели, в очках на худощавом интеллигентном лице с Пробившейся редкой седоватой щетиной, вполголоса говорит товарищу, показывая на пробоину в башне слева от маски и на наши подкопы: «Вот поистине героический труд! А кто его видит?» Второй, с морщинистым хмурым лицом, согласно кивнул, и солдаты побрели дальше. Похвалу неизвестного человека слышать приятно, но из-за того, что пожинаешь чужую славу, да еще сидя с машиной в кювете, тебя одолевает жгучий стыд... Подхватив кувалду, опять иду стучать натощак. Некоторые пальцы выходят из траков очень туго. По-видимому, позаклинивались.

Сделав все, что было в наших силах, после работы закуриваем, чтобы приглушить чувство голода и чтобы не так рьяно атаковали комары, тучами поднимающиеся с болот, над которыми уже поплыл легкий белый парок. Однако махорочный дым не помог, и мы отступили в машину, тщательно задраив все люки. Радовались мы недолго: назойливые маленькие стервецы исхитрились просочиться в боевое отделение в какие-то щелки между маской орудия и башенной броней, возле прицела (дыру во лбу и смотровую щель я предусмотрительно заткнул ветошью).

Звонко бацая себя то по лбу, то по затылку, слушаем с наводчиком рассказ сержанта, нашего проводника, о том, как три

машины нашего полка (в их числе и та, что застряла во время боя в болоте и в которой в то время находился сам рассказчик) участвовали в перехвате немецкого бронепоезда. Бронепоезд этот, в результате нашего быстрого продвижения вперед, неожиданно очутился у нас в тылу и попытался прорваться к своим. Но не тут-то было! Самоходчики, предупрежденные по радио, повернули машины обратно и успели подойти на прямой выстрел к железнодорожной ветке, когда пестро камуфлированный состав, крадучись, втягивался в лес. Огонь открыли с ходу, и 152-миллиметровый снаряд разбил один из броневагонов. Поезд застрял. Замыкающая состав двухбашенная платформа попробовала было отстреливаться, но после прямого попадания снаряда взорвалась. Из вагонов горохом посыпались фашисты, спасаясь от огня самоходных орудий и разбегаясь кто куда по болотистому лесу. Их начала преследовать наша мотопехота, прибывшая к месту побоища на вездеходах. По словам пехотинцев, они нашли в поезде много съестных припасов. Один из вагонов оказался доверху набит посылками, пришедшими из Германии, да так и не розданными солдатам.

«Юнкерсы», прилетевшие, очевидно, для прикрытия бронепоезда при прорыве, явились к шапочному разбору, и их запоздалая ярость ни к чему не привела: им удалось только загнать в болото две тяжелые самоходки и одной из них сделать из автоматической пушчонки маленькую пробоину в задней броне рубки. Никто из членов экипажей не пострадал.

Укладываясь спать в машине, слушаем по рации про освобождение воинами нашего фронта древнего города Тарту. Остзейские немцы называли его по-своему – Дерпт, а когда-то это был русский город Юрьев.

26 августа

Рано утром пришли сразу два тягача, и с их помощью наша машина вылезла на дорогу, но при этом правая гусеница, которую вчера невозможно было ни надеть как следует на катки, ни тем более подтянуть, совсем спала. Изрядно повозились и попотели, пока протаскивали ее тягачом под катками. Остальную половину гусеницы, разостланной впереди, я хотел через поддерживающие катки затянуть «звездочкой», но двигатель не завелся: горючего в баках маловато и воздух скопился в системе питания, а выгнать его нечем, потому что «альвейер» у Кабылбекова не работает. В результате пришлось до конца «обуваться» с «нянькой». Счастье наше, что тягачи не поторопились уехать.

Тут же, на этой гати, узнаем, что Румыния капитулировала, что немецкий холуй Антонеску арестован, а король Михай I объявил войну Германии. Так, значит, союзники Гитлера не только в кусты бегут, но и тузить его собираются. Пусть румыны – вояки не ахти какие, но с худой овцы – хоть шерсти клок. Приятная новость!

27 августа

Заправляем передний левый бак двумястами литрами газойля (гэсээмщики сбросили нам мимоездом всего одну бочку, чтобы можно было добраться до Сымерпалу – нашего исходного пункта) и долго возимся с заводкой. Ну и покрутили же мы коленвал вручную! Ай, спасибо товарищу изобретателю электроинерционного стартера!

В полдень проезжала чья-то кухня и накормила нас завтраком, который мы уничтожили молниеносно. Подкрепившись, долго плещемся в речке, старательно смывая с себя пот и грязь. Вместо мочалок – осока. После этих двух приятных процедур без паники возвращаемся знакомой дорогой на станцию, где на скорую руку приводим машину в порядок перед отправкой ее на СПАМ.

«Загораем» здесь впятером: трое тех же автоматчиков и мы с наводчиком. Наш провожатый, сержант из федотовской батареи, отправился к своим еще вчера утром на тягаче.

Однако «загорать» на этой станции, к которой со всех сторон подступает лес, – занятие малоприятное и даже нервное: время от времени непонятно где, среди болот и лесов, начинает тявкать неведомая наглая пушчонка. Я узнал ее голос. Тут уже не первый день наш тыл, а она гвоздит при всяком шуме, раздавшимся на шоссе. Любопытнее всего то, что ее ищут уже второй день и не могут обнаружить ни с земли, ни с воздуха, – так сказал наш штабник, направлявшийся с кухней на передовую, к нашим самоходкам. Так что ж это? Кочующее орудие? По островкам среди трясин? Такую «шутку» могут выкинуть только местные жители, конечно, из тех, что заодно с фашистами.

Совинформбюро в вечерней сводке сообщило об успешно развивающемся наступлении в Румынии. Фрицев там колотят крепко. Сегодня взят Измаил. В ходе наступления пленена 21 тысяча солдат и офицеров. Румыны воюют против немцев. Болгарское правительство обязалось разоружить все враждебные союзникам войска, находящиеся на территории Болгарии. Давно бы так!

28 августа

Отдыхаю. Вдруг в середине дня меня вызывают в полк. Явившись в штаб, получаю назначение на должность командира машины в батарею гвардии старшего лейтенанта Федотова. Прямо на марше, на ходу, привыкаю к своим новым обязанностям. Мой механик (как непривычно звучит!) – гвардии младший техник-лейтенант Цибин Нил Тимофеевич. Он из колымчан и на двенадцать лет старше меня. В полку на сегодня всего четыре действующие машины, которые и сосредоточились вечером в лесу за населенным пунктом Вана-Антела.

29 августа

Машину принял вчера у самого Сергея Федотова, крупного, широкогрудого мужчины с круглым и скуластым мясистым лицом. Комбат мягко окает по-волжски.

А Березовскому, прежнему комбату, вышел орден Отечественной войны 1-й степени. Неужели за угробленную им батарею? Или мне, может быть, не все о том бое известно? И я зря кипячусь?

В Румынии сегодня взят город-порт Констанца.

Наспех настрочил ответы обеим двоюродным сестрам в Завидово и в Калинин и, конечно, Лиде. Фотографии тоже отослал. Повидался со своими друзьями, Федором и Павлом. Их машина тоже здесь. С Федькой обменялись фотокарточками на память: мало ли что может стрястись, хотя у нас и не любят загадывать об этом.

31 августа

Новый экипаж, пятый в моей фронтовой жизни, сразу мне понравился. С механиком-водителем мы уже «давно» знакомы. Поджарый, спокойно-язвительный Нил Цибин – человек деловитый и несуетливый. Остальные члены экипажа тоже отличные ребята. Наводчик гвардии старшина Салов Дмитрий Иванович – однофамилец и земляк, а возможно, и дальний родственник Лидии (вот так встреча!). Он из того же Родниковского района Ивановской области, из села Михайлово, что находится недалеко от городка с красивым и мирным названием Родники.

Дмитрий, парень высокий и крепкий, держится с

достоинством, смел и невозмутим даже в сложной обстановке, дело свое знает до тонкостей.

Наш заряжающий – гвардии старший сержант Перескоков Григорий Степанович, как и Нил, уже не мальчишка; худощав, но с сильными, цепкими руками, как и положено заряжающему тяжелой СУ; исполнительности и выдержки ему не занимать.

Замковый – гвардии старший сержант Щиян Василий Григорьевич, хлопец из Запорожья, где у него оставалась в оккупации мать. Целых три года он ничего не знал о ее судьбе. Этим летом мать наконец нашлась, и Вася счастлив: кроме нее, у него из родных никого нет. Стройный, черноволосый, с открытым добрым взглядом смелых карих глаз, парубок этот – любимец экипажа, да и всей батареи (что нетрудно заметить сразу), но нисколько оттого не зазнался. Несмотря на не ахти какое высокое звание, наград у него, кажется, больше, чем у иных боевых офицеров. До первого ранения Вася воевал разведчиком в пехоте, а после госпиталя попал в полковую школу, где приобрел специальность замкового тяжелой САУ.

В полку нашем Василий Шиян стал известен с того самого дня, когда мы, неожиданно форсировав реку Великая, с треском вышибли фрицев с занимаемых ими позиций на высотах левого берега.

Во время атаки снарядом перебило гусеницу, оказывается, вот у этой, Ниловой, машины. Шедшая на хорошей скорости, она крутнулась на месте и стала. Высунуться из люков было невозможно: вокруг бушевали разрывы снарядов и мин. Командир машины попытался связаться по радио с комбатом и попросить его прикрыть подбитую самоходку хотя бы одной машиной с фронта, пока экипаж будет надевать соскочившую гусеницу, но рация молчала. И тогда командир приказал Шияну разыскать комбата, чтобы доложить обстановку и договориться о помощи.

Старший сержант выбрался через люк-лаз, прополз под машиной и, вынырнув из-под кормы, побежал, пригибаясь к местности. Бежал он быстро... в сторону противника – к ужасу командира, который заметил через перископ ошибку своего замкового слишком поздно, когда тот уже удалился на такое расстояние, что остановить и вернуть его было невозможно. Направление движения через поле, заросшее кустарником, Вася выбрал, сориентировавшись по корме самоходки, не подумав второпях о том, куда она в действительности развернута.

Еще более страшное случилось минутой позже – теперь уже на глазах командира и наводчика: два здоровенных немца в касках прыгнули одновременно из кустов на Васю, сграбастали его, разоружили и, заломив руки за спину, потащили, угощая

пинками, с собой, как замковый ни упирался...

За рекой, на нашем берегу, сработали гвардейские минометы, и впереди, на поле, и у подножия холмов, и на самих склонах вскоре забушевали смертоносные огненные смерчи.

– Все! – тяжело выдохнул Митя Салов.

Примерно минут через двадцать (кто их тогда считал?) после ухода Шияна раздался стук в башню слева. Наводчик приготовил гранату, вытолкнул заглушку и крикнул:

– Кто таков?

– Это я, Шиян!

– Покажись!

В круглое отверстие Салов в самом деле увидел отошедшего несколько шагов в сторону замкового, улыбающегося во весь рот. Вася был без шлема, с заплывшим глазом и разорванным до плеча рукавом. Кроме своего ППС, висевшего на груди, у старшего сержанта было еще два автомата, немецких, закинутые крест-накрест за спину.

Экипаж, уже и не чаявший увидеть своего товарища живым, возликовал. Нил, пряча улыбку и полуобернувшись на водительском сиденье, чтобы видеть Васю, не без иронии заметил:

– Действие второе. Возвращение блудного отрока Васьки с того света. С содержанием первого действия нас уже ознакомил командир. Слово за главным героем.

Очутившись на своем месте, среди приятно изумленных друзей, гвардии старший сержант смущенно доложил командиру, что приказания не выполнил. Тот перебил, отмахнувшись:

– Знаю. Говори, как жив остался.

– Да через «катюшку».

– ?..

– Как только заиграла она, сердечная, на нашем бережку, оба фрицуги разом сунулись носами в землю и меня с собой уронили, за руки придерживают. А как запели в воздухе эрэсы, так они меня отпустили и ладонями прикрыли себе шеи пониже касок – для пущей безопасности. «Ну, – думаю, – Васылю, тикать трэба, покы ци дурни землю нюхают. Лучше от своей «катюши» умереть, чем от руки этих поганых вражин». Только подумал я это – позади как жахнет. На нас сверху земля посыпалась, горящие ветки и трава в воздухе закружились. Приподнимаюсь – немцы лежат, а зады у них от крупной дрожи трясутся. Тут впереди еще взорвалось. Схватил я автомат, который поближе, и с размаху по каске дюжего, того, что фотографию мне разукрасил...

– Ничего, – вставил Нил, – зато теперь ночью без плафонов в башне светло будет.

Все заулыбались, а Вася, согласно кивнув, закончил:

– Попотчевал я без промедления и второго, подобрал остальные автоматы и – домой.

– А что же не пристрелил?

– Другие набежать могли. Где они в кустах – не видно. Жаль, ножа не было.

На поле тем временем стало потише, так как наши самоходки уже перевалили через гряду прибрежных холмов и противник перенес огонь. Экипаж Нила почти без помех самостоятельно управился с порванной гусеницей.

Вася Шиян и здесь, на 3-м Прибалтийском, был ранен во время полуторамесячного наступления, но через несколько дней, едва оправившись от раны, он сбежал из госпиталя и возвратился в свой экипаж. Бледность еще не совсем сошла с его лица.

Сегодня мы тщательно произвели средний техосмотр машин, готовясь к наступлению на Валгу (Валку). На стоянке нашей побывал, видимо, случайно необычный гость – военторговская автолавка, которая привезла сухое красное вино и одеколон «Тройной». Этими редкостными товарами военторг снабжает только офицеров (раз в год и по специальным карточкам). Мы с Нилом тоже получили по литру кислятины, которая отдавала ржавой железной бочкой, и по два флакончика одеколона.

Так как лавка на колесах прибыла к нам одновременно с приказом по 1-й Ударной (№ 0280 от 31 августа) о награждении всех наших мехводителей (из «стариков»), отличившихся при форсировании реки Великая, то в полку назревало небольшое торжество по этому поводу. Но военторговской выдачи было явно маловато на весь экипаж. И мы дружно согласились с Нилом, предложившим приготовить «ерш». Водитель и его командир великодушно пожертвовали в «общий котелок» по одному из своих флакончиков (не весь же одеколон, в самом деле, на кожу тратить!). Сказано – сделано. Тепловатая пахучая смесь, с какими-то белесоватыми, словно мыльными, разводами на поверхности, на вкус была отнюдь не нектар, зато обед прошел весело, «на уровне», как заявил Нил.

Очевидно, идея превратить слабое кислое винцо в крепленое осенила не только всеведущего Нила Тимофеевича, потому что в кустах, окружающих наши машины, уже с вечера появился устойчивый, несколько видоизмененный одеколонный аромат.

Опытный комбат наш посоветовал всем награжденным записать номер и дату приказа по армии, ввиду того что до переформирования награды могут не успеть вручить, а после переформировки можно угодить на другой фронт, да еще и с другой частью. И тогда – ищи-свищи.

Вечером повстречал нашего начфина и вел с ним переговоры об аттестате, с которым произошло какое-то недоразумение из-за небрежности начфина из моего самого первого полка. Выяснилось, что беспокойство мое напрасно: если все будет с документами в порядке, то потери для меня составят всего четыреста рублей. Главное – мать в эвакуации регулярно получает каждый месяц деньги. Не знаю, как у них с ценами в Сампуре (мама ни разу, по своему обыкновению, не пожаловалась), но в бытность мою в Челябинске на эти деньги можно было купить полторы буханки черного хлеба...

Вчера взят город Плоешти – центр нефтяной промышленности Румынии. Фюреру остается сказать дармовой нефти «прощай!», а нам – радоваться. Вчера же наши находились еще в 27 километрах от Бухареста, а сегодня уже вступили в румынскую столицу. День исторический: мы открыли счет освобожденным от фашистских поработителей европейским столицам, возвращая их своему законному владельцу – народу.

Союзники довольно резво, не встречая, по-видимому, серьезного сопротивления, приближаются к германской границе. Они уже в 130 километрах восточнее Парижа. До бельгийской границы им осталось преодолеть 45 километров, а на юге они вышли к итальянской.

2 сентября

Командир полка и начальник штаба с утра производили рекогносцировку вместе с комбатами, командирами машин и мехводителями. Долго мы лазили по покатым дюнам, заросшим пушистыми длинноиглыми сосенками и тонкой шелковистой травою, внимательно изучая лежащую впереди местность. Она очень неудобна для действия танков: между разбросанными по низменной равнине высотами зеленеют широкие луговины с подозрительно свежей травою и поблескивает поверхность нескольких болот. Словом, развернуться нашим машинам негде, как ни крути.

С одной из лесистых дюн (она была повыше соседних и находилась приблизительно в километре от нас) группу нашу засек, должно быть, немецкий наблюдатель, потому что недалеко начали часто рваться мины. Когда два-три взрыва грохнули совсем рядом, мы перебрались на обратный скат, но немцы перенесли огонь и сюда. Подполковник приказал прервать рекогносцировку, тем более и так все и всем было ясно. Очень неприятно ощущение во всей спине, когда в любой момент ожидаешь близкого взрыва. Почему-то кажется, что он обязательно произойдет позади, и тебя подмывает задать стрекача, но все ретируются степенно, вслед за невозмутимо шагающим командиром.

3 сентября

По утрам все прохладнее. Марш, назначенный на сегодня, приказано отставить. В строю у нас уже шесть машин.

Днем по дороге мимо нашей рощи прогоняли пленных. Мы с Шияном вышли к краю опушки, чтобы взглянуть на них поближе. Стоя у кривобокой сосны, всматриваемся в медленно плетущихся немцев. Они бредут унылыми длинными вереницами, держась в затылок, сутулясь и пряча глаза, загребая сапогами мелкий сухой песок. За спиной у нас тихо появляется Митя Салов, кладет тяжелую руку Васе на плечо и, обнажив в улыбке красивые белые зубы, окающим басом шутливо спрашивает:

– Что, брат, все своих крестничков, поди, разыскиваешь?

Вдруг с могучим, упругим ревом низко прошла параллельно дороге девятка Илов. Пленные, как по команде, все до единого бросились плашмя на землю. Солдаты, конвоирующие колонну,

ничего не могли поделать, как ни ругались и как ни пинали лежащих ничком «сынов фатерлянда», стараясь поднять их на ноги. Пока не затих вдали грозный рокот штурмовиков, пленные фрицы упорно продолжали целовать землю.

Да, много страху нагнали на фашистов наши «горбатые» за три года.

Вася, отсмеявшись, показал рукою на валяющихся в пыли немцев и в тон другу ответил:

– Попробуй отыщи тут, если они со спины все на одну колодку!

Вечером нас ожидал приятный сюрприз – баня. «Баня» помещалась в большой палатке, где прямо на холодной траве стояло несколько двухсотлитровых бочек из-под горючего с теплой водой. Последний раз банный день был у нас на переформировке, в июне. Хорошо, что лето: хоть в речке или ручье иногда помыться можно.

5 сентября

Вчера «мы были в перестрелке», но пути вперед нет: болота вокруг или лес на болоте. И сегодня, в 4.30, получен приказ на марш. В 5.00 двинулись колонной на другой участок. Наша машина бузит, хотя относительно молода: всего семь недель воюет.

Вчера на поле боя подобрали беспризорного «максимку» и установили его на башне, по центру, чуть впереди круглых люков, чтобы удобнее было стрелять. Приходится исхитряться, так как пулеметов самоходке не положено, как будто она для парадов предназначена. Во время движения по хлябям и отвратительно ухабистым дорогам проволочное крепление разболталось, «максим» сполз влево, и на одной из остановок, когда мне понадобилось вылезти наружу, станок пулемета помешал полностью откинуть крышку люка. Защелка-фиксатор не сработала, крышка упала и ударила меня по пальцам правой руки. Счастье мое, что она поднялась не очень высоко и что торсионный валик, на котором она сидит, не позволяет ей падать свободно. Больно, но пальцы целы.

И еще одна беда: мучает живот, вернее, многие из нас мучаются животами, потому что приходится пить какую попало воду, даже болотную, притом сырую. На марше наблюдаю, как во время коротких остановок страдальцы разлетаются в стороны, маскируются кое-как за деревьями или кустами, если таковые имеются рядом с дорогой. Как-то раз, торопливо выскочив из

люка, целенаправленно мчусь к ближайшему кусту и на бегу замечаю вдруг, что туда же устремилась и наш санинструктор Нина. За кустом мы сталкиваемся с нею носом к носу. Пританцовывая, по-рыцарски предлагаю ей занять наиболее выгодную позицию, затем извиняюсь и устраиваюсь спиной к девушке по другую сторону жиденького кустика... С ближних машин, конечно, можно было видеть эту живописную картину. Однако никто зубоскалить не стал: не до того.

А Нина досрочно возвратилась в полк из госпиталя, где лечилась после множественного осколочного ранения. Бледная, сильно исхудавшая, она появилась среди нас совершенно неожиданно. Одному лишь Федьке призналась она, что до смерти соскучилась по своим однополчанам и что раны ее оказались неглубокими и совсем неопасными... В первом я ничуть не сомневаюсь, что же касается ран... Молодец все-таки наша Нинка!

Немец напирает на Тарту. Об этом мы узнаем из нового приказа, догнавшего полк прямо на марше, и, согласно ему, делаем неожиданный 80-километровый бросок на север, чтобы охладить боевой пыл гитлеровских танкистов.

Машину ведем с Нилом по очереди: больше всех на марше достается механику-водителю. А после бездорожья прокатиться по шоссе Выру – Тарту – одно удовольствие.

К ночи полк наш достиг городской окраины, но при въезде в город колонну нашу задержали: среди развалин Тарту передвигаться в темноте нельзя...

Не пожалели несколько минут, отнятых у сна, чтобы послушать последнее сообщение Совинформбюро. Новости хорошие: с Финляндией идут переговоры о прекращении военных действий; Болгарии объявлена война: там не правительство, а какая-то проститутка. Союзники взяли Брюссель, вступили в Голландию, в 50 километрах от германской границы ими занят город Мец. До чего смехотворны расстояньица тамошние!

6 сентября

Чуть-чуть посерело небо – въезжаем по асфальту под каким-то виадуком в город. Моя машина идет первой по разрушенной улице, должно быть, центральной, если судить по ее ширине и по высоте завалов. Во многих местах даже проезжая часть улицы скрыта под горами камней, битого кирпича, исковерканных железных балок и больших кусков стен, но среди этого хаоса разрушения саперы уже проделали проходы, по которым машина едва протискивается. Нил ведет ее зигзагами, огибая завалы.

У входа в этот лабиринт перед самой нашей машиной вдруг сами собой поползли в противоположные стороны две широких длинных доски, на которых лежали в ряд несколько круглых плоских противотанковых мин. Их еще песочком и битой штукатуркой сверху присыпали, чтобы они не так в глаза бросались. Изобретение солдат очень просто: к обоим концам доски привязано по веревке или гибкому прочному проводу такой длины, чтобы можно было, укрывшись в развалинах друг против друга, тянуть эту смертоносную доску туда и сюда поперек мостовой. Обслуживать это приспособление могут всего два человека. Между напарниками и их соседями имеется связь голосом и зрительная. Ночью эти доски лежат посреди улицы, а как только сделается светло, их оттаскивают поближе к развалинам, где заметить их среди обломков кирпичных стен и осыпей штукатурки очень трудно. Они притаились, чередуясь через одну, то слева, то справа. Если и прорвется фашистский танк в город, назад ему уже не возвратиться: невидимые экипажу истребители непременно подсунут под гусеницу машины мину. Словом, не танк ищет мину, а она его. Находчивость братьев-славян, наших товарищей по оружию, восхищает нас, но ощущение испытываешь не из приятных, когда видишь, как за кормой замыкающей машины из твоей колонны эти противотанковые доски снова сдвигаются. Это значит, что мы прибыли на место и что назад нам ходу нет. Быть по сему!

Мы медленно выезжаем в поле, оставив позади себя окраинные дома. Улица теперь находится значительно ниже нас.

На поле, метрах в трехстах от окраины, расположены по широкой дуге четыре капонира, словно специально оставленные в наше распоряжение немцами, несколько дней назад выбитыми из города. Но фашисты крепко уперлись на ближних подступах к Тарту и даже время от времени переходят в контратаки, используя танки и самоходные орудия. После введения в обстановку нам сразу стали понятны меры предосторожности, принятые защитниками города.

Километрах в полутора темнеет за полем хвойный лес. Оттуда и накатываются, как нас предостерегли, волны немецких танковых атак. Посовещавшись накоротке, решаем использовать капониры под огневые. Две машины, оставшиеся без укрытия, сразу отводятся назад под уклон, ближе к домам. В случае надобности они будут действовать как кочующие орудия, неожиданно для противника выходя на нужное, то есть наиболее опасное направление. Подполковник Федоров лично указал каждому командиру машины позицию и сектор наблюдения и обстрела.

Наш капонир – крайний на правом фланге полка и ближе всего к шоссе. Он достаточно просторен и глубок и служил, по всей видимости, укрытием для тяжелого немецкого танка или самоходного орудия. Когда наша ИСУ спустилась в него, над насыпью осталась видна только верхняя половина башни. Лопатами быстро срываем часть бруствера перед орудием, чтобы можно было вести огонь в своем секторе. От гусениц до боковых стенок капонира – по метру запаса, и машина может даже немного поворачиваться на месте для глубокой наводки. Запасные позиции – между каменными коробками домиков окраинной улицы.

Еще и солнце не вышло на небо, а полк уже занял оборону. Ведем с наводчиком наблюдение в секторе, расстояние до ориентиров определяем, на карточку заносим. Заряжающий с замковым в это время снаряды бронебойные тщательно протерли. Водитель отдыхает. День прошел спокойно, только где-то за лесом, на левом фланге, периодически начинал истошно давиться «ишак», посылая свои мины на дымящиеся руины городских кварталов. Наш приход, по-видимому, немцами не был замечен.

Вечером радио снова принесло хорошие известия. Наши вышли на румынско-болгарскую границу по всему ее протяжению, приблизились к границе Югославии и готовы оказать непосредственную помощь свободолюбивому братскому народу, который с июля 1941 года, истекая кровью, ведет неравную, тяжелую, героическую борьбу с немецко-фашистскими завоевателями. 2-й Белорусский фронт овладел крепостью Остроленка, что северо-восточнее города Ломжа. С финскими войсками сегодня прекращены военные действия. Ура! Фюрер еще одного верного союзника лишился. Под действием целительных богатырских ударов Красной Армии у некоторых правителей начинают вентилироваться головы от завоевательского угара.

А союзнички наши вступили на территорию еще одной европейской «державы» – княжества Люксембург.

8 сентября

Вскоре после завтрака немцы открыли сильный артиллерийский и минометный огонь по нашей окраине. Через полчаса вылезли из леса несколько танков, среди которых мы заметили «Тигр» и две «Пантеры». Всего мы с Дмитрием насчитали около пятнадцати вражеских машин. «Тигр» нагло шел по шоссе, постреливая на ходу. Следом за ним, как за щитом, катились два длинных бронированных вездехода с пехотой. В

поле, не отставая от «Артштурмов», возглавляемых «Пантерами», бежали маленькие издали фигурки фашистских солдат.

– Ну кино! – окнул Митя, продолжая выглядывать из своего люка.

В наушниках раздался голос Федотова:

– Батарея! К бою! Танки подпустить на тысячу метров. Огонь открывать по усмотрению. Нет цели в своем секторе – поддержи соседа. Держись, гвардия!

Немецкая артиллерия продолжает стрелять через нас. Прошла еще одна долгая минута.

– Салов! Справа, ориентир четыре – «Пантера»!

– Есть, вижу.

– Бронебойным – заряжай!

– Готово!

– Поравняется с большим кустом – огонь!

Салов:

– Товсь! Ползи, милая, ползи!

– Огонь!

Выстрел. Через секунду-две веер взрыва скрыл от нас цель.

– Бронебойным – заряжай!

Звякнула о днище медная гильза. Пороховой дым наполняет рубку. Уходит в казенник короткое черное тело снаряда, за ним спешит желтый патрон. Ох уж это раздельное заряжание! Маслянисто клацает замок.

– Готово!

– Доползалась, сука! – басит довольно наводчик, и только теперь я замечаю сквозь оседающее облако пыли, сносимое ветром, неподвижную «Пантеру», которая странно накренилась на правый борт и густо дымит.

– Прямо, шестьсот – «Артштурм»!

– Есть. Веду. Товсь!

– Огонь!

Юркий приземистый «Артштурм», словно почуяв опасность, в последний момент рванулся вправо, и снаряд разорвался позади него. Но от другого снаряда, посланного самоходкой гвардии лейтенанта Положенцева из соседнего капонира, «примус» не ушел: ему разметало подставленный борт и башню, и яро полыхнуло почти бездымное бензиновое пламя, жадно пожирая траву вокруг машины.

И вдруг зачастили, радуя сердце, наши сорокапятки по ту сторону шоссе. Глухо захлопали минометы, спрятанные где-то среди развалин на окраине у нас за спиной. Дым от многочисленных разрывов все больше стал затягивать поле, на котором уже горели или стояли подбитые пять-шесть штурмовых

орудий и обе «Пантеры». Остальные продолжали маневрировать, ведя огонь, посреди поля, не осмеливаясь приближаться. Немецкие цепи сперва замедлили продвижение, затем залегли. «Тигр» остановился и, словно в недоумении, начал водить своей длинной пушкой то вправо, то влево, пока 150-миллиметровый снаряд не расковырял перед самым его носом асфальт на шоссе. Танк сразу попятился назад, посылая болванку за болванкой в сторону наших капониров, но на таком расстоянии поразить его могли только мы. Две ИСУ громко отвечали ему снизу, от домиков, четыре других продолжали стрелять в поле.

Атака противника захлебнулась. Один из бронетранспортеров запылал, а второму удалось быстро улизнуть в лес. «Тигр» бесцеремонно столкнул горящую машину с дороги, сполз задом с шоссе и, укрывшись за насыпью, отправился восвояси, продолжая огрызаться. Его примеру последовали уцелевшие самоходные орудия, еще маячившие там и здесь на поле. Пехота, не поспевая за ними, преследуемая минометным огнем, то бегом, то ползком откатывалась к своей опушке, оставляя убитых и даже раненых.

Все машины наши хорошо поработали.

– Запарилась, бедная! – посочувствовал Нил, потрогав рукою горячий ствол пушки.

Командир полка дал отбой, поблагодарил все экипажи, но предупредил, что это могла быть только разведка боем, так как немецкой пехоты наступало не более двух батальонов. Он приказал вести усиленное наблюдение и обещал скоро прислать машину со снарядами из взвода боепитания. Стараюсь представить себе, сколько же фрицев полезет на этом участке, если они на самом деле собираются отбить у нас город, но, вспомнив суворовское правило: врагов не считают, а бьют, гоню беспокойные мысли прочь. Однако в этот день фашисты сунуться больше не посмели, зато усиленно обстреливают город. Вовремя мы здесь стали.

Вечером, как всегда, если ничего не мешает, с жадностью слушаем сообщение о делах других фронтов. Наши войска углубились в Болгарию на 30-60 километров по всему фронту! Одновременным ударом с суши и моря взята Варна. Это сразу подействовало на блудливое болгарское правительство, и оно объявило Германии войну. Ну а наши союзнички лихо обошли линию Мажино (она же назад не стреляет!) и медленно поспешают к германской границе.

9 сентября

Сидим по машинам и ждем, но немцы не проявляют вчерашней активности, даже стреляют реже. А вечером (было еще достаточно светло) он вздумал бросать агитснаряды, для убедительности чередуя их с фугасными 210-миллиметровыми. Снаряды с бумажной начинкой разрывались в воздухе, но белые тучи листовок относило ветром назад, к лесу: немецкие артиллеристы не учли направление ветра. Когда артобстрел прекратился, нам привезли ужин. Мы вчетвером (Григорий Перескоков остался в машине вести наблюдение) уселись позади кормы, у спуска в капонир, и принялись за еду. Вдруг над нашими головами что-то громко прошелестело, от глухого сильного толчка вздрогнула под нами земля – вся наша компания с изумительной ловкостью «спикировала» под днище. Подождав минуты две и поняв, что взрыв не состоялся, вылезаем, чтобы продолжить прерванный ужин, весело подтрунивая друг над другом. Подкрепившись, Нил отошел немного от капонира под уклон посмотреть, как он выразился, на природу и обнаружил в земле свежую дыру. От нее до наших котелков насчитал двенадцать шагов.

Перед сном (спим мы по трое, а двое слушают и смотрят поле) узнали из сводки о революционном перевороте в Болгарии. Молодцы болгары!

10 сентября

Утром фриц-дурак опять принялся швырять агитки. На этот раз листочки засыпали окраину города и поле возле нее. Из любопытства мы подобрали бумажонку, опустившуюся на наш бруствер. За кого же принимают нас битые, прочно севшие в лужу прохвосты и на что они еще рассчитывают, пуская пузыри? А как похабно какая-то продажная сволочь переиначила наш гимн!

Посмотрим, что вы скоро запоете вместо своего «Дойчланд, Дойчланд юбер аллес!».

Днем было относительно тихо, если не считать назойливого голоса «скрипача» на левом фланге.

Ведем с Дмитрием наблюдение за опушкой. Остальные дремлют после обеда на своих местах. Снарядов у нас достаточно. Сзади кто-то окликает нас. Оглядываюсь: у кормы стоит незнакомый офицер. Он невысокого роста, строен и хорошо сложен, в пилотке и без комбинезона, но эмблемы на полевых погонах говорят о том, что он наш брат танкист. Щурясь на солнце, он приветливо здоровается с нами и вежливо осведомляется, кто механик этой машины. Услышав фамилию

Цибин, просит позвать Нила. Митя присел на своем сиденье на корточки, тормошит водителя за плечо. Тот недовольно поворчал, прежде чем подняться на ноги, потом вполголоса помянул черта и высунулся из квадратного люка, помаргивая светлыми ресницами, но, разглядев сдержанно улыбающегося офицера, обрадовался:

– А-а, Леха, друг любезный! Давненько что-то тебя не видно.

Живо спрыгнув с брони на землю, Нил заключил гостя в крепкие объятия, приподнял и закружил вокруг себя. Друзья расцеловались и уселись на солнечном припеке недалеко от капонира.

– Командир, слезай к нам! Шиян за тебя посмотрит. Знакомьтесь. Алексей Петрович Ходосько – мой самый старый друг. Звание сам видишь: маленький инженер-майор. Должность – водитель. А это, Леха, мой новый командир, тоже из водителей. Закончил, несмотря на свой юный возраст, ЧТТУ на год раньше нас с тобой.

Мы с Алексеем Петровичем пожали друг другу руки. Друзья разговорились. Им было что вспомнить, а мне послушать. Познакомились они еще в 1938 году на Дальнем Востоке, в Уссурийском крае, куда приехал на работу сначала Нил, а тремя годами позже – Ходосько. Потом уже вместе они подались на Крайний Север, где на Колыме и застала их война. У Алексея Петровича вся семья, кроме замужней сестры-москвички, попала в оккупацию на Витебщине. Он белорус, родом из местечка Копысь Оршанского района. Такая же участь постигла и родителей Нила, живущих в Калининской области, на станции Оленине.

Оба друга начиная с июля 1941 года безуспешно обращались в свой военкомат с просьбой направить их на фронт, но на специалистов (Цибин – топограф, а Ходосько – техник-дорожник) в тех широтах наложена броня, и они каждый раз получали категорический отказ. Нетрудно себе представить их тогдашнее душевное состояние. После почти двухлетних бесплодных попыток друзья, которых еще более сблизило общее несчастье, решили с отчаяния сдать в фонд обороны 30 тысяч рублей – все свои деньги, заработанные за несколько лет, и одновременно обратились к Сталину за разрешением отправиться воевать против фашистов на собственном танке. Их примеру тотчас последовали еще одиннадцать человек.

Ответ из Москвы пришел скоро и положительный. Каждому из колымчан от имени Сталина прислана была телеграмма (Ходосько и Цыбину – общая), в которой выражалась благодарность от имени Красной Армии и всего советского народа и сообщалось о том, что просьба патриотов удовлетворена

и они будут направлены в танковое училище. Нил дал мне почитать хранившийся у него в бумажнике исторический документ – заветную телеграмму за подписью самого Верховного главнокомандующего. Предоставив Нилу витать в воспоминаниях, Алексей Петрович, полуприкрыв веки, о чем-то задумался, подставляя мягкому сентябрьскому солнышку свое худощавое лицо с простыми, мужественными чертами, и только молча кивал, изредка вставляя слово.

Начальство Колымпроекта, рыча от досады, вынуждено было расстаться с ценными специалистами, которых заполучить в военное время – дело почти невозможное. Мудро предвидя подъем патриотической волны на Колыме, руководство послало в столицу срочную депешу. В той «челобитной» содержалась слезная жалоба на бегущих на фронт работников и просьба остановить этот поток. Начальство забило тревогу вовремя: еще добрых три десятка магаданцев сдали государству свои сбережения ради того, чтобы разбронироваться, и уже собрали свои походные чемоданы, но в ответ получили только, увы, благодарность (тут Нил довольно усмехнулся).

Но первые тринадцать (хотя и «чертова дюжина») работников Крайнего Севера осенью 1943-го очутилась в ЧТТУ, где составили маленький отдельный взвод, на редкость сплоченный, занимавшийся не за страх, а за совесть. Их выпустили, как и нас, в мае, и они, все тринадцать, были направлены, по их просьбе, в один полк.

Воспоминания друзей прервала команда приготовиться к маршу. Они простились, и Ходосько поспешил вниз, к своей машине. Провожаю взглядом его подтянутую, ладную фигуру гимнаста и радуюсь знакомству с прекрасным человеком. Шкурнику и стяжателю, охотнику за «длинным рублем» ничего не помешало бы отсидеться вдали от войны за законной бронью, а вот Алексей Петрович и его товарищи по своей доброй воле подвергают себя смертельной опасности. Да иначе они и не могут.

День этот стал последним днем обороны Тарту нашим полком. В 21.00, в сумерках, скрытно покинув свои позиции, пересекаем город в обратном направлении, выходим на шоссе и устремляемся на юг, кажется, снова на Валгу. В пути включаю рацию, чтобы всем экипажем послушать сообщение Совинформбюро. В Болгарии военные действия прекращены. Из-под шатающегося черно-коричневого рейха выбита третья подпорка.

11 сентября

С утра приводим в порядок машины: приказано произвести текущий техосмотр. В 15.15 начинаем продвигаться к Валге (это уже точно). На одной из остановок у моей машины при заводке отказал стартер. После разгрузки на станции Чихачево эта ИСУ прошла по чертовски скверным дорогам уже 741 километр. Заводимся с буксира. С 19 часов полк медленно движется вперед, осторожно сближаясь с противником, о котором нет никаких сведений, но через 22 километра у нас на машине полетел левый бортредуктор. Вот досада! И возни теперь под завязку.

13 сентября

Со вчерашнего рассвета работаем все пятеро и к утру снимаем бортредуктор без помощи ремонтников. А толку-то что? Все равно ставить взамен нечего. У меня 235 часов вождения. Сегодня с Румынией заключено важное для нее и для СССР соглашение о взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве. Какое чудесное слово – «послевоенный»!

14 сентября

Два месяца, как мы на 3-м Прибалтийском.

Ночью машина ремвзвода привезла бортредуктор, и в 14.00 мы смогли наконец начать погоню за своими самоходками, но через 40 минут движения вышел из строя второй правый опорный каток. Да что ж это за напасть такая?!

Пока возились с катком, нас обогнали три ИСУ-122. Каток мы выбросили, подтянули гусеницу и поехали, «прихрамывая», дальше. Так как ночью спали всего часа два, даю Нилу подремать, сменив его за рычагами. Усталый и злой, не уступаю ни сантиметра узкой дороги автомашине с литерой «Е», которая быстро неслась нам навстречу. Нахальный шофер остался без левого борта. Не будет лихачествовать, болван. А мы уже ученые.

В 17.30 догнали полк! Там меня уже ждали письма из Калинина от двоюродных сестренок. Нина даже фотографии прислала, свою и отца. Дядя Миша на фронте с 1941 года, служит при штабе армии, жалуется дочери, что воевать ему не дают (ему пятьдесят пять лет), что боевого офицера (в Первую мировую он имел медали за храбрость) заставили справлять интендантскую должность – обеспечивать жильем эвакуированные семьи офицеров – и что ему приходится часто разъезжать по глубокому тылу и проч. Ворчит он, конечно, зря, тем более что прекрасно

понимает, какое нужное дело выполняет.

А кольцо вокруг Германии сжимается с каждым днем. Сегодня наши вступили в Трансильванию, вышли к чехословацко-польской границе, взяли город Ломжа. Союзники пересекли германскую границу со стороны Бельгии и Люксембурга.

15 сентября

Несколько раз пытались сблизиться с противником вплотную, но тщетно: он ловко уклоняется от соприкосновения. Вперед продвигаемся быстро, и в результате кухни сегодня у нас ни разу не было. Выручил Федькин экипаж, предусмотрительно запасшийся где-то несколькими буханками ржаного хлеба и здоровенной эмалированной кастрюлей со смальцем. Все из нашей небольшой колонны бегают по очереди на тот «продпункт», и там каждого потчуют толстым ломтем хлеба, намазанного свиным жиром и посыпанного солью. Если бы не эта «заправка», совсем плохо было бы наше дело.

Перед рекой (речкой) Вяйке-Эма-Йыги – задержка. Переправу (для танков имелся только брод) сильно бомбили «Юнкерсы», несмотря на густую дымзавесу, сотворенную «алхимиками». Непрерывно бьет артиллерия. Немецкая – по переправе, наша – по немецким батареям. Словом, весело. Стоим под соснами на лесной дороге, глубоко пробитой в песчаной почве, и ждем, когда нас пропустят на тот берег. Высоко над нами, чуть правее дороги, между верхушек трех стройных сосен сооружен помост из толстых сучьев. Это огромное диковинное гнездо с выглядывающими из него рожками дальномеров – артиллерийских НП. Оно плавно покачивается в лад с вершинами. Стволы сосен, обомшелые, седоватые у основания, уходя вверх, постепенно превращаются в красновато-коричневые, затем желтоватые и, наконец, в золотисто-желтые колонны, осененные сверху курчавыми зелеными шапками, которые, чуть колеблясь, словно плывут куда-то в бледно-голубом сентябрьском небе. Солнечно. Из «гнезда», ловко цепляясь за железные скобы, вбитые в ствол одной из сосен, быстро спустился солдат с перекрещенными пушечками на погонах. Кто-то из Федькиного экипажа окликнул пушкаря:

– Эй, бог войны! Что там хоть видно с небес?

Тот движением плеча поправил сползший ремень карабина и, хмуро покосившись на слегка чумазые, белозубо улыбающиеся лица, побежал вверх по заросшему соснами крутому косогору.

– Либо фриц допек «богов», либо начальство – одно из двух, – определил Митя Салов, проводив внимательным взглядом быстро

мелькающую между стволов спину связного. – Даже отбрехнуться человеку некогда.

Только в 17.30 под сильно рассеявшейся, полупрозрачной дымзавесой, сквозь которую было видно, как настырно крутились над районом переправы два «Мессершмитта», мы благополучно переехали реку вброд. На том берегу колонна наша сразу свернула влево и двинулась вдоль реки. Проехав несколько сот метров, мы увидели внутри сильно поредевшей от артогня маленькой рощицы с покалеченными деревьями три совершенно разбитые самоходки. Я узнал ИСУ-122, обогнавшие нас вчера. Должно быть, они первыми перешли речку. Их прижали к берегу, и они отбивались на три стороны. Об этом говорит изрытая их гусеницами земля и положение корпусов машин. Мертвые машины в мертвой роще. Вечная слава и память бившимся здесь танкистам, неизвестным для нас героям!

Осталось позади страшное и печальное место. Впереди – широкое поле, покрытый сочной травою луг с темнеющими там и сям глубокими снарядными воронками. Петляя среди конических ям, Нил ведет машину. Сверху мне хорошо видна их глубина. Не иначе как из 210-миллиметровых фриц садит. С чего бы это, да еще и по пустому месту? Видать, с перепугу. В одной из воронок замечаю пожилого пехотинца с пышными черными усами. Он стоит на дне воронки, так что высовывается наружу только его голова в зеленой каске, и пристально всматривается в далекий край луга, к которому подступает темный, неведомый лес.

Высокие черные земляные султаны с огненными прожилками возникли вдруг слева и справа от нашей колонны. Это опять ударили орудия большой мощности. Если их чушка угодит случайно в машину... Но об этом лучше не думать. По команде все ИСУ разворачиваются вправо и маневрируют под огнем, стараясь не сближаться друг с другом, до тех пор пока не прекратился обстрел. С 18 часов стоим перед невидимым противником, не зная, откуда и чего ждать.

Проходит час. Тихо. Вылезаю из машины по малой нужде. Надоевший танкошлем остался в нише, возле рации. Соскользнув с башни в высокую, выше голеницщ, некошеную траву, жмусь к правому борту и, не сводя глаз с кромки леса, без паники справляюсь со своим делом. Назад в башню не хочется, и я растягиваю удовольствие – минуту-другую стою рядом с машиной, с наслаждением, глубоко вдыхая чистый и прохладный вечерний воздух. Вдруг всей спиной я почувствовал какой-то неприятный озноб. Оглядываюсь и замираю: прямо в душу мне смотрит черный безжалостный зрачок автомата. Мгновением позже замечаю повыше ствола напряженный и холодно-

беспощадный взгляд солдата, а над правой бровью – вылинявшую пилотку с родной пятиконечной звездочкой, зеленой, полевой. Холодея, успеваю громко спросить:

– Ты что так уставился? Своего не признал?

В ответ слышу глубокий вздох облегчения, но согнутый указательный палец на спусковом крючке только чуть-чуть распрямился.

– Н-ну, скажи, брат, спасибо, что сподобило тебя слово сказать. А ведь я тебя срезать уже хотел. – Солдат поднялся из травы, но автомата не опустил и отчитал меня сердито: – Маскрубаха немецкая, брюки черт знает чьи, волоса не обстрижены – значит, фриц. Тут разбираться долго некогда. Эх, мать вашу...

Я немедля стягиваю через голову рубаху, испещренную разноцветными треугольниками, и швыряю ее в траву, а парень, увидев свою гимнастерку с лейтенантскими погонами и эмблему танка на них, окончательно успокаивается и, взмахнув рукой на прощание, исчезает за кормой. Залезая в люк, оглядываюсь назад, но бойца нигде нет, и даже трава нигде не шевелится.

Сегодня только узнали, что вчера освобождена Прага – большое предместье Варшавы на нашем, восточном берегу Вислы. В самой же Варшаве идут ожесточенные бои повстанцев с оккупантами. Полтора месяца фашистские головорезы не могут сломить сопротивления польских патриотов. Допекли, видно, новые тевтоны поляков, за пять лет изуверств и гнуснейших издевательств. Но кому понадобилось поднять восстание именно в такой момент, когда длительное наступление Красной Армии приостановилось на Висле? И льется за рекой братская кровь, славянская, и ничем пока помочь нельзя. Была бы Висла поуже...

Ночью нас отвели с открытого поля на левый фланг. Там, рассредоточив и замаскировав машины в густом молодом ельнике, стали мы ждать утра. Спать было разрешено только на своих местах.

16 сентября

Но сны смотреть не пришлось: три раза после полуночи сыграл «скрипач». У одной самоходки прямым попаданием фугасной мины сильно покорежило подвесной каток. Днем был бой за хутор Кодако. В этом «важном» населенном пункте всего два с половиной домика. Ходили в атаку. На нашей машине ранило автоматчика. Самым трудным сперва казалось нам преодолеть хорошо пристрелянный противником взлобок рядом с

хуторком. Это необходимо было сделать, чтобы подобраться поближе к укреплениям немцев. И вот поодиночке, на большой скорости самоходки без потерь проскакивают опасный участок, а две машины, в том числе и моя, лихо прорвались в круглую котловинку с приподнятыми краями. Однако торжество наше длилось недолго: до нас дошло, что мы просто-напросто влипли. Высунуться из низины нам не дают. Едва заведешь двигатель – болванки начинают часто чиркать по левому краю котловины, проносясь над самыми башнями, а на пригорке, оставшемся у нас за спиной, непрерывно встают разрывы, отсекая нас от своих. Впереди, чуть правее, ясно вижу в перископ немецкие траншеи и окопы на некрутом склоне, сбегающем к нам. Бьем по ним, но осколочных у нас маловато, а бронебойные беречь надо.

Под вечер прилетели, на наше счастье, Илы. Быстро сориентировавшись, они один за другим спикировали на открывшие было стрельбу зенитные точки и выпустили для острастки по реактивному снаряду. И должно быть, прицельно, потому что немцы сразу же заметно присмирели. Пока последнее звено Илов пикировало, шушукая своими «катюшами», остальные самолеты уже заканчивали выстраиваться в круг. Не успели выйти из пике замыкающие, а ведущий снова стремительно понесся вниз, и опять огненнохвостый «эрэс» вонзился в землю возле самого немецкого окопа. Штурмовики проделали это же вслед за командиром. Они работали так деловито и невозмутимо, как будто по ним и не стрелял никто. Потом на немецкие позиции полетели бомбы, и все поле заволокло черным дымом, в котором то и дело мелькали огненные лезвия новых разрывов. Черт подери, до чего приятная картина! Удобно ль на себе примерить, херры?

Отбомбившись, «летающие танки» на этом не успокоились, а продолжали неутомимо делать заход за заходом, обрушивая на врагов целый ливень шквального пушечно-пулеметного огня. Невольно поеживаюсь, припомнив августовскую штурмовку, учиненную нам «Юнкерсами».

Вдруг слева, из облачка, незаметно выскользнули два мессера. Один пошел выше «карусели», отвлекая внимание наших летчиков, а второй ловко затесался в круг (опытный, гад!) и пристроился в хвост Илу, выходящему из пике. Замираю в тоске, бессильно сжав кулаки... Сейчас рубанет. Однако другой пилот, самолет которого только что начал пикирование, заметил фашиста и, резко задрав нос машины, закатил такую очередь из своих пулеметов и пушки по наглецу, что тот мигом испуганно отвалил вправо. Вот орлы!

И едва «Мессершмитт» оказался чуть в стороне от

«Ильюшиных», тотчас торопливо «запукала», захлебываясь от ярости, наша зенитка-сорокапятка, каким-то непонятным образом успевшая появиться несколько впереди нас. Вереница белоснежных клубочков на голубоватом фоне стремительно протянулась наперерез немецкому истребителю, и – какой восторг! – сверкнул короткой молнией взрыв прямо на хвосте мессера. Куцый, он беспорядочно закувыркался, падая вниз, роняя «перышки». В светлом еще небе вспыхнул шелковый купол парашюта. Его медленно относило в наше расположение.

Получасом позже два пехотинца вели мимо нас взятого в плен немецкого летчика. Руки у него связаны за спиной. Окликаем конвоиров и приглашаем перекурить за компанию. Они охотно подходят. Плотный белобрысый немец, с исцарапанным и украшенным синяками лицом, которое еще не потеряло испуганно-наглого выражения, стоит метрах в пяти от самоходки и, редко мигая белыми поросячьими ресницами, бросает исподтишка на курильщиков злобные взгляды.

Солдат, что постарше, неторопливо, со смаком затягиваясь, рассказывает, как брали фашиста. Он отстреливался до последнего патрона, который на себя, однако, тратить не стал, потом пустился удирать, а когда его догнали – дрался и кусался, как бешеный, пока не скрутили.

– Эсэсовская сволочь. Мы б его на месте... да велено живьем доставить, – затаптывая окурок, закончил боец.

Ночью, получив приказ из штаба полка, мы на малом газу выбрались из западни и ушли на другой участок.

17 сентября

С рассвета продвигаемся вперед, преследуя отходящего противника по пятам. В большом лесном массиве, который прошли насквозь, используя просеки или сами прокладывая их, напоролись на огонь приземистых ПТО, хитро расставленных в пятнистой тени листвы на углах лесных квадратов, где перекрещиваются просеки. Но так как танки и самоходки двигались через лес не одной, а тремя параллельными колоннами, то суматошное тявканье противотанковых немецких орудий смолкло так же внезапно, как и началось. Несколько пушек было с ходу вдавлено в землю, а прислуга с уцелевших предпочла спастись бегством, правильно рассчитывая на плохое «зрение» бронированных машин в густых чащах.

Неожиданно лес кончился, и полк, развернувшись на поле в линию взводных колонн и ведя огонь с ходу, быстро и, главное,

без потерь оседлал шоссе.

Стали прочно за гребнем высоты, осматриваемся, и тотчас же откуда ни возьмись подкатывает следом батарея 76-миллиметровок на машинной тяге. Расторопные артиллеристы, не мешкая ни минуты, заняли огневые позиции неподалеку от наших ИСУ и ИСов и взяли на прицел всю видимую часть шоссе. Мы с Дмитрием узнали среди пушкарей знакомых и вылезли поговорить. В течение минуты выяснилось, что это уже третья наша встреча с артиллеристами и что произошла она вовсе не случайно. У батарейцев задача – поддерживать действия нашего полка в наступлении, подавляя огневые точки врага, особенно опасные на флангах. А наступать в этих местах часто приходится без соседей.

Самый интересный человек на батарее, как мне показалось, – артиллерийский разведчик. Он ничем не выделяется среди своих товарищей: ни ростом, ни выправкой, ни солеными прибаутками, – но достаточно всего один раз внимательно всмотреться в его лицо, простое и суровое лицо солдата, с неулыбчивыми и все-таки добрыми глазами, чтобы почувствовать невольное расположение к нему. Из-за нескольких шрамов (один из них был совсем свежий, нежно-розовый) лицо разведчика, как это ни странно, ничуть не казалось уродливым, а скорее наоборот. Артиллеристы – солдаты и офицеры, даже сам комбат – обращались к нему уважительно. Он отвечал неторопливо, с достоинством. Улучив тихую минуту, ребята наши захотели выпытать у него, как там и что в разведке, но он только угрюмо отшутился, сказав, что в ночное время освещает потайным фонариком женские лица, выбирая самое красивое. Любопытные пожали плечами и отстали, а командир орудийного расчета, молодой старший сержант, незаметно поманил нас пальцем за самоходку и тихо объяснил, что разведчик этот вот уже три года разыскивает свою жену, попавшую в оккупацию вместе с двумя детьми и затем угнанную куда-то немцами...

Во время этого короткого невеселого разговора позади самоходки (она была правофланговой) неожиданно грохнул сильный взрыв, и тотчас – другой, совсем близко от нас. Все живо спрыгнули в немецкий окоп, возле которого стояла машина. Лишь разведчик спокойно продолжал стоять, прислонясь к левому ведущему колесу, а минуту спустя повернул к нам лицо и сердито произнес:

– Вот черти! По своим как точно жарят! Метров на десять бы ошиблись – всем нам крышка... Стодвадцатимиллиметровка. Расстояние – около двух тысяч метров... Больше сюда бить не станут, – добавил он со знанием дела и полез в карман шаровар

за кисетом. – Прокурим, что ли?

18 сентября

Написал и передал комбату представление о награждении наводчика Дмитрия Салова. Вот молодец! Побольше бы таких! Здесь же, на передовой, получаю прямо в руки сразу три письма: от Лиды, мамы и Майки. На душе празднично, хотя и не читал их еще.

19 сентября

Опять двинулись в наступление. Сегодня взяли Валгу (по-эстонски – Валку). Граница двух наших прибалтийских республик проходит по этому городу. В Москве был дан салют.

20 сентября

Как только достаточно рассвело, открываем огонь всем полком. Мы никак не убываем в силе, потому что к нам то и дело поступает пополнение из тяжелых полков, растерявших матчасть в ходе долгого и трудного наступления. Армейское командование почему-то решило сплавлять все уцелевшие тяжелые машины именно в наш полк. Это делает Краснозвездному Краматорскому честь, но люди в нем уже устали порядком... Теперь мы превратились в самоходно-танковый полк: у нас есть несколько ИСов.

Еще не успело подняться в туманах солнце, как из населенного пункта Молочный Завод прибежал санинструктор из пехотного батальона, что переправился ночью через речку и выбил немцев, не ожидавших, по-видимому, такой дерзости. На сержанте-связном висела пухлая зеленая сума с белым крестом на крышке. Отдуваясь, он спросил командира полка. Федотов, мой комбат, направил гонца к подполковнику. Вскоре командир сам появился возле нашей батареи (она стояла ближе всех к дороге, ведущей к Молочному Заводу) и приказал немедля помочь пехоте.

Санинструктор, забравшись на лобовую броню моей самоходки, показывает путь. Нил жмет на газ, мы с Дмитрием во все глаза смотрим вперед. Следом торопится, не отставая, машина Положенцева (его механика-водителя не знаю). На ней

комбат. Больше у нас в батарее машин нет. Дорога заметно бежит под уклон. Утро очень туманное, и особенно бело в долине реки, куда мы спускаемся. Река вблизи оказалась речкой. На том берегу идет бой: туман пронизывают в разных направлениях светящиеся трассы, часто грохочут взрывы.

Перед глыбами бетона – останками добротного моста, взорванного заранее немцами, – задерживаемся минуты на две: санинструктор объясняет, что переправляться надо правее моста, метрах в двадцати от него; там хоть и глубже, но зато дно не такое вязкое, и пехотинцы для надежности еще и камней туда набросали. Проинструктировав Нила, наш проводник попрощался с нами и еще раз вытянул руку в сторону едва различимого в тумане ориентира – какого-то темного строения на противоположном берегу. Именно на него надо держать курс при переправе. Затем сержант тихо соскользнул с откоса шоссе и пропал в молочной гуще под мостом. Послышались осторожные всплески воды.

Федотов приказал мне начать переправу, а Положенцеву остаться на шоссе, чтобы прикрыть меня в случае нужды. Сейчас-то ему стоять можно: из-за тумана немцы не видят его. А вот что он будет делать на голом месте, когда туман разойдется? Свернуть с шоссе вблизи речки совершенно некуда: посадишь машину.

– Заводи! – командую.

Ребята быстро раскрутили стартер. Когда он пронзительно запел, Нил, нажав педаль газа, крикнул:

– Давай!

Дмитрий потянул за рукоять тросика ручного включения, и теплый двигатель сразу загудел.

Выставившись, насколько можно, из своих люков, мы с наводчиком вперили взгляд в здание за речкой, словно плывущее в волнах тумана.

– Вперед!

Нил свое дело знает. Нацелившись на ориентир, он осторожно спускает самоходку по откосу шоссе в указанном месте и на первой замедленной, держа ровный газ, ведет машину через реку. С тревогой всматриваюсь то в противоположный берег, то в поверхность воды. Машина уже погрузилась по крылья и, раздвигая камыши и толкая перед собой волну, медленно продолжает ползти к тому берегу. Скрежет гусеницы на подвернувшемся камне легким холодком отдается в спине. А вдруг сядем? Но солдаты потрудились на совесть.

Едва машина вылезла на берег, чуть левей темного силуэта здания, которое оказалось каменным сараем, навстречу вынырнул

из тумана солдат, посланный командиром батальона. Следуя за провожатым, въезжаем в улицу, ведущую от моста к центру поселка.

По сигналу солдата Нил останавливает машину, а я выпрыгиваю из люка и бегу к пехотному комбату получать задачу. Боец, бегущий впереди меня по улице, единственной в этом поселке, приостанавливается, и я натыкаюсь на него.

– Комбат там! – громко говорит солдат, показывая рукой вперед, и сворачивает куда-то направо между домов.

В тумане, перемешанном с дымом, замечаю трех человек. Это и был комбат с двумя командирами рот. Они ожидали меня, стоя в пяти шагах от угла улицы, которая в этом месте делала поворот на девяносто градусов вправо.

Командир батальона, плотный, немолодой, похожий на профессора из-за своих очков в массивной роговой оправе на совсем невоинственном, близоруком лице, проорал мне в самое ухо, что улица эта выходит в поле, сворачивает там влево и тянется вдоль окраины прочь от реки. Место за Молочным Заводом открытое, и вышибленные ночью из поселка немцы закрепились метрах в пятистах ниже взорванного моста, на высоте, и держат весь населенный пункт под наблюдением и непрерывным обстрелом. Особенно старательно гвоздят по улице и по окраине, обращенной к полю.

– Словом, фриц ни вздохнуть, ни п... не дает. Солдаты уже прозвали данную высотку «Пулеметная», – закончил комбат ввод в обстановку. – И нужно срочно заткнуть ей глотку. Прошу, ребята, помочь, а то мы тут чуть не с полуночи «наступаем» на одном и том же месте.

Высовываться из-за угла он не разрешил: «Пулеметная» буквально захлебывалась и вдоль улицы густо неслись на разной высоте разноцветные трассы. Солдаты на противоположной стороне улицы укрывались за стенами построек, либо стояли в открытых дверях домов, либо пристраивались с оружием наготове у оконных проемов. Если же кто и передвигался, то прижимаясь спиной к стене и используя каждый угол и выступ.

Получив от комбата разрешение действовать, рысью возвращаюсь к своей машине, беззвучно пофыркивающей среди шума и грома боя, с удовольствием занимаю свое место и в двух словах разъясняю экипажу задачу: выйти по улице на прямую наводку и подавить огневые точки противника...

– Осколочным! Заряжай!

Орудие зарядили.

– Вперед!

Нил выводит ИСУ из-за угла, разворачивается, стараясь не

газовать, на середине улицы и медленно подкрадывается поближе к окраине.

Высотка расплывчато темнеет в поле за поселком и кажется совсем близкой. На ее склонах, в нескольких местах, лихорадочно трепещут огоньки выстрелов. Пули забарабанили по броне.

– Огонь!

Вздрогнула машина, быстро дернулся назад, почти достав моторную перегородку, толстый казенник и плавно вернулся на свое место. На высоте полыхнуло пламя разрыва.

– Дистанция пятьсот. Осколочным – заряжай!

Медный звяк позади, под ногами заряжающего.

– Огонь!

После третьего нашего выстрела глухо рявкнуло за речкой, позади справа, орудие Положенцева. Поняли там, куда надо бить, увидя разрывы наших снарядов. Теперь всыплем!

Но торжествовать было рано. Не успели мы произвести очередной выстрел, как немцы, очевидно опасаясь атаки, обрушили на поселок бешеный огонь из минометов, в том числе и тяжелых; ударили слева таившиеся до сих пор пушки, остервенело продолжали надсаживаться пулеметы. Одновременно разрывалось по несколько снарядов и мин. Грохот стоял невообразимый. Знакомый пружинящий свист болванок вонзался в тяжкое кряканье мин, то и дело лопавшихся между домов и хозяйственных построек. Иногда мина, проломив крышу, взрывалась внутри здания. Там и здесь вспыхнули пожары.

Продолжая вести огонь, попятились мы за спасительный поворот улицы, но и тут было ничуть не слаще. Вскоре обрушился и загорелся дом рядом с нами, и машину пришлось отвести к речке. Поставили мы ее несколько выше моста, развернув лбом к противнику, то есть все к той же высотке, а левым бортом почти прижались к кирпичному домику. За правый борт опасаться пока нечего: за речкой есть еще одна наша машина.

Сквозь поредевший под лучами встающего солнца туман долго высматриваю на том берегу самоходку Положенцева, но тщетно: ни перед мостом, ни повыше, на дороге, ее не видно. Неужели ушел? Сам или отогнан артогнем? По голову ломать над этим некогда. Как бы то ни было, мы брошены на произвол судьбы одни. Точнее, не совсем одни, а с теми, кто еще уцелел из стрелкового батальона и отбивается через силу от наседающих фрицев.

Вот замелькали уже впереди нас и позади, перебегая от дома к дому, одинокие фигуры солдат, вскидывая то и дело оружие и стреляя. В кого именно – мы пока не видим. Чуть позади нашей кормы из калитки, сорванной с петель, два человека вытаскивают

раненого. Он бессильно волочит ноги по траве. Посадив наконец товарища на замок из рук и пригнувшись, пехотинцы бегом преодолевают расстояние от калитки до берега. Смяв прибрежную осоку и камыш, они плюхаются в воду и, барахтаясь и отплевываясь, буксируют раненого к своему берегу.

Проводив их взглядом, решаю посоветоваться с Нилом, как нам быть дальше. Опускаюсь из люка на днище и заглядываю под пушку: мой механик наблюдает через свой открытый лючок за прибрежной неширокой полосой и нервно курит. Голова его окутана целым облаком махорочного дыма. Выслушав мои опасения, Нил отрицательно качает головой:

– Нет, я считаю, уходить на свой берег рановато. Пока отходят только раненые.

– Но мы же отсюда ничего не видим, кроме первой линии домов да речки, и поддерживаем пехоту лишь своим присутствием – не больше.

Тут Вася Шиян, доверительно коснувшись моего левого локтя, негромко говорит сзади:

– Товарищ техник-лейтенант, у Нила Тимофеевича, да и у всего нашего экипажа, есть железное гвардейское правило: с занятого рубежа – ни шагу назад!

Правило отличное – слов нет. Мне становится как-то неловко. Пожав плечами, снова высовываюсь из люка: надо продолжать наблюдение, особенно за дорогой, которая упирается во взорванный мост. Орудие у нас заряжено: не успели выстрелить последний раз. Проходит несколько тревожных минут. Верчу головой: уже не одиночки, а группки солдат по два-три человека, большей частью раненые, торопливо перебегают открытое пространство между домиками и речкой, с разбегу бросаются в воду, быстро переправляются полувброд-полувплавь и, качнув кустами, затаиваются на своем берегу.

Сидим как в мышеловке. Стрельба снова усилилась, перемещается все ближе к нам. И вдруг из улицы и прямо через изгороди между домиками высыпалась редкая цепочка бойцов. Один из солдат, рослый, дюжий, неся на закорках человека с забинтованной головой, тяжелой рысцой, вперевалку приближается к нашей машине. Позади, немного поотстав, два автоматчика, медленно пятясь спиной к берегу, бьют длинными очередями куда-то между домов. Высокий, подбежав к лобовой броне, навалился на нее грудью, тяжело дыша, а раненый приподнял с его правого плеча голову в наспех накрученных бинтах, сползших на роговые очки, в которых уцелело одно стеклышко, и, кривясь от боли, прохрипел Нилу в люк:

– Вы что?.. Сюрприз фрицам готовите – машину целую в

подарок? Приказываю отходить немедля! – И он вяло махнул рукой в сторону моста.

По очкам я признал батальонного командира. Лицо офицера бледно и перепачкано кровью и землей.

– Вы с нами, товарищ капитан?

– Нет, я со своими, по-пехотному.

И он «поехал» к речке верхом.

– Заводи!

Но ручки для раскрутки стартера не оказалось на месте, как это и бывает обычно в суете. Нил ткнул в кнопку стартера, однако два аккумулятора, достаточно разряженные за два с лишним месяца эксплуатации, двигателя провернуть не смогли. Наш водитель витиевато выругался, но ручка от этого не нашлась. Положение становилось аховым. Последние пехотинцы, лихо форсировав водный рубеж в обратном направлении, торопливо заняли оборону в собственных окопчиках на своем берегу и вразнобой постреливают по этому. А машина двигаться не может. Неподвижная самоходка – что может быть беспомощней? И пешком нам уже не удрать, хотя напрямую до своих всего каких-то полтораста метров. Неужели «станет карточка пылиться»?.. Ну, это мы еще посмотрим! Главное сейчас – заняться делом.

– Шиян и Перескоков! Найти рукоятку! Салов! Раздай запалы к гранатам и освободи броневые заглушки! Нил, смотри вперед! Я веду круговое наблюдение.

И тут злосчастная рукоятка отыскалась.

– Ну, гвардия! Крути шарманку!

Как же ребята крутили! Сперва Вася с Григорием, а затем к ним присоединился и Дмитрий, дотянувшийся длинной сильной рукою из-за спины Перескокова до рукоятки. Очень скоро низкое жужжание цепи Галля (чтоб он – не она, конечно, – лопнул!) перешло в такой пронзительный визг, что подумалось: стой наша машина со включенной передачей – все равно сдвинулась бы с места, и мотор завелся бы, словно с буксира.

А заводную рукоятку кто-то второпях сунул после предыдущей заводки в нишу рубки, под боеукладку. Во время движения рукоятка, остаться без которой – все равно что остаться без рук, уползла в глубь ниши, к самой бортовой броне, тогда как ее законное место – на виду, на моторной перегородке. Непорядок в гвардейском экипаже – факт, но все равно дурак тот (не знаю его фамилии), кто придумал установить электроинерционный стартер на боевой машине. Единственное достоинство этого «гениального» изобретения заключается в том, что двигатель можно завести вообще без аккумуляторов. Но изобретатель, должно быть, перепутал танк на поле боя с

трактором в борозде...

Все с нетерпением посматривают на Нила: слово за ним. А водитель, будто испытывая нас, склонил голову набок, прислушиваясь к дикому вою, несущемуся из моторного отделения, словно к какой-то невыразимо прекрасной музыке. Наконец он поставил сапог на педаль газа и крикнул:

– Включай!

Вася дернул за тросик ручного включения стартера – двигатель сразу завелся. И тотчас возле обломков моста взметнулась вверх земля. Звук разрыва покрыл звук выстрела. Бьют прямой наводкой. Ждут нас: пожалуйте бриться!

– Стоп!

Надо подумать. С высоты бить по бывшему мосту немцы вдоль речки не могут: она сворачивает влево, исчезая за крайними домами поселка и прибрежными ивами. Сзади? Неоткуда. Там, за поселком, такое болотище, что вряд ли найдешь твердый пятачок для пушки. Свои? Хорошо бы, но на нашем берегу из-за тумана ничего не видно, хотя в обычную погоду местность отлично просматривается, так как постепенно поднимается к горизонту.

– Нил, понервируй противника!

Цибин, зверски газуя, подает машину на несколько метров вперед и возвращается под прикрытие каменного домика. В ответ раздается разрыв среди бетонных глыб. Выстрел слишком близок, и калибр орудия невелик... На наше счастье. Значит, уже и противотанковую пушку успели приволочь, сволочи, к тому самому повороту. И теперь припекут в левый борт, когда пойдем к переправе, и добавят в корму, если и удастся влезть в воду.

– Всем проверить личное оружие! Слушай, Нил! Отводим машину к берегу. Потом по моей команде на ускоренной, какой сможешь, выскочишь к улице. Машину ориентируй точно вдоль дороги. Развернешься на ходу заранее, чтобы далеко в улицу не въезжать. Если разобьем пушку – гони к переправе. Промажем – катись назад, за дома: придется повторить.

– Все ясно, командир!

– Наводчик! Прямой наводкой. Дистанция не более двухсот. Цельсь в землю перед орудием. Как только сунемся в улицу – бей без команды!

– Есть!

– Механик! На исходный рубеж – вперед!

Нил тихо отвел машину вправо и поставил параллельно берегу.

Закрываю люк: теперь можно наблюдать только через ПТК.

– Экипаж, внимание!

Салов уже опустил ствол, установил тщательно прицел и, сжав правой рукой спусковой рычаг, отозвался:

– Товсь!

– Вперед!

Самоходка, взревев, пошла, набирая скорость, описывая плавную дугу влево. Въехав на улицу, Нил чуть-чуть замешкался, выравнивая машину, и приземистая пятнистая раскоряка у поворота выстрелила на мгновение раньше. Однако болванка лишь скользнула по нашей левой бортовой броне – нас оглушило, но несильно. Салов тотчас ответил. Вслед за огненной тугой вспышкой разрыва взметнулась вверх вставшая на дыбы фашистская пушка с оторванным левым колесом, разлетелись куски тел орудийного расчета. Памятный поворот исчез в дыму и пыли. Хоть не даром съездили на этот берег.

– Механик! К переправе! Дуэль состоялась по всем правилам. Отходим назад по-гвардейски!

Нил крутанул машину на месте, быстро подвел ее к берегу и, перейдя на первую передачу, начал осторожно спускаться, всматриваясь в утренние следы гусениц.

Вращая перископ, замечаю вдруг возле каменного сарая, нашего ориентира (теперь он слева от нас), немца. Фашист из-под низко надвинутой на лоб каски хищно ощупывает взглядом береговые заросли, высматривая наших пехотинцев. Кажется, что он совершенно не обращает внимания на нашу самоходку, увы, ничем не грозящую ему. А может быть, этот опытный волк только выжидает, когда мы подставим ему корму, чтобы угостить «фаустом»?

– Перескоков! По правому углу сарая дай из автомата!

Григорий выталкивает броневую заглушку и, выставив наружу ствол, выпускает длиннющую очередь. Немец, посунувшись вперед, совсем вываливается из-за угла, покрывает телом свой черный «шмайссер» и замирает.

А Нил тем временем уже медленно спустил машину в воду и аккуратно ведет через знакомый брод. Все идет хорошо, но, преодолев самое глубокое место, наш водитель чуть-чуть потянул за правый рычаг, желая направить самоходку к дорожной насыпи под более удобным углом. И тут едва не стряслась беда. Левая гусеница пробуксовала, и ИСУ остановилась «по пояс» в речке, среди покачивающихся на волне широких листьев кувшинок и стеблей камыша. Жарче всех сейчас, должно быть, Нилу, молча потеющему за рычагами. Мысленно вцепившись в рычаги, потею и я – из солидарности. Над переправой одна за другой свистят болванки, но пока что выше нашей башни.

Нил врубает заднюю передачу. Рывок – машина немного

сдвинулась. Еще рывок – еще метр-полтора. Одновременно водитель сумел развернуть самоходку почти перпендикулярно к насыпи. Теперь осталось попробовать вылезти на дорогу. Все сейчас зависит от искусства механика-водителя – лучше не вмешиваться. Нил включает замедленную, дает малый газ, постепенно прибавляя обороты. Скрежеща гусеницами по камням, лежащим на вязком дне, машина медленно поползла вперед. Возле берега, где почти у самой воды начинался откос дорожной насыпи, самоходка снова забуксовала, но водитель (ему больше нечего было делать) еще прибавил газу, и тяжелая громадина, натужно ревя, вылезла из речки, вся забрызганная грязью и обвешанная водяными растениями, оперлась на откос сначала ленивцами, а затем первой парой опорных катков. Почувствовав наконец твердую опору, ИСУ вздыбилась, с ревом карабкаясь вверх. У всех нас отлегло от сердца...

Вдруг резкий удар в корму – и светящиеся красные искры брызнули внутрь башни под полуоткрытую крышку квадратного люка, пружинисто покачивающуюся на своем торсионном валике, головокружительный звон наполнил уши... Однако ничего страшного не произошло, и наша машина не задерживаясь ходко выбралась на шоссе. Нил плавно убрал газ, и самоходка мягко плюхнулась гусеницами на асфальт. Водитель развернул ее влево, включил первую ускоренную и газанул. Запоздало свистнула еще одна болванка. Метрах в ста от моста, близ дороги, одиноко притулился кирпичный дом. Когда машина поравнялась с ним, приказываю Нилу остановиться и развернуться в сторону зловредной высоты. С наслаждением выпустив по ней несколько снарядов, возвратились к своей батарее, то есть к машине А. Положенцева. На Федотова мы с Нилом даже смотреть не могли: обиделись до смерти.

Комбат, не обращая внимания на наши надутые лица, подошел к нам и, улыбаясь, растолковал, что это была разведка боем и что батарея с поставленной задачей успешно справилась. И еще добавил, что мы счастливо отделались и он рад нас видеть, и обнял нас за плечи.

Поостыв и поставив машину в общий ряд, мы всем экипажем полюбопытствовали, как нас «приласкал» фриц, когда мы показали спину. Болванка ударила в наклонный лист кормы под острым углом, чуть выше левого буксирного крюка, и отскочила рикошетом, оставив на броне след – большую продолговатую вмятину около тридцати миллиметров глубиной.

Срикошетив, снаряд задел «ухо» левого буксирного троса и «прокусил» его почти до середины. «Ухом» у нас попросту называют коуш, то есть отлитую из броневой стали петлю на

конце троса. Произошло это переименование, по-видимому, из-за того, что коуш действительно напоминает ухо какого-то животного, а еще, может быть, и по той причине, что непонятное английское слово «коуш» непривычно для слуха.

Вскоре после нашего возвращения примчалась откуда-то с левого фланга, тоже с берега, тридцатьчетверка с 85-миллиметровой пушкой. Экипаж на ней состоит теперь из пяти человек, тогда как на тяжелом ИС-1 – из четырех. Танк остановился под придорожными ивами. Ему проломило болванкой правый борт, трех ребят из экипажа ранило, причем одного – тяжело. Танкисты вытащили раненого товарища из машины и усадили в тени, прислонив спиною к опорному катку. Бледный, без кровинки в лице, раненый (ему перебило кость на правой руке, выше локтя) хрипло и монотонно бормотал: «Спа-ать... спа-ать...»

Санлетучки ни у тридцатьчетверочников, ни у нас в эту минуту поблизости не оказалось. Первую помощь раненому оказали сами: влили в рот стакан водки, чтобы притупилась боль, наложили тугую повязку выше раны, гимнастерку использовали вместо косынки...

Через несколько минут всех привлекло новое событие. Подкатил пыльно-серый бронетранспортер из этой же танковой бригады, и разведчики вытолкнули на лужайку посреди боевых машин солдата в ненавистной голубовато-зеленой форме.

Люди, находившиеся вблизи, подошли и стали полукругом, разглядывая пленного. Немец дрожал всем телом.

Пришел рослый и грузный майор из бригады (он был без комбинезона), хмуро взглянул на пленника и начал неторопливо расстегивать кобуру...

– Пане! Пане коханы! Не стжеляй! – завопил вдруг тот, падая на колени и подползая к ногам офицера. – Я естем поляк! Сувалки! Сувалки!

Омерзительно смотреть на пресмыкающегося человека, даже если это враг.

Майор, услыша польскую речь, опустил от удивления пистолет.

– Встань, песий ты сын! Да какой ты к черту поляк! Настоящие поляки уже за свою Варшаву бьются, кровью умываются, а ты, иуда, до сих пор немцу зад лижешь, – с презрением сказал танкист, поднимая сжатый кулак.

– Не бей меня, пане! Не бей! – все так же пронзительно, но уже более уверенным голосом продолжал верещать пленный, исподтишка бросая блудливые взгляды на суровые лица танкистов, окруживших лужайку с полегшей травой. Он словно

искал сочувствия. – Пше прошам, пане маер! Меня герман заставил, кжижак пшекленты! Я не естем вруг...

– Значит, ты поляк? Ты, естем не естем, не виноват? А это чья работа? – Майор показал рукой через плечо на раненого, постанывающего в полубреду. – Ах, не ты? Ну так ты еще хуже того немца, потому что холуем у него служишь, когда он твою Речь Посполиту насилует...

Тут танкист не выдержал и, задохнувшись от гнева, съездил мерзавцу тяжелым кулаком по уху, так что тот едва устоял на ногах. Переведя дух и застегивая кобуру, майор сказал:

– Стрелять надо таких на месте, как собак бешеных, но мы – не фашисты. Живи. Сейчас пойдешь назад, туда, откуда тебя приволокли, и передашь всем полякам, какие Польшу забыли, что не к лицу им в немецкой упряжке ходить, как безмозглому быдлу. Гитлеру скоро капут, и народ ваш не простит вам предательства. Понял, что нужно делать?

– Так, пане, так! Добже розумем.

– Тогда – марш!

Поляк, трусливо озираясь, пустился наутек через дорогу, к заболоченной речной пойме, и вскоре исчез среди лозняка и высоких камышей.

– А все-таки документы у него проверить не помешало бы, – с опозданием подумал вслух кто-то позади меня. – В Польше много таких немцев, которые всю жизнь среди поляков живут и по-польски говорят свободно...

Вдруг раздалась громкая команда:

– К машинам! По местам! Командиры машин, ко мне!

Лужайка вмиг опустела.

Полк наш выдвигается в полном составе к Молочному Заводу и с дистанции не более тысячи метров обрушивает на отбитый немцами населенный пункт свои увесистые снаряды. Особенно тщательной обработке была подвергнута высота за речкой, правее поселка.

Под вечер нас с Положенцевым снова послали вперед, на тот берег, так как утренняя разведка боем не позволила нам уяснить обстановку и изучить местность около Молочного Завода. Теперь только до меня дошло, почему комбат тогда остался с машиной Положенцева перед мостом. А сейчас что? Снова разведка?

Спустившись по дороге к мосту, мы не узнали поселка: от него ничего не осталось, кроме груд кирпича и камня да поредевших садов с черными мертвыми деревьями.

Переправляемся без задержек, сперва моя, потом вторая машина. Медленно едем по бывшей улице. От тлеющих развалин сильно пышет жаром, удушающе пахнет горелым. На каждом

шагу попадаются убитые – наши и немцы. Но самое страшное ждало нас сразу за околицей. Там вдоль кювета лежала в ряд длинная цепь наших мертвых солдат. Из того батальона. Наступающий взвод совершенно неожиданно попал под кинжальный огонь пулеметов, установленных на треклятой сопке.

В разных позах, кого как застала смерть, лежат бойцы. Многие из них не успели даже выронить из рук оружие. И грозная тишина застыла над ними, словно в почетном карауле. Мне почудилось даже, что она совсем поглотила все звуки. Во всяком случае, гула работающих двигателей я не слышал.

Продвигаемся по дороге, держась каждую секунду наготове, с заряженными орудиями. Через некоторое время перед нами показался рядок деревенских домиков, уходящий вправо от дороги. Вдоль левой обочины дороги тянется длинный дощатый забор, серый от старости, чисто вымытый дождями и до звона высушенный ветрами и солнцем.

Сверяюсь с картой. Это мыза Эрдеме. Порядочно отошли мы уже от реки. Прошу Положенцева подвести машину поближе, и мы, стоя в своих люках, держим военный совет. Решили: дальше без пехоты не лезть, а устроить засаду. Место удобное: машины, как нам показалось, скрыты от противника домами и деревьями, а подступы к мызе просматриваются нормально. Мою машину ставим на лугу, под ивами, метрах в двухстах от забора, с таким расчетом, чтобы при первом же подозрительном шуме успеть раскрутить стартер и развернуться в нужном направлении для ведения огня. Самоходка Положенцева ушла к правому крайнему дому и остановилась поодаль от него, нацелившись на широкую зеленую луговину – пойму все той же реки. Двигатели заглушили.

Осмотревшись, докладываю командиру полка по рации, где мы. Подполковник сказал, что выслал нам на помощь одну машину ИСУ-122 (она прибыла в полк с последним пополнением и передана во вторую батарею). Действительно, минут через двадцать со стороны Молочного Завода появилась, идя на рысях и вздымая за собой тучу пыли, самоходка.

Немцы, только теперь спохватившись, открыли с фронта и с правого фланга сильный артогонь. Ныряя в разрывы, ИСУ-122 промчалась мимо моей машины и стала чуть впереди, под прикрытием домика, самого левого в ряду. Обстрел продолжается. Через десять минут Положенцеву снарядом перебило левую гусеницу. Моя машина осталась на месте держать на прицеле свой сектор, а вновь прибывшая поспешила к беспомощной самоходке Положенцева. Развернувшись параллельно подбитой машине и повернувшись на полкорпуса

вперед, ИСУ-122 прикрыла собою левый борт ИСУ-152, экипаж которой тотчас дружно принялся за работу. И все шло хорошо. Немцы постреливали, а мы не отвечали, так как не видели целей, да и не хотелось раньше времени выдавать свою малочисленность хотя бы до тех пор, пока не закончится ремонт. На «разутой» самоходке уже оставалось забить последний палец и зашплинтовать его – вдруг разрыв снаряда (с башни он хорошо был мне виден) взметнул землю почти у самого просвета, образованного бортами двух машин. Ребят, возившихся с гусеницей, расшвыряло в разные стороны, и заклубившийся синевато-белый дым скрыл их из виду. Через пару минут прибежал оттуда запыхавшийся автоматчик и сбивчиво доложил, что убиты командир ИСУ-152 и один из трех автоматчиков, приданных экипажу, а заряжающий ранен.

Так не стало Саши Положенцева. Сердце мое сжалось. Всего какой-нибудь час назад мы обсуждали с ним, где лучше занять позицию... Чертовски обидно погиб человек. Злоба на фрицев перехватывает дыхание. А они все бьют с перерывами по мызе и по нашему лугу. Значит, видят нас, гады. И кажется, что сумерки сгущаются слишком медленно... И что принесет нам темнота? Пехоты нашей что-то здесь не видно.

Понуро шагаю через луг проститься с товарищем. Оба убитых лежат радом на броне позади башни под малым брезентом. Наводчик Положенцева осторожно откинул край. Волевое лицо Александра сохранило свое обычное спокойное и внимательное выражение, только стало острее и строже.

Противник не успокоился и ночью. В результате одного из артналетов ранило обоих автоматчиков с нашей машины, Саргина и Молокеева. Они не успели окопаться как следует, так как среди ночи дважды пришлось вместе с подоспевшей пехотой отгонять немцев, просочившихся чуть не к центру деревушки, а может быть, просто поленились по молодости. Но на молодость война скидки не делает. К счастью, ранило ребят легко.

21 сентября

Ночь прошла в непрерывном бодрствовании. Не до сна было: глядели в оба и слушали тоже. Несколько раз то на правом, то на левом фланге, то прямо перед нами вспыхивала нервная перестрелка: невидимая пехота продолжала выяснять отношения. Два раза пришлось вмешаться и нам.

В плотной ночной тьме стремительно проносятся мимо или медленно проплывают в отдалении разноцветные светлячки

трассирующих пуль. Во время стрельбы все время напрягаем слух, чтобы не прозевать приближения немецких танков, но, кроме тихого постанывания Саргина, разомлевшего от раны в боку, ничего услышать не удалось.

Рано утром первой начала работу наша пехота. Сигналом послужила длинная, раскатистая очередь ручного «Дегтярева», раздавшаяся слева от нас, по ту сторону дороги. Звуки, издаваемые пулеметом, были по-утреннему ясны и звонки и чем-то напоминали треск сухой палки, с которой мчится сорванец-мальчишка, сильно прижимая ее к деревянной ограде. Поставив крышку люка вертикально на стопор, выглядываю из-за нее, как древний воин из-за щита, стараясь определить, откуда и куда бьют. Намочив ладони холодной росой, которая обильно покрыла за ночь броню башни, провожу ими по лицу и по уставшим от бессонницы глазам, чтобы освежиться. Это помогает, и мне удается наконец разглядеть дрожащий в щели забора пулеметный ствол, как раз в том месте, где забор оторвался от столба и наклонился в сторону дороги. Хитро устроившийся пулеметчик с небольшими паузами стрелял вдоль улицы по садам на другом конце деревушки. Ему, точно эхо, начали вторить в нескольких местах наши и немецкие пулеметы.

Через несколько минут огневого боя откуда-то притрусил пехотинец в мокром от росы обмундировании. От спины солдата валил пар. Он сообщил, что за деревней, на левом фланге, обнаружены немецкие танки, три или четыре, что один из них большой, должно быть «Тигр», и что ротный беспокоится, как бы не было атаки.

Машина Положенцева с неполным экипажем осталась на своей позиции прикрывать мызу справа, а наша вместе с ИСУ-122 быстро двинулась в сопровождении солдата вперед. Пересекаем дорогу и, повалив забор, едем, прикрываясь до поры до времени деревьями и постройками. Мыза оказалась с продолжением, и довольно длинным.

Скрытно выйдя к левой окраине, мы тотчас увидели в километре медленно удаляющуюся по дороге к леску небольшую танковую колонну. Замыкающим полз черный «Тигр» с повернутым на деревню орудием. ИСУ-122 выстрелила первой, за нею – наш Салов. Разрывы легли по обе стороны дороги, совсем близко к колонне, но не причинили танкам никакого вреда, так как бронебойные снаряды глубоко уходят в рыхлый торфянистый грунт. «Тигр» тотчас ответил, но его экипаж, видимо, еще не засек нас и пустил болванку наугад. Колонна увеличила скорость, торопясь к лесочку.

Второй раз обе наши машины выстрелили залпом и удачнее:

один из танков рыскнул в сторону и застрял, сильно накренясь, в кювете. Остальные успели скрыться среди деревьев и словно растворились в зелени. Третий выстрел «Тигра» последовал уже с опушки, с места и оказался более точным: над башней ИСУ-122 болванка срезала яблоню, и краснощекие яблоки осыпали нашу боевую подругу. А Дмитрий, тщательно прицелясь, всадил свой третий снаряд прямо в застрявший танк. Взрывом ему снесло башню, и бензиновый костер заполыхал на фоне опушки. Выстрелив еще раз по лесу – для острастки, мы заползли задним ходом поглубже в сад: хотя тигриный «гостинец» и не очень страшен нашей лобовой броне на расстоянии полутора километров, но гусеницу перебить может.

А «Тигр» продолжал усердствовать вовсю, к нему присоединились, не рискуя высовываться, однако, из чащи, две «Ягдпантеры» (пушки у них такого же калибра). Стараясь не поломать яблонь, мы возвратились на исходную позицию: сюда мы всегда успеем раньше немцев.

А немецкая артиллерия и минометы опять открыли по деревне сильный огонь. И непонятно, куда делась их пехота.

В 9.00 прямо по дороге примчался, сопровождаемый разрывами, полковой тягач (КВ с броневой крышей вместо башни). Он лихо нырнул в промежуток между двумя фонтанами земли и остановился метрах в тридцати позади нашей машины, под деревьями. Из люка вылез комбат Федотов, за ним – новый командир машины, прибывший заменить Сашу Положенцева. Экипаж тягача, состоящий из двух человек, отвязал и сбросил с брони бочки с газойлем и маслом: нашим самоходкам пора было дозаправиться. Затем из люка появились два теплых термоса с завтраком (а может быть, с ужином). Троих раненых бережно усадили внутри тягача, убитых положили наверху, между тросами, и тягач, обдав нас на прощание синим газойлевым дымом, убежал, лязгая гусеницами, назад.

Комбат-2, гвардии старший лейтенант Сергей Федотов, – крупный мужчина с медвежьей походкой. Широкое, обычно добродушное лицо его обильно усыпано большими веснушками вперемешку с мелкими вмятинками, оставленными оспой. Он потребовал доложить обстановку. Выслушав меня, комбат с полминуты подумал и приказал, не прекращая наблюдения за противником, всем экипажам быстро подкрепиться, а затем поочередно заправить машины. Нам предстояло сделать это первым, поскольку бочки находились ближе к нашей самоходки.

После завтрака, проглоченного наспех, без всякого аппетита, двигаться не хотелось: сказались предыдущие напряженные сутки с ночью, проведенной без сна, да сегодняшнее утро в придачу. Все

сразу как-то отяжелели, и сильно клонило ко сну.

Но окающий по-саратовски голос Федотова напомнил нам о делах неотложных:

– Командир машины! Приступайте к заправке! Отоспимся после войны.

Следя в перископ за черными кустами взрывов, вырастающими вдруг то там, то здесь на нашем лугу, высказываюсь насчет того, что заправляться днем на открытом месте опасно. Однако комбат, выглянув из квадратного люка, повторил приказ.

– Быть вам, товарищ старший лейтенант, опять замковым, чует мое сердце, – проговорил Вася Шиян, подхватывая ведро и неохотно вылезая из машины (старший сержант напомнил комбату сходную ситуацию, когда по вине Федотова был ранен в бою и тому пришлось работать у орудия за замкового).

Следом за Шияном спрыгнули на землю Салов и Перескоков, потом сам комбат.

Оставив Нила дремать на его сиденье, беру нужный инструмент и вылезаю на броню. Федотов стоит, опершись задом на корму, и деловито сооружает толстую самокрутку; наводчик с заряжающим возятся с двухсотлитровой бочкой, лежащей на боку в траве, а замковый нетерпеливо ждет с ведром наготове. Быстро отвинчиваю броневую пробку и пробку заправочной горловины, вставляю воронку и жду ведра с горючим.

Вот Дмитрий и Гриша рывком качнули бочку от себя, и из бокового отверстия ее полилась синеватая маслянистая струя в ведро, ловко подставленное Васей. Как только ведро наполнилось, бочку дернули на себя, и Вася спокойным шагом направился ко мне. Вдруг легкий взрыв – бросаются на землю одновременно Салов, Перескоков и комбат, а Шиян, сделав еще шаг по направлению к машине, медленно валится на правый бок, не выпуская из руки дужки ведра. Ничего не понимая, продолжаю сидеть на корточках около левого крыла и смотреть на замкового (остальных мне не видно).

Вася, лежащий метрах в пяти от машины, вздрогнул всем телом, чуть-чуть приподнял голову, каким-то угасающим взглядом скользнул по мне (никогда не забуду этого взгляда), снова уткнулся лицом в траву и больше не шевелился. Спрыгиваю на землю и наклоняюсь над товарищем. Правое плечо его разворочено, а вся правая половина лица, от скулы до виска, превратилась в кровавое месиво. Вася уже не дышал. Холодея от ужаса, растерянно озираюсь.

Из-под кормы торчат ноги комбата и несутся ругательства, из-за бочки возникают Салов и Перескоков. Первый осторожно

ощупывает левую руку, второй, скорчившись, держится за правый бок. В квадратном люке показалась сонная голова Нила. Разглядев печальную картину, водитель зло прищурился и тяжело выдохнул:

– Назаправлялись… Вася!

Федотов наконец выполз из-под кормы:

– Все в машину! Шияна – на броню.

Мы с Митей осторожно поднимаем убитого, Нил и Федотов так же бережно принимают его наверху. Потом боевое отделение на несколько минут превращается в перевязочный пункт. У комбата пустяковое ранение в ногу. Жаль, что мало: сам кругом виноват. У Мити Салова маленький осколок пронзил мякоть предплечья. А Грише Перескокову придется залечь в госпитальной койке, хотя наш заряжающий и пробует храбриться.

Выждав недолгое время, снова приступаем к заправке, но с опаской. Работаем втроем. Мы с полутораруким Митей наполняем ведра и подаем Нилу, а он выливает в бак. Вася Шиян, как немой укор, тихо лежит за башней под малым брезентом. Федотов, чертыхаясь, окает сильнее обычного. Все три машины все-таки удалось заправить.

Раненых, кроме упершегося Салова, и Васю Шияна вскоре забрал наш бронетранспортер из взвода разведки, а командиром батареи Федотов, уезжая, оставил за себя командира ИСУ-122.

Остаток дня прошел нормально: вместе с пехотой мы без особых усилий выжали немцев из занимаемой ими правой половины мызы, а танки их ни разу не подали голоса.

С приближением темноты по приказу из штаба выезжаем в тыл полка на техосмотр. Засыпаем спокойно под убаюкивающее погромыхивание своей артиллерии.

Сегодня полку объявлена благодарность командарма за умелые действия при освобождении Молочного Завода.

22 сентября

После того как закончили «техосматриваться», составляю рапорт о награждении членов своего экипажа и обоих наших автоматчиков.

У нас при промывке сломался стержень фильтра грубой очистки горючего, и экипаж наслаждается приятным бездельем в ожидании нового фильтра, единогласно поручив мне, как командиру, написать матери Васи Шияна в Запорожье. Долго сижу, уединившись в башне, над чистым тетрадным листом и злюсь на Нила и Дмитрия. Нет ничего горше и труднее сказать

матери, пусть даже в письме, о смерти любимого сына, да притом еще и единственного. А у них так просто: напиши! И не радует меня даже треугольничек от фронтового друга Коли Баландина, моего бывшего командира, с которым расстались мы 4 июля, а кажется, уж давным-давно. К вечеру письмо наконец готово и одобрено товарищами. После этого наспех пишу маме и Лиде. Послания получились мрачные, и начинаю жалеть о том, что отправил их.

Сегодня мы все трое по очереди постриглись у полкового куафера-самоучки, машинка которого обладала способностью выжимать слезу у самых стойких клиентов.

Ночевать в тылу нам придется еще один раз. В 23.00 слушали сводку Совинформбюро: наш северный сосед – Ленинградский фронт – полностью очистил от противника территорию между Чудским озером и Финским заливом и соединился с нашим фронтом. Союзники ведут бои за Аахен, громя этот древний город массированными ударами с воздуха, хотя он, если верить школьному учебнику географии, является главным образом не промышленным, а культурным центром. Высажен также десант в Голландии. Учитывая западноевропейские расстояния, до Берлина рукой подать. Торопятся союзнички. Неужели всерьез за дело взялись?

23 сентября

Утром нам привезли долгожданный фильтр, и в 10 часов мы уже в пути с полком. В 12 часов с ходу форсируем реку Седа, под сравнительно легким обстрелом проскакиваем мызу Даксте, упорно идя на сближение с противником. Тот все продолжает отходить и не особенно-то стремится скрестить оружие, хотя до Рижского залива не так уж и далеко осталось.

Федька Сидоров в конце долгого, измотавшего всех, не говоря о водителях, двенадцатичасового марша (мы с Нилом хоть по очереди за рычаги дергали!) раздавил в темноте старшего лейтенанта, начальника разведки полка, но тот сам в этом виноват: забыв, что служит не в пехоте, потерял осторожность.

У нас в экипаже по-прежнему три человека: два водителя (мы с Нилом) да наводчик Митя Салов с забинтованной левой рукой.

В 23 часа останавливаемся, наконец, на ночевку, проплутав перед этим еще с полчаса понапрасну по коварным проселкам среди лесов и болот. Ночью здесь передвигаться нельзя.

Включаю свой плафон и, ожидая у рации очередной военной сводки, без паники изучаю знакомые Колины каракульки. Мой

недавний командир награжден орденом Красной Звезды, земляк Ефим Егорыч получил ранение в голову и медаль «За отвагу», а их полку присвоено почетное наименование Львовский. Значит, они воюют на 1-м Украинском. Глаза мои сами собой слипаются, но, перебарывая дремоту, успеваю услышать приятную новость об освобождении Таллина и объявить о ней уснувшему экипажу. Затем выключаю рацию, соскальзываю с сиденья на разостланную по днищу шинель и мгновенно «замыкаюсь».

24 сентября

Весь день преследуем противника. Ввиду того что встреча с кухней сегодня не состоялась, да и в последующие сутки может не произойти, на всякий случай запаслись свининой и курятиной в местечках, покинутых жителями. Голод не тетка, а все же чувствуешь себя отчасти мародером.

Под вечер наша колонна из трех ИСУ-152 (опять за день «распылился» полк) приостанавливается перед подозрительным, явно топким на вид болотом. Через него ведет единственный узкий проселок, который пропадает в густом высоком кустарнике. Объезда искать не хочется, и где-то впереди Валмиера (Вольмер по-эстонски) – город, по которому проходит граница двух соседних республик. Нетерпеливый Федя Сидоров рвется вперед, и после короткого колебания его друг и командир Павел Стаханов решает преодолеть болото по неразведанной дороге.

Федя мастерски, в обычной своей манере, на первой ускоренной передаче, проскакивает болото и, выведя машину на твердое место, ободряюще машет мне с башни шлемом. Следом пошла наша машина, но дряхлая гать, потрясенная энергичным Фединым рывком, не выдержала и неожиданно расползлась у нас под правой гусеницей. Несмотря на все старания Нила, самоходка безнадежно села с сильным креном вправо, причем корма ее задралась выше лобной части. Главная же беда в том, что все три машины теперь разобщены: ни Федя не может вернуться назад, ни Карапузов перебраться к нему. Словом, батарея застряла в болоте... Все-таки наши заботливые пращуры не зря рекомендовали: «Не зная броду...»

Пока мы почесывали затылки и переругивались натощак, догнала нас жиденькая, человек в тридцать, пехотная рота, и Федькина машина ушла вместе с нею вперед. Минуты через две и Володя Карапузов (у него командиром гвардии лейтенант Суртаев) повел свою куда-то влево, разыскивая объезд. И вот мы впятером (неполный экипаж да двое автоматчиков) остаемся

среди болота, проклиная на чем свет стоит эти гиблые, трясинные места...

А над топью, сперва справа, затем слева от дороги, низко над корявыми, переплетенными кустами, стали вдруг повисать черные клубки шрапнельных разрывов. Уже пристреливается, гад!

Но еще грустнее сделалось у нас на душе, когда после захода солнца устало проплелась в обратном направлении обогнавшая нас рота, еще больше поредевшая, вывалявшаяся в болотной грязи. Что это были те самые солдаты, мы легко определили по женщине-снайперу. Она шагала бодрее своих товарищей, несмотря на беременность, которую выдавал заметно выпирающий под гимнастеркой круглый живот. По этой причине она подпоясала ремень высоко, под самой грудью, и выправка ее выглядела весьма комично, но никто из нас, даже язвительный Нил, не улыбнулся, а Салов сердито сказал:

– Не могут бабе плащ-палатку для маскировки выдать...

Теперь и впереди нас никого из своих нет. Скоро низина наполнилась туманом. Надвигалась темнота.

25 сентября

Всю ночь мы не смыкали глаз. Хорошо еще, что двое автоматчиков при машине есть. Среди ночи, часов около трех, они услышали осторожные шаги людей, идущих по болоту с той стороны, и тихо предупредили дежурившего в люке Салова. Наводчик, вооружившись гранатами, тотчас присоединился к часовым, а мы с механиком заняли места в открытых круглых люках, провожая глазами смельчаков.

Выдвинувшись метров на пятьдесят, они затаились в кустарнике и стали ждать. Услышав в тумане негромко оброненное немецкое слово, наша тройка первая открыла огонь. Вспыхнула перестрелка, потом сильно грохнула Ф-1, и сразу стало очень тихо. Ребята, все невредимые, вернулись к машине, а когда рассвело, принесли из кустов два немецких автомата и запасные диски к ним, а также снятую с немца новую пятнистую маскрубаху. Оказалось, что ночью они уложили двух фашистских солдат, по всей видимости разведчиков. Автоматы и патроны пригодятся, пока сидим в болоте одни, а маскрубаху, которую уже ребята стали по очереди примерять, приказываю выбросить, вспомнив о том, что случилось со мною за рекой Вяйке-Эма-Йыги. Митя, выразительно посмотрев на глубоко увязшую гусеницу, просит разрешения использовать пятнистую шкуру (она непромокаемая) для мирных работ и засовывает трофей под

запасной бак на крыле.

Уже при солнце явился откуда-то с тылу нам на помощь Володя Карапузов, тянул нашу машину изо всех пятисот пятидесяти лошадиных сил, но она только засела еще плотнее.

Возясь все в поту с бревнами, которыми усиливаем гать, не сразу обращаем внимание на длинную вереницу пехоты, бредущую мимо нас. Солдаты совсем не вооружены. По осунувшимся лицам и по не очень уверенной походке некоторых бойцов догадываемся, что большинство из них собраны из команд выздоравливающих. Один из солдат, по-юношески тонкий, с молоденьким смугло-бледным лицом и темным пушком над верхней губой, задержался против нашей машины и, словно что-то припоминая, уставился на нас с Нилом черными восточными глазами. Митя и ребята с карапузовской машины сразу признали в солдате Ахмедова, замкового с первой машины (ее уже давно нет) нашей батареи. Он был ранен с месяц назад и теперь идет из госпиталя с пополнением в пехоту. Их рота маршевая. Два-три коротких вопроса – и Ахмедову предложено «замаскироваться» за правым бортом самоходки, чтобы никто не увидел с дороги. А когда прошел мимо офицер, замыкающий сильно растянувшуюся колонну, замковый быстро и ловко, точно ящерица, проскользнул со стороны кормы в башню и задраил за собой люк.

Через несколько минут быстрым шагом возвращается обратно пехотный старший лейтенант, сильно расстроенный, и спрашивает у нас, не видал ли кто отставшего молодого солдата. Но самоходчики с непроницаемым видом продолжают заниматься своим делом, пожимая в ответ плечами и возмущаясь вероломством «дезертира».

Мне искренне жаль старшего лейтенанта, но обученные замковые (они же и младшие механики-водители) на дороге не валяются, людей в полку у нас не хватает, а тут свой парень, да еще и боевой. Штаб полка немедля сообщит куда следует, что гвардии рядовой Ахмедов возвратился в свою часть для дальнейшего прохождения службы. Такие случаи на фронте бывают.

Пехотный командир, подозрительно покосившись на закрытые люки нашей машины, медленно удаляется, всматриваясь в густые кусты по обочинам гати. Минут через пятнадцать после его ухода Ахмедов, надев чужой танкошлем, радостно включается в общую работу. Нас уже четверо!

Однако вскоре пришла из РТО ремлетучка, а с нею прибыли на нашу машину недостающие члены экипажа: заряжающий гвардии сержант Мацапаев и замковый гвардии рядовой Морозов. Спасенного нами Ахмедова увезли в штаб. В сумерках уже

Карапузов еще раз попытался нас «дернуть», но увяз сам.

Поздним вечером, усталые до смерти, грязные с ног до головы, голодные как волки и злые, забираемся, выставив хорошую охрану возле обеих застрявших машин, в здоровенный сенной сараище, под самую крышу набитый душистым сеном. Нет, ни одному королю и не снилось такое ложе! Зарываюсь поглубже в «перины», источающие диковинные ароматы луговых цветов и трав, с наслаждением вытягиваю гудящие ноги и плавно проваливаюсь в какую-то невыразимо приятную пустоту...

26 сентября

С рассветом снова за дело. Доконали общими усилиями большой сенной сарай, давший нам приют прошлой ночью: разобрали у него все четыре стены. Добротные бревна перетащили на себе к гати, а потом помогла возить самоходка гвардии лейтенанта Хилова, серьезного белолицего командира. Из этой уймы бревен соорудили настил и к 19 часам окончательно... посадили и карапузовскую машину, которая вчера, пытаясь выручить нашу, увязла сама. Вот тебе, бабушка, и Рижский залив!

27 сентября

Отчаянно сидим!.. Скоро в Нилов лючок вода польется. Подходы к машине и спереди и сзади – отвратительнейшие. Как только заработают двигатели самоходок – начинает угрожающе колыхаться загаченная трясина. Но мы дадим ей бой: у сарая есть еще крыша, а метрах в трехстах отсюда стоит крепкий, кряжистый дом. Много бревен понадобится, чтобы заткнуть вонючую пасть болота... Вот только зло берет на Хилова, из-за чрезмерной осторожности которого мы уже двое суток ковыряемся здесь. Вперед-то нас можно было тянуть, когда наша машина не увязла еще так глубоко с помощью Карапузова.

Прибежал полковой тягач с Василием Егоровым, но ничем помочь застрявшим машинам не может, потому что здесь ступить, как говорится, гусеницей негде. Поэтому он возит на своей спине, как и все мы, бревна. Их нужно много.

Работаем до полного изнеможения, до упаду, устилая бревнами подход к машине Карапузова, сидящей ближе меня к берегу. Болят стертые в кровь плечи, сильно ноет спина, подкашиваются ноги. В самом конце дня, извозившись по уши,

вытащили из-под грязи свой буксирный трос. И сколько же еще «припухать» нам здесь в ожидании армейских тягачей, снабженных длинными тросами и полиспастами?

С тупым равнодушием (очень хотелось спать) выслушиваю новость, доставленную кем-то из штаба, о награждении нескольких человек, в том числе и моей особы, за дело под Молочным Заводом. Говорят, что представлен к ордену Отечественной войны, и даже номер приказа по 1-й Ударной армии в подтверждение своих слов сообщили (№ 0325 от двадцать какого-то сентября).

28 сентября

Побаливает живот: то ли от болотной водицы и кое-как приготовленной пищи, то ли от тяжелых бревен. Прибыл к месту нашего «большого сидения» сам командир нашей эвакороты гвардии капитан Бирюков. Он сразу обнадежил нас, порадовав сообщением о том, что где-то торопится к нам на помощь армейский тягач. В честь этого с удовольствием выпили холодного молока, случайно обнаруженного в погребе избы, когда разбирали ее под настил.

29 сентября

Утром пришел армейский тягач! С воодушевлением взялись мы за бревна и таскали их на болото до самого вечера. В 19 часов тягачи попытались тянуть Карапузова, застрявшего недалеко от берега, но лишь глубже всадили его машину в торфяник, успев протащить вперед всего метров на пять. В 20.30 оставили все до рассвета, так как стало совершенно темно.

Продуктов не привозят третьи сутки, но у нас есть свинина, вот только хлеба и соли нет.

30 сентября

В полдень два тягача выволокли самоходку Карапузова на дорогу, причем у полкового после таких натуг пробило прокладку головки блока цилиндров, а двумя машинами (армейским тягачом и карапузовской самоходкой) нашу не выдернешь: сильно держит ее трясина.

Нетерпеливо ждем армейской летучки, которая должна отремонтировать полковой тягач, и перекладываем до самой темноты бревна, развороченные и раскиданные гусеницами при буксировке Карапузова.

Наша ИСУ все глубже уходит в торфяник, угрожающе кренясь вправо и все выше задирая корму. Вода, проникая сквозь законопаченную смотровую щель и вокруг броневого клина водительского лючка, постепенно наполняет нутро самоходки. Поэтому мы, несмотря на наступившую темноту, приняли необходимые меры: подняли из башни на моторную крышку аккумуляторы, густо смазали солидолом канал ствола и замок пушки, плотно укутали промасленным чехлом конец ствола, а ствол установили параллельно земле и закрепили в таком положении широкой стальной стопорной лентой; затем выложили на дороге перед самоходкой настил из бревен во всю длину ствола – будет дополнительная опора для машины, которую медленно, но верно засасывает бездонная утроба болота. Еще вчера мы облегчили самоходку тонны на полторы: вынули все снаряды и перелили горючее из двух баков в другие машины.

Если завтра утром не придет обещанная ремлетучка, то аварийный егоровский тягач сойдет за «мертвяк», а две машины потянут нашу с помощью полиспаста. Так было решено на «техсовете» в старой, но крепкой и удивительно чистой бане, куда мы собираемся после работы. Кто-то в шутку окрестил эту баньку «штаб-квартирой», и название прижилось.

Будет завтра работенки!

1 октября

Целый день трудились в поте лица. Какое там – лица! Аж пар ото всех валил столбом. Бревна распиливали, грузили на тягач и на самоходки, а там, где бронированные тяжеловозы пройти не могли, таскали на себе и с превеликим тщанием укладывали одно к одному, скрепляя друг с другом железными скобами (увы, их очень мало) и проволокой, – словом, устилали себе путь к спасению; на спуске к болоту, пониже бывшего сенного сарая, вырыли капонир для «мертвяка», чтобы Егоров мог упереть свой тягач лбом в земляную стенку.

И вот армейский тягач не спеша впрягается в длиннющий трос, пропущенный через полиспаст, который надежно прикреплен к концу буксирного троса нашей машины. Другой конец длинного троса держит на своем крюке, стоя в капонире, тягач Васи Егорова.

Смотреть на нашу самоходку жалко и страшно: правый борт ее уже до самой башни погрузился в болото, пушка бессильно лежит на помосте из бревен, словно вытянутый хобот доисторического слоновьего родича, изнемогшего в борьбе с предательской топью и обреченного на верную гибель...

К тягачу, пятясь задом, подошла самоходка Карапузова и прицепилась к нему буксирным тросом. Водители осторожно натянули тросы, выбирая слабину.

Настала решительная минута. Все работающие отошли подальше, чтобы не рубануло тросом, если он вдруг лопнет, и замерли в томительном ожидании.

Бирюков стал на бугорке так, чтобы его видели сразу оба водителя, и подал рукою команду «вперед». Дизели дружно взревели, обе машины рванулись и легко пошли на пригорок – моя осталась на месте... Бирюков поднял вверх руку и резко опустил – стоп!

Все в недоумении бросаются к моей машине... Черт возьми! Лопнуло «ухо» нашего буксирного троса, «надкушенное» болванкой во время разведки боем, когда нам пришлось ретироваться из-за речки под огнем. Проклятая болванка! А я – болван, каких свет не видывал, потому что тогда не придал никакого значения этому повреждению, а сейчас, измотанный проклятым болотом, даже не задумался о том, выдержит ли поврежденный коуш такую дикую нагрузку.

Совершенно убитый случившимся, казнюсь, уныло опускаю нос, однако Нил Тимофеевич, произнеся два-три кратких, приличных моменту выражения, не теряя времени попусту, подает личный пример: хватает лопату и начинает со злым покряхтыванием «мелиоративные» работы возле кормы. Ведь завтра надо будет тянуть снова, а правый крюк, нужный нам для этого, глубоко погрузился в болотную грязищу. Да-а...

Снова до полной темноты роемся, как кабаны, всем экипажем, добираясь до крюка, но вырытый нами котлован быстро заполняется вонючей болотной жижей. Карапузовский экипаж почему-то не помогает нам... Ну и сачки, черт бы их взял!

* * *

Поздним вечером, за ужином в «штаб-квартире», Карапузов со своим командиром Суртаевым всячески заглаживают вину перед возмущенными до предела офицерами с других машин. Мы с Нилом помалкиваем, с презрением поглядывая на губастого Суртаева («Губошлеп, чтоб ему пусто было!» – проворчал сердито

мне на ухо Нил) и его водителя, с машиной которых мы провозились не покладая рук около трех суток.

2 октября

С самого рассвета – осушительные работы до мокрой спины (сапоги и то, что выше голенищ, – все, само собой, промокло в холодной черной воде), чтобы набросить тросы на крюки (мы решили для гарантии вытаскиваться на двух тросах).

Митя Салов – герой дня. Раздевшись донага, чтобы не испоганить в вонючей жиже обмундирование, и облачившись в маскрубаху (пригодилась-таки!), он несколько раз погружался до подбородка, несмотря на то что ростом не обижен, в холодную купель, полную жидкой грязи, нащупывая буксирные крюки, и прицепил-таки оба троса!

В 13.10 те же машины вырвали нашу самоходку из болота, цепко державшего пятидесятитонную массу.

С ревом работали моторы буксирующих машин, дрожала болотная топь, колыхалась гать.

Стоя во весь рост на башне, с замиранием сердца наблюдаю, как сантиметр за сантиметром поднимается над болотом наша красавица. Еще рывок, еще – и вдруг оглушительный утробный рык перекрывает натужное гудение двух танковых дизелей. Это дико и яростно не то всхрапнула, не то всхрюкнула жадно разверзшаяся темная пасть болота, за восемь суток накрепко присосавшаяся к телу машины. Вырвались!

* * *

В 13.30, через долгих двадцать минут, наша ИСУ, постепенно выровнявшись, выходит наконец на дорогу, точнее, на наш рукотворный бревенчатый мост!

В руках у меня сам собою очутился ППШ с тяжелым круглым диском. В упоении вскидываю автомат к небу – и он без запинки длинно тараторит, пока не выплевывает последнюю желтую гильзу. Хороший, видно, хозяин, заботливый, был у этого автомата, найденного нами еще на подступах к проклятому болоту, среди придорожных сосенок, в полузасыпанном окопчике.

Салютовали и на машине Суртаева. Во время салюта пал смертью храбрых здоровенный, одичавший без хозяев свин, прибежавший, по всей видимости, взглянуть на людское торжество. Поступили с гостем невежливо, но не умирать же с

голоду почти двум десяткам уставших самоходчиков.

Спасенную машину бережно подтянули к хуторку на той стороне болота, и мы всем экипажем тотчас принялись приводить ее в порядок. Вся она, «по самые уши» в грязи и тине. В картер двигателя проникла вода, должно быть, через правый воздухофильтр.

Тягачи, закончив свое нелегкое дело, сразу же ушли: их помощи с нетерпением и тоскою ожидают другие страждущие по глухим углам коварного трясинного царства.

Заряжающий наш запалил костер, безопасный при дневном свете, и, пока остальные занимались уборкой внутри машины, сварилась в ведре несоленая свинина. Ели ее без хлеба и, несмотря на то что зверски проголодались, с отвращением.

С наступлением темноты выставили часовых и залезли на сенник, устроенный на чердаке дома, возле которого притулились обе самоходки.

3 октября

Работы хватило на целый день: драили, смазывали всю ходовую часть и все то, что побывало в воде. Темнота подкралась незаметно, и из-за нее мы с Нилом, сколько ни бились, не смогли слить масло из картера двигателя. Плюнули: утро вечера мудренее.

После трудов праведных оба экипажа славно попарились в бане и, блаженствуя, роскошно раскинулись на сене. Не успели как следует заснуть, случилась тревога. В соседнем хуторе поднялся шум со стрельбой, потом стрельба переместилась в ближний лесочек, так что мы горохом ссыпались со своего чердака и изготовились к бою. Но, как вскоре выяснилось, это была пустая тревога.

Ее устроил с перепугу Губошлеп, таскавшийся куда-то по женской части и, должно быть, встреченный там не очень гостеприимно. В октябрьской темени ему, видите ли, что-то такое померещилось. Вот дурень, не дал людям поспать.

Спугнутый в самом начале сон долго не возвращался, и Федя Радаев, оказавшийся здесь очень кстати, попотчевал нас веселым и пикантным анекдотом из еврейского быта, под названием «Четыре порции рыбы», в котором, вопреки нашим ожиданиям, все заканчивалось благопристойно.

4 октября

А ларчик (со сливом масла из картера) просто открывался, как оказалось на поверку. К 8.30 мы тщательно промыли картер газойлем, залили новое масло, провернули двигатель без топлива сначала, а потом уж завели.

Через час достигли города Вольмер (Валмиера). В Вольмере живут эстонцы, а за речкой, в Волмиере, – латыши.

В городе встретили гвардии техника-лейтенанта Глущенко, именуемого между нами Баран, не за беспробудную глупость, конечно, а из-за его круглых, слегка выпученных глаз, в которых никогда не исчезает выражение затаенной грусти и еще чего-то похожего на изумление. От него узнаем, что в полку у нас на сегодня имеется полный комплект боевых машин – 21 или 22! Из них пять танков ИС-2. Полк, таким образом, снова обрел боеспособность и нацелен на Ригу. А ведь усталая братва уже начинала не раз мечтать вслух о недалекой переформировке...

Уточнив маршрут, движемся большой колонной дальше, но в 14.30 у моей машины полетел подшипник опорного катка, хотя всю ходовую часть мы просолидолили после избавления из болота особенно тщательно. Хотел было продолжать движение, выбросив этот каток, но вовремя подоспела автомашина с запчастями, так что, произведя ремонт, в 19.30 мы вместе с еще одной отставшей ИСУ-152 заторопились вперед, стремясь догнать полк.

В 21.00, осторожно ползя в полной темноте (фара снята), заметили слева от дороги мелькнувший огонек переноски и остановились. Иду туда. Оказывается, это аварийная машина нашего полка, водителем на ней Тахтаев. Переговорили и решили ночевать до света здесь, чтобы не оставлять Тахтаева одного в чистом поле и чтобы самим ненароком не затесаться в болото. Ух, даже мороз пробежал между саднящих до сих пор плеч при одном воспоминании о вольмерских трясинах!

На моем счету после сегодняшнего пробега стало 237 часов вождения.

5 октября

Помогли Тахтаеву и в 9.45 вышли на марш, но часа через два усиленной гонки по скверным дорогам у Тахтаева перегрелся двигатель и вода пробила дюрит. Пришлось переждать, пока охладится мотор.

Лишь в 15.15 добираемся до места «сброда», что на Федькином языке обозначает место сбора боевых машин. «Колымага» моего друга тоже тут. Ну, встретились наконец.

Здесь ремонтируется после марша сразу несколько машин. Неудивительно, так как все они сильно изношены. На моей машине меняли БНК и долго налаживали поворотный механизм пушки: после длительного «купания» он стал туго вращаться.

Как ни мало было времени, все же исхитряюсь написать ответы Юрке Климовичу (он уже окончил ЧВАШМ и служит в авиации) и Михалине в Фастов. Она пишет, что у них теперь весело – стоят в городе десантники.

Последняя сводка. Наши войска успешно ведут бои в Венгрии, где взяты города Дьюла, Катедьхаза, Мако и Баттоня, и наступают в Югославии, удачно взаимодействуя с Югославской народно-освободительной армией. На острове Эзель (Эстония) у нас появился прочный плацдарм 40 на 20 километров.

Союзники по-прежнему ковыряются у германской границы, и каждому из нас уже давно ясно, зачем они это делают. Зато ими

успешно высажен десант в Греции при активной помощи греческих партизан. В ходе этой операции занят остров Патрас (Патры).

7 октября

До 9 часов промучались с заводкой остывшего за ночь двигателя: крутить рукоятку пришлось несколько раз. Такая же возня происходила и на других машинах. Наконец колонна вытягивается вдоль дороги, и командиры получают задачу на марш.

– Отдельный Болотный Самоходно-Четвертьтанковый, – ворчит Федор, вдавив окурок в песок каблуком и пружинисто вспрыгивая на левое крыло своей машины.

Он идет передо мной в колонне. Длинная колонна продвигалась, вернее, ползла все-таки с неплохой скоростью и не растягивалась. В 10.30 у моей самоходки отсоединилась тяга к левому ПМП (планетарному механизму поворота). Мы с Нилом присоединили ее за несколько минут, но машина после этого почему-то перестала разворачиваться вправо. В довершение нашей беды обломился совершенно самостоятельно, так как к нему никто не прикасался, трубопровод к насосу. И мы теперь вынуждены ждать новой трубки с летучкой, а пока есть время, начинаем доискиваться, почему все-таки не желает разворачиваться наша развалина.

Застряли мы на самом что ни на есть людном месте. Идут и идут мимо нас войска на Ригу пеше, конно, моторизованно – на колесах и гусеницах. Штатные зубоскалы с проезжающих автомашин, бронетранспортеров, артиллерийских упряжек и даже те, что топают на своих на двоих, рябые от пота и пыли, успешно обгоняя нас, подшучивают кто во что горазд:

– А как же, хлопцы-самоходцы, насчет рижского пивка?

– Да не тронь ты их: это ж непьющий экипаж!

– Га-га-га! Гы-ы!

– А нам торопиться незачем, потому как заказ на целую бочку туда уже послан. Одно только плохо: не знали мы, когда ж вы, такие быстроходные, Ригу освободите, и потому попросили держать наше пиво на льду до востребования, – лениво защищаемся мы натощак, очень сожалея, что наш главный острослов Митя Салов отсутствует: вместе с Калининым мы направили его в РТО за продуктами, воспользовавшись вынужденной стоянкой.

В 17.15, устранив неисправность, продолжаем марш без

ребят. Дорога вперед одна – не заблудятся. В конце дня сменяю за рычагами уставшего Нила.

Гусеничные машины, чтобы не мешать общему движению, идут слева, параллельно дороге, по которой струится бесконечный поток наступающих войск. Сухо. Мельчайшая рыжая пыль плотной дымзавесой висит над дорогой. И неприятна она не только тем, что привлекает внимание фашистских самолетов, которые, впрочем, бессильны контролировать все дороги, забитые торопящимися к морю частями, но и тем, что из-за нее нам приходится гораздо чаще промывать воздухофильтры, а в глазах, не защищенных очками, появляется резь. Она становится тем сильнее, чем больше трешь горящие веки.

Мы догнали свою колонну перед узким, но крепким каменным мостом через реку. Наши тяжелые ИСУ гуськом выстроились у левой обочины шоссе. Непрерывная лента колесных машин катится через мост на ту сторону, где уже выстроилась длиннейшая встречная колонна, водители которой ждут не дождутся, когда же появится хоть маленький «зазор» в гудящей лавине техники, чтобы начать встречное движение по мосту.

Надеяться на скорую переправу нам, подъехавшим к мосту сбоку, да еще и без очереди, нечего и думать, и мы решаем поискать брод. В полусотне метрах от моста, ниже по течению, оба берега не так круты. Свинтив свои длинные банники, прощупываем ими, словно шестами, речное дно со своего и с противоположного берега (двое командиров машин перебрались туда по мосту). Дно оказалось, на наше счастье, плотным, даже каменистым, и покато уходило в глубину, которую измерять не стали, так как ширина речки невелика и равна примерно длине пяти-шести самоходок, выстроившихся в «затылок» друг другу. Воздуха, имеющегося внутри машины, вполне должно хватить на те немногие минуты, когда двигателю придется работать под водой, только жалюзи надо прикрыть плотно брезентом и придавить его камнями. А если самоходка по какой-либо причине все же застрянет в речке, нетрудно будет вытащить ее обратно.

Головную машину в колонне сегодня ведет гвардии младший техник-лейтенант Василий Бараненко. Ему и предстоит первому испытать брод. Орудие Васиной самоходки зачехлено и задрано вверх, чтобы не «накормить» его, когда ИСУ станет вылезать на берег. Экипажу приказано покинуть машину. Водитель задраил башенные люки и завел двигатель. С разрешения комбата на башне устроился наводчик из Васиного экипажа, любитель острых ощущений, пожелавший переправиться «верхом». Самоходка медленно трогается, приближается к облюбованному нами месту,

плавно сползает с берега в воду и уверенно движется на ту сторону, быстро погружаясь и гоня перед собою волну. Сержант на башне поспешно вскакивает на ноги: посреди речки ИСУ совсем скрылась под водой, а волна, перекатившись через башню, едва не смыла его, захлестнув выше колен. Затаив дыхание, наблюдаем, что будет дальше. Но через минуту конец ствола уже выставился из воды, за ним вынырнул верх башни, и вот уже вся самоходка круто выходит из-под воды, с ее темно-зеленой брони скатываются, серебристо сверкая в солнечных лучах, водяные струи. Вот машина уже карабкается, цепляясь гусеницами за грунт, на берег, на секунду замирает, вздыбившись, и мягко, с тяжелой грациозностью, опускается на обе «ступни» среди увядшей травы. Тотчас откидывается крышка левого люка и на башню выскакивает, словно ошпаренный, Вася, мокрый с ног до головы и стоя во весь рост. Некоторое время он энергично жестикулирует руками, сперва молча, так как изо рта у него вместо звуков вырываются фонтанчики воды. Отплевавшись и набрав во всю свою широкую грудь воздуха, водитель так громогласно чертыхается, что его слышат даже на мосту. Облегчив таким образом душу, Бараненко крикнул Нилу: «Клин закрой! Триплекс подними!» – и, усевшись на башне, стянул сапоги и вылил из них воду.

Люди, едущие и идущие по мосту, а также ожидающие своей очереди на обоих берегах, по-видимому, не обратили внимания на Васино «крещение», но, когда наши тяжелые «зверобои» один за другим стали нырять с берега в речку, исчезая под водой, а затем с могучим рыком вылезать на противоположном, в воздух взлетели пилотки и фуражки, раздались одобрительные крики:

– Ура! Молодцы танкисты!

– Во дают, черти чумазые!

– Ну, теперь фриц и на морском дне не спрячется!

Блестя мокрыми башнями и орудиями, самоходки, стоящие или еще передвигающиеся по прибрежному лугу, напоминали каких-то допотопных, добродушных с виду, хоботастых чудовищ, которые после купания вышли на берег, чтобы покататься с боку на бок в траве и попастись.

Пока выгоняли через люки-лазы воду из машин, пока выстраивались в колонну, мы успели вытащить из речки за-ради бога два грузовика, неизвестно как очутившиеся в воде. Скорей всего, это произошло перед нашим появлением, во время бомбежки, потому что несколько свежих воронок чернело непросохшей землей на обоих берегах рядом с мостом.

А Вася Бараненко, пользуясь паузой, крепко выжал мокрую одежду, снова с трудом напялил ее на себя, утеплился шинелью

и между делом кратко доложил нам о своем купании. От волнения он не задраил перед преодолением брода смотровой люк, и, когда башня погрузилась в реку, вода тугой струей ударила водителя в лицо и грудь, ослепляя и прижимая к спинке сиденья. Но Вася не растерялся и, хотя изрядно нахлебался воды, принимая холодную ванну, рычагов все же не выпустил из рук и ногу на педали газа удержал.

Дальше колонна наша двигалась почти без задержек и в 21.00 прибыла к штабу. Здесь заправили машины, но горючего на полную заправку не хватило. Зато сами наелись досыта и получили почту. Мне сразу два письма: от двоюродной Иринки из Калинина и из магнитогорского детдома.

Морозов сильно ушиб руку из-за лихачества Васьки Егорова, водителя танка-тягача, и наш экипаж снова без замкового.

8 октября

На рассвете просолидолили ходовую часть. Это профилактика после вчерашнего «купания», да и вообще пора. Потом с утра целый день тщетно пытались догнать ловко ускользающего из-под самого нашего носа противника.

В полку уцелело с начала боевых действий всего три наших «старых», не раз ремонтированных ИСУ-152: Феди Сидорова, Володи Карапузова и моя с Нилом. Остальные машины – пополнение за счет выведенных на переформировку частей.

Под вечер, израсходовав горючее, останавливаемся в сосновом лесочке, где уже расположилась, оказывается, наша опергруппа. Чтобы не держать орудия заряженными, дали залп в сторону противника: пусть не воображает, что далеко оторвался. «Идем на вы!»

Уже в сумерках подходит к корме нашей самоходки солдат (мы с Нилом, отужинав, мирно беседовали, сидя на теплой после марша надмоторной броне) и просит у меня разрешения обратиться. Мы узнали рядового Забоева из полкового резерва.

– В чем дело, Забоев?

– Товарищ гвардии лейтенант, возьмите меня в свой экипаж!

– А почему ты просишься именно в этот экипаж?

– У Морозова правая рука повреждена, а я тоже замковый.

– Так ведь людей не хватает не только на этой машине, и начальству виднее, кого куда направить.

Солдат потупил взгляд, помолчал и уже каким-то другим голосом произнес:

– Товарищ лейтенант, все равно не сегодня завтра пошлют

меня на какую-нибудь машину, а у вас редко кого убивает... Все ребята так говорят.

Тут мы с Нилом молча переглянулись. Водитель мой заговорил первым:

– Что-то ты, Забоев, тут не того... Учти, брат, что и наша машина не заговоренная. От прежнего экипажа только я да Салов остались. Про командира нашего первого и про Васю Шиянаты, надеюсь, знаешь? Нет, Забоев, не бабушкины сказки помогают солдату побеждать врага и саму смерть одолевать в бою, а железная воинская дисциплина, отличное знание своего дела, находчивость и сноровка, а главное – готовность пожертвовать жизнью за товарищей, с которыми вместе землю свою защищаешь. Ясно?

– Так точно, ясно.

– Не передумал?

– Никак нет, товарищ лейтенант!

– Ну как, Нил Тимофеевич, берем Забоева?

Нил согласно кивает.

– Добро, Забоев. Доложишь своему начальству, что я прошу направить тебя на нашу машину.

– Спасибо, товарищ гвардии лейтенант! Разрешите идти?

– Иди.

Через четверть часа замковый Забоев явился к машине со своим автоматом, шинелью и вещмешком.

Полностью укомплектовавшись, устраиваемся на ночлег. Набросали возле машины хвойных лап побольше, накрыли их брезентом – получилась пружинистая и ароматная постель. Хотя вокруг нашего лесного «табора» неслышно ходят по мягкому моховому ковру часовые, всем водителям приказано спать в машинах.

240 часов вождения.

9 октября

Едва закончил письмо Коле Баландину, раздалась команда: «К машинам! По местам!»

Тут же выступаем на марш. Прошли километров пять, и комбат (опять злосчастный Румянцев!) при обгоне колонны пехоты завел Федьку Сидорова в глубокий кювет. Дернули Федину машину назад – сорвалась с катков и лопнула гусеница. А немец в это время, услышав рычание наших двигателей, начал вовсю гвоздить тяжелыми по дороге. Колонна продолжала путь, чтобы выйти из-под обстрела, а меня оставили помогать другу.

Когда Сидоров застрял, на нашей машине пристроился пассажиром гвардии майор Каневский, замполит полка, низенький плотный человек с несуразно крупной головой. Лицо его с толстыми губами сильно вытянуто книзу и рублено, как говорится, сплеча. За эту внешность майора однополчане беззлобно называют Лошадевский, а еще – Гвардейский Конь.

Пока Федор с ребятами своими (им взялись помогать Калинин с Забоевым) пыхтели над гусеницей, замполит, молча наблюдающий за их работой, обратил внимание на сержанта с Фединой машины. Тот был без комбинезона. На гимнастерке танкиста поблескивал новый орден и подпрыгивали две медали на залоснившихся, потерявших свой первоначальный цвет ленточках. Каневский задумчиво пыхнул папироской и сказал, как будто ни к кому не обращаясь:

– Вот ведь какая история, товарищи, получается... Вы, конечно, заметили вон того молодого человека, – тут майор показал глазами на сержанта, – который сейчас забивает кувалдой палец, совсем не подозревая о том, что он – герой, что он, может быть, заколачивает один из гвоздей в крышку гроба фюрера, да что там фюрера – всего фашистского рейха и гитлеризма вообще. У вас, я знаю, тоже есть правительственные награды... Да не трясите вы головами, как лошади... – Тут мы едва сдержали улыбки. – Пусть не на груди, но уже есть... в приказах. И никого из вас это уже не удивляет. Но, разрешите, расскажу я вам, как было несколько раньше, когда, например, вручили нам первые наши медали – медали «За оборону Москвы». Бог ты мой! Помню, вылез я из электрички в Загорске и, хотя было морозно и почти темно, распахнул шинель так, чтобы всем встречным была видна моя первая, а потому самая дорогая награда, да прошагал, словно на параде, все восемь верст до расположения своей части чуть не строевым... Вот так, ребятки.

Тут вынужденный перекур кончился, потому что Федя завел двигатель, и обе наши машины пустились во все тяжкие догонять своих.

В конце дня вступили в дело. В какой-то глухой деревушке, что затаилась среди лесов и болот, вовсю бушевал огневой бой. Снаряды рвались густо, сбивая ветки и стряхивая хвою с деревьев, горели высокие ели, а справа от дороги, между пылающих домиков, чадили черным дымом две неподвижные ИСУ-122 из нашего недавнего пополнения. Проскакиваем на скорости деревню и снова выходим на дорогу, круто сворачивающую вправо. В двухстах метрах справа, за мокрым лугом, – лесопосадка, а из-за деревьев выглядывает фасад двухэтажного деревянного дома. Слева – болото (смотреть не хочется!). Впереди

– та же посадка из трех-четырех рядов взрослых деревьев. Теперь снаряды летят через нас. Медленно, с предосторожностями продвигаемся по дороге туда, где она пересекает посадку, и останавливаемся под деревьями: дальше все открыто, а место такое, что с дороги не сверни.

В отдалении шевельнулись подозрительно кусты, и нам почудилось какое-то движение – без промедления посылаем туда два осколочных снаряда подряд. Немцы тотчас открыли интенсивный огонь из минометов по дороге и лесопосадке. Судя по силе разрывов, мины падают тяжелые, и стоять на месте у выезда в поле опасно. А взрывы крякают и слева, и справа, так что содрогается дорога под нами. Она прочная, на полметра поднята над болотом, но такая узкая, что, пятясь по ней задом, есть все шансы засесть. Грянул особенно близкий взрыв, нам заложило уши. Каневский, сидевший смирно на днище позади Калинина, быстренько втиснулся под люльку и, выставив из-под нее голову, бодро спросил Нилову спину:

– Нил Тимофеевич, как ваше самочувствие?

Нил, прильнувший к триплексу, пробурчал что-то не оборачиваясь. Стараясь не расхохотаться и поеживаясь от возбуждения, вызванного грозящей опасностью, вылезаю наружу, чтобы помочь водителю. Став на дороге перед Ниловым люком, начинаю подавать ему команды условными жестами. Машина, осторожно шлепая гусеницами, медленно отползает назад.

Пока пятились к развилке, прибежал из двухэтажного здания офицер, заругался:

– Что вы тут разъездились? Только огонь на штаб привлекаете!

Отчасти он был прав, и мы поставили машину в лесу, возле самой деревни, рядом с передовой.

Обстрел еще долго не прекращался, но хозвзводовцы все-таки в ранних сумерках доставили нам к ужину обед, да еще и с трофейным спиртом для аппетита (по 50 граммов на человека). «Не бойтесь, – сказали, – проверен!» Но это было заметно и так.

В лесочке этом и заночевали, но спать немец не дал: всю ночь швырялся снарядами и минами.

10 октября

Рассвет наступил холодный, с белым инеем на полегших травах и тяжелым, густым туманом в низких местах. Чуть развиднелось – вперед. Фриц, накопивший богатый опыт по «выравниванию линии фронта», среди ночи заранее драпанул.

На одной из остановок (а задержки случались часто из-за отвратительной дороги, трудной даже для гусеничных машин) наш отважный экспедитор гвардии сержант Павлов притащил на нашу машину целую пачку газет и писем. Мне сразу пять (!): из Фастова, Загорска, Калинина, из старого полка, а также из Москвы с сообщением об одноклассницe Мусе Берлин, которая уже стала заправским военным шофером. Письма эти не сгорели вчера только чудом, так как кирзовая сумка Павлова осталась лежать на броне ИСУ-122, когда самоходку немцы неожиданно подожгли из засады. Сержант и автоматчики едва успели спрыгнуть с машины и отползти в сторону.

Несмотря на похвальное усердие фрица в отступлении, в 14 часов мы его все же настигли. Противник успел занять удобную позицию за речкой, на которой поблизости имелся лишь единственный пригодный для форсирования брод. Что впереди – мешала видеть густая прибрежная растительность на той стороне. Переправа оказалась легкой: мелкий брод с каменистым дном небольшая колонна из пяти самоходок во главе с ИС-2 преодолела быстро и почти без помех. Сразу за переправой перед нами открылся широкий луг с обступившим его с трех сторон таинственно молчащим лесом. Лес, слева и справа густой, изукрашенный разноцветной осенней листвой, а прямо по ходу – хвойный, редкий, с упавшими или наклонившимися в разные стороны деревьями.

Не останавливаясь, увеличиваем дистанцию между машинами до 50-70 метров и устремляемся вперед по дороге, которая пересекает луг наискось справа налево и теряется затем в лесу. Все по-прежнему тихо, но метрах в трехстах от берега вдруг вспыхнул головной танк и через минуту взорвался. Башня его свалилась влево в траву. За дымом и пламенем никто из нашей машины не видел, спасся ли экипаж. ИСУ рассредоточились по лощине над рекой и, прикрываясь кустарником, развернулись лбом к противнику. Снаряды и мины сыпались дождем на оба берега реки и особенно на брод. Но немцы хватились поздно.

Румянцев исчез куда-то. Попав в крепкий переплет, мы действовали поначалу на свой страх и риск, огрызаясь по мере сил. Однако порядка настоящего не было до тех пор, пока около машин не появился командир полка, тотчас пославший нас вперед. Маневрируя за кустами и деревьями, быстро выводим самоходки на новые огневые позиции и открываем частый огонь прямой наводкой по неприятельским опушкам, перемещаясь после двух-трех выстрелов, чтобы противник не успевал пристреливаться.

Оказывается, сами того не подозревая, мы первыми захватили узкий плацдарм за рекой Маза-Югла, с чем и поздравил нас гвардии подполковник Федоров, побывавший с риском для жизни в каждом экипаже, и нам же предстоит удерживать эту прибрежную полоску до подхода главных сил. Пехота наша уже начала небольшими группами переправляться через реку и усердно окапывается: только лопатки мелькают и земля летит. Потом под сильным обстрелом на помощь нам прорвались через брод три «Студебеккера» с 76-миллиметровками на прицепах. Описав быструю дугу по лугу и сориентировавшись, они подкатили к нашим кустам. Артиллеристы за минуту-другую отцепили пушки, сбросили из кузовов ящики со снарядами, и автомашины, подпрыгивая, умчались обратно за реку. Расчеты у орудий были явно не полные, окапываться им некогда: они сразу вступили в бой. Стрельба с обеих сторон еще усилилась. И очень скоро ближнее к нам орудие, что находилось метрах в двадцати справа от моей машины, замолчало. Артиллеристы – их и было всего четверо – вразброс лежат в разных позах возле своей новенькой зеленой пушки. Проходит несколько минут – никто из расчета не подает признаков жизни.

Вдруг среди частого кустарника промелькнули две солдатские фигуры. Низко пригибаясь и зорко всматриваясь перед собой, они подбираются к осиротевшему орудию. Хочу окликнуть Салова, но, заметив на голове одного из людей танкошлем, успокаиваюсь: это свои. Тот, что с лейтенантскими погонами, осторожно оттащил в сторону мертвого наводчика, лежащего позади щита, осмотрел пушку и приник к прицелу. Когда он быстро оглянулся и что-то сказал товарищу, мне показалось, что это Суртаев. Орудие, по-видимому, было заряжено: офицер коротко шагнул влево и дернул за спуск. Изрыгнув пламя, пушка пружинисто подпрыгнула, и стреляющий тотчас стал снова наводить ее. Второй самоходчик, сержант, подхватил из разбитого снарядного ящика блестящий патрон и послал его в ствол. Дмитрий, услышав не «свои» выстрелы, тотчас выглянул из люка и понимающе заокал:

– Верно, у них в машине снарядов осталось маловато, вот они и используют подручные средства.

А те двое, войдя в раж, работали у орудия еще с полчаса, пока не выпустили по дальней опушке все снаряды.

При переправе и уже на этом берегу большие потери понесла пехота. Наши санинструкторы с ног сбились, переползая с места на место и перевязывая раненых, а тем, что не могли двигаться самостоятельно, помогая добраться до того, своего берега.

Огонь поутих только с темнотой, и нам доставили обед с

«подогревом». Вместо чарок находчивый Дмитрий предложил использовать медные колпачки с дистанционных снарядов:

– Как раз пятьдесят грамм влезет.

Обедаем в машине при свете. Для этого включена «иллюминация» – верхний плафон в боевом отделении. Но предварительно закрыли все люки, повернули в тыл перископы, а на прицел и на триплекс водителя надели пилотки. Стол наш – опущенный лоток люльки. На нем – добрый ржаной солдатский хлеб, нарезанный толстыми ломтями, и вода в алюминиевых кружочках, снятых с питьевых бачков. Остальное – в котелках, из которых валит пар. Нил по праву старейшего (ему уже тридцать два!) предложил первый и единственный тост за наш скорейший выход на берег Балтийского моря. Сверкнули медные колпачки при бледноватом свете матового плафона, и все громким шепотом трижды прокричали «ура!».

В 23.00 слушали сводку Совинформбюро. 1-й Прибалтийский уже вышел к морю севернее города Мемель (Клайпеда). В Северной Трансильвании наши войска крепко теснят противника. В Венгрии идут бои за город Дебрецен. В Югославии успешно продолжается наша наступательная операция. Молодцы югославы! С 1941-го в труднейших условиях дерутся с оккупантами, и до сих пор у наших братьев по оружию есть еще порох в пороховницах.

А мы идем на Ригу.

11 октября

Боевой денек! Побатарейно выскакивая метров на сто вперед по лощине, бьем прямой наводкой по изрытому окопами лесу то с одной позиции, то с другой, не давая противнику опомниться и пристреляться. В первой половине дня подошли еще несколько наших ИСУ и два ИСа и тоже включились в дело.

В самый разгар боя, когда три самоходки нашей батареи, ведя огонь, преодолели уже половину расстояния до леса, что сверкал частыми вспышками ответных выстрелов, а на правом фланге ИСУ-122 и ИСы почти подступили к опушке, у нашего орудия на девятнадцатом снаряде заело витую стальную (дурацкое новшество!) гильзу. Не теряя времени на связь с комбатом, приказываю Нилу отвести машину метров на сто пятьдесят назад, за кустарник, чтобы не торчать на открытом месте, пока будем извлекать застрявшую гильзу. Она так туго засела в казеннике, что пришлось под обстрелом вылезти из машины и втроем изо всех сил выколачивать ее банником. Выбить-то выбили, но при

этом вышел из строя механизм облегчения заряжания, так как погнулась ось удержника гильзы. И эта чертова ось мешает теперь заряжать орудие и не дает замку закрываться до отказа.

Поколебавшись несколько секунд, приказываю Салову и Мацапаеву снять весь механизм: все равно оружейники будут его ремонтировать, а стрелять на такую дистанцию, чтобы ствол нужно было задирать, случается раз в год по обещанию, и сегодня тем более этого делать не придется. Главное – скорее встать в строй. И ребята, вспотев от волнения, устраняют неисправность. Но в эти считаные минуты картина на поле изменилась. По самоходкам, приблизившимся к опушке без сопровождения пехоты, ударили фаустники, но попали только в одну, не пробив, к счастью экипажа, бортовой брони. После этого машины на правом фланге подались назад, и посреди луга остались, продолжая вести огонь с места, лишь две ИСУ-152 нашей батареи.

Румянцев, потерявший из виду нашу машину, решил, что мы празднуем труса, и вызвал меня по рации к себе, не желая слушать никаких объяснений. Делать нечего. Оставив экипаж заканчивать ремонт орудия, бегу по лугу, то и дело бросаясь ничком на землю при близком разрыве. Добираюсь благополучно, докладываю. Комбат гневно обрушивается на меня: оказывается (так считает он, Румянцев), атака сорвалась из-за нас! Черт с тобой! Молчу. Если слишком разойдется, спрошу, где он был вчера, когда нас тут немцы чуть было не прижали и командир полка сам взялся руководить действиями самоходок. И в этот момент позади «флагманской» ИСУ подала голос наша, выкатываясь на луг из кустов орешника. Мне хорошо видно ее из полуприкрытого квадратного люка. Комбат вскидывает голову и замолкает, прислушиваясь. Снова раздается гулкий басовитый рев.

– Кто это там развоевался?

– Мои. Разрешите идти?

– Идите.

Злясь и радуясь одновременно, чертом вылетаю из квадратного люка и несусь по лугу обратно, пригибаясь и петляя, как заяц: по башне самоходки позади меня сразу процокала длинная очередь. Потом пули пошли низом, и мне пришлось приземлиться и ползти дальше по полегшей, притоптанной гусеницами траве. Уже совсем недалеко, метрах в пятидесяти – шестидесяти, моя машина, а на полпути к ней – маленький бугорок, и пули взбивают на нем фонтанчики пыли и косят желтоватую траву. И головы нельзя поднять. Спиной чувствую, что какой-то фриц охотится за мной... Вот прицепился, сволочь!

Злюсь на не в меру усердного пулеметчика и на комбата, устроившего мне эту «прогулочку», и не припомню, кому из них досталось больше «благословений». Злюсь, крепко прижимаясь грудью и щекой к земле, а сам постепенно подбираю под себя левую ногу для резкого прыжка вперед, с нетерпеливым трепетом выжидая, когда немец прекратит или хотя бы перенесет огонь. Главное – успеть за бугорок. Заткнулся, гад! Наверно, лента кончилась. Стремительно взметываюсь и «быстрее лани» достигаю заветной цели, камнем падаю по ту сторону и распластываюсь по земле. Пули с опозданием зашлепали по верху бугорка, с коротким свистом проносятся над ним. Подо мною какое-то углубление, и в нем возится что-то живое, пыхтит, пытаясь избавиться от груза, навалившегося неожиданно сверху. Не отрываясь от земли, чуть отодвигаюсь в сторону и вижу в полуметре голову и плечи солдатика. Пилотка съехала ему на самый нос, из просторного ворота гимнастерки выглядывает тонкая пацанья шея. Поправив пилотку, солдат сперва с испуганным удивлением смотрит на меня, помаргивая редкими ресницами, потом прижимается к стенке своей узенькой ячейки, молча приглашая занять место рядом. С трудом, хотя тоже не толстый, втискиваюсь в вертикальную нору. Одна из стенок у нее даже кирпичная. Должно быть, остаток фундамента от какой-то давным-давно снесенной постройки.

– Надежно закрепился, – хвалю из вежливости хозяина норы, – из такого замка тебя только миной или бомбой выковырять можно, да и то при прямом попадании. Попотел небось?

– Да нет, – застеснялся паренек. – На дыру эту я случайно наткнулся, когда пулеметчик ихний прижал. По лугу никому проходу не дает, сучье вымя. Так и садит – не высунься. Вот смотрите.

Боец надел пилотку на винтовочный шомпол и начал медленно приподнимать ее над бугорком. Тотчас хлестнула пулеметная очередь.

– Так что «загорать» вам здесь до сумерек, товарищ лейтенант. И как это он давеча не срезал вас – в толк не возьму.

Но «загорать» мне было очень некогда, и в паузах между очередями машу рукой и громко кричу, повернув голову в сторону своей машины. На мое счастье, через несколько минут кто-то из экипажа заметил мои сигналы, и Нил, осторожно обогнув наше убежище, загородил бугорок от заядлого фрица кормою самоходки. Вползаю в башню с надмоторной брони через квадратный люк, радуюсь про себя возвращению, как радуются возвращению в родной дом. Пехотинец не пожелал расстаться со своим окопчиком.

Остальные машины наши, прикрывая друг друга огнем, вернулись на исходный рубеж: в лесу без пехоты делать нечего, а сгореть легче легкого.

Наблюдаем с Дмитрием в перископы за опушкой прямо перед нами. Лес еще больше поредел за сегодня. Во многих местах деревья крест-накрест попадали друг на друга, образовав завалы, среди которых нет-нет да и промелькнет уменьшенная расстоянием фигура чужого солдата. Наше внимание привлек один из них, который почему-то, в отличие от других, не исчез сразу, а несколько минут мотался туда-сюда по опушке и в ее глубине. Двигался он неровно и часто менял направление: то приникал к земле, то перемахивал через ствол поваленного дерева и словно сквозь землю проваливался, очевидно спрыгивая в воронку или окоп, то быстро перебегал голое место, и тогда незастегнутая шинель его трепыхала полами, будто крыльями.

– Связной? – гадает вслух Салов, следя за странными маневрами немца. – Нет, наверно, связист. Концы с концами свести не может, должно, вот и рыскает по передку. Фитиль схлопотал от офицера...

– Да помогите же фрицу! – не выдерживает Нил, поднимаясь со своего сиденья, и заглядывает в перископ наводчика. – Двиньте по нему осколочным: он же, стервец, налаживает связь на вашу голову!

Митя старательно прицеливается и «двигает». Летят по воздуху вырванные с корнем кусты, описав верхушкой в небе широкую дугу, тяжело рухнула высокая сосна. «Крылатый» фриц больше не показывался.

Быстро сгущаются октябрьские сумерки. Когда совсем стемнело, через реку к боевым машинам доставляют обед, а заодно и недельный запас махорки, соли, сахарного песку и офицерский доппаек, в который входит печенье и сливочное масло. Последних двух продуктов хватает нам на одно экипажное чаепитие.

Котелки с едой убираем в машину и приступаем к пиршеству. Сегодня опять суп из ячневой крупы и сушеной картошки, на второе – вечная пшенная каша.

– Интересно знать, кто кого переживет: мы ее или она нас? – мрачно пошутил наводчик, орудуя ложкой в котелке.

Быстро разделавшись с обедом, вспоминаем о табаке, который вместе с остальным добром, завернутым в бумажные кульки, остался лежать снаружи, на башне, возле квадратного люка на разостланной мною шинели.

Немцы, должно быть услышавшие некоторое оживление в нашем лагере, на всякий случай закидали оба берега минами.

Одна из них, угодив в ствол осины, под которой пряталась наша самоходка, с треском разорвалась над самой башней. Звякнули по броне осколки, затем послышалось мягкое царапанье падающих веток – и все стихло.

Высунувшись из люка, Забоев осторожно приподнял и сбросил с башни осинкину макушку, помедлил немного и затем отчаянным шепотом воскликнул:

– Товарищ лейтенант! Табак!

Он посторонился, пропуская меня к люку. Выглядываю и ужасаюсь: моя несчастная шинель вся иссечена осколками, на ней белеют клочки обертки, а все содержимое кульков перемешалось между собой... Весь наш припас бесславно погиб, и дело с табаком действительно табак. Стряхнув с шинели несъедобную смесь из махры, соли и сахару, втягиваю свою верхнюю одежину за воротник внутрь башни для осмотра. Легкая шинелишка из английского солдатского сукна (цвета детского фекалия, как не преминул съязвить Нил) вся светилась дырами, словно решето, когда ее распялили перед плафоном.

С началом ночи огневые налеты участились, но в своем «дредноуте» мы чувствовали себя более или менее спокойно. И автоматчики наши надежно укрылись в узкой щели, заранее отрытой еще днем. А вечером над их окопчиком мы поставили самоходку.

12 октября

После полуночи поднялась адская пальба: немцы били из орудий и минометов. В экипажах потерь не было – страдала пехота. Осветительные ракеты опускались между стволов прибрежных деревьев и догорали возле самых наших машин. Никто, конечно, не мог сомкнуть глаз под такой тарарам, но никто и не сетовал, потому что каждый из нас знал уже, что означает подобная ночная активность противника.

И действительно, фрицы под утро дали тягу, но мы не зевали и, едва забрезжило на востоке, тотчас бросились в преследование восемью машинами: двумя ИСУ-152, четырьмя ИСУ-122 и двумя ИСами. Две самоходки через полчаса отстали: Федя Сидоров вытаскивает Хомутова, увязшего из-за плохой видимости. А наш бронетранспортер из взвода разведки подорвался на противотанковой мине. При этом лейтенанту, новому начальнику разведки, начисто отхватило осколком нос, а БТРу разворотило двигатель. Движемся с частыми остановками, отыскивая пути без мин. Много этой пакости понатыкали фашисты на дорогах.

При второй или третьей задержке нашу колонну догнал Т-34-85. Командир танка спрашивает, чего стоим. Ему объяснили. Опустившись до пояса в свой люк, он отчаянно (двум смертям, мол, не бывать!) махнул нам рукой на прощание и дал команду механику-водителю: «Обходи колонну слева! Вперед!» Тридцатьчетверка сошла с дороги, пробежала вдоль нашего строя и, выскочив снова на дорогу, прибавила скорости, но через какую-то минуту мощнейший взрыв потряс всю окрестность: храбрую тридцатьчетверку на глазах у нас разнесло буквально на куски большим фугасом...

Перед третьей задержкой в пути наши автоматчики изловили и приволокли (сам ни в какую не хотел идти) власовца, из закоренелых. У него сытая рожа, неподвижно тяжелый взгляд и хорошо пригнанное обмундирование. В глазах его столько лютой, звериной ненависти, что рука твоя сама невольно начинает нащупывать оружие. Такой тип походя младенца придушит, с живого человека кожу сдирать будет, на костре тебя поджаривать – и глазом при этом не моргнет. Подумали-подумали, опустили орудийный ствол, привязали иуду за шею к надульному тормозу и подвысили пушку. Именем советского народа. Не пулю же на мерзавца тратить.

Уже стали заводить моторы, как показались обе наши отставшие машины. Снова продвигаемся вперед, к Риге.

Колонна увеличивает скорость движения, так как немцы не успевают минировать все дороги, особенно второстепенные, по которым мы и газуем, ковыляя «по морям, по волнам». У Феди Сидорова полетело полужесткое соединение главного фрикциона, затем из-за какой-то неисправности отстала еще одна машина из 122-миллиметровок.

Всего шесть машин – два тяжелых танка и четыре ИСУ – с боем вышли на край обширного лесного болотища, к единственной подозрительной на вид дороге, проложенной через топь на ту сторону, занятой неприятелем.

Стоя прямо на болоте (оно покрыто тонким зыбким слоем дерна), две длинноствольные приземистые сорокопятки часто стреляют во вражескую опушку. Оттуда энергично отвечают и на болоте торчком взлетают, вырываясь из-под дерна, фонтаны черной грязи. По обеим сторонам дороги лежат редкие цепи пехотинцев. Солдаты кое-как приткнулись кто за кочкой, кто за чахлым, корявым кустиком: зарыться не во что.

На левом фланге, в тысяче метрах, далеко вдается в болото узкий, похожий на язык мысочек. Где-то на нем, в густом сосняке, противно хохочет, надрываясь, «ишак». И раз, и два, и три... Однако очередной серии его мин мы не дождались: вскоре туда

подобралась наша пехота.

Вздохнув с облегчением и на радостях забыв про обстановку, растолкованную нам командиром полка, сунулись мы все-таки через трясину по опасной дороге, поддерживая друг друга огнем. Уж очень никому не хотелось опаздывать в Ригу.

Моя машина достигла уже самой середины болота, когда ИС-2, находившийся совсем рядом с желанным берегом, вдруг увяз. Идущая следом за ним ИСУ-122 остановилась и тоже села: дорога не выдержала тяжести наших машин. Увлеченные порывом тяжелых собратьев, несколько СУ-100 помчались в атаку напрямик, без дороги, и одна за другой провалились в трясину почти до крыльев на глазах у всех.

А немцы усилили минометный обстрел через лес. Одна из тяжелых мин разорвалась точно на дороге, между застрявшей ИСУ-122 и моей машиной, и мы лишились возможности помочь попавшим в беду. Другая ударила позади нашей самоходки, возле самой обочины.

Ведя огонь, маневрируем вперед-назад до тех пор, пока дорога не начала расползаться: гать под нею совсем гнилая. Бьет и немецкая артиллерия то по болоту, то по лесу на нашей стороне. Разрывы очень сильные. Видимо, садит дальнобойная. Куда-нибудь. Но все равно неприятно: накроет каким-то дурацким неприцельным. Чтобы не засесть, приказываю Нилу отводить машину с дороги в укрытие. Самоходка медленно, метр за метром, пятится. Так как из машины сейчас не только вылезти, но и носа высунуть невозможно без риска отправиться на тот свет, команды приходится подавать водителю по ТПУ, что я и делаю, глядя из своего люка назад, на дорогу, и во все глаза следя, чтобы корма, упаси бог, не слишком приблизилась к обочине, а Нил, еще полный впечатлений от «великого валмиерского сидения», очень послушно и с крайней осторожностью правит кормой вперед к земле обетованной.

Уже оставалось около сотни метров до опушки, откуда, прикрывая нас, дружно бьют наши самоходки и что-то беззвучно орет, размахивая руками, Румянцев, как вдруг машина моя перестает двигаться, хотя двигатель работает в прежнем режиме и передачи водитель, я это вижу, не выключал. По личному опыту (у других водителей это тоже случалось) мы с Нилом знаем, что вышло из строя полужесткое соединение главного фрикциона с коробкой перемены передач. На соединительной муфте по неизвестным нам причинам после двух-трехмесячной эксплуатации нашей тяжелой системы начинают срезаться болты. В ЗИПе их маловато, и у нас они давно кончились. Пришлось бежать под огнем побираться (хорошо, что недалеко) к машинам,

стоящим в опушке, и вымаливать у водителей по болтику драгоценному, с которыми наш брат расстается скрепя сердце. Федя Сидоров без звука отдал последний, спрятанный в нагрудном кармане. На следующей машине болтов вообще не оказалось. А надо еще два: меньше чем на трех не выедешь...

Бегу дальше, к самоходке комбата. И снова Румянцев, брызгая слюной, набрасывается с упреками, подозревая наш экипаж, и в первую очередь, разумеется, командира, в трусости. Проделывает он это в присутствии офицеров своей машины и на глазах у подчиненных... Истинная б...! Придя в ярость от такой огульности, взрываюсь не хуже пороха и высказываю этому тупице все, что накипело на сердце:

– Уж чего-чего, а трусости за моим экипажем никто, кроме «героя» Румянцева, еще не замечал. А впрочем, чего еще можно ожидать от типа, который свои же грехи ищет сначала у других... Чем орать без толку, лучше б приказал затащить аварийную машину в кустарник, пока ее фриц не раздолбал прямо на дороге.

Тут Румянцев захлопнул рот, увидев, как Карапузов быстро подвел свою самоходку к нашей, взял беспомощную машину на буксир и поволок в лес.

С презрением взглянув на смущенную рожу старшого, вылезаю из люка и уже более спокойно говорю:

– Такие оскорбления легко не прощаются. Смотри, как бы тебе не пришлось отвечать за них.

А на крыло рядом со мной вскарабкался запарившийся автоматчик, просунул голову в люк и доложил: пулеметной очередью из лесу убит командир ИСУ-122, что застряла на дороге. Это тот самый незнакомый мне лейтенант, который командовал последним взводом нашей батареи в бою за мызу Эрдеме, когда ранило осколком комбата Сергея Федотова.

Подхожу к своей машине – и вдруг снова ожил «ишак». Он скрипит и задыхается где-то совсем рядом. Спешно ныряю к себе в люк, и мы, все пятеро, съежившись, тихо предвкушаем удовольствие, которое может доставить фугасная мина, упади она нам на крышу башни. Но мины пропели, удаляясь, и стали грохотать, к нашему изумлению и восторгу, на той стороне болота, в лесу, занятом фашистами. Кто-то умелый из наших решил попотчевать фрицев из их собственного изобретения.

Вслед за залпом «ишака» снова дружно ударили стоящие в опушке и даже сидящие в болоте самоходки, и пехотинцы, где ползком, где короткими перебежками перетаскивая свои «максимы» и пушечки с тонкими, словно иголки, стволами, начали приближаться к чужому берегу. Затем справа и слева от нас выскочили из лесу приземистые СУ-76, быстрые и верткие, и

побежали, ведя огонь с ходу, прямо через болото, по слабенькому дерну, который, к нашему «тяжелому» удивлению, не проваливался, а только прогибался под «кленовыми листочками», как с нежной грустью называют эту легкую машину те, кто воюет на ней. Есть у нее и другие прозвища: «клизма» и «сучка». Первое из них, как видно, присвоено ей за ее профиль, а может быть, за то воздействие, которое она оказывает на неприятеля, подбираясь к нему скрытно, благодаря своей низкорослости, и нападая внезапно, так как высокая проходимость позволяет нашей легкой самоходке появляться в таких местах, где предусмотрительный немец обычно ее не ожидает; а в скорострельности СУ-76 не откажешь. Второе же имя, уменьшительно-оскорбительное, возникло или от СУ, или от «сука», но мне ни разу еще не случалось слышать, чтобы кто-либо так ругательски обзывал нашу тяжелую самоходную установку.

Однако как там кого ни зовут, а бой перекинулся уже на ту сторону болота, и все, у кого хватило ума не увязнуть, торопливо пустились в обход, как будто этого нельзя было сделать раньше. А впрочем, что нам может быть известно о том, как было бы лучше? Из смотровой щели или перископа много ли увидишь?

По карте мы всего в пяти километрах от Риги. Разряжаем орудие в сторону противника – это стало обычаем. Вскоре пришли тягачи (вот это оперативность!) и повытаскивали застрявшие в болоте машины, которые одна за другой уходят в направлении города. Мы остаемся совсем одни и без всякой надежды подкрепиться. Но обед, да еще и с трофейной выпивкой, а главное – три недостающих болтика для муфты нам все-таки привезли поздним вечером.

Потом неведомо откуда, словно с неба свалилась, явилась Федькина Нина, поправившаяся после ранения. Узнав своих, обрадовалась страшно. Мы тоже, только вот угостить ничем не смогли ее, так как опоздала она к ужину, и ей пришлось довольствоваться горячим кипятком с последними ржаными сухарями. Заморив червячка и согревшись, она откопала на дне своей сумы затрепанную колоду карт, но сражаться в «дурня» было некогда: весь экипаж нетерпеливо занялся делом. К 21.00 сами заканчиваем ремонт, но, не зная пути, вынуждены, ввиду наступившей ненастной, черной ночи, заночевать неподалеку от места дневного боя. Как раз и сарай кстати подвернулся с соломой. Тепло и мягко. Накрапывает мелкий дождь, тихо царапая по крыше из драни, глухо погромыхивает артиллерия где-то под самой Ригой. Выставив часового, засыпаем.

13 октября

Немец, теснимый со всех сторон, ночью отошел к окраинам города.

Торопливо напившись молока без хлеба (автоматчики наши бдительно несли службу и обнаружили поблизости погреб), на рассвете мы «снялись с якоря» и помчались догонять своих, оставив на месте, где ремонтировались, фанерную дощечку с надписью: «Хозяйство П. выехало в Ригу». Это придумал Нил в пику ремонтникам, которых вчера мы так и не дождались.

Полк догнали быстро. Он действовал уже у самой окраины. Не потеряв ни одной машины, нам удалось прорваться на городские улицы в районе Парка имени революции 1905 года. Немцы поспешно уносили ноги на левый берег Двины, уничтожая за собой все переправы. Последним был взорван большой мост. Таким образом фашисты сумели разобщить войска 2-го и 3-го Прибалтийских фронтов, освободивших правобережную часть города, с войсками 1-го Прибалтийского, которые наступали вдоль левого берега.

Поговаривают в полку, что машина нашего Лешки Панасенко успела выскочить на набережную Даугавы и устремилась к въезду на мост, но в этот момент мост со страшным грохотом взлетел на воздух.

Вечером Нил обстоятельно и красочно описывал этот эпизод. Панасенко так спешил к реке по узким улицам Старого города, что раза два, разворачиваясь на перекрестках, отваливал кормой углы зданий, а вырвавшись наконец на площадь Домского собора, не заметил в густом дыму пожаров единственного высокого столба и сшиб его. От столба расходились в разные стороны провода. Проволока потащилась за машиной, наматываясь на барабан ведущего колеса Лешкиной самоходки. Гусеница начала щелкать, грозя вот-вот соскочить с зубьев звездочки. Пришлось остановиться. И пока ребята, сбивая в кровь пальцы, рубили под обстрелом проволоку зубилами да пока машина катилась к мосту, фашистские подрывники, не дождавшись будущего Героя Советского Союза, понервничали и крутнули адскую машинку раньше времени... И Нил мастерски изобразил, как до сих пор периодически встряхивает рыжей шевелюрой наш Панас, оглушенный грохотом мощного взрыва.

Делать в городе, очищенном от немцев, нашим машинам вскоре стало нечего, и, чтобы они не причиняли материального ущерба коммунальному хозяйству латвийской столицы, и без того сильно пострадавшей, полк по окончании боя был выведен за городскую черту.

Под вечер колонна боевых машин – представительниц трех различных систем – медленно и осторожно, с распахнутыми

люками ползла по улицам, приветствуемая рижанами, которые уже несколько пришли в себя после пережитых треволнений.

Нас отвели от города по какому-то шоссе в сторону взморья. Около этого шоссе полк и расположился в виду Риги, среди пологих песчаных дюн, заросших соснами.

Замаскировав машины, ребята делятся дневными впечатлениями. Кое-кто похваляется, что на славу угостился знаменитым рижским пивом, но у нашего экипажа оно даже по усам не текло.

14 октября

Утром встречается мне Сергей Федотов и, широко улыбаясь, поздравляет с орденом Отечественной войны за Молочный Завод, за 20 сентября.

Настроение у всех отличное. За Даугавой еще орудия бухают, а у нас где-то рядом, в лесу, музыка слышна. Весело на душе. Одряхлевшие машины приказано наконец готовить к передаче СПАМу (сборному пункту аварийных машин). Значит, скоро отправимся на переформирование.

Вечером, после работы, играли («давненько не брал я в руки шашек!») в шахматы с инженером фронта (2:1). Мне до сих пор неловко перед ним из-за одного случая, происшедшего в последних числах сентября, хотя этот тактичный человек ни разу не напомнил мне о моем хамстве.

Однажды во время длительного марша я сменил Нила за рычагами и начал мыкаться по тяжелой грунтовой дороге, совершенно расквасившейся после дождей. Митя Салов, как обычно, находился на своем посту – торчал из левого люка, ведя круговое наблюдение за двоих и беззвучно, из-за рева двигателя, напевая что-то. Вдруг в наушниках моего шлемофона щелкнуло, и наводчик, кашлянув, докладывает, что нас догнал какой-то «Виллис», и просит пропустить его вперед. Успев утомиться от двухчасового ползания по грязи и потому злой, продолжаю упрямо «пилить» на четвертой замедленной, памятуя, как «разулся» за станцией Сымерпалу из-за нахального грузовика. «Виллис» несколько раз пытался объехать самоходку то слева, то справа, но безуспешно: вплотную к обочинам подступало болото. Шофер начинает длинно и нудно сигналить – перехожу, злорадствуя, на третью замедленную.

Тогда наводчик спрыгивает со своего сиденья, трясет меня за плечо и громко кричит мне в самое ухо:

– Там какое-то начальство! Сильно нервничает!.. Дороги

требует!

Местность как раз пошла немного на подъем, стало не так вязко, и, чуть приняв вправо, самоходка неохотно посторанивается. «Козлик», разбрызгивая черную грязь, торопливо проскакивает вперед и останавливается метрах в двухстах от нас, загородив дорогу. Из автомобильчика вышел человек в защитной форме, в зеленой же фуражке, поднял вверх руку. Останавливаю самоходку – Нил сразу просыпается, тревожно поднимает голову и бросается к своему сиденью. Делаю ему успокоительный знак рукой, вылезаю из машины и не спеша подхожу к крепкому, повыше среднего роста мужчине в полувоенной одежде без знаков различия. Он представился и спросил, кто водитель самоходной установки. Так состоялось мое знакомство с инженером фронта, специально прибывшим в нашу армию, чтобы узнать непосредственно от механиков-водителей и помпотехов о достоинствах и недостатках новой марки тяжелой машины, а также выслушать наши предложения по вопросам эксплуатации ИСУ. И встретить такой прием! Узнав, что машину вел командир, а не водитель, инженер спокойно, не повышая голоса, искренне удивился моему незнанию правил движения по дорогам, а заодно и отсутствию у меня элементарной вежливости. Сгорая от стыда (ушам стало жарко под шлемом), коротко приношу свои извинения. Попрощавшись, представитель фронта велел шоферу ехать, и «Виллис» вскоре пропадает из виду.

И вот, спустя примерно три недели, мы сражаемся за шахматной доской, сидя на охапке сосновых веток, прикрытых плащ-палаткой. Вечереет. Где-то по ту сторону Даугавы слышится частая орудийная стрельба – это сосед слева, 1-й Прибалтийский, сбрасывает немца в море.

Инженер N – интересный собеседник. Некоторое время он пробудет у нас в полку, проведет техническую конференцию мехводителей, ремонтников.

Обходя машины и беседуя с экипажами, он как-то незаметно появился возле нашей самоходки, сразу узнал меня, но ни разу не обмолвился о случае на дороге. Выяснив у нас с Нилом все, что его интересовало, и сделав несколько быстрых записей в толстом блокноте с кожаным переплетом, он признался, что очень соскучился по шахматам и с удовольствием после работы сыграл бы партию-другую. Шахматы он возит с собой. Я вызвался быть его партнером. Шахматный бой протекал упорно: две партии закончились вничью, одну инженер проиграл. Он пожал мне руку и сказал, что всегда будет рад встретиться с таким достойным противником.

В полку пошли разговоры о сдаче ИСУ-152 в «капиталку».

Сегодня ровно три месяца нашего пребывания на 3-м Прибалтийском, и все устали порядком. Эх, поскорей бы катануть в Загорск за новыми машинами! Переправ через Двину для тяжелой техники пока еще нет, и о поездке в тыл остается только мечтать.

Когда совсем стемнело, «компанией свободной» отправились в соседнюю часть. Там, под прикрытием густого сосняка, смотрели «Серенаду солнечной долины». Картина всем очень понравилась: никакой войны! Второй раз за все фронты побывал в кино на фронте.

15 октября

Стоим. За вчерашний день и сегодняшнее утро машины приведены в полный порядок, и делать нам стало нечего. Приходил инженер, и снова играли. На этот раз мне удалось победить 3,5:0,5. Нашлись, как водится, и болельщики, которые любят подавать «дельные» советы, но сами не решаются садиться за доску.

К обеду было приложено согревающее, вследствие чего воодушевившийся Нил уехал на попутной машине в Ригу «на экскурсию», а Салов и Пашка по очереди начали сходиться врукопашную с Чересловым, пытаясь доказать друг другу какую-то правду. Вот черти, не навоевались еще! Пришлось растаскивать всю троицу. И без них пьяных сегодня хватает: народ «разряжается».

Сегодня много хороших новостей. Соседи полностью очистили от фашистских тварей левобережную часть Риги. Полностью освобождена Украина. Ура! А союзнички все еще ведут бои в Аахене. В Сталинград бы их в сорок втором на выучку. Вот Крит они прибрали к рукам очень быстро. Словом, ходят вокруг да около, любезно предоставляя нам возможность добить фашистов в собственном логове. Изумительно предусмотрительные прохвосты!

17 октября

Замечательно побанились в Риге. Какое великое наслаждение, неописуемое блаженство – настоящая, жаркая баня.

Заступаю дежурным по части, чистенький до неузнаваемости и умиротворенный.

18 октября

Дежурил. Под моим присмотром, как это ни грустно, достраивалась «губа» – углубленная землянка без окон. Ее и обновили Митя Салов и Мишка Череслов, особо «отличившиеся» три дня назад. Митя, принимавший вчера самое деятельное участие в рытье котлована под землянку, спускаясь по крутым земляным ступенькам на «отсидку», трагически пробасил:

– Эй, берегись! Над накатом не балуй! Знаем все сами. Молчи.

Нас, почувствовавших вдруг себя слишком вольготно, начинают брать «в клещи». На завтра назначена строевая подготовка для сержантского и рядового состава. Провести ее приказано мне, еще не успевшему смениться.

Сдав дежурство, успеваю наскоро ответить на несколько писем: фронтовикам – дяде Боре и Юрке, в Загорск – Лиде, в Завидово – тете Варе, которая уже четвертый год учительствует одна: дядя Миша с сорок первого на войне, несмотря на свои пятьдесят четыре года; он на девять лет старше отца.

Улеглись было спать, но прикатила кинопередвижка – как тут не подняться! И, хотя привезли в полк уже знакомую нам «Серенаду», народ повалил валом. И снова все смотрели с удовольствием. А перед тем как во второй раз улеглись спать, услышали последнюю сводку: взят порт и город Петсамо (древняя русская Печенга) в Норвегии. Если здесь бывает трудно, то каково североморцам достается?

19 октября

Перегнали все машины поближе к штабу: неусыпное око начальства желает держать нас под наблюдением денно и нощно. Нам от этого ничуть не хуже: заживем теперь в доме, спать будем не на земле, а на полу, на толстой соломенной подстилке, прикрытой новым и чистым брезентом. Полный комфорт.

Сводка: наши войска с тяжелыми боями, спеша на помощь братскому народу, прорвались через Дуклинский перевал в Карпатах и углубились в Чехословакию на 50 километров по фронту протяженностью 275 километров. А союзнички с 15 октября, по их же собственным сообщениям, ведущие бои в Аахене, сегодня полностью окружили город (?!). Зато на Балканском полуострове вступили в Афины. Чем дальше от «логова», тем блистательнее их победы.

20 октября

Неужели нас с машинами передадут в другую часть? Некоторые из наших уже нервничают и по этой причине утешаются как могут. Мне подобные обидные переброски уже в привычку. После очередной ожидаемой формировки для меня начнется четвертый по счету «заход».

Бездействие мучает. Наскучили и шахматные победы. С нетерпением дожидаюсь новых сообщений Совинформбюро. Сегодня в Москве сразу два салюта: в честь освобождения Белграда и взятия Дебрецена в Венгрии.

21 октября

Приезжало высшее начальство и приказало все уцелевшие наши машины немедленно сдать в ремонт. Наверное, нас всем составом отправят на формировку. Куда? Все пока оборачивается в лучшую сторону, но кто знает, что будет завтра.

22 октября

«Оторвал с ветерком» в последний раз на своей машине по асфальту до Риги, на погрузочную станцию. На прощание с превеликим усердием драим самоходку, готовя ее к сдаче на СПАМ. Несмотря на свои многочисленные шрамы, она сияет, как новенькая. Даже жалко ее немного.

У меня 240 часов вождения. Много ли это? Если принять за среднюю скорость хотя бы 10 километров в час, и то получается 2400 километров в походах и боях. Не верится даже...

23 октября

Сдача и прием машин прошли нормально, без недоразумений и придирок. Водители бережно завели своих почтенных «старушек» на железнодорожные платформы и простились с ними. Сопровождать машины в Ленинград были назначены ребята из нашего экипажа, Забоев и Мацапаев.

Пашке Стаханову присвоили старшего. Он едет в Митаву сопровождающим при группе откомандированных в распоряжение штаба фронта и, должно быть, поэтому ходит неузнаваемо важный и строгий. Федя, Пашкин «двоюродный», заговорщически

подмигивает мне:

– Смотри ты, как напыжился: это он «выдачу» осваивает. Ничего, это скоро пройдет.

У нас в экипаже радость: Гриша Перескоков вернулся к нам. Подлечился после ранения 21 сентября. До чего ж быстро на нашем брате заживает! Втроем сходили на станцию попрощаться с товарищами, уезжающими в Ленинград, а затем переселились на житье в большой дом, где разместился штаб полка.

Вечером, затаив, как говорится, дыхание, слушали, боясь пропустить слово, сообщение по штабной рации о том, что наши войска в результате предпринятого наступления прорвались в Восточную Пруссию.

24 октября

Целый день провели в нетерпеливом ожидании вечерней сводки. Как-то там наши, что в самом фашистском логове дерутся? Крепко ли трясут волчье прусское гнездо?

Жарко там. Немцы из кожи вон лезут, пытаясь остановить наше продвижение, но, отбивая яростные контратаки врага, армии наши продолжают упорно идти вперед. Тут и на формировку ехать не захочешь!

Сегодня освобожден город Августов. Не последний ли это белорусский город, оставшийся в руках фашистов?

Днем состоялась техническая конференция (почаще бы!), на которой механики-водители и помпотехи по-деловому, немногословно взвесили все плюсы и минусы тяжелой самоходной установки (ИСУ-152).

Выше всяких похвал оказался двигатель (вариант В-2), который на нескольких машинах нашего полка проработал по 350 моточасов против 250 гарантийных. И это несмотря на непроницаемую рыжую песчаную пылищу, подолгу неподвижно висевшую над дорогами в сухие дни, несмотря на большие перегрузки и резкие рывки при движении по бездорожью среди заболоченной местности, особенно при буксировании и самовытаскивании.

Цилиндры и поршни нашего двигателя теперь надежно предохраняются от всяческой пыли отличными, усовершенствованными воздухофильтрами, которые легко и удобно снимать и промывать. Так что больше страдают от пыли экипажи, в особенности водители, для которых нет защитных очков. Но это уже другой вопрос. Мелкий.

Двигатель же новый очень хорош, и если учесть, что дизель

В-2К, установленный на КВ, имел гарантийный срок всего 150 моточасов и что новая система на несколько тонн тяжелее старой, то делается понятно, как здорово потрудились наши замечательные танкостроители, конструкторы и рабочие, – наша надежнейшая опора.

Общее осуждение вызвал электроинерционный стартер и полужесткое соединение (муфта) главного фрикциона с коробкой перемены передач. Правда, болты на муфте начинают срезаться только в конце гарантийного срока, но от этого нам не легче: какие еще гарантии могут быть на войне?

Предварительный диагноз, поставленный инженером фронта: неточная центровка осей коленвала и вала КПП. Согласился инженер и с тем, что в боевых условиях электроинерционный стартер непрактичен и что ЗИП на машине недостаточно укомплектован.

В заключение он сказал, что все выводы, сделанные этой конференцией, будут незамедлительно доведены до сведения конструкторских бюро танкостроительных предприятий, и с большой теплотой отозвался о воинах-работягах, водителях танков и самоходок – о тех людях, которые не только ведут машину в бой, но сами же и готовят ее, зачастую без сна и отдыха, к следующему сражению, может быть еще более трудному, чем вчерашнее, а порою – война есть война – и к последнему для них... И сердечно поблагодарил нас.

Смутившись от непривычных похвал, мы растроганно посматривали то на инженера, то друг на друга, и молчали... «Разрешите мне!» – поднимается вдруг неразговорчивый друг Нила, магаданец Ходосько, водитель. Сжимая в руке черный ребристый шлем, с необычной для него взволнованностью он от имени всех присутствующих заявляет, что личный состав полка все свои силы, все свое воинское умение, помноженное на ненависть к фашистским поработителям, приложит к тому, чтобы могучая и надежная боевая техника, сработанная руками тружеников тыла, нашими отцами и братьями, матерями и сестрами, стала настоящей грозой, карающим мечом для гитлеровских головорезов, посмевших посягнуть на свободу и мирную счастливую жизнь советского народа. «Что это с ним?» – глазами спрашивают механики друг у друга, гулко ударяя в огрубелые ладони, когда Алексей Петрович, человек очень скромный и сдержанный в выражении чувств, закончил свою пламенную речь.

Только поздним вечером, направляясь вместе с Нилом к штабной радийной машине, узнаю от своего водителя, что Ходосько снова получил обратно собственное письмо, посланное

на родину, в Оршанский район Витебской области. Вся семья Алексея попала в оккупацию, за исключением старшей сестры, живущей в Москве, и он терзается, так как ничего не знает о судьбе своих родителей и остальных сестер с самого начала войны. Скоро минет год, как освобождено их местечко Копысь, а о родных по-прежнему ни слуху ни духу. И сельсовет тоже не сообщил ничего утешительного...

25 октября

Опять переселение на новую «квартиру», но теперь уже всей батареей (тем, что от нее осталось). Цель такого невинного маневра – не мозолить глаза начальству. Как только были приведены в порядок наши соломенные ложа, комбат устроил коротенькое офицерское совещание, на котором по секрету сообщил нам, что 28-го числа полк должен двинуться на станцию погрузки, и предупредил, чтобы все были готовы, а главное – никуда не отлучались.

А нашего наводчика Митю Салова сегодня перевели в отдельный экипаж, на командирский танк ИС-2. Гвардии старшина грустно попрощался с нами и ушел хмурый. Хороший у нас был экипаж... Теперь же в нем осталось только два водителя – мы с Нилом.

В сегодняшней сводке, как обычно, сообщалось об успехах нашего наступления: занят город Сатул-Маре и полностью очищена от немцев Северная Трансильвания. А на противоположном конце огромного фронта, на севере, наши войска приступили к изгнанию оккупантов с соседской норвежской земли.

Но от этого грустинка в сердце не растаяла: привыкли друг к другу, неплохо сработались и – нет нашего экипажа.

26 октября

Совещание на совещании. Сперва полковое офицерское. Как же мало нас осталось! Потом комсомольское собрание, на котором стоял единственный вопрос – дисциплина.

День закончили составлением отчетов об использовании тяжелых САУ в бою.

Вечером, после бани (смотри-ка, нас регулярно мыть начинают!), Сережа Федотов, комбат, собрал остатки своего офицерства – шесть человек из одиннадцати – и учинил угощение

по случаю окончания болотной страды. На сей исторической вечере договорились «обмыть» награды, которых, судя по известным нам приказам, насчитали не менее двух десятков на семерых присутствующих (Сережи Федотова, Нила Цибина, Саши Ципляева, Василия Егорова, Конышева, Шевырева и меня).

Несмотря на несколько приподнятое настроение, участники «договора» не забыли вовремя явиться к рации, чтобы услышать вечернее сообщение о делах других фронтов. В Чехословакии освобожден город Мукачево.

27 октября

Нам с Нилом «осталось» получить по Красной Звезде и Отечественной войне 2-й степени. Сознаем свою человеческую слабостишку: интересно все-таки живому ордена надеть, черт возьми! А у нас на батарее пока один Сашка Ципляев щеголяет с единственным «наличным» орденом Отечественной войны 1-й степени.

Заглянул в нашу холодную комнатищу комбат и обрадовал: завтра в путь. Ура! Скоро увидимся с Лидой.

В 15.30 командир полка официально пригласил всех офицеров на банкет. Атмосфера среди собравшихся царила самая непринужденная и веселая. Приехал армейский ансамбль, и затеялись танцы, преимущественно мужские, из-за почти полного отсутствия дам. Помня свои старые промашки, стараюсь за столом не слишком «усердствовать» и все-таки непонятным образом успеваю крепко «воодушевиться», однако вовремя и останавливаюсь: радушие и хлебосольство хозяина, гвардии подполковника Федорова, обязывало не ударить лицом в грязь. С большим интересом досматривал выступление опьяневшего от обильного угощения ансамбля. «Подогретые» Нил и Хомутов, не дождавшись конца концерта, ушли в Ригу, надо думать, не достопримечательности города осматривать: уже темнело. А мы с Павлом Стахановым, возвратившимся из штаба фронта, обыгрывали всех подряд в шахматы.

28 октября

Сегодняшнее собрание коммунистов полка перенесено на завтра. Значит, выедем отсюда не раньше 30-го. Во время «домашнего» ужина (мы с аппетитом уписывали картошку с

солеными огурцами) зашел комендант и объявил, что завтра в 9.00 сбор у батареи Калиничева. «Со всеми вещами», – подчеркнул он, вызвав улыбки на наших лицах: «все вещи» – это полупустые вещмешки, лежащие в изголовье вместо подушек.

29 октября

Прибыли в небольшой город Иецава. Эшелона для нас нет, а впереди несколько полков стоит на очереди в ожидании погрузки, поэтому нам было приказано располагаться на постой. В забитом войсковыми частями городишке это оказалось делом невозможным, и подразделения полка устраивались кто как сумеет. Наша батарея, например, приютилась на правах сирот в километре от станции.

Пейзаж грустный: под бугром сбились в кучку несколько невзрачных домишек, а на совершенно лысой дюне, метрах в трехстах от нашего пристанища, темнеет подбитый ИС-2.

Сходили к танку, заглянули в открытый башенный люк, и настроение окончательно испортилось: наш коллега, механик, сидит в рабочей позе, упершись левой ногой в «трубу» и все еще выжимая левый рычаг... И похоронить человека до сих пор не могут...

30 октября

Томимся в ожидании отъезда. Надоели бесконечные совещания и собрания. Их уже окрестили в полку «заседаниями». Нет ничего смешнее этого слова на фронте.

Начинаю раскисать. Голова раскалывается от боли: на правом виске сидит здоровенный чирьина. Был в санчасти. Судя по нелюбезному приему, оказанному мне нашей капитаншей медслужбы, можно всерьез подумать, что всяческие хворости у людей появляются специально для того только, чтобы беспокоить эту желчную особу... Ну и дрянная же баба!

Поздним вечером, в темноте, нудно завывая, пролетели «Хейнкели» и долго бомбили где-то в стороне Риги.

1 ноября

Пухну постепенно и уж десять дней хриплю, как испорченный патефон: простыл, возвращаясь в полк из Риги после сдачи

машины, под холодным дождем с ветром.

Последние несколько дней сильно захолодало, но вдруг с моря подул теплый западный ветер, принес дожди. Черная осень стоит: грязища и сырость.

Сегодня, после похорон неизвестного водителя с ИС-2, проходя небольшой группой мимо трех низких одноэтажных каменных домиков, до отказа набитых военным людом, увидели безобразную картину. Незнакомый капитан, размахивая пистолетом и страшно заикаясь, кричал на старую женщину, латышку, обвиняя ее в том, что она нарочно не хочет найти место для его команды, что она ни капли не уважает людей, которые ценою крови освободили от фашистов ее родной край, и во многих других смертных грехах. В лице его, исказившемся от гнева, не было ни кровинки, глаза метали молнии. Тут же стояли освободители, раненые солдаты в бинтах и лубках, уже размещенные в этих домиках, живущие здесь в ожидании эшелона, и с молчаливым неодобрением посматривали на разбушевавшегося офицера. Он был здесь самый старший по званию. И самое грустное в этой сцене было то, что старуха, по-видимому, ни слова не понимала по-русски, а если бы даже и понимала, то все равно не смогла бы помочь ничем этому командиру. Худое, точеное строгое лицо ее, с резкими морщинами около губ и глаз, в черной рамке платка, низко прикрывавшего лоб, оставалось бесстрастным, а усталые глаза в темных тенях глазных впадин смотрели на ругателя со спокойным достоинством. И было жаль обоих. Тогда хладнокровный Вася Бараненко, подойдя к капитану сзади, вдруг нежно, но крепко обнял его за плечи, а Ципляев ловко перехватил руку с пистолетом. Вдвоем они отвели офицера в сторонку и по-дружески растолковали обстановку. Тот с трудом успокоился, спрятал наконец оружие, и мы, облегченно переведя дух, зашагали своей дорогой.

2 ноября

Идут регулярные, насколько это позволяет обстановка, занятия по боевой и политической подготовке. Понятно, что не всем это по душе, и некоторые ребята ворчат.

4 ноября

Сдал заявление и рекомендации в партбюро и заступил

дежурным по части.

5 ноября

В городе замечательная баня! Не помню, в какой уж раз банный день падает на мое дежурство. Это очень хлопотно, но чего не вытерпишь ради такого праздника. Да здравствует баня всегда и везде!

7 ноября

Торжественное заседание поредевшего личного состава полка по случаю 27-й годовщины Великого Октября. Даже сердце сжимается, когда видишь, как мало осталось старых товарищей... Зато какие орлы! Из Калининской области, из-под Острова, пробились с тяжелыми боями сквозь бесконечные болота, по немыслимому бездорожью к самому берегу Балтийского моря и последнюю союзную столицу освободили... «Сила силе доказала...»

Неожиданно меня избирают в президиум. Алексей Петрович ободряюще подталкивает меня в спину. Поеживаясь, сижу за длинным столом на сцене: хлопчатобумажная гимнастерка моя вся в пятнах от машинного масла, да и прохладно в клубе.

Зачитывают приказ по армии от 27 октября (номера не запомнил) о награждении солдат и офицеров полка за участие в боях при освобождении столицы Латвии. Среди фамилий награжденных назвали и мою. Не ослышался ли? Вопросительно смотрю на Каневского, восседающего по правую руку от командира полка, а майор выразительно кивает мне, подмигивает и крепко хлопает в ладони коротких рук... Еще один орден Отечественной войны 2-й степени. Мы с Нилом уже трижды орденоносцы... без орденов.

Заседание длилось недолго. Ребята поздравляют друг друга, все обрадованы и возбуждены предстоящим вот-вот отъездом: погрузка объявлена на завтра. Растроган и удивил всех начпрод, по случаю такого дня доставивший из Риги бочку отличнейшего, как определили Нил и Алексей Петрович, пива, на которое мы всем миром тут же и навалились. И было оно очень кстати.

А полки, что ожидали вагонов перед нами, с вечера начали быстро грузиться.

9 ноября

В полдень эшелон двинулся из Иецавы на восток. На какой-то станции нас продержали до самого вечера, и мы, как водится, чтобы скоротать время, плясали и танцевали прямо на перроне.

12 ноября

Режица. Тут уже ходят пассажирские поезда! Даже странно как-то нам. Нил, Вася Егоров, Саша Ципляев и сержант Чернов (типичный москвич не только по слишком акающему говору, но и по всем повадкам. С лица его, «редькой концом книзу», не сходит умненькая усмешка и выражение некоторого превосходства над серыми провинциалами, за что его многие недолюбливают) сразу ушли на вокзал, чтобы поскорее добраться до Москвы и тем самым выиграть несколько часов для побывки. И действительно укатили. А у нас в вагонах телячьих тоже неплохо... Едем и стоим весело, и песни сменяют одна другую.

17 ноября

Промелькнули Погорелое Городище, Шаховская, Волоколамск. Снова, как и в прошлом году, меня встречает зима. Дождь сменился снегом. Холодно. Эшелон тормозит на станции Истра. Это уже Подмосковье.

18 ноября

По окружной дороге перегоняют наш состав к северной ветке – и, увлекаемый электровозом, он с ветерком мчится в Загорск!

После разгрузки, предупредив комбата, почти бегу по заснеженному, принарядившемуся в белое городу в Троице-Сергиевскую лавру – не к обедне, а к Лиде, чтобы представиться по случаю благополучного возвращения. С бьющимся, кажется, прямо о шинель сердцем отыскиваю, предварительно споткнувшись несколько раз в темноте о невидимые ступеньки, нужную дверь, распахиваю ее и замираю на пороге длинного помещения с низкими сводчатыми потолками.

Вдоль стен ряды железных коек, сдвинутых попарно ради экономии места. Посреди комнаты длинный, узкий, грубо сколоченный стол; до его края от двери всего три шага. Над столом свисает на старом, разлохмаченном шнуре единственная осветительная точка.

Лида уже писала, что они теперь послушницы, схимницы, так как их учительский институт вместе с общежитием разместился в обители, в здании бывшей духовной семинарии. Смешно.

В комнате никого нет. При тусклом свете у дальней стены замечаю на койке свернувшуюся в клубочек фигурку, укрытую сверх одеяла пальто. Больная студентка (шея у нее была обмотана шарфом) сиплым шепотом объяснила, что вся их группа еще на занятиях, и мне ничего не оставалось, как попросить незнакомую девушку передать пламенный привет Лиде и сообщить ей, что мы вернулись.

А фронтовички шумят на вокзале и по городу. Некоторые до безобразия пьяны. Радость, конечно, надо размочить, но... Впрочем, мало ли что может показаться, если у тебя далеко не радужное настроение из-за несостоявшейся встречи, которой ты так долго ждал.

Вечером с трудом нахожу нашу землянку. Жилым духом здесь и не пахнет. Холодно. Неуютно.

А на том месте, где летом построили мы добротные землянки, теперь вполне культурный лесной военный городок, даже электрифицированный.

19 ноября

Ну и лагерь у нас! Как говорится, тлен и запустение. Однако на готовенькие «зимние квартиры» никто из нас и не рассчитывал, а потому сложа руки не сидим, а яростно приводим свое «стойбище» в порядок. Всем экипажем сегодня оборудовали под жилье нашу землянку. Печка-бочка раскалилась – с потолка зачастила капель. Хоть похоже стало на парную, но зато тепло.

Под вечер объявлено было построение, на котором начальство произвело подробный разбор вчерашней разгрузки, со стороны похожей, с точки зрения тыловиков, на дебош. Полковник из Центра формирования, заканчивая разносное выступление, грозно предупредил, что завтра же мы получим машины и что – в соответствии с планом нашей формировки – не позднее 1 декабря полк выедет на фронт. Напугал... Ничего, десять дней тоже немало.

21 ноября

Принял новую машину. И за командира, и за механика. Прогреваю весь день сам: Нил опять гуляет в Москве. Только

вечером вернулись Нил с Васькой Егоровым, но виноватое мурло моего водителя смягчило мой командирский гнев.

22 ноября

Приказано зачем-то перегнать боевые машины на новое место. Оно оказалось почти рядом с нашим бывшим летним парком. Наконец-то слито масло. Теперь на душе будет поспокойнее. 241 час вождения.

Прибыло к нам в экипаж пополнение – сразу двое ребят: заряжающий и замковый. Стало сразу веселее: нас уже четверо.

Что-то сильно расходились паразиты, а бани все нет, хотя, впрочем, сейчас совсем не до нее.

23 ноября

Нас обмундировали по-зимнему. И сегодня же нашего полку прибыло: в мой экипаж явился наводчик Алексей Зайцев, а в отдельный экипаж к Ходосько – заряжающий с замковым.

По случаю полного укомплектования нашего экипажа добываю у знакомых в Птицеграде два литра водки, чтобы отпраздновать это немаловажное событие: нет ничего хуже, когда новичок появляется в машине чуть не перед самой атакой. Экипажный вечер удался: все познакомились поближе, не спеша поговорили по душам; и, конечно, не обошлось без хороших песен.

25 ноября

Забираю в банке свой небогатый вклад: не беречь же его, когда вот-вот опять на фронт. Был у Лиды. Полушутя-полувсерьез она заметила, что «тяпать для храбрости» даже чуть-чуть вовсе не обязательно. Принимаю это к сведению. Хорошо быть с нею рядом, но время летит очень быстро. Попрощавшись с девушкой и не успев еще выйти из башенных ворот монастыря, я почувствовал, как трудно будет мне ожидать наступления следующего вечера... В город нас пока что отпускают, и восьмикилометровое расстояние от нашего расположения до Загорска в оба конца чаще всего мы преодолеваем «своим ходом».

В Птицеграде на улице встретились знакомые с летней формировки девчата и наперебой стали зазывать на танцы –

отказался: устал за день. На том самом повороте, из-за которого летом ожидала моего появления Лида, успеваю набрать нужную скорость и уцепиться за задний борт попутного студа. Перевалившись в кузов, срочно нащупываю ременную петлю и продеваю в нее руку, чтобы не вытрясло на ухабе: грузовик то и дело взбрыкивает задними колесами. Уже приближаясь к нашему лесу, я вспомнил, что вряд ли завтра смогу повидать Лиду из-за наряда, – и настроение мое сразу резко пошло на убыль, так что в лесную сень я вступил окончательно расстроенным.

В землянке узнаю последние полковые новости: Федьку Сидорова хотят отчислить... Гулякам дали, что называется, по шапке. В самом деле, хороши они были с Пашкой на разгрузке! И на кой черт нужны такое фанфаронство и «удаль кипучая»? Если их даже просто припугнули, то все равно и прочим «добрым молодцам» это будет хорошим уроком.

26 ноября

Терзаемый угрызениями совести за невольный обман затворницы из лавры, приступаю к дипломатическим переговорам с гвардии старшиной Каменских, но он оказался парнем покладистым и согласился выручить меня: подменить на дежурстве. Окрыленный, отправляюсь в «Троице-Девичий монастырь», как полковые остряки успели уже переименовать Загорский учительский институт.

Лиду со «старшиной» Юлей застал в общежитии. Они собирались на рынок за съестными припасами. Ходили втроем. Все очень дорого. Родителям Лиды тяжело одним. Они даже хотели, чтобы она, не заканчивая второго курса, устроилась на работу у них в Родниковском районе или в самих Родниках (учителя там нужны), но Лиде удалось после долгих уговоров склонить стариков на свою сторону. В одном из своих писем на фронт она созналась в этом.

28 ноября

Совсем извелся, снова находясь сутки в наряде. Только вечером, после смены, удалось попасть в Загорск. Были вдвоем с Лидой на танцах. Она удивительно легко и красиво танцует. Так как у меня пока еще получается неважно, незнакомые танцы я пропускаю и с удовольствием смотрю, как она кружится с кем-нибудь из девчат или немногочисленных военных кавалеров по

слабо освещенному, холодному и затоптанному фойе.

Потом мы долго провожаемся. Нежность просто переполняет меня, и вдруг, расхрабрившись, я сграбастал Лиду в охапку и крепко поцеловал. На этот раз она не успела вырваться. Покружив по запорошенному свежим снегом монастырскому двору, мы зашли в промерзлый подъезд их «обители» и, пристроившись возле широченного подоконника, совершенно забыв о времени, шепчемся в промежутках между поцелуями, и нам так неизъяснимо хорошо, что мы не скоро заметили, что никто уже не проходит мимо нас на темную лестницу, ведущую на второй этаж, к общежитию, и что давным-давно перевалило за полночь. Опомнившись, мы только теперь почувствовали, что продрогли до самых костей, и все-таки еще и еще продолжали прощаться. Конечно, до завтра. Лидушка, милая...

Восемь километров до своей «берлоги» отмахал на «ускоренной».

2 декабря

Приводили машину в порядок после марша: начищали до блеска, слили масло и антифриз, поставили аккумуляторы в аккумуляторную – специальную землянку с отоплением.

Устал сегодня сильно, но не утерпел и потащился в лавру, в «келью № 8», где живет Лидия с однокурсницами. Встречен был холодно, разговора не получалось. Зреющее во мне раскаяние постепенно и как-то незаметно сменилось недоумением, а затем и досадой. Заведясь от какой-то показавшейся мне особенно обидной реплики, ухожу.

4 декабря

Получил сразу двенадцать (!) писем. На все успел ответить: времени после занятий, если не бегать по Загорскам, достаточно. На «объяснительную записку», отправленную Лидии утром с Сашей Ципляевым, ездившим в город, ответа не удостоился.

6 декабря

С Лидой не вижусь четвертый день, терзаюсь, но не могу себя заставить пойти в лавру...

9 декабря

Прошло еще два долгих дня в занятиях и в работе на машине. Уже укомплектованы все экипажи. Креплюсь, всячески убеждая себя, что ничего у нас с Лидой не было и нет и что все это только мое воображение... А Федя Сидоров приносит вдруг, загадочно улыбаясь, записочку. От нее! Лихорадочно собираюсь в Загорск. Случившийся тут Саша Ципляев ради такого дела стянул с себя новенькую теплую офицерскую гимнастерку с привинченным над правым карманом сияющим, позолоченным орденом Отечественной войны, снимать который не разрешил.

Путь до института промелькнул незаметно. Девчата из Лидиной комнаты стали наперебой поздравлять меня с наградой. Благодарю их и обещаю все их поздравления непременно передать Саше. Они разочарованно отошли, а я с бьющимся сердцем стал поглядывать на дверь.

Вскоре в комнату вошла, улыбаясь, Лида, и я быстро поднялся навстречу ей. Мы помирились, хотя мне так и осталось непонятно, из-за чего мы столько времени дулись друг на друга. И каким нужно быть ослом, чтобы слушать Ниловы нападки на Лидию, его ехидную критику, до того придирчивую, что его друг Алексей Петрович Ходосько порою не выдерживал и осаживал этого духа отрицания...

Сидели с Лидою долго, пока не зашли за мной Павел и Федор. Тут же мы условились с девчатами устроить прощальный вечер с танцами завтра: мы вот-вот должны отправиться на фронт.

10 декабря

Вечер состоялся. Явились несколько наших командиров машин и водителей, пришел и мой бывший наводчик. Я представил Дмитрия Салова Лидии. Они земляки-ивановцы, даже из одного района – Родниковского, и Митино село Михайловское недалеко от деревни Скрылово. Возможно, они не просто однофамильцы, а какая-то дальняя родня.

Федина гармошка конечно же с ним. Сыграть, и спеть, и рассмешить он умеет, как никто.

Сегодня мне и без вина хорошо: весь вечер нахожусь рядом с Лидой, говорю и танцую только с нею. Хорошо и все-таки грустно оттого, что через несколько часов мы расстанемся неизвестно на какой срок, может быть, навсегда, хотя эту постылую мысль солдат всегда гонит от себя прочь: невозможно ведь нормальному

человеку жить с вечной унылой думой о смерти. А Лида все еще под впечатлением от гибели своего школьного товарища, танкиста, сгоревшего в прошлом году. Он ухаживал за нею до призыва в армию...

Вот «отбой» Юля – «старшина» объявила. Гости расставили по местам девичьи койки, тайком вздыхая при воспоминании о своих жестких нарах, выдвинули в центр комнаты длинный тяжелый стол и обе скамьи и распрощались.

А мы с Лидой после ухода ребят долго еще – с шутливого разрешения «старшины» – «дневалим», но на этот раз для «поста» мы выбрали верхнюю лестничную площадку, чтобы не мерзнуть, как в тот незабываемый для нас обоих вечер.

Как мало, слишком скупо отпускает радости суровое время... И как мы порою не понимаем этого по собственной глупости!

11 декабря

Воротясь в лесную землянку почти под утро, узнаю новость, да еще какую! На мое место прибыл командир машины, а меня снова назначили механиком-водителем: неожиданно заболел Дмитрий Соловьев, его срочно отправили в госпиталь. С удовольствием принимаю третью машину (золотая середина) третьей батареи. Вот здорово! Теперь-то Федька будет рад и прикусит наконец свой язык, с которого нет-нет да и сорвется в адрес «некоторых военных» обвинение чуть ли не в измене славной когорте водителей.

Едва успеваю в землянке ОВС получить полушубок, зимний танкошлем и прочие теплые вещи, как тут же во весь дух пришлось мчаться к машине. На погрузку! Прощай, наша темная землянка! Мы все же попривыкли к тебе...

В 13.30, минуя Птицеград, двинулись напрямик, полями, к станции Загорск боевые машины.

Лида пришла проводить меня. Уже стемнело. Небо все затянулось тучами, началась метель. Мы спрятались от разгульного ветра во дворе какого-то дома в боковой улочке вблизи вокзала: отсюда хорошо были слышны визгливые свистки маневрового паровоза, таскавшего взад и вперед по станционным путям платформы и теплушки. Сквозь неплотно прикрытые ставни окна, под которым мы стояли, пробивалась полоска света. На щеках девушки блестели не то слезы, не то тающие снежинки. Молча осушаю эти капельки поцелуями, чутко прислушиваясь к тому, что происходит на погрузочной платформе. Это было ужасное прощание...

Мне показалось вдруг, что она торопится обратно. «Зачем?» – обожгла ревнивая мысль. И сдуру спросил. Лида, подняв большие глаза, насмешливо взглянула мне в лицо и серьезным голосом отвечала, что спешит на свидание. Холодея, сжимаю ее руки:

– Скажи, что шутишь... Сейчас же, слышишь?

– Да, то есть нет... Меня в самом деле ждет... Иван Петрович.

Кто это – я спросить не успел: в этот момент раздался пронзительный паровозный крик, громко залязгали буферные тарелки, и стали одна за другой взрезывать моторами машины 1-й батареи: она приступила к погрузке. Пора было уходить.

В последний раз с отчаянием прижимаю девушку к груди и крепко целую в переставшие улыбаться губы. Поцелуй показался мне горьким... Легонько отстраняю ее:

– Иди! Меня тоже... ждут. До свидания!..

12 декабря

Уехали наконец.

20 декабря

Нас везут в Бельск. На ходу поезда готовимся к заводке. Во время возни на ветру и морозе пересекли так называемую «линию Керзона».

В Бельске сгрузились под вечер и сделали ночной марш свыше сорока километров. Шли без фар. Нил в темноте, когда влетел на каменный мостик, более узкий, чем само шоссе, проскочил правой гусеницей по воздуху. Самоходка свалилась с моста и легла на правый борт, но ничего страшного не стряслось, только заряжающему стукнуло по пояснице трехпудовым бронебойным снарядом, выпавшим из левой боеукладки. По счастью, насыпь в этом месте невысокая. Эх, как бы пригодились на Ниловой машине в эту ночь мои глаза!

Глухой ночью, пасмурной, беззвездной, колонна наша втянулась в лес. Спать улеглись в машинах, как кто сумел.

Полулежа на своем сиденье, с наслаждением протягиваю ноги к трубе балансира. Глаза слипаются. Машина укутана от башни до опорных катков брезентом, разожжены оба керогаза. В башне от них больше копоти, чем тепла, но зато они помогают сохранить плюсовую температуру охлаждающей жидкости. Одну из дверок в моторной перегородке мы сняли, и от горячего двигателя приятно веет в спину теплом. Разрешено отдыхать

четверым из пяти. В полусне слышу вдруг нежное: «тиньк-теньк». Настораживаюсь: что такое? Чуть поворачиваю голову и сквозь посапывание Костылева опять улавливаю где-то в глубине моторного отделения тихое мелодичное позванивание: «тин-ньк». Однако сразу и успокаиваюсь: это потрескивают дюритовые прокладки под головками остывающих блоков цилиндров. Ничего страшного. И уютно, как в родном доме... Можно спать. 246 часов вождения.

21 декабря

Не дождавшись ленивого позднего рассвета, изрядно продрогнув в остывшей машине, принимаемся греться работой – охаживать свою технику. Костров жечь не разрешено.

С приближением темноты, ввиду предстоящей здесь же, в лесу, ночевки, быстро сооружаем под руководством моего командира палатку на всю батарею, чтобы не корчиться и не дрожать от холода в машинах. Одни из нас скрепляли два больших брезента, продевая проволоку сквозь металлические кольца, вделанные в толстые края брезентов; другие расчищали от снега квадратную площадку и утаптывали ее ногами; третьи заготавливали еловые лапы и колья. Когда площадка была готова, ее устлали толстым слоем пахучего лапника, в центре закрепили главную стойку, по углам вбили четыре кола пониже; после этого набросили на колья брезент, края его, свисающие до земли, прикопали снегом. Из металлической бочки соорудили буржуйку. Правда, тепло, излучаемое ее железными боками, достигало лишь тех счастливчиков, кто пристроился рядышком с нею. Зато дыму хватило на всех с избытком. Водители спали мало и тревожно: держали машины на прогреве.

22 декабря

А утром – двухчасовой марш на новое место. Стали мы метрах в пятистах от польского села Долобово, в лесу, который местные жители называют «ксендзовым», рядом с католическим кладбищем. Соседство приятное, ничего не скажешь.

Расставляя машины на места, указанные подразделениям, братва «нечаянно» сшибает высоченные, чуть ли не со строевую сосну, высохшие до звона кресты. Они пойдут на дрова. Масло и антифриз слиты. Порядок. Начинаем выжидать. 248 часов вождения.

23 декабря

Зима здесь пока тепла, как наша поздняя осень. Снегу мало, да и тот старый: выпал уже давно.

Ходили нашей четверкой неразлучной – Павел, Федька, Анатолий и я – в село устанавливать, как говорится, дружеские контакты с местным населением, а заодно разведать насчет «бимбера», то есть самогона.

24 декабря

Весь день экипажи работали на машинах. Часть людей приступила по приказу старшего начальства к строительству прочных постоянных землянок. «Что ж мы, на зимние квартиры?»

А вечером по белой тропе, по пушистой свежей пороше, «три мушкетера» и плотный увалень Анатолий, ничуть не похожий на д'Артаньяна, отправились в село к некоему Владеку, с которым свели знакомство во время вчерашней «разведки». Сверхкомплектная двуручная пила, разведенная и наточенная, которую мы преподнесли крестьянину, совершила чудо: он устроил изрядное угощение, не поскупившись на горилку и сало. По простоте душевной мы решили, что хозяева только и мечтают о том, как бы получше накормить и напоить гостей, и приступили к закреплению позиций, завоеванных мирным путем. Не откладывая в долгий ящик, тут же договариваемся с хозяином о нашем переселении завтра из лесу в теплую хату, а для надежности мы с Анатолием остаемся ночевать у Владека, потому что в окрестностях каждый день появляются все новые части и по селу уже рыщут пронырливые квартирьеры.

25 декабря

С утра дотемна работаем на землянке, а вечером втроем (Павел заболел) неторопливо шагаем на «обжитое» место. Неженатый Владек собирался на тамошние посиделки, и поэтому не обошлось без выпивки. Надевая короткий приталенный кожушок, он улыбнулся нам и сказал: «Зачем панам офицерам скучать дома? Пойдемте вместе!» Предложение пришлось нам по душе, и, движимые любопытством, мы увязались вслед за младшим братом хозяина. Владек привел нас к хате с высоким крыльцом. За стеной ее раздавались веселые звуки гармони и

скрипки, слышался перестук каблуков. Мы вошли и поздоровались. По лавкам вдоль стен, шушукаясь и пересмеиваясь, рассаживались только что танцевавшие девчата. Они с любопытством поглядывали в нашу сторону, пока мы гурьбой неловко топтались у порога. Хозяйка хаты приветливо распорядилась. Нас усадили на лавку у самой печи, в центре комнаты, должно быть, для всеобщего обозрения. Рядом со мной оказалась хорошенькая «паненка», но танцевать, да еще и не по-нашему, я так и не осмелился, в то время как мои приятели веселились вовсю. Федор уже сбросил шинель и то плясал, то играл сам на гармошке, а у меня под шинелью рабочая гимнастерка, и это стесняло меня. Вскоре сквозь шинельное сукно спина моя почувствовала благотворное тепло, идущее от жарко натопленной печи. А после дня, проведенного в трудах на морозе, страшно захотелось спать. Героически борюсь с навалившейся дремотой... и вдруг просыпаюсь от крепкого дружеского толчка. Вздрогнув, роняю с колен шапку, и, нагнувшись за нею, краем глаза вижу, как весело переглядываются девушки, а смехач Федька плюхается с размаху на лавку рядом со мной, подмигивает девчонкам, весело скаля белые зубы, и лихо подкручивает почти невидимые золотисто-белобрысые усишки. Надо сказать, что мы, то есть Павел, Федор и я, вот уже около месяца упорно отращиваем усы, несмотря на то что товарищи весело потешаются над этим мушкетерско-гусарским украшением. А один остряк, из водителей постарше, даже непочтительно сравнил как-то (каково это было слышать Федьке!) нашу растительность под носом с тою, что имеется у телушки на одном месте, которое и называть-то неудобно.

Моя соседка, смешливая девушка, вся раскрасневшись, осторожно прыскает в ладошку, чтобы не обидеть гостя. Это был полнейший конфуз. Вскочив с места и кое-как распрощавшись, отправляюсь на нашу квартиру (пока не готовы землянки, нам разрешили ночевать в Долобове).

26 декабря

Сегодня, говорят мирные жители, поляки, «понедзялок» – тяжелый день. А мы уже давно забыли о том, что у дней названия есть: на войне выходных не бывает.

Весь день работаем. Пока светло, жжем костры, оттаивая землю над будущими котлованами под землянки; заодно над костром по очереди прожариваем одежду: вши опять перешли в наступление. Нашу землянку завтра только покрыть – и

новоселье.

Было офицерское совещание, на котором не узнал ничего нового. Зато сводка поступила хорошая: окружен Будапешт; в Венгрии сформировано новое национальное правительство.

Двоюродный брат Сергей воюет как раз там. Он разведчик в пехоте. От него приходят редкие письма, всегда бодрые, частенько с шутливой подначкой. Получив мою малую фотокарточку, Сергей с притворным испугом сообщал в ответном письме, что не смог разобрать, какого калибра звездочки на моих погонах и сколько просветов: один или два. В конце письма начертал размашисто: «Гвардии ефрейтор С. Бураков».

Я хотел было обидеться, но спустя несколько дней в тон ему отвечал, что он настолько проникся почтительностью к субординации, что даже готов, вместо слова «брат», употреблять при обращении воинское звание. И подписался: «Гвардии маленький подполковник».

27 декабря

Забит последний гвоздь и брошена последняя лопата мерзлого песку: небольшая, на двенадцать человек, офицерская землянка нашей батареи готова. Устраиваемся в ней быстро, но без паники.

В дальнем конце землянки – единственное оконце. Под ним – маленький квадратный столик на одной толстой ноге, которая крепко врыта в землю. Вдоль всей землянки – проход в виде углубления в земле, шириной в метр, глубиной в полметра. Слева и справа от прохода – земляные нары. На них – постель из толстого слоя хвойных лап, прикрытых плащ-палатками. Вход в землянку защищен тамбуром, дверьми в котором служат две плащ-палатки. Печь – конечно же незаменимая «буржуйка», установленная в земляной нише, слева от ступенек, по которым спускаешься в наше жилище. «И дом готов, и крыша есть». Хоть зимуй.

Вечером заступаю дежурным по парку боевых машин. Так как помощник сегодня у меня надежный, мне удалось ненадолго отлучиться в санчасть проводить Павла. Его эвакуируют в госпиталь с какой-то желтухой. Медсестра Наташа растолковала, что это очень неприятная болезнь печени, нередко затяжная, и что различают инфекционную (болезнь Боткина) и механическую желтуху. У Пашки предполагают первую. Уезжая, он, мучимый какими-то мрачными предчувствиями, дважды попросил меня присматривать за Федькой, который, не зная об отъезде друга,

уже закатился в Долобово: должно быть, втюрился в какую-нибудь паненку.

Ночью поднялась вьюга, крутит и свищет по-разбойничьи над низкими крышами землянок. Часовые возле машин мерзнут, некоторые, стоя с подветренной стороны, подремывают в обнимку с автоматом, засунув рукав в рукав и подняв воротник. Пришлось сперва нерадивых гонять, то и дело проверяя посты, а затем просто менять почаще.

28 декабря

Хозвзвод разродился наконец баней. Она подземная, в глубоком блиндаже. Внизу не холодно, но противно во время мытья стоять чуть ли не по колено в холодной грязной воде, которая, по идее создателей бани, должна бы была впитываться в песчаный грунт, однако только скапливалась на дне блиндажа. Вымывшись кое-как, поднимаешься, стараясь не испачкаться о слезоточащие земляные стены, по скользким крутым ступенькам в надземный предбанник – брезентовую палатку с еле дымящей железной печкой и хвойной заиндевевшей подстилкой под ногами. Клацая зубами, торопливо вытираешься новым вафельным полотенцем, плохо вбирающим в себя влагу, затем натягиваешь на влажное тело сопротивляющееся чистое белье и быстро влезаешь в верхние зимние доспехи. За пологом палатки сразу начинает щипать за щеки и за нос крепкий морозный воздух, настоянный на сосновой и еловой хвое.

Вечером снова ходили в село. На этот раз пускаюсь в пляс. Ничего, получается. В перерывах между танцами то поем наши песни, то слушаем, как поют польские девчата. Хорошо поют! Ушел пораньше, потому что совсем не спал прошлую, «дежурную» ночь. «Воротился старик к своей землянке...» – продекламировал мне вслед Федька, скорчив постную мину, и девушки засмеялись. Многие из них не только понимают, но и неплохо разговаривают по-русски. Славянки все-таки, хотя и западные.

29 декабря

Второй день уж идут у нас регулярные занятия, чтобы народ без дела не ржавел.

С кормежкой плоховато. Из надоевшего всем до чертиков пшенного супа («кондера», как называет его Нил) предварительно вылавливаем ложкой мелких толстеньких червячков...

30 декабря

Работал полдня на машине, потом готовились с Федькой к встрече Нового года: выпустили втроем праздничную стенгазету (помог Митя Салов), затем раздобыли в РТО подходящую доску, в санчасти – утюг и тщательно отгладили верхнее обмундирование, не забыв пройтись раскаленным чугуном и по швам нижнего бельишка.

31 декабря

Строевой смотр – обычное дело накануне праздника. «Врубили» по лесной дороге по-гвардейски, как положено, хотя на каждом шагу из-под снега, укатанного гусеницами, предательски выпирают узловатые еловые корни. Судя по всему, начальство полком довольно.

Метрах в трехстах от парка боевых машин облюбовали просторную поляну с пушистой красавицей елью посредине. Под нею расчистили лопатами широкий круг для танцев. Чем тебе не зал!

На ели украшения: переноски, колпачки которых затянуты красной материей, бумажные гирлянды различной формы и даже замысловатые ажурные фонарики, вроде китайских, изготовленные под руководством механика-водителя Миши Корешкова.

С открытием новогоднего «бала», в 22.30, подсветили ель снизу двумя фарами, снятыми для этого случая с самоходок. Погода позволяет: небо сплошь затянуто тучами. В ярком свете фар летают, кружась, пушистые снежинки и мягко опускаются на головные уборы и плечи танцующих. Одни ребята, среди толпы которых не сразу-то заметишь тонкую Наташу, или плотную Нину, или докторшу, – и все равно романтично. Это просто какая-то лесная сказка! Мелькнет перед тобою то запорошенная снегом спина, то молодое лицо, безусое, разрумянившееся от движения на морозе. Чередуются знакомые и незнакомые, но одинаково дорогие лица твоих однополчан, товарищей и друзей. Танцуют ребята, как будто позабыв про камни и пепел родных своих городов и деревенек, про стоны варварски разрушаемой фашистами Варшавы за совсем недалекой Вислой, про людские слезы и кровь, полмира залившие. Танцуют и пляшут с упоением, словно не им, быть может, завтра идти в бой и не им горестно недосчитаться многих из собравшихся здесь в предновогодний час, который всегда вселяет в человека самые радужные надежды.

Баянисты заиграли нашу с Митей любимую «Ночь над Белградом». И под нее танцуют ребята. Замечаю, что не только у меня беззвучно шевелятся губы, повторяя: «В бой, славяне! Заря впереди...» Вам, дорогие друзья мои, предстоит завершить великое и правое дело. И пусть же вам всем сопутствует военное счастье, и не будем сегодня думать о смерти...

Все наши водители – «старики» здесь: Алексей Ходосько, Нил Цибин, Леша Панасенко, оба Миши – Краснухин и Корешков, Бараненко Вася, Коля Кунгуров, Братцев Витя, два Феди – Буянов и Сидоров, бывший магаданский бухгалтер Дударенко, с благообразным и в то же время хитроватым лицом, за что его и величают обычно по имени-отчеству, я – двенадцатый. Остальные девять механиков – новые.

Мы с Федором тоже танцевали, пока он не выбился из сил. Снегу все подсыпает, и заниматься Федьке моим «вождением» при таких условиях – дело тяжелое.

Мягко вздыхая басами, играет баян... Под открытым небом выступают солисты-добровольцы. А наш курский Миша, оказывается, недурно поет! Устанет баянист – льется тихая, по-русски раздумчивая и раздольная, полная сдержанной силы, родная мелодия, звуки которой заставляют то трепетать, то сладко сжиматься сердце. Большой радиоприемник, настроенный на московскую волну, установлен на пустых снарядных ящиках здесь же, под празднично светящейся елью.

Последние сутки старого боевого года неприметно приблизились к концу. Замполит, что стоял, нахохлившись, у самого елового ствола, наблюдая за «балом», поднял вдруг руку – фары погасли, и голос из далекой столицы взволнованно поздравил нас с наступающим Новым годом и пожелал счастья. Все торопливо бросились бежать к своим землянкам, чтобы успеть вовремя поднять «бокалы» вместе с остальными фронтами и с нашим надежным глубоким тылом. Офицерский вечер батареи – в нашей землянке. Успели: до нее рукой подать.

Здравствуй, Новый, 1945-й! Добро пожаловать к нам, на 2-й Белорусский!

1945 год

1 января

Не без некоторой толкотни заняв места «по боевому расписанию», уже под звуки гимна дружно поднимаем тост за окончание войны в этом году.

Под низким потолком землянки сверкает надраенной медью и ужасно коптит рогатая многофитильная люстра, специально сооруженная для праздника из 76-миллиметровой и нескольких патронных гильз. Бесподобный светильник этот является предметом зависти всех землянок.

На столике у оконца – миниатюрная, изящная елочка. В проходе между нарами – длинный праздничный стол из поставленных на ребро снарядных ящиков, накрытых, вместо скатерти, газетами. На нем – все, что только смог ниспослать нам – из-за своей огромной перегруженности – Арес, бог войны: наш сегодняшний ужин – остывающая пшенная каша, приправленная ниточками консервированного мяса и горохом; толсто нарезанные (большому куску душа радуется) ломти ржаного хлеба; дико пересоленная колбаса, извлеченная из длинных жестяных банок («американская помощь»); раздобытые в Долобове шматки сала, головки чеснока, лука, соленые огурцы и главное – батарея разнокалиберных бутылок с «замоцным, холера ясно!» бимбером, загорающимся от спички.

В самом начале года пришли в нашу землянку, самую веселую и дружную, командир полка и Каневский, а с ними вместе и баянист. Гвардии подполковник кратко поздравил всех собравшихся с новым наступательным, как он подчеркнул, годом, пожелал здоровья и удач в предстоящих ратных делах. Все весело подхватили тост и с аппетитом принялись заедать его. Сам командир наш почти не прикоснулся к угощению. Лицо его показалось мне утомленным и болезненным.

Под баян замечательно поется. И мы пели. И пили. Потом развеселившиеся ребята начали выступать каждый в своем амплуа – кто во что горазд, и все – очень хорошо. Во всяком случае, все выступления солистов были встречены с горячим одобрением.

Стали появляться гости из соседних землянок, и скоро у нас сделалось тесно и душно, так что пришлось откинуть полы обеих плащ-палаток, заменяющих двери.

Когда вошли Нил с Алексеем, майор Каневский, сидящий

рядом с командиром на почетном месте, в центре, подождав, пока они не устроились среди нас на нарах, приветливо спросил через «стол»:

– Нил Тимофеевич! А помните, как мы с вами в Прибалтике воевали?

Нил мрачно кивнул и, прикрывая саркастическую усмешку рукой с зажатым в ней стаканом, незаметно подмигнул мне. Живо представив себе лицо нашего замполита, выглядывающего из-под пушки со сбитой на ухо фуражкой, я испуганным голосом вопрошаю:

– Нил Тимофеевич, как ваше самочувствие?

И тут мы все трое не выдерживаем и хохочем до слез. Никто за столом ничего не понял, а майор, отсмеявшись, предложил тост за боевую дружбу и за то, чтобы из любой передряги все присутствующие всегда выходили бы благополучно.

Веселье длилось долго и после ухода начальства, так что спать мы улеглись лишь в четыре часа. Но отбоя сразу не получилось: комбат Фруктов с командиром машины Володькой Федоровым, сыном комполка, крепко «воодушевившись», продолжали дуэтом орать песни, да так громко и не в лад, что вывели меня из терпения. Обитатели землянки, ругаясь, стали подниматься со своих мест, и тогда оба маэстро поспешили ретироваться на свежий воздух.

Выспались сегодня отлично, потому что занятий не было. А вечером мы «правильно», как у нас говорится, отпраздновали Новый год уже всем экипажем.

3 января

Работаем на машине: ввиду сильного похолодания приказано убрать аккумуляторы в аккумуляторную. Только снял один (хорошо, что второй не успел) – боевая тревога! Она закончилась переездом всего метров на сто в глубь леса. Это чтобы мы гуляли, да не загуливались. Проверяют, как мы готовы. А мы всегда готовы!

Днем была техническая конференция водителей, посвященная вопросам зимней эксплуатации техники, а вечером, когда совсем стемнело, смотрели в своем лесу, под еловой крышей, пританцовывая на морозе, кинофильм «Большая семья».

Пользуясь свободной минутой, записываю данные о своем шестом экипаже:

– командир машины (командир нашего взвода) – гвардии лейтенант Батищев Дмитрий Яковлевич, 36 лет;

– наводчик – гвардии старшина Герасименков Иван Павлович, 39 лет;

– заряжающий – гвардии рядовой Семенов Анатолий Сергеевич, мой ровесник, сибиряк, из медвежьего угла Тюменской области;

– замковый – гвардии сержант Костылев Николай Романович, уралец, родом из Верхотурского района Свердловской области, коренастый, словно литой, крепыш. Николай мне нравится не потому только, что является моим первым помощником, надежным и знающим свое дело, но и за сообразительность, добросовестность и покладистость.

4 января

Начался техосмотр. Работали весь световой день.

А вечером меня приняли на заседании партбюро полка в кандидаты ВКП(б). Все происходило очень просто, и мне было радостно и почему-то страшновато. Знакомые лица парторга, замполита, агитатора полка, моих рекомендующих и других товарищей показались мне какими-то необычными, строгими и торжественными одновременно. Голос у меня прерывался от волнения, когда нужно было отвечать на вопросы... Выслушав поздравления и поблагодарив за оказанное доверие, окрыленный, выхожу из землянки в лесную темь и долго брожу в одиночестве взад и вперед по лесной дороге, между землянками и парком боевых машин.

6 января

Ходили на охоту вчетвером: наша неразлучная тройка и присоединившийся к нам Федя Буянов. Карабины нам одолжили в РТО. Решено было хоть зайчишку подстрелить: так набила оскомину бесконечная пшенка на первое и на второе.

И вот мы вчетвером очутились вне расположения полка, то есть в глубине леса. Старые сосны и ели, укутанные снегом, как белыми маскхалатами, угрюмо высятся вокруг. Сумеречно. Всезнающий Федя Сидоров уверенно ведет нас к какой-то большой поляне или вырубке, где много кустарника и где жируют косые. На ближних подступах к поляне, на намеченном Федей «рубеже развертывания», решаем разделиться и действовать парами на левом и правом флангах так, чтобы сойтись потом на противоположной опушке. Мы с Федором отправились вправо,

взяв карабины на изготовку. Следы зайцев попадались действительно часто, но еще больше было следов солдатских сапог. Мы оказались не самыми первыми любителями свежей дичинки.

Минут через двадцать на той стороне вырубки гулко ударил в тиши винтовочный выстрел. Мы насторожились: товарищи наши не могли так быстро обойти поляну по глубокому снегу. Спустя несколько минут раздались еще выстрелы и громкое улюлюканье.

Вдруг почти под ноги нам выскочил из-за валежины крупный беляк, видимо насмерть перепуганный. От неожиданности он присел на длинные задние лапы и застыл столбом. Бока его часто-часто вздымались и опускались. Несколько секунд оба «охотника» и зверек в упор разглядывали друг друга. Опомнившись, мы с Федором разом вскинули карабины, а заяц, молниеносно сделав заднее сальто, усталыми, короткими скачками пустился наутек. Посланные вдогонку пули только взбили белые фонтанчики слева и справа от беглеца... Больше нам ничего не встретилось, зато все чаще стали раздаваться в разных местах выстрелы, и две или три заблудившиеся пульки просвистели низко над нами. Здраво рассудив, что своя голова дороже зайчатины, мы отступили к условленному месту сбора, укрываясь за толстыми стволами деревьев. В лесу быстро темнело, и скоро возвратились второй Федя с Анатолием, тоже пустые.

В землянке своей мы застали гвардии подполковника Уткина, начштаба, который как раз заканчивал обход подразделений, предупреждая офицеров о возможности тревог. Едва затих скрип его шагов – тревога! Ее устроил неожиданно нагрянувший командарм, генерал-полковник Вольский. Проверкой боеготовности он был удовлетворен.

А охотиться мы больше не ходили, несмотря на подначки обитателей обеих землянок, натравивших нас на зайцев.

7 января

Парковый день. Вечером заступаю дежурным по парку боевых машин.

8 января

Тщательно камуфлируем машины. Завтра полк в полном составе выезжает на боевые стрельбы. Все готово!

9 января

Стрельбы прошли нормально. Наш наводчик стрелять умеет. 250 часов вождения.

Вечером состоялось полковое комсомольское собрание. Меня избрали членом комсомольского бюро полка.

10 января

Заседание комсомольского бюро. По-деловому обсудили вопрос о боеготовности всех подразделений и полка в целом. Машины все до единой в порядке, и настроение у ребят боевое: пора Гитлера кончать, да и отдохнули достаточно.

Хозяйственники сегодня порадовали: вымыли весь полк в усовершенствованной бане-землянке, где – в отличие от первой, предновогодней, – было тепло и не скапливалась холодная грязная вода на полу.

14 января

Совершив обратный марш в Бельск, мы без промедления погрузились, и эшелону тотчас была дана «зеленая улица»: нас ждут. Машины держим на прогреве. Все в полной готовности.

Мы входим в состав 29-го гвардейского танкового корпуса генерал-майора Малахова и приданы 31-й гвардейской танковой бригаде. Она укомплектована новенькими Т-34-85 с сильной 85-миллиметровой пушкой. Совместно с этими машинами нам уже приходилось действовать вместе в Латвии и Эстонии.

Сообщили нам наконец и имя командующего нашей 5-й гвардейской танковой армии: генерал-полковник Вольский Василий Тимофеевич.

А 1-й Украинский, наш сосед слева, уже наступает южнее Варшавы, и мы нетерпеливо, напряженно ждем своего часа. Судя по тому, сколько и чего было сосредоточено в районе нашей дислокации, пытаемся строить предположения о масштабах начавшегося наступления.

16 января

Глухой ночью разгрузились на безвестном полустанке и сразу на марш.

Где-то впереди, в направлении нашего движения, идет страшная «молотьба»: перекатывается волнами непрерывный тяжкий гул канонады. Это общевойсковые армии вгрызаются в глубоко эшелонированную оборону противника, прорубая «коридор» для 5-й гвардейской, по которому она в нужный момент должна проскочить в тыл врага. Выйдя затем на оперативный простор, наша танковая развернется во всю свою мощь. Общее направление движения – к морю, вдоль Польского коридора, с целью отрезать всю восточнопрусскую группировку фашистских войск от главных сил, которые ведут сейчас упорные оборонительные сражения на фронте от Вислы до Одера.

Обо всем этом мы уже знаем из приказа, с которым нас ознакомили на одной из остановок во время марша.

Конкретные задачи, поставленные перед каждым экипажем, ясны до предела: от колонны далеко не отрываться и тем паче не отставать, если жизнь дорога; впереди идущие машины из виду не терять; все, что ни встретится военного – воинские части, обозы, эшелоны, аэродромы, а также действующие предприятия, электростанции, высоковольтные линии и т. п., – бить, давить, выводить из строя. Решительно продвигаться вперед. Атаковать с ходу, внезапно. Сильно укрепленные узлы обороны обходить: ими займутся наступающие следом армии. Наше дело – дезорганизовать глубокий тыл противника.

Настроение у всех нас приподнятое, чуть ли не праздничное, хотя никто и не ожидает от немцев встречи с хлебом-солью. Нам неизвестно, что там, в Германии, насчет этого думают, но нежданные гости с Востока, которых нацисты и за людей-то не считали, все-таки прибыли и много чего имеют сказать им, завоевателям и грабителям, убийцам и насильникам, заботливо выращенным в разбойном гитлеровском райхе...

Эти сутки завершились форсированным маршем на сближение с противником. Мы следуем со своей 31-й бригадой. Машины новые, и все пока идет как по маслу. Обильный снегопад превратился в сильную метель, что очень помогло нам воспользоваться «коридором», по которому под сильным, но бесприцельным огнем с незначительными потерями прорвались во вражеский тыл наши танки, самоходки, бронетранспортеры из механизированных бригад и даже проскочили заправочные машины и ремлетучки, а немцам дало возможность (дороги им лучше известны, что и говорить) оторваться ночью от наступающих им на пятки походных танковых колонн.

17 января

К полудню настигли поспешно откатывающегося на запад противника. Разведка донесла, что километрах в трех впереди, в широкой котловине между двумя деревнями, стоят, развернувшись в боевой порядок, свыше двух десятков «Тигров», среди них есть и «королевские». Обойти их и оставить у себя за спиной никак нельзя: заклюют. Они, наверное, только и ждут этого, затаившись в низине. Полк ИСов, поддерживаемый нашими ИСУ-152, тотчас выдвинулся вперед, охватывая низину полукольцом с фронта. И когда среди белого поля в пасмурной мгле зачернели грузные, громоздкие туши немецких машин (при всей немецкой аккуратности и дисциплинированности они не были камуфлированы), экипажи принялись за дело, открыв огонь с дистанции около 1500 метров, на которой 88-миллиметровые снаряды немецких танков не очень страшны нашей броне. Полностью скованные боем, немцы даже не заметили, как с тыла к ним подобрались на прямой выстрел Т-34-85 и неожиданно ударили по фашистским танкам. «Тигровое» побоище удалось великолепно: дно котловины и ее склоны там и здесь осветились пылающими «кострами», среди которых бестолково кружили, не зная, куда кинуться, и паля в белый свет, как в копейку, попавшие в ловушку Т-VI. Ни один из них не ушел. Всего два-три танка сумели каким-то чудом вырваться из этого ада, но были подожжены тридцатьчетверками из засад, предусмотрительно устроенных в перелесках и на окраине деревни по ту сторону котловины. Из наших тяжелых машин, что находились в поле моего зрения, совсем был выведен из строя лишь один ИС-2. Он преждевременно сунулся вниз по склону, нарвался на болванку, был подбит и, никем не управляемый, угодил по инерции в деревенский пруд, продавил лед и застрял, круто задрав корму вверх и печально уткнувшись надульным тормозом в воду, выступившую из-подо льда.

У моей самоходки (мы слишком увлеклись преследованием) сшибло снарядом средний поддерживающий каток. И счастье наше, что фрицы вообще нам борт не продырявили. Мы поскорей подтянули гусеницу и продолжали двигаться без катка, стараясь не отстать от полка, но на обледенелой дороге с крутым закруглением машину вдруг понесло, правая гусеница соскочила в канаве и сорвала еще и первый поддерживающий каток. Лихо! Только мы принялись за дело – ремонтники тут как тут. Вот молодцы! Однако отремонтировали они ходовую часть так поздно, что заночевали мы все вместе прямо в поле. 272 часа вождения.

18 января

С рассветом заторопились, не забывая о предосторожности, вслед за полком. В пути потешные картинки: лежат вповалку вдоль обочин высокие «Генералы Гранты», опрокинувшиеся на поворотах. Тут им не Африка, конечно... Гонимся несколько часов без остановки – наших все не видать. Вот это темпы! В течение дня отставших уже четверо собралось: два ИСа и две ИСУ. Стало веселее. Двигались поэтому более уверенно и быстро и все же присоединились к полку только вечером. Сделать это удалось благодаря Дмитрию Батищеву, который возглавлял по старшинству нашу «маршевую роту», но чем мой командир руководствовался в теперешней сложной обстановке – осталось для меня загадкой. Может быть, просто повезло нам? Впрочем, Суворов насчет везения свое мнение имел. Радуемся: опять мы вместе со своими, и все наши опасения и тревоги позади.

А в колонне словно только и ждали появления заблудших машин: взревели моторы – и полк снова ринулся вперед.

В поле куролесит такая завируха, что лишь на гусеницах и проедешь, да и то временами пятясь назад и с разгону расталкивая лбом глубокие сугробы. С какой скоростью наша мотопехота сейчас движется – представить нетрудно. Веду машину, изо всех сил таращась из-под отяжелевших век на крохотный красный светлячок – столовый сигнал на корме впереди. И все-таки, как ни напрягался, чуть было не уткнулся пушкой в башню Федькиной самоходки: задремал на минуту.

Когда уже совсем невмоготу сделалось бороться с сонной апатией, колонна вдруг остановилась. Командиров машин и комбатов срочно вызвали в голову колонны. Не глуша двигателя, вылезаю из машины, чтобы глубоко вдохнуть зимнего ветру и взбодриться. Самоходки наши стоят на деревенской улице гуськом. Минут через десять возвратился Батищев и шепнул мне по секрету, что даже сама разведка на гусеничных бронетранспортерах не то увязла, не то заблудилась среди метели. Закуриваем. Мимо нас неторопливо прошли два разведчика в просторных белых масккостюмах с откинутыми капюшонами, неся в охапке съестные припасы: хлеб, консервы и – к нашей зависти – свежие яйца. Следом вынырнул из метели третий, прижимая к груди кучку морковин. «Сырая морковь им положена, чтобы зрение не ослабевало», – объяснил мой командир. Ремонтники, позвякивая инструментом в железных ящичках, протрусили вдоль колонны ставить поддерживающие катки Махневу и Буянову.

И неожиданная радость: водителям разрешено соснуть пару часов в горизонтальном положении. Ко мне быстро подошел Федя Буянов и, подхватив под руку, увлек с собою. Мы выбрали

длинный низкий кирпичный дом, стоящий в трех десятках метров от моей машины. Предупредив Дмитрия Яковлевича Батищев о том, где будем находиться, мы с приятелем, пошатываясь от усталости и бессонницы, ввалились в помещение. Там было тепло натоплено, но нищета обстановки заставила невольно сжаться мое сердце: голые, небеленые стены; примитивная, грубо сколоченная мебель; вместо кроватей – какое-то подобие нар с охапками соломы. Хозяевами, конечно, оказались поляки. Нас угостили молоком и белым хлебом. Молоко мы с удовольствием выпили, а хлеб, поблагодарив, спрятали в карман и объяснили, что смертельно хотим спать... «Панцернем раздецкем тшеба шпаць», – перевел седоусый мужчина и широко повел рукою вдоль нар, предлагая нам самим выбрать себе место. Мы с Буяновым дружно шагнули к ложу за простенком возле дверей и, рухнув на солому, мгновенно забылись тяжелым сном...

19 января

Я почувствовал, что меня сильно трясут за плечо, но глаза никак не хотели разлипаться. Только магическое «По машинам!» заставило меня подняться на ноги. Сколько труда пришлось положить Дмитрию Яковлевичу, чтобы вырвать нас с Федей из царства Морфея, – не знаю. Неловко толкая друг друга со сна, мы вышли следом за моим командиром на улицу. Резкий ветер с колючим снегом, ударивший в лицо, окончательно вернул нас к действительности.

Марш продолжался всю ночь, до шести часов утра. И тут мы снова стали на «ночевку», так как в нашей колонне решительно никто не знал, куда именно нужно ехать, чтобы это было вперед.

Когда достаточно рассвело, быстро двинулись дальше. Проезжаем деревеньки, села. Если они польские, то жители встречают нас далеко перед околицей, бросая на машины цветы. Большим букетом нечаянно закрыло мой смотровой люк. Втягиваю цветы внутрь. Живые! В январе... Слезы навернулись на глаза, однако восторгаться некогда. Дружно идут машины, басовито гудя новыми моторами на подъеме. Слева и справа от узенького шоссе тянется жиденький лес. И вдруг впереди, на фоне пасмурного неба, словно из-под земли, возникает одинокий столб, увенчанный сверху зловещей черной хищной птицей. У нее квадратные плечи, а в когтях – круг с фашистской свастикой. Не сбавляя скорости, злобно дергаю на себя правый рычаг, и послушная машина с разбегу сбивает грудью пограничный знак с ненавистным гербом.

– Поздравляю экипаж с прибытием в логово! – прозвучал в наушниках нарочито спокойный голос командира. – Приказываю держать ухо востро! Глаз с опушек и отдельно стоящих предметов, особенно построек, не спускать! За воздухом следить!

Минут через пятнадцать после ничем не отмеченного вступления третьей батареи Краматорского полка в Восточную Пруссию налетели быстрые мессеры, начали пугать, пикируя на колонну и ошалело проносясь над самыми нашими башнями, но танки и самоходки только скорость увеличили и продолжали движение вперед. Истребители не унимались. Тогда машины сошли с шоссе, благо местность была подходящая, ровная, и помчались слева и справа от него, рыская зигзагами. У фашистских асов глаза разбежались и охотничий азарт разгорелся. Как тут не пожалеть, что ДШК у нас на башне больше не устанавливают!

Фриц почему-то облюбовал именно мою самоходку, хотя все они похожи как две капли воды, поэтому решаю заскочить в опушку рощицы, но она так худосочна и по-зимнему редка, что просматривается насквозь. И «Мессершмитт», снизясь почти до бреющего полета, тотчас «капнул» на нас своими бомбочками. Немецкая флора в результате этого несколько пострадала, а нашей броне ничего не сделалось.

Когда самолеты наконец скрылись и наши машины, не получив ни единого повреждения, снова собрались в колонну и покатили по шоссе дальше, увидели мы, как километрах в двух левее нас, над каким-то фольварком, стоящим на параллельной дороге, рьяно бросаются друг за другом в пике больше десятка Ю-87. Там нашим ребятам, наверно, не сладко пришлось, потому что обрушилась даже остроглазая кирха, высокомерно торчавшая над красными черепичными крышами одноэтажных домов.

Однако по стольким дорогам бежит к морю, развернувшись громадным веером, 5-я гвардейская, что самолетиков у фрица явно не хватает.

Проезжали мимо спиртзавода. Наш взводный распорядился заправить, не мешкая, пустой дополнительный девяностолитровый топливный бак чистым спиртом. Теперь будет чем согреться на биваке холодном; глоток спирта и встряхнуться нам поможет, коль усталость одолевать начнет во время изнурительных маршей; есть чем нам и братьев-поляков угостить. Им тут, надо прямо сказать, так несладко жилось, что даже невооруженным глазом сразу заметить можно.

Плачут от радости поляки, благодарят сердечно, выносят к колонне съестное, делясь скудным припасом, потчуют хлопцев. Прижимистый, хозяйственный Герасименков скрепя сердце

(освобождай, да еще и угощай!) подносит немногочисленным мужчинам по маленькой, стограммовой, алюминиевой кружечке от питьевого бачка. Один из крестьян, бледнолицый и слабый на вид, чуть было не задохнулся, глотнув «эликсира бодрости», но ему предупредительно сунули в руки котелок с холодной водой. Жадно отпив несколько больших глотков, он перевел наконец дух, отер тыльной стороной ладони выступившие слезы и улыбнулся виновато:

– Замоцна, холера! Але вшистко в пожондку, Панове. Пше прашам, товаржищи! Дзенькуем бардзе!

Нина-санинструктор то ли с неодобрением, то ли шутя заметила, что, дескать, прикладываемся «всю дорогу». Так ведь дорога-то какая! И сколько радостных встреч! Ну а меру знает каждый: не на прогулке в Загорске мы и на тот свет не торопимся, да еще в такой ответственный момент.

И снова ревут двигатели, и снова извивается, следуя изгибам дороги, длинное бронированное тело колонны. «А война пошла такая: бей, гони, перенимай!» Настороженно глядят на «землю незнаему» жерла длинных и грозных танковых пушек. Командиры машин и наводчики, до пояса высунувшись из люков и загородясь бронекрышками, ведут неослабное круговое наблюдение: гляди в оба – и зри в три!

Этой ночью без особого шума (кто-то, удирая в темноту, пострелял с испугу из автоматов) заняли небольшую железнодорожную станцию и остановились. Штаб полка тоже здесь: отставать от колонны боевых машин ему небезопасно. По приказу комполка машины нашей батареи повзводно заняли позиции по обе стороны станции, в посадке. Она состоит из трех рядов деревьев и отделяет железную дорогу от шоссе. Орудия самоходок наведены на пути – на случай появления немецкого бронепоезда, который кочует где-то поблизости, как предупредила разведка.

Немецкое командование, надо думать, давно уже сообразило, что происходит у него в тылу, и принимает свои меры, но никак не успевает: бьют русские и в хвост и в гриву, и пребольно. Ударят танкисты неожиданно здесь, а через час они уже так далеко, что и след простыл: ищи-свищи.

Пока все тихо, экипажи подкрепляются кто чем. О нашем чудо-баке, конечно, узнали все, и потянулись, как на огонек, делегаты с котелками со всех машин. Ну как туг было отказать! Даже из штаба, с комфортом расположившегося в теплом, чистеньком вокзальчике (железная дорога действует!), посыльный приходил. Так что к исходу суток у нас остался только НЗ – один 4-литровый бачок питьевой, который Палыч (Иван Герасименков),

сердито ворча, припрятал подальше. 304 часа вождения.

20 января

Ночь прошла спокойно: дремали в машинах по очереди до утра.

Второй день в Восточной Пруссии. С рассветом – вперед! Засада снималась последней. Пока вытягивалась на шоссе и отползала от станции колонна, ребята с любопытством рассматривали брошенный немцами мотоцикл-вездеход на одной гусенице и с короткой широкой лыжей вместо переднего колеса. Машинка эта, не замеченная нами ночью, стояла за обочиной шоссе, под деревом, и оказалась совершенно исправной и с полным бензобаком. Кто-то из помпотехов завел у находки мотор, потрещал на месте, прогревая, а затем, «бразды пушистые взрывая», описал прямо по снежной целине широкий круг.

Продвигались вперед, как будто на север, долго и без особых происшествий. Немецких жителей никого нет. Должно быть, заранее эвакуированы. Ничего, еще встретимся. Один из автоматчиков с нашей машины, по фамилии Капля, маленького роста, задиристый, с курносым носиком-пуговкой, откровенно уточнил: «Доберемся!» Он из недавних уголовников, которых на 2-м Белорусском много имеется, как говорят, на перевоспитании у Рокоссовского.

В середине дня по приказу своего начальника штаба ненадолго заняли круговую оборону, хотя противника поблизости не было видно. А впрочем, кто сейчас знает, откуда он вдруг объявится и в каком количестве? Для нас фронт – кругом.

В центре нашей обороны расположено богатое баронское имение. Ни в особняке, ни в службах ни души. Ребята, по одному с машины, отправились на разведку съестного. Кроме разной живой птицы в проволочных вольерах, они ничего не обнаружили, зато притащили из винного погреба охапку длинногорлых бутылок с разноцветными диковинными этикетками. С трудом повыбивали пробки, попробовали – кислятина и никакой крепости. Вышли из положения: развели спирт этим баронским питьем. Дмитрий Яковлевич, узнав об этом, ужаснулся и обозвал «виноделов» варварами за то, что они испортили марочное сухое вино.

– Как так сухое? – удивился Капля. – По мне – всякое вино мокрое.

Закусили разными вареньями и консервированными фруктами, но есть после них захотелось еще сильней.

От нечего делать отправляюсь на «экскурсию» в главное здание. Оно белое, одноэтажное, с широкими окнами. Пройдя сквозь зеркальные двери в роскошный вестибюль, отделанный орехом, очень светлый из-за высоких окон с зеркальными простенками, осматриваюсь с любопытством: паркет сияет, будто горит, отражая солнечные лучи; вдоль стены, слева и справа от входных дверей, тянется невысокая стойка (по-нашему стеллаж), тоже из полированного орехового дерева; на ней несколько высоких черных атласных цилиндров, в каких карикатуристы изображают Чемберленов и К°; один из них сложен и лежит как черная тарелка с белым дном; складной цилиндр – новость для меня.

Из прихожей застекленные двери выводят налево и направо. Через левую двустворчатую дверь с литыми бронзовыми фигурными ручками шествую, озираясь и стараясь не оскальзываться на паркете, и попадаю в диванную. Наружная стена комнаты полукруглая, с двумя окнами. В простенке между ними установлен буфет из черного дуба, украшенный резьбой. На его полках сверкает хрустальная посуда разных калибров и фасонов – для возлияний. Середину комнаты занимает двойная широкая и низкая софа с невысокими черными столиками с обеих сторон. Присаживаюсь на мягком, но тотчас поднимаюсь на ноги: так и тянет улечься и храпануть. Напротив софы, в углу, мягко тикают огромные, в рост человека, часы, тоже из черного дерева. Батищев объяснил потом, что это кабинетные.

Продолжить осмотр баронского гнезда дальше не пришлось: на улице громко рыкнул, заводясь, двигатель чьей-то машины. Уже шагнув к двери, замечаю на буфете, за большою вазой, овальную гранату, похожую на нашу Ф-1, только поменьше размером и с гладкой, без насечки, рубашкой. Граната раскрашена, как детский мячик: одна половина красная, другая – синяя. Запал вставлен. Это насторожило. Кто и зачем ее оставил? Проверив глазами, нет ли какого подвоха, прихватываю гранатку с собой и бегом к машине. В карманах комбинезона над коленями у меня болтается по одной «лимонке». Трофейную сую в карман ватника, надетого поверх комбинезона: запас карман не рвет.

У машины Колька Капля, опершись локтем на крыло, меланхолически посасывает махорочную цигарку и, после каждой затяжки сплевывая на снег, доказывает что-то своему напарнику Рубилкину. Это второй наш автоматчик, парень лет двадцати, с Западной Украины. Призван недавно. Фамилия ему тоже очень подходит, как и Капле, но только по совсем другой причине: природа наградила его внушительным носом, какие у нас в шутку именуются «рубильниками». У ребят, видимо, продолжается

какой-то спор. Они меня не замечают.

– Нет, ты мне не ботай про ваших файных хохлушек. Далеко они. Сейчас самое время баронессу какую пощупать. И чего стоим?

Теперь уж сплюнул Рубилкин и ничего не ответил.

Костылев с Семеновым, улыбаясь, вручили мне подарки: темно-коричневую блок-книжку – под стихи и маленькую деревянную шахматную доску, размером 15 на 15 сантиметров, с красивыми резными крошечными фигурками, которые плотно держались на полях доски с помощью шипа и отверстия. Тронутый дружеским вниманием, обещаю Коле Костылеву непременно обучить его игре, изобретенной во время оно безвестным мудрым индусом, а Николай шутливо добавляет обычное в таких случаях «если живы будем...».

И снова команда: «По местам! Заводи!»

Все экипажи готовы к немедленному действию, радостно возбуждены, и трудно сразу разобраться, кто из людей «принял для храбрости», а кто воздержался. Рубилкин, с неподдельным удивлением наблюдавший с крыла самоходки, как быстро большая наша колонна приготовилась к движению, только головой покрутил и одобрительно заметил:

– Н-ну, славяне! Туго свое дело знают...

В наушниках голос Дмитрия Яковлевича приказывает: «Вперед!» – и наша машина плавно трогается, выходит на дорогу и набирает скорость.

По шоссе неудержимо катятся, заставляя дрожать чужую землю, грозные ИСы, страшные любому фашистскому бронезверю ИСУ-152, быстрые и верткие Т-34, и все глубже вонзаются в немецкий тыл бронированные клинья двух танковых корпусов.

Слева по ходу замаячила вдалеке дымящая (!) кирпичная заводская труба. Завод работать на гитлерюг не должен. Трубу приказано сбить взводу Батищева. Он разворачивает самоходки прямо на дороге. «Далековато, однако», – слышится в ТПУ недовольное ворчание нашего почтенного Палыча, который, стоя за моей спиной, старательно крутит маховички наводки. Три ИСУ ударили вразнобой. Два снаряда прошли мимо цели. Самый умный наводчик прицелился в основание трубы – плоская крыша приземистого здания, должно быть котельной, вспучилась и беззвучно, как в немом кино, лопнула, высоко выбросив вверх черно-белое облако дыма и пара. Труба (попробуй попасть в такую ниточку!) продолжала стоять, но уже бесполезная.

Часа через два непрерывной гонки по шоссе, выскочив из машины на короткой остановке, привычно окидываю взглядом правую гусеницу, щупаю рукой выпуклые броневые колпаки над

подшипниками опорных катков. При проверке ходовой части левого борта обнаруживаю два нагревшихся колпака. Один из них, на третьем катке, даже горячий. Приказываю Костылеву срочно набить шприц солидолом и докладываю командиру. Дмитрий Яковлевич успевает добежать до комбата (тот находится через одну машину от нас) и возвращается с разрешением «подшприцеваться» в ту самую минуту, когда заревели, задвигались машины. Мы с Костылевым уже стоим у «больных» катков с гаечными ключами в руках.

Колонна ушла. Торопливо «солидолимся» и мчимся вдогонку. Карта, склеенная из множества листов и сложенная для удобства в виде гармошки, есть у каждого командира машины, и маршрут следования на ней тщательно обозначен.

Проезжаем по дороге среди прусского леса (в сторону не сверни: молодая густая чаща, заметенная глубоким снегом, теснится на низинном месте, подступая к самым обочинам, и враждебно темнеет в глубине) и вдруг видим впереди СУ-76, или коротко «сучку», печально прижавшуюся к самому краю шоссе. Кто-то из ее экипажа бежит навстречу нашей самоходке, высоко подняв над головой руку. Убираю газ, а человек, убедившись, что на него обратили внимание, замер посреди проезжей части и резко опустил руку вниз – просит остановиться. Торможу, и борта наших машин оказываются рядом. Командир СУ-76 торопливо забирается к нам на правое крыло и объясняет Батищеву, что у них полетел главный и что в полку даже не подозревают об их аварии, а полк весь действует уже где-то впереди. Словом, все было ясно, и Дмитрий Яковлевич, не дослушав «легкого» собрата, дает команду взять «кленовый листок» на буксир, чтобы дотащить ребят хотя бы до первой машины из их части. Положению этого экипажа не позавидуешь: в полном одиночестве, в открытой сверху и совсем неподвижной машине, посреди леса, да еще и в глубине вражеского логова... Мурашки пробежали по моей спине. Кто там следом за нашей колонной на этой самой дороге вдруг появится? Тросы мгновенно наброшены на крюки, обрадованной четверке поднесли «для сугрева» по «колпачку», и пара самоходок – большая и маленькая – цугом покатилась по асфальту вперед, только деревья замелькали.

Через несколько километров лес немного раздвинулся, и по правую руку потянулись одноэтажные стандартные – не отличишь – домики с высокими островерхими красными черепичными крышами. Из дверей безбоязненно повысыпали люди, почти одни женщины и дети. Приблизясь к дороге, они с любопытством глазели на диковинную машину с детенышем на привязи. Меня рассмешили выскочившие на открытое крыльцо одного из

домиков две упитанные, грудастые девицы, удивительно смахивающие, словно близнецы, друг на дружку и в то же время на розовощеких кукол с глупыми выпуклыми глазами. Обе в одинаковых платьях и кружевных фартучках, в курносых башмаках на толстой деревянной подошве, с одинаково взбитыми рыжеватыми волосами. Комично округлив рты и вытаращив глаза, они одновременно всплеснули руками и хлопнули по своим передникам. Деревня (до чего не похожа она на наши!) скоро кончилась, и опять придвинулись деревья к неширокой, но добротной дороге. У нас бы ее назвали шоссе...

Едем быстро. Лес начал отступать, постепенно закругляясь опушками влево и вправо, и, проехав еще с километр, замечаю слева, метрах в ста от обочины, длинный ряд легких СУ, выстроившихся в ровную линию под прикрытием подстриженных деревьев. Командир наш приказал стать.

К лобовой броне подбежал механик-водитель спасенной нами СУ-76, склонился к моему смотровому лючку, благодарно кивнул и протянул руку для пожатия.

Нравятся мне вот такие крепкие, жилистые руки, с черными ободками вокруг ногтей, с грубой от мороза, ветра и солнца кожей, продубленной газойлем и машинным маслом, – рабочие руки, с глубокими ссадинами и нередко с розовато-коричневыми пятнами от ожогов; честные солдатские руки, не отдыхающие по много часов, а то и суток подряд, даже ночью, если нужно спешно исправить повреждение, проверить и отрегулировать механизмы – все для того, чтобы не подвести своих, успеть до рассвета во что бы то ни стало и не опоздать к атаке, зная прекрасно, что она может быть последней для экипажа... Война есть война, с нее не взыщешь, и легких путей к победе не бывает.

Час спустя мы догнали свою батарею. Она шла вместе с ИСами. Тяжелая поступь, густой, могучий рев. Дрожит морозный воздух, дрожит дорога, распластываясь под широкими гусеницами, мелькают дорфы и фольварки с островерхими непривычными кровлями, тянутся по сторонам поля на бывших болотах, исчерченных вдоль и поперек осушительными канавами, канальчиками и каналами. На железнодорожном переезде увидели железобетонные шпалы. Хозяйственно: не сгниют в этом грунте, не промерзающем даже в зимние месяцы. Дмитрий Яковлевич, мирная профессия которого – инженер-транспортник, одобрительно крякает.

Будто вымерший населенный пункт. Страхуя друг друга, машины идут по противоположным сторонам улицы через одну слева и справа. Улица круто пошла вниз, дома вдруг кончились, и наша самоходка очутилась на открытом склоне широкого оврага,

разрезающего немецкую деревню пополам. Останавливаю машину: овраг превращен в противотанковый ров, и прямо перед нами чернеет отвесно срезанный противоположный склон. Солнце садится за той, западной окраиной деревни и слепит глаза, рассыпая веер красноватых лучей параллельно земле.

Болванка со свистом пролетела над нашей башней, и чуть позже донеслось слабое – из-за рева дизелей – короткое тявканье противотанковой пушки. Палыч выругался и захлопнул свой люк. Тотчас ударило второе орудие, и я заметил вспышку выстрела: она сверкнула ниже угла рощицы, за которой снова начинался ряд домов. Батищев приказал довернуть самоходку влево, но вылезший позади нас из проулка ИС-2 быстро и недовольно повел длинным хоботом и презрительно плюнул своим 122-миллиметровым через нашу голову. Красно-черный всплеск разрыва на белом скате – и нахальная пушка опрокинута вверх колесами, а другой расчет кинулся гуськом по узкому ходу сообщения, а потом приударил врассыпную прямо по глубокому красноватому снегу, торопясь перевалить гребень. Рявкнула наша «дуреха», ей эхом отозвался ИС, и все кончилось. Между деревьями, просеивающими солнце, еще мелькали, уменьшаясь, темные фигурки, а из окопов надо рвом уже стали подниматься солдаты с высоко задранными вверх руками. Один из фрицев, в распахнутой шинели, размахивая над головой чем-то белым на длинной палке, смело двинулся вниз, ко рву, навстречу нашей колонне – сдаваться. Остальные, выждав немного, унылой цепочкой потянулись следом за ним. Миролюбие гитлеровцев объяснялось просто: перед оврагом с нашей стороны стояло уже более десятка тяжелых машин, готовых к бою.

Оказалось, что дорога на дне оврага незаметно для нас сворачивает влево и не перерезана рвом, чтобы мог проезжать немецкий транспорт и военная техника. Один огневой взвод контролировал это узкое место.

Пленных, поднимающихся из оврага, сгоняли в кучу, но спустя несколько минут стали появляться и гражданские, которые тоже вылезали откуда-то снизу. Выяснилось, что это были спешно переброшенные сюда из концлагерей на земляные работы военнопленные и штатские, мужчины и женщины, люди разных национальностей. Больше всего было наших: русских, белорусов, украинцев, литовцев, а также и поляков. Вместе с ними мыкали горе и французы, и датчане, и бельгийцы, даже два или три англичанина. Об этом узнал я из разговора с хорватом, коренастым, широкоплечим и, чувствовалось, еще сильным, несмотря на худобу, мужчиной с крупным носом и седеющими усами; темно-смуглое лицо его все в глубоких резких бороздах

морщин. Его пригнали в Германию вместе с женой и тремя детьми. Где они сейчас – он не знает, и неизвестность гнетет его.

– Я бы всех этих... – Мой случайный собеседник бросил короткий, недобро вспыхнувший взгляд на толпящиеся поодаль понурые фигуры в мышастых шинелях и в глубоко надвинутых суконных шапках с опущенными наушниками и выразительно шевельнул крепкими пальцами, черными и заскорузлыми, узловатыми, словно корни горного дуба.

– Друг! Так, кажется, по-вашему, будет товарищ?

Он ничего не ответил, только трудно глотнул воздух, и глаза его растроганно увлажнились.

– Не отчаивайся, друг! Найдутся твои, коли живы. Ждать теперь недолго осталось.

Молчаливое железное пожатие руки было ответом.

На людей, окруживших краснозвездные машины, жутко смотреть. Некоторые настолько худы – в чем душа держится! На бескровных лицах лихорадочно блестят глаза в темных провалах; волосы свалявшиеся; вместо одежды, на плечах висят какие-то отрепья, не поддающиеся описанию.

Жили эти каторжники (вернее, спали, потому что большую часть суток они работали) в металлических передвижных казармах, установленных на полозья. Вот звери фашистские! Надо же придумать такое! Одно из этих «жилищ», что стояло справа от дороги, сразу за околицей, мы осмотрели. Обходим вокруг цилиндрическое сооружение из листового железа. Диаметр его приблизительно 6-7 метров, высота несколько меньше. Крыша коническая. Окон нет. Единственная дверь запирается снаружи.

Заглянули и внутрь. Сварной каркас из швеллерного железа. В центре помещения вертикальная стойка – металлическая труба, на которую опирается крыша. Боковые стойки соединены с центральной «осью» балками, а на балках настланы круговые деревянные нары, образуя несколько этажей. Верхний ярус – под самой крышей. Вокруг главной стойки – круглая площадка диаметром около двух с половиной метров. С этой площадки на верхние нары люди поднимались по двум железным вертикальным трапам, расположенным слева и справа от входа. Из глубины этой «морилки» веяло знобким железным холодом и несло отвратительным запахом полуистлевшего грязного тряпья и гнилой перетертой соломы, на которых «отдыхали», то есть корчились от холода, несчастные узники. По их словам, да и несложный расчет это подтверждал, здесь размещалось до двухсот пятидесяти человек, число которых ежедневно быстро сокращалось. На место умерших поступали новые.

Колонне нашей нельзя было дольше задерживаться.

Поделившись, чем только могли, с изголодавшимися людьми, улыбающимися и плачущими от счастья, оставив им оружие, отнятое у немцев, уходим вперед.

С приближением ночи наша бригада окончательно оторвалась от наступающих следом частей.

21 января

Всю ночь почти без остановок идем, идем, быстро идем, не поднимая шуму попусту, и к утру оказываемся уже в глубоком тылу врага. «О це дуже добрэ. Тэпэр вдарымо його по потыльци, щоб бильш николы розуму нэ тиряв», – толково выразился по этому поводу кто-то из наших «хохлов». Да лучше и не скажешь.

Среди ночи, между двумя и тремя часами, пересекаем какую-то широченную глубокую долину. Сухая она или речная – разве в темноте разберешь? Проводить машины пришлось по очень высокому, длинному, как показалось мне, до бесконечности и открытому с боков не то железнодорожному мосту, не то по какой-то гигантской эстакаде. В жуткой черной глубине, внизу и далеко впереди, на том берегу, вспыхивали ненадолго огоньки немецких фар, отвлекая и ослепляя водителей и мешая им работать. Танки и самоходки ползут медленно, метрах в ста друг от друга. Веду машину очень осторожно, всем телом ощущая, как напряженно подрагивают металлические фермы под гусеницами.

Переправились, однако, нормально. Наш полк, по крайней мере. Через некоторое время колонна наша остановилась среди низких серых бараков на окраине какого-то города. Тут у комбатов возник короткий спор о том, где мы: в Алленштайне (Ольштыне) или в Торне (Торуни)? Вот так закружились мы, что перепутали города, разделенные расстоянием около 150 километров!

Мы стоим на возвышенности, и совсем близко пониже нас загадочно темнеют высокие каменные здания с зажатой между ними белой от недавнего снегопада улицей. В узком ущелье улицы, слева и справа, свисают очень заметные на фоне черных или серых стен белые флаги, выставленные из окон на тот случай, чтобы восточные варвары, чего доброго, не вздумали палить по мирным бюргерам. Эти выразительные знаки капитуляции изготовлены на скорую руку из простынь и скатертей.

Но мы в город не въезжаем, потому, во-первых, что это не наша задача, а во-вторых, чтобы не терять зря боевых машин. Терпеливо ждем, пока не подтянется растянувшаяся колонна. Из-за сильных снежных заносов на дорогах мотопехота не поспевает

за гусеничными машинами, а без нее лучше созерцать город издали.

Здесь, на окраине, в барачном гетто живут одни поляки. Идем туда погреться. На стене барака, на видном месте, – большой плакат: зловещая черная фигура, с поднятым воротом и в надвинутой до самых, тоже темных, очков шляпе, изогнулась вопросительным крючком, выставив ухо из-за угла, а рядом с нею – предостерегающая надпись крупными буквами: «P-st!» У входа в обшарпанное низкое жилище наталкиваемся на какого-то человека, по речи – поляка. Он без шапки, со всклоченными длинными волосами и дико блуждающим взглядом. Всхлипывая, он быстро и невнятно говорил что-то и протягивал к нам дрожащую руку, крепко сжимая в другой торбочку, куда старательно складывал все, чем его угощали солдаты: махорку, куски сухарей и сахару. Кто-то из женщин сказал нам, что этот бедняга помешался от «германа» (так называют немцев поляки, вкладывая в это слово лютую ненависть). Понять их чувства нам нетрудно.

Едва развиднелось на востоке, продолжаем марш вперед, обходя город. Все-таки это Торунь. Мы снова в Польше.

А утром минуем немецкую деревню в одну улицу, со стандартными домиками, выстроенными по-солдатски в две строгие шеренги. Колонна идет быстро. У левой обочины, под деревьями, собралась группа жителей, глазеющих на невиданные машины. Вдруг из негустой толпы выскакивает на нашу колею прямо перед моей самоходкой маленькая девчушка в черном пальтеце с капюшоном. Ее словно из катапульты выбросило. Мне показалось, что она сунулась под левую гусеницу. Похолодев, обеими руками резко дергаю правый рычаг – машина с ревом тяжело прыгнула на 90 градусов вправо и высадила пушкой оконную раму. Не успеваю опомниться, а ИСУ уже проломила грудью кирпичную стену дома (хотя газ был убран сразу после разворота). Мотор наконец заглох. Идущие следом машины остановились. Дмитрий Яковлевич вылез из башни и начал меня «вываживать», а покончив с этим делом, гневно обратился с укоризненным словом к гражданским немцам, оцепеневшим, будто истуканы. Они поняли все без переводчика, а перепуганная мать крепко прижимала к себе уцелевшего чудом ребенка, губы ее беззвучно шевелились и вздрагивали.

На дорогах опрокидываем и крушим все имеющее отношение к войне и то, что пытается удирать от нас; гражданские машины задерживаем, сливаем бензин на снег.

Во второй половине дня мне было приказано взять на буксир колесный бронетранспортер, в котором ехал, корчась от сильной

боли, командир полка (у него обострение язвы желудка). Жалея нашего подполковника, веду машину как можно аккуратней, стараясь поменьше дергать. Вечером, в сгустившихся сумерках, переезжаем узкую и скользкую дамбу. Слева по ходу – ледяная поверхность водохранилища, справа – откос плотины, круто уходящий вниз метров на шесть-семь. Водитель бронетранспортера не сумел удержать своей машины на раскатанной, с заметным наклоном вправо дороге, проложенной по дамбе. Транспортер соскользнул под обрыв, перевернулся и повис на тросе. Самоходка моя, волоча БТР за собою, едва и сама не загремела вниз, потому что идущая впереди машина Панасенко забуксовала и загородила мне путь. И вдруг на дамбе передо мною стало пусто: Панасенко, зверски газуя и рассыпая снопы красных искр из выхлопных патрубков, сполз-таки юзом на правый край плотины и – закувыркался по откосу. Самоходка его легла на сухое дно (счастье еще, что не на лед!) вверх гусеницами, которые продолжали бешено мелькать в воздухе. Одна из наших машин, уже перебравшаяся на тот берег, спустилась в овраг и с помощью буксирного троса принялась кантовать Панаса: сперва с башни на левый борт, затем с левого борта осторожно поставила его «на ноги». Удивительнее всего было то, что экипаж остался жив и почти невредим (сильно ушиб спину один лишь замковый).

Сам Лешка с изумлением на рябом лице поведал нам на сторожком ночлеге, как он, оглушенный падением и сбитый с толку кувырканием, долго и тщетно нащупывал рукоятку сектора газа где-то под крышей башни, пока до него не дошло, что все водительское хозяйство почему-то не под ногами у него, а над головой. На это ехидный Нил не преминул вставить шпильку, сказав с усмешкой, что с его, Лехиным, опытом исполнения акробатических номеров можно было бы перестать «сверкать пятками» минуты на три раньше (Панас переворачивается уже второй раз за несколько дней).

Начиная с рассвета то и дело настигаем и обгоняем бесконечные обозы эвакуируемых жителей. Возницы, заслыша рев танков, предусмотрительно уводят подводы за обочину. Сытые, запряженные парами, тяжелые гнедые кони с мохнатыми повыше копыт ногами (такие же ходят у немцев в артиллерийских упряжках). Длинные фуры, нагруженные доверху домашним скарбом, прикрыты брезентом или полукруглой брезентовой крышей, которая натянута на каркас из толстых изогнутых ивовых прутьев. На каждой телеге, впереди слева, прибита аккуратная бирка с полным именем и адресом хозяина (крайс, штадт или дорф) и, конечно, с номером. Немецкий дотошный

порядок. Иногда подводы стоят брошенные прямо посреди дороги, и тогда после прохождения танковой колонны долго вьется в воздухе легкий белый пух из разорванных перин.

– Ишь ты, господа, любят мягко поспать! – ворчливо констатирует Палыч. – И сколько ж утей сожрать нужно, чтобы этакую наволоку пухом набить?

Потом шоссе совершенно опустело, и колонна неслась вперед, не сбавляя скорости. Километрах в двух от какого-то населенного пункта нам повстречался «Опель-капитан». Занимаю самоходкой самую середину дороги, но Дмитрий Яковлевич, стоящий на лобовой броне, слева от смотрового люка, отчаянно замахал рукой перед моими глазами, приказывая принять вправо. Ослушаться нельзя, и низенький «Опель» проскакивает мимо. Успеваю заметить за ветровым стеклом автомашины не нашу военную одежду и перепуганные лица мужчин, которые исхитрились втиснуться в маленькую машинку впятером или даже вшестером, и тотчас останавливаюсь. Спохватившийся командир приказал открыть огонь. Оба наших автоматчика, а мгновением позже и Костылев ударили из автоматов вслед улепетывающему автомобильчику, но было уже поздно. Не успели мы после этого конфуза пройти вперед и километра, как навстречу мчится наш вездеход с мотострелками.

– Легковушку фрицевскую не встречали?

– Прошла мимо.

– Эх вы!.. – не очень вежливо упрекнул нас офицер, сидящий рядом с водителем, и гаркнул: – Жми на всю железку!

Вездеход, лязгнув гусеницами, ринулся в погоню, а мы, обогнув из осторожности деревню, въехали на ее западную окраину и стали в засаду между двух каменных сараев во дворе, наведя пушку на выход дороги из рощи, темнеющей метрах в пятистах среди чистого белого поля.

Кроме командира и наводчика, остальные члены экипажа «спешились». Костылев и Семенов вошли в брошенный жителями дом поискать съестного, а Капля с Рубилкиным выдвинулись по приказу командира вперед для наблюдения за дорогой и рощей. Похоже, что мы здесь пока одни. Обойдя машину кругом и убедившись, что ходовая часть в порядке, пересекаю двор направо и становлюсь за изгородью, которая отделяет усадьбу от улицы. Тоже наблюдаю. Не успел как следует осмотреться – зафыркал мотор, и слева из-за сарая на улице появился «Опель», похожий на первый, но теперь уже с двумя военными. Не сводя глаз с автомашины, нащупываю в кармане комбинезона рукоятку ТТ и большим пальцем опускаю предохранитель. Машина, пробуксовывая узкими колесами на скрипучем снегу, медленно

приближается. Изгородь достает мне до середины груди, и, наверное, поэтому они заметили меня не сразу, а когда почти поравнялись с калиткой во двор. Напряженно выпрямившись на сиденьях, оба (это были немцы, хотя я втайне и надеялся, что кто-то из наших обкатывает трофейную технику) повернули, как по команде, головы в мою сторону, словно приветствуя начальство, только руки водителя продолжали покручивать баранку влево-вправо, следуя вихляниям передних колес по снежной колее. Сидящий рядом с водителем офицер, втянув шею в меховой воротник, проплыл в двух метрах от изгороди, стеклянно-пронзительно глядя мне в глаза, а его побелевшие в суставах пальцы судорожно сжали автомат, лежащий на коленях.

Оцепенение мое прошло, когда машина отъехала на несколько метров. Ф-фу, черт! «Храбро» стреляю вслед, но пуля только разбила заднее стекло, и машина прибавила скорости. Вспоминаю наконец про Ф-1 в левом кармане. Кидать пришлось левой рукой, так как мешал дом. Граната с хряском разорвалась на дороге, задок «Опеля» сильно подпрыгнул, но автомашина не остановилась. Почти сразу после взрыва застрочили автоматы Капли и Рубилкина. Как же ребята могли «проспать»? А «Опелю» оставалось одолеть меньше половины расстояния до перекрестка, где улица пересекала шоссе. И вдруг из-за угла выскочила и резко тормознула тридцатьчетверка, густо облепленная десантниками. С нее тоже раздались автоматные очереди. Автомашина рыскнула влево, застряла, распахнулись одновременно обе дверцы. Шофер вывалился головой вперед и больше не шевелился, а офицер в долгополой шинели, делая зигзаги и пригибаясь, обогнул машину и исчез между домиками на левой, противоположной, стороне улицы.

Тридцатьчетверка, возникшая на какое-то мгновение, словно в кинокадре, в просвете между домами, исчезла, торопясь куда-то по своим делам, а оба наших автоматчика бросились наперехват немцу. Он уже резво бежал через поле, хотя ему и мешал глубокий рыхлый снег. Потом он упал, очевидно задетый пулей, и пополз сперва быстро, глубоко вспахивая снег головой и плечами, спеша укрыться в недалекой редкой роще, но постепенно движения его сделались медленнее и неувереннее. Ребята, стреляя с руки и тоже проваливаясь в сугробы до колен, под углом приближались к беглецу. Проворный коротышка Капля явно обгонял своего товарища. Вдруг фашист приподнял голову и полулежа вскинул правую руку с пистолетом, однако автоматная очередь опередила.

Через несколько минут торжествующий Капля, дымясь паром, воротился из погони, держа в руке тяжелый «парабеллум»,

который важно вручил Дмитрию Яковлевичу, сказав со вздохом:

– Все одно отберут. Не сейчас, так после. Я себе дамский раздобуду: его заначить – раз плюнуть.

А по-крестьянски хозяйственный Костылев тщательно очистил от снега и протер насухо подобранный возле легковушки «шмайссер» и пристроил его в правой нише башни, возле боеукладки.

Смеркаться начало, когда вместе с собравшимся наконец батальоном Т-34-85 мы снова устремились вперед и уже в полной темноте влетели в большую деревню. Улица ее забита военными грузовиками, но возле них никого нет. Жителей тоже не видно. Должно быть, разбежались куда глаза глядят. Как же им не будет страшно, если сами доблестные солдаты фюрера спасаются бегством? А у тридцатьчетверок горючее совсем на исходе (они больше нас бегают), и гнаться дальше нельзя. Занимаем круговую оборону: расставляем машины поудобнее на выходах из населенного пункта, уставившись пушками на все четыре стороны света. Пока что можно передохнуть. В трофейных автомашинах нашлось и продовольствие, и «горючее», которые тотчас пошли в дело: мы давно уже держимся на «подножном корму». Только мы всемером отужинали, подошел Бараненко, пожаловался: у его экипажа «накрылся шикарный ужин», на который Вася намеревался созвать «старых челябинцев». Кроме хлеба и спиртного, добытого в грузовике, Васины ребята в «занятом» ими доме обнаружили в печи увесистый копченый свиной окорок, подвешенный на крюке. Все эти яства и пития расставили на столе в самой просторной угловой комнате, и Вася уже потирал руки, представляя себе, какое удовольствие он доставит друзьям, которые успели изрядно проголодаться... Но тут от мощного толчка дом содрогнулся, как при землетрясении, угол здания обрушился, и, вместо накрытого стола, перед изумленным Васей возникла скошенная корма чьего-то танка. Кого-то угораздило неосторожно развернуться в узком пространстве между домами. Поперхнувшись выхлопными газами, наполнившими комнату, Вася бросился наружу, но тридцатьчетверка уже деловито удалялась прочь, направляясь к окраине. Ребята с горя принялись варить трофейную картошку из погреба, так как все съестное из грузовиков уже исчезло.

Палыч, сочувственно слушавший Васю, выглядывая из квадратного люка, вздохнул и скрылся внутри башни, повозился там немного и появился снова, держа в руке алюминиевую «норму», накрытую богатырским, учитывая Васину комплекцию, бутербродом из трофейных припасов.

– Это лично вам, товарищ гвардии младший техник-

лейтенант. А к картошке можем выделить смальцу и одну буханку хлеба. Вторая – НЗ.

Бараненко поблагодарил и ушел ужинать.

Усевшись на башне, медленно обвожу взглядом смутно белеющее поле, посреди которого бесформенным большим пятном расползлась роща, совершенно не просматриваемая, словно залитая черной тушью. Наблюдениям моим помешал негромкий шум автомобильного мотора. Оглядываюсь: по деревенской улице, осторожно объезжая расплывчато-белые глыбы боевых машин и темные грузовики, медленно пробивается сквозь снежные груды, навороченные танками, низенькая легковая машина. Уже третья за сутки. Ну, хватит с меня! Ленивая истома в теле и сонливость (поздний ужин был плотен) сгинули сами собой.

Вынув пистолет, соскальзываю с башни на крыло, а когда малолитражка «Фольксваген» оказалась рядом с самоходкой, спрыгиваю вниз и приказываю рукой: «Стой!» Автомобильчик, тонко жужжа от натуги двигателем, проскочил мимо, но в нескольких метрах от нашей машины воткнулся в большой сугроб. Левая дверца с треском откинулась, и на снегу возникла широкая черная фигура в коротком пальто и в котелке. Держа пистолет наготове, приближаюсь к штатскому. Он стоит спокойно, повернувшись лицом ко мне, потом вдруг быстро сует руку в боковой карман – и тотчас слева хлопнул одиночный выстрел из автомата. Рука черного – он был в двух шагах – странно дернулась, и к его ногам упал и утонул в снегу какой-то предмет. Словно с неба свалившись, выпрыгнул из тени деревьев Капля и крикнул высоким, свирепо-веселым голосом:

– Хенде хох!

Он заставил немца попятиться, а затем ловко подхватил зарывшийся в сугроб пистолетик и протянул его мне:

– Это вам, товарищ лейтенант, на память. Хорошо, что мы с Рубилкиным тоже следили за машиной.

Я поблагодарил расторопного Каплю.

На выстрел прибежали с соседней тридцатьчетверки двое танкистов с автоматами, рванули задние дверцы, но на заднем сиденье высилась под самую крышу только пухлая перина. Ребята потянули за перину – под ней кто-то завозился. Дернули посильней – перина, выпустив облачко пуха, упала в снег, а вслед за нею, испуганно пискнув, выпорхнула молодая немка в коротенькой юбчонке и в туфельках на высоких тонких каблучках и сразу увязла в снегу.

– Вэр ист дас? – спросили у мужчины, но тот, слегка пожав плечом здоровой руки, ничего не ответил.

Обоих отвели в дом, где находились командир батальона тридцатьчетверок и наш Фруктов. На голом столе помигивает керосиновая лампа. Солдат торфяными брикетами растапливает печь. Задержанным разрешили сесть. Тип с холеным лицом и заплывшими жирком глазами, болезненно кривясь, поддерживал левой рукой правую, раненную в плечо. Женщина дрожала всем телом от страха и холода, поджимая поджарые ноги с мосластыми щиколотками. Оба молчали. Обыскали его. В кармане пальто нашли запасную обойму к браунингу, а в заднем кармане брюк – широкую планку с орденами и медалями в два ряда. Верхний ряд начинался двумя тусклыми Железными крестами. Послано было осмотреть машину. Под подушкой водительского сиденья обнаружили документы и топографические карты округа Морунген. На ветровом стекле автомашины изнутри прикреплен пропуск, разрешающий передвижение в прифронтовой полосе. Шишка, надменно буравящая нас злыми глазами-щелками, оказалась важной, но девать пленного и его спутницу – не то секретаршу, не то походно-полевую супругу – было некуда, не с собой же таскать...

22 января

Время давно перевалило за полночь, и командир разрешил мне соснуть в доме, «обжитом» танкистами, так как неизвестно было, сколько еще простоим. Федя Сидоров, торопившийся туда же, окликнул меня, и мы, перейдя улицу, поднялись на высокое крыльцо просторного одноэтажного здания. Внутри оно разгорожено на несколько комнатенок. Окна зашторены всяким подручным материалом, на столах и подоконниках тускло горят немецкие плошки-светильники. Народу полным-полно, как пчел в улье. Кто закусывает по-походному, кто скоблит многодневную щетину, кто письмо пишет, которое все равно нельзя пока отправить, а большинство спит в самых разнообразных, живописных и неживописных, позах на койках, на диванах и просто на полу. Кто-то из танкистов пригласил нас к «столу», дружелюбно потряхивая фляжкой, но, заметив, что у нас слипаются веки, ткнул через плечо рукой на незанятую голую койку в клетушке слева. Мы с другом тотчас улеглись на провисшую металлическую сетку и, несмотря на громкий говор, частое хлопанье дверей и топот солдатских сапог, крепко заснули.

Среди глухой ночи взрывы и частая стрельба разбудили нас. Подхватываемся с Федькой в кровати. В помещении темно.

Спросонок не могу понять, где я и как здесь очутился. Через открытую настежь дверь, за которой ночь то и дело озаряется сполохами взрывов, выбегают, толкаясь и переругиваясь, люди. Чей-то зычный голос, перекрывая шум боя, крикнул у самого крыльца: «К маши-инам!» Мы выскочили во двор. Крепкий утренник перехватил дыхание, проворно забрался под распахнутые полы полушубка и ознобцем пробежал по моей спине. Две звонко лопнувшие возле соседнего дома мины заставили нас синхронно пригнуться. Федька только присвистнул да знакомо рубанул воздух рукой – и мы припустили во весь дух к своим машинам. В той роще, внизу, торопливо тявкали несколько минометов, а все пространство над полем между рощей и домами перекрещивали цветные трассы.

Немцы атакуют деревню! Откуда они вдруг взялись? Некоторые тридцатьчетверки уже ведут огонь с места. Моя самоходка ближе Федькиной. Ему еще надо обогнуть танк впереди. Тут грянули новые разрывы, и друг мой исчез за огненно-дымным всплеском... Дмитрий Яковлевич, увидя меня из своего люка, обрадованно скомандовал: «Заводи! Быстрей!» Экипаж захлопотал у орудия. Где-то недалеко густо рявкнула чья-то ИСУ, должно быть Кабылбекова, за ней – еще одна. С минуту, сдерживая себя, прогреваю двигатель, затем самоходка наша катится к окраине, опоясавшейся вспышками выстрелов. Вдруг левее, у домиков, ближних к полю, ухает глухой взрыв и яркое пламя освещает тридцатьчетверку. Танк пылает.

Палыч по команде посылает осколочный в поле, где медленно передвигаются отчетливо видные на белом черные фигурки фашистов.

Несмотря на внезапность ночной вылазки, немцы едва зацепились за окраину, но большего сделать не смогли, встреченные прямым огнем танков и самоходных орудий, а также немногочисленными автоматчиками десанта, которые, к их чести, не дремали и успели вовремя поднять тревогу. Потеряв несколько десятков человек, противник под сильным обстрелом отошел назад, в рощу. Куда и зачем пытались прорваться немцы – мы так и не узнали. И численности наступавших тоже.

Когда рассвело и стало совсем тихо, командир батальона созвал всех офицеров, вплоть до командиров машин, на экстренное совещание: что делать дальше? Горючее на исходе, а наша задача – стремительное продвижение к берегу моря – с нас не снята. Прикинув так и этак, решили слить остатки горючего у тридцатьчетверок, заправить полностью хотя бы роту танков и одну батарею ИСУ и этой подвижной группой с частью десанта продолжить марш на Пройсиш-Холлянд. Остальные машины,

заняв круговую оборону, будут ждать ГСМ на месте: радисты уже связались с командиром нашей бригады.

Через полчаса все было готово, и комбат, гвардии майор с забавной коротенькой фамилией Туз, увел свою подвижную группу вперед. Наша батарея вошла в ее состав.

Все глубже забираемся в тыл врагу, сея панику на дорогах, все ближе Балтийское море, все уже и уже лазейка, через которую нельзя дать уйти большим силам противника, действующим в Восточной Пруссии, нельзя дать им соединиться с фашистскими армиями, что пятятся к Одеру под сокрушительными ударами 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов.

Продвигаемся вперед быстро, временами неожиданно меняя направление, чтобы не подкараулили фрицы где-нибудь на прямой. Остановки самые короткие – ровно настолько, чтобы смогли подтянуться отставшие машины. Майор-комбат отлично ведет колонну, уверенно и смело, словно он не в самом осином гнезде находится, не имея точного представления, в скольких сотнях километров за линией своего фронта, а где-нибудь в родных краях, знакомых сызмальства до мельчайших подробностей.

И хмурое небо, на котором только изредка пробрызнет солнце, и «земля незнаема», и дома с островерхими красными черепичными крышами, и аккуратность дорог с обязательными деревьями на обочинах, и строгое солдатское равнение елок в лесопосадках, и опрятная чистота городков и деревень, и даже приличный вид старой, ношеной-переношеной одежды на небогатых немцах – все как-то непривычно, однообразно и кажется ненастоящим, как в фантастическом сне. Может быть, это оттого, что спим последнюю неделю очень мало, урывками. Некогда!

Мчится колонна уже в сумерках по узкому прочному шоссе. Впереди с дозорных машин заметили слева от дороги, возле длинного одноэтажного здания, подозрительное движение и с ходу открыли огонь. Строение вспыхнуло. Из дверей и окон горохом посыпались солдаты и бросились в поле. Убегающих хорошо было видно на снегу, и через несколько минут все было кончено. Около пылающей деревянной казармы широкий светлый круг. В нем, среди срезанных пулеметными очередями фашистов, важно развалился толстенный фельдфебель с большой черной трубкой в зубах, нацеленной в небо, а рядом с ним уткнулась рылом в снег бегемотообразная раскормленная свинья, которая как-то затесалась в толпу, охваченную паникой, и тоже пала на этом бесславном поле брани.

Марш продолжается в темноте. Спать хочется. Миновав два

озера, подступающие слева вплотную к шоссе, с ходу, без единого выстрела ворвались на северную окраину города Заальфельд. Повернув влево, танки и самоходки помчались по улице, ведущей в центр, туда, где на фоне ночного неба темнел острый шпиль кирхи. Направо, по той же улице, к недалекому железнодорожному переезду предусмотрительный комбат послал два Т-34, чтобы закрыть «ворота в город». На улице кое-где тускло светят синие электрические лампы под глубокими колпаками да изредка из зашторенного окна призрачно-слабо просачивается узенькая, робкая полоска.

Скоро натыкаемся на хвост колонны и идем вдоль нее по оставленному слева проезду. Колонна состоит из нагруженных бортовых автомашин, прикрытых брезентом, и бронетранспортеров. Успеваю заметить несколько пушек на прицепе. Немецких солдат не видно, но некоторые машины пофыркивают дымом – прогреваются. Спокойно продолжаем двигаться. На танки никто не обращает внимания: здесь же глубокий тыл. Сейчас будет фрицам тишь и гладь и прочая благодать!

Когда головной танк почти достиг площади, сквозь сдержанное, ровное гудение наших двигателей донеслась вдруг длинная автоматная очередь. Сейчас же впереди ослепительно вспыхнула фара командирской машины – условный сигнал, – и танки, дружно взревев, врезались в строй прижавшихся к правому тротуару грузовиков, фургонов, вездеходов, опрокидывая и подминая их под себя. Поднялась суматошная ночная перестрелка. Вырвались откуда-то из темного проулка кони, запряженные в тяжелую подводу. Они начали в ужасе шарахаться от грохочущих танков, обрывая упряжь, пока не запутались в ней окончательно и не стали посреди мостовой, вздрагивая всем телом и дымясь теплым паром. Водители осторожно объезжали испуганных животных.

На церковной площади после выстрела танковой пушки загорелась автомашина и начали рваться патроны. Потом занялся угловой дом в начале улицы, что выходила на площадь справа. Там стреляли особенно сильно. Оказалось, что в высоком особняке с мезонином на той улице расположились на ночлег немецкие офицеры. Когда поднялась тревога, они засели наверху и стали отстреливаться. Дом принадлежал местному патеру. Рослый поп, бритоголовый, в черной сутане, встретил наших автоматчиков, ворвавшихся в просторный, ярко освещенный зал нижнего этажа, грозно поднятым над головой распятием и проклятиями, загораживая спиною дверь, ведущую наверх, где металась его военная паства, стреляя через окна по танкистам.

Пастырь божий пал на своем посту, убитый автоматной очередью. Попадью с младенцем на руках вытолкнули в коридор и зашвырнули в мезонин несколько гранат. Побоище постепенно затихло, так как приказано было без толку не гоняться за фашистами, удиравшими по узким темным улочкам и через еще более темные дворы.

23 января

Разделавшись с неприятельской колонной, все машины возвратились на площадь. Памятуя недавние уроки, автоматчики и экипажи проверяли полуподвалы и этажи домов, окружающих площадь, чтобы не схлопотать «фаустпатрон» в борт.

Выделены патрули и объявлен короткий отдых, но возбуждение танкистов и десантников, захвативших целый город, пусть и не бог весть какой важный, настолько велико, что никто и не думает о сне.

Стрельба совсем стихла, только изредка сорвется вдруг испуганная очередь. Площадь и две из прилежащих к ней улиц озарены пламенем пожара, и в красном свете мелькают черные, головастые из-за танкошлемов фигуры танкистов. Со стороны жутко, наверное, видеть эту картину немецкому бюргеру. Ну что ж, пусть полюбуется. И запомнит. И внукам своим расскажет, как в одну прекрасную зимнюю ночь подняли его с пуховых перин советские солдаты, разгромленные и уничтоженные доблестными, победоносными войсками фюрера еще летом 1941 года.

Федя Радаев, найдя меня возле машины, приглашает пройтись по улице, немного поразмяться. Толкнулись в какую-то дверь – и отпрянули от неожиданности: засветился яркий прямоугольник. Смотрим из темноты: внутри просторного помещения с цементным полом рядами выстроились легковые автомобили. Гараж. Держа пистолеты на изготовку, заходим друг за другом. Никого. Принимаемся знакомиться с немецкой техникой. Машины все ухожены и заправлены – садись и катайся. Пока я рассиживал в одном «фольксвагенчике» на мягкой подушке, трогая рычаги и педали, воображая себя едущим по Загорску, деятельный глава полковых радистов куда-то скоропостижно пропал. Обеспокоенный, выбегаю наружу, высматривая товарища. Обходя сзади целехонький, с крытым верхом, огромный грузовик, цепляюсь за что-то носком сапога. Что-то оказалось офицерским поясным ремнем с кинжалом в черных лакированных ножнах. Трофей забираю с собой. А Радаева нет как нет. Вдруг в домике, соседнем с гаражом, слышу грозный

Федин голос, в паузах между раскатами которого сыплется чья-то испуганная скороговорка. Тороплюсь на шум. Взъерошенный высокий Ляля с тяжелым «парабеллумом» в руке навис над низеньким юрким человечком. Тот умоляюще выставил перед собою ладошки и картаво твердил, точно заклинание, одно и то же:

– Франсе, франсе, франсе...

– Врешь! – загремел старшина, смущенно пряча при виде меня правую руку за спину. – Какой к черту «франсе» может быть в Восточной Пруссии! Да еще и с таким гаражом!

Затем на немыслимой смеси языков, помогая себе жестами левой, невооруженной руки, Федя спросил, нет ли в доме других людей, военных. Хозяин понял, опрометью бросился в смежную комнату, истошно вопя и забыв свой французский акцент:

– Марта! Марта!

Мы с любопытством остановились у порога спальни. Кружевной подзор, свисающий с широкой деревянной кровати почти до ковра, заколебался, потом приподнялся, и из-под него, пятясь дороднейшим задом, выползла могучая Марта. Плюгавый, худосочный супруг, нервно суетясь, помог ей подняться на ноги.

– Майне фрау, – представил он свою даму, объемом превосходившую своего «франсе» по меньшей мере раза в три.

Изо всех сил стараясь не заржать и подталкивая друг друга, направляемся к выходу, у дверей оглядываемся.

– Энтшульдиген зи унс, битте, – произношу я голосом Анны Иосифовны, нашей школьной «немки».

– Паг-гдон, мадам! – делая ручкой, восклицает Федя, пробуя грассировать по-заальфельдски.

Немец кланяется вслед, вымучивая на лице улыбку.

Очутившись на улице, хватаемся за животики, но отсмеяться не успели: там и здесь на площади начали взревывать танковые двигатели, и возле машин засуетились десантники, громко окликая друг друга.

Спустя несколько минут наша батарея уже катилась по шоссе на Пройсиш-Холлянд. Недалеко от переезда через железную дорогу, идущую на Кенисберг, когда головная машина поравнялась с фольварком, расположенным справа, у самого шоссе, Фруктов, очевидно выполняя приказ командира батальона, принялся лично расставлять три машины в засаде так, чтобы ничто не могло проскочить ни по шоссе, ни по железной дороге ни в сторону фронта, ни обратно.

Чего, кажется, проще, подумалось мне, взорвать насыпь на переезде или разрушить ее выстрелами в упор из самоходок, а затем подцепить на буксир и растащить рельсы. Очень уж не

хотелось оставаться на этом перекрестке ожидать неизвестно чего, но ничего не поделаешь...

Вот две машины спрятаны у самого переезда под развесистыми ивами. Одна из них нацелилась орудием вправо, вдоль железнодорожного полотна, другая – вдоль шоссе, убегающего на запад. Комбат вернулся к моей ИСУ, вскочил на лобовую броню и показал рукой на белую низину, очень похожую на огромный треугольник, образованный окраиной города, шоссейной и железнодорожной насыпями.

Дмитрий Яковлевич вылез из башни и из предосторожности пошел в десяти метрах перед машиной, крепко топая сапогами по снегу, чтобы испытать надежность грунта. Командир вел меня напрямик к старым ивам, посаженным в виде прямоугольника возле железнодорожной насыпи. Это было самое низкое место поля. Половина расстояния была уже позади, и тут наводчик, наблюдающий из своего люка, тревожно доложил, что видит впереди каких-то людей. Комбат приказал остановить самоходку и вместе с обоими автоматчиками и Костылевым бросился догонять, громко окликая. Те залегли и стали отползать к насыпи. После автомата эй очереди, выпущенной кем-то из ребят, за сугробом под насыпью послышался испуганный визг.

Вскоре возвратились из погони, смущенно переругиваясь, четверо наших «храбрецов». Оказывается, «отступающим противником» были несколько женщин, навьюченных по-походному котомками, со своими детьми. Напуганные ночной стрельбой, они покинули город и плутали среди полей в туманной морозной мгле. К счастью беглецов, пулей задело только одну из женщин, да и то слегка. Пострадавшую перевязали, остальных отчитали за то, что шатаются в таких неподходящих местах, и велели немедленно идти по домам.

После этой заминки машина двинулась дальше, медленно подползла к короткой стороне посадки, облюбованной комбатом, и вдруг провалилась правой гусеницей в канаву, занесенную глубоким снегом, вдоль которой, не подозревая об опасности, протаптывал стежку усталый командир. Произошло это часа в три пополуночи. Неприятное предчувствие, овладевшее мною, едва самоходка моя сползла с шоссе в эту дурацкую низину, не обмануло меня...

Пытаюсь вывести машину из ловушки, но она не двигается с места и только буксует. Поле оказалось заболоченным лугом, который весь покрыт частой сетью узких дренажных канав.

Провозились почти до света. Хотя и приходила на помощь одна из наших самоходок с переезда, все наши старания ни к чему не привели, так как из непромерзшего болотного луга,

потревоженного гусеницами, вылез толстый конец бревна и плотно, намертво заклинился между звездочкой правого ведущего колеса и шестым опорным катком...

Нас оставили одних на произвол судьбы: бригада должна спешить к морю. И она ушла. Мы в поле вдевятером: экипаж, комбат (я думал, что он уйдет с колонной, но он почему-то остался с нашей машиной) и крепко привязавшийся к нам Федя Радаев.

Ночь над городом, слева по борту, посветлела от пожаров, возникших во время боя. Жители этого глубинного прусского города, немцы, сегодня узнали, какова война на вид и вкус, когда она сходит со страниц победных реляций и с экранов хвастливых кинохроник и вдруг заявляется прямо в дом верноподданного обывателя.

Держимся настороже, так как больше нам делать нечего. Машина наша на виду. На случай, если пойдет мимо какая-нибудь немецкая часть, приготовили самоходку к взрыву и наметили маршрут для отхода. Если удастся.

Из города, приблизительно через час после ухода бригады, потянулись по шоссе на Пройсиш-Холлянд бесконечные подводы с беженцами, и Фруктов, по совету Дмитрия Яковлевича, выставил против фольварка КПП из двух наших автоматчиков для наблюдения за дорогой, чтобы не проворонить появления фашистов. Рубилкин с Каплей отправились на пост. «Здорово мы их наполохали!» – долетел из темноты довольный голос Капли. Немного погодя, сходил, с разрешения командира, посмотреть, как там, на КПП. И успел вовремя. Пришлось осадить Каплю, слишком усердствовавшего. Остановив несколько повозок, он, угрожая автоматом, приказал всем едущим вылезти. Две девушки, испугавшись, не подчинились, а положили головы рядом на борт подводы: стреляй, мол, – нам все равно... Идиотская выходка автоматчика взорвала меня, и я прогнал его на машину. Вот тюремщина!

Наконец настал день, принеся с собой пищу и чем промочить горло. С горя кляли болото, имея в виду Фруктова, и... пили, но, конечно, не запоем, а только чтобы согреться: продрогли за ночь. Трое в машине постоянно несут дежурство. Она хотя и накренилась и двигаться не может, но орудием смотрит на железнодорожное полотно, так что, если бронепоезд не расстреляет нас раньше, мы ему выдадим как раз по брюху.

Автоматчики под командованием Радаева (он принял на себя обязанности зампохоза), снабдив всех нас едой, не забыли и об устройстве ночлега в поле: притащили с фольварка (многие дома там оказались покинутыми) несколько перин, ковров и даже шуб.

Из всего этого добра под правым бортом самоходки, прямо на снегу, они сделали постель, а над нею общими усилиями мы соорудили из большого брезента хижину, наподобие цыганского шатра.

24 января

Продолжаем работы у машины. Новая беда: заглох при прогреве двигатель: топливные баки все пусты. Значит, вчера из города мы выехали на последних каплях горючего. Срочно сливаю антифриз, уже не раз разбавленный водою, прямо на днище, так как подлезть под машину, чтобы отвинтить броневую пробку под сливным краном, невозможно. Самоходка имеет сильный крен вправо, корма приподнята, и жидкость вся стекла в отделение управления. Ее тщательно вычерпали и слили в запасной топливный бачок.

Во время обеда на морозе, вскрывая трофейным кинжалом консервную банку, замечаю на широком двустороннем клинке выгравированную готическую надпись: «Майне эрэ хайсст тройе». Это заклинание должно было денно и нощно напоминать доблестному офицеру из SA о том, что его «честь зовется верностью». На верхнем конце рукоятки врезано изображение черного имперского орла со свастикой в когтях, с другой – буквы «SA» в эмалевом кружке.

27 января

Мороз крепчает, метель началась. Перебираемся с поля в Шютценхаус (так называется фольварк), в ближний, сразу за шоссе, домик с мансардой. Дом сборный, стандартный. До машины отсюда около трехсот метров. Осмотрели жилье. Внизу комната с кухней, наверху вторая жилая комната. Перенесли сверху койки – и готово. Запас торфяных брикетов и дровишки есть. Жить можно.

В мансарде подобрал местную газету, вышедшую незадолго до нашего прибытия в Заальфельде. Одна небольшая заметка привлекла мое внимание – «Ди штадт Заальфельд хат 600 ярэ альт» («Городу Заальфельду – 600 лет»). Вырезку оставляю на память.

Ночью дежурим у нашего нового «расположения» по очереди с Дмитрием Яковлевичем, а ребята, сменяя друг друга, по трое охраняют машину.

Время от времени забегают погреться в тепло натопленную комнату солдаты и офицеры с проезжающих мимо машин. Узнаем, что вчера наша 5-я гвардейская танковая армия вышла к морю.

28 января

Город и его окрестности постепенно заполняются военными. Теперь за машину опасаться нечего: свои вокруг.

Вечером, поддавшись минорному настроению, вспоминаю прошлое лето в Птицеграде и начало этой зимы в Загорске, наши встречи с Лидой, тайком перечитываю ее письма, полученные еще на 3-м Прибалтийском... Когда-то снова увидимся? Как она там?..

Снова кто-то вваливается в кухню вместе с белым облаком морозного воздуха, топает сапогами, сбивая снег, и густо крякает простуженным голосом. Палыч предлагает гостю горячего кипятку с эрзацем лимонного сока из набора тоненьких пробирок, обнаруженных нами в стенном кухонном шкафу. Проезжий как раз «оттуда» и подтверждает слух о выходе наших войск на морское побережье где-то в районе города Эльбинга. От него же нам стало известно, что 5-я танковая целиком передана в распоряжение командующего 3-м Белорусским фронтом. Похвалы в адрес танкистов-гвардейцев слышать приятно, но когда же мы доберемся до своей части? В таком наступлении нетрудно забыть про одну какую-то машину.

29 января

Дмитрий Яковлевич с Костылевым разузнали все-таки, где находится РТО нашей бригады! Завтра они отправятся туда, и наш командир будет печься о судьбе застрявшей машины. На душе у меня сразу посветлело, хотя снова вот уже целые сутки мучает все тот же коренной зуб. В сопровождении Радаева и обоих автоматчиков иду в город. Там, неподалеку от памятного перекрестка, вчера развернулся полевой госпиталь. Мне пообещали разделаться с моим извергом дня через два, как только прибудет зубной врач.

Госпиталь разместился в двух соседних серых двухэтажных зданиях. Оба переполнены ранеными. Люди в шинелях, куртках, полушубках и ушанках, потому что стекол, а в некоторых окнах даже и рам не осталось после ночного боя.

Всякое движение на улице – развлечение для воинов,

вынужденных бездействовать. Для иных из них, кто ранен тяжело, война, можно сказать, почти кончилась. Как обидно, наверное, в самый разгар победного нашего наступления оказаться человеку в таком вот положении...

Пока длился мой визит к эскулапам, добрый Федя Радаев развил кипучую деятельность: выволок вместе с Каплей и Рубилкиным исправное, сверкающее черным лаком пианино, найденное в доме напротив госпиталя, тщательно установил его на «нашем» перекрестке и устроил настоящий концерт для раненых, которые тоскливо выглядывали из разбитых окон в надежде увидеть на проезжей автомашине кого-нибудь из своей части и передать с ним весточку о себе товарищам.

Федей были исполнены любимейшие песни фронтовиков: «Катюша» и фронтовая пародия на нее («Разлетались головы и туши, дрожь колотит фрица за рекой. Это наша русская «катюша» немчуре поет за упокой...»), «Прощай, любимый город», «Землянка», «Огонек», «Розпрягайте, хлопци, кони». Играл он прекрасно, мастерски аккомпанируя самому себе, а пел в широком диапазоне начиная с густой октавы и кончая высочайшим фальцетом. Роль Шкета, верного друга и всегдашнего спутника Феди, на этот раз взял на себя малорослый Капля. Заполняя паузы между серьезными номерами, он, закинув автомат за спину, то лихо отбивал чечетку, то потешно кривлялся, смеша невзыскательную публику. В обоих этажах госпиталя у окон стало совсем тесно, появились и белые халаты. Зрители с удовольствием слушали миннезингера в танкошлеме, словно с неба свалившегося, оттаивали. Раздавались аплодисменты, и сыпались заявки. И Федя пел еще и еще, пока не охрип. По окончании летучего концерта старшина, широко улыбаясь, церемонно раскланялся и, повторяя ошибку Париса, подарил в приданое музыкальный инструмент самой красивой и доброй медсестричке.

30 января

Все-таки мы не забыты! Может быть, потому, что нашу самоходку легко заметить с шоссе. Проезжала машина ГСМ, и нам сбросили три бочки горючего – полную заправку! Бочки мы перекатили руками к машине и перелили газойль в баки.

31 января

Сегодня у нас гостит раненный в Эльбинге автоматчик Марченко, хороший парень. Он рассказал, что, когда наших вышибли из города, Федька Сидоров остался где-то с застрявшей самоходкой и что о его экипаже пока ничего неизвестно.

А дело было так. 26 января 31-я бригада прорвалась к морю немного севернее Эльбинга, и несколько тридцатьчетверок и наших ИСУ с закрытыми люками въехали в большой прусский город, где никто даже не подозревал, что русские могут быть уже на побережье.

На улицах темно. Светомаскировка соблюдается строго, по-немецки. На тротуарах оживленное движение. Даже дамы прогуливаются, главным образом с военными. Проплывают и штатские котелки.

Колонна, на которую не обратили никакого внимания, углубилась в город и вдруг вышла на какую-то площадь. И танкисты увидели справа четкий солдатский строй (позже выяснилось, что производилась вечерняя поверка какого-то военного училища). Упустить танкисту такой момент – это значит навсегда потерять к себе уважение. Головная машина ударила из пушки и пулеметов, остальные тотчас поддержали – и многие из юнкеров так и не дожили до производства в скороспелые офицеры. Однако и танкистам не поздоровилось: в городе объявили тревогу, на перекрестках улиц появились ПТО, начали действовать фаустники. Лишенные поддержки мотопехоты (она из-за снежных заносов сильно отставала), танки и самоходки, страхуя друг друга огнем, вынуждены были, потеряв три, если не больше, машины, прорываться с боем из хитросплетения ночных улиц за черту города и затем уходить на север, к своим. Помогла нашим ребятам, конечно, и охватившая немцев паника, вызванная внезапным появлением советских танков в этом крупном, считавшемся до сих пор тыловым городе.

На обратном марше разыгралась сильная метель. Отскочив километров на двадцать от Эльбинга, колонна остановилась и заняла оборону, построившись «ежом», так как двигаться дальше, не различая дороги и поминутно теряя из виду соседнюю машину, стало просто нельзя. Некоторые машины уже успели отстать, и среди них ИСУ моего отчаянного друга...

Каково было нам, «сидящим», слышать об этом дерзком рейде, о славных делах своих товарищей – распространяться нет охоты. Все в доме давно уснуло, а мне не спится: терзает тревога за Федьку...

1 февраля

Уже и за полночь перевалило. Бодрствую почти до утра, командира своего будить не стал. У нас тепло: печь с плотно задраивающейся топкой с вечера заправлена торфяными брикетами.

Как только развиднелось, начинаем работу возле машины: прорываем отводные канавы для стока воды и пытаемся подкопаться под треклятое бревно, воткнувшееся под звездочку.

Днем приехал заместитель комполка по технической части гвардии инженер-подполковник Павлов, осмотрел нашу машину и место «посадки», пообещал армейские средства. Ночевал он у нас, и после работы, за ужином, мы узнали последние полковые новости. В строю на сегодня у нас 12 машин: в первой батарее – одна (Хомутова), во второй – три (Нила Цибина, Сашки Ципляева и Конышева), в третьей – тоже три, не считая застрявших машин Федора Речкалова и моей, в четвертой – все целы. Подполковник подтвердил, что Сидоров действительно остался под Эльбингом. Эх!..

2 февраля

Два старых армейских тягача, как ни старались изо всех оставшихся у них в цилиндрах лошадиных сил, даже не сдернули нашу самоходку с «насиженного» места.

Все поразъехались по своим делам, оставив нас, усталых, мокрых и отчаявшихся. Укатил и комбат с Лялей Радаевым. Интересно, зачем он здесь торчал эти дни и кто за него обязан командовать третьей батареей?

Нас теперь у машины восемь человек. Вместо двоих уехавших прибавился третий, автоматчик Марьясов.

Безо всякого аппетита похлебав затирухи, приготовленной наскоро Палычем, отправляемся с Дмитрием Яковлевичем искать себе помощи сами. Уже совсем сбившись с ног, обнаруживаем на западной окраине Заальфельда несколько ИСУ-152 из 342-го гвардейского полка. Там договорились с зампотехом насчет дернуть нашу завтра. Гвардии инженер-капитан сочувственно выслушал наше слезное прошение и пообещал непременно помочь завтрашним утром.

Возвращаясь через центр города, на «поповской» улице повстречали небольшую группу очень утомленных, с осунувшимися лицами офицеров, которых поначалу приняли за кавалеристов из-за фуражек с синими околышами и синих просветов на повседневных погонах. Но они оказались работниками НКВД, которые производили проверку всех

штатских мужчин, проживающих в городе. При них была и переводчица. Немцев отводили в ратушу и там выясняли личность: здешний ли, не переодетый ли военный и проч. Мы не позавидовали нашим чекистам.

Пользуясь случаем, заглядываю в госпиталь, но, увы, мой зуб так и остался при мне. Не везет: прошлым летом полк наш по тревоге уехал от зубного врача, теперь – врач.

А ребята наши в ожидании буксира не бездельничают: с самого утра готовят подступ для буксировщиков, таская щебенку с насыпи железной дороги. Мы с командиром присоединяемся к ним, и все вместе работаем до наступления темноты.

Вечером все свободные от вахты в двух рессорных колясках отправились в гости к русским девушкам в деревню Куппен (это примерно в километре от нас). Бедняжки настолько отвыкли от родной речи, что то и дело сбиваются на немецкий, на котором разговаривают довольно бойко. Много порассказали они про свое существование в здешнем большом имении, принадлежащем некоей тощей и седой фрау. Хозяйка никогда не расставалась с черной отполированной клюкой, которой нещадно била девчат, если замечала кого во время рабочего дня, длившегося не менее двенадцати часов, не на указанном месте; если они лениво работали (а в этом она была твердо убеждена); если взгляд несчастной невольницы казался госпоже недостаточно почтительным или кто-нибудь, забывшись, смел заговорить по-русски – словом, била по всякому удобному поводу, а чаще всего – просто так. Но особенно озверела эта карга, когда получила извещение о смерти на русском фронте ее сына – нацистского офицера.

Недавние рабыни не без злорадства поведали нам о том, как накануне бегства, пока спешно снаряжался внушительный обоз со всевозможным добром, она, патлатая, страшная, похожая на ведьму, все стояла на бугре, недалеко от господских покоев, обратясь лицом в ту сторону горизонта, где вспыхивали во все небо огненные зарницы и перекатывался тяжкий гул канонады, и потрясала своим посохом, зажатым в костлявом кулаке, и сыпала непонятными, страшными проклятиями. Январский студеный ветер яростно трепал на ней черную широкую накидку, взметывая вверх длинные полы, и тогда старуха становилась похожей на огромную летучую мышь-упыря из кошмарного сна, а визгливые выкрики – на колдовские заклинания... В голосе рассказчицы Ани послышалась еще не выветрившаяся из сознания жуть. Мы старались, как умели, развлечь девчат, смешили их, повествуя с юмором о своей военной жизни, опуская, конечно, самое страшное. Жаль, что не было с нами Радаева. Пели вместе наши

песни без музыки. Новых песен полонянки не знали и просили записать слова.

Возвратились мы «домой» около полуночи, все быстро угомонились, а мне снова не спится.

3 февраля

Под мерный храп, гуляющий по комнате, переписываю в подаренную ребятами тетрадь последние стихи, затем принимаюсь за письма – тете Варе с Ниной в Завидово и своей загорской молчальнице. Спать лег часа в три, в расчете на то, что ночи еще длинные.

Утром рано прибыли две самоходки, присланные обязательным инженер-капитаном, но они тоже не смогли нас вытащить, так как сами давно уже просят капиталки.

Через час после их ухода приехал гвардии старшина Василий Кузнецов, командир ремонтного взвода и сам замечательный, сказать лучше – редкостный мастер своего дела. Он попросил у Дмитрия Яковлевича автоматчика Рубилкина для сопровождения и охраны и отправился на розыски машины Феди Рычкалова, которая словно в воду канула, а заодно и тракторов, что вытаскивают где-то из болот завязшие ИСУ-122 какого-то полка, а потом будто бы должны прийти на помощь к нам.

Днем командир машины, наводчик и замковый, возвратившись из четырехчасовой разведки, сообщили, что видели в одном имении наших тыловиков. Немедленно делаем с заряжающим Семеновым марш-бросок в том направлении, но никого не обнаруживаем... Еще один день пропал.

4 февраля

В 22 часа явился усталый, с промокшими ногами Кузнецов. Он разыскал всех. Шевырев, оказывается, засел еще под Зольдау (Дзялдово по-польски), в двадцати метрах от польско-прусской границы. По словам командира ремвзвода, живет «как бог» у поляков, которые не знают, как ему угодить, и даже свою охрану выставляют у машины. Речкалов, командир ИСУ, и Темненко тоже чувствуют себя как дома. Не иначе – женились, как утверждает многоопытный гвардии старшина. Кормят ребят до отвала и при этом нередко «бимберу» подносят.

И наконец, главное: тракторы к нам должны прийти не те, на которые мы рассчитывали, а совсем другие, с передовой... Когда

же, черт возьми, они приползут? Нет, не завидую Темненко и Феде Речкалову. И все-таки какие мы невезучие!

Ночью занимаюсь немецким языком: все равно не спится.

5 февраля

Сегодня у нас ночует ремонтник из 32-й гвардейской танковой бригады нашего 29-го танкового корпуса. За ужином сержант рассказал нам потешную историю об одном ИС-2 из их бригады.

Танк сумел днем скрытно подобраться по овражку к самой немецкой позиции возле какой-то деревни, но, очутившись на открытом месте, попал под сильный огонь ПТО. Фашисты, нервничая, буквально засыпали его снарядами. Не видя толком, откуда бьют, и сердито огрызаясь, ИС попятился назад, но, когда до спасительного оврага оставались считаные метры, от прямого попадания в борт заглох двигатель и никак не хотел заводиться. Экипаж оставил машину и укрылся рядом, в том овражке. Немцы, решив, что танк выведен из строя основательно, перестали стрелять по нему.

Оправившись от испуга, механик-водитель с кем-то из экипажа на животе подползли к своей машине, осмотрелись и юркнули друг за другом в люк. Видимо, неприятельский наблюдатель заметил, как люк на башне поднялся и опустился, и орудия снова ударили по танку. Однако или калибр у пушек был маловат, или немецким артиллеристам очень неудобно было стрелять по покатому лбу ИСа, стоящего в низинке, как пушкари ни трудились, пробоины ни одной так и не сделали. Болванки только искры высекали из брони. Двое танкистов, не выдержав этой адской молотьбы, совершенно обалдевшие от грохота и звона, кое-как выбрались через люк-лаз и уползли обратно.

Дождавшись темноты, снова отправились на машину, теперь уже все четверо. Отвинчивая надмоторную крышку, загремели нечаянно ключом – немцы посветили ракетой и опять обстреляли невезучий ИС. Били метко, и экипаж вновь «эвакуировался».

О его «страданиях» узнали товарищи с других машин, и той же ночью произошел крупный разговор с оробевшим экипажем. Пристыженные, вернулись ребята под прикрытием автоматчиков (ночь все-таки) к своему танку, отыскали, не обращая внимания на обстрел, и устранили неисправность, после чего ИС, немного сдав назад, скрылся наконец в спасительной складке местности, а затем и присоединился к своей роте. При свете наступившего дня любопытные ахнули, насчитав на броне машины двадцать одну

вмятину от болванок. Вот это грудь! Ремонтник расписывал злоключения танкового экипажа с уморительными, как ему казалось, подробностями – все много смеялись. Слушая со своего ложа вошедшего в раж рассказчика, молча злюсь: а что бы он сам запел, доведись ему попасть в подобную переделку?

9 февраля

В первой половине дня прибыли долгожданные спасители-эвакуаторы, и после совместной восьмичасовой напряженной работы мы были все-таки вытащены! Для этого понадобился известный набор: самоходка – «мертвяк», упершаяся лбом в переднюю стенку капонира, мощный трактор с «жучкой», то есть лебедкой, и метров двести (!) троса с полиспастом в четыре блока. И из-за такой, казалось бы, малости так долго «загорать» в какой-то дрянной осушительной канаве!

Завелся мой двигатель замечательно: очень правильно пожертвовал я антифризом, слив его вовремя, как только кончился газойль и нечем стало прогревать мотор. Машина ожила! Наконец-то можно залезть под нее. Срочно жаркий костер ей под стальное брюхо, чтобы оттаяли тяги, примерзшие к днищу. Ребята, даже автоматчики, с удовольствием чистят, всячески охаживают самоходку – наш дом родной среди чужой земли. Нет, она, пожалуй, для нас для всех гораздо больше значит, чем просто дом... Вот уже рычаги и педали свободно ходить начали. Решаюсь наконец потихоньку двинуться к «оккупированному» нами коттеджику, но через какой-то десяток метров машина «разулась»: лопнул-таки пудовый стальной трак, изувеченный при вытаскивании тем самым зловредным бревном-топляком, которое не позволяло самоходке сдвинуться с места. С воодушевлением (о счастье избавления!) натягиваем свалившуюся гусеницу, но уже сползла в низину темнота, и мы с командиром не решились вести машину по коварному полю, а оставили ее, готовую к маршу, на месте до света.

Труды праведные дружно отпраздновали за ужином. Торжество получилось многолюдным и радостно-шумным. Кроме нас восьмерых за столом были командир и механик старой ИСУ, механик с тридцатьчетверки, тракторист с помощником и шофер нашего эргэовского «Студебеккера» Духанин, привезший нашему экипажу мяса и спирту. И то и другое пришлось очень кстати.

Палыч с Марченко, откомандированные Дмитрием Яковлевичем на хозяйственный фронт, как только машина наша вылезла из канавы, конечно, не управились бы вовремя, но

старшина проявил находчивость и распорядительность и спешно мобилизовал на кухню двух из трех немок, живущих в другой половине дома. Они со знанием дела наготовили гору вкуснейших котлет, и на это давным-давно не виданное яство после долгой возни на морозе все мы набросились с энтузиазмом превеликим, не забыв угостить и хозяек. Пир шел горой. Незаметным образом в центре общего внимания оказался Иван Духанин, многоопытный, видавший виды шофер, человек лет под сорок. Он рассказал о нашем «драпе» из Эльбинга 26 января и о том, как ему, Ивану, пришлось тогда своими собственными руками переметать под безбожно буксующие колеса двухместного студа все хромовые кожи, которыми был доверху загружен кузов. Кожами предприимчивый шофер запасся, по его словам, на открытом настежь складе какого-то кожевенного завода.

– Такой товар! – Тут он горестно покрутил головой. – Весь полк в хромовые сапоги можно было бы обуть, если б, конечно, не успел пропить до конца войны. Даже на одну пару не осталось...

Приложившись еще раза два к глубокодонной кружке и расстроившись вследствие этого еще больше, Иван, к изумлению всех нас, начал вдруг читать Есенина... Разогревшись, потребовал гармонь – и мы прослушали большой камерный концерт с пением и мелодекламацией. А помнил Духанин много и хорошо. Все это было так неожиданно и интересно, что все застолье, особенно молодежь, навострило уши. Не каждый из нас и далеко не всего знал Есенина. С замиранием сердца следим, как сходятся в поединке Есенин светлый с Есениным пьяным и заблуждающимся, по очереди одолевая друг друга. Прекрасно читает и поет Иван. Жаль только, что многовато цыганского «взрыда» в хрипловатом баритоне исполнителя...

10 февраля

Последний раз выпили немного в Заальфельде – на дорогу. Сразу после завтрака – на марш. Асфальтированное шоссе, убегающее к Пройсиш-Холлянду, пустынно, и машина наша с оглушительным ревом и лязгом несется быстро. Стрелка спидометра даже на едва заметных спусках переползает отметку «40 км/ч». «Застоялась, голубушка!» – шутит командир, пряча голову за поднятой крышкой своего люка. Встречный ветер врывается через смотровой лючок, выжимая слезу из глаз, мелкие колючки взвихренного сухого снега впиваются в кожу щек... Во сколько раз возрастает наша масса при такой скорости?

В 12.00 уже достигли города. Подполковник Павлов, выслушав доклад Батищева, приказал нам ожидать дальнейших распоряжений.

Пока суд да дело, испрашиваю у своего командира разрешения отлучиться, и мы с Николаем, оседлав подобранные прямо на улице велосипеды, отправляемся на экскурсию по Пройсиш-Холлянду.

Скользко. Обгоняя несколько военных повозок, съезжаю наискось на обочину и вдруг эффектно обрушиваюсь наземь рядом с тележными колесами. Водитель понурой лошаденки, пожилой солдат, важно восседающий на высоко нагруженном возу и лениво помахивающий кнутом, повернул в мою сторону голову с прокуренными, рыжеватыми усищами и равнодушно обронил: «У тебя, парень, что-то выстрелило, кажись». Оглушенный падением, я не сразу понял, о чем говорит повозочный, и сконфуженно поднялся на ноги. Только теперь я ощутил саднящую боль в правом бедре. Отряхивая от снега диагоналевые шаровары, надетые для форса, с удивлением замечаю маленькую круглую дырку в правой штанине напротив кармана. Пистолет! Он сработал при падении, так как не поставлен был, должно быть, на предохранитель. Хорошо, что мы кладем ТТ в карман брюк рукояткой вверх, а стволом вниз-наружу... Костылев уже спешился и вопросительно смотрит в мою сторону. Сделав ему знак подождать, удаляюсь в пустой дом и осматриваю ногу: посреди бедра, на фоне фиолетового синяка, две ссадины – отпечаток затвора. С досадой выбрасываю из кармана стреляную гильзу.

Экскурсия продолжается. Все трудоспособное население, оставшееся в городе, мобилизовано советским комендантом на работы – очистку от снега и восстановление шоссейной и

железной дороги, разборку завалов на улицах и проч.

На одном из перекрестков встретили Федю Радаева с его закадычным помощником и с каким-то незнакомым сержантом. Знакомство с городом идет теперь под руководством Феди, живущего здесь уже несколько дней. Побывали на вокзале. На пристанционной площади, и на перроне, и в здании вокзала – везде валяются чемоданы, зонтики, саквояжи, коробки из-под шляп, корзины, баулы, дамские сумочки и рюкзаки. Часть поклажи распотрошена любителями трофеев. Незнакомый сержант оказался танкистом из нашей бригады. Он рассказал, что, когда танки и самоходки ворвались на станцию, вся она, вместе с прилежащими улицами и переулками, была забита гражданскими, тщетно ожидавшими поезда. Паника среди пассажиров поднялась невероятная, хотя ни единого выстрела танкисты не произвели... Еще бы! Вместо пассажирского поезда – русские танки.

Бродя по городу, заглянули в один двухэтажный дом. Внизу – никого. В распахнутых шкафах тесно от всякого добра.

Выдвинутый широкий нижний ящик шкафа слева от входной двери наполнен новой или почти новой на вид дамской обувью всевозможных фасонов. И вспомнились мне мамины «расхожие» туфли со стоптанными каблучками...

Наверху загремела команда и послышался шум множества шагов. Поднимаемся по лестнице и через отворенную дверь смежной комнаты видим нашего Радаева, который, важно напыжившись, ораторствует, прохаживаясь перед довольно-таки четким строем обитателей дома, главным образом старух, с почтительным вниманием старающихся вникнуть в Федину речь, состоящую из чудовищной смеси немецких, еврейских, польских и русских слов. Смысл выступления гвардии старшины заключался (насколько уразумели это соотечественники полкового Цицерона) в том, что русские солдаты явились в Восточную Пруссию не затем, чтобы мстить беззащитным жителям и срывать на них свою злость, как это делали на советской земле немецкие солдаты, может быть, сыновья или мужья тех женщин, что стояли перед нашим главрадистом, а для того, чтобы уничтожить Гитлера и всю гитлеровскую камарилью, выкорчевать фашизм подчистую и выветрить его зловредные пары из немецких голов, крепко одураченных или запуганных нацистами... Федя мог бы прибавить к сказанному им, в каком замечательном совхозе на берегу моря жил и трудился он до войны и что от того совхоза ничего не осталось, кроме осиротевших, уродливо перепаханных войной полей, обильно засеянных смертоносным железом; что до сего дня нет ни слуху

ни духу о Фединых родителях и родичах, потому что в тех краях почти три долгих года хозяйничали немецко-фашистские оккупанты, жадно присосавшиеся к благодатной земле, верша расправу за расправой над мирными советскими людьми; и крепко и долго пришлось там драться нашим воинам с жестоким и сильным врагом, чтобы навсегда отбить у него охоту к завоевательским, грабительским походам...

Должно быть, Радаеву наскучила безответная публика, на лицах которой всякий раз появлялось испуганное выражение, если он нечаянно производил какое-нибудь резкое движение. И Федя, похлопав широкой ладонью по жесткой угловатой немецкой кобуре, по-немецки передвинутой на живот, закончил политбеседу такими словами: «Гитлер капут!» и «Аллес ин орднунг!». Наверно, это были единственные выражения, дошедшие до сознания слушателей, потому что они все разом согласно закивали и что-то залопотали.

Торжествующий старшина большими шагами нагнал нас, когда мы почти все вышли уже на улицу через узкую дверь, вделанную в ворота. Вдруг в глубине двора раздался бешеный лай. Оглядываюсь: прямо на нас с Федором несется огромными прыжками, волоча по снегу длинную цепь, здоровенная овчарка. Еле успеваю выхватить из кармана брюк пистолет и выстрелить навскидку в разъяренного пса. Тот смолк и сунулся оскаленной мордой в снег в нескольких шагах от Федора. Кто-то из наших спутников заглянул с улицы во двор и похвалил выстрел, а затем не выдержал и, по танкистской привычке к розыгрышу, ехидно добавил, что так метко можно выстрелить по движущейся мишени только с перепугу... Хотя никакого страха, к удивлению своему, я не успел и почувствовать, но возражать не стал, зато Радаев, сердито набычившись, посмотрел на обидчика. Насмешка повисла в воздухе, никем не поддержанная.

13 февраля

Несчастливое, черт возьми, число! Надо же было, как нарочно, именно сегодня узнать последние новости. Много всего: и хорошего, и грустного. Запишу по порядку. Дня три назад нами обложен со всех сторон Кенисберг – раз! Второе – Федька Сидоров вернулся! Вместе с экипажем. Пешком, так как пришлось своими руками сжечь машину, застрявшую при «драпе» из Эльбинга, чтобы она не досталась фашистам. Экипаж у него прекрасный, а в такой дружной компании можно, оказывается, даже с того света вырваться. Хуже дело у Махнева и Кунгурова («потомка

Чингисхана» и нашего вызволителя в Латвии). У них сильно охладились двигатели (прогревать их под самым носом у противника нельзя было), и, когда немцы неожиданно контратаковали, оба экипажа с боем отступили, оставив свои машины. Фашистов вскоре оттеснили на исходные, но они успели сжечь обе самоходки.

Полк наш уже пополнялся, пока мы «загорали» в Заальфельде, несколькими машинами из других полков, но все равно на сегодня у нас имеется только две трети боевых единиц, считая самоходки Шевырева (у него где-то далеко отсюда вышел из строя мотор) и Ф. Речкалова, застрявшего вообще неизвестно где.

За время нашего отсутствия не стало многих отличных ребят. Только из тех, кого хорошо знаю, погибли в боях: Иван Конышев, Миша Корешков, Василий Зубарев (полный тезка другого В. Зубарева, убитого на Правобережной Украине, в Киевской области, весною прошлого года) и еще один механик-водитель, Зискунов. И Васи Егорова больше нет... Это случилось, как упорно твердят все в полку, по вине обормота Павлова. Хотелось бы знать, как ему теперь спится.

Из экипажа Миши Корешкова чудом спасся лишь один заряжающий Толя Морозов, что заменил на нашей машине в Эстонии Гришу Перескокова, раненного 21 сентября. У Толи перебиты ниже колен кости обеих ног.

Сегодня новые потери: тяжело ранен мехводитель Загребайлов, контужены Федя Буянов и Нил Цибин, мой друг и водитель, с котором в одной машине я воевал в качестве командира машины в августе – октябре на 3-м Прибалтийском. После зимней формировки командиром у Нила стал гвардии лейтенант Саша Ципляев.

Машину их в сегодняшнем бою подожгли на совершенно открытом месте, прямо на шоссе. Двоих из экипажа, заряжающего и замкового, уложило наповал, остальных контузило. Сильнее всех – командира Ниловой машины, яростно-рыжего Сашку, который совсем потерял дар речи.

Когда в районе переправы поутихло, Нил в темноте разыскал мою машину и рассказал, как они загорелись и как уносили ноги.

После взрыва в моторном отделении упали на днище заряжающий и замковый, сраженные осколками. Моторную перегородку вышибло, и пламя ворвалось в боевое отделение. Оглушенный Нил тяжело повернулся на своем сиденье и увидел в люке над собой сапоги наводчика, потом вместо них появилась голова. Наводчик что-то кричал и протягивал Нилу руку. Нил не дотянулся и, зацепившись за спинку сиденья, свалился на убитого

заряжающего. Ладони водителя скользнули по залитому кровью днищу. Пламя жарко дохнуло ему в лицо. Нил вскочил на ноги и ухватился за руку товарища. Тот вытащил его наверх. Вслед за наводчиком Нил свалился мешком с башни в придорожную канаву, заметенную пухлым снегом, и стал кататься в сугробе, чтобы потушить огонь на комбинезоне. Наводчик, лежа рядом, помогал, сгребая на него снег. Командира возле машины они не обнаружили. Покричали на четыре стороны, но даже собственных голосов не расслышали из-за грохота артиллерийского боя. Сориентировались и поползли по дну кювета, распахивая снег; головы поднять нельзя было: над полем и над шоссе густо неслись пули, взвизгивали, верещали и жужжали осколки. Осатаневшие фрицы били даже по горящей самоходке Цибина.

Вдруг Нил (он полз впереди) сильно ткнулся во что-то танкошлемом. Вскинул голову: перед самым носом у него рыжие Сашкины космы, припудренные снежком. Командир полз почему-то навстречу, от своих к немцам. Он тоже поднял лицо, очень бледное, с особенно четкими из-за этого крапинками веснушек, мокрое от растаявшего снега.

– Ты куда?

Очумело тараща глаза на своего водителя, Ципляев попытался разминуться с ним, но Нил загородил дорогу:

– Поворачивай назад!

Однако Саша, странно всхлипывая и сопя, продолжал напирать головою на Нилово плечо. Нил, осердясь, стукнул командира по мокрому бледному лбу кулаком и, ухватив за ворот телогрейки, развернул упрямца в обратном направлении. Водителю и наводчику с трудом удалось заставить Ципляева ползти назад, даже подталкивать приходилось. Ватник на спине командира сильно тлел и едко дымил в глаза Нилу. Водитель содрал с командира расползающееся одеяние и только теперь почувствовал, что у самого припекает спину. Дальше оба ползли в одних гимнастерках.

– Быстрей, быстрей, черт рыжий! – ободряюще покрикивал Нил на товарища, тыча его кулаком в ватный зад, если движения Александра замедлялись.

Так все трое благополучно добрались до знакомой лощинки, полежали немного, отдыхая, и по ней отправились, низко пригибаясь, к своим. Когда лощина позволила им идти уже в полный рост, командир повернулся к товарищам и хотел что-то сказать, но у него только странно кривились губы, напрягалась шея, и, кроме невнятных отрывистых звуков, похожих на рыдание, Нил с наводчиком ничего не услышали... И все поняли. Нил

ласково похлопал Сашу по спине и нахлобучил на голову друга, дрожавшего от озноба, свой теплый танкошлем. Разыскав тылы полка, они расположились, по обычаю, в РТО. Наводчик узнал про трофейный склад и принес оттуда несколько душегреек-безрукавок на заячьем меху.

14 февраля

В этом самом одеянии и застаю вечером, когда перестрелка смолкла, своих друзей, сидящих возле костерка. Подогревшись для профилактики изнутри, они мирно беседуют с помощью блокнота и карандаша, передавая их по очереди друг другу.

После крепких объятий и поднесенной мне консервной банки со спиртом Нил принялся жаловаться на Сашку, который совсем извел своего механика-водителя, заставляя петь. Сначала Нил, решив, что к командиру возвращается слух, со старанием исполнял песни. Спел самые любимые, в том числе романс про белую чайку, застреленную жестоким охотником, затем пел подряд все песни, какие только приходили на память, однако лицо Ципляева оставалось неподвижно-внимательным и обидно-бесстрастным. В конце концов Нилу надоело выступать перед «глухим бревном», как он с досады выразился, да к тому же и несильный голос его совершенно сел с непривычки давать такие большие концерты. Отчасти, конечно, этому способствовали периодические прополаскивания горла «огненной водой». Песенный репертуар иссяк так же, как энтузиазм певца, и тогда осипший Нил задумал схитрить: стал беззвучно разевать рот и слегка раскачиваться, имитируя пение. Но Александр, пристально наблюдавший за движениями Ниловых губ, вдруг погрозил маэстро кулаком, выхватил из полевой сумки блокнот и через минуту протянул своему водителю записку. Нил дал мне прочитать ее. На неровно оторванном листке скачущими буквами было начертано: «А ведь ты врешь, Нил! Ты же не поешь, черт!» Ципляев, заметив, что я разглядываю, улыбаясь про себя, его цидульку, обиженно махнул рукой в сторону Нила: а еще другом называется!

Прощаясь со мной, Нил хмуро сообщил о гибели старшего сержанта Перескокова, заряжающего из нашего бывшего экипажа, на 3-м Прибалтийском. Гришу убило 6 февраля.

18 февраля

Приезжал в темноте начфин со злотыми. Кому и зачем они здесь нужны? Рачитель наших денег привез на передовую печальную весть: вчера на правофланговом участке убит наводчик отдельного экипажа гвардии старшина Митя Салов, с которым мы вместе воевали на Ниловой машине в Эстонии и Латвии и которого я очень любил. Во время короткого затишья смелый экспедитор доставил почту прямо на огневые. Дмитрий обрадованно высунулся из люка и потянулся с башни за пачкой писем и газет. В этот момент рядом с машиной разорвалась немецкая мина. Экспедитор успел броситься на снег, а Салову, неудобно перегнувшемуся вниз, осколок пробил голову. Обидная смерть... И какие люди пропадают!

А сегодня нашего старого однополчанина, механика-водителя Лешку Панасенко, отправили в госпиталь с несколькими мелкими осколками в голове.

23 февраля

Никто в мире не скажет теперь, что Красная Армия не способна поставить на место любого агрессора. И величайшей гордостью за нашу славную армию, за народ наш героический переполнено мое сердце. Настроение хорошее, боевое, несмотря на неважное самочувствие: простыл, должно быть. Дуплетом выскочили чирьи на шее и на лице, голову ломит, кашляю.

28 февраля

Сегодня, впервые за много дней, вовсю светило солнце. Весна, да и только! Хорошо-то как! Ветер с моря, сильный и свежий, налетает упругими волнами. И какого черта не сиделось фрицам у себя дома?

Наш танковый корпус, как узнали мы из приказа, передан назад во 2-й Белорусский фронт. Это означает, что нам здесь сидеть долго. Во-первых, потому, что 3-му Белорусскому фронту, ведущему наступление, мы помочь уже не в силах (судя хотя бы по нашему полку), а во-вторых, и тот и другой фронты хотят иметь у себя на фланге броневой и притом еще драчливый щит.

1 марта

Весна и по календарю – не только по погоде. И в этот первый весенний день, блистающий синевой неба, полный солнца и голубовато-синих теней, прячущихся в гусеничных следах и воронках, в каждом отпечатке солдатского сапога, падающих от стволов деревьев и лежащих на зернистом снегу под стволами орудий, в этот чудесный день погиб со всем своим экипажем, выполняя задание без командира машины, Федя Сидоров.

Полк наш действовал с самого раннего утра двумя группами, слева и справа от леса, который вплотную подступает к длинной гряде прибрежных дюн и кое-где даже взбирается на них. За этой грядою тоже лес и немецкие укрепления. С моря время от времени бьют немецкие корабли, поддерживая и ободряя гарнизон Браунсберга.

Комполка послал своего адъютанта, старшего лейтенанта, на Фединой машине с каким-то устным приказом на правый фланг, высадив командира машины лейтенанта Владимира Федорова, своего сына, о котором в полку поговаривают, что он в бой не ходит. Мне это не известно, а что шестерым в машине тесно – это точно.

Федор Сидоров, известный в полку не только отчаянной смелостью, но и умением быстро и грамотно водить боевую машину, решил не объезжать лес понизу, чтобы не давать крюку в несколько километров, а помчался по верху увала, по нашему скату, временами показывая немцам башню.

В самоходку угодил случайный снаряд, прилетевший с моря, и ее разметало так, что и хоронить было некого. Очевидно, сдетонировал непочатый боезапас. Отметили на карте-двухверстке место гибели экипажа – и все.

Считали погибшими всех пятерых, но во второй половине дня был случайно обнаружен пехотой какой-то офицер, лежавший под откосом в глубоком сугробе. Человек был без сознания, со страшно покалеченными, раздробленными ногами, но дышал. Его срочно доставили в медсанбат и там с трудом привели в себя. Несмотря на сильную контузию, адъютант (а это был он, судя по описанию внешности) нашел в себе силы вспомнить, что с ним случилось: он сидел на башне, свесив ноги в люк и, как положено, не сводил глаз с неприятельской опушки. И вдруг мощным толчком его швырнуло в воздух, и от оглушительного грохота он потерял сознание.

Подвела на этот раз Федю ненужная лихость… Вполне можно было проскочить чуть пониже гребня, но по лысому верху передвигаться куда удобнее и быстрее. И вот Федьки нет. Совсем. И осталось мне лишь одно, очень грустное «утешение»: смерть твоя и твоих ребят была мгновенной… Так мы с тобой и не

доехали до твоего Солнечногорска... Прощай, друг! А фрицам от твоего имени мы обязательно передадим кое-что.

Когда кончилась сегодняшняя заваруха, стало известно, что наш корпус уже полностью возвращен 2-му Белорусскому фронту, то есть мы снова у Рокоссовского. Это означало, что 10-й гвардейский танковый корпус будет продолжать теснить противника в сторону Кенисберга, а наш, 29-й, остается грызться на «колечке». Ну что ж... Кому-то надо попридержать фрица, чтобы он не разбежался, пока его добивают.

2 марта

Все наступаем на Петтелькау. «Морда в крови, но наша берет», как сказал один шутник в сорок, не знаю точно, каком году. Сегодня погиб Петька Савостьянов, еще один механик-водитель. Вот гады немецкие!

Несмотря на недавнее пополнение остатками тяжелых полков, тоже крепко потрепанных в наступательных боях, у нас снова остался только номер части да две-три «ходячих» машины... Земля слухом полнится, и в полку уже поговаривают с надеждой, что нас скоро должны вывести на переформировку. И еще об одной новости упорно твердят – будто части из пределов фронта теперь не выезжают.

7 марта

В карусели жестоких схваток, частых маневров и контрманевров перепутали числа и вечером, после того как заглох бой и наступила долгожданная темнота, встречали... праздник 8-е Марта. Это, конечно, удобный предлог для того, чтобы встряхнуться, сбросить напряжение, тем более что у нас сегодня приятный гость – спасенный нами в начале январского наступления командир СУ-76, прибывший на передовую из Пройсиш-Холлянда.

8 марта

С утра свирепствовала начавшаяся вчера вечером метель, мела и крутила так, что уралец Костылев назвал ее пургой. Зато стрельбы было меньше.

Наш полк, сказал ПНШ-1, уже на переформировке, а мы здесь

на уцелевших поизносившихся машинах все еще «грудью держим фронт». Интересно знать, когда же наш старый хлам сдан будет на СПАМ?

17 марта

Наступаем. Эта немецкая горка била крепко и дорого нам досталась. Всего-то ничего на ней: слева – кирпичные одноэтажные постройки, справа – деревья темнеют. Израсходовав не по одному десятку снарядов, машины наши подобрались вплотную к подошве высоты только к вечеру. Уже темнело и подмораживало. И когда полезли вверх по обледенелому склону, несколько раз скатывались обратно: машины шли юзом. Надо бы перевернуть хоть по четыре трака шипами наружу, да некогда. С четвертого, кажется, захода, потеряв еще одну тридцатьчетверку и самоходку из пополнения, вскарабкались наконец к самым деревьям. Тут стало полегче. Злые и радостные, вломились в какой-то не то сад, не то парк и поползли через него вдоль каменной, в рост человека, ограды: все-таки защита от огня. Чуть не передавил раненых, лежащих в ряд в тени под самой оградой. Испугался: думал, что наши. Автоматчики спрыгнули в снег, чтобы спросить, и тотчас вернулись. Нет, немецкие, человек тридцать, если не больше. Вот гады фашисты! Бросили своих прямо на снегу и по этому самому месту, по ограде, гвоздят вовсю. А раненые даже не пытаются отползти при приближении гусеничных машин. Должно быть, не могут, тяжелые. Объезжаем их стороной: все равно не вояки.

Потом на нижней дороге, с которой мы поднялись на высоту, началась бешеная стрельба, разорвалось две-три фанаты – и снова стало тихо. Через некоторое время стрельба разгорелась с новой силой. Дмитрий Яковлевич приказал вывести машину на край рощи, и мы увидели: длинный гробообразный закрытый бронетранспортер, стреляя наугад по опушке, по домам из крупнокалиберного пулемета, пытается проскочить куда-то. В густеющих сумерках, под нами, лихорадочно трепещут язычки пламени на кончике пулеметного ствола. Отвечают немцам только автоматы из кустов на склоне. Командир приказал выдать нахальному бронетранспортеру «на орехи». Наводчик не подкачал: от близкого разрыва неуклюжая машина подпрыгнула и опрокинулась набок. Рубилкин с Каплей спустились на дорогу и увидели возле бронетранспортера трех убитых немцев. Один из них был офицер с планшеткой. Документы автоматчики забрали, чтобы передать в штаб полка.

20 марта

Взят наконец треклятый Браунсберг! «Щоб йому повылазыло!» – вспомнилось мне гневное проклятие хохла Клименко, моего грустного товарища по Степному фронту летом 1943 года. Эти слова всякий раз вырывались из груди радиста, когда мы влетали с ходу или вползали под огнем на черно-серые пепелища, оставленные фашистами вместо приветливых белых или слегка голубоватых хатынок, а дымная гарь цепко держалась среди поникших и обуглившихся вишневых садов.

Как только пальба на улицах поутихла и стало можно без опаски вылезать из машин, мы с Николаем-замковым с разрешения командира немного побродили по городу, стараясь не отдаляться от своих. Под тяжелыми кирзовыми сапогами хрустит и пересыпается битая красная черепица и оконное стекло. Двери и окна домов нараспашку. В нескольких местах город горит, и дым ленивыми волнами расползается по улицам, площадям и дворам. Фигуры военных, торопливо шагающих по своим делам, и проезжающие мимо нас машины кажутся в медленных колебаниях нагретого воздуха призрачными.

Свернув с главной улицы в боковую, мы наткнулись на какую-то круглую средневековую башню. Она не заперта. Заходим из любопытства. Внутри размещается музей. У нас такие называются краеведческими. Бегло знакомимся с экспонатами. Они все целы. Профессионально заинтересовал нас другой зал – с оружием. Он находился на втором этаже. Тут мы задерживаемся подольше. Чего здесь только нет: луки, арбалеты, мушкеты, гладкоствольные старинные пистолеты и ружья фридриховских времен; копья с разными наконечниками, даже с изуверским пилообразным; рыцарские доспехи в полном комплекте и россыпью; конская сбруя с бляхами и стальными острыми шипами; клинки на любой вкус и силу: мечи, сабли, палаши, тесаки, рапиры, шпаги, кинжалы... Словом, вся местно-прусская история состоит больше чем наполовину из оружия...

– У, головорезы! – останавливается коренастый Николай перед древним тевтонским мечом, синевато отсвечивающим в тени каменной ниши.

Длина этого двуручного орудия смерти с обоюдоострым лезвием равна росту моего товарища. Но Костылев по-уральски крепок: он легко вытаскивает меч из тяжелой подставки и подносит к узкому стрельчатому окну-бойнице. Рассматриваем страшилище: вдоль лезвия, почти до самого острия, тянутся два параллельных желобка для стока крови (какая предусмотрительность!), а между ними – краткая надпись

колючими готическими литерами: «Тринк блюд». Это рыцарское заклинание мне удалось (спасибо нашей беспощадной «немке» Анне Иосифовне!) расшифровать без труда: «тринк», без сомнения, императив от «тринкен» (пить), а «блюд» очень похоже на «блют» (кровь).

21 марта

«Штатных» автоматчиков с нашей машины забрали. Она уже еле ходит. Из города нас отвели. Это означало, что и для нашего экипажа наступила формировка. «Загораем» и пьем дрянной немецкий шнапс – с досады, а также за отсутствием лучшего напитка.

22 марта

И вот утром мы спохватились, что не разжились трофеями в Браунсберге. А ведь разрешено даже посылки отправлять домой. Только никто Из нас до сих пор не удосужился ничего отправить родным. Нет, я не забыл, что мама и малые сестры ушли из Смоленска в летнем «обмундировании», в чем война застала, и как они, горемыки, три с лишним года перебивались на бывшей антоновской родине, а с октября прошлого года не густо хлебают в разоренном и сведенном почти на нет, но по-прежнему родном городе, ставшем еще дороже для них. И много ли помог им мой лейтенантский аттестат? Денег, получаемых матерью ежемесячно, хватает всего на пару буханок базарного хлеба. Интересно, для кого этот приказ насчет посылок? Для трофейных команд? Так они и без него свое дело знают. Или воевать, или трофеи собирать. В Заальфельде, кажется, тридцатьчетверка нечаянно въехала в широкую витрину ювелирного магазина. Посыпались золотые часы и прочие драгоценные безделушки, до которых никому в ту минуту не было дела.

Показались по бокам шоссе места, где недавно дрался наш гвардейский, ежедневно тающий полк. Завидя стоящую посреди голого поля ИСУ, вспоминаем, чья именно машина и при каких обстоятельствах была подбита или сгорела.

Под Тидмансдорфом Витьки Братцева могилка, у самой дороги. Он был не только водитель хороший, но и товарищ прекрасный. Все без уговору спешиваемся и тихо подходим. Наспех насыпанный земляной холмик уже осел и расползся, невысокий столбик с прибитой к нему фанеркой покосился, сама

фанера покоробилась, а неровная надпись на ней расплылась.

Опустившись на колени, обвожу простым карандашом слова: «БРАТЦЕВ ВИКТОР, гвардии техник-лейтенант, механик-водитель. 1924 – март 1945».

Молча постояли, обнажив головы. Сколько же дорогих могил, порою вовсе безымянных, оставили мы на своем пути «в схватках жарких, за немцем в погоне, пролагая дороги великих побед»? Кто присмотрит за ними? Не забудут ли люди, которые будут жить в этих краях после войны, о тех, кто, жертвуя собой, добыл человечеству мир? Подумалось так почему-то, должно быть, не только мне, потому что народ, трясясь в кузове «американца», грустно попритих, но вскоре неожиданная дорожная встреча настроила нас на иной лад.

Километрах в двадцати от Браунсберга, в какой-то деревне, из кузова встречного грузовика кто-то замахал нам обеими руками, точно ветряная мельница, громко и радостно вопя, а затем бешено забарабанил в два кулака по крыше кабины. Духанин, услыша такой же гром над своей головой, затормозил. По пустынной улице, разбрызгивая грязный талый снег, бежал к нам, да нет, не бежал, а летел не кто иной, как сам «курский соловей» – Миша Краснухин, наш мехводитель, крепко задетый немецким осколком еще в феврале.

После коротких приветствий Мишу дружно втащили в кузов и, передавая из рук в руки, облобызали его колючие щеки, не забывая при этом крепко, с братской нежностью похлопывать по широкой, надежной спине. Несколько флегматичный Мишка только блаженно улыбался, почувствовав себя в родном кругу. Тут же единогласно решено было плюнуть на трофеи и приказано шоферу поворачивать обратно, так как все равно уже начинало темнеть, надоели частые задержки у КПП, понатыканных чуть не на каждом перекрестии дорог. Да еще временами прилетали с моря увесистые «гостинцы», предназначенные, как пить дать, для рокадного шоссе, по которому наш исцеленный Мишка мотается целый день на «чужих» машинах, безуспешно разыскивая свой полк.

Вернулись в расположение, к «родному очагу», спешно соорудили «встречный» ужин и уселись за стол. Нил долго любовно изучал добродушную Мишину физиономию, а затем тихо произнес:

– А ведь ты, Моня, стал у нас теперь гвардии шероховатый!

Все прыснули беззлобно. Действительно, все лицо Краснухина, желтовато-бледное после госпиталя, было обильно усеяно неглубокими крапинками – следами брызг горящего газойля.

– Ничего, главное – глаза целы, – защищался Миша, – и девки рябых зато больше любят!

Беспалов привез откуда-то еще двоих наших: командира ИСУ Федьку Речкалова и Василия Зубарева. Водитель речкаловской машины Темненко сломал ногу, а Васька Зубарев вернулся буквально с того света, так как числился в списках погибших уже больше месяца. По поводу его «воскрешения» хлопцы срочно нагнали горилки из барды, которая бесполезно бродит в чанах здешнего пивного заводишки.

23 марта

Привели свою машину в порядок. Здесь сразу два СПАМа: 83-й и 125-й, и мы не знаем еще, в который будем передавать самоходку и что нас ожидает: в полк возвратят или направят в другую часть, чтобы возместить людские потери.

25 марта

Сдал машину Федьке Буянову. Он теперь техник-контролер и сразу стал ужасно важным. Отвоевался. Не знаю почему, но ничуть ему не завидую.

И вот мы без «коня». Бредем впятером, всем экипажем, не спеша по Мальцайтену. Настроение, разумеется, весеннее и самое праздничное.

26 марта

Мальцайтен – небольшой населенный пункт, и его с трудом можно назвать городишком. В одном из кирпичных домиков, на главной, по-видимому, улице, живет наш экипаж. Улица эта идет вниз, к небольшому озеру. Отделенная от озера железнодорожной насыпью, торчит справа, на возвышении, колючая кирха. За нею толпятся одноэтажные домишки, половина которых пустует, брошенная жителями. По левую руку почти вплотную к строениям подступает в нескольких местах хвойный лесок.

Бесцельно бродим с Речкаловым по скучному «штэдтхэну» и, не найдя других достопримечательностей, решаем заглянуть в серую кирху. Она не заперта. Внутри никого и ничего, кроме сложенных в низкий штабель тюфяков. Сквозь узкие стрельчатые окна косо падают вниз солнечные полосы, и в них,

подтанцовывая, роятся мельчайшие пылинки. Направляемся дальше, к железнодорожной станции. На запасном пути – длинный состав из низкобортных платформ, нагруженных трофейной техникой – главным образом пушками всевозможных систем и калибров. Около орудий хлопочут немки – женщины и девушки, отчищая наждачной бумагой рыжую ржавчину на стволах и лафетах и смазывая их затем солидолом. Бессмысленное занятие: все равно ведь вся эта сталь пойдет на переплавку.

Работающих охраняли несколько пожилых солдат, вооруженных винтовками. Поэтому круглолицый смуглощекий Федька, заглядевшийся было на аппетитную немочку, которая озорно косилась в нашу сторону, трудясь над открытым замком здоровенной 210-миллиметровой гаубицы, притушил хищный блеск своих чернослив овых глаз и скорчил такую постную мину, что стал очень похож на кота из какой-то притчи. Хвостатый плут, убедившись, что печенку, которую предусмотрительная хозяйка подвесила под самым потолком, стащить не удастся, будто бы равнодушно промурлыкал: «А я сегодня пощусь!»

Мы удалились в сторону овального озера, почти лишенного прибрежной растительности. Может быть, так только казалось из-за того, что кустарники еще не одеты в листву. На серой водной глади, свободной уже ото льда, плавал одинокий белый лебедь, держась самой середины озера.

– Осторожничает: напуган войной. И военными... – задумчиво заметил Федя, любуясь красивой гордой птицей. – Лебеди очень зорки. Смотри.

Он нагнулся, поднял с земли палку и приставил к плечу, словно винтовку. Лебедь, секунду назад спокойно курсирующий метрах в трехстах от берега, окатывая себя водой и охорашиваясь, тотчас стремительно прибавил ходу.

Он вытянул длинную шею, развернул большие белоснежные крылья и стал помогать себе частыми взмахами, задевая воду и окружая себя радужным ореолом мелких брызг, разноцветно вспыхивающих на солнце. Некоторое время птица словно бежала по воде, делая стартовый разбег, затем плавно взмыла и, грациозно взмахивая крылами, стала удаляться, быстро превратившись в маленькую белую точку на голубом фоне.

Проводив красавца долгим взглядом, мы двинулись вдоль озера вправо и на закруглении берега, в специально прорытом канальчике, прикрытом кустиками лозняка, обнаружили полузатопленную лодку с рыбообразным куском нерастаявшего льда, лежащего на днище. Выволокли посудину на сушу, вылили из нее воду и осмотрели: она оказалась вполне надежной. Решено

было порыбачить. Вернулись в «город», разжились у запасливых спамовцев крючками и леской и на вечерней зорьке «открыли путину»: удили с лодки. Однако наши надежды поразнообразить свой скудный стол не оправдались... Продрогшие на сыром ветру и злые, возвратились мы не солоно хлебавши домой, но настроение наше поправила горячая вода, оставленная для нас в железной бочке на чердаке, где экипаж мой сегодня банился. С удовольствием лебедем плещусь в корыте. Как мало порою человеку нужно!

30 марта

Полная весна! Снега на полях уже нет – он сохранился небольшими островками лишь в тенистых местах оврагов, в лесу да под северными стенами построек.

Жмурясь от яркого, только что оторвавшегося от черты горизонта солнца, шагаем на охоту к озеру, откуда доносится шумное хлопанье крыльев и возбужденное утиное кряканье. Втроем усаживаемся в лодку, привязанную к деревянным мосткам. Один гребет, двое с заряженными карабинами расположились на носу и на корме, готовые в любой момент открыть убийственный огонь по кряквам, которые сделали на этом тихом озере дневку, чтобы передохнуть и подкрепиться после длительного перелета.

Но хитрые утки ведут себя очень осторожно: пасутся на открытой воде, а при приближении нашего «дредноута» дружно ныряют и появляются на поверхности далеко от места погружения и в совсем неожиданном для стрелков месте. Сделав несколько безуспешных попыток подплыть к птицам в открытую, мы тоже начинаем хитрить. Отведя лодку в прибрежные заросли, нарезали камыша и замаскировали им весь левый борт, обращенный к озеру, а затем стали медленно и бесшумно красться, прижимаясь к берегу. Однако утки, словно в насмешку, подпустив нас метров на сто, дружно взмыли вверх и перелетели на соседнее озерко. Мы проводили взглядом улетающий завтрак и поплелись, удрученные, восвояси.

Идем по задворкам покинутых деревенских усадьб и вдруг над распахнутой дверью заднего крыльца видим здоровенного рыжего кота с широкой мордой и нахальными зелеными глазищами. Он с таким издевательским и одновременно злым выражением на усастой роже уставился на нашу троицу, что впечатлительный Федя Речкалов прорычал какое-то проклятие и потянул с плеча карабин. Кот, не сводивший с нас настороженных

круглых глаз с вертикальными прорезями зрачков, прыгнул вниз и молниеносно скрылся внутри дома. Федя за ним. В комнате что-то с грохотом упало, потом глухо бабахнул выстрел, и из окна (стекол в нем не было) рыжей молнией выметнулся взъерошенный кот, перевернулся, приземляясь через голову, и во всю мочь удалился большими прыжками по голому полю к оврагу, на склонах которого густо краснели прутья вербняка в праздничном наряде из пушистых желтых, овальной формы соцветий. Топая сапогами и страшно чертыхаясь, выбежал на крыльцо распаленный преследователь, держа карабин на изготовку и отыскивая глазами беглеца. «Мстителя» поймали за плечи и не дали выстрелить: на поле перед озером бродили несколько человек – женщин и стариков, – которые ковыряли вилами глинистую землю, собирая, очевидно, случайно оставленные с осени картофелины.

В эту самую минуту прибежал запыхавшийся Николай, который, весь сияя, объявил, что за нами приехали.

– Будем считать, что рыжей бестии дьявольски повезло, – процедил сквозь зубы Речкалов и разрядил оружие.

Через несколько минут, оживленно переговариваясь на ходу, мы достигли своего голодного бивака.

Перед нашим «расположением» появился «Форд». Шоферы деловито заправляли «Студебеккер» бензином из привезенной бочки, а на крыльце неторопливо покуривали капитан Поляков и Володька Федоров. Они порадовали нас хорошими новостями: 28 марта взят город-порт Гдыня (Гдинген), а вчера – и главный польский порт Гданьск (Данциг).

Поколесить по разбитым и по хорошим дорогам пришлось изрядно, но все же к вечеру мы прибыли в полк, уже отведенный из Пруссии в Польский коридор.

Записываю самое памятное дорожное впечатление. Мы приближались к какому-то городку. Шоссе с обеих обочин тесно обсажено старыми деревьями. То и дело приходится осторожно объезжать, принимая вправо или влево, подбитые белые и сожженные закопченные Т-34-85, а также черные немецкие «гробы». Одна из белых тридцатьчетверок, что не дошла до окраины всего метров семисот, насквозь пронзила стволом своей длинной пушки старый тополь и наискось перегородила половину проезжей части шоссе. Обогнули этот танк с трудом. Пока шофер «Студебеккера» маневрировал, все пассажиры повылезали из машин и окружили тридцатьчетверку. В лобовой броне ее обнаружили пробоину – чуть правей и повыше люка механика-водителя. Все люки машины были закрыты, а ключа при себе ни у кого не оказалось.

Уже снова трясясь в кузове, мы стали гадать, как это могло случиться и что сталось с экипажем. Дерево как будто совсем не гнилое и в диаметре более полуметра. Должно быть, механика либо убило, либо он потерял сознание при взрыве, и танк, потеряв управление, покатился на дерево, а наводчик успел нажать, умирая, на спуск и всадил бронебойный снаряд в ствол дерева в упор. Орудие с разгону прошло вслед за своим снарядом сквозь древесину. Тут двигатель, конечно, заглох, и тридцатьчетверка, проткнувшая, словно копьем, тело могучего корявого великана, замерла на дороге... Появления здесь наших танков, видимо, ждали и встречу организовали горячую. Тридцатьчетверки, мчавшиеся по шоссе во весь опор, попали под прицельный огонь и прямо с марша вступили в бой. Танкистам было трудно: немецкие артиллеристы били на выбор, а нашим танкам не дали сразу развернуться и мешали стрелять придорожные деревья. И все-таки верх взяли ребята из какой-то другой бригады (номера на башнях были не наши). Это подтверждали разбитые и опрокинутые вражеские пушки и множество неубранных трупов в немецкой форме. Еще одну тридцатьчетверку, сгоревшую в самом городе, мы встретили на уличном перекрестке. Танк стоял, упершись стальной грудью в поваленную им пузатую афишную тумбу с большим плакатом, на котором изображен черный скрюченный силуэт шпиона в темных очках, в шляпе-котелке, сдвинутой на нос, и с поднятым воротником пальто, а над зловещей фигурой – белые неровные буквы: «Pst!»

Наконец-то мы на «земле обетованной»! Тут, в лесу возле Долобова, на месте декабрьско-январской стоянки нашего полка, побывала не одна родственная часть: вырос целый полуподземный городок; землянки наши изнутри обшиты тесом, нары настланы – живи не хочу. После всех прусских передряг даже не верится, что мы – это те, что уехали отсюда 14 января. И главное: встреча с боевыми друзьями, которых осталось в живых так мало, что каждый из них стал тебе неизмеримо дороже, чем каких-нибудь три месяца назад.

Вот чертушка Нил – «Не клади – палец – в рот», водитель. Рядом буйно-рыжий Саша Ципляев, его командир машины. Добрейший Дмитрий Яковлевич Батищев, командир взвода, интеллигент от танковых войск. Добродушный, как все богатыри, водитель и бывший боксер Вася Бараненко. Чернявый и незаметно чумазый поэтому маленький Миша Топаз – хороший человек и товарищ. Алексей Петрович Ходосько, недостижимый, как мне кажется, идеал человека, тоже водитель. Сережа Федотов, в батарее которого довелось мне повоевать в качестве командира

машины на 3-м Прибалтийском. Мой спаситель, узкоглазый и по-казахски красивый Кабылбеков... Как же вас мало вернулось – даже дыхание перехватывает и сердце сжимается от боли.

Всех вновь прибывших позвали в просторную землянку – «кают-компанию» – ужинать и, понятно, отпраздновать встречу, так как каждому возвращающемуся сюда из восточнопрусских «тылов» радовались ребята больше, чем родному.

За столом сошлись остатки всех четырех батарей, так что народу собралось как будто даже порядочно. Вскоре сделалось шумно и весело: «И забыто – не забыто, а не время вспоминать, кто и где лежит убитый и кому еще лежать...» Посыпались веселые шутки, полились песни.

Конечно, опять здорово насмешил всех Нил, поведав самую свежую и правдивейшую историю о том, каким оригинальным способом возвратился к Сашке Ципляеву дар речи.

После моей памятной встречи 13 февраля со свежеконтуженными «погорельцами» они, продолжая вести кочевой образ жизни, не спеша перебирались от машины к машине, от «дорфа» к «дорфу» и через энное количество дней отыскали свою РТО, то есть очутились в ближнем тылу, где при кухне и в тепле вполне пришли в себя и только тогда обратили, наконец, внимание на свой внешний вид. Оба бравых офицера гвардии очень походили на поизносившихся бродяг и выглядели весьма живописно: без шинелей (они сгорели в машине), в заячьих куцых кацавейках, в перепачканных и местами прожженных шароварах. Голову водителя венчал прожженный зимний танкошлем, а у его командира красовалась на макушке маленькая, сплюснутая и страшно замызганная солдатская ушанка, подобранная где-то в поле во время скитаний. Особенно коробил этот наряд Нилова командира, человека аккуратного и даже несколько франтоватого.

По этой самой причине гвардии лейтенант Ципляев страстно жаждал встречи с начальником ОВС (отдела вещевого снабжения). И вот капризная фортуна повернулась наконец к Саше, как говорится, лицом, а к лесу задом. Ципляеву удалось в один прекрасный, без обстрела и бомбежки, день засечь палатку, где обосновался прибывший поближе к боевым порядкам полка капитан-интендант, либо движимый тем общим душевным подъемом, который овладевает людьми, ведущими успешное наступление, либо попросту выполняя приказ своего непосредственного начальника – замкомандира полка по хозяйственной части. Приосанившись, Саша жестом приказал Нилу следовать за собой и решительно зашагал к вещевому складу. Водитель остался у входа в палатку, а командир, откинув

полог, вошел внутрь, где за столом из двух поставленных один на другой ящиков восседал на ящике же, заменяющем стул, сам начальник ОВС. В дальнем конце длинной палатки возился еще кто-то, вороша разное военное имущество.

О чем беседовали его командир с интендантом, Нил приблизительно представлял, но как она протекала, мог только догадываться по спокойным ответам капитана, так как Ципляев все еще объяснялся примитивными жестами да каракулькаами на бумаге. Очевидно, стороны, ведущие переговоры, не пришли к обоюдному согласию, потому что, по свидетельству Нила Тимофеевича (человека, несомненно, правдивого и совершенно беспристрастного), палатка вдруг зашаталась, как во время бури, полог ее резко взметнулся вверх, хлестнув водителя по тонкому носу, и наружу вылетел взъерошенный Сашка. У самого выхода он споткнулся о толстый тюк и от этого рассвирепел еще больше. Глаза его посветлели от гнева, лицо раскраснелось, а рот судорожно захватывал сырой морской воздух.

Не замечая собственного мехводителя, отступившего из предосторожности на шаг в сторону, Ципляев приостановился, растопырив руки со сжатыми кулаками, весь напрягся, мучительно вытягивая шею и шипя, словно рассерженный гусак... И вдруг по ушам Нила хлестнуло коротенькое, как выстрел, словцо, традиционно заменяемое в книжках многоточием. Это произошло так неожиданно, что оба друга, командир и механик, буквально остолбенели от изумления. Затем довольная улыбка медленно и широко расплылась по Сашиному лицу, начисто смыв разгневанное выражение. Нил, вне себя от восторга, крепко обнял своего более короткого командира, оторвал его от земли и закружил вокруг себя. И они удалились в обнимку, ни разу не оглянувшись на заповедную цитадель, из врат которой недоуменно выставились головы начальника ОВС и кладовщика...

– Это был, – подчеркнул Нил, многозначительно подняв над головою жилистый палец, – исторический, переломный момент, так как с того самого дня, то есть с неудачного визита к капитану, наш «рыжуня» начал успешно овладевать русской разговорной речью. Поэтому предлагаю выпить за наш «великий, могучий, свободный и прекрасный русский язык». Я назвал бы наш язык еще и целебным и думаю, что Иван Сергеевич в данном конкретном случае согласится с нами и не будет на нас в обиде. Ура, товарищи!

1 апреля

Утром было общее построение. Начштаба прочитал приказ о переброске нашего 29-го гвардейского танкового корпуса (10-й гвардейский продолжает сражаться в составе 3-го Белорусского фронта) на оборону Гдыни, где он должен сменить 19-ю армию, занимающую сейчас участок на побережье от города Колибкен до Гдыни.

На офицерском совещании нас предупредили, что немцы, прижатые к самому морю, часто контратакуют и что дело доходит до рукопашных схваток. Все равно – даешь! Лишь бы не сидеть сложа руки.

Весь личный состав нашего полка сведен в две жиденькие роты, назначены командиры рот и взводов. Все механики-водители и даже несколько командиров машин остались не у дел, потому что командовать им было некем. «Обойденные», мы сердимся, просим, чтобы из нас сформировали хотя бы отдельный полувзвод, но было строго-настрого оставаться в резерве командования полка. Может быть, это и правильно насчет сохранения опытных водительских кадров, но все равно как-то обидно.

Быстрые сборы и отбой пораньше. Засыпая, вспомнил, что Але уже семь стукнуло. В школу этой осенью пойдет. И по всем признакам – в мирное время!

2 апреля

Продвигаемся к цели очень медленно: исковерканное войною шоссе запружено всевозможной техникой – это перемещаются друг другу навстречу сразу две армии.

3 апреля

За истекшую ночь колонна наша проползла всего один (!) километр. Дорогу, точнее, время дорожное помогал мне коротать Нил. Привалясь сырыми спинами друг к другу, мы то вели ленивую беседу, то начинали клевать носами.

Когда уже совсем рассвело, бесконечные вереницы войск на дорогах пришли наконец в движение. Днем без задержек мы проехали Цоппот (Сопот) – приморский городок между Данцигом и Гдыней.

Более полутора суток тащимся в Гдыню. Вторая ночь застала нас недалеко от места назначения. Отчетливо слышна сильная артиллерийская стрельба.

Наша колонна остановилась в полной темноте среди развалин неведомой польской деревушки, и мы получили приказ выспаться, так как завтра на рассвете полку предстоит занять отведенный ему участок обороны. Чуть не ощупью удалось нам отыскать в сырой туманной тьме полуразрушенный домик. Главным его достоинством была крыша, сползшая почти до земли. В комнатушках, похожих на клетушки, набилось так много людей, что, несмотря на вентиляцию через разбитые окна и множество пробоин в стенах, в помещении сделалось очень душно от испарений, выделяемых нашей мокрой одеждой.

4 апреля

Всем офицерам, кроме командиров пехоты в танкошлемах, приказано остаться в резерве, но мы с Речкаловым тайком уехали (это пахнет явной разболтанностью) вместе со своими в Гдыню.

Полк занял участок побережья у южной окраины города, в районе большого стадиона, неподалеку от порта. Море Балтийское плещет у самых ног. Вдали, в легкой дымке, возле Хели, курсируют корабли противника, постреливают по городу и порту. Наши тяжелые орудия сердито отвечают им откуда-то из-за нашей спины. Вкрадчиво пришепетывая, снаряды проносятся высоко над головой в сторону песчаной косы. Музыка эта не прекращается ни днем ни ночью.

Городские кварталы начинаются у самого стадиона и поднимаются пологими ступенями-террасами вверх, поэтому снизу, с берега, хорошо видно, как погибают здания. Прошелестит тяжелый «чемодан» со стороны моря, через секунду-другую вздрогнет земля, и вдруг какой-нибудь дом на глазах у тебя вспухнет, раздаваясь вширь, а затем развалится под грохот взрыва и исчезнет на некоторое время в туче красной и белой пыли, черного дыма и мелких обломков. Пыль потом еще долго висит в воздухе над новой развалиной, лениво оседая на мостовую и соседние крыши.

Центр нашей позиции – стадион. Середина его открыта со стороны моря (красиво!), и поэтому прямо на ярко-зеленом уже футбольном поле, в специально вырытом глубоком капонире, скучает, неся бессменную вахту, наша единственная, еще по-зимнему белая ИСУ, а на противоположном краю поля, недалеко от каменных скамей, сооруженных в виде амфитеатра на крутом склоне, установлена трехорудийная зенитная батарея. В центре ее расположения находится морской дальномер на треноге. Офицеры с расчетами живут тут же, на беговой дорожке, готовые

к делу в любую минуту.

Напротив левого, если смотреть из города, виража стадиона стоит половина трехэтажного здания. Другой половины дома (он обращен торцом к морю) нет: она лежит бесформенной грудой кирпича, обломков железобетонных перекрытий с причудливо искривленными стержнями каркасов и потолочных балок, покореженных чудовищной силой взрыва.

Ниже этого здания, у самого берега, – длинная дюна, в гребне которой укрылся неглубоко под землей НП с тремя длинными узкими амбразурами, обращенными к заливу. Против каждой амбразуры – стереотруба (по-ниловски «стерва-труба»). Все светлое время суток от окуляров не отрываются наблюдатели.

Левее НП, в нескольких сотнях метров, почти у самой воды пришвартован немецкий миноносец с перекинутыми на берег сходнями. Должно быть, в страшной панике были фашисты, раз не взорвали и даже не притоп или корабль.

Ближе к нашему расположению дремлет большая морская баржа, где уже успели побывать самые любопытные. Некоторые из наших франтов вырядились было в голубовато-серые штормовые костюмы, что составляли основной груз баржи, но, попарившись в этой непромокаемой роскоши, скоро отказались от нее.

На правом фланге стадион прикрыт со стороны моря высокой дюной, поросшей сосняком. В склоне дюны, обращенном к городу, – добротно сделанные немецкие землянки, в которых размещается наша «пехота» и где нашлось местечко и для нас с Федей Речкаловым. Противоположный склон заканчивается обрывом над морем. По тому склону тянутся, следуя изгибам береговой линии, два, а кое-где три ряда окопов полного профиля с оборудованными пулеметными гнездами и стрелковыми ячейками. Грунт песчаный – зарываться легко.

Странно видеть то там, то здесь торчащие из окопов головы в танкошлемах – это уже заняли свои посты наблюдатели. Под пушистыми молодыми сосенками наших позиций ни с моря, ни с воздуха не обнаружишь.

Под обрывом – узкая песчаная коса. Холодные свинцово-серые плоские волны лениво лижут песок.

Днем приняли свой участок, а с этой ночи полностью отвечаем за него. С наступлением темноты (вероятнее всего, немцы отважатся на высадку десанта только в ночное время) половина личного состава полка занимает места в окопах и траншеях. Остальные будут отдыхать в землянках за гребнем высоты, всего в нескольких десятках метров от бодрствующих товарищей, подремывать вполглаза: на северо-западе, возле померанской границы, в считаных километрах от нашей окраины,

непрерывно гремит бой; идет ликвидация последнего очага сопротивления противника на нашем участке побережья.

5 апреля

Ранним утром отправились с Федей умываться к морю. Рысцой обогнули дюну, чтобы не набрать песку в сапоги, спускаясь с обрыва. Потом бежали по узкой прибрежной песчаной полоске вправо до тех пор, пока не нашлось местечка, где не покачивались бы среди источенных водой и солнцем обломков льдин трупы немцев, прибитые волнами к берегу.

С моря тянет таким пронзительно-бодрящим холодом, что мы постарались как можно быстрее завершить свой первый в жизни «курортный» туалет и сдернули с поясов новенькие вафельные полотенца. Энергично растираясь, Федя увидел у меня за ухом белый клочок мыльной пены и насмешливо заметил, что даже у них в Узбекистане не боятся так холодной воды, хотя настоящей зимы там, особенно в долинах, люди и не знают. Слышать это было обидно.

– Может быть, ты желаешь посмотреть, как у нас умеют плавать?

– Ставлю часы, что не окунешься даже! – подлил Федя масла в огонь, постукивая зубами и судорожными движениями влезая в гимнастерку.

Ну, это уж слишком! Быстро сдергиваю с себя все, вплоть до подштанников, облюбовываю плоский гладкий камень метрах в пяти от берега и бреду к нему. Ледяная вода жжет ноги, но надо сохранять непринужденный вид: мы на пляже. Глубина около камня чуть повыше колен, и можно с него взять старт. Покосившись на плавающее неподалеку распухшее тело в немецкой шинели, ныряю. Меня словно сдавило железными обручами, дух занялся, но отступать никак нельзя. Остервенело работая руками и ногами, рвусь вперед. Это, несомненно, был самый быстрый кроль в моей жизни. Уже очутившись метрах в тридцати от берега, слышу отчаянно-призывный вопль: «Убедил! Жми назад!» Описываю небольшую плавную дугу (знай наших!) и, рассекая волны и пеня воду пятками, стремительно, точно торпедный катер, несусь обратно.

На влажный плотный песочек выхожу с нарочитой неторопливостью и начинаю крепко растираться жестким скользким полотенцем, исподтишка наблюдая за приятелем. На его круглом смугловато-розовом лице ясно написано смущение. Он медленно снимает с левой руки браслет с трофейными

золотыми часами – свою гордость – и, отведя взгляд, молча протягивает мне. Но победителей всегда отличало великодушие.

– Оставь их себе на память и впредь насчет пари будь по...

Тираду мою прервал сильный грохот за нашей спиной: взрывы раздавались один за другим, по-видимому на стадионе. Переглянувшись, мы помчались назад, застегиваясь на ходу и вздрагивая, но прежний путь показался нам слишком долгим. Решив сократить его, лезем прямо на обрывистый склон дюны, помогая друг другу. Из окопчика почти на самом гребне холма окликает нас Семенов с ППШ на груди.

– Туда бьют, – показывает заряжающий через плечо, – надо переждать здесь.

А сам с удивлением косится на наше обмундирование, извоженное в сыром песке. Артналет побушевал еще несколько минут, и стало тихо. Возвращаемся к своей землянке. С ее порога видно почти все футбольное поле. На зеленой траве чернеют свежие снарядные воронки; низко стелется, заполняя овальную чашу стадиона, сладковатый тротиловый дым. А морская батарея стоит целехонька. Самочувствие у меня после морских ванн прекрасное. Озноб после быстрой ходьбы пропал, и завтрак из приевшихся концентратов показался вкусней.

6 апреля

Начальник штаба полка еще раз лично проверил, все ли его указания по усилению обороны (углубление окопов, ходов сообщения, оборудование запасных огневых точек и пр. и пр.) выполнены, и остался доволен. Словом, засели мы в обороне, кажется, не на шутку. Плотно.

Погода стоит хорошая, весеннее солнце ярко светит, небо голубое, травка зеленеет – курорт...

Вечером на футбольном поле у самого моря резвятся с мячом артиллеристы и самоходчики посреди зенитной батареи, стараясь не влететь на бегу в снарядную воронку.

Сегодня после земляных работ сражались с Мишей Топазом в шахматы. Помпотех мой проиграл. Он стоик: считает, что главное – не пасть духом при поражении, а радость победы сумеет пережить каждый.

Готовлюсь ко вступлению в партию. Оно затянулось с 4 января, когда меня приняли в кандидаты на партбюро полка, но потом началась усиленная подготовка к наступлению и само наступление.

По совету старших друзей первый написал Лидии Саловой.

Послушался, хотя и чувствовал, что так не надо бы... А как?

9 апреля

Чуть не до рассвета работают наши летчики на куцекрылых «Бостонах», а мы созерцаем пышные огненные фейерверки, то и дело расцветающие над невидимым в ночи портом, затем до наших ушей доносятся глухие раскаты, подобные отдаленному грому.

Отчетливо представляю себе, что там сейчас творится, а перед глазами невольно встают немецкие бомбежки Смоленска в конце июня – начале июля 1941-го, и мстительная радость наполняет сердце.

Сжимая кулаки, стоит рядом со мной у распахнутой в ночь двери Вася Бараненко, поднялся с пола уснувший было Сергей Федотов и, накинув на широкие полноватые плечи шинель, втиснулся между нами, одобрительно окая при особенно мощных взрывах:

– Вот дают жизни орлы!

Это был так называемый «москитный» налет. Самолеты выходили на цель поодиночке, разными курсами и на разной высоте, и сколько их участвовало в бомбардировке – понять было невозможно.

Огонь немецкой зенитной артиллерии, очень интенсивный вначале, особенно с военных кораблей, не имел никакого эффекта. Во всяком случае, в продолжение этой длительной, вымотавшей из фашистов всю душу бомбежки мы так и не увидели в черно-синем небе ни одного взорвавшегося или загоревшегося бомбардировщика.

Не выспавшись из-за ночного «концерта», приезжаю в бригаду на парткомиссию. От волнения спать совсем расхотелось. Наконец пригласили. Вот уж никогда бы не подумал, что так дотошно станут выспрашивать, кто такой Аракчеев. Интерес к истории и Пушкин помогли мне дать, по-видимому, исчерпывающий ответ. Принят был единогласно. На радостях вечером азартно сражаюсь на нашем стадионе в волейбол против морских артиллеристов.

Лишь только стемнело, наши самолеты снова «давали прикурить» фрицам на косе, и ночь мы опять провели в полусне, но это была, что ни говори, приятная бессонница.

10 апреля

Вечером наблюдали любопытное действо. На Хелю проследовали Ю-87 в сопровождении двух Ме-109. Зенитную батарею предупредили, чтобы она не обстреляла наших летунов на немецких машинах, которые должны были пройти к фашистам с целью разведки, а заодно и нанести неожиданный бомбовый удар по какому-то важному объекту на косе.

Действительно, точно в условленное время над стадионом с ревом пронесся на высоте около двухсот метров ненавистный «лаптежник», а сверху-сзади его прикрывала пара «Мессершмиттов», тонко звеня моторами. Самолеты, быстро уменьшаясь в размерах, устремились навстречу заходящему солнцу в даль бухты, набрали высоту, спокойно развернулись над хельским портом, сделали круг, как будто заходя на посадку (на косе у немцев аэродром), – никто по ним не стрелял. И вдруг все три машины, похожие издали на черные точки, круто нырнули вниз и пропали за горизонтом. А через некоторое время до нашего слуха донесся отдаленный взрыв, и в предвечернем, еще светлом небе над темною косою запоздало засверкали искорки разрывов зенитных снарядов, стали расплываться белые клочья дымков и потянулись вверх тонкие перекрещивающиеся ниточки пулеметных трасс.

Молча переживаем за наших орлов. Они возвратились! Назад самолеты прошли снова над самым стадионом, по строго отведенному им «коридору», и даже под тем же углом. Иначе возвращаться им было опасно: могли бы сбить соседние батареи.

Очень ловко двинули фашисту его же оружием. Его оружием в двойном смысле: и техникой, и приемом: не сменив опознавательных знаков, под видом своего подойти к противнику как можно ближе, чтобы затем ударить без помех наверняка да побольней. Это излюбленный прием гитлеровцев, особенно в первый год войны, когда много нашей техники, увы, попадало в их руки. Хватит, господа фашисты, отыздевались. А долг-то, как известно, всегда платежом красен. И вообще, как аукнется, так и откликнется.

14 апреля

Обходя втроем наши оборонительно – «курортные» рубежи, увидели с крутого склона одной из дюн, прикрывающих наш правый фланг, долину, похожую формой на треугольник, основанием которого служит линия морского берега. Долина постепенно сужается, сжимаемая с обеих сторон лесистыми склонами холмов. Самая вершина этого естественного

треугольника резко перечеркнута насыпью шоссе, соединяющего Гдыню с Цоппотом. Вся площадь прибрежной впадины, от спуска с шоссе до самой воды, загромождена всевозможной военной техникой, большей частью исправной, и изрыта щелями, окопами и окопчиками. Чего здесь только нет! Танки, самоходки различных типов, гусеничные тягачи; бронетранспортеры и автомашины – громадные дизельные грузовики, полные всякого имущества; фургоны разных назначений, в том числе штабные, с радиостанциями; изящные начальнические легковушки и неказистые малолитражки – «Фольксвагены»; тяжелые военные мотоциклы с колясками; полевые орудия разных систем и калибров; зенитки, которые все еще глядят разверстыми жерлами в чистую апрельскую просинь, сияющую между ослепительно-белыми облаками; походные кухни и сложенные в штабели или разбросанные в беспорядке ящики со снарядами и минами; минометы, стоящие на плитах или беспомощно лежащие на земле; целые россыпи патронов, втоптанных в землю, и цилиндрические металлические ребристые футляры противогазов; солдатские ранцы с крышкой из рыжей телячьей шкуры и офицерские чемоданы... Наверное, таких приятных для глаза пейзажей немало вдоль побережья от Гдыни до Данцига, где были прижаты нашим фронтом фашистские войска. Маршал Рокоссовский после взятия Цоппота (Сопота) предложил окруженным сдаться подобру-поздорову во избежание лишнего кровопролития, но немецкое командование даже не соизволило ответить тогда на ультиматум...

Побродив около часу среди этого труднопроходимого столпотворения, сторонясь неубранных немецких трупов и мертвых лошадей-тяжеловозов, не выпряженных из военных повозок, мы поворачиваем к своему расположению. Отсюда, снизу, особенно хорошо просматривается песчаный склон нашей дюны, которая изрыта и с этой стороны окопами, блиндажами и воронками разных диаметров. Многие из деревьев, покрывающих окрестные холмы, сильно повреждены снарядами и бомбами. Без верхушек, с иссеченными смертоносной сталью стволами, с натеками янтарной смолы, выступившей из ран на коре, иные полусгоревшие, они тянут свои изуродованные боем ветви-руки к небу. От заката кора сосен сделалась красной, и деревья напоминают истекающих кровью раненых. А легкий ветерок, набегая с моря, осторожно и нежно, словно медсестра, что бинтует солдата, касается их зеленых крон, кое-где порыжевших от огня. Сосны, еле слышно шелестя, жалуются...

– Ну, прямо медсанбат после неудачного наступления, – почти шепотом произнес всегда веселый Федя Радаев и задумчиво

умолк.

16 апреля

Весь полк собран по тревоге. Оставлены в окопах над берегом только наблюдающие за бухтой.

Нас построили фронтом к морю вдоль улицы, параллельной стадиону. Утро хмурое, слегка дождит. Стоим в шинелях, с горбами вещмешков, при оружии и ждем.

Штабные выносят столик прямо на мостовую, затем появляются начштаба, замполит, парторг с комсоргом и прочее полковое начальство. Командира нет: он тяжело болен.

Вот ПНШ-2, сопровождаемый автоматчиком, выносит из штабной машины туго набитый вещмешок, и подполковник Уткин с майором Каневским, заглядывая в длинную бумагу, раскладывают на столике прямоугольные коробочки. Вручение наград, второе в этом году.

Раздается команда к выносу Знамени. Замер строй гвардейцев. Лихо рубя по неровному булыжнику, четко проходит перед нами комендантский взвод с развевающимся впереди алым полотнищем. Привычное волнение овладевает мной.

Без долгих церемоний вручаются ордена и медали. Выкликается фамилия, несколько четких или тихих шагов награждаемого, сообщение начальника штаба о вручаемой награде и краткое воинское поздравление, неловкий или крутой поворот лицом к строю и – «Служу Советскому Союзу!». Иногда на вызов из рядов не выходил никто, а из строя отвечали: «Такой-то в госпитале!» или «Такой-то пал смертью храбрых в боях за нашу Советскую Родину!» Так отвечали мы вместо Феди Сидорова, Вити Братцева, Мити Салова, Гриши Перескокова и многих других наших боевых товарищей и славных воинов, настоящих гвардейцев.

Между тем вручение наград закончилось, было разрешено снять шинели и прикрепить награды. В рядах оживление, веселый шумок. Некоторые из ребят получили сразу по три коробочки. Сережа Федотов пожелал своею рукой привинтить мне на грудь две Отечественные войны 2-й степени, а самый первый орден – Красная Звезда – так и не догнал еще меня.

Ветром вдруг разорвало серую завесу в небе, проглянуло солнышко, рассыпав золотой веер веселых лучей, и весь строй засверкал, преображенный.

Шагнул вперед от столика Каневский, наш милый Гвардейский Конь, и, заметно волнуясь, неловко шевеля ужасно

толстыми губами, произнес поздравительную речь, которая мне почему-то показалась прощальной. Затем, прокашлявшись и поправив слегка вздрагивающей рукой усы, начштаба гвардии подполковник Уткин зачитал приказ об откомандировании таких-то и таких-то офицеров и сержантов за машинами.

Имея немалый опыт в формировках (как-никак, а эта уже пятая по счету, если даже «двойную», что была летом прошлого года, принять за одну), уныло размышляю: «Наверное, опять расшвыряют...» – и с грустью вглядываюсь в возбужденные лица «старых» боевых товарищей и друзей, сразу сделавшихся дороже и ближе тебе...

Торжественным маршем, без оркестра, протопали по булыжной мостовой – эхо гулко металось среди остовов зданий в узком ущелье улицы.

– На сборы – час. Р-разойдись!

Бежим, переговариваясь на ходу, до своего «мешканння» (жилья). Куда девать посылки, с таким трудом приготовленные для родных? Посовещавшись накоротке, решаем поручить доставку их до места нашего назначения многоопытному пожилому Дударенко и дошлому сержанту из его экипажа, москвичу Чернову. Иначе все пропадет. Разрешение на это выхлопотал в штабе комбат Федотов.

Направляясь из «дому» к месту сбора отъезжающих, захожу в палатку к артиллеристам – проститься. Лейтенант с приятным изумлением поглядел на два сияющих ордена и сердечно поздравил меня. Мы с сожалением посмотрели на шахматную доску и дружески распрощались. Он проводил меня до каменной лестницы и попросил поклониться России, если нас до нее довезут, за себя и за своего капитана: тот дежурил на НП в дюне.

Точно через час колонна грузовых машин с людьми двинулась на марш. Едем, как водится, с песнями и шутками. Кто-то – уже за Одером – готовится к штурму Берлина, а мы (впрочем, нашего желания никто не спрашивает) направляемся, по всей видимости, в глубокий тыл, на сей раз в свой собственный. К концу дня добираемся до какого-то батальона неизвестного назначения и ночуем там в одноэтажных деревянных домах, оборудованных двухэтажными нарами. Плоские лоснящиеся тюфяки кажутся перинами после двухнедельного спанья на полу. Воспользовавшись подвернувшимся случаем, обмениваю свой маленький «вальтер» на совсем игрушечный, длиною с ладонь, браунинг. Этот трофей будет памятью о Восточной Пруссии.

Пожалуй, для меня война кончилась...

7 мая

На этот раз переформировались быстро. На станции Кожевенная (город Богородицк) получили «новые» машины из капитального ремонта. Много недоделок. Мы не довольны.

И вот в пятый раз еду на фронт... Жить я решил в машине и на первой же остановке перебираюсь туда со всеми пожитками, то есть с шинелью и вещмешком. Привычный суровый «комфорт» и ставшие родными запахи газойля и масла настраивают на деловой лад, и можно пока без всяких помех вести свои записи и хоть всю ночь напролет мучиться над рифмами: плафон дает достаточно света.

9 мая

На каком-то разъезде, перед станцией Черусти, поднялась вдруг вблизи от железной дороги частая и беспорядочная стрельба. Переглядываемся, ничего не понимая. С чего бы это в глубоком тылу такая неистовая пальба посреди глухой ночи? Может быть, предположил кто-то из ребят, в какой-то части отрабатывается ночной бой? Однако ломать голову долго не стали: пора было на покой, да и стрельба вскоре утихла.

На станции Черусти отправляюсь спать в машину. Она на третьей платформе от паровоза. Стоим долго. С «удобствами» вытягиваюсь, плотно завернувшись в шинель, на своем сиденье с опущенной до отказа спинкой, слушаю сквозь дрему сонное посапывание локомотива, тонкое сипение пара. Вот состав осторожно тронулся с места, так что машина моя чуть заметно вздрогнула. Молодец машинист! Сперва медленно, затем часто и мерно стали выстукивать на стыках колеса: по-бе-ди-ли, по-бе-ди-ли. Плавно покачивается на быстром ходу платформа с бронированной громадиной.

Продрогнув, просыпаюсь. На циферблате танковых часов зеленовато светящиеся стрелки составили одну вертикальную линию. В приоткрытый люк наводчика врывается бодрящая утренняя прохлада. Высовываюсь наружу: перед глазами промелькнуло название станции. Перово. Это же почти Москва! Слева вдоль полотна по радостно зеленой, молодой траве вприпрыжку мчатся босиком четверо мальчишек (в такую рань – и без удочек!) и весело вопят что-то изо всей мочи. Слов понять невозможно, но сигналы, которые подают ребята руками, очень красноречивы: стой! Куда вы? А потом еще замахали кепчонками в обратном направлении: давай, мол, назад! Что такое?

Некоторое время спустя за высоким глухим забором, забранным поверху колючкой, тоже слева, трижды раздалось

громогласное торжествующее «ура!». Невидимые мне солдаты отвечают на поздравление. С чем?.. Неужели?! Вздрагивающей рукой закрываю люк на ключ и начинаю перебираться с платформы на платформу к нашей теплушке, надеясь там найти подтверждение своей догадке. Сердце то сжимается, то начинает колотиться от какого-то радостного предчувствия. Не успеваю немного доскакать до своих (хорошо, что прыгать приходится по ходу поезда), как эшелон наш замедляет движение и вскоре совсем останавливается. Все офицеры горохом сыплются из широко разинутой двери теплушки на перрон и окружают растерянно улыбающуюся железнодорожницу в красной фуражке. Она медленно переводит теплый взгляд повлажневших глаз с одного лица на другое, на которых написано одно немое ожидание, и губы ее начинают дрожать. Но вот она подобралась, поправила на правом виске прядь темных волос и глубоким голосом, прерывающимся от волнения, сказала-выдохнула:

– Так вы еще не... Ночью нынче, в два часа и одну минуту... Германия капитулировала... безоговорочно.

Безоговорочно?! А как же иначе!

Мы бросились наперебой обнимать начальника станции. Выражение лиц своих товарищей я плохо различал... Тут паровоз наш длинно засвистел, и мы неохотно полезли в вагон.

Настал на нашей улице большой праздник, и радостный, и горький – День Победы. Так долго все мы ждали этого часа, что даже не верится, что война закончена... «Радость прет», говоря по-маяковски, однако голод напоминает о себе, и на одной из станций Окружной дороги мы дружно побежали в продпункт завтракать. Отдав дань этой необходимой прозе, возвращаемся назад тоже бегом, но наш эшелон уже перегнали на Красную Пресню, и нам пришлось где ехать, где идти через всю Москву.

Город весь расцвечен флагами. Большинство встречных москвичей успели приодеться в самое лучшее, наверное, платье. Спешим, стесняясь своего вида и прикрываясь друг другом. На улицах и площадях царит небывалое оживление. Знакомые и вовсе не знакомые люди поздравляют друг друга, улыбаясь и плача, обнимаются и целуются все подряд, и всюду одни и те же речи: войне конец! Москвичи, обычно вечно спешащие, сегодня никуда не торопятся, а мы, выстроившись узким клином (так легче протискиваться сквозь праздничную толпу), преодолеваем очередную шумную и тесную от народа площадь. Станет чуть попросторней – опять ударяемся в бег, топая по гладкому асфальту кирзовыми сапожищами. Головным – Сережа Федотов, с Александром Невским, Отечественной войной и Красной Звездой на широкой груди. Что значит комбат: сообразил, что к чему.

Остальные – кто в чем, почти все в затрапезном. На мне – замасленный танкошлем, заячья трофейная душегрейка нараспашку, а шерстяная диагоналевая гимнастерка с регалиями – в машине. Вот перед нами какая-то широкая, на этот раз совсем пустая площадь. Рысим напрямик – по диагонали. Идущий через площадь троллейбус неожиданно подкатывает вплотную к нашей группе, чуть не оторвавшись от своих проводов-поводьев, двери его гостеприимно распахиваются, и водитель, выйдя из кабины, весело машет нам рукой, громко крича: «А ну, ребята, садись! Эх, прокачу!» Троллейбус совершенно пустой. С удобством раскидываемся на мягких сиденьях, давая отдых ногам, и через несколько минут оказываемся на Белорусском вокзале.

Поблагодарив улыбающегося водителя, человека с исхудалым, болезненным лицом, высаживаемся дружным десантом и сразу попадаем в окружение... Радостные улыбки и слезы на глазах. Сколько счастья на лицах людей! Как хорошо! Прямо на мостовой, перед входом в станцию метро, нарядные девчата пустились в пляс. У нас в полку тоже плясать любят и умеют, хотя и тренируются только от случая к случаю. В пестрой штатской толпе проплывают, гордо выпятив грудь, великолепные тыловики, с серьезным, нет, прямо-таки со стратегическим выражением на выскобленных до блеска лицах...

Страна родная! Как мы гордимся тобой, чудесным народом нашим! Как отрадно сознавать, что и наш труд – солдатский труд каждого из нас – не всегда заметный, тяжкий и грубый, часто страшный и жестокий (не мы виноваты в этом), но необходимый и по сути своей в высшей степени справедливый, что этот труд отдан великому общенародному делу – беспощадной борьбе с фашизмом.

Накоротке отплясавшись и расцеловавшись с девушками, торопимся дальше. А над Москвой (мне кажется, что и над всей землей) яркое, весело сияющее солнце.

По пути к станции нас раза два окликнули из распахнутых окон: «А ну, хлопцы, заходи! Гостями дорогими будете, не стесняйтесь! Выпить за Победу надо!»

И действительно, кто сегодня за это осудит? Однако, поблагодарив на ходу и помахав рукою, продолжаем свой форсированный марш, хотя спешить-то как будто уже незачем. Перед самою Красной Пресней последняя заминка: грузовик, украшенный красным флагом, стоит посреди улицы, а возле него сгрудились женщины в рабочих спецовках. Лукаво поглядывая на нас, они весело просят: «Танкисты, залезть помогли бы в кузов! Не на войну ведь торопитесь!» Никто из ребят, разумеется, отказываться не стал.

Марш-бросок через столицу, кипящую, словно роящийся улей, завершился успешно, даже часа два еще пришлось ждать отправки эшелона.

В 16.50 дальше, на запад, где все уже кончено, хотя кое-где еще пышут смертоносным огнем разрозненные очаги окруженных вражеских группировок, словно пасти издыхающего сказочного многоглавого змея, тело которого, рассеченное богатырским мечом, уже недвижно. В Шнайдемюле, по эту сторону Одера, в Чехословакии, где-то в горах, в Литве, прижатые Баграмяном к побережью, еще пытаются тянуть безнадежное сопротивление фашистские войска. Но при всей рьяности отдельных гитлеровских командиров существование этих котлов и котелков – дело нескольких дней, а то и часов. Если бы наш корпус даже не был бы выведен на формировку, все равно мы никуда уже не успеваем. А вот скоро ли доведется вернуться домой, в Россию, – кто знает?

Уже темнело, когда поезд наш затормозил в Можайске, залязгали стальные тарелки, шлепая друг о друга. Остановились перед входным светофором. Спрыгиваю со своей платформы, прохаживаюсь вдоль мирно дремлющих боевых машин, переговариваюсь с товарищами. Еще не успел я добраться до нашей теплушки («кают-компании»), как уже узнал о том, что несколько наших отстало, задержавшись в Москве. Эх и справят же Победу Вася, Нил и Лешка Панасенко! Завидую им, но утешаюсь мыслью, что я – дисциплинированный.

День в эшелоне прошел торжественно-радостно, исключительно трезво: братва поистратилась в долгой дороге от Гдыни за Волгу и обратно. И все сегодня при своих машинах. Однако мы дали себе клятву: при первом же удобном случае отпраздновать Победу не как-нибудь, не на ходу, а так, как она того заслуживает...

Уже майский вечер собирался сдавать свой пост ночи, идущей с востока. Она не спеша укрывала огромную усталую землю темно-синим плащом, густо усыпанным блестками звезд. Поднимаю крышку башенного люка, чтобы лезть спать, и вдруг небо в стороне Москвы ярко и широко озарилось, затем еще и еще. Что бы это значило? И наконец до меня доходит: Да это же салют! И так далеко видно его от Москвы! Да отсюда до нее больше сотни километров... Что же сейчас в центре столицы нашей творится?

Это салют Родины – салют славной Красной Армии и доблестному Красному Флоту и в первую очередь тем воинам, кто в сорок первом – сорок втором на кровавых и горьких путях отступления от западной границы и почти до стен Москвы, а

затем до берега Волги и хребтов Кавказа, истекая кровью и потом, бессчетно погибая в неравных схватках, упорно и самоотречение закладывал первые камни в фундамент будущей Победы. Да, «дело прочно, когда под ним струится кровь»... Это и отцу моему салют, старшему батальонному комиссару, безвестному партии рядовому, что сложил голову первой военной осенью в страшном Вяземском мешке, где-то в этом районе, между Вязьмой и Можайском. Окруженные армии наши дрались здесь насмерть и, по слухам, почти голыми руками, выигрывая драгоценнейшее время, необходимое для подтягивания и развертывания наших стратегических резервов, и фашистский «блицкриг» буксовал тогда в нашей и собственной крови... С того-то приблизительно места, откуда отцом был послан последний фронтовой треугольник, помеченный концом октября 1941 года, взволнованно наблюдаю за историческим салютом. Как хорошо, что он осветил недалекое дважды прославленное бранное поле, раскинувшееся передо мной!

Это салют и матерям да женам солдатским, многие из которых навсегда потеряли сыновей и мужей, но не потеряли высокой силы духа в годину тягчайших испытаний, что обрушились на нашу страну: смогли пережить и безмерное горе своих утрат, претерпеть холод и голод, подняв на свои женские плечи великую тяжесть военных забот в городе и на селе, выполняя непосильную, казалось бы, мужскую работу...

Это народу моему салют, героическому советскому народу, с честью отстоявшему свое право на жизнь и свободу и который, я верю, снова будет счастлив, несмотря ни на что...

Стоя во весь рост на башне, одолеваемый мыслями, которые обрушились на меня, подобно горному паводку, я опомнился лишь тогда, когда небо на востоке уже перестало светиться, а паровоз наш громко и весело загудел, предупреждая об отправке. Вздрогнули и тихо поплыли в темноту широкие башни с зачехленными орудийными стволами. На Запад... Ну что ж, если так нужно, мы готовы. А пока – нам отбой. И войне тоже. Будем надеяться, что навсегда. Это в наших интересах. И в наших силах.

Иллюстрации

1. Механик-водитель тяжелой самоходной установки ИСУ-152 гвардии техник-лейтенант Электрон Приклонский. 29 апреля 1945 г.

2. Тяжелая самоходно-артиллерийская установка СУ-152. Восточная Пруссия. Февраль 1945 г.

3. Тяжелая самоходно-артиллерийская установка ИСУ-152 во дворе Челябинского Кировского завода. Весна 1944 г.

4. Батарея ИСУ-152 в наступлении. Зима 1944 г.

5. В освобожденном Полоцке. Июль 1944 г.

6. Командир батареи ИСУ-152 гвардии старший лейтенант Сергей Федотов

7. Командир ИСУ-152 гвардии лейтенант Александр Ципляев

8. Механик-водитель гвардии младший техник-лейтенант Василий Бараненко

9. Стрелок-радист Петр Клименко

10. Командир СУ-152 гвардии лейтенант Павел Стаханов. Май 1944 г.

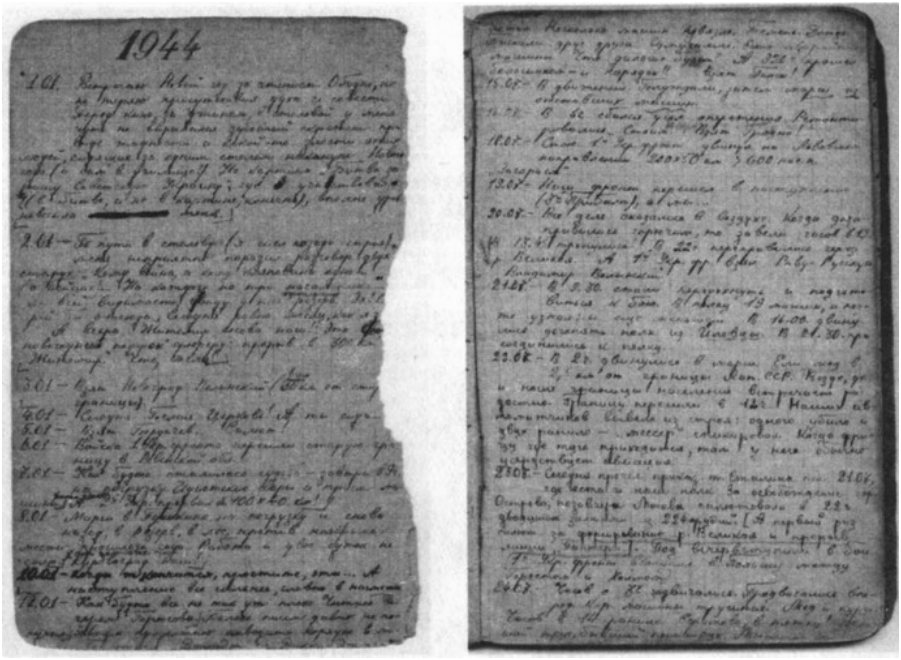
11. Механик-водитель гвардии техник-лейтенант Федор Сидоров. Май 1944 г

12. Командир СУ-152 гвардии младший лейтенант Николай Баландин. Май 1944 г.

13. Механик-водитель техник-лейтенант Нил Цибин. 1946 г

14. Славный экипаж машины боевой. В верхнем ряду слева направо: наводчик – гвардии старшина Иван Кузнецов, заряжающий – гвардии рядовой Ефим Орехов, замковый – гвардии рядовой Георгий Сехин. В нижнем ряду: командир машины гвардии младший лейтенант Николай Баландин, командир батареи ИСУ-152 гвардии старший лейтенант Сергей Федотов, механик-водитель гвардии техник-лейтенант Электрон Приклонский. Загорск Московской обл. 6 июня 1944 г.

15. Гвардейцы улыбаются! В день открытия второго фронта в лагере за Загорском. 6 июня 1944 г.



16. Тот самый дневник...

17. Мы победили! Москва, Киевский вокзал, 29 апреля 1945 г. Стоят (слева направо): Александр Ходосько, Сергей Федотов, Электрон Приклонский, Нил Цибин. Сидят: Василий Бараненко с сестрой Катей

18. Электрон Евгеньевич Приклонский